

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2025 – № 2 (41)**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2025

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii philological bulletin : научный журнал.
Ярославль : РИО ЯГПУ, 2025. № 2 (41). 271 с. ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-2-41. EDN ERYJHX
2025, № 2 (41). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **А. С. Бокарев**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Т. А. Александрова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и преподавания иностранных языков Университета Гренобль Альпы (Франция); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **В. А. Ефремов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена; **С. А. Засорин**, кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета; директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Лин Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолитинистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Се Чжоу**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Ф. Серебrenникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **Л. Н. Синельникова**, доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки и техники Украины, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий Луганского государственного педагогического университета; **Г. Г. Слышкин**, доктор филологических наук, профессор, директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, советник ректората по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухунн**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, г. Шанхай (КНР); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай**, доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германский язык, романские языки) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.1. Теория и история культуры, искусства (искусствоведение, культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:

150066, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Регистрационный номер средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2025

© Авторы статей, 2025

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. Yaroslavl : YSPU, 2025. № 2 (41). 271 pages.
ISSN 2499-9679. DOI 10.20323/2499-9679-2025-2-41. EDN ERYJHX
2025, № 2 (41). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalology, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **A. S. Bokarev**, doctor of philological sciences, associate professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **T. A. Alexandrova**, Candidate of Philological sciences, Associate Professor at the Department of Linguistics and Foreign languages teaching, Grenoble Alps University (France); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **V. A. Efremov**, doctor of philological sciences, professor, head of the russian language department of the A. I. Herzen Russian state pedagogical university; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova**, doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee; **A. D. Krivososov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chongqing (China); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **Xie Zhou**, doctor of philological sciences, professor, dean of the faculty of russian language at the Institute of foreign languages of Southwestern university, Chongqing (China); **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **L. N. Sinelnikova**, doctor of philological sciences, Honored worker of science and technology of Ukraine, professor of the department of russian linguistics and communication technologies of Lugansk state pedagogical university; **G. G. Slyshkin**, doctor of philological sciences, professor, director of the center for linguistics and professional communication of the Russian academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, rector's advisor for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Zheng Tiu**, doctor of philology, professor, director of the Institute of world literature, Shanghai university of foreign studies, Shanghai (China); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialties:

5.9.1 Russian literature and national literatures of the Russian Federation (philological sciences), 5.9.9 Media communications and journalism (philological sciences), 5.9.5. Russian language. National languages of Russia (philological sciences), 5.9.6 Languages of foreign countries (Germanic languages, Romance languages) (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.9.1 Theory and history of culture and the arts (art criticism, cultural studies)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office

150066, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Mass media registration number:

The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal

«Verhnevolzhski philological bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2025

© Authors of the articles, 2025

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

- Андреева В. Г.** Переписка Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева во время подготовки первого книжного издания «Войны и мира» _____ 8
- Николаев Н. И., Шахова В. Е.** Топос острова в «русской робинзонаде»: мифопоэтические и философские аспекты воплощения _____ 22
- Болнова Е. В.** Структура и содержание сборника В. Сосноры «Куда пошел? и где окно?» _____ 35
- Цымбалюк А. А.** Сакральное и профанное: семиотические аспекты имени Бога в романе В. О. Пелевина «Transhumanism Inc.» _____ 44
- Лю Гаочэнь** Интертекст как поэтическая стратегия С. Г. Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал» _____ 53

Медиакоммуникации и журналистика

- Валюлина Е. В.** Возможности формирования современной медиаобразовательной среды на основе модели МедиаHub _____ 66
- Цветков Ю. Л.** Алгоритм исследовательской модели жанра: репортаж и короткий рассказ Эрнеста Хемингуэя _____ 76

Русский язык

- Девятова Н. М.** Природные объекты и их отражение в языке: о траве и листве – синтаксический и когнитивный потенциал _____ 87
- Разумов Р. В.** Меморативы в честь участников и событий военных конфликтов в системах урбанонимов Российской Федерации _____ 95
- Чернявская Н. А.** Прагматический потенциал иронии как инструмента воздействия в современной коммуникации _____ 105
- Кулаковский М. Н.** Лексический повтор как средство связи вставных конструкций с основным содержанием высказывания _____ 114
- Шумкина И. В.** Лингвопрагматические особенности употребления песенных фраз В. Высоцкого в газетно-публицистической речи (на материале песни «Утренняя гимнастика») _____ 125
- Фирсова М. А.** Адъективная лексика как средство выражения вербальной агрессии _____ 138

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Маркасова Е. В. Описание переходного смягчения согласных в предисловии к грамматике А. В. Таппе _____	145
Кравченко М. А. Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы pro et contra _____	153
Дзюбенко А. И. Прагматика культурных коннотаций в формировании художественного вымысла детективного дискурса _____	162
Лукьянова В. С. Онтолингвистический взгляд на перевод юридической терминологии в детском художественном анимационном фильме _____	171
Закирова Е. В. Лингвопрагматические особенности женского речевого поведения в футбольном комментарии _____	180

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Дубинин С. И. Пропагандистский дискурс Третьего рейха и креолизация текстов нацистской прессы _____	188
Миронова Д. М. Этноязыковые характеристики фразеологии чавакано в истории и современности _____	200

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Солнцева А. В. Семантическая и структурная характеристика эпонимов во французском гастрономическом дискурсе _____	213
Барушкова С. Б., Соловьева С. И. Структурно-семантические особенности французских фразеологизмов со значением интеллектуальной деятельности _____	223
Баранов А. Р. Влияние игрового контента на формирование онлайн-идентичности: социолингвистический аспект _____	233

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Хренов Н. А. Проблематика рецепции в кинокритике периода оттепели: Н. М. Зоркая _____	241
Батыришин Р. И. Природно-ландшафтный культурный код народов Центральной Азии: единство и вариативность фольклора и традиций _____	251
Лэн Цзяжуй Лингвокультурный образ Москвы в восприятии китайской языковой личности (на материале сайтов ресторанов) _____	261

*«The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought...»*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

PHILOLOGY

Russian literature

- Andreeva V. G.** Correspondence between L. N. Tolstoy and P. I. Bartenev in the course of their work on «War and Peace» first edition _____ 9
- Nikolaev N. I., Shakhova V. E.** Topos of the island in «russian robinsonade»: mythopoetic and philosophical aspects _____ 22
- Bolnova E. V.** The structure and content of V. Sosnora's collection «Where did you go? Where is the window?» _____ 35
- Tsybalyuk A. A.** The sacred and the profane: semiotic aspects of the God's name in the novel «Transhumanism Inc.» by V. O. Pelevin _____ 44
- Liu Gaochen** Intertext as S. G. Stratanovsky's poetic strategy in the samizdat magazine «Obvodny kanal» («Bypass canal») _____ 53

Media communication and journalism

- Valiulina E. V.** Possibilities of developing a modern media-educational environment on the basis of the MediaHub model _____ 66
- Tsvetkov Yu. L.** The algorithm for studying genre models: Ernest Hemingway's reportage and short stories _____ 76

Russian language

- Devyatova N. M.** Natural objects and their reflection in language: about grass and leaves – syntactic and cognitive potential _____ 87
- Razumov R. V.** Commemoratives in honor of military conflict participants and events in the systems of the Russian Federation urbanonyms _____ 95
- Chernyavskaya N. A.** Pragmatic potential of irony as an impact tool in modern communication _____ 105
- Kulakovskiy M. N.** Lexical repetition as a means of linking parentheses with the main content of an utterance _____ 114
- Shumkina I. V.** Linguopragmatic features of using V. Vysotsky's song phrases in newspaper journalism (the case of the song «Morning exercises») _____ 125
- Firsova M. A.** Adjective vocabulary as a means of expressing verbal aggression _____ 138

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Markasova E. V. Describing transitive softening of consonants in the preface to A. V. Tappe's grammar _____	145
Kravchenko M. A. Metatext as a modus category: arguments pro et contra _____	153
Dzyubenko A. I. Pragmatics of cultural connotations in detective fiction discourse _____	162
Lukyanova V. S. Ontolinguistic view on translating legal terminology in children's feature animated film _____	171
Zakirova E. V. Linguopragmatic characteristics of female speech behaviour in football commentary _	180

Languages of foreign countries (germanic languages)

Dubin S. I. Propagandistic discourse of the Third reich and the creolized texts in the nazi press ____	188
Mironova D. M. Ethno-linguistic characteristics of chavacano phraseology in history and today ____	200

Languages of foreign countries (romance languages)

Solntseva A. V. Semantic and structural characteristics of eponyms in french gastronomic discourse __	213
Barushkova S. B., Solovieva S. I. Structural and semantic features of french phraseological units referring to intellectual activity _____	223
Baranov A. R. The influence of game content on forming online identity: sociolinguistic aspect ____	233

**THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS
(CULTUROLOGY, ART HISTORY)**

Khrenov N. A. Reception problematics in film criticism of the thaw period: N. M. Zorkaya _____	242
Batyrshin R. I. Natural landscape cultural code of Central Asian peoples: unity and variation of folklore and traditions _____	251
Leng Jiazhui Linguocultural image of Moscow in the perception of chinese linguistic personality (the case of restaurant websites) _____	261

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература

Научная статья

УДК 821.161.09«19»

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-8

EDN: CLSUXX

Переписка Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева во время подготовки первого книжного издания «Войны и мира»

Валерия Геннадьевна Андреева

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук. 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а

lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Аннотация. Статья посвящена взаимоотношениям и переписке Толстого и Бартенева в 1860-е гг., особенно подробно рассматривается корреспонденция 1867–1869 гг. – времени работы писателя и редактора над отдельным изданием романа-эпопеи. Целью статьи является последовательный анализ переписки, выявление ее основных тем и проблем, обозначение главных векторов взаимодействия Толстого и Бартенева. Научная новизна статьи заключается в осмыслении роли переписки в деятельности обоих корреспондентов, в анализе впервые вводимых в научный оборот отдельных писем Бартенева, которые до этого времени не были опубликованы и цитируются в статье по материалам архива Государственного музея Л. Н. Толстого. Отмечается выбор Толстым издательства и редактора, описываются этапы работы над «Войной и миром». Констатируются плюсы и сложные моменты в творческом и личностном общении корреспондентов, которые отразились в письмах. Показано, что Толстой максимально критически подходил к замечаниям редактора, проверял их и сразу же отвергал, если не считал уместными. И, напротив, безоговорочно и с благодарностью принимал, если видел в правках справедливость. Работа Бартенева с текстом Толстого носила разнообразный характер: технический, творческий, фактографический, посреднический, Бартенев взаимодействовал с типографией и выступал своеобразным дешифровщиком правок и знаков Толстого. При глубоком уважении Толстого и Бартенева друг к другу между ними сложились непростые отношения для сотрудничества с точки зрения психологии. Толстой и Бартенев считали себя находящимися примерно на одной степени интеллектуального развития людьми и были в отношениях своеобразного соперничества, которое в том числе оказывалось связано с пониманием писателем и редактором истории, ее уроков. В статье обращается внимание на значимые лексемы, употреблявшиеся корреспондентами, на структуру писем, которая также является содержательной. Автор работы анализирует некоторые важные детали и концептуальные моменты, относящиеся к тексту романа-эпопеи, которые затронуты в переписке Толстого и Бартенева.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; П. И. Бартенев; переписка; «Война и мир»; редактор; корректуры; исправления; историческая основа; творческий диалог

Для цитирования: Андреева В. Г. Переписка Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева во время подготовки первого книжного издания «Войны и мира» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 8–21. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-8>. <https://elibrary.ru/CLSUXX>

PHILOLOGY

Russian literature

Original article

Correspondence between L. N. Tolstoy and P. I. Bartenev in the course of their work on «War and Peace» first edition

Valeria G. Andreeva

Doctor of philological sciences, leading researcher, A. M. Gorky Institute of world literature, Russian academy of sciences. 121069, Moscow, Povarskaya st., 25a
lanfra87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

Abstract. The article examines the relationship and correspondence between Tolstoy and Bartenev in the 1860s, with a particular focus on the correspondence in 1867–1869, the period when the writer and the editor were working on a first edition of the epic novel. The article aims to provide a consistent analysis of the correspondence, identify its main topics and problems, and outline the main vectors of interaction between Tolstoy and Bartenev. The scientific article presents a novel point of view on the role of letter writing in both correspondents' activities and is the first to analyze certain Bartenev's letters, which have not been published up to now, and are cited in the article for the first time based on the Leo Tolstoy State Museum's archives. The author notes Tolstoy's choice of the publishing house and the editor, describes the stages of working on «War and Peace», and states the pluses and challenges in creative and personal communication between the correspondents, reflected in the letters. It is shown that Tolstoy was extremely critical of the editor's remarks, verified them and rejected them right away if he did not consider them appropriate. On the other hand, he accepted the edits unconditionally and gratefully if he saw any sense in them. Bartenev's work with Tolstoy's text was of a diverse nature: technical, creative, factual, and intermediary; Bartenev interacted with the printing house and acted as a kind of a decipherer for Tolstoy's corrections and signs. While Tolstoy and Bartenev deeply respected each other, the relationship between them was not easy for them to cooperate in terms of psychology. Tolstoy and Bartenev considered themselves to be of approximately the same intellectual development and were in a relationship of certain rivalry, which, among other things, was connected with the writer's and the editor's understanding of history and its lessons. The article draws attention to the significant lexemes used by the correspondents, to the structure of their letters, which is also meaningful. The author of the article analyzes some important details and conceptual aspects related to the text of the epic novel, which are discussed in the correspondence between Tolstoy and Bartenev.

Key words: L. N. Tolstoy; P. I. Bartenev; correspondence; «War and Peace»; editor; proofreading; corrections; historical basis; creative dialogue

For citation: Andreeva V. G. Correspondence between L. N. Tolstoy and P. I. Bartenev in the course of their work on «War and Peace» first edition. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(2):8–21. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-8>. <https://elibrary.ru/CLSUXX>

Введение. Место и значение переписки Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева в корреспонденции писателя

В истории переписки Л. Н. Толстого корреспонденции с П. И. Бартевым отведен четко определенный по времени период. Такая ситуация связана с высокой занятостью обоих корреспондентов и характером переписки, развернувшейся на этапе подготовки Толстым отдельного издания «Войны и мира», редактором которого и стал Бартев.

Целью данной работы является последовательный анализ переписки корреспондентов, выявление ее основных тем и проблем, мы стремимся обозначить главные векторы взаимодей-

ствия корреспондентов. Научная новизна статьи заключается в осмыслении роли переписки в жизни и деятельности обоих корреспондентов, в анализе впервые вводимых в научный оборот отдельных писем Бартенева, которые до этого времени не были опубликованы.

В литературоведении истории взаимоотношений Толстого и Бартенева не уделялось должного внимания. Главной работой, содержащей сведения о переписке корреспондентов, является статья Э. Е. Зайденшур «История писания и печатания „Войны и мира“». Однако она была создана давно, переписка Толстого и Бартенева в ней рассмотрена косвенно, в проекции главной темы работы – творческой истории романа-эпопеи. Поэтому данное исследование, содер-

жащее публикацию впервые вводимых в научный оборот отрывков писем, представление истории и характера взаимодействия Толстого и Бартенева, видится нам перспективным.

Петр Иванович Бартенев (1829–1912) – историк, филолог, переводчик, библиограф, один из основателей пушкиноведения, составитель и издатель первого исторического журнала «Русский архив» (1863–1917). Бартенев занимался редактированием журналов «Москвитянин» (в 1853 г.), «Русская беседа» (в 1857 г.), сотрудничал с журналом «Библиографические записки». С 1853 по 1858 гг. Бартенев служил в московском Главном архиве Министерства иностранных дел. В 1858–1859 гг. жил за границей, где встречался с Герценом. С 1859 по 1873 гг. заведовал Чертковской библиотекой. При увлеченности Бартенева русской историей большое значение для его мировоззрения имела работа в Министерстве иностранных дел и зарубежные командировки, которые расширили кругозор историка, позволили ему оценить преимущества европейской жизни, свободной мысли, не ограниченной рамками монархического режима: «После зарубежной поездки Бартенев уже не был приверженцем славянофильского течения, т. к. понимал, что для развития России следует изучать и все западные общественные процессы» [Фадичева, 2017, с. 72]. Т. Н. Двуреченская точно отметила, что «Бартенева можно считать достаточно свободным человеком в своих отношениях с выдающимися современниками. Он общался с ними, даже если не разделял их убеждений. В ЦГАЛИ хранятся письма к нему более чем двух тысяч корреспондентов: государственных и общественно-политических деятелей, литераторов, журналистов, всех, заинтересованных в обнаружении историко-литературных материалов» [Двуреченская, 2016, с. 9]. Однако на фоне других посланий рассматриваемая нами переписка особенно значима. Время работы Толстого над отдельным изданием «Войны и мира» было сложным периодом. Без анализа осмысливаемой в данной статье переписки не может быть полностью и во всех деталях понят творческий процесс Толстого и движение его мысли, а также некоторые проблемы, возникавшие между писателем и редактором.

Знакомство Л. Н. Толстого и П. И. Бартенева. Первый этап общения и начало работы над изданием «Войны и мира»

Толстой и Бартенев познакомились в начале 1863 г. в Москве. Н. Н. Гусев отмечает: «Из писателей, кроме И. С. Аксакова, Толстой виделся с Фетом. 1 января он ужинал у Погодина, где был также П. И. Бартенев» [Гусев, 1957, с. 593–594]. Вся переписка относится к 1867–1869 гг., также имеется одно письмо Толстого к Бартеневу от 7 декабря 1864 г., в котором просьбы Толстого к историку связаны с материалами, необходимыми писателю для работы над «Войной и миром» (прежде всего, речь идет о письмах Ф. П. Уварова). Второе из сохранившихся посланий Толстого Бартеневу (от 31 марта 1867 г.) примечательно тем, что раскрывает творческую природу мышления писателя. По словопотреблению Толстого, особенно фразе «которое давно у меня валяется», видно, что к этому времени писатель уже достаточно свободно общался с Бартеневым. Следующая фраза Толстого в письме раскрывает просьбу, которая была в не дошедшем до нас послании Бартенева – о написании статьи для журнала «Русский архив». Действительно, Толстой пообещал написать статью, не обозначив сроков, но объяснив свою текущую серьезную занятость: «Статью для Архива я непременно напишу, но не теперь. *Теперь я ничего не могу делать, кроме окончания моего романа*» (курсив автора статьи) [Толстой, 1928–1958, т. 61, с. 166]. Однако сказав Бартеневу правду, Толстой несколько преувеличил, о чем сообщают последующие строки его письма. Толстой далее попросил Бартенева о высылке материалов журнала «Русский архив» об истории, времени и фигуре императора Павла: «Но то, что есть в Архиве, привело меня в восторг. *Я нашел своего исторического героя*. И ежели бы Бог дал жизни, досуга и сил, я бы попробовал написать его историю» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 166]. Интенсивная работа над завершением «Войны и мира» не давала Толстому покоя и не оставляла времени для отдыха. Толстой был предельно честен с Бартеневым – свободного времени у писателя для создания статьи не было. Однако «ничего» из письма Толстого Бартеневу не включало мыслительного процесса классика по поводу новых замыслов и героев: от одной исторической эпохи (Александра I) мысли писателя постепенно перешли к другому времени, к другому «историческому герою». Полет творческой фантазии Толстого не был ограни-

чен, и в условиях напряженного труда он нередко проявлялся не менее ярко, чем в свободное время.

Активная переписка между писателем и редактором-издателем началась со второй половины 1867 г., в связи с подготовкой к печати первого книжного издания «Войны и мира». Исследователи творческой истории романа-эпопеи уже не раз отмечали, что Толстой еще в 1866 г. планировал осуществить отдельное книжное издание произведения, но замысел этот не был реализован [Зайденшнур, 1955, с. 99]. Сейчас толстоведы пишут о трех различных изданиях «Войны и мира» и подчеркивают, что издание романа 1869 г., подготавливаемое Толстым в 1867–1869 гг. при редакторском участии Бартенева, является основным завершенным, по мнению автора: «Л. Н. Толстой считал, что сочинение было завершено в 1869 году: на шмуцтитуле всех последующих изданий (кроме 3-го – 1873 г.) были обозначены годы писания 1864–1869 гг.» [Юрова, 2019, с. 223].

Летом 1867 г. Толстой вел переговоры в Москве с различными издателями и корректорами, но остановился на типографии Ф. Ф. Риса. А Бартенев взялся помогать писателю в работе с типографией, решением организационных вопросов, чтением корректур, наблюдением за набором произведения. Бартенев обязался следить за точностью расшифровки толстовских текстов, он взял на себя и функции консультанта Толстого в плане уточнения в романе исторических моментов, событий и лиц. Писатель прислушивался к мнению Бартенева и доверял ему, но всегда четко и внимательно перепроверял предложенные варианты, соглашался с верными, но нередко оставлял свои в случае наличия у него другого мнения.

Письма Толстого сохранились гораздо лучше, писем Бартенева дошло до нас лишь несколько штук. За 1867 г. известно 21 письмо корреспондентов, из которых 18 принадлежат Толстому и всего 3 письма – Бартеневу. За 1868 г. сохранилось 13 писем, из которых 12 принадлежат Толстому и всего 1 письмо – Бартеневу. За 1869 г. нам известны сейчас всего 5 писем Толстого. Письма Бартенева фактически не публиковались (приводились в разных изданиях отрывки из них), письмо Бартенева Толстому от 17 сентября 1867 г. совсем не было опубликовано – в данной статье мы используем архивные материалы Государственного музея Л. Н. Толстого.

При заключении договора с типографией Толстой оставил в Москве для печати готовую и уже переработанную им первую часть произведения. Увлеченный работой, Толстой ожидал от типографии достаточно быстрого начала работы, но проблемы на первом этапе взаимодействия были связаны с отсутствием в Москве Бартенева и Риса и незнанием сотрудников типографии о сроках. Пересылка материалов не была отработана, у Толстого не оказалось даже адреса типографии. В письмах от 30 июня и 7–8 августа 1867 г. Толстой повторяет Бартеневу одну и ту же просьбу – поторопить типографию, причем писатель в обоих случаях использует одну и ту же лексику: «Получите от него расписку и *погоните* его печатанием и присылкой мне адресов и корректур» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 173]; «Пожалуйста, *погоняйте* их» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 174].

В первых письмах Бартеневу Толстой сообщает некоторые важные графические знаки, которые им постоянно использовались (например, о черточках без № главы, на которые в типографии должны были обратить внимание). Порой в письмах появляются важные детали, указания на современников. Так, в послании от 10 августа 1867 г. Толстой попросил Бартенева один экземпляр отпечатанных листов нового издания отправлять Елене Сергеевне Горчаковой (Е. С. Горчакова была на четыре года старше Толстого, она много времени занималась педагогикой, преподавательской работой, с 1865 г. работала надзирательницей в 3-й московской женской гимназии). Толстой был высокого мнения о своей троюродной сестре, скорее всего, писателю важен был не только мужской, но и женский внимательный взгляд на роман со стороны. Толстой видел в Е. С. Горчаковой одну из чутких читательниц, какой в пору написания им «Анны Карениной» стала А. Ф. Тютчева. В этом же послании Толстой отметил, что много сокращает корректуры, причем писатель представил сокращения как необходимую данность, отметив, что сочинение от них «выигрывает во всех отношениях».

Диалог и полемика с редактором в ходе напряженной работы Л. Н. Толстого над корректурами романа-эпопеи

Если в начале переписки Толстой просил Бартенева поторопливать типографию, то по мере течения времени писатель стал немного задерживать корректуры. Основная проблема заклю-

чалась в том, что Толстой многократно перерабатывал свой текст, вновь и вновь внося правки уже в отпечатанные корректуры, а не в рукопись. Негодование Бартенева было связано с количеством исправлений: «Вы Бог знает что делаете. Эдак мы никогда не кончим поправок и печатания» (письмо от 12 августа 1867 г.) [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-1]. Для обозначения многочисленных корректур Толстого Бартенев использует лексему «перемарывание», более того, он отрицает необходимость этой серьезной работы и ставит ее в прямую зависимость от денежных средств: «Сошлюсь на кого хотите, большая половина Вашего перемарывания вовсе не нужна; а между тем от него цена типографская страшно возрастает» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-1].

Бартенев писал о длительности и утомительности процесса правки, а более всего – об удорожании корректур. Чтобы удержать Толстого, Бартенев сообщал в письме, что велел написать в типографии счет за корректуры. Наконец, Бартенев предложил Толстому выгодный вариант работы: «Вы убедитесь, что Вам выгоднее нанять самого лучшего министерского переписчика и прислать ко мне уже совсем готовую рукопись, чем приплачивать по несколько рублей за каждый лист» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-1]. Данное письмо показывает различие между писателем и редактором-издателем. Первый не задумывался о счетах, поскольку был погружен в творческий процесс и считал несопоставимыми платы за корректуры с теми усилиями, которые тратятся на создание шедевра. Второй был озабочен четким соотношением времени, средств, количества листов, прилагаемых людьми технических, а не творческих усилий.

Эту же тему бесконечной правки текста Бартенев продолжает и в письме от следующего дня, 13 августа 1867 г. Однако письмо это построено иначе. Оно начинается с похвалы Толстому, а вот завершается своеобразным укором в обилии правок. Высокая оценка конкретной сцены романа представлена в начале письма: «Объяснение Безухого с женою и вся глава в Лысых Горах хороши до того, что будут жить вечно: еще лучшего места я не читал во всем романе» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Однако настораживает косвенное сравнение указанной редактором сцены со всем предшествующим текстом: если лучшего места еще не было в романе, то получается, что предшествующие эпизоды не так ярки и колоритны. И манера похвалы Бартенева реали-

зована в свете установившегося приятельского соперничества и разницы во взглядах. Бартенев напоминает Толстому: «Только не забыли ли Вы про Бурьенку: князь только хотел прогнать ее, а не сказано, что прогнал» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Далее Бартенев достаточно жестко проговаривает сроки завершения первых двух частей романа: «Необходимо, чтобы в сентябре были готовы две части» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Нумеруя список вопросов и пожеланий, Бартенев спрашивал Толстого о «Записках севастопольца» – книге Н. С. Милошевича «Из записок Севастополя: с приложением плана обороны и осады Севастополя», напоминал о письме императора Павла I, которое Толстой обещал прислать, сообщал об отправлении Толстому корректур книги А. Я. Булгакова «Воспоминания о 1812 г. и вечерних беседах у графа Ф. В. Ростопчина», которая к этому времени еще не была издана, но была необходима Толстому для работы над «Войной и миром».

В финале письма Бартенев называет толстовские постоянные коррективы одним емким и достаточно колоритным глаголом «колупать»: «Ради Бога, перестаньте колупать» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Причем за этой эмоциональной просьбой-призывом вновь следует, как разумный резон, упоминание о тратах: «С Катковым было можно это делать и ему можно: у него своя типография. Но спросите, сколько и он переплачивает денег за такие роскоши» [Бартенев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-2]. Указывая на Каткова и его типографию, редактор напоминал писателю, что его выбор был сделан не в пользу типографии Каткова, а в пользу типографии Риса. При этом Бартенев подытоживает, что при всех исключительных условиях даже Катков вынужден много тратиться (Толстому такая роскошь, как следует из обоих писем Бартенева, была непозволительна).

И Толстой, и Бартенев отличались достаточным упорством, настойчивостью. На указанные выпады и замечания Бартенева Толстой ответил очень кратко и уверенно в начале письма от 16...18 августа 1867 г.: «Не *марать* так, как я *мараю*, я не могу и твердо знаю, что *маранье* это идет в великую пользу. И не боюсь потому счетов типографии, которые, надеюсь, не будут уж очень придиричивы. То именно, что вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз 5 *перемарано*» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 176]. Толстой использует яр-

кий и характерный глагол «марать», отглагольное существительное «марание», повторяя в трех предложениях четыре однокоренных слова. Это был *ответ писателя* на обидную лексему Бартенева «колупать», иллюстрирующий непонимание Бартеневым основ работы Толстого. Беглое и несколько скептическое упоминание писателем счетов из типографии иллюстрирует ту незначительность, которую он придает финансовому вопросу в сравнении с творческим. Отдельного внимания в процитированном отрывке заслуживает словосочетание «великая польза». Оно показывает глубокую уверенность писателя в силе и важности отточенного художественного слова.

Мы не располагаем большим количеством писем Барте́нева, но судя по дошедшему до нас письму от 17 сентября 1867 г., можем утверждать, что тон и манера писем историка к Толстому были выдержаны в едином стиле. Письмо начинается с очередного сетования Барте́нева на «маранье» Толстого. Но теперь редактор избегает резких слов, даже готов пенять на свое приставание к Толстому, только бы последний перестал перемарывать уже готовые набранные полосы: «Думаю, любезный граф, что в моем приставании всё об одном и том же Вы видите не одно соблюдение издержек печатания, кои, по нашему уговору, и для меня невыгодны. Но Вы знаете, что книги у нас продаются только с октября по февраль, а до февраля мы никак не напечатаем, коль скоро дело пойдет так же, как теперь» [Барте́нев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-3].

Барте́нев повторяет Толстому свое предложение о переписывании рукописей, причем он убеждает писателя в том, что внесение правок в рукописный текст может быть не менее удобным, Барте́нев готов содействовать в заказе переписки на таких же полосах, на каких бывает наборный текст. По всей видимости, Барте́нев не оставлял надежды, что у него получится еще переубедить Толстого — впереди им обоим предстояла еще большая работа с текстом «Войны и мира».

Следующий абзац письма Барте́нева посвящен Поздееву, точнее, его образу в романе-эпопее. Барте́нев имеет в виду второстепенного героя «Войны и мира», Осипа Алексеевича Баздеева, но называет его по имени прототипа — Поздеев. О. А. Поздеев (1742–1820) был помещиком, писателем, мистиком. Как отмечает А. Н. Долгих, Поздеев претендовал даже на роль одного из идеологов масонского движения: «Уже в 1780-е гг. Поздеев считался духовным лидером

масонов наряду с Н. И. Новиковым и И. Г. Шварцем» [Долгих, 2015, с. 55]. Барте́нев, интересовавшийся историей масонства, не мог равнодушно воспринимать образ Поздеева, он желал добавить этому персонажу яркости и колорита за счет деталей: «Первые три главы 2-й ч<асти> 2-го тома очень любопытны. Только мне кажется, Поздеев должен был кушать чай с большим комфортом и аппетитом; у него должны были быть какие-нибудь особенные сухарики. Все масоны непременно сластолюбцы. Самое их учение есть желание положить к себе благодать в карман, так сказать, пощупать божество руками. Оттого они заходили к Богу с заднего крыльца» [Барте́нев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-3].

Рассуждая о Поздееве во время чаепития, Барте́нев имеет в виду эпизод первой встречи Пьера с Баздеевым, когда ожидающий подачи лошадей Пьер встречает старика-масона и его слугу. В начале эпизода общения Пьера и Баздеева, еще до их разговора, Пьер видит процесс чаепития: «Поворотливый старичок-слуга разбирал погребец, приготавливал чайный стол и принес кипящий самовар. Когда всё было готово, проезжающий открыл глаза, придвинулся к столу и, налив себе один стакан чаю, налил другой безбродому старичку и подал ему» [Толстой 1928–1958, т. 10, с. 67].

Барте́нев в данном случае придумал своеобразную подробность («какие-нибудь особенные сухарики»), посоветовал Толстому использовать ее для создания целостного образа героя. «Сухарики» были выбраны Барте́невым очень удачно в плане метафорической иллюстрации свободы масонов. При появлении «сухариков» чаепитие приобретало несколько иной оттенок — удовольствия, изысканности. Н. Н. Мисюров отметил, что «русские масоны надеялись обрести такую веру, которая одновременно противостояла бы церковной ортодоксии и при этом помогала бы бороться против распространения кощунственных идей» [Мисюров, 2014, с. 39].

Кроме того, предложение такой подробности Толстому говорит о внимании Барте́нева не только к важным фактам и событиям, ключевым в истории переломным моментам, но и к мелочам. И тут необходимо признать, что и для Толстого, и для Барте́нева была характерна особенная работа по поиску пропорции между «мелочностью» и «генерализацией», умением сочетать их. «Далеко не сразу Толстой овладел умением „запечатления словом художественной подробности“». Совсем не случайно в дневнике появля-

лись рассуждения о „генерализации” и „мелочности”», – писала Н. И. Бурнашева, цитируя далее запись в дневнике Толстого от 4 июня 1852 г. «Я увлекался сначала в генерализацию, потом в мелочность, теперь, ежели не нашел середины, по крайней мере понимаю ее необходимость и желаю найти ее» [Бурнашева, 2016, с. 128]. Собственно ту же ценную пропорцию между деталями и ключевыми событиями и образами людей успешно реализовывал Бартенев. М. В. Черномырдин отметил, «для П. И. Бартенева как мемуариста характерен интерес к каждому человеку, независимо от того, оставил ли он свой след в „большой истории”. Верный одному из своих главных увлечений всей жизни – генеалогии, он скрупулезно выписывает родственные и семейственные отношения и связи каждого своего героя. Не меньшее значение имеет для него деталь, частная, на первый взгляд не имеющая никакого значения, но верно характеризующая того или иного человека» [Черномырдин, 2007, с. 149–150]. Внимание Толстого к деталям и его прекрасная память к подробностям очень примечательны. Не используя предложенный Бартевым образ сухариков в связи с переработкой текста, Толстой реализовал его в сцене разбрасывания бисквитов государем Александром I [Андреева, 2022, с. 274].

Приведем и поясним еще одно предложение из письма Бартева: «То, что Пьер забыл одни добродетели, перечитывая их после риторы – истинная прелесть» [Бартев. ОР ГМТ. Ф. 1. № 135/14-3]. Бартев имеет в виду эпизод, в котором Пьера посвящают в масоны, а ритор перечисляет семь добродетелей, соответствующих семи ступеням храма Соломона. После ритор удаляется, оставляя Пьера размышлять в одиночестве: «Но остальные пять добродетелей, которые перебирая по пальцам вспомнил Пьер, он чувствовал в душе своей: и мужество, и щедрость, и добронравие, и любовь к человечеству, и в особенности повиновение, которое даже не представлялось ему добродетелью, а счастьем. ... Седьмую добродетель Пьер Забыл и никак не мог вспомнить ее» [Толстой 1928–1958, т. 10, с. 78]. Бартев справедливо называет упущение, то есть забывчивость Пьера «истинной прелестью», поскольку Пьер забывает о соблюдении тайны ордена и любви к смерти – двум очень не характерным для него «добродетелям». Забвение их делает Пьера живым, страдающим и грешным человеком, Толстой показывает читателю, что один из главных героев романа точно не вписы-

вается в узкие рамки масонства, составляющего по сути дела, условное объединение, пронизанное идеей жесткого руководства человеком и его подчинения.

Некоторые замечания Толстого в письмах осени 1867 г. позволяют понять, над какими эпизодами романа велась особенно интенсивная работа, причем писатель был обеспокоен тем, будут ли правильно поняты его исправления: «Особенно измараны – прием в масонство и французское письмо Билибина. Пожалуйста, посмотрите их в гранках, и ежели неясно, то пришлите мне еще раз (ежели я не буду в Москве)» (письмо от 19...20 сентября 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 177]. Кроме того, Толстой несколько раз в письмах к Бартеву повторил, что видит «узел» всего романа именно в его третьем томе, точнее, в конце третьего тома: «Я говорю, наконец, потому что конец 3-го тома было самое трудное место и узел всего романа» (курсив автора статьи) (письмо от 1 ноября 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 180]; «Эти все гранки самое важное место романа – узел. Ради бога, просмотрите повнимательнее и при малейшем сомнении пришлите мне другой раз» (курсив автора статьи) (письмо от 26 ноября 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 184]. Толстой писал, что «измучился» за последними корректурами третьего тома. И к концу работы над ними открыто признавался Бартеву, что материал в правках представлен порою в трудночитаемой форме.

Письма Толстого Бартеву от октября и ноября 1867 г. позволяют представить один из самых напряженных этапов работы писателя над отдельным изданием «Войны и мира», более того, и сам Толстой и члены его семьи в это время переживали сложности со здоровьем. Так, в письме от 9 октября 1867 г. Толстой писал о болезни дочери и выкидыше у жены, вследствие чего работа над текстом романа была на время прервана. А в 20-х числах января 1869 г. все дети Толстых один за другим заболели скарлатиной, и писатель вынужден был помогать супруге.

В письме Толстого от 14 ноября 1867 г. встречается примечательное замечание писателя о месте в тексте романа, которое могло быть опасно с точки зрения цензурных соображений. Толстой дает первоначальный вариант и более сглаженный для замены: «В одном месте рассуждений Пьера о лжи он говорит: *Императоры спорят о том, кто предложит Наполеону свою дочь в незаконные жены*. Ежели это опасно, то

замените: Император Австрийский считает себя счастливым, что успел прежде других предложить свою дочь в незаконную жену» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 182]. Обратим внимание, что во втором варианте решительно меняется акцент. Если в первом случае речь шла об императорах (российские императоры не исключались из этого перечня), то во втором случае Толстой делает акцент на австрийском императоре. Очень интересно, что в итоговой редакции произведения это место оказалось исключено, однако сходная мысль представлена в эпилоге: «Один перед другим они стремятся показать ему свое ничтожество. *Король прусский* посылает свою жену заискивать милости великого человека; *император Австрии* считает за милость то, что человек этот принимает в свое ложе дочь Кесарей; *папа, блюститель святыни народов*, служит своею религией возвышению великого человека» [Толстой 1928–1958, т. 12, с. 243]. Толстой, разумеется, не упоминает конкретно Александра I или кого-либо из других российских императоров, однако представленные в окончательном тексте романа примеры аморального поведения первых лиц нескольких государств, как дает понять читателю автор, могут быть продолжены. Доверяя разуму и интуиции Бартечева, писатель просил его вымарывать из романа все места, которые могут быть опасны в плане цензуры: «В IV т. говорится много о государе и великом князе. Есть там место о том, как Наполеон говорит Балашеву: „Бенигсен должен бы возбуждать в императоре Александре ужасные воспоминания“. Это и тому подобные места вымарывайте, ежели вы найдете их опасными в цензурном отношении. Даю вам *carte blanche* вымарывать всё, что покажется опасным. Вы лучше меня знаете, что можно и нельзя» (письмо от 6 декабря 1867 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 188–189]. И через пару дней, в следующем письме от 8 декабря, Толстой еще раз повторил эту же просьбу о вымарывании спорных мест. Понятно, что такие распоряжения даются непросто, однако Толстой пояснил, что он очень опасается «гадости» от цензуры именно на завершающем этапе работы.

К концу ноября 1867 г. Толстой трудился параллельно над третьим и уже четвертым томами романа. Уже после отправки корректур, которые виделись Толстому итоговыми, появлялись замечания. Так, в начале письма Толстого от 27 ноября 1867 г. писатель даже несколько винит себя в обилии коррективов и пытается «умилостивить» Бартечева «лаской»: «Не могу без предисловий,

но мне кажется, я так надоел вам, что так и хочется подпустить и милый, и любезный, и дорогой Петр Иванович» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 184]. Толстой сообщал о необходимости изменений в двух эпизодах: в сцене общения Наташи и Элен Безуховой и в эпизоде приезда князя Андрея в имение Лысые Горы. В первом случае правка была немногочисленна, Толстой просил осуществить ее самого Бартечева, во втором случае писатель предупреждал Бартечева, что сцену набирать не стоит в связи с необходимостью многочисленных изменений. Однако приведенная С. А. Толстой в Ясную Поляну верстка показала, что Бартечев не смог произвести коррективы в первом из обозначенных моментов *так, как хотел этого автор*. 4 декабря 1867 г. Толстой сообщил Бартечеву, что сам поправил всё, как нужно: «Еще посылаю сверстанный листочек, привезенный женою. Вы меня совсем не поняли, или я не умел объясниться в моем письме; но вышло бог знает что, и хорошо, что я мог поправить. Я поправил так, что число линейек одинаково, и переверстки не будет» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 186].

Толстой надеялся на Бартечева часто и в плане выявления нескладности слога, доверял редактору «Войны и мира» как профессионалу своего дела. Д. П. Ивинский отметил появившуюся в текстах Бартечева глубину и целостность, которая проявлялась в самой натуре этого человека: «Все чаще в письмах Бартечева проявляются те свойства его личности, которые обеспечивают ее единство, связывая воедино его редакторскую деятельность, его исторические интересы, его знакомства, нередко оборачивавшиеся обнаружением ранее неизвестных письменных памятников, его семейные дела; реальность каждодневного существования смыкается с бытием в культуре» [Ивинский, 2014, с. 274].

Письма Толстого в адрес Бартечева в конце 1867 г. были достаточно частыми, иногда послания отправлялись с интервалом в два-три дня, через несколько дней. Это говорит об интенсивной работе Толстого и вместе с тем о слаженном процессе взаимодействия с редактором.

В письме от 6 декабря 1867 г. Толстой сообщает о планируемом предисловии к «Войне и миру», которое писатель также думал назвать и послесловием. Толстой советуется с Бартечевым о том, куда поместить это пояснение. В ходе работы было набрано Предисловие к 5 тому произведения, а в 13 томе юбилейного полного собрания сочинений Толстого опубликованы «Вступ-

ления, предисловия и варианты начал „Войны и мира”» [Толстой 1928–1958, т. 13, с. 53–77]. Толстой использовал позднее некоторые из своих мыслей, предполагаемых для предисловия, в статье «Несколько слов по поводу книги „Война и мир”». Именно про данное предисловие Толстой сообщал Бартеневу в письме от 20...21 января 1868 г.: «Предисловие мое почти готово, и *только вы напечатайте*, а я непременно и очень скоро пришлю или привезу вам» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 192]. Толстой вкладывал в свои объяснения читателю ключ к пониманию целостного произведения. Ю. В. Лебедев отметил, что «отрицая культ исторической личности, Толстой не принимает и культа народа. В ситуации, когда массы людей предоставлены сами себе, жизнь их впадает в самообожествление, так народ превращается в толпу, лишенную человеческого облика, одержимую агрессивными, животными инстинктами» [Феномен, 2022, с. 59].

Статья, выросшая из «предисловия», была опубликована в № 3 «Русского архива» за 1868 г. Скорее всего, в личных беседах с Бартевым Толстой не раз останавливался на обсуждении смысла всего романа-эпопеи, поэтому в переписке с редактором разговора об этом нет. А вот историк М. П. Погодин разгадал смысл всего произведения тогда, когда прочел не просто вышедшую часть романа, а именно толстовское предисловие: «...Не основной текст романа-эпопеи привел Погодина к мысли о чрезвычайно близком к нему по взглядам на историю человеке — он разгадал смысл целой книги и суть прочитанного, когда прочел „объяснение”» [Андреева, 2023, с. 119]. Мы уже писали о том, что в письме Погодина к Толстому от 21 марта 1868 г. сформулирована позиция историка, очень близкая к толстовской: «Весь пафос письма Погодина состоит в сообщении Толстому, что он наконец понял, что писателем движет „тайна истории”, которая притягивала его самого всю жизнь...» [Андреева, 2023, с. 119].

Порою в письмах Бартеву Толстой указывает на значимые лексемы (писатель, к примеру, опасался, что в издательстве могут «перевернуть» слово аллюр в сцене атаки Ростова). Кроме того, Бартев занимался подстрочными переводами иностранных фраз, Толстой настаивал на том, чтобы они были переведены: «В IV т. довольно много французских и немецких фраз. Надо их перевести, в особенности немецкие» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 188].

Судя по содержанию писем Толстого конца 1867 г. могло показаться, что писатель не вникал в денежные дела с типографией, однако это не так. Толстой внимательно следил за сроками издания, стоимостью экземпляров. В первом письме Бартеву за 1868 г., от 20...21 января, Толстой просит «припугнуть» Риса (тут, по всей видимости, имеются в виду как сроки (типография задерживала корректуры) так и стоимость экземпляров). Толстой не соглашался с пожеланием Риса об уступке в 30 % с 400 экземпляров, находя возможной уступку исключительно в 20 %.

В письмах Толстого Бартеву 1868 г. встречается немало интересных для исследования творческой истории «Войны и мира» моментов, связанных с доработкой или изменением некоторых эпизодов и сцен, как на уровне масштабных коррективов, так и на уровне деталей и подробностей.

К примеру, в указанном уже нами январском письме Толстой просил Бартева: «Ежели можно опять вставить муху на дорогом мертвом лице, то вставьте ее» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 192]. В данном случае речь идет о Т. IV. Ч. II. Гл. V. С. 157 первого и Т. III (11). Ч. II. Гл. V Юбилейного полного собрания сочинений. Толстой имеет в виду следующее сравнение: «На выставке все так же безучастно, как муха на лице дорогого мертвеца, сидел старик и стучал по колодке лаптя...» [Толстой 1928–1958, т. 11, с. 124]. Примечательно, что прописанное Толстым сравнение было убрано (скорее всего, из-за определенной излишней натуралистичности, которую так ругал К. Н. Леонтьев позднее в своей известной статье: «И граф Толстой не только не чужд общим порокам нашей преобладающей школы, но он даже заплатил крайне обильную дань этим порокам в течение своей долгой литературной деятельности» [Леонтьев, 1911, с. 15]), а потом вновь восстановлено.

В этом же письме Толстой сообщает, что не приедет в Москву, пока не будет кончено печатание четвертого тома: писатель сэкономил силы и время на продолжающуюся работу над рукописью пятого тома, в Москве был лишен комфортной атмосферы, поэтому и отмечал: «Сам я не приеду и не могу, и не следует...» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 192].

В переписке Толстого и Бартева немногочисленны, но все же присутствуют личные просьбы, факты и свидетельства. Так, еще в 1867 г. Бартев просил у писателя помощи в поиске англичанки для своих сыновей. Еще Бар-

тенева просил у Толстого пороку, в ответном письме Толстой отмечал, что пороку Бартеневу может вполне дать А. Е. Берс (тесть Толстого), который находился в Москве. В письмах 1868 г., когда писатель и редактор уже более года безотрывно работали вместе, вопросы о денежных делах описываются достаточно кратко и просто. К примеру, в послании от 30 марта 1868 г. Толстой сообщает, что отдал почти все деньги (Рису), при этом использует характерный для описания собираемых до мельчайших купюр глагол «соскреб» и просит у Бартенева 20 рублей, которые оставались у редактора из денег Толстого [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 197]. А финальным пунктом письма от 14 мая 1868 г. становится просьба писателя о сигарах: «Вы развратили меня своими сигарами. Если вы будете брать себе, и есть мои деньги, пришлите мне ящик 15-ти рублевых» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 202].

Летние письма Толстого Бартеневу немногочисленны, тематически посвящены так и не состоявшему приезду последнего в Ясную Поляну. В активную пору сельскохозяйственного труда Толстой не мог писать с прежней интенсивностью, попытки литературной деятельности вводили писателя в тяжелое состояние: «Я решительно не могу ничего делать, и мои попытки работать в это время довели меня только до тяжелого желчного состояния, в котором я и теперь нахожусь» (письмо от 6 июля 1868 г.) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 203]. А к концу лета Толстой напишет о том, что «критическое чутье осеннее ужасается на то, что я пропустил и напечатал весною» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 205].

В письмах Толстого января и первой половины февраля 1869 г. много интересных и значимых моментов. Первое письмо Толстого от 22...24 января 1869 г. датируется по упоминанию писателя о болезни дочери Толстых – Татьяны. Просьба писателя в этом послании заключалась во внимательном прочтении корректур, которые Толстой не успевал вычитать еще раз. Он вновь повторял Бартеневу просьбу о возвращении корректур только в том случае, если найдется в них что-то *безобразное*. Интересно в данном письме чувство связанности неоконченной работой, которое стал ощущать Толстой: «Вы не можете себе представить, как мучительно это сознание неоконченной работы теперь и как хочется свободы» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 210]. Обратим внимание на толстовские слова в начале этого предложения: поразительно, что они адресованы к

Бартеневу, ведь ему как ученому и редактору должно было быть знакомо это ощущение неоконченной работы. По всей видимости, Толстой в данном случае имеет в виду художественное творчество, приносившее, как можно судить по высказыванию писателя, наибольшие муки творчества. Скорее всего, толстовское желание свободы было связано с тем, что концептуально роман был уже завершен.

Письмо от 6 февраля 1869 г. стало фактически итоговым посланием, в котором речь шла о корректурах, об этом символично заметил сам Толстой в начале книги: «Посылаю *последние* листы пятого тома. Это *последние* и *последний* раз» (курсив автора статьи) [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 212]. Два с половиной года совместной работы Толстого и Бартенева подходили к концу, писатель прекрасно понимал это, осознавал загруженность Бартенева другими делами и заботами. Толстой был измучен переживаемой им и супругой болезнью детей, в связи с этим просьба Толстого звучит особенно пронзительно: «Ради бога не покидайте меня и просмотрите эти листы так же, как вы просмотрели предпоследние, и поторопите Рису набирать, печатать и выпускать книжку» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 212].

Как и в письме от 22...24 января этого же года, в данном послании Толстой призывает Бартенева к тщательной проверке корректур и повторяет слово «*безобразное*» в отношении того, что могло бы вызвать недоумение у Бартенева. Напомним, что о «безобразиях» в пересылаемых гранках Толстой писал Бартеневу и ранее, 4 декабря 1867 г. Эти однокоренные слова «*безобразный*», «*безобразий*» прекрасно передают глубинную суть тех огрехов и неточностей, которых Толстой опасался в художественном произведении.

К письму Толстого к Бартеневу от 6 февраля 1869 г. имеется приписка на отдельном листе, посвященная обвинению П. А. Вяземского в адрес Толстого. Толстой в письме к Бартеневу ссылается на свое «объяснение» романа-эпопеи, напечатанное в «Русском архиве», в котором, по словам Толстого, он утверждал, что в отношении исторических лиц он не выдумывал фактов и событий, а пользовался известными историческими материалами.

Толстой имеет в виду статью П. А. Вяземского «Воспоминания о 1812 годе», вышедшую в № 1 журнала «Русский архив» за 1869 г. Статья Вяземского вышла в журнале «Русский архив», редактором которого был Бартенев. Скорее всего, Бартенев стремился к объ-

ективности и непредвзятости, радел за историческую точность и справедливость, именно поэтому опубликовал статью Вяземского у себя в журнале. Вяземский развенчивает несостоятельность Толстого как историка. Но наибольшему осуждению подверглось в статье изображение государя и ключевая в снижении образа Александра I сцена с разбрасыванием бисквитов: «Этот рассказ изобличает совершенное незнание личности Александра I. Он был так размерен, расчетлив в своих действиях и малейших движениях; так опасался всего, что могло показаться смешным или неловким; так был во всем обдуман, чинен, представителен, оглядлив до мелочи и щепетливости: что, вероятно, он скорее бросился бы в воду, нежели бы решился показаться пред народом, и еще в такие торжественные и знаменательные дни, *доедающим бисквит*» [Вяземский, 1869, с. 192]. Данная сцена выхода государя к народу уже подробно проанализирована нами в статье об образе Александра I в романе-эпопее [Андреева, 2022]. Вяземский очень пронищательно уловил деструктивные основы этой сцены, а Толстой попытался оправдаться. В письме Бартеву от 10...15 февраля 1869 г. Толстой писал: «В №... князь Вяземский, не указывая, на основании каких матерьялов или соображений сомневается в справедливости описанного мною случая о бросании государем бисквитов народу. Случай этот описан там-то так-то. Пожалуйста, любезный Петр Иванович, потрудитесь взглянуть в книгу эту и напечатать это. Очень меня обяжете» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 212].

В письме от 6 февраля 1869 г. Толстой также отметил, что случай с бисквитами взят им из книги С. Н. Глинки и просил Бартеву поставить страницу. Толстой в данном случае говорит о книге «Записки о 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника Московского ополчения» [Глинка]. Ответного письма Бартеву не сохранилось, но как можно предположить по следующему письму Толстого, Бартев ответил, что подобного места в книге С. Н. Глинки не нашел. Уместно в данном случае привести цитату А. М. Зверева о том, каким образом Бартев оценивал историческую правду как основу сочинений Толстого: «Бартев... утверждает, что в действительности „Толстой вовсе не изучал историю великой эпохи“, как подобало бы романисту, принявшемуся описывать прошлое, да еще настолько насыщенное событиями. Воображению, по словам Бартеву, Толстой доверял куда

больше, чем архивным материалам, но тем существеннее, что какие-то материалы он счел для себя необходимыми» [Зверев, 2007, с. 230].

Толстой был несколько возмущен ответом Бартеву: «Ежели вы не нашли того места, то только потому, что не брали в руки Записки Глинки... Пожалуйста, найдите и напечатайте. У меня на беду и досаду пропала моя книга Глинки» [Толстой 1928–1958, т. 61, с. 214]. Эту ситуацию прекрасно описывает Дэн Унгуриану в своей статье, посвященной столкновению толстовского рассказа о войне 1812 года с воспоминаниями реальных очевидцев тех событий, современников Толстого, хорошо знавших историю. Исследователь отмечает и нетерпение Толстого, обратившегося к Бартеву, и абсолютную уверенность писателя в том, что он не выдумал этот эпизод, а взял его из книги С. Н. Глинки [Ungurianu, 2000, p. 52].

По всей видимости, преувеличенный и приукрашенный эпизод казался Толстому изначально существующим в указанной книге. С. Н. Глинка прекрасно передает народное поклонение царю, описывая события в Москве 12, 13 и 14 июля 1812 г., однако он не показывает сцены разбрасывания бисквитов. Более того, народный восторг изображен не как раболепие, но как осмысленное служение, возвышающее людей: «В день июля двенадцатого торжество любви народной сочеталось с благодарным молебствованием по случаю заключения мира с Турцией. Звон колокольный продолжался и когда Государь сходил с крыльца, народ целовал его одежду и раздавались восклицания: *Отец наш! Ангел наш! Да сохрани тебя Бог!*... В дивный 1812 год мир и война шли рядом. <...> 13 и 14 июля быстрым пролетели мгновением. Казалось, (повторяю еще): что народ русский подрос душою, ополчившеюся за край родной и усилился мышцею, поторопившеюся к оружию. На красном крыльце во время Государева обеда, происходил непрерывный прилив и отлив народа. Государь обращал взоры к зрителям и дарил их улыбкой приветливою» [Глинка, 1836, с. 14–15].

Заключение. Итог переписки Л. Н. Толстого и П. Д. Бартеву, ее место

Переписка между писателем и редактором в ее напряженном виде фактически прекратилась, как только роман-эпопея был завершен в новой редакции и опубликован. Взаимоотношения Толстого и Бартеву не прекратились и далее, после 1869 г., они встречались, Бартев несколько раз помогал Толстому с необходимыми ему истори-

ческими материалами. Однако сердечных и дружеских, теплых отношений между корреспондентами не было – они оставались коллегами, в некотором смысле даже конкурентами, при этом каждый шел своим путем. Окончательная размолвка между писателем и редактором произошла в 1890 г.: Бартенев не принял новой позиции Толстого и его обвинений Церкви и власти. Таким образом, конец 1860-х гг. стал для Толстого и Бартенева временем наиболее тесного общения и регулярной переписки.

Во время работы над романом-эпопеей Бартенев немало помог Толстому с редактурой романа, с уверенностью можно сказать, что Толстой не ошибся в выборе редактора: лучшей кандидатуры, более осведомленного человека, способного работать с документами и знающего историческую эпоху, описываемую Толстым, найти было сложно. Современные исследователи обстоятельно обозначают четкие выработанные принципы работы Бартенева с документами: «Чем сегодня интересен П. И. Бартенев? Прежде всего самими принципами работы с источниковедческим материалом, принципами отбора документов для издания» [Шмелева, Бартенева, 2018, с. 38].

Однако при большом объеме знаний Бартенева и яркой самодостаточности его фигуры Толстому не всегда было легко работать с редактором. Каждый из двух корреспондентов, к переписке которых мы обратились в данной статье, готов был отстаивать свою правду. Однако при этом и Толстой, и Бартенев осознавали роль и масштаб выполняемой работы, не стремясь задерживать ее. Толстой максимально критически подходил к замечаниям редактора, проверял их и сразу же отвергал, если не считал уместными. И, напротив, безоговорочно и с благодарностью принимал, если видел в правках справедливость. Осмысливая объем и смысл в большей степени исторических комментариев Бартенева, обозначенных в письмах, мы понимаем, что его работа с текстом Толстого носила во многом и посреднический характер: Бартенев выступал и своеобразным дешифровщиком правок и знаков Толстого. При этом между писателем и редактором сложились с точки зрения психологии непростые отношения для сотрудничества. Толстой и Бартенев считали себя находящимися примерно на одной степени образования и интеллектуального развития людьми и при уважении и признании заслуг и важности деятельности друг друга нахо-

дились в отношениях своеобразного соперничества.

Последнее, по нашему мнению, связано с пониманием писателя и редактора истории, ее уроков и жизни, что достаточно хорошо просматривается и в переписке Толстого и Бартенева, поскольку и один и другой на протяжении своей жизни не изменили своим принципам работы и отношению к историческим свидетельствам. Перед нами встает вопрос и об использовании исторических документов писателем-классиком, с одной стороны, и историком, редактором и издателем – с другой стороны. Для Толстого исторический документ во многом был справедливым и точным свидетельством эпохи, однако далее писатель продолжал творческую работу на основании полученных материалов, нередко по-своему встраивал факты в общую канву вымышленных художественных событий, в сюжет произведения. Художественный гений, логика и интуиция Толстого были направлены не на скрупулезное собирание мельчайших документальных элементов и фактов, составление из них полной картины прошлой жизни, но часто на представление целого с использованием, порою субъективным, отдельных свидетельств для создания своего художественного мира. Для Бартенева документ имел первостепенную силу и значимость, самостоятельную ценность, историк не мог вообразить возможность какого-либо его досотворения.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. Образ императора Александра I в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 1. С. 260–281.
2. Андреева В. Г. «Тайны истории» в переписке Л. Н. Толстого и М. П. Погодина // Материалы научных сессий 2022 года в государственном музее Л. Н. Толстого: материалы ежегодной Международной научной конференции и научно-фондовой конференции, Москва, 20–21 ноября 2022 года. Москва: РГ-Пресс, 2023. С. 114–126.
3. Бурнашева Н. И. «Прелесть запечатления словом художественной подробности»: в творческой лаборатории Л. Н. Толстого // *Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 1. С. 126–131.
4. Вяземский П. А. Воспоминания о 1812 годе // *Русский архив*. 1869. № 1. С. 182–208.
5. Глинка С. Н. Записки о 1812 годе. Сочинение Сергея Глинка, первого ратника Московского ополчения. Санкт-Петербург: тип. Имп. Рос. акад., 1836. 401 с.
6. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. 915 с.

7. Двуреченская Т. Н. П. И. Бартенев: общественно-политические воззрения // VII Бартеневские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 330-летию со дня рождения В.Н. Татищева, 200-летию со дня рождения С. А. Гедеонова, 175-летию со дня рождения В.О. Ключевского. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2016. С. 6–12.

8. Долгих А. Н. Масоны-консерваторы и крестьянский вопрос в России в начале XIX века (И. В. Лопухин и О. А. Поздеев) // История: факты и символы. 2015. № 1(2). С. 52–63.

9. Зайденшнур Э. Е. История писания и печатания «Войны и мира» // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Т. 16. Москва : Худ. лит., 1955. С. 19–140.

10. Зверев А. М., Туниманов В. А. Лев Толстой. Москва : Молодая гвардия, 2007. 782 с.

11. Ивинский Д. П. П. И. Бартенев и князь П. А. Вяземский: заметки и материалы к теме // Studia polonoslavica: К 90-летию со дня рождения Е. З. Цыбенко. Москва : Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Издательский Дом (Типография), 2014. С. 262–291.

12. Леонтьев К. Н. О романах гр. Л. Н. Толстого. Анализ, стиль и веяние. Москва : тип. В.М. Саблина, 1911. 152 с.

13. Мисюров Н. Н. Массонское учение и общественные идеалы Екатерининской эпохи // Вестник Омского университета. 2014. № 1(71). С. 38–41.

14. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.

15. Фадичева Е. Н. «Архивный рудокон» Пётр Иванович Бартенев // Региональная культура как компонент содержания современного художественного образования: материалы второй региональной научно-практической конференции, Липецк, 20 апреля 2017 года. Том Выпуск 2. Липецк : Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 71–73.

16. Феномен эпического романа в русской литературе второй половины XIX века: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский / В. Г. Андреева, А. В. Гулин, Н. Л. Ермолаева [и др.]. Кострома : Костромской государственный университет, 2022. 512 с.

17. Черномырдин М. В. Славянофилы в «Воспоминаниях» П. И. Бартенева // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 18. С. 147–154.

18. Шмелева А. В., Бартенева Д. В. Петр Иванович Бартенев как основатель пушкинистики. К 190-летию со дня рождения П. И. Бартенева // Язык и текст. 2018. Т. 5. № 4. С. 32–41.

19. Юрова К. И. Некоторые проблемы текстологического изучения творческой истории романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вопросы филологии и переводоведения в контексте современных исследований: Сборник научных статей XI Междуна-

родной научно-практической конференции. Чебоксары : Чувашия государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2019. С. 221–225.

20. Ungurianu D. «Visions and Versions of History: Veterans of 1812 on Tolstoy's War and Peace». The Slavic and East European Journal. Vol. 44. № 1. 2000. P. 48–63.

Reference list

1. Andreeva V. G. Obraz imperatora Aleksandra I v romane-jepopee L. N. Tolstogo «Vojna i mir» = The image of Emperor Alexander I in Leo Tolstoy's epic novel War and Peace // Studia Litterarum. 2022. Т. 7. № 1. S. 260–281.

2. Andreeva V. G. «Tajny istorii» v perepiske L. N. Tolstogo i M. P. Pogodina = «Secrets of history» in the correspondence between L. N. Tolstoy and M. P. Pogodin // Materialy nauchnyh sessij 2022 goda v gosudarstvennom muzee L. N. Tolstogo: materialy ezhegodnoj Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii i nauchno-fondovoj konferencii, Moskva, 20–21 nojabrja 2022 goda. Moskva : RG-Press, 2023. S. 114–126.

3. Burnasheva N. I. «Prelest' zapechatlenija slovom hudozhestvennoj podrobnosti»: v tvorcheskoy laboratorii L. N. Tolstogo = «The beauty of capturing artistic detail with the word»: in L. N. Tolstoy's creative laboratory // Verhnevolszhskij filologicheskij vestnik. 2016. № 1. S. 126–131.

4. Vjazemskij P. A. Vospominanija o 1812 gode = Memories of 1812 // Russkij arhiv. 1869. № 1. S. 182–208.

5. Glinka S. N. Zapiski o 1812 gode. Sochinenik Sergeja Glinki, pervogo ratnika Moskovskogo opolchenija = Notes on the year 1812. Written by Sergei Glinka, the first soldier of the Moscow militia. Sankt-Peterburg : tip. Imp. RoS. akad., 1836. 401 s.

6. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god = Lev Nikolayevich Tolstoy. Materials for biography from 1855 to 1869. Moskva : Izdvo AN SSSR, 1957. 915 s.

7. Dvurechenskaja T. N. P. I. Bartenev: obshhestvenno-politicheskie vozzrenija = P. I. Bartenev: social and political views // VII Bartenevskie chtenija: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 330-letiju so dnja rozhdenija V.N. Tatishheva, 200-letiju so dnja rozhdenija S. A. Gedeonova, 175-letiju so dnja rozhdenija V.O. Kljuhevskogo. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni P. P. Semanova-Tjan-Shanskogo, 2016. S. 6–12.

8. Dolgi A. N. Masony-konservatory i krest'janskij vopros v Rossii v nachale XIX veka (I. V. Lopuhin i O. A. Pozdeev) = Conservative masons and the peasant issue in Russia in the early XIX century (I. V. Lopukhin and O. A. Pozdeev) // Istorija: fakty i simvolj. 2015. № 1(2). S. 52–63.

9. Zajdenshnur Je. E. Istorija pisanija i pechatanija «Vojny i mira» = The history of writing and publishing War and Peace // Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch. v 90 t. T. 16. Moskva : Hud. lit., 1955. S. 19–140.

10. Zverev A. M., Tunimanov V. A. Lev Tolstoj = Leo Tolstoy. Moskva : Molodaja gvardija, 2007. 782 s.

11. Ivinskij D. P. P. I. Bartenev i knjaz' P. A. Vjazemskij: zametki i materialy k teme = P. I. Bartenev and Prince P. A. Vyazemsky: notes and materials to the theme // *Studia polonoslavica: K 90-letiju so dnja rozhdenija E. Z. Cybenko*. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M. V. Lomonosova (Izdatel'skij Dom (Tipografija), 2014. S. 262–291.
12. Leont'ev K. N. O romanah gr. L. N. Tolstogo. Analiz, stil' i vejanie = On the novels by Count L. N. Tolstoy. Analysis, style and trendS. Moskva : tip. V.M. Sablina, 1911. 152 s.
13. Misjurov N. N. Maponskoe učenje i obshhestvennye idealy Ekaterininskoj jepohi = The Mason teaching and social ideals in the times of Catherine the Great // *Vestnik Omskogo universiteta*. 2014. № 1(71). S. 38–41.
14. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch. v 90 t. = Complete collection of works in 90 volumeS. Moskva : Hudozh. lit., 1928–1958.
15. Fadicheva E. N. «Arhivnyj rudokop» Pjotr Ivanovich Bartenev = «Archival miner» by Pyotr Ivanovich Bartenev // *Regional'naja kul'tura kak komponent sodержanija sovremennogo hudozhestvennogo obrazovanija: materialy vtoroj regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii, Lipeck, 20 aprelja 2017 goda. Tom Vypusk 2*. Lipeck : Lipeckij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet imeni P. P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2017. S. 71–73.
16. Fenomen jepicheskogo romana v russkoj literature vtoroj poloviny XIX veka: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoj, F. M. Dostoevskij = The phenomenon of the epic novel in Russian literature of the late XIX century: I. A. Goncharov, I. S. Turgenev, L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky / V. G. Andreeva, A. V. Gulin, N. L. Ermolaeva [i dr.]. Kostroma : Kostromskoj gosudarstvennyj universitet, 2022. 512 s.
17. Chernomyrdin M. B. Slavjanofily v «Vospominanijah» P. I. Barteneva = Slavophiles in P. I. Bartenev's «Memoirs» // *Problemy istorii, filologii, kul'tury*. 2007. № 18. S. 147–154.
18. Shmeleva A. V., Barteneva D. V. Petr Ivanovich Bartenev kak osnovatel' pushkinistiki. K 190-letiju so dnja rozhdenija P. I. Barteneva = Pyotr Ivanovich Bartenev as the founder of Pushkin studieS. To the 190th anniversary of P. I. Bartenev's birth // *Jazyk i tekst*. 2018. T. 5. № 4. S. 32–41.
19. Jurova K. I. Nekotorye problemy tekstologicheskogo izuchenija tvorcheskoj istorii romana-jepopei L. N. Tolstogo «Vojna i mir» = Some problems of textual studying the history of writing the epic novel War and Peace by L. N. Tolstoy // *Voprosy filologii i perevodovedenija v kontekste sovremennyh issledovanij: Sbornik nauchnyh statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. Cheboksary : Chuvashskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. I. Ja. Jakovleva, 2019. S. 221–225.
20. Ungurianu D. «Visions and Versions of History: Veterans of 1812 on Tolstoy's War and Peace». *The Slavic and East European Journal*. Vol. 44. № 1. 2000. P. 48–63.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 25.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 821.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-22

EDN: EXOVNJ

Топос острова в «русской робинзонаде»: мифопоэтические и философские аспекты воплощения

Николай Ипполитович Николаев¹, Вероника Евгеньевна Шахова^{2✉}

¹Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36

²Аспирант кафедры литературы и русского языка, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова. 164500, г. Северодвинск, ул. Карла Маркса, д. 36

¹n.nikolaev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9141-5521>

²shahova.v@edu.narfu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4766-3165>

Аннотация. Статья посвящена топосу острова как особому пространству, обладающему символическим значением в «русской робинзонаде». Материалом для анализа служит массив текстов XVIII–XXI вв., созданных на основе истории о вынужденной зимовке русских промысловиков на одном из островов Шпицбергена с 1743 по 1749 гг. В ходе исследования рассматриваются различные подходы авторов к изображению арктического острова с точки зрения его символического, философского и культурного значений. В XVIII–XIX веках западноевропейские авторы, разрабатывающие сюжет о выживании в Арктике, акцентируют внимание на конфликте человека и природы, что связано с влиянием устойчивой традиции, которая нашла свое выражение еще в романе Даниэля Дефо. Русские писатели XIX века, обращаясь к данной теме, предлагают концепцию органичной связи своих героев с окружающим природным миром. XX век в русской литературе усиливает акценты, связанные с мифопоэтикой островного пространства, его сакральной сущностью и ролью в сохранении исторической памяти Русского Севера. Анализ художественных текстов показывает, что русские авторы, описывая историю выживания мезенских промысловиков на Шпицбергене, используют топос острова для передачи глубоких культурных, исторических и религиозных смыслов, с которыми связывают Арктику. В западноевропейской традиции топос острова интерпретируется как метафора «потерянного рая», место изоляции, заключения. Эти смысловые различия устойчивы, обнаруживают себя во множестве текстов, представленных в широком временном диапазоне, и носят фундаментальный характер.

Ключевые слова: русская литература; робинзонада; Арктика; топос острова; художественное пространство; мифопоэтика; символ; сакральный смысл

Для цитирования: Николаев Н. И., Шахова В. Е. Топос острова в «русской робинзонаде»: мифопоэтические и философские аспекты воплощения // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 22–34. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-22>. <https://elibrary.ru/EXOVNJ>

Original article

Topos of the island in «russian robinsonade»: mythopoetic and philosophical aspects

Nikolay I. Nikolaev¹, Veronika E. Shakhova^{2✉}

¹Doctor of philological sciences, professor, head of the department of literature and the russian language, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, Karl Marks st, 36

²Postgraduate student at the department of literature and the russian language, Northern (Arctic) federal university named after M. V. Lomonosov. 164500, Severodvinsk, Karl Marks st, 36

¹n.nikolaev@narfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9141-5521>

²shahova.v@edu.narfu.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-4766-3165>

Abstract. The article focuses on the island topos as a specific space with a symbolic meaning in the «russian robinsonade». The analysis is based on a series of the XVIII–XXI centuries texts, covering the story of the russian fishermen's forced wintering on one of the Spitsbergen islands from 1743 to 1749. The study examines the writers' different approaches to depicting an Arctic island in terms of its symbolic, philosophical and cultural meanings. In the

XVIII–XIX centuries, Western European writers elaborating the plot of survival in the Arctic emphasized the conflict between man and nature, which was influenced by a stable tradition that could be found even in Daniel Defoe's novel. Addressing this theme, Russian writers of the XIX century offer the concept of their characters' natural connection with the surrounding world. The XX century Russian literature emphasizes the accents of insular space mythopoetics, its sacral essence and its role in preserving the historical memory of the Russian North. The analysis of the literary texts shows that, in describing the story of the fishermen's survival on Spitsbergen, Russian authors use the topos of the island to convey deep cultural, historical, and religious senses associated with the Arctic. In Western European tradition, the island topos is interpreted as a metaphor «paradise lost», a place of isolation and imprisonment. These semantic differences are persistent, can be found in a multitude of texts across a wide temporal range, and are fundamental.

Key words: Russian literature; robinsonade; Arctic; insular topos; artistic space; mythopoetic; symbol; sacred meaning.

For citation: Nikolaev N. I., Shakhova V. E. Topos of the island in «Russian robinsonade»: mythopoetic and philosophical aspects. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):22–34. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-22>. <https://elibrary.ru/EXOVNJ>

Введение

История о шестилетнем выживании русских промысловиков на восточном острове Шпицбергена в середине XVIII века послужила основой для сюжетостроения большого корпуса текстов (*Мультимедийный корпус текстов о мезенских «робинзонах» находится в свободном доступе по адресу URL: <https://mezrob29.ru/>*) различной жанровой природы – от очерка до романа. Первоначальный интерес к истории о мезенских «робинзонах» заложил Петр Людовик Ле Руа, служивший некоторое время в Российской Академии наук и занимавшийся вопросами истории и картографии. По возвращении с необитаемого острова «робинзоны» были доставлены в Петербург в январе 1751 года и размещены в доме графа Шувалова, где Ле Руа в это время служил наставником его детей. Комиссия морских флотов в присутствии М. В. Ломоносова допрашивала бывших островитян, а академику поручили литературно обработать материалы допроса. К поставленной задаче француз подошел крайне ответственно. Для уточнения некоторых фактов о пребывании промысловиков на длительном промысле вел переписку с директором сального торгового дома в г. Архангельске Соломоном Вернизобером. Сравнивал показания «робинзонов» с информацией, собранной обер-аудитором Архангельского Адмиралтейства г. Клингштадтом при их прибытии в город. Изучал различные письменные источники об особенностях морских плаваний, специфике северной природы и быте русского крестьянства (среди которых, например, труд академика Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) «Описание морских путешествий по Ледовитому морю и по Восточному морю с Российской стороны учиненных» (1758), книга Жан-Батиста Лаба «Nouveau Voyage aux Ples de

l'Amerique» (1722)). Сверял путь промысловиков с картой Шпицбергена, составленной Герардом Ван Келеном в 1710 году. Читал черновики своей рукописи докторам и профессорам Академии наук, чтобы они подтвердили свидетельства поморов о свойствах оленьей крови, которая помогла им излечиться от цинги, и подсчитали верно ли «робинзоны» вели свой календарь на острове. В итоге Ле Руа издал свое сочинение на французском языке только в 1761 году. Небольшая по объему книга выдержала несколько переизданий (1767, 1777, 1782 и 1881 гг.) и переводов на разные языки – голландский в 1768 г., итальянский в 1773 г. и английский в 1774 г. Перевод книги на русский язык был осуществлен анонимным автором по заказу Академии наук в 1772 году.

Интерес высокопоставленных лиц из Академии наук и самой императрицы к этой истории был обусловлен грандиозными планами об открытии кратчайшего прохода морским путем на Восток. В последующие годы Ломоносов работал над сбором доказательств о существовании такого северо-восточного прохода. В результате этой работы было составлено «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показания возможного прохода Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763). В пяти главах этого труда Ломоносов использовал литературные сведения о плаваниях на запад и восток по Северному Ледовитому океану. Через год Ломоносов подготовил дополнение к «Краткому описанию», в котором упомянул опыт русских промысловиков, побывавших на Шпицбергене, и признал их путь наиболее удачным. В мае 1764 года проект Ломоносова о возможности прохода по северному морскому пути в Азию был одобрен Екатериной II. Началась подготовка двух масштабных

экспедиций под командованием В. Я. Чичагова и П. К. Креницына. Ломоносов, принимая активное участие в подготовке экспедиций вплоть до самой своей смерти, составил список мореходов, хорошо владеющих навыками выживания в арктическом пространстве. В этот список был включен и один из выживших «робинзонов» – Хрисанф Иньков. Доподлинно неизвестно ходил ли Хрисанф Иньков в море в числе участников экспедиции Чичагова, тем не менее, по рекомендации Ломоносова в экспедицию были взяты двадцать шесть поморов-промысловиков. Таков вкратце исторический фон, на котором формируется интерес к «арктической робинзонаде» в литературе.

Литературные тексты о выживании русских промысловиков на необитаемом острове в Арктике системно не описаны, лишь частично подвергались критическому и научному осмыслению, перечень их публикаций не сформирован в полной мере до сих пор. В данной статье в центре внимания поставлен образ, проходящий через весь цикл произведений «арктической робинзонады», – необитаемый остров. Пространство арктического острова, получившее художественное воплощение в сюжете о «мезенских робинзонах», мы рассматриваем как культурный топос, поскольку остров является «общим местом» в мировой культуре и на протяжении всей истории человечества с этим локусом сопрягаются определенные смыслы. Важно отметить, что в русском культурном пространстве топос острова воспринимается в качестве «протосимвола русской цивилизации» [Tamitskiy, 2019, с. 1], входит в семиосферу русской культуры, является источником святости, местом встречи с Богом и постижения человеком трансцендентного опыта.

Методы исследования

Современное социально-гуманитарное знание не ограничивается тем пониманием термина «топос», которое впервые предложил Аристотель для упорядочивания структуры диалога в качестве сугубо технического риторического приема. С развитием в конце XIX – начале XX вв. таких научных направлений как герменевтика, стилистика и компаративистика термин «топос» вышел за пределы такого ограниченного толкования.

Понятие топоса для осмысления литературного материала впервые использовал немецкий филолог Э. Р. Курциус. Анализируя произведения Европейской литературы и Латинского Средневековья, медиевист следовал историческому

подходу и указывал на преемственность основополагающих форм и образов, переходящих от эпохи к эпохе [Курциус, 2021]. В настоящее время исследователи литературы под топосами понимают «регулярно воспроизводимые элементы художественного произведения» [Садикова, 2015, с. 44], неизменные величины культуры, эстетики, языка. Через топос, его воспроизводимость и связь с коллективным бессознательным, становится возможным описание культурного пространства, что сближает его с понятием о концепте или архетипе. Хотя, с точки зрения коммуникативной природы топос обладает гораздо большим потенциалом. Важным функциональным отличием топоса от концепта или архетипа является его обусловленность эпохальным нарративом и национальной картиной мира [Хазагеров, 2008, с. 11–12].

Устойчивый мотив, тема или образ встречаются в различных произведениях искусства. Для создания определенного эстетического и рефлексивного эффекта, реализации особой художественной концепции авторы прибегают к «общим местам», насыщая их при этом частными имманентными свойствами. Топосы, как универсальные элементы человеческого сознания и опыта, воплощаясь в произведениях культуры, обладают жанровым значением, определяют стиль и пространственно-временную обусловленность того или иного явления.

Основное внимание в нашей работе сфокусировано на конкретном пространственном топосе – арктическом острове. В зарубежном научном дискурсе особое место занимает вопрос о возможности развития теории островности – ниссологии (термин был введен в научный оборот в 1994 г. и до сих пор область его применения остается предметом дискуссии [Baldacchino, 2008; Нау, 2006]). «Островные смыслы, расходящиеся или сходящиеся, возникают из глубоко интуитивного жизненного опыта – они порождены феноменологически и артикулированы» [Нау, 2006, с. 34], – пишет австралийский ученый Пит Хэй. При этом, в ряде «островных исследований» отмечается, что острова хоть и являются особым объектом для изучения, они могут не иметь собственной эпистемологической парадигмы [Baldacchino, 2008; Foley, 2023; Nadarajah, 2022]. Однако такая оценка поддерживается далеко не всеми исследователями. Так, например, в работах Ч. В. Дюзера прослеживается история создания и процесс трансформации раннего «островного текста» в западной литературе,

начиная от античных мифов и средневековых ирландских саг до английского романа о Робинзоне Крузо [Van Duzer, 2006], что говорит об особом статусе пространства острова для описания историко-культурных и литературных процессов.

Отечественный и зарубежный опыт в изучении островного топоса в литературе представляет собой обширное исследовательское поле, охватывающее широкий спектр подходов и интерпретаций – мифологических, архетипических, постколониальных и экологических. Одним из ключевых направлений является изучение того, как островные ландшафты используются в литературе для передачи особых пространственных и символических значений.

Всестороннему изучению подвергается символика островного пространства в русской литературе. На значение островных образов обращали свое внимание выдающиеся ученые, заложившие основы отечественного литературоведения в XIX – начале XX вв. – А. Н. Афанасьев [Афанасьев, 1996], А. Н. Веселовский [Веселовский, 2006], В. Б. Шкловский [Шкловский, 1959].

Мифология северных островов фундаментально описана Н. М. Теребихиным в монографии «Метафизика Севера» (2004) [Теребихин, 2004]. Мифологеме острова в русской литературе посвящена монография современных ученых-филологов Л. И. Горницкой и М. Ч. Ларионовой «Место, которого нет... Острова в русской литературе» (2013) [Горницкая, 2013]. На материале произведений XVIII–XX вв. и прозы Г. Газданова авторы убедительно доказывают, что пространственный образ острова, выполняющий различные функции в формировании художественной картины мира, занимает важное место в системе топосов русского литературного мира.

Результаты исследования

Небольшое по объему сочинение Ле Руа, представляющее собой скорее отчет, нежели художественное произведение, послужило своеобразным импульсом для возникновения ряда текстов. На протяжении всего XIX века в России, как и в Европе, появляются различные варианты сюжета о мезенских «робинзонах» – это целая серия русскоязычных текстов в разных периодических изданиях, опубликованных в период с 1822 по 1899 гг., рассказ на английском языке А. Дункана «Sufferings and extraordinary adventures of four Russian sailors, on the Desert Island of

East Spitsbergen, in 1743» (1805) и его перевод на русский под заголовком «Бедствия, претерпенные четырьмя русскими матросами, оставленными в 1743 году на необитаемом острове к востоку от Шпицбергена», осуществленный В. М. Головинным в 1822 году, рассказ на немецком языке Т. Гризингера «Sechs Jahre auf Spitzbergen» (с двумя переводами на русский язык, один из которых сделан анонимным автором и опубликован в журнале «Детское чтение» в 1871 году, а второй – Маргаритой Архангельской в 1887 году с переизданиями в 1891, 1892, 1900 и 1911 гг.). В следующем столетии русские писатели создают более масштабные художественные тексты о приключениях русских промысловиков в Арктике – это роман Зиновия Давыдова «Беруны» (1933), поморская быль Константина Бадигина «Путь на Грумант» (1953) (с продолжением истории спустя десять лет после возвращения промысловиков домой в повести «Чужие паруса» (1959)), повесть Софьи Радзиевской «Остров мужества» (1969). Современные русские авторы продолжают традицию обращения к этой истории. В 2020 году в литературном журнале «Подвиг» выходит повесть «Русские Робинзоны» Олега Щербатова (псевдоним писателя Валерия Гусева), а через год в сборнике «Голоса полуночных земель» публикуется повесть «Полярные Робинзоны» крымского литератора Михаила Старчикова.

В последнее время в интернете множатся переложения сочинения Ле Руа, и не только в русскоязычном киберпространстве. О мезенских промысловиках пишут ученые из Германии и Норвегии – Утэ Маргграфф, Валинг Горттер.

Произведения, отнесенные нами к «арктической» робинзонаде, имеют общую фабулу, центральное событие которой разворачивается на одном и том же острове архипелага Шпицберген. Считается, что этот небольшой остров, расположенный в восточной части архипелага, был открыт в 1614 году голландцем Й. Каролусом. Подойдя к берегам острова с юга, путешественник обозначил на карте это место «Неизвестным берегом». В 1625 году на карте Московской компании впервые появляется название «Остров Эдж». Топоним «Эдж» этот необитаемый до сих пор остров получил в честь Томаса Эджа (1587/1588–1624), английского торговца и китобоя, который служил в этой торговой компании и много раз бывал на Шпицбергене в период с 1611 по 1619 годы [Визе, 1975]. Тем не менее, по утверждениям исследователей [Державин, 2017; Старков, 2015],

на Русском Севере остров был известен задолго до его посещения европейцами. И, как утверждает историк М. И. Белов, поморы называли его по-своему Малым Грунтом (это название зафиксировано в отпускных промысловых книгах, хранящихся в фонде Архангельской губернской канцелярии) [Белов, 1975]. Археологические и письменные данные, рассмотренные В. Л. Державиным и В. Ф. Старковым, позволяют говорить о том, что «выход русских к берегам Ледовитого океана произошел в XIV–XV вв.» [Державин, 2017, с. 78]. В результате раскопок зимовья экспедиции Баренца ученые смогли подтвердить, что, причалив к берегам Новой Земли, голландский мореплаватель обнаружил русское промысловое становище, а пройдя дальше к северному побережью – православные поклонные (обетные) кресты, которые устанавливали русские промысловики для свершения молитвы перед выходом в море. Кроме того, известно о существовании 75 поморских поселений на Шпицбергене [Минаева, 2013]. Таким образом, остров, обозначенный на реальной географической карте мира, становится центром притяжения русской «арктической» робинзонады.

Широко известна мифопоэтическая концепция в толковании топоса острова, сложившаяся в античной и европейской литературной традиции. Это, например, интерпретация топоса острова как мифологемы «потерянного рая» или как места идеального общественного устройства. Так, М. Монтень в «Опытах» рассуждает об некоем острове, где царит благополучие и спокойствие: «на другом конце света есть остров, который отличается здоровым климатом, плодородием, изобилует всякого рода деревьями и плодами и населен племенем, исповедующим христианство, имеющим церкви и алтари, украшенные одним лишь крестом без всяких других изображений...» [Монтень, 1979, с. 284].

В Древней Греции острова считались символом совершенства, поскольку, находясь далеко от материка, не были подвержены возможному негативному влиянию, исходящему от «большой земли». В античном мире люди были убеждены в существовании мифических островов, таких как Делос, Атлантида и Туле. Эти легенды нашли своё отражение в произведениях древнегреческой литературы, например, в «Одиссее» [Mareš, 2017].

В кельтской, преимущественно – в ирландской – средневековой традиции достаточно широко представлена тема плавания к «чудесным

островам». В этом контексте мотив поиска «земли обетованной» связан прежде всего с древним мифом о едином острове, куда после смерти должны отправиться все люди. Здесь отчетливо прослеживается идея о существовании «Иного мира, находящегося где-то далеко за водной преградой, пересечь которую можно только на корабле» [Михайлова, 2024, с. 300]. Своеобразным символическим и семиотическим продолжением темы о существовании в поднебесном мире особого острова стали поиски «острова сокровищ», что впоследствии привело к появлению легенды об Эльдorado. Легенда об Эльдorado на протяжении нескольких столетий привлекала путешественников и являлась источником вдохновения для открытия новых земель и колониальных устремлений. Своеобразным продолжением темы об успешных кладоискателях служит всемирно известный роман, «пример универсального „путешествия к заветной цели“» [Еременко, 2023, с. 39], «Остров сокровищ» Роберта Льюиса Стивенсона.

С другой стороны, острова часто служили местом изгнания отверженных и преступников (весьма характерна в этом смысловом ключе ссылка Сенеки на Корсику или Наполеона на остров Святой Елены). В этом контексте рождается другая трактовка островного топоса в культуре: остров – это персональный «ад» с замкнутым хронотопом, откуда невозможно выбраться самостоятельно, место испытания души и тела. К тому же, очевидно, что в процессе колонизации поселенцы сталкивались с неприятием со стороны аборигенов. Столкновение разных по своей сути культур приводило к кровопролитным сражениям и острова стали восприниматься в негативном смысловом контексте. Подобные представления об островах в дальнейшем получили развитие в романах о Робинзоне Крузо и Гулливере.

Впрочем, обе эти концепции имеют весьма существенные точки соприкосновения, сближающие их на глубоком смысловом уровне. Они предполагают активную работу человека по обустройству этого пространства, его особых цивилизационных усилий в среде, где изначально отсутствовало одухотворяющее начало. При этом, в одном случае (в утопической версии), представляется конечный результат этих системных человеческих усилий, а в другом – начальный их период, момент осознания их необходимости в пустом, богоотчужденном мире.

Европейская литература богата «островными текстами», в которых отчетливо представлена трансформация топоса острова – от места, напоминающего рай, до места заточения и гибели (как физической, так и духовной). Например, персонаж помещается на остров, с которым связаны изначальные благоприятные ожидания, но впоследствии события разворачиваются прямо противоположным образом. Так строится сюжет в романах Дж. Фаулза «Волхв» и У. Голдинга «Повелитель мух». Аналогично этому складываются обстоятельства и в сочинении родоначальника жанра утопии Томаса Мора, когда его остров фактически превращается в тюрьму для своих граждан.

Встреча человека с природным миром, как конфликтная ситуация, разворачивающаяся в условиях отчуждения от общества (на далеком острове – в иносказательном плане в «другом / ином мире») в литературе опирается на древние традиции и насыщена символическим, религиозно-философским, и даже порой политическим смыслом. Отмеченная двойственность топоса острова, его конкретная интерпретация в художественном произведении зависит от авторского замысла и ведущих нарративов эпохи, в которой создается текст.

Русские авторы XIX в., отталкивающиеся от сюжета, предложенного в тексте Ле Руа сохраняют заданный им пространственный ориентир, обращаются к островному топониму. Однако при этом включают в свое повествование детали, чуждые первоисточнику, но чрезвычайно важные в смысловом отношении. Так, в рассказе под названием «На Груманте», опубликованном в журнале «Друг народа» в 1876 году, Прокофий Накрохин, используя исконно русское название архипелага, присвоенное поморами задолго до его открытия Баренцем в 1596 году, явно настаивает на идее первенства своих соотечественников в освоении Арктики. В заглавиях более поздних текстов появляется уже наименование конкретного острова – Малый Берун (стоит добавить, что в написании названия острова допущена ошибка, которая, вероятно, возникла из-за сочинения Ле Руа). В 1933 году Зиновий Давыдов и вовсе называет свой роман «Беруны». Топос острова, таким образом, становится местом сохранения русской истории освоения Арктики.

Значимым в контексте изучения топоса арктического острова представляется замечание Ю. М. Лотмана о том, что «в художественной модели мира „пространство“ подчас метафори-

чески принимает на себя выражение совсем не пространственных отношений в моделирующей структуре мира» [Лотман, 1988, с. 252].

Утопическая трактовка топоса острова характерна для западноевропейской культуры. Робинзон Крузо создает на необитаемом острове «новый мир» в соответствии с нормами и ценностями своего времени, стремится к идеалу, который по тем или иным причинам не был полностью реализован в его родной Англии. Остров Робинзона в итоге становится аллегорией идеального государства, отличающегося веротерпимостью, справедливостью, материальным благом. С другой стороны, в романе подчеркивается амбивалентность содержания топоса острова. Несмотря на отсутствие видимых границ герой именует свой остров тюрьмой и ощущает замкнутость окружающего хронотопа: «...хотя я действительно был на свободе, но остров, несомненно, был для меня тюрьмой, причем в худшем смысле этого слова...» («...for though I was indeed at large in the place, yet the island was certainly a prison to me, and that in the worse sense in the world...») [Defoe, 1996, с. 81]. Герой вынужден бороться за свою жизнь, находясь на острове; ему далеко не сразу удастся адаптироваться к новым, непривычным условиям. Пафос борьбы человека с природой, человеческой выносливости и неустанныго труда составляет основное содержание романа.

Академик Ле Руа, очевидно, знакомый с произведением Д. Дефо, использует аналогичное истолкование островного топоса в своем сочинении, описывающем приключения русских промысловиков в Арктике. Пребывание поморов на острове Ле Руа характеризует как безнадежность («...им нет больше надежды оставить сего острова...») [Ле Руа, 1975, с. 25], тюрьма, заточение («...ничто так не подавало сим бедным людям с начала их заточения толикой помощи, как доска, в которую вбит был железный крюк и несколько гвоздей...») [Ле Руа, 1975, с. 27], печаль («...они думали препроводить в печалих остальное время своей жизни...») [Ле Руа, 1975, с. 44]. При описании острова автор часто использует прилагательные «пустая», «пуст», подчеркивающие отсутствие на нем не только человека, но и высшего одухотворяющего начала.

Стоит отметить, что для небольшого сочинения Ле Руа, как и для знаменитого приключенческого романа о Робинзоне Крузо, являющегося по своей сути программным «документом» английской буржуазии эпохи Дефо (с идеями о

свободной колониальной торговле, промышленном перевороте и «естественном» человеке), характерными чертами являются «схематизм построения, бедность психологической характеристики, общая изобразительная бедность...» [Македонов, 1933, с. 231].

Поскольку арктический остров в представлении Ле Руа является экзотическим местом с суровым климатом, не пригодным для жизни цивилизованного человека, но, при этом, привычным для промысловиков, то его интерес в первую очередь сфокусирован на тех навыках выживания, которые демонстрируют его персонажи. Для французского академика русские робинзоны – это «арктические аборигены», обладающие приемами рационального поведения в суровых условиях. В концепции романа Д. Дефо они скорее тяготеют к образу Пятницы, нежели его главного героя. В этом и состоят базовые установки Ле Руа-писателя: он знакомит своего читателя с приемами выживания «арктических робинзонов», которые представляют практический интерес для будущей экспансии европейцев на Север. Совершенно иначе расставлены смысловые акценты у его русских последователей.

В рассказе П. Накрохина «На Груманте» остров, на который высадились четверо промысловиков в надежде найти старую избу для зимовки, изображен как ужасная пустыня: *«Здесь никогда не слышно ни вдоха, ни голоса, ни шага человеческого; страшная пустыня, глубокое и холодное молчание, нарушаемое только хриплым воем белого медведя или ревом бури...»* [Накрохин, 1876]. Тишина, выступающая на первый план в создании пространственного образа острова, в религиозно-смысловом контексте указывает на божественное присутствие, духовную наполненность этого места. Поскольку тишина, как звуковая характеристика, свойственна для сакральных мест.

В таком же смысловом ключе изображен остров в версии сюжета, предложенной А. Зубковским: *«Печальную и глубоко-дикую пустыню представлял собою этот негостеприимный остров!»* [Зубковский, 1862]. Пространство морской стихии в исполнении Зубковского точно так же, как и пространство острова, представленное в тексте Накрохина, отличается безмолвием и тишиной. Промысловый корабль поморов идет среди «беспредельного царства безмолвия и пустоты, в которое и самая быстрая птица уже не залетает и которых житель материка и представить себе не может» [Зубковский, 1862]. Проведя

в плавании несколько дней, промысловики добиваются до определенной границы, за чертой которой открывается мир, существующий в ином измерении, по иным законам, в котором угадываются черты пространства за чертой смерти, параллельного земному. Это сакральное место, обычно недоступное для человека (и даже птицы!), не связанного ни с морем, ни с Севером, открывается русским промысловикам.

В русском литературном контексте слово «пустыня» вовсе не означает отсутствия признаков жизни, особенно в ее духовном смысле. Пустыня – это место за пределами обыденной суеты, место встречи пылливой человеческой души с сакральными силами, с сакральными знаками и смыслами. Библейские истоки такого понимания пространства не вызывают сомнения. Достаточно вспомнить знаменитую лермонтовскую строку: «Пустыня внемлет Богу...». Да и герои русских произведений не ощущают своей заброшенности, отчужденности. С первого дня своего пребывания на острове они активно трудятся. Для них время, проведенное здесь, не становится жестким испытанием в чуждом пространстве, им все понятно в этом мире, и они точно и выверено выстраивают свою повседневную жизнь. Мир суровой природы не пугает их, они являются его частью и органично встроены в пространство Арктики. Русские авторы не столько акцентируют внимание на тяготах испытаний своих героев, как это делают их европейские предшественники (Ле Руа, Дункан, Гризингер), а скорее подчеркивают их готовность ко всем превратностям судьбы, их естественную связь с природным миром Севера. Такая особенность обращения к топосу острова наблюдается в целом ряде журнальных текстов о «мезенских робинзонах», появившихся во второй половине XIX века.

В конце XIX века русская детская писательница и переводчица М. В. Архангельская пересказывает историю о «мезенских робинзонах» в книге «Приключения русских промышленников» (1887), указывая в качестве источника своего текста сочинения Гризи (Теодора Гризингера). Но в процессе «перевода» текста с немецкого языка, Архангельская существенно меняет смысловые акценты в характеристике островного топоса. Арктический остров, представленный немецким автором как холодное Эльдorado, как символ изобилия и материального богатства, в трактовке Архангельской становится местом, где герои прежде всего меняются до неузнаваемости.

В финале рассказа перед читателем предстают подчеркнуто другие люди:

«...только сами-то были уже не те что прежде. Правда, что, несмотря на горе, на холод и различные лишения, какие им приходилось терпеть целые шесть лет, они все были здоровы и жили еще долго, но зато совершенно изменились характером».

Удалой Иван Хилков давно забыл свои песни и шутки. Кормщик и Шарапов, отвыкнув от людей, стали молчаливы, мало с кем сходились и всю свою остальную жизнь не могли забыть, что им пришлось перенести на острове» [Архангельская, 1887]).

Весьма показательна эта нетронутость, сохранность героев в физическом смысле, и кардинальные перемены, затронувшие их духовный облик. Они подобно монахам-отшельникам склонны к одиночеству, погруженности в глубины своего внутреннего бытия. Все это подчеркивает то важное обстоятельство, что испытания носили вовсе не физический, а духовно-нравственный характер. То, с чем пришлось столкнуться героям на острове, приблизило их к постижению каких-то совершенно иных, недоступных смыслов в суетной социальной жизни.

Схожие мотивы толкования топоса острова обнаруживаются в романе З. Давыдова «Беруны», опубликованном уже в XX веке. Здесь герои «арктической» робинзонады, вернувшись в родной город, не могут адаптироваться к жизни в социальном мире и отправляются обратно в Арктику, где находят своё последнее пристанище. А несколько ранее, в столице, не могут смириться с законами современного им социального мира и бегут из него.

Свою интерпретацию топоса острова предлагает Константин Бадигин в повести «Путь на Грумант», впервые опубликованной в 1953 году.

Арктический остров в произведении предстает одновременно страшным и красивым, диким и живописным. Герои любят открывающимся перед ними миром природы и в то же время опасаются его: *«...Поморы осторожно легли у края скалы, сняв шапки... Их глазам открылся один из красивейших видов острова. Внизу расстилалось темное море, покрытое белой пеной плавающей птицы; отвесный мыс был облеплен кайрами и чайками, сплошь закрытыми черные камни...»* [Бадигин, 1953]. Вектор изображения арктического пространства перемещается от страха к восхищению: *«...к западу горели снеговые вершины Большого Беруна... <...> ...на юге рассти-*

лался огромный залив с бесчисленными черными островками, сверкающими голубыми айсбергами... <...> ...в прибрежных низинах осколками стекла поблескивали озёрки...» [Бадигин, 1953]. Мир арктического острова как будто вбирает персонажей повести в себя, обволакивая со всех сторон своими торжественными красотами.

В восприятии топоса острова особую роль играют эпитеты, используемые писателем в пейзажных зарисовках, это «огромный залив», «высокие горы», «острые камни», «крупные валуны», «широкий мыс»; они подчёркивают необъятность и мощь пространства Арктики. Лексика, передающая определенный цвет, позволяет наглядно представить остров: «тёмно-серые скалы», «гранитные утёсы», «серый лишайник», «свинцовое море», «чёрное разводье», «серобелый лёд». Она как будто заимствована из былинного эпоса, в ней слышится высокий стиль ломоносовских торжественных од. Далёкий арктический остров буквально манит героев: *«...посмотреть захотелось на Русь полуночную... <...> и во снах мне Грумант-то чудился...»* [Бадигин, 1953], – сообщает один из мезенцев, Степан Шарапов, о причинах, подтолкнувших его идти на промысел.

В этом контексте становится очевидной связь созданного Бадигиным образа арктического острова с мифопоэтической традицией толкования островного топоса в русской культуре. Остров здесь – это в первую очередь сакральное место, место сохранения памяти и истории Русского Севера; недаром герои снимают шапки перед раскрывающимися природными просторами, чтобы выразить почтение, несмотря на сильный мороз и ветер. В северорусской картине мира остров напоминает иной мир, место обитания хтонических существ. Промысловиков на острове длинными арктическими ночами пугает не столько суровая погода, сколько вой «грумантского пса».

Во вставном эпизоде бадигинской повести, легенде о двух названных братьях Кирике и Олеше, фигурирует Гусиная белая Земля – религиозно-мифологическое воплощение Груманта. Именно туда отправляются мужи-двиняне после свершения ратного подвига: *«Там играют вечные сполохи, туда прилетают легкокрылые гуси беседовать с мертвыми. Там немолчно рокочат победные гусли, похваляя героев...»* [Бадигин, 1953].

В повести Софьи Борисовны Радзиевской уже в само заглавие («Остров мужества»), сильную

позицию текста, вынесен пространственный образ острова. Примечательно, что именно в этом произведении события преподносятся через призму детского восприятия окружающей действительности. Такой ракурс повествования не используется в других текстах о мезенских «робинзонах». «Остров мужества» – это место, где один из главных героев проходит своеобразный путь становления, формирования взрослой личности; Ванюшка по прошествии шести лет жизни на острове взрослеет, осознает свое место в мире, свое профессиональное предназначение.

Островное же пространство в повести создано по принципу сочетания реально-географического описания и мифопоэтической характеристики. С одной стороны, в тексте представлен полный и гармоничный природный ландшафт – в художественный мир вписаны ущелья, пещеры, горы, камни и скалы реально существующего на карте мира острова. В то же время этот остров, пространство которого ограничено, а время внутри него циклично, подчиняется природному календарю («...кормщик только по звёздам примечал, когда кончается день и настает такая же тёмная ночь...» [Радзиевская, 1969]) и его течение практически не ощущается героями («...время, казалось им, двигалось медленнее, чем белый иней по чёрной стене...» [Радзиевская, 1969]), представляет собой такую модель мира, где возможно органичное *со-бытие* человека и природы. Дом, в котором проводят промысловики свободное время и отдыхают после тяжелой работы, выступает в роли синекдохи образа острова, и здесь еще заметнее становится пониженная интенсивность художественного времени: «В темноте избушки было не разобрать, начался ли день...», «Время в избушке словно остановилось...» [Радзиевская, 1969].

Названия современных произведений о выживании русских промысловиков в Арктике отсылают читателей к образу Робинзона Крузо. Повесть Олега Щербатова «Русские Робинзоны» (2020) начинается со вступления о литературном жанре робинзонады и его создателе Даниеле Дефо. Автор сопоставляет условия необитаемого острова в Атлантическом океане, на котором выживал Робинзон, с условиями, в которых оказались мезенцы, и приходит к выводу, что «наши робинзоны жили (не выживали, а жили!) в ледяных краях, в условиях Севера, неизмеримо более тяжких, чем те, что выпадали робинзонам теплых стран...» [Щербатов, 2020, с. 162]. Рассказ Михаила Старчикова «Полярные Робинзоны»

(2021) точно так же отсылает читателя к европейскому претексту. В эпиграф автор выносит цитату из книги Ле Руа: «Несчастливые сии люди прожили почти шесть лет в сем печальном жилище» [Старчиков, 2021]. Тем не менее, являясь все же источником истории о мезенских «робинзонах», сочинение академика и его смысловые доминанты не оказали особого влияния на концептуальные подходы, определившие содержание рассказа крымского автора.

Местность, в которой оказались герои рассказа, хорошо знакома и близка им, здесь они ощущают тесную связь с природой и с благодарностью в итоге принимают ее дары (домой поморы возвращаются с богатой добычей). «Помните мне, имеется там домишко!» [Старчиков, 2021] – говорит кормщик; там, по воспоминаниям Степана Шарапова, находилась рыбацкая изба, в ней – печь, и можно было укрыться от холода: «Слыхал я, что изба та находится недалеко от берега! – обратился к товарищам Степан Шарапов» [Старчиков, 2021].

В интерпретации Михаила Старчикова арктические робинзоны предстают перед читателем уже в момент спасения – впереди у них другая жизнь, позади остались все трудности выживания в Арктике. Рассказывая о своих «мытарствах» на острове, герои как будто обращаются к нарративам древних сказаний об испытаниях души после смерти.

В начале рассказа, когда герои отплывают от берегов арктического острова, появляется смысловая оппозиция «спереди / сзади»: «Гребцы дружно налегали на весла, и баркас быстро летел вперед, постепенно приближаясь к покачивающемуся на волнах кочу „Варфоломей“. В белесой дымке где-то сзади постепенно таял огромный остров, покрытый льдом и снегом...» [Старчиков, 2021]. В этой небольшой пространственной зарисовке прочитывается момент преодоления границы в хронотопе жизни героев – впереди их ждет спасительный корабль, а позади остался ледяной остров – на своем маленьком баркасе они навсегда покидают огромный остров. Образ белесой дымки в этом эпизоде выступает в роли природной границы между миром земной цивилизации и иным миром, из которого промысловики сумели выбраться после тяжелых испытаний. Автор, таким образом, вводит в сюжет мотив возвращения из мира мертвых, прибегая к мифологической трактовке островного топоса.

М. Старчиков по-особому именует героев. В его рассказе мы встречаемся с *отшельниками*, а

не просто с «робинзонами», «островитянами» или «промысловиками». Такая номинация встречается далеко не у каждого автора, обращавшегося к сюжету «арктической» робинзонады. До М. Старчикова отшельниками называет своих героев только писатель Николай Зайцев в своем небольшом рассказе «Русские робинзоны» [Зайцев, 1973], опубликованном в петрозаводском журнале «Север» в 1973 году. Слово отшельник означает «человека, из религиозных соображений поселившегося в уединении и отказавшегося от общения с людьми, миром; пустытника» [Большой толковый словарь, 1998, с. 767]. Судьба героев рассказа не вполне согласуется с такой трактовкой, поскольку на острове, в уединении они оказались не по собственной воле, а в силу непредвиденных обстоятельств. Тем не менее, называя своих персонажей отшельниками, русские писатели подчеркивают их особый статус, особый смысл их пребывания в изоляции от социального мира. Отшельничество в русской литературе связано с духовным совершенствованием человека. Герои-отшельники «арктической» робинзонады внутренне преобразуются после шестилетнего уединения на острове (как и персонажи из ряда упомянутых выше текстов предшественников). При этом возвращаются домой они такими же богатыми, как и Робинзон Крузо, но только их богатство измеряется несколько иначе. Русские робинзоны смогли встроиться в жизнь на острове, где нет ничего, кроме льда, снега и диких животных. Этот остров стал для них вторым домом. Они научились добывать пищу без использования орудий, обрабатывать шкуры и шить одежду. Благодаря своим навыкам они не испытывали недостатка в еде. Им удалось добыть ценные меха, которые стали для них настоящим сокровищем, а за свое спасение герои неустанно благодарят Бога: «Спасибо те, Господи! – размахисто перекрестился заросший чёрной с проседью бородой мужчина средних лет. – Долго мы здесь мытарствовались, и спасения уже на ждали...» [Старчиков, 2021]. Увидев корабль, Алексей благодарит Господа за спасение, ведь по его разумению именно Промысел Божий направил судно к их острову – кормщик такого решения не принимал, команда отправлялась на промысел в другое место.

Примечательно, что современные литераторы особое внимание уделяют религиозной стороне жизни героев. Она протекает на острове с мыслью о Боге: искренне просят его помощи и участия в любом деле. Все действия совершают-

ся ими всегда после молитвы: молитва сопровождает отход ко сну, прием пищи, выход на охоту. Друг к другу относятся особенно задушевно и сердечно, так, как предписано в священном писании: «...верные в любви, в дружбе, в общих делах» [Щербатов, 2020, с. 165]; и к смерти относятся так же – по-христиански – смиренно и без страха: «Дедка в своих думках не только смирился, что лодья много его переживет, эта мысль делала его жизнь полной, а смерть не страшной» [Щербатов, 2020, с. 185].

Пространство моря в картине мира героев повести О. Щербатова сопряжено с большой опасностью. «...Кто в море не хаживал, тот Богу не маливался...» [Щербатов, 2020, с. 196], – любит повторять кормщик. В море человек оказывается лицом к лицу перед смертью, откуда она придет или, милостью божьей стороной обойдет, то неизвестно морякам. Море – сакральное место, которое вызывает благоговейный трепет в душе промысловиков, здесь они соприкасаются с Богом иверяют себя полностью Его воле.

Вводя в сюжет «арктической» робинзонады тему Божьего Промысла, силы христианской веры, М. Старчиков и О. Щербатов стремятся раскрыть жизнь промысловиков как опыт пребывания в «ином» мире. Арктический остров здесь – это не пустынное пространство и не тюремное заточение для попавшего сюда человека, это священное место, отмеченное божественным присутствием; оказаться здесь – удел избранных, благо, а не наказание.

Заключение

На протяжении трех столетий обращение самых разных авторов к сюжету «арктической» робинзонады и ее центральному пространственному образу – необитаемому острову – продиктовано различными мотивами: будь то личный опыт (как в случае с писателем-маринистом К. С. Бадигиным) или в контексте современных событий остро испытываемая потребность в обращении к забытым страницам национальной истории (у З. С. Давыдова). Но при этом неизменными остаются, и даже по мере историко-литературного развития усиливаются, тенденции, связанные с особенностями национального осмысления островного топоса.

Изолированность островного пространства от социального мира порождает определенные смысловые ассоциации, связанные с представлениями о тюремном заключении, одиночестве, безысходности. Такая трактовка топоса острова

характерна в основном для западноевропейской литературы (Робинзон Крузо называет свой остров «островом отчаяния», «ужасным островом»). Герои «русской робинзонады» иначе воспринимают место своего вынужденного пребывания. В произведениях XIX и XX веков они, попав на необитаемый остров с суровым климатом, не просто быстро адаптируются в этом пространстве, но и ощущают именно здесь присутствие сакральных сил, восторженно принимают открывающуюся им красоту и глубину смыслов первозданного мира. Русские робинзоны, в отличие от своих европейских предшественников, не пытаются обуздать природу, перекроить ее по лекалам привычного им мира человеческой цивилизации, встроить в планы своего колониального освоения территорий. Напротив, они сами встраиваются в первозданный природный мир, трепетно относятся к его сакральным истокам.

Концептуальные особенности сюжета о робинзонах в русском культурном пространстве обусловлены теми смысловыми акцентами, которые отвечают господствующей здесь художественной картине мира. Остров, согласно доминирующим национальным художественным представлениям, – это не метафора «потерянного рая», место исполнения наказания, а скорее представленная чудесным образом возможность обратиться к глубоким сакральным смыслам. Не случайно для северорусской традиции характерно островное расположение значимых символов русского православия, его монастырей – Валаамского, Соловецкого, Кийского, Спасо-Каменного.

Библиографический список

1. Архангельская М. В. Приключения русских промышленников: Заимствовано из соч. Гризи[нгера] с нем. // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/margarita-vasilevna-arhangelskaya/> (дата обращения: 20.10.2024).
2. Афанасьев А. Н. Языческие предания об острове-Буяне // Афанасьев А. Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / сост., подгот. текста, статья, коммент. Н. Л. Топоркова. Москва : Индрик, 1996. С. 16–32.
3. Бадигин К. С. Путь на Грумант // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/nazvanie-teksta/> (дата обращения: 20.10.2024).
4. Белов М. И. О повести Петра-Людвика Ле Руа // Ле Руа. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурю принесенных / предисл. М. И. Белова; примеч. В. Ю. Визе. Изд. 4-е. Москва : Мысль, 1975. С. 5–19.
5. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург : Норинт, 1998. 1535 с.
6. Визе Ю. В. Примечания // Ле Руа П.-Л. Приключения четырех российских матросов, к острову Шпицбергену бурю принесенных. Изд. 4-е. Москва : Мысль, 1975. С. 48–51.
7. Веселовский А. Н. Народные представления славян. Москва : АСТ, 2006. 667 с.
8. Горницкая Л. И. Место, которого нет... Острова в русской литературе / Л. И. Горницкая, М. Ч. Ларионова. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. 226 с.
9. Державин В. Л. Проблемы освоения морского побережья и островов Европейской Арктики в XVI–XVIII вв. / В. Л. Державин, В. Ф. Старков // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 49. С. 78–82.
10. Еременко Е. Д. Картографический сеттинг в литературе и кинематографе // Вестник СПбГИК. 2023. №4 (57). С. 39–44.
11. Зайцев Н. Русские робинзоны // Север: литературно-художественный журнал. 1973. № 10. С. 100–102.
12. Зубковский А. Бедствия четырех русских китов // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/zubkovskij-a/> (дата обращения: 20.10.2024).
13. Курциус Э. Р. Европейская литература и латинское Средневековье: В 2 т. / пер., коммент. Д. С. Колчигина; под ред. Ф.Б. Успенского. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2021.
14. Ле Руа П.-Л. Приключения четырех российских матросов к острову Шпицбергену бурю принесенных / предисл. М. И. Белова; примеч. В. Ю. Визе. Изд. 4-е. Москва, 1975. 56 с.
15. Лотман Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Москва, 1988. 352 с.
16. Македонов А. «Робинзон Крузо» (к вопросу о положительном герое буржуазной литературы) // Красная новь. 1933. Кн. 7. С. 229–232.
17. Минаева Т. С. Поморские промыслы на Шпицбергене в конце XVIII – первой половине XIX века // Экономическая история. 2013. № 1 (20). С. 6–13.
18. Михайлова Т. А. «Острова за морем...» – тема плавания в поисках иного мира в древнеирландской мифопоэтической традиции // Fil tir n-all... О плаваниях к иным мирам в средневековой Ирландии: исследования и тексты / отв. ред.-сост. Т. А. Михайлова. Москва : Издательская группа «Альма Матер», 2024. С. 298–333.
19. Монтень М. Опыты: В 3-х кн. / изд. подгот. А. С. Бобович и др. 2-е изд. Москва : Наука, 1979.
20. Накрохин П. На Груманте // Мультимедийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL:

<https://mezrob29.ru/nakrohin-p/> (дата обращения: 20.10.2024).

21. Радзиевская С. Б. Остров мужества // Мульти-медийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/sofya-borisovna-radzievskaya/> (дата обращения: 20.10.2024).

22. Садикова В. А. К вопросу о языковой топологии // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2015. № 4. С. 44–49.

23. Старков В. Ф. Удаленные промыслы русских поморов в XV–XVIII вв. // Краткие сообщения Института археологии. 2015. № 241. С. 328–333.

24. Старчиков М. Полярные Робинзоны // Мульти-медийный корпус текстов о мезенских робинзонах: художественный подкорпус. URL: <https://mezrob29.ru/mihail-yurevich-starchikov/> (дата обращения: 20.10.2024).

25. Теребихин Н. М. Метафизика Севера. Архангельск : ПГУ, 2004. 275 с.

26. Хазагеров Г. Г. Топос vs. Концепт: к изучению топосферы культуры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 6–26.

27. Шкловский В. Б. Об островах отдаленных, летающих, необитаемых и о значении топа, а также о Санча Панса – губернаторе сухопутного острова // Шкловский В. Б. Художественная проза: Размышления и разборы. Москва : Советский писатель, 1959. С. 238–248.

28. Щербатов О. Русские Робинзоны // Подвиг: литературно-художественный журнал. 2020. № 3. С. 160–277.

29. Baldacchino G. Studying islands: On whose terms?: Some epistemological and methodological challenges to the pursuit of island studies // Island Studies Journal. 2008. Vol. 3. P. 37–56.

30. Defoe D. Robinson Crusoe. London : David Campbell, 1992. 312 p.

31. Foley A. et al. Understanding «islandness» // Annals of the American Association of Geographers. 2023. T. 113. № 8. P. 1800–1817.

32. Hay P. A Phenomenology of Islands // Island Studies Journal. 2006. Vol. 1. № 1. P. 19–42.

33. Mareš M. The Island Topos: From Paradise to Prison // American & British Studies Annual. 2017. T. 10. С. 149–156.

34. Nadarajah Y. Critical reflexivity and decolonial methodology in island studies: Interrogating the scholar within // Island Studies Journal. 2022. T. 17. № 1. С. 3–25.

35. Tamitskiy A. M. Island as a memorial site in the sacral landscape of the Arctic regions of the Russian North / A. M. Tamitskiy, N. M. Terebikhin // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2019. T. 302. С. 012034. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/302/1/012034/meta#references> (дата обращения: 20.10.2024).

36. Van Duzer C. From Odysseus to Robinson Crusoe: a survey of early western island literature // Island Studies Journal. 2006. T. 1. № 1. С. 143–162.

Reference list

1. Arhangel'skaja M. V. Prikljuchenija russkih promyshlennikov = The adventures of Russian industrialists : Zaimstvovano iz soch. Grizi[n]gera] s nem. // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpuS. URL: <https://mezrob29.ru/margarita-vasilevna-arhangel'skaya/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

2. Afanas'ev A. N. Jazycheskie predanija ob ostrove-Bujane = Pagan legends of the Buyan Island // Afanas'ev A. N. Proishozhdenie mifa. Stat'i po fol'kloru, jetnografii i mifologii / sost., podgot. teksta, stat'ja, komment. N. L. Toporkova. Moskva : Indrik, 1996. S. 16–32.

3. Badigin K. S. Put' na Grumant = The road to Grumant // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpuS. URL: <https://mezrob29.ru/nazvanie-teksta/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

4. Belov M. I. O povesti Petra-Ljudovika Le Rua = On the story by Peter-Ludovic Le Roy // Le Rua. Prikljuchenija chetyreh rossijskih matrosov, k ostrovu Shpicbergenu bureju prinesennyh / predisl. M. I. Belova; primech. V. Ju. Vize. Izd. 4-e. Moskva : Mysl', 1975. S. 5–19.

5. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov; RAN, In-t lingvist. issled. Sankt-Peterburg : Norint, 1998. 1535 s.

6. Vize Ju. V. Primechanija = Notes // Le Rua P.-L. Prikljuchenija chetyreh rossijskih matrosov, k ostrovu Shpicbergenu bureju prinesennyh. Izd. 4-e. Moskva : Mysl', 1975. S. 48–51.

7. Veselovskij A. N. Narodnye predstavlenija slavjan = Folk beliefs of the SlavS. Moskva : AST, 2006. 667 s.

8. Gornickaja L. I. Mesto, ktorogo net... Ostrova v russkoj literature = A place that does not exist... Islands in Russian literature / L. I. Gornickaja, M. Ch. Larionova. Rostov-na-Donu : Izd-vo JuNC RAN, 2013. 226 s.

9. Derzhavin V. L. Problemy osvoenija morskogo poberezh'ja i ostrovov Evropejskoj Arktiki v XVI–XVIII vv. = Problems of developing the sea coast and islands of the European Arctic in the XVI–XVIII centuries / V. L. Derzhavin, V. F. Starkov // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2017. № 49. S. 78–82.

10. Eremenko E. D. Kartograficheskij setting v literature i kinematografe = Cartographic setting in literature and cinema // Vestnik SPbGIG. 2023. №4 (57). S. 39–44.

11. Zajcev N. Russkie robinzony = Russian Robinsons // Sever: literaturno-hudozhestvennyj zhurnal. 1973. № 10. S. 100–102.

12. Zubkovskij A. Bedstvija chetyreh russkih kitolov = The calamities of four Russian whalers // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah:

hudozhestvennyj podkorpuS. URL: <https://mezrob29.ru/zubkovskij-a/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

13. Kurcius Je. R. Evropejskaja literatura i latinskoe Srednevekov'e = European literature and the Latin Middle Ages : V 2 t. / per., komment. D.S. Kolchigina; pod red. F.B. Uspenskogo. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2021.

14. Le Rua P.-L. Prikljuchenija chetyreh rossijskich matrosov k ostrovu Shpicbergenu bureju prinesennyh = Adventures of four Russian sailors brought to the island of Spitsbergen by a storm / predisl. M. I. Belova; primech. V. Ju. Vize. Izd. 4-e. Moskva, 1975. 56 s.

15. Lotman Ju. M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja = Artistic space in Gogol's prose // Lotman Ju. M. V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'. Moskva, 1988. 352 s.

16. Makedonov A. «Robinzon Kruzo» (k voprosu o polozhitel'nom geroe burzhuznoj literatury) = «Robinson Crusoe» (to the question of a positive character in bourgeois literature) // Krasnaja nov'. 1933. Kn. 7. S. 229–232.

17. Minaeva T. S. Pomorskie promysly na Shpicbergene v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka = Pomor trades on Spitsbergen at the end of the XVIII – early XIX centuries // Jekonomicheskaja istorija. 2013. № 1 (20). S. 6–13.

18. Mihajlova T. A. «Ostrova za morem...» – tema plavanija v poiskah inogo mira v drevneirlandskoj mifopojeticheskoi tradicii = «Islands beyond the sea...» – The theme of a sailing in search of another world in the Old Irish mythopoetic tradition // Fil tir n-all... O plavanijah k inym miram v srednevekovoj Irlandii: issledovanija i teksty / otv. red.-sost. T. A. Mihajlova. Moskva : Izdatel'skaja gruppа «Al'ma Mater», 2024. S. 298–333.

19. Monten' M. Opyty = Essays : V 3-h kn. / izd. podgot. A. S. Bobovich i dr. 2-e izd. Moskva : Nauka, 1979.

20. Nakrohin P. Na Grumante = On Grumant // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpus. URL: <https://mezrob29.ru/nakrohin-p/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

21. Radzievskaja S. B. Ostrov muzhestva = The island of courage // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpus. URL: <https://mezrob29.ru/sofya-borisovna-radzievskaya/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

22. Sadikova V. A. K voprosu o jazykovej topologii = Toward the issue of linguistic topology // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». 2015. № 4. S. 44–49.

23. Starkov V. F. Udalennye promysly russkih pomorov v XV–XVIII vv. = Russian pomors' distant trades in

the XV–XVIII centuries // Kratkie soobshhenija Instituta arheologii. 2015. № 241. S. 328–333.

24. Starchikov M. Poljarnye Robinzony = Polar Robinsons // Mul'timedijnyj korpus tekstov o mezenskih robinzonah: hudozhestvennyj podkorpus. URL: <https://mezrob29.ru/mihail-yurevich-starchikov/> (data obrashhenija: 20.10.2024).

25. Terebihin N. M. Metafizika Severa = Metaphysics of the North. Arhangel'sk : PGU, 2004. 275 s.

26. Hazagerov G. G. Topos vs. Koncept: k izucheniju toposfery kul'tury = Topos vs. Concept: Toward studying the toposphere of culture // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2008. № 3. S. 6–26.

27. Shklovskij V. B. Ob ostrovah ot dalennyh, letajushih, neobitaemyh i o znachenii topa, a takzhe o Sancha Pansa – gubernatore suhoputnogo ostrova = On islands remote, flying, uninhabited, and on the meaning of the top, as well as on Sancha Panza, the governor of a land island // Shklovskij V. B. Hudozhestvennaja proza: Razmyshlenija i razbory. Moskva : Sovetskij pisatel', 1959. S. 238–248.

28. Shherbatov O. Russkie Robinzony = Russian Robinsons // Podvig: literaturno-hudozhestvennyj zhurnal. 2020. № 3. S. 160–277.

29. Baldacchino G. Studying islands: On whose terms?: Some epistemological and methodological challenges to the pursuit of island studies // Island Studies Journal. 2008. Vol. 3. R. 37–56.

30. Defoe D. Robinson Crusoe. London : David Campbell, 1992. 312 p.

31. Foley A. et al. Understanding «islandness» // Annals of the American Association of Geographers. 2023. T. 113. № 8. R. 1800–1817.

32. Hay P. A Phenomenology of Islands // Island Studies Journal. 2006. Vol. 1. № 1. R. 19–42.

33. Mareš M. The Island Topos: From Paradise to Prison // American & British Studies Annual. 2017. T. 10. S. 149–156.

34. Nadarajah Y. Critical reflexivity and decolonial methodology in island studies: Interrogating the scholar within // Island Studies Journal. 2022. T. 17. №. 1. S. 3–25.

35. Tamitskiy A. M. Island as a memorial site in the sacral landscape of the Arctic regions of the Russian North / A. M. Tamitskiy, N. M. Terebihin // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2019. T. 302. S. 012034. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1755-1315/302/1/012034/meta#references> (data obrashhenija: 20.10.2024).

36. Van Duzer C. From Odysseus to Robinson Crusoe: a survey of early western island literature // Island Studies Journal. 2006. T. 1. №. 1. S. 143–162.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-35

EDN: BINOMQ

Структура и содержание сборника В. Сосноры «Куда пошел? и где окно?»

Екатерина Владимировна Болнова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского. 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Аннотация. В статье впервые предпринимается попытка целостного анализа поэтического сборника В. Сосноры «Куда пошел? и где окно?». Особенность данного сборника заключается в том, что он прервал шестнадцатилетнее молчание Сосноры-поэта и ознаменовал возвращение автора к стихотворному творчеству. Последовательно анализируются три цикла, составляющие сборник. Делается вывод о возможном авторском замысле, а также его реализации. Так, в основе цикла «Уходят солдаты» лежит работа с античной эстетикой, в основе цикла «Уходят цыгане» лежит работа с романтической эстетикой, а цикл «Уходят женщины» построен на соединении разных эстетических и культурных кодов, объединенных дионисийством, витальностью. Анализируется биографический контекст, связанный с написанием и изданием сборника «Куда пошел? и где окно?». Возвращение Сосноры к поэзии связано с тяжелой болезнью его второй жены, Нины Алексеевой. Факты биографии проливают свет в том числе и на идею сборника. Она связана с размышлением о возможности преодоления смерти, ухода в небытие. В финале лирический герой отказывается от попыток ускользнуть от смерти и принимает ее неизбежность в том числе и для себя. Сопоставляются разные издания сборника «Куда пошел? и где окно?» с целью выявления постоянных элементов в структуре сборника и тех, от которых автор отказывается при переиздании.

Ключевые слова: поэзия В. А. Сосноры; современная литература; сборник «Куда пошел? и где окно?»; аллюзии; реминисценции

Для цитирования: Болнова Е. В. Структура и содержание сборника В. Сосноры «Куда пошел? и где окно?» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 35–43. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-35>. <https://elibrary.ru/BINOMQ>

Original article

The structure and content of V. Sosnora's collection «Where did you go? Where is the window?»

Ekaterina V. Bolnova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of russian literature, National research Lobachevsky state university of Nizhny Novgorod. 603950, Nizhny Novgorod, Gagarin avenue, 23

eka332@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4956-642X>

Abstract. For the first time, the article attempts a holistic analysis of V. Sosnora's poetry collection Where Did You Go? and Where is the Window? The collection is unique as it broke Sosnora's sixteen-year silence and marked the author's return to poetry. The three cycles that make up the collection are analyzed one by one. The conclusion is made about a possible poet's intention, as well as its realization. Thus, the cycle Soldiers Go Away sows the work with antique aesthetics, romantic aesthetics underlies the cycle Gypsies Go Away, and the cycle Women Go Away is built on the combination of different aesthetic and cultural codes, united by Dionysianism and vitalism. The article analyzes the biographical context related to writing and publishing the collection Where Did You Go? and Where Is the Window?. Sosnora's return to poetry is connected with the serious illness of his second wife, Nina Alekseeva. The biographical facts shed light on the idea of the collection. It is connected with the reflection on the possibility of overcoming death, of going into oblivion. At the end, the lyrical hero gives up trying to escape death and accepts that it is inevitable, even for himself. Different editions of the collection «Where Did You Go? and Where Is the Window?» are compared in order to identify the permanent elements in the structure of the collection and those that the author rejects when reprinting it.

Key words: V. A. Sosnora's poetry; contemporary literature; the collection «Where Did You Go? and Where Is the Window?»; allusions; reminiscences

For citation: Bolnova E. V. The structure and content of V. Sosnora's collection «Where did you go? Where is the window?». *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):35–43. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-35>. <https://elibrary.ru/BINOMQ>

Введение

Поэтический сборник В. Сосноры «Куда пошел? и где окно?» отдельным изданием вышел в 1999 г. Данное издание прерывает шестнадцатилетнее молчание Сосноры-поэта. Предыдущий сборник поэзии «Мартовские иды» был опубликован в 1983 г. В период с 1983 по 1999 г. автор публикует лишь прозаические произведения. За это время написаны «Башня» (1984 г.), «Дом дней» (1986 г.), «Книга пустот» (1988–1990 гг.), «Камни Negerer» (1988–1996 гг.), «А потом...» (1992–1994 гг.), «Диски безнадёжностей» (1998–1999 гг.). Небезынтересным представляется тот факт, что, вернувшись к поэзии в 1999 г., Соснора больше не публикует прозу.

Появление поэтического сборника связано с трагическими событиями в жизни Сосноры: смертельной болезнью второй жены поэта – Нины Алексеевой, которой и посвящено отдельное издание «Куда пошел? и где окно?» 1999 г. Однако обращение к архивным материалам позволило установить, что значительная часть стихотворений цикла «Уходят женщины» была написана еще в начале 1990-х гг. [Болнова, 2024а]. Тем не менее, «Куда пошел? и где окно?» является первым поэтическим сборником Сосноры, опубликованным без цензурных правок в том виде, в котором его задумал и создал автор. Издание 1999 г. [Соснора, 1999] дополняется автором Сосноры и его рисунками. Таким образом, автор выступает и в качестве художника-оформителя книги. До этого в книгах Сосноры его рисунки не публиковались. Данная сторона его личности до сих пор практически не изучена, а рисунки Сосноры малоизвестны.

Методы исследования

Проведенный анализ базируется, в первую очередь, на разновидностях описательного метода исследования: на структурно-описательном и описательно-функциональном методе. Также широко использован и сравнительно-сопоставительный метод. По мере необходимости привлекаются также психологический и биографический методы. Формальный и мифопоэтический методы используются в тех случаях, где обращение к ним позволяет расширить кон-

текст восприятия поэтических текстов Сосноры, входящих в сборник «Куда пошел? и где окно?». Данное исследование коррелирует с другими исследованиями поэтического наследия Сосноры, как созданными при его жизни [Зубова, 2004; Зубова, 2010; Арьев, 1993; Арьев, 2001; Арьев, 2011; Гордин, 1986; Новиков, 1979], так и после смерти автора [Лошилов, 2021; Лошилов, 2022а; Лошилов, 2022б; Лошилов; Соснора, 2022а; Лошилов; Соснора, 2022б; Балашов-Ескин, 2022; Ковалева, Лошилов, 2023; Зейферт, 2023; Болнова, 2024б; Болнова, 2024в; Доманский, 2024; Ковалева, Лошилов, 2024].

Результаты исследования

Сборник «Куда пошел? и где окно?» состоит из трех циклов: «Уходят солдаты», «Уходят цыгане», «Уходят женщины». Очевидно, что заглавие всего сборника, вкупе с заглавиями циклов, задает главный мотив – мотив ухода, который трактуется как уход в смерть. Важнейшей проблемой, связанной с данным мотивом, будет проблема забвения, ухода в небытие или, напротив, сохранения памяти и наследия.

Первый цикл «Уходят солдаты» тематически и образно связан с историей Римской империи, ее расцветом и падением, с античной культурой и мифологией. Данный цикл является далеко не первым случаем обращения Сосноры к античной тематике, однако цикл «Уходят солдаты» отличается отсутствием перегруженности именами собственными из античной мифологии и истории, а также отсылками к малоизвестным фактам, которые иногда встречались ранее при обращении автора к аллюзиям и реминисценциям из античной истории и мифологии. Данная особенность может быть связана с нежеланием автора отвлекать внимание читателя от центрального мотива, пронизывающего все двенадцать стихотворений цикла.

Первое из них построено на переосмыслении афоризма «когда говорят пушки, музы молчат», базирующегося на фрагменте речи Марка Туллия Цицерона в защиту Милона: «Inter arma silent leges»:

Зашьют рты,
откроются губы.

Понравится голод,
появится голос.
Заговорят пушки –
и запоют Музы! [Соснора, 2018, с. 787]

Источником истинной поэзии Соснора видит не благополучие, а страдание, которое и наделяет поэта способностью говорить не только от своего лица, но и от лица многих людей. Цикл «Уходят солдаты» – один из немногих, в которых лирический герой Сосноры не противопоставляет себя народу, толпе или массе, а является одними из представителей этого народа, разделяющим общую судьбу. Наиболее ярко это проявляется в предпоследнем в сборнике микроцикле, состоящем из двух текстов, чье название совпадает с названием самого цикла: «Уходят солдаты». Автор в первом тексте активно использует местоимение первого лица множественного числа («мы»), нечасто встречающееся в поэтическом мире Сосноры:

Сбылось, и империя по нумерам.
Но все-таки шли мы в Египет,
но в мышцах не кровь, а какая-то мгла,
мы шли и погибли. [Соснора, 2018, с. 794]

Во втором тексте множественность, выраженная при помощи местоимения «мы» распадается, из нее выделяется «я» лирического героя, однако он осознает себя единственным оставшимся в живых выразителем общего мнения погибших солдат:

И Мы задохнутся от пуль через год,
и боги уйдут в подземелья.
Над каждым убитым, как нимбы (тогда!)
я каску снимаю [Соснора, 2018, с. 798].

Автор проводит параллель между гибелью Римской империи и современностью, педалируя мысль о цикличности исторических катастроф и их же неизбежности:

Ответ же, мне скажут, про этот сюжет,
Империя – головешки?
А шарiku Зем?..
Я вам не скажу,
я, вам говоривший [Соснора, 2018, с. 796].

В рамках поиска решений художественной задачи Соснора не делает различия между обращением к истории римского периода античности и мифологии. Так, в тексте встречаются упоминания таких мифических персонажей как Аттис, Зевс, Мом, Юпитер, Лета, кони Патрокла. В большинстве случаев речь идет об иллюстратив-

ной и орнаментальной функции, которую выполняют данные образы. Неслучайно они чаще всего встречаются в одном контексте с историческими именами или географическими названиями, отсылающими к античному периоду истории Греции и Рима:

Носилки в Рим! где Зевс и фриз,
и много губ фруктовых, и момент,
поймётся ль логос их чаш, фраз,
уймётся ль мир твой, обо мне?
Отхлынется, уйдут они в рок,
лишь в фотокопиях кружки глаз,
и вздрогнется, что всё в нас вдруг,
когда настанет время: нет нас.
Ты жимолость, а я у Мома торс,
у Тибра я стою без стен,
опомнится, ты некто, я ни кто,
что жил-были, ты ветр, я сеть [Соснора, 2018, с. 791].

Однако мир римской античности неразрывно переплетается в стихотворениях Сосноры с современным миром, который проявляет себя в постоянных обращениях к реалиям XX в. Так, в приведенном фрагменте таким диссонирующим, на первый взгляд, элементом является упоминание фотокопий. Переплетение исторических эпох и мировоззрений становится авторской стратегией, что очевидно обнажено как прием в стихотворении «В этой лодке нету, Аттис, на заплыв пучины морей...»:

В этой лодке нету, Аттис, на заплыв пучины морей,
трескнул Рим, и вёсла в ступе, пифы золото унесли,
плебса слезы не в новинку, и отстрел Сената хорош,
форум полон демагогов, Капитолий в масках воров,
гений хрипл, бескрыл и сомкнут, он всего лишь двоегуб,
но и две губы смеются, из металла именем медь,
нет уж светлых сковородок, тут уж гунны черных дыр,
не в новинку! не в новинку! где Двурогий? и где Вавилон?
будет цезарь с Миссолунги, и повешен вниз головой! [Соснора, 2018, с. 789]

Ю. Орлицкий в статье «О стихосложении В. Сосноры (предварительные замечания)» относит данное стихотворение к логазмам: «Изыс-

канная логоэдическая формула (шесть хореев с цезурой после четвертой стопы плюс стопа дактиля плюс ямб с мужским окончанием)» [Орлицкий, 2019]. Однако можно также предположить, что за основу автор берет хореический тетраметр, однако вносит некоторые изменения в его форму, таким образом, в данном случае имеет место и подражание античности, и ее преодоление. Общим мотивом всего цикла «Уходят солдаты» является мотив обреченности, неизбежности смерти. Античность видится Сосноре одной из вершинных точек развития цивилизации, в том числе военной цивилизации. Однако ее закат не отмечен ни воинскими победами, ни подъемом воинского духа. Напротив, общий упадок духа приводит к обреченности в том числе и армии, которой Римская империя гордилась по праву. Тем не менее лирический герой не принимает идеи конечности бытия для себя. В финальном стихотворении цикла он отказывается от идентичности с коллективом, от лица которого лирический герой высказывается в предыдущих текстах:

Как молний и акул не мыслим стулья,
как эхолот,
я звуколов, а этому Столету
я эпилог.
Легко расстанусь с рёбрами по телу
и с прахом ваз,
и это вы и век уйдёте в Лету,
а мой возврат.
У ноты нет ни линий с языками,
она как мист,
в единый миг из камня возникает,
из метастаз.
Мне механизмы чужды междуножья,
рождён, как Бык,
мой красный мускул серии не множит,
им полон миг.
И смерть меня не более ужасна,
чем взлёт пыльцы,
поют уж гимны в воздухе у жизни
Ея гонцы! [Соснора, 2018, с. 797]

Таким образом, себе лирический герой отводит особую роль: во-первых, смерть для него не конечна, что обусловлено особой метапозицией поэта, чье творчество неподвластно забвению, которое и есть синоним настоящей смерти. Во-вторых, лирический герой эвфемистически утверждает мысль о своей повышенной витальности, мужской потенции. С другой стороны, отсутствие продолжения себя самого в потомках

(напомним, что и у самого Сосноры не было детей) приводит к тому, что вся жизненная энергия лирического героя переходит в его творчество. То есть акт творчества соотносим с интимными отношениями между мужчиной и женщиной. Данная аналогия работает и в обратную сторону в художественном мире сборника Сосноры «Куда пошел? и где окно?», что наиболее ярко будет реализовано в последнем цикле, «Уходят женщины». Таким образом, последнее стихотворение цикла «Уходят солдаты» в редуцированном виде содержит те мотивы, которые будут реализованы в следующих циклах сборника.

Если в основу цикла «Уходят солдаты» была положена римская античная культура, мифология и история, то в основу цикла «Уходят цыгане» положена романтическая эстетика, что находит отражение и в формальном, и в содержательном аспекте. Цикл состоит из десяти стихотворений, одно из которых представляет собой моностих. Это единственный опубликованный моностих в творчестве Сосноры, который не тяготел к минимализму.

Цикл «Уходят цыгане» включает в себя и одноименный микроцикл, состоящий из трех стихотворений. В последнем из них встречается прямая цитата из «легенды о Марко» М. Горького:

Ни сказок про вас не расскажут,
ни песен про вас не споют [Соснора, 2018, с. 800].

Соснора изменяет только заключительный знак препинания: у Горького стихотворение заканчивается восклицательным знаком, что соответствует идейному содержанию его произведения. «Легенда о Марко» прославляет человека, способного на сильные и отчаянные поступки, независимо от того, к чему они приводят. Романтической сильной натуре, к которым относится Марко, противопоставляются обыватели, чьи имена забудутся сразу после смерти. Ценой бесмертия становится сама жизнь. Таким образом, в тексте Горького прославляется способность героя к порыву:

А вы на земле проживете,
Как черви слепые живут:
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют! [Горький, 1970, с. 291]

Сказки и песни в данном тексте Горького — понятия синонимичные, указывающие на жанры,

в которых сохраняется память о необыкновенных людях. Строго говоря, сказки и песни в данном контексте равны легенде (жанровое определение, использованное самим Горьким применительно к тексту).

В стихотворении Сосноры прямая цитата из текста Горького должна пониматься расширительно в контексте всего раннего творчества писателя, включающего рассказы «Старуха Изергиль», «Макар Чудра», «Челкаш», «Мальва», а также «Песнь о Соколе», «Песнь о Буревестнике» и т. д. В этих произведениях много внимания уделяется жизни людей, свободных от условностей общества, в том числе цыганам, являющимся героями рассказа «Макар Чудра». Таковыми в микроцикле Сосноры предстают цыгане, уходящие из Ленинграда. Вместе с ними отправляется и лирический герой, который сам к цыганам не принадлежит. Его уход равен отказу от условностей слов ради реальной жизни: «Я ухожу от имени // к себе!» [Соснора, 2018, с. 799]. Лирический герой — поэт, способный обессмертить в творчестве то, о чем пишет. Однако он сознательно отказывается жить и творить в обществе обывателей:

Живете же с финансами, —
вот тут,
с билетами, по литературе,
от — до,
мундиры и строители, —
казённый дом! [Соснора, 2018, с. 800]

В стихотворении Сосноры, в отличие от текста Горького, нет приподнятого пафоса, как нет и героизации выбора, сделанного героем. Этот выбор скорее драматичен и обусловлен органической неспособностью героя и дальше оставаться в мире, где выше прочего ценится бытовой комфорт и размеренность жизни, которую нарушают цыгане. Лирическая ситуация, возникающая в стихотворении Сосноры, типологически близка лирической ситуации «Пророка» М. Ю. Лермонтова: покидание поэтом-визионером родного города из-за душевной глухоты его обитателей.

Жанр второго стихотворения цикла «Уходят цыгане» заявлен в названии — «Подражание старинному романсу». Автор эксплуатирует традиционную образную систему романса, при этом полностью отказываясь от тематики, характерной для цыганского романса, который, как известно, разрабатывает тему любовного переживания. Основной темой стихотворения Сосноры является также разочарование в современном

лирическому герою мире, в окружающих людях, которые оказываются неспособными на яркие поступки:

О если бы новые встали,
как струны из красных рубаш,
припрятаны кони и стали,
я дам им, не дрогнет рука.
Одену их в грозные нимбы,
кинжалы, и стремя, и плетть,
но юноши эти из лимфы,
им хочется жить, а не петь.
Хожу я, как призрак, по саду,
Медведицы ковш не кипит,
и девушки с гривой пасутся,
но

на пальчиках нету копыт! [Соснора, 2018, с. 801]

Цыганская тема поддержана во всем сборнике обращением автора к многочисленным образам, в большей или меньшей степени связанным с так называемой «цыганщиной». Это образы коня, ножа, гитары, песни, цыганки, лунной ночи, дороги, очей. С одной стороны, можно говорить о прямом влиянии цыганского романса на поэтические тексты В. Сосноры, входящие в цикл «Уходят цыгане», с другой стороны, данное влияние во многом опосредовано культурой XIX и XX вв., активно эксплуатирующей мотивы и образы цыганской темы (например, в творчестве А. С. Пушкина, Н. Лескова, Горького, А. Блока, А. Калинина и т. д.).

В финальных стихотворениях цикла «Уходят цыгане» метапозиция лирического героя приближается к метапозиции в финальных стихотворениях цикла «Уходят солдаты». Так, в тексте «И белые ночи, и черные речи...» лирический герой встает на позицию всеведущего хранителя памяти о прошлом. Повторяющаяся грамматическая основа «Я помню», зачастую помещаемая автором в сильную позицию начала строки, подчеркивает универсальность опыта лирического героя:

Я помню, как саги шли на Константина,
усеянный лодками Рог Золотой,
и стук топоров, рядом колющих стены,
и лиц их, сияющих в смерти — зарей!
Я помню гром пушек Тулона, Седана,
и черную шпагу твою, Борджиа,
мы видим войну, как сады у десанта,
и ядра, и крючья, и на абордаж.
Я был Гибралтар и алийские чалмы
на первый порыв, но я не был Осман,

я Косово помню и Негоша плачи,
и Косово-2 у югославян.
<...>

Я помню лимонные циклы Гранады,
и пули, и губ гиацинты коней,
ужасны угары цыганской гитары,
и сабельный листик, и гром, и конец [Соснора, 2018, с. 807–808].

Универсальность обозначенного опыта может быть обусловлена в том числе и историей цыган как кочевого народа, ставшего свидетелем событий в разных точках земли на протяжении многих столетий.

В цикле «Уходят цыгане» особое значение приобретает символика цвета, построенная на контрастном использовании автором трех цветов: белого, черного и красного. Если белый цвет связан с символикой смерти, то красный в контексте цикла Сосноры «Уходят цыгане» – цвет жизни и крови. Наиболее прямо данное значение реализовано в последнем стихотворении цикла – «Вот и возникли, как псы, чистокровные, контролеры...». В нем автор выступает ярким противником расовой дискриминации, основанной на теориях «чистоты крови». Делая акцент на многонациональности собственных предков (многие из них могут быть поставлены под обоснованное сомнение, что, однако, не влияет на решение художественной задачи), лирический герой отказывается признавать лишь наличие хоть «капли красной, вашей» крови [Соснора, 2018, с. 809]. С одной стороны, красный цвет получил устойчивую ассоциацию с коммунизмом, с политическим строем Советского Союза. В этом случае, лирический герой исключает себя из числа сторонников коммунизма, ставит в позицию «антисоветчика». Правда, в 1999 г., на момент выхода сборника «Куда пошел? и где окно?», такая позиция не только не была маргинальной, но и стала основной для многих деятелей культуры и искусства. С другой стороны, можно предположить, что значение прилагательного «красный» в данном стихотворении необходимо выводить из сопоставления с местоимением «вашей», следующим за ним. В первых двух циклах сборника оппозиция «я / мы» и «вы» построена на противопоставлении мещанству, обыденности, которое и обозначается местоимением «вы». При таком прочтении, лирический герой отказывается от причисления себя к людям пошлым, поглощенным лишь житейскими заботами, неспособным к порыву, в чьих жилах течет простая «красная» кровь.

Позиция резкого и намеренного противопоставления себя нормам обывательской морали и этики находит наиболее яркое воплощение в третьем цикле сборника «Куда пошел? и где окно?» – «Уходят женщины». Он состоит из 17 стихотворений. В качестве ядра цикла могут быть выделены первые 14 текстов, последним из которых будет одноименное с названием цикла стихотворение – «Уходят женщины». Последние три текста могут быть прочитаны как завершение всего сборника «Куда пошел? и где окно?».

Большая часть стихотворений, образующих ядро цикла, построено на реализации темы, заявленной еще в последнем тексте цикла «Уходят солдаты». Тема гиперболизированной чувственной плотской любви, являющейся эквивалентом творчества, созидания, преображения реальности, имеет свои, заявленные в цикле, источники. В стихотворении «Спириню» мифологический контекст позволяет вывести обозначенную тему на более широкий уровень культурологического обобщения:

Что им видится?
духи да челн
и бездонность животных миров,
где Плутон
вставляет весло,
вот Юпитер
лезет к ним в лаз,
а Сатурн
прицепляет булавкой кисть,
виноградину, и говорит: грудь [Соснора, 2018, с. 809].

Спорным, с точки зрения интерпретации, является использование символики числа «три» в стихотворении «Весна снеговая, а я не спиртной, а табачный...», открывающем третью часть сборника «Куда пошел? и где окно?» «Уходят женщины»:

Весна снеговая, а я не спиртной, а табачный.
– Три башни, три башни!
Сидящий пятнадцать непишущих лет,
три башни я вижу, их красно-коричневый цвет.
В тех башнях три женского тела сидят
и белые груди едят.
Пред ними три стула, новы и голы,
на стульях три шляпы моей головы.
И плавают в тучах из слизи и гроз
три лодки-селёдки в тарелке из роз! [Соснора, 2018, с. 809]

Значимость числа «три» в фольклоре неоднократно фиксировалась в трудах фольклористов, о чем писал еще Пропп в «Морфологии волшебной сказки»: «Подобные же связывающие элементы мы имеем при различных утروениях. Утروение как таковое уже достаточно освещено в научной литературе, и здесь можно на этом явлении не останавливаться. Заметим только, что утраиваться могут как отдельные детали атрибутивного характера (три головы змея), так и отдельные функции, пары функций (преследование – спасение), группы функций и целые ходы. Повторение может быть или равномерным (три задачи, три года служить), или повторение дает нарастание (третья задача самая трудная, третий бой самый страшный), или же два раза дается отрицательный результат, один раз – положительный.

Иногда действие может просто механически повторяться, но иногда надо, во избежание дальнейшего развертывания действия, ввести какие-то элементы, приостанавливающие развитие и вызывающие повторение» [Пропп, 2023, с. 79].

Однако необходимо отметить, что активное использование числа «три» характерно не только для народных сказок (оно широко представлено в сказках самых разных народов мира), оно перекочевало и в литературные сказки, став едва ли ни обязательным структурным жанровым признаком. Для большинства произведений Сосноры характерно наличие биографической основы, художественно переосмысленной. Если вспомнить, что биографическим толчком к созданию и публикации сборника «Куда пошел? и где окно?» стала новость о смертельной болезни второй жены В. Сосноры, Н. Алексеевой, то образ трех женщин в трех башнях может быть интерпретирован и в биографическом ключе. Соснора тяжело переживал самоубийство Л. Брик и первой жены, М. Вельдиной, их уход из жизни был им воспринят болезненно. Следовательно, весть о потенциально скорой кончине второй супруги (отметим, что умерла она в 2009 году) могла быть встроена им в тот же ряд утрат. Однако данные предположения не могут считаться серьезной гипотезой, не будучи подкрепленными дневниковыми записями или воспоминаниями близких людей.

Таким образом, стихотворение «Весна снеговая, а я не спиртной, а табачный...» может быть в одинаковой степени прочитано в контексте воссоздания сказочной фольклорной ситуации в отсутствии самого сказочного сюжета, в контексте создания авторской литературной сказки,

существенно отличной от фольклорной, а также в контексте биографической ситуации, художественно переосмысленной автором.

Утверждение буйства жизни, как финальная попытка противопоставления смерти, достигает в цикле «Уходят женщины» своей кульминации, после которой фиксируется закономерное примирение с неизбежностью утрат. В последнем стихотворении сборника представлена иная чем ранее метапозиция лирического героя по отношению к смерти: если в финальных стихотворениях циклов «Уходят солдаты» и «Уходят цыгане» лирический герой ускользал от смерти, то в стихотворении «Вот и ушли, отстрелялись, солдаты, цыгане...» он принимает ее власть и над собой:

Вот и ушли, отстрелялись, солдаты, цыгане,
карты, цистерны винные, женщины множеств,
боги в саду, как потерянные, стоят с сигаретой, уходят,

сад облетает, и листья, исписанные, не колеблет,

что же ты ждешь, как столбы восходящего солнца,

солнце заходит, и больше не озаботит,

магний луны и кипящее море,

и не печалит ни прошлого губ, и ни завтра,

книги уходят, быстробегущий, я скоро!

Все, что любил я у жизни, – книги и ноги.

[Соснора, 2018, с. 822]

Заключение

Таким образом, культурологический аспект изучения поэтического сборника Сосноры «Куда пошел? и где окно?» позволяет лучше понять художественную задачу автора. Отказ от обращения к христианским контекстам (данный сборник – единственный, в котором они никак не представлены), важным в поэтическом мире Сосноры, обращение к античной культуре, к романтизму и неоромантизму может быть осмыслено как попытка автора бросить вызов неизбежности смерти и утверждение невозможности ее преодолеть ни в любви, ни в искусстве.

Библиографический список

1. Арьев А. Ю. Арфография: О прозе Виктора Сосноры, опубликованной и неопубликованной // Согласие. № 3. Москва, 1993. С. 112–117.
2. Арьев А. Ю. Ничей современник: (Виктор Соснора: случай самовоскрешения) // Вопросы литературы. Вып. 3. Москва, 2001. С. 14–30.
3. Арьев А. Ю. Дон Соснора де Сааведра (Поэтический мир Виктора Сосноры) // Петербургская поэ-

зия в лицах: очерки. Москва : Новое литературное обозрение, 2011. С. 96–113.

4. Балашов-Ескин К. М. Поэтический стиль В. А. Сосноры: художественно-речевая образность. Москва, 2022. 219 с.

5. Болнова Е. В. Творческая история цикла «Уходят женщины» из сборника «Куда пошел? и где окно?» В. А. Сосноры // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 3 (35). С. 165–171.

6. Болнова Е. В. Стихотворения В. А. Сосноры 1970-х гг. с жанровым подзаголовком «лубок»: формальный и содержательный аспекты // Палимпсест. Литературоведческий журнал. 2024. № 4 (24). С. 21–34.

7. Болнова Е. В. Микроцикл В. А. Сосноры «Гомер» (из истории создания) // ФилологoS. 2024. № 3 (62). С. 20–26.

8. Гордин Я. А. Литературные варианты исторических событий – что это такое? // Соснора В. Властители и судьбы: Литературные варианты исторических событий. Ленинград : Советский писатель, 1986. С. 3–7.

9. Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения в 25 т. Т. 6. Рассказы, очерки, наброски, стихотворения 1901–1907. Москва : Наука, 1970. 584 с.

10. Доманский Ю.В. «Я-то знал, кто они»: красная лошадь и белый пудель в «Латвийской балладе» Виктора Сосноры // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2024. № 2. С. 74–83.

11. Зейферт Е. И. Автобиографический миф Виктора Сосноры: к постановке проблемы // Вестник московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 13 (881). С. 123–130.

12. Зубова Л. В. Древнерусский язык в поэтическом отражении: Виктор Соснора // Теоретические проблемы языкознания. Санкт-Петербург : Изд-ва СПбГУ, 2004. С. 596–606.

13. Зубова Л. В. Языки современной поэзии. Москва : Новое литературное обозрение, 2010. 384 с.

14. Ковалева Т. И., Лощилов И. Е. Поднятый «бубен»: Древняя Русь и авангард в стихотворении В. Сосноры «Пир Владимира» (1959) // Герменевтика древнерусской литературы. 2024. № 23. С. 613–632.

15. Ковалева Т. И., Лощилов И. Е. «Мстислава древний поединок...»: рассказ «Повести временных лет» в стихотворении В. Сосноры «Бой Мстислава с Редедей» (1959) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 166–179.

16. Лощилов И. Е. О стихотворении Виктора Сосноры «Трое»: Замечания к разбору // Во власти культуры и текста: сборник научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора Галины Петровны Козубовской. Барнаул : АлтГПУ, 2021. С. 378–388.

17. Лощилов И. Е. Поэзия и дидактика: о стихотворении Виктора Сосноры «Тоска по родине» // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 101–112.

18. Лощилов И. Е. К разбору стихотворения Виктора Сосноры «Разлука звериного лая со страхом совиным...» (1966) // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 366–379.

19. Лощилов И. Е., Соснора Т. В. Асеев о Сосноре – Соснора об Асееве: к эдичионной истории книги «Январский ливень: Стихи» (1962) // Восемь великих. Москва : РГГУ, 2022. С. 551–560.

20. Лощилов И. Е., Соснора Т. В. Сибирские поэтические турне Виктора Сосноры (1960-е гг.) // Литературный факт. 2022. № 2 (24). С. 104–131.

21. Новиков В. И. Против течения // Литературное обозрение. № 1. Москва, 1979. С. 41–44.

22. Орлицкий Ю. Б. О стихосложении Виктора Сосноры (предварительные замечания) // НЛЮ. 2019. № 6 (160). URL: magazines.gorky.media/nlo/2019/6/ostihoslozhenii-viktora-sosnory.html (дата обращения: 04.03.25).

23. Пропп В. Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2023. 608 с.

24. Соснора В. Куда пошел? И где окно? Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 1999. 72 с.

25. Соснора В. Стихотворения. Санкт-Петербург : Союз писателей Санкт-Петербурга; Москва : «Пальмира», 2018. 910 с.

Reference list

1. Ar'ev A. Ju. Arfografija: O proze Viktora Sosnory, opublikovannoj i neopublikovannoj = Arphography: On Victor Sosnora's prose, published and unpublished // Soglasie. № 3. Moskva, 1993. S. 112–117.

2. Ar'ev A. Ju. Nichej sovremennik: (Viktor Sosnora: sluchaj samovoskreshenija) = Nobody's contemporary: (Viktor Sosnora: a case of self-resurrection) // Voprosy literatury. Vyp. 3. Moskva, 2001. S. 14–30.

3. Ar'ev A. Ju. Don Sosnora de Saavedra (Pojeticheskij mir Viktora Sosnory) = Don Sosnora de Saavedra (Victor Sosnora's poetic world) // Peterburgskaja poezija v licah: ocherki. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. S. 96–113.

4. Balashov-Eskin K. M. Pojeticheskij stil' V. A. Sosnory: hudozhestvenno-rechevaja obraznost' = V. A. Sosnora's poetic style: literary and speech imagery. Moskva, 2022. 219 s.

5. Bolnova E. V. Tvorcheskaja istorija cikla «Uhodjat zhenshiny» iz sbornika «Kuda poshel? i gde okno?» V. A. Sosnory = Creative history of the cycle «Women Go Away» from V. A. Sosnora's collection «Where Are You Going? And Where Is the Window?» // Vestnik humanitarnogo obrazovanija. 2024. № 3 (35). S. 165–171.

6. Bolnova E. V. Stihotvorenija V. A. Sosnory 1970-h gg. s zhanrovym podzagolovkom «lubok»: formal'nyj i soderzhatel'nyj aspekty = V. A. Sosnora's poems of the 1970s with the genre subtitle «popular print»: formal and content aspects // Palimpsest. Literaturovedcheskij zhurnal. 2024. № 4 (24). S. 21–34.

7. Bolnova E. V. Mikroцикл V. A. Sosnory «Гомер» (из истории создания) = V. A. Sosnora's microcycle «Homer»

(from the history of writing) // *Filologos*. 2024. № 3 (62). S. 20–26.

8. Gordin Ja. A. Literaturnye varianty istoricheskikh sobytij – chto jeto takoe? = Literary versions of historical events – what is it? // *Sosnora V. Vlastiteli i sud'by: Literaturnye varianty istoricheskikh sobytij*. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1986. S. 3–7.

9. Gor'kij M. Polnoe sobranie sochinenij. Hudozhestvennye proizvedenija v 25 t. T. 6. Rasskazy, ocherki, nabroski, stihotvorenija 1901–1907 = Complete Works. Literary works in 25 vol. V. 6. Stories, essays, sketches, poems 1901–1907. Moskva : Nauka, 1970. 584 s.

10. Domanskij Ju. V. «Ja-to znal, kto oni»: krasnaja loshad' i belyj pudel' v «Latvijskoj ballade» Viktora Sosnory = «I knew who they were»: a red horse and a white poodle in Viktor Sosnora's Latvian Ballad // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serija: Filologija, pedagogika, psihologija*. 2024. № 2. S. 74–83.

11. Zejfert E. I. Avtobiograficheskij mif Viktora Sosnory: k postanovke problemy = Victor Sosnora's autobiographical myth: towards stating the problem // *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023. № 13 (881). S. 123–130.

12. Zubova L. V. Drevnerusskij jazyk v pojeticheskom otrazhenii: Viktor Sosnora = The Old Russian Language in poetic reflection: Victor Sosnora // *Teoreticheskie problemy jazykoznanija*. Sankt-Peterburg : Izd-va SPbGU, 2004. S. 596–606.

13. Zubova L. V. Jazyki sovremennoj poezii = The languages of modern poetry. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 384 s.

14. Kovaleva T. I., Loshhilov I. E. Podnjatyj «buben»: Drevnjaja Rus' i avangard v stihotvorenii V. Sosnory «Pir Vladimira» (1959) = Raised «tambourine»: Ancient Russia and the avant-garde in Sosnora's poem «Vladimir's Feast» (1959) // *Germenevtika drevnerusskoj literatury*. 2024. № 23. S. 613–632.

15. Kovaleva T. I., Loshhilov I. E. «Mstislava drevnij poedinok...»: rasskaz «Povesti vremennyh let» v stihotvorenii V. Sosnory «Boj Mstislava s Rededej» (1959) = «Mstislav's ancient fight...»: the «Tale of Bygone Years» in the poem by V. Sosnora «Mstislav's fight with Rededia» (1959) // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2023. № 2. S. 166–179.

16. Loshhilov I. E. O stihotvorenii Viktora Sosnory «Troj»: Zamechanija k razboru = On Victor Sosnora's poem «The Three»: Notes on analysis // *Vo vlasti kul'tury i teksta: sbornik nauchnyh trudov k jubileju doktora filologicheskikh nauk, professora Galiny Petrovny Kozubovskoj*. Barnaul : AltGPU, 2021. S. 378–388.

17. Loshhilov I. E. Pojezija i didaktika: o stihotvorenii Viktora Sosnory «Toska po rodine» = Poetry and didactics: on Viktor Sosnora's poem «Longing for the Motherland» // *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2022. № 1. S. 101–112.

18. Loshhilov I. E. K razboru stihotvorenija Viktora Sosnory «Razluka zverinogo laja so strahom sovinym...» (1966) = To the analysis of Viktor Sosnora's poem «The parting of the beast's bark with the owl's fear...» (1966) // *Kritika i semiotika*. 2022. № 1. S. 366–379.

19. Loshhilov I. E., Sosnora T. V. Aseev o Sosnora – Sosnora ob Aseeve: k jedicionnoj istorii knigi «Janvarskij liven': Stihi» (1962) = Aseev on Sosnora – Sosnora on Aseev: towards an editorial history of the book «January Downpour: Poems» (1962) // *Vosem' velikih*. Moskva : RGGU, 2022. S. 551–560.

20. Loshhilov I. E., Sosnora T. V. Sibirskie pojeticheskie turne Viktora Sosnory (1960-e gg.) = Viktor Sosnora's Siberian poetry tours (1960s) // *Literaturnyj fakt*. 2022. № 2 (24). S. 104–131.

21. Novikov V. I. Protiv techenija = Against the flow // *Literaturnoe obozrenie*. № 1. Moskva, 1979. S. 41–44.

22. Orlickij Ju. B. O stihoslozhenii Viktora Sosnory (predvaritel'nye zamechanija) = On Victor Sosnora's poetry writing (preliminary remarks) // *NLO*. 2019. № 6 (160). URL: magazines.gorky.media/nlo/2019/6/o-stihoslozhenii-viktora-sosnory.html (data obrashhenija: 04.03.25).

23. Propp V. Morfologija volshebnoj skazki. Istoričeskie korni volshebnoj skazki = Morphology of the fairy tale. Historical roots of the fairy tale. Moskva : Mann, Ivanov i Ferber, 2023. 608 s.

24. Sosnora V. Kuda poshel? I gde okno? = Where are you going? Where's the window? Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 1999. 72 s.

25. Sosnora V. Stihotvorenija = PoemS. Sankt-Peterburg : Sojuz pisatelej Sankt-Peterburga; Moskva : «Pal'mira», 2018. 910 s.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 82-31

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-44

EDN: ARNYHP

**Сакральное и профанное: семиотические аспекты имени Бога в романе
В. О. Пелевина «Transhumanism Inc.»**

Артур Андреевич Цымбалюк

Преподаватель филологического факультета, Университет МГУ-ППИ. 518172, провинция Гуандун, г. Шэньчжэнь, район Лунган, Даюньсиньчэн, ул. Гоцзидасюэюань, д. 1; соискатель кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики, Московский университет имени А. С. Грибоедова. 111024, г. Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21.

arthur21@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2885-0457>

Аннотация. В статье исследуются семиотические и функциональные аспекты имени бога-демиурга Атона Гольденштерна в романе Виктора Пелевина «Transhumanism Inc.». Особое внимание уделяется анализу ономастического кода и авторского термина «ГШ-слово», который, с одной стороны, заменяет табуированное имя божества, а с другой – выступает как грубое выражение. Комплексный методологический подход, включающий дискурсивный, интертекстуальный, лексикологический, историко-культурный и функциональный методы анализа, позволил выявить, что «ГШ-слово» выполняет роль сакрального эвфемизма, связанного с магическими и религиозными практиками, а также служит инструментом сатиры, отражая современные социокультурные реалии. В работе доказывается, что синкретизм термина, объединяющего сакральное и профанное, характерен для творчества Пелевина и отражает его авторский стиль. Рассматриваются параллели с мировой мифологией, где табу на имена богов обусловлено верой в магическую силу слова, а также проводятся аналогии с современными языковыми явлениями, такими как эвфемизация и инвективная лексика. Отдельно анализируется связь имени Гольденштерна с англицизмом «gold» (золото), что подчеркивает критику общества потребления. В заключении делается вывод о том, что Пелевин использует язык как средство выражения сложных философских идей, сочетая сатиру, мифологические отсылки и языковую игру для комментария актуальных социальных явлений через призму фантастического нарратива.

Ключевые слова: ономастический код; Виктор Пелевин; постмодернистский роман; табуированная лексика; англицизм; номинативная магия; синкретизм; инвективная лексика в художественной литературе; сатира

Для цитирования: Цымбалюк А. А. Сакральное и профанное: семиотические аспекты имени Бога в романе В. О. Пелевина «Transhumanism Inc.» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 44–52. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-44>. <https://elibrary.ru/ARNYHP>

Original article

**The sacred and the profane: semiotic aspects of the God's name in the novel «Transhumanism Inc.»
by V. O. Pelevin**

Artur A. Tsymbaliuk

Lecturer at the faculty of philology, MSU-PUP University. 518172, Guangdong province, Shenzhen, Lungang district, Daiyunxincheng, Guojidasyueyuan st., 1; applicant at the department of the history of journalism and literature, faculty of journalism, Moscow university named after A. S. Griboyedov. 111024, Moscow, shosse Entuziastov, 21.

arthur21@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2885-0457>

Abstract. The article studies semiotic and functional aspects of the name of the god-demiurge Aton Goldenstern in Victor Pelevin's novel «Transhumanism Inc.». Special attention is paid to the analysis of the onomastic code and the author's term «GS-word», which, on the one hand, replaces the tabooed name of the deity and, on the other hand, acts as a rude phrase. The use of the integrated methodological approach, involving discursive, intertextual, lexicological, historical-cultural and functional methods of analysis, helps to reveal that the «GS-word» serves as a sacral euphemism associated with magical and religious practices, and also serves as a satire device, reflecting modern socio-cultural realities. The article proves that the syncretism of the term combining the sacred and the profane is characteristic of Pelevin's work and reflects his unique style. The author considers parallels with world mythology, where the taboo on

gods' names is conditioned by the belief in the magic power of words, and also finds analogies with modern linguistic phenomena, such as euphemisms and invective vocabulary. It is pointed out that the connection of Goldenstern's name with the English word «gold» emphasizes criticism of the consumer society. In conclusion, Pelevin uses language as a means of expressing complex philosophical ideas, combining satire, mythological references, and language play to comment on important social phenomena through a fantastical narrative.

Key words: onomastic code; Victor Pelevin; postmodern novel; taboo vocabulary; anglicism; nominative magic; syncretism; invective vocabulary in fiction; satire

For citation: Tsymbalyuk A. A. The sacred and the profane: semiotic aspects of the God's name in the novel «Transhumanism Inc.» by V. O. Pelevin. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):44–52. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-44>. <https://elibrary.ru/ARNYHP>

Введение

Виктор Пелевин известен своим оригинальным подходом к языку, созданием неологизмов, игрой слов и использованием сленга, интересными не только изолированно, но и в их способности отображать актуальный социально-культурный контекст, что объясняет востребованность выбранной темы и наш к ней интерес.

Хотя произведения Пелевина удерживают внимание отечественного научного сообщества в течение достаточно длительного периода, крайне мало исследований посвящено лексикологическим особенностям его прозы, в особенности новейшей.

Роман «Transhumanism Inc.» в целом уже неоднократно становился объектом научных изысканий. Так, частично изучена художественно-философская парадигма произведения [Миллер, 2023], в том числе, механизмы формирования художественной реальности [Мыслина, 2023; Аюпов, 2023], авторская интерпретация и воплощение портрета современной эпохи [Перфилова, 2024; Алтынбаева, 2023] и мн.др.

Воплощение магического мотива в пелевинской прозе, в частности явленного в образах некоторых персонажей и специфике межличностных взаимодействий, затронутые в настоящей статье, также уже становилось предметом исследования [Сильчева, 2024], однако на материале выбранного для изучения романа не было рассмотрено.

Атон Гольденштерн – демиург вселенной романа «Transhumanism Inc.» – уже был рассмотрен Р. В. Любарским. Автор исследует, как идеи Кастанеды, такие как «сталкинг сталкеров», «сновидческая действительность» и функции бога Орла, используются Пелевиным для создания образов божественных сущностей в постмодернистском контексте. Пелевин, как указывает филолог, также использует концепцию «дарования – «отбора осознания» богом Орлом, которая воплощается в образе Гольденштерна, бога,

управляющего сознанием людей и перемещающегося между различными реальностями [Любарский, 2023].

Однако выбранный нами фокус исследования пока не нашел своего отражения в научной литературе. Специфика ономастического кода, скрытого, в частности, в имени божества, и роль авторских словоформ в романе «Transhumanism Inc.» представляются непроясненными, что обуславливает научную новизну наших размышлений.

Из имени бога Гольденштерна появляется особое ГШ-слово, выступающее объектом данного исследования. В качестве предмета выбрана семиотическая и функциональная природа этого термина в текстах новейшего Пелевина. В статье приведены цитаты из рассказа Мани в качестве иллюстрации нашей позиции, однако полученные выводы в целом раскрывают художественный мир «Transhumanism Inc.». Посредством дискурсивного анализа рассмотрены случаи использования ГШ-слова, раскрыта функциональная и семиотическая природа пелевинского термина.

Очевидны смысломоделлирующие отсылки к творчеству Шекспира, которые обнажает и сам постмодернист, рассказывая историю становления Атона Гольденштерна (ранее – Антон Гильденштерн) и вводя персонажа Офелию, однако этот аспект, сопутствующий ему сновидческий мотив и ирреальное пространство представляются самостоятельной темой исследования, косвенно связанной с лексикой новейшей прозы Пелевина, в связи с чем в статье это направление анализа не представлено.

Основная часть

Постмодернист в «Transhumanism Inc.» выстраивает отдельную художественную вселенную, в которой трансгуманизм как философская концепция становится метанарративом – или, если с точки зрения героя истории, мы ставим

под сомнение их истинность, квазинарративом, впрочем, тотальным и единственным мифом для всех жителей Доброго государства, а Атон Гольденштерн – живым богом с собственной религией: «Говорили, что такой нейм-шуй был связан с личной религией, разработанной для Антона Гильденштерна (теперь уже Атона Гольденштерна) мировым синклитом просветленных мужей, лам, ребе, священств и святейшеств, которым тоже хотелось в банку – или хотя бы вкусно поесть перед смертью. Шептались, что эта личная религия подкреплена технологией как ни одна другая и реально позволяет Гольденштерну уподобиться богу» [Пелевин, 2023, с. 78].

Любопытно, что Пелевин улавливает то, что философ М. Н. Эпштейн называет «бедной религией». Современное религиозное сознание в России всё чаще принимает форму веры вне веры: вера существует вне четкой конфессиональной принадлежности (автор также называет это феноменом «минимальной религии» [Эпштейн, 2013, с. 3]): «Бедная религия (название таково, что ее и в самом деле можно пожалеть: „бедная“, „несчастливая“) начинается с нуля и как бы не имеет традиций. Ее „бог“ – грядущий, второго или скорее последнего пришествия, который окончательным судом идет судить мир (атеистическое написание с маленькой буквы сохраняется, но в прописную вырастает последняя буква, не „альфа“, но „омега“ исторического процесса)» [Эпштейн, 2013, с. 27].

«Бедная религия», по М. Эпштейну, возникает как ответ на исторический опыт атеизма и представляет собой новую форму религиозного сознания, которая не опирается на традиционные догмы, но при этом сохраняет веру в высшие силы.

М. Эпштейн отмечает поиск нового, всеобъемлющего объяснения. После краха советского атеизма религия вновь становится важным элементом социальной жизни, но в новых, более универсальных и индивидуализированных формах. Ученый полагает, что современное отношение к религии характеризуется переходом от воинствующего атеизма к новым формам религиозного сознания, включая и «бедную религию» [Эпштейн, 2013].

Несмотря на то, что термин, которым пользуется Эпштейн, не фигурирует в романе «Transhumanism Inc.», пелевинские герои так же, как и мы, ищут свой собственный путь, зачастую основанный не на одной религиозной, мифологической или философской концепции, а на синкретизме. Буддистские, христианские мотивы

сплавляются с западной и восточной философией, порождая оригинальную трактовку современного мира.

Хотя в романе рассказывается о далёком будущем, истории Пелевина отличаются злободневностью и осмысляют проблемы современного общества. Его словотворчество помогает передать дух времени и отразить изменения в языке и мышлении.

Итак, перейдем к осмыслению художественной прозы. ГШ-слово представляет собой обобщенный инвективный термин: «Граффити на подмороженном бетоне остались прежними: ГШ-слово в разных падежах и употреблении (чего еще ждать от русской провинции), непристойности, глупые рисунки. Маня сама когда-то писала здесь подобное. Правда, до ГШ-слова не опускалась – не из такой была семья» [Пелевин, 2023, с. 8].

За использование в речи имени Гольденштерна понижается социальный рейтинг говорящего: «...ГШ-слово не говори только, <...> Карму испортишь...» [Пелевин, 2023, с. 325], поэтому его имя используют редко и в основном те, кто выключен из социальной реальности – в тексте романа они именуются скоморохами. Люди, включённые в социальную жизнь, ругают скоморохов, чтобы повысить свой рейтинг: «Лайфхак номер один – быстро поднять социальный индекс проще всего, вознегодовав, когда рядом скажут ГШ-слово» [Пелевин, 2023, с. 17].

При этом табу на имя подкрепляется не только социальными, но и физически ощутимыми последствиями: «Каждый раз, когда она слышала или произносила слово „Гольденштерн“, в животе случался неприятный спазм» [Пелевин, 2023, с. 85].

Есть у Гольденштерна и другой эвфемизм, уже с положительной коннотацией – «Прекрасный»: «...произносить это было приятно – словно бы в ее животе надувался воздушный шарик и взмывал в светлое пространство ума, к золотому мозговому куполу, про который она прежде не знала» [Пелевин, 2023, с. 88].

Замена имени богов на эпитет или эвфемизм – распространённая практика в мировой мифологии, необходимая для того, чтобы избежать прямого упоминания их имен, которое могло считаться опасным, непочтительным или вызывающим гнев божества. К примеру, Зевса именовали Олимпийцем или Громовержцем, Одина – Всеотцом, Гримниром, Ганглери, Вотаном и пр. Разнообразие номинаций Одина свидетельствует также о разных ликах бога: эвфемизм был не

просто способом избежать табуированного «официального» имени, но и нарративным инструментом, раскрывающим контекст истории.

На Руси существовал обычай избегать называть медведя его настоящим именем, чтобы не навлечь его гнев. Медведь считался хозяином леса, священным животным, и прямое упоминание его имени могло быть воспринято как неуважение или вызов. Вместо этого использовались различные эвфемизмы, такие как «хозяин», «косопалый», «топтыгин», «бурый» и другие [Баркова, 2022].

Один из известнейших исследователей мифологии, Дж. Дж. Фрэнгер, в хрестоматийной работе которого находим обоснование интересующего нас явления, рассматривает табу на произнесение имени бога как часть магических и религиозных практик, связанных с верой в то, что имя обладает особой силой и может влиять на его носителя. Исследователь объясняет, что произнесение имени божества может быть опасным, так как оно может привлечь внимание божества или даже вызвать его гнев [Фрэнгер, 2001, с. 233]. Табу на имена богов связано с верой в магическую силу слова и имени [Фрэнгер, 2021, с. 8]. Это явление он рассматривает как часть более широкой системы табу, которая включает запреты на действия, слова и предметы, связанные с сакральным.

Б. А. Рыбаков, исследуя магическое мышление славян, отмечает, что они верили в возможность влияния на мир через ритуалы, заклинания и обряды. Магия также была способом взаимодействия с силами природы и духами [Рыбаков, 2013].

Итак, вернемся к роману Пелевина. Характер божества вселенной «Transhumanism Inc.» также скрыт в англоязычном корне – *Гольденштерн* (gold – англ. золото) (графическое выделение автора статьи). Сюжетно это также подкрепляется: упоминается, что Гольденштерн – самый богатый человек на планете.

Центральным образом истории и рассказчиком выступает девушка Маня. В начале романа мы видим как минимум одну очевидную подсказку, указывающую на то, что она – аватар Гольденштерна, а не самостоятельно действующий герой (ещё до развязки рассказа): это созвучие имени девушки и слова money (англ. – деньги): «Моя Маня как money, / Мои money как Маня» [Пелевин, 2023, с. 10]. Она называется исключительно Маней, а не Машей, Марией, Машенькой и т. д.

Такое словотворчество и игру со значениями слова вполне можно назвать художественным примером этимологической магии [Толстой, 1995]: за счет внутритекстовых логических связей и звукового сходства расширяется семантика слов «золото» и «деньги».

Закономерно, что Гольденштерн, как и его аватар Маня, оказывается именно техногенным богом золота, капиталистическим богом. Помещение во главу пантеона именно бога денег можно трактовать как критику общества потребления и капитализма (это одна из ключевых тем как постмодернизма, так и Пелевина, причем в романе «Transhumanism Inc.» она достигает апофеоза). В контексте дискурса потребления рассматривается бессмертие, ставшее премиальной услугой [Перфильева, 2024, с. 432]. Любарский также отмечает, что Пелевин переосмысливает кастанедовские идеи, добавляя к ним элементы иронии и критики современного общества, основанного на монетизации восприятия [Любарский, 2024].

Гольденштерн – не единственное трансцендентное существо с подобными коннотациями в художественной вселенной Пелевина. Таковым, например, является божество романа «S.N.U.F.F.» – Маниту, представляющее собой одновременно бога, валюту и компьютер (в зависимости от контекста номинация пишется с большой или маленькой буквы). Вспомним исследование О. В. Закировой, посвящённое религионимам в этом романе. Религионимы – это слова, связанные с религиозными понятиями, которые в романе используются как в узуальной (общепринятой), так и в окказиональной (авторской) форме.

Религия в романе Пелевина представлена как важный элемент вымышленного мира, где автор создает уникальную религиозную систему, сочетающую элементы различных верований (христианство, ислам, буддизм, индуизм и др.). Основным божеством в этой системе является Маниту, имя которого образовано от индейского слова, обозначающего сверхъестественные силы [Закирова, 2017]. В романе Маниту становится единым богом монотеистической религии, но при этом слово приобретает дополнительные значения, такие как «экран» и «деньги» [Абрамова, 2012], что создает полисемию.

Особое внимание уделяется слову «снаф», которое обозначает религиозное таинство, связанное с созданием кинофильмов, где одна часть посвящена порнографии, а другая – запечатле-

нию гибели людей. Помимо отсылки к одноименному роману «Снафф» американского писателя Чака Паланика, укажем еще на один смысловой пласт: слово связано с англицизмом «snuff», обозначающим фильмы с реальными убийствами. В романе «снафф» становится символом жертвоприношения богу [Закирова, 2017, с. 74].

Из плеяды пелевинских божеств, божков и идолов в качестве персонификации денег и золота можно также вспомнить Золотого Жука (роман «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с массонами», 2016) и Иштар («Generation „П“», 1999).

Итак, мы видим, что в ГШ-слове сплавляются два смысловых пласта: во-первых, присутствуют явные отсылки к номинативной магии и эвфемизму, а во-вторых, слово становится грубым и неприемлемым, что объясняется не только запретом на произнесение имени бога, но и сатирической отсылкой к «п-слову». Первый аспект мы прояснили, обратимся ко второму.

Н-слово – это замена неполиткорректного наименования представителей коренного населения тропической Африки. Слово «негр» и образованные от него словоформы носят оскорбительный характер, так же, как и эпитет «черный» в контексте национальности и цвета кожи [Lewis, 2016, р. 5; Патракова], поэтому, как минимум в рамках массовой коммуникации, требует эвфемизма.

Хотя попытка запретить унизительную номинацию обусловлена историко-социальными причинами и длительным периодом угнетения, в романе Пелевина замена «Гольденштерн» на «ГШ-слово» и дополнительная смысловая нагрузка термина, уходящая в область жаргонизмов и инвективной лексики, объясняются больше через магические практики, все же мы склонны оставить и такое объяснение. Во-первых, правомерность такой позиции доказывает морфология слов. А во-вторых, в тексте романа мы также видим запрет на использование подобной лексики: «...у [черного] (в зарубежных изд. вычеркн.) воющего козла, и поэтому ни в одном твоём слове нет теперь ни красоты, ни правды, ни сердечного света...» [Пелевин, 2023, с. 126]. Комментарий в круглых скобках, поясняющий, что слово «черный» зачеркнуто, то есть неприемлемо, представляется сатирическим указанием на лексические нюансы, существующие на Западе.

В новейшей прозе постмодернист использует гораздо меньше обценной и инвективной лекси-

ки, что можно объяснить тем фактом, что Пелевин выстраивает отличную от раннего творчества персонажную парадигму. Олигархов, например в романе «Тайные виды на гору Фудзи», употребляющих запрещённые вещества и, что очевидно, использующих, особенно при личном общении, инвективную лексику, сменили девочка Маня, самурай и глава Доброго Государства, которым не пристало грубо выражаться.

Матерные слова, хоть и первично ассоциируются с грубостью, обладают интересной историей и обширным функционалом. Хотя ГШ-слово является ругательством только в художественной вселенной Пелевина, анализ использования термина поможет составить более корректное представление о его функциональной природе и доказать наш второй тезис.

Мат широко распространен в русском языке и используется в различных ситуациях, включая бытовое общение и художественные произведения. Запрет на мат только усиливает его привлекательность, особенно для молодежи, которая видит в нем способ приобщиться к «взрослому» миру.

Употребление мата в речи может служить инструментом эмоциональной разрядки, унижения, оскорбления собеседника или третьего лица, не участвующего в разговоре, способом продемонстрировать агрессию, пренебрежение к запретам, а также показать принадлежность к определённой социальной группе. Мат – это не просто набор грубых выражений, а мощный инструмент для выражения эмоций, социальной критики и культурных кодов [Иоффе, 2021, с. 782].

Д. Иоффе рассматривает мат как уникальное языковое явление, которое обладает сложной семантикой и сочетает в себе карнавальный абсурд, прагматическую поливалентность и богатую полисемию. Мат трактуется филологом как категория прагматики, а не семантики. Его значение сильно зависит от контекста и ситуации, в которой он используется. Одно и то же матерное выражение может выполнять разные функции: быть проклятием, например, или просто экспрессивным высказыванием.

Иоффе обращается к идеям Михаила Бахтина о карнавальном абсурде, который проявляется в мате через его способность нарушать культурные табу и создавать сложные, многоголосые высказывания. Мат становится инструментом для выражения радикальной свободы и разрушения социальных норм.

Полифония, как концепция Бахтина, также играет важную роль в понимании мата. Мат может включать в себя множество «голосов» – от агрессивного до иронического, что делает его сложным и многозначным явлением [Иоффе, 2021, с. 782].

Среди ключевых черт обсценной и инвективной лексики отметим полисемию (способность приобретать различные значения в зависимости от контекста) и амфиболию (возникает из-за многозначности слов и их способности создавать двусмысленные высказывания) [Пильщиков, 2021], а также табуированность, что воплощается в том числе в ГШ-слове: «...повторять ГШ-слово в приличном обществе я бы не стала» [Пелевин, 2023, с. 82].

Как отмечает К. Хамфри, русская культура традиционно приписывала словам магическую силу, что сохранялось и в советское время. Заклинания, проклятия и другие формы «магической» речи подвергались публичному осуждению, но продолжали существовать в частной жизни. Использование мата могло быть как средством запугивания, так и способом доказать свою принадлежность к рабочему классу [Хамфри, 2005, с. 321].

Пелевинская практика замены грубых выражений на собственное, несущее подобный смысл только в контексте идеологии художественного нарратива, в действительности отражает типичный коммуникативный паттерн: мы в бытовой коммуникации часто используем эвфемизмы, заменяющие грубую речь (например, такие слова, как «блин», «абзац» получают иные коннотации и значение), но сохраняющие смысл бранных слов [Покаместова, Попова, 2016, с. 80].

Русский мат имеет древние корни и изначально не был ругательным или низким. Он был частью общеславянской сакральной лексики, связанной с обозначением гениталий и процессов размножения. С развитием культуры и христианства слова, связанные с гениталиями и сексуальностью, стали табуированными [Ковалев, 2021, с. 185].

Интересно, что две равнозначные трактовки ГШ-слова, приведённые в статье и, на первый взгляд, совершенно разрозненные, обладают глубокой связью, воплощенной и в русской обсценной лексике. Как указывает Г. И. Борко, подобные обсценные выражения исторически связаны с древними обрядами поклонения великой матери и отражают переход сакрального языка в сквернословие [Борко, 2010, с. 156].

О ритуальных функциях обсценной лексики и ее способности выступать в роли проклятия также пишет Д. Г. Иоффе. Д. Г. Иоффе связывает исторические корни мата с языческими ритуалами и мифологией. Например, матерные выражения могут восходить к древним обрядам, связанным с плодородием или проклятиями [Иоффе, 2021, с. 789]. В берестяных частушках, как отмечает филолог, мат часто выполнял не только экспрессивную, но также и ритуальную функцию [Иоффе, 2021, с. 793].

Г. И. Борко предполагает, что матерная речь изначально была частью сакральных обрядов плодородия, связанных с поклонением богине-матери. В этих обрядах женщины использовали табуированную лексику для усиления магической силы. Со временем мужчины переняли эту лексику, превратив её в сквернословие. Матерная речь стала способом символического овладения женской сакральной силой и преодоления страха перед ней [Борко, 2010, с. 162].

Сакральное всегда связано с запретом и опасностью. В древности произнесение матерных слов было частью ритуалов, но вне этих ритуалов такая речь считалась скверной. Матерная речь стала способом снижения сакральности женской силы, её осквернения и подчинения.

Г. И. Борко считает, что матерная речь является проявлением мужского протеста против женской сакральной силы, связанной с плодородием и деторождением. Матерная речь, по мнению автора, является проявлением мужского протеста против женской сакральной силы. Она символизирует попытку мужчин овладеть тем, что изначально принадлежало женщинам, – магической силой плодородия и жизни [Борко, 2010], что не находит отражения в прозе Пелевина. Впрочем, тут стоит оговориться, что ГШ-слово больше инвективное, то есть грубое, нежели обсценное.

Сатирико-фрейдистские мотивы, очевидно, лежащие в основе трансформации женщин в художественной вселенной Пелевина, также подкрепляют размышления Г. И. Борко [Борко, 2010], однако представляются нам чересчур обширными и достойными отдельного полноценного анализа. Здесь лишь отметим, что сакральная (магическая) и профанная (социально-сниженная) трактовка не просто равнозначны и актуальны, но и взаимосвязаны.

Схожее слияние сакрального и профанного, порождающее сатирический эффект, мы видим в романе «Священная книга оборотня»: по сюжету

оборотень Александр становится предвестником Апокалипсиса, имя которого полностью представляет собой обценное слово. Отметим, что в романе 2004 года использован тот же нарративный механизм, что и в романе «Transhumanism Inc.»: сначала героиня знакомится с мифом опосредованно, читая о Фенрире / Гарме и Рагнареке, а затем сталкиваясь с этим непосредственно: «Я читала про такую собаку с пятью лапами. Пес П***ц. Он спит среди снегов, а когда на Русь слетаются супостаты, просыпается и всем им наступают... Точно. И еще вроде бы в северных мифах его называют „Гарм“. Ты не слышал? Нордический проект – это твой профиль» [Пелевин, 2011, с. 291]. Так же и Маня: легенда о Вишварупе, услышанная на занятиях в колледже, готовит ее – и читателя – к финалу истории.

Заключение

В целом для творчества Пелевина характерно семантически насыщенное многоуровневое повествование, смыслы которого складываются зачастую на основе синкретизма [Любарский, 2024, с. 230] и цитатной полифонии: писатель соединяет в одном эпизоде, обладающем внутренней логикой и целостностью, отсылки к мифологиям, художественным произведениям (как классическим, так и современным), философским концепциям, используя при этом гротеск, сатиру и гиперболу, автор посредством деконструкции первоначального смысла создаёт свой собственный. Комплексный анализ семантической наполненности и подтекста, скрытого в имени Гольденштерна, показывает, как автор через лексический уровень повествования конструирует амбивалентный образ языческого бога – обладающего силой, но подвластного собственным страстям.

Итак, в статье доказано, что Пелевин использует язык как инструмент для выражения сложных философских идей, облеченных сатирическим флером. Посредством синкретизма, словотворчества и семантически насыщенных образов постмодернист создаёт уникальный стиль и уникальную историю, не только рассказывая о фантастическом вымышленном мире, но и – парадоксально – комментируя проблемы современности.

Библиографический список

1. Абрамова Д. В. Использование англицизов в пространстве современного художественного текста (на материале произведений В. Пелевина) // Новое в переводе и лингвистике: Материалы международной научно-практической конференции. Орехово-Зуево, 2012. С. 118–123.
2. Алтынбаева Г. М. Проблема взаимоотношений человека и искусственного интеллекта в романах Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.» // Филология и человек. 2023. № 4. С. 215–225.
3. Аюпов Т. Р. Художественные реалии в прозе Пелевина // Universum: филология и искусствоведение. 2023. С. 31–34.
4. Баркова А. Л. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022. 248 с.
5. Борко Г. И. Мужской протест, или Овладение матерной речью // Филологический дискурс. 2010. Вып. 8. С. 154–163.
6. Закирова О. В. Индивидуально-авторские религиозные мифы в романе В. Пелевина «S.N.U.F.F.» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (71). С. 71–75.
7. Иоффе Д. К вопросу о перформативной многозначности русского мата // Сборник Матице српске за славистику. 2021. № 100. С. 781–812.
8. Ковалев Г. Ф. Русский мат как часть национального достояния // Российский гуманитарный журнал. 2021. Том 10. № 3. С. 175–196.
9. Любарский Р. В. Концепции К. Кастанеды как основополагающий элемент изображения бога в романе В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 2 (49). С. 57–66.
10. Любарский Р. В. Оккультно-мифологические компоненты вторичной реальности романа Виктора Пелевина «Непобедимое солнце» // Новый филологический вестник. 2024. № 2 (69). С. 219–232.
11. Миллер В. И. Трансгуманизм как явление современной культуры (на примере творчества В. Пелевина) // Общество: философия, история, культура. 2023. С. 89–93.
12. Мыслина Ю. Н. Джойсовский редукционистский дискурс как принцип формирования реальности в романе В. Пелевина «TRANSHUMANISM INC.» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 4. С. 92–98.
13. Патракова А. «Яндекс» извинился за «N-слово» в своем коде и объяснил скандальную утечку безалаберностью сотрудников. 2023. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2023-01-31_yandeks_rassledoval_utechku (дата обращения 23.02.2025)
14. Пелевин В. О. Священная книга оборотня. Москва : Эксмо-Пресс, 2011. 384 с.
15. Пелевин В. О. Transhumanism Inc. Москва : Эксмо, 2023. 608 с.
16. Перфильева Ю. А. Сатира и критика потребительского общества в романах Виктора Пелевина // Вестник науки. 2024. № 7 (76). Т. 1. С. 429–434.

17. Пильщиков И. Русский мат: что мы о нем знаем? (о происхождении и функциях русской обсценной лексики) // Сборник Матице српске за славистику. 2021. № 100. С. 709–760.

18. Покаместова А. П. Влияние социально-временной среды на формирование уровня языкового развития общества / А. П. Покаместова, А. Н. Попова // Современные инновации. 2016. № 2 (4). С. 79–81.

19. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. Москва : Академический Проект, 2013. 639 с.

20. Сильчева А. Г. Архетип символической матери в структуре персонажной парадигмы художественного мира В. Пелевина // Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере: материалы XVII Международной научно-практической конференции (Москва – Пенза, 22–23 апреля 2024 г.). С. 41–48.

21. Толстой Н. И. Народная этимология и этимологическая магия // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва : Индрик, 1995. С. 317–333.

22. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. В 2 т. Т. 2: Гл. XL–LXIX / пер. с англ. М. Рыклина. Москва : ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. 496 с.

23. Хамфри К. Опасные слова: табу, уклонение и молчание в Советской России // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 314–339.

24. Эпштейн М. Н. Религия после атеизма. Новые возможности теологии. Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 416 с.

25. Lewis J. P. Forbidden Words // Torch Magazine. 2016. № 2. P. 2–6.

Reference list

1. Abramova D. V. Ispol'zovanie anglicizmov v prostanstve sovremennogo hudozhestvennogo teksta (na materiale proizvedenij V. Pelevina) = Using anglicisms in the space of modern fiction text (based on V. Pelevin's works) // Novoe v perevodovedenii i lingvistike: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Orekhovo-Zuevo, 2012. S. 118–123.

2. Altynbaeva G. M. Problema vzaimootnoshenij cheloveka i iskusstvennogo intellekta v romanah Viktora Pelevina «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.» = The problem of relations between man and artificial intelligence in Victor Pelevin's novels «S.N.U.F.F.», «iPhuck 10», «TRANSHUMANISM Inc.» // Filologija i chelovek. 2023. № 4. S. 215–225.

3. Ajupov T. R. Hudozhestvennye realii v proze Pelevina = Artistic realities in Pelevin's prose // Universum: filologija i iskusstvovedenie. 2023. S. 31–34.

4. Barkova A. L. Slavjanskije mify. Ot Velesa i Mokoshi do pticy Sirin i Ivana Kupaly = Slavic Myths. From Veles and Mokosha to the bird Sirin and Ivan Kupala. Moskva : Mann, Ivanov i Ferber, 2022. 248 s.

5. Borko G. I. Muzhskoj protest, ili Ovladenie maternoj rech'ju = Male protest, or the mastery of language // Filologicheskij diskurs. 2010. Vyp. 8. S. 154–163.

6. Zakirova O. V. Individual'no-avtorskie religionimy v romane V. Pelevina «S.N.U.F.F.» = Author's individual religionisms in Pelevin's novel «S.N.U.F.F.» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 5 (71). S. 71–75.

7. Ioffe D. K voprosu o performativnoj mnogoznachnosti russkogo mata = On the issue of performative polysemantic nature of the Russian invectives // Zbornik Matice srpske za slavistiku. 2021. № 100. S. 781–812.

8. Kovalev G. F. Russkij mat kak chast' nacional'nogo dostojanija Russian invectives as part of the national treasure // Rossijskij gumanitarnyj zhurnal. 2021. Tom 10. № 3. S. 175–196.

9. Ljubarskij R. V. Konceptii K. Kastanedy kak osnovopolagajushhij jelement izobrazhenija boga v romane V. Pelevina «TRANSHUMANISM INC.» = Castaneda as a fundamental element of the God's image in V. Pelevin's novel «TRANSHUMANISM INC.» // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2023. № 2 (49). S. 57–66.

10. Ljubarskij R. V. Okkul'tno-mifologicheskie komponenty vtorichnoj real'nosti romana Viktora Pelevina «Nepobedimoe solnce» = Occult-mythological components of the secondary reality in Victor Pelevin's novel «The Invincible Sun» // Novyj filologicheskij vestnik. 2024. № 2 (69). S. 219–232.

11. Miller V. I. Transgumanizm kak javlenie sovremennoj kul'tury (na primere tvorchestva V. Pelevina) = Transhumanism as a phenomenon of modern culture (on the basis of V. Pelevin's work) // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2023. S. 89–93.

12. Myslina Ju. N. Dzhojsovskij redukcionistskij diskurs kak princip formirovanija real'nosti v romane V. Pelevina «TRANSHUMANISM INC.» = Joycean reductionist discourse as a principle of reality formation in V. Pelevin's novel «TRANSHUMANISM INC.» // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. T. 45. № 4. S. 92–98.

13. Patrakova A. «Jandeks» izvinilsja za «N-slovo» v svoem kode i objasnil skandal'nuju utechku bezalabernost'ju sotrudnikov = «Yandex» apologized for the 'N-word' in its code and attributed the scandalous leak to employee negligence. 2023. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2023-01-31_yandeks_rassledoval_utechku (data obrashhenija 23.02.2025)

14. Pelevin V. O. Svjashennaja kniga oborotnja = The Werewolf's Holy Book. Moskva : Jeksmo-Press, 2011. 384 s.

15. Pelevin V. O. Transhumanism Inc. Moskva : Jeksmo, 2023. 608 s.

16. Perfil'eva Ju. A. Satira i kritika potrebitel'skogo obshhestva v romanah Viktora Pelevina = Satire and criticism of consumer society in Victor Pelevin's novels // Vestnik nauki. 2024. № 7 (76). T. 1. S. 429–434.

17. Pil'shnikov I. Russkij mat: chto my o nem znaem? (o proishozhdenii i funkcijah russkoj obscennoj leksiki) = Russian swear words: what do we know about them? (on the origin and functions of Russian obscene vocabulary) // Zbornik Matice srpske za slavistiku. 2021. № 100. S. 709–760.
18. Pokamestova A. P. Vlijanie social'no-vremennoj sredy na formirovanie urovnja jazykovogo razvitija obshhestva = Influence of socio-temporal environment on shaping the society's linguistic development / A. P. Pokamestova, A. N. Popova // Sovremennye innovacii. 2016. № 2 (4). S. 79–81.
19. Rybakov B. A. Jazychestvo drevnih slavian = Ancient Slavs' paganism. Moskva : Akademicheskij Proekt, 2013. 639 s.
20. Sil'cheva A. G. Arhetip simvolicheskoi materi v strukture personazhnoj paradigmy hudozhestvennogo mira V. Pelevina = The symbolic mother archetype in the structure of the character paradigm in V. Pelevin's artistic world // Rossiya v mire: problemy i perspektivy razvitija mezhdunarodnogo sotrudnichestva v gumanitarnoj i social'noj sfere: materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (Moskva – Penza, 22–23 aprlja 2024 g.). S. 41–48.
21. Tolstoj N. I. Narodnaja jetimologija i jetimologicheskaja magija = Folk etymology and etymological magic // Jazyk i narodnaja kul'tura. Očerki po slavjanskoj mifologii i jetnolingvistike. Moskva : Indrik, 1995. S. 317–333.
22. Frjezer Dzh. Zolotaja vetv': Issledovanie magii i religii = The golden bough: Exploring magic and religion. V 2 t. T. 2: Gl. XL–LXIX / per. s angl. M. Ryklina. Moskva : TERRA-Knizhnyj klub, 2001. 496 s.
23. Hamfri K. Opasnye slova: tabu, uklonenie i molchanie v Sovetskoj Rossii = Dangerous words: taboo, avoidance and silence in Soviet Russia // Antropologicheskij forum. 2005. № 3. S. 314–339.
24. Jepshtejn M. N. Religija posle ateizma. Novye vozmozhnosti teologii = Religion after atheism. New possibilities for theology. Moskva : AST-PRESS KNIGA, 2013. 416 s.
25. Lewis J. P. Forbidden Words // Torch Magazine. 2016. № 2. P. 2–6.

Статья поступила в редакцию 17.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 17.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 82

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-53

EDN: BSQASO

Интертекст как поэтическая стратегия С. Г. Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал»

Лю Гаочэнь

Аспирант кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета. 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

st112042@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2983-7563>

Аннотация. Неофициальная литература сыграла незаменимую роль в культурной жизни СССР второй половины XX в., и в этом контексте самиздатский журнал «Обводный канал» (1981–1993) стал значимой ареной для художественного самовыражения в позднесоветском Ленинграде. Настоящая статья посвящается поэтическим публикациям С. Г. Стратановского (р. 1944) – постоянного автора и соредатора журнала. Посредством интертекстуального анализа рассматриваются тематический репертуар, стилистические особенности и стратегии самоосмысления поэтом собственной творческой позиции с целью выявления механизмов структурирования индивидуальной поэтической системой. Поэзия Стратановского этого периода формируется на пересечении двух направлений: поэтизации советской обыденности и разработки религиозных мотивов. Его тексты отличаются жанровым разнообразием (оды, элегии, послания, фельетоны), насыщены элементами гротеска, иронии и эпатажа. Переход от экзистенциальной скорби к духовным поискам обозначает важный этап в творческом становлении Стратановского, подготавливая почву для дальнейших религиозно-философских размышлений и этнографических исследований. Символический образ «Обводного канала», закрепившийся в названии самиздатского проекта, становится метафорой поэтического пути и знаком идентичности андеграундной культуры. Интертекст в поэтике Стратановского выступает как инструмент концептуализации поэтического «я», обеспечивающий связность между произведениями разных периодов и формирующий непрерывный текстовый континуум. Результаты исследования подтверждают, что публикации в «Обводном канале» фиксируют качественно новый этап творчества Стратановского: именно в этом журнале формируется его поэтическая система, тематико-стилевой арсенал которой получает дальнейшее развитие в более поздних сборниках. Интертекстуальные стратегии становятся основой для удержания смысловой целостности поэтического мира.

Ключевые слова: неофициальная литература; самиздат; С. Г. Стратановский; «Обводный канал»; интертекст; авторская поэтика

Статья подготовлена при поддержке гранта для аспирантов, предоставленного Китайским стипендиальным советом (China Scholarship Council, CSC)

Для цитирования: Лю Гаочэнь Интертекст как поэтическая стратегия С. Г. Стратановского в самиздатском журнале «Обводный канал» // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 53–65. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-53>. <https://elibrary.ru/BSQASO>

Original article

Intertext as S. G. Stratanovsky's poetic strategy in the samizdat magazine «Obvodny kanal» («Bypass canal»)

Liu Gaochen

Postgraduate student, department of the history of russian literature, St.-Petersburg state university. 199034, St.-Petersburg, Universitetskaya emb., 7–9

st112042@student.spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2983-7563>

Abstract. Unofficial literature played an essential role in the cultural life of the USSR in the second half of the XX century, and in this context the samizdat magazine «Obvodny kanal» (1981–1993) became a significant arena for literary self-expression in Leningrad in the late-soviet period. This article focuses on the poetic publications by S. G.

Stratanovsky (b. 1944), a regular author and co-editor of the magazine. Through intertextual analysis, the study examines his thematic repertoire, stylistic characteristics, and strategies of self-reflection on his own creative position, with the aim of identifying the mechanisms that structure his individual poetic system. Stratanovsky's poetry of this period develops at the intersection of two trends: the poetization of everyday soviet life and working on religious motifs. His texts are characterized by genre diversity (odes, elegies, epistles, feuilletons), and are full of grotesque, irony and epatage. The transition from existential grief to spiritual search marks an important stage in Stratanovsky's creative development, paving the way for further religious and philosophical reflections and ethnographic research. The symbolic image of the «Obvodny kanal» in the name of the samizdat project becomes a metaphor for the poetic way and a sign of the underground culture identity. In Stratanovsky's poetics, intertext functions not only as a response to the cultural codes of the era but also as a tool for conceptualizing the poetic self, providing coherence between works of different periods and forming a constant textual continuum. The results of the study confirm that the publications in «Obvodnyi kanal» show a new quality stage in Stratanovsky's work: it is in this magazine that his poetic system is formed, the thematic and stylistic arsenal of which is further developed in later publications. Intertextual strategies thus serve as the foundation for maintaining the semantic integrity of a poetic world constructed at the intersection of personal memory, cultural tradition, and historical rupture.

Key words: unofficial literature; samizdat; S. G. Stratanovsky; «Obvodny kanal»; intertext; author's poetics

This article is sponsored by a postgraduate student grant from the China Scholarship Council (CSC)

For citation: Liu Gaochen Intertext as S. G. Stratanovsky's poetic strategy in the samizdat magazine «Obvodny kanal» («Bypass canal»). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):53–65. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-53>. <https://elibrary.ru/BSQASO>

Введение

Неофициальная литература как один из важнейших феноменов позднесоветской культуры выступала пространством альтернативного литературного творчества, в рамках которой происходило переосмысление художественной автономии и интеллектуальной субъектности. Особенно активный этап развития «второй культуры» в Ленинграде пришелся на 1970–1980-е гг., когда кризис советских ценностных стандартов становился все более ощутимым. Именно в этот период появились многочисленные «толстые» неподцензурные периодические издания, среди которых особое место заняли «Часы», «37», «Обводный канал» и «Митин журнал» [Каталог, 2018, с. 143–145; Самиздат, 2003, с. 25–31].

Литературно-критический журнал «Обводный канал» выделялся не только редкой для той эпохи полемической направленностью, но и тщательным отбором произведений [Памяти, 2019, с. 343]. Издававшийся с 1981 по 1993 г., он охватил сложный период социальных и культурных потрясений позднесоветского эпохи, что нашло отражение в разнообразии как затронутых его авторами тем, так и их эстетико-идеологических ориентиров.

В данной статье особое внимание уделяется стихотворным публикациям ленинградского поэта С. Г. Стратановского (род. 1944), постоянно-го автора и соредактора «Обводного канала» вплоть до 11-го выпуска за 1987 г. Логично предположить, что сочетание двух ролей предо-

ставляло Стратановскому большую степень свободы при выборе собственных текстов для публикации, позволяя ему отразить ключевые идеи и особенности его творчества в разные периоды. Тем не менее, количественно присутствие поэта в своем журнале оказалось довольно сдержанным: за весь период существования издания было опубликовано всего десять стихотворений и четыре поэтических цикла.

Перечисляем названия произведений в хронологическом порядке по выпускам журнала «Обводный канал»: «Плеханов-вальс, Плеханов-вальс...», «О, любовники жаркие...», «Роза просто», «Дикого плоти бутона...», «Азиатские мотивы», «Детство опять...» (1981, № 1); цикл «Библийские заметки» (1984, № 7); «Письмо к брату», «К секретарю райкома» (1985–1986, № 8); «На смерть Утопии», «Террорист», цикл «Научная фантастика в стихах» (1987, № 11); цикл «Стихи 1988 года» (1988, № 14); цикл «Стихи 1989 года» (1989, № 16).

«Дозированное» присутствие свидетельствует не только о беспристрастии редакторской политики журнала «Обводного канала», но и о значимости этих текстов, отобранных самим автором. Этот буквальный «самиздат» может рассматриваться как способ самопрезентации, с помощью которого автор стремится зафиксировать наиболее выразительные аспекты своей эстетики в определенные моменты творческой эволюции.

Выбор и распространение любого текста зачастую служит актом культурной легитимации, который напрямую соотносится с «символиче-

ской властью» и определяет позицию автора в литературной среде [Бурдые, 2007, с. 87–96]. Однако значение этого жеста иногда и выходит за рамки борьбы за признание, особенно в «замкнутых» условиях самиздата: публикация здесь может превратиться в форму углубленного самоосмысления, направленного на формирование индивидуальной поэтической системы. Как утверждает И. Гофман, каждый автор выполняет роль «режиссера» своей литературной идентичности, конструируя собственную «сцену» для аудитории [Гофман, 2000, с. 37–63]. В этом контексте предполагается понимание об участии отобранных текстов в создании единого литературного пространства, а также в выстраивании и структурировании авторской поэтики.

Уникальность стихотворных подборок Стратановского в «Обводном канале» во многом определяется интенсивным развертыванием авторского интертекста. Каждый новый текст вступает в полифонический диалог – как с литературной традицией, так и с собственным корпусом произведений автора, формируя сложную сеть отсылок и смыслов, открытых к переосмыслению [Барт, 1989, с. 384–391]. Следует отметить, что под «интертекстом» в работе понимаются не только случаи буквального повторения слов или строк, но и многоуровневые модуляции, создающие эффект внутренней поэтической серии. Подобный расширенный подход, восходящий к теориям постструктурализма и семиотической школы, позволяет рассматривать интертекста как стратегии эстетического сцепления и самоорганизации [см.: Женетт, 1998; Лотман, 2001].

В этом контексте анализ интертекстуальных механизмов помогает не только проследить расширение поэтического горизонта Стратановского по сравнению с его ранним творчеством (1968–1979), но и зафиксировать процессы выработки новых интенций, получивших развитие в лирике 1990-х гг. и последующих десятилетий. Таким образом, цель статьи заключается в осмыслении интертекста Стратановского как одного из ключевых инструментов построения индивидуальной поэтики, объединяющей тематический репертуар и стилевую палитру, а также идейные трансформации.

Тематический код: поэтизация повседневного и сакрального

В стихотворных текстах Стратановского в журнале «Обводный канал» сформировался те-

матический репертуар, который, с одной стороны, включает в себя ряд тем, затронутых в предыдущий творческий период, а с другой – становится ресурсом для вариаций поздних произведений. Этот корпус интертекста делится на две основные ветви: поэтизация советской повседневности и разработка религиозно-философских мотивов.

К первой категории – осмыслению культурной и политической реальности через призму иронии, философской рефлексии и пародийной деконструкции – относятся его публикации в первом, восьмом и одиннадцатом выпусках журнала. Наиболее показателен цикл «Научная фантастика в стихах», в котором обыгрываются ключевые идеологемы и культурные тренды эпохи: от культа космонавтики до кампаний по борьбе с пьянством и наркоманией, от гонений на последователей учения Н. Ф. Федорова до модной в те годы концепции «экологии» [Стратановский, 1987, с. 19–22].

Несмотря на злободневную направленность тематического материала, эти стихотворения лишены цинизма, морализаторской назидательности или интонации душевного угнетения. Ярким примером служит стихотворение «Плеханов-вальс, Плеханов-вальс...»:

Плеханов-вальс, Плеханов-вальс
Звучит на танцплощадке
Я вас люблю, я вижу в вас
Свой идеал в зачатке
Вас на руках нести готов
Отсюда до Камчатки

Но лучше ближе – в ночь кустов
Где луначарская луна плывет среди ветвей
И о любви поет кровавый соловей [Стратановский, 1981, с. 26]

Через повтор композита в первой строке стихотворения создается ритмическая плавность и музыкальность, имитирующая звучание легкого эстрадного вальса. Тем не менее, сочетание изысканного жанрового кода с фамилией революционного теоретика мгновенно нарушает хореографическую гармонию, внося в текст оксюморонную двусмысленность. Упоминание «Камчатки», сочетающееся с фразой «нести на руках», вызывает парадоксальные ассоциации, актуализируя советскую массовую культуру – вспомним, например, песню «Увезу тебя я в тундру» – и пародируя при этом риторику героико-

утопических жестов.

Слияние романтической образности и идеологических топосов создает пространство карнавального переосмысления. Так, образ «луначарской луны» вызывает одновременно возвышенно-лирические и иронично-бытовые ассоциации. «Луна» предстает традиционным символом романтической поэзии, меланхолии и утопического мечтания, а с другой стороны – звуковым и смысловым сближением с фамилией Луначарского, фигуры советского культурного канона. Здесь производится эффект десакрализации как политической личности, так и самого поэтического символа. Парадокс состоит в том, что оба значения – и «луна», и «Луначарский» – в равной степени таит в себе утопизм: как в вечном лирическом стремлении к недостижимому, так и в культурной программе, пытавшейся реформировать реальность через идею.

Однако, вопреки читательскому ожиданию, ироничность стихотворения превращается в некую трагическую интонацию: образ «кровавого соловья» придает тексту оттенок щемящей меланхоличности. Это, пожалуй, один из самых выразительных примеров характерной для Стратановского стратегии – осмысления действительности через иронию, под которой таится боль. Эту интонацию Н. Л. Елисеев метко охарактеризовал, назвав поэта «клерком-соловьем» [Елисеев, 2000, с. 116].

Обсуждаемое безымянное стихотворение, открывшее первый выпуск «Обводного канала», было выбрано не случайно. Его эстетика строится на узнаваемом материале советского быта, однако все эти элементы, из которых складывается поэтическое пространство, подвержены трансформации. Процедура «переозначивания привычного» позволяет его текстам обрести символическую глубину. Подобный прием характерен для раннего Стратановского и особенно активно использовался в произведениях первой половины 1970-х гг., таких как «Мочащийся пролетарий» (1971), «Лампочка света разбитого...» (1975) и др. Например, в стихотворении «Ленинградская лестница...» (1975) читаем следующие строки:

Ленинградская лестница,
щи, коммунальная дверь...
Провода от звонков:
Иванов, Розенцвейг, Иванов.
В шапке снега бескровного,
с холода,

зябкими пальцами спичку –

В коммунальную бестолочь, выморочь,
в джунгли обид в коридоре.

Там женщина плачет в смятенье и горе,
В норе бытия
без любви и без света,

И ни единым словом не согрета [Стратановский, 2019, с. 53]

Лирические герои Стратановского, оказавшись либо в абсурдных, либо в беспросветно прозаических жизненных обстоятельствах, подаются в экзистенциально-трагическом ключе. Окружающие их бытовые предметы теряют утилитарную определенность и превращаются в искаженные знаки – симулякры, наделенные обостренной смысловой нагрузкой. Однако в поэзии 1980-х гг. эти «декадентские» интонации заметно смягчаются: им на смену приходит более сложное эстетическое решение.

Снижение патетического регистра свидетельствует о поэтической зрелости, выраженной в построении внутренне более независимого лирического субъекта. Такой герой не является «рупором» авторской воли – он обретает собственную перспективу. Поэт не диктует ему позицию, а разделяет с ним его психологический горизонт, создавая пространство диалога, где творец и творение сосуществуют как равноправные участники. Именно такая структура, как отмечал М. М. Бахтин, открывает текст для многоголосой интерпретации и вовлекает читателя в сферу экзистенциального и нравственного соучастия [Бахтин, 2000, с. 9–31].

Обратимся к развитию этой тематической направленности в творчестве Стратановского постсоветского периода. Сюда включается значительная часть стихотворений из сборника «Тьма дневная» (2000), посвященная экономическому кризису, национальным катастрофам, мечте о новой жизни и связанным с ней разочарованиям, а также многие произведения из сборников «Граффити» (2011) и «Молотком Некрасова» (2014). В них можно усмотреть преимущественно созерцательную позицию, афористичную манеру и умышленное избегание формальных украшений. Приведем пример интертекстуальной вариации – стихотворение «Умиравший Плеханов» (2012).

Что ж... Пора умирать...
Ничего в этом страшного нет.
Просто выключат свет,
просто атомы тела войдут

в тело вечной Природы [Стратановский, 2014, с. 14]

Фигура Плеханова вновь возвращается в поэтическое поле Стратановского, но фокус уже смещается с карнавального гротеска на личную трагедию. Говорящее лицо демонстрирует болезненное осознание упадка идеалов и метафизическую беспомощность перед лицом необратимого мироустройства. Апатичный, стоически ровный тон текста превращает драму в молчаливое принятие – не героическое и не циничное, но глубоко человеческое. Как отмечает И. Р. Ратке, для такой интонации характерен «околоноулевой градус отношения к миру» – одно из ключевых эстетических свойств сборника «Молотком Некрасова» [Ратке, 2015, с. 123].

Прямолинейность выражения и лаконизм композиции намеренно отдалают читателя от как символических, так и эмоциональных перегрузок, погружая его в пространство почти протокольного бытия. Отказ от избытка метафор – столь заметной, например, в «Плеханове-вальсе» 1981 г. – подчеркивает важный творческий сдвиг поэта: от ироничного остранения к прямому, предельно очищенному высказыванию о трагическом опыте.

Краеугольным камнем тематического репертуара Стратановского служат и библейские мотивы, ярко воплощенные в цикле «Библейских заметок» и стихотворении «Письмо к брату» [Стратановский, 1985, с. 570–577; 1985–1986, с. 19–20]. В текстах на первый план выходят сцены из Ветхого Завета: истребление египетских первенцев, проникновение соглядатаев в Иерихон, нарушение запрета на прикосновение к ковчегу, страдания пророка Давида и другие ключевые эпизоды священной истории.

Параллель между ветхозаветным благоговением перед грозным и всеведущим Богом и экзистенциальным чувством духовной дезориентации, пронизывающим раннее творчество Стратановского, прослеживается с очевидностью. Эти мотивы функционируют не просто как содержательные аллюзии, но становятся своеобразными «контейнерами смыслов», в которых поэт осмысливает пределы познания, соединяя сакральные образы с актуальной реальностью. Так возникает инохронотопическая перспектива, где библейский миф оказывается зеркалом современности. Так как религиозная проблематика в поэзии Стратановского уже получила освещение в современном литературоведении [см.: Тимонина, 2017; Колымагин, 2020 и др.], в рамках дан-

ного анализа акцент делается на интертекстуальные «зацепки», встречающиеся в основном в публикациях «Обводного канала».

Прежде всего следует отметить те поэтические образы, подвергнувшиеся неоднократному варьированию. Так, выделим один из классических для Стратановского образов, который сразу привлекает внимание при прочтении цикла «Библейских заметок»:

Ящики скорби и радости

Кукла Его Авраам

Куклы Его Моисей,

пророки, цари на Сионе

И на огромной ладони

Камушком кажется Храм

Ящики гнева и трепета,

войн, всеожженных и царств

Имя Его не узнаешь,

след от стопы не найдешь

Входит Он в мясо как нож

Жизнь похищает как вор [Стратановский, 1985, с. 36]

Образ «ящика» становится здесь метафорой экзистенциальной антиномии: противоречия между личной свободой и трансцендентным контролем, между хаосом и порядком, между человеческой конечностью и абсолютизмом власти. Он вбирает в себя ассоциации как с ветхозаветным ковчегом, так и с мифической шкатулкой Пандоры. Поэт как бы ставит перед читателем символический выбор: принять страдание и хаос (дар Пандоры) или устремиться к спасению и гармонии (сущность ковчега).

Этот мотив обретает особую философскую плотность в контексте экзистенциалистской традиции, что подтверждается и названием одного из немногих самиздатских сборников поэта – «В страхе и трепете». Справедливо отмечает А. Ю. Арьев, что это наименование, напрямую отсылающее к философии С. Кьеркегора, являлось «вызовом господствующему в СССР диамату» [Арьев, 2017, с. 209].

Остановимся на интертекстуальных вариациях, восходящих к символике «ящика». Первая из них разворачивается в стихотворении «На улицах летнего света...» (1970):

На улицах летнего света

Пить воду и яблочный сок

Шататься без толку, шататься

Забиться, не слышать стараться

Как дышит развязанный где-то
 Смертей и рождений **мешок**
 Как страшен бывает ребенок
 Для жалких, никчемных отцов
 Так время сквозь боль и спросонок
 Пугает и прячешь лицо
 На улицах сорного лета
 Экскурсии, игры детей
 И боль от животного света
 Грядущей любви и смертей [Стратановский,
 1993, с. 11]

В этом стихотворении Стратановский конструирует образ «мешка смертей и рождений» как современную реинкарнацию библейского «ящика» — контейнера, вмещающего не только биологические циклы, но и неопределенную, отложенную будущность. На первый взгляд, стихотворение можно интерпретировать как отклик на социальную проблему исключения нежеланных детей. Однако более продуктивной представляется иная трактовка: речь идет не о физическом, а о символической маргинализации, вытеснении из социокультурного порядка фигур, нарушающего логос исторического времени.

В этом контексте просматривается прозрачная метафора самого андеграундного круга, вынужденного существовать на периферии советской культурной карты. Повторяющееся в стихотворении словосочетание «сорное лето» также мотивирует это прочтение, маркируя не только образ пространства, подверженного деградации, но и настроение культурной изоляции, в которой оказывается лирический субъект.

Хронологически между этим стихотворением и «Библейскими заметками» возникает еще один значимый текст — «В страхе и трепете» (1979), давший название упомянутому сборнику. Именно в нем отражается промежуточное развитие мотива «мешка»:

Летят болезни из мешка
 Судьбы.
 И кружится над нами
 Их невидимая стая.
 Кому назначена какая,
 Какими клювами, когтями
 Вонзится в плоть? [Стратановский, 1993,
 с. 107]

В этом фрагменте поэтический образ «мешка» сохраняет функцию вместилища судеб, но его семантика претерпевает смещение: теперь он

выступает как источник зла, открывающий путь исключительно невидимым силам разрушения и болезни. Этот «мешок судеб» соединяет ветхозаветный страх перед телесной уязвимостью и представляет собой переходный момент в эволюции мотива: от религиозной трепетности к осознанию тела как жертвы. Эта связка открывает перспективу развития мотива в направлении символической маргинализации и травмы — в частности, образа «подкидышей» как телесно и онтологически исключенных фигур.

Таким образом, в текстах Стратановского наблюдается очевидная автореференциальность и стремление поэта к постоянному переосмыслению образов, что формирует устойчивый символический ряд. Эти трансформации укрепляют его узнаваемый стиль и демонстрируют способность к непрерывному усложнению собственной поэтической системы.

Естественно, что в стихотворениях, затрагивающих религиозную тематику, существует ряд интертекстуальных связей иных уровней, включая персонажи и сюжеты. Без особого труда можно установить связь, например, с поздними сборниками «Смоковница» (2010) и «Иов и араб» (2013), насыщенными религиозными мотивами. В них усиливается интерес к Новому Завету, но сохраняются и отголоски ветхозаветных сюжетов — от Иисуса Навина и Иова до фигуры пророков, воплощенных в самом лирическом герое. В ряде текстов автор даже создает собственные апокрифы, продолжая линию поэтики, начатую в период «Обводного канала» [см.: Стратановский, 2010; 2013].

Стилевые векторы: жанровая игра и эстетика эпатажа

С момента поэтического дебюта 1968 г. Стратановский продемонстрировал устойчивую склонность к жанровым экспериментам, создавая тексты, в которых органично сосуществуют элементы различных литературных традиций. Как В. Кривулин отметил, в его произведениях «Суворов» (1973) и «Диалог о грехе Обезьяны Пишек и старчика Григория Сковороды» (1979) наблюдается то, как «абсурдизм органически сплавляется с возвышенной классической одической традицией» [Кривулин, 1996, с. 264].

Стихотворные публикации в «Обводном канале» продолжают и развивают эти поиски, превращаясь в своего рода лабораторию по расширению жанрового диапазона. Жанровая вариативность и разветвленные модели в данном кор-

пусе текстов представляют собой не только формальное обновление, но и особый тип интертекстуальности в широком смысле слова. Речь идет о замкнутой серии, внутри которой автор стремится объединить отдельные произведения посредством стилистических экспериментов и тем самым выстроить внутренне связанную поэтическую конструкцию. Взаимодополнение жанровых форм обеспечивает эффект сквозного тематико-стилевого движения.

Так, стихотворение «Роза просто» может быть охарактеризована как «спекулятивная ода», в которой исследуется природа страсти через плотскую метафорику:

Плотоядная чашечка,
роза сосуща, глотающая
Вне метафизики, мистики –
живоглотный, животный цветок
Роза любви беспросветной
ночная насильница, – роза
В биореторте души [Стратановский, 1981, с. 26].

Произведение сочетает одическую инотацию с медитативным жестом, смещая акцент с возвышенной символики на предметную чувственность, физиологическую зримость страсти. В таком ключе оно вызывает отдаленные параллели с «Испанской танцовщицей» И. Бродского (1992), где экспрессия фламенко предстает как источник метафизических размышлений о боли и распаде. Тем не менее, если у Бродского доминирует неоклассическая строгость, то у Стратановского прослеживается склонность к гротеску и телесно-мистическому напряжению:

Он – слепок боли
в груди и взрыва
в мозгу, доколе
сознание живо.

В нем – скорбь пространства
о точке в оном,
себя напрасно
считавшем фоном.
<...>
ее круженье
одновременно
ее крушенье,

и мускул платья
в своем полете

свободной плоти,
и чужд объятья.

<...>

О, этот сполох
шелков! По сути
спуск бедер голых
на парашюте [Бродский, 2022, с. 148–150]

В том же жанровом ключе стоит рассматривать и поэтические послания, пронизанные патетической иронией. Так, в «К секретарю райкома» бюрократический «новояз» советской эпохи пародийно внедрен в структуру наставительных афоризмов, превращая произведение в сатирическую проповедь [Стратановский, 1985–1986]. Напротив, «На смерть Утопии» оформлено как ироничная элегия, в которой «утопия» предстает в виде утопленницы – «нашей общей жены», чья панихида становится метафорой прощания с несбывшимся идеалом [Стратановский, 1987, с. 18]. Дополняет эту картину цикл «Научная фантастика в стихах» (1987, № 11), стилизованный под поэтический фельетон [Стратановский, 1987, с. 19–22]. Он демонстрирует исключительную пластичность письма, где элементы сатиры, гротеска, аллюзий и документального абсурда соединяются в подвижную жанровую структуру.

В стихотворениях, опубликованных в «Обводном канале», обнаруживается еще один стилистический вектор, связанный с художественными экспериментами неофициальной среды. Это сознательный прием эпатажа поэтического языка – разрушения нормативных представлений как о морали, так и о языке. Так, в стихотворении «О любовники жаркие...» можно увидеть эксцентричные окказионализмы:

О любовники жаркие начиненные жирными
рыбами
И на ложе восторгов жующие рыб
И наевшись по горло не кажутся грубыми
Поцелуй испачканных губ

Любобчавканье плоти, плотва-людоедица
В игломясом чудовище чмокание двух
Поцелуй меня в ухо сестра моя пленница
С рыбой кровью смесившая дух [Стратановский, 1981, с. 26].

Сюжетная непредсказуемость и лексическое буйство задают тональность эстетического шока. Начальная строка второй строфы построена по хиазмическому принципу, создающему компо-

зиционную напряженность, а неологизм «любо-чавканье» активизирует поле ассоциаций, отсылающее к словам типа «любостязание», «любострастие» и «прелюбодеяние», формируя лексико-семантическую зону нарушения. Возникающее напряжение не просто эстетично, но провокационно: оно подрывает сразу несколько уровней культурной нормативности – от морали до сакральных коннотаций.

Как отмечал Кривулин, образы в данном стихотворении можно интерпретировать через призму раскола Русской православной церкви XVII в. [Кривулин, 1996, с. 267]. Мотивы «поедания» [см.: Рогов, 1999, с. 142–152] и «чавканья» также активизируют евхаристическую символику. «Рыба» выступает как традиционный образ Христа, приобретая двусмысленную окраску – она одновременно сакральная сущность и жертва физиологического поглощения, граничащего почти с кощунством. Конфликт возникает между благоговением и профанацией, воплощаясь в ряде антитез: любовь – плоть, человечность – животность, высокое – низкое.

Особое внимание заслуживает образ «плотвы»: он играет на сочетаниях с «жеванной рыбой», перекликаясь с процессом «чавканья», а также символизирует низменность черни. Эта замысловатая концепция встречается у Стратановского и в другом стихотворении – «Стеклотару сдают, неботару...» (1975):

Стеклотару сдают, неботару
Баботару восторгов, надежды
Баботару любви
с отпечатками скотства и пьянства
Неботару без неба, с остатками боли и яда
Боготару пространства
с **плотвой Иисусовой**, с мусором
С метафизикой боли,
метафизикой зорь и надежды [Стратановский, 1993, с. 26].

Эпитет «Иисусова» в сочетании с «плотвой» в контексте христианской символики активизирует традиционную ассоциацию рыбы с образом Христа. Тем не менее, здесь эта связь, обычно сопряженная с благочестием и духовной метафорикой, оказывается радикально переосмысленной: сакральное вступает в диалог с будничным, обыденным, а порой и откровенно низовым.

Автор создает контраст между лексемами с бытовым, а порой даже грубоватым оттенком («баба», «скотство», «пьянство», «плотва», «му-

сор»), и словами, отсылающими к сфере возвышенного и трансцендентного («небо-», «Бог-», «Иисусова», «метафизика», «заря», «надежда»). Этот контраст усиливается чрезмерным натурализмом, почти циничной прямоотой, что обостряет восприятие этих образов и делает столкновение регистров особенно более ощутимыми. Примечателен в этом ряду слов неологизм «Боготара», в котором божественное начало как бы вмонтировано в практику утилизации – сакральное оказывается поставленным под вопрос. Поэт предлагает задуматься о возможности присутствия Божьего в пространстве маргинального и отверженного.

Следовательно, стихотворные публикации Стратановского в журнале «Обводный канал» охватывают впечатляющий спектр жанровых решений – от спекулятивной оды и ироничной элегии до поэтического фельетона и провокационного экзистенциального послания. Наряду с этим эпатажный регистр, направленный на разрушение нормативных языковых и моральных ожиданий, органично соседствует с метафизической рефлексией. Именно интертекстуальные связи в виде внутренней автоцитатности становятся тем стержнем, который позволяет текстам функционировать как части единого поэтического цикла.

В этом многообразии стратегий проявляется главная особенность его поэтики: умение нащупывать смысл. Стратановский предстает внимательный создатель сложной стилевой системы, где каждый текст становится элементом разветвленной эстетической программы, формирующей внутреннюю целостность и открывающейся многомерной интерпретации.

Идейный поворот: от социальной интонации к духовным поискам

Вопрос об эволюции поэтики Стратановского в рамках журнала «Обводный канал» охватывает не только тематико-стилистические изменения, но и более тонкие сдвиги в его художественном самосознании. В индивидуальную систему творческих стратегий поэта включаются процессы осмысления, регулирования и артикуляция собственных эстетических принципов. В духе семиотики Лотмана текст как смыслообразующее устройство побуждает своего автора быть реципиентом созданных им же смыслов [Лотман, 2001, с. 203–219]. Поэзия Стратановского также превращается в арену активного взаимодействия с предшествующими текстами, что приводит к

формированию сложной интертекстуальной сети, пронизывающей его произведения.

Наиболее выразительное воплощение поэтической стратегии обнаруживается в поздних миниатюрах, завершающих период сотрудничества Стратановского с журналом «Обводный канал». Так, «Двор» и «Депрессия» можно рассматривать как концентрированное выражение поворота от экзистенциальной скорби – столь характерной для его ранней лирики – к более сдержанному, но в то же время нервному духовному поиску, который станет определяющим в его последующей поэтической траектории.

Примечательно, что эти тексты включились ни в один из авторских сборников, в том числе и «Изборник» (2019) – масштабную ретроспективу творчества, подготовленную самим поэтом. Это отсутствие не выглядит случайным. Возможно, причина кроется в высокой степени интимности и исповедальности, из-за которых данные тексты оказались бы слегка уязвимыми в публичном пространстве. Вместе с тем, в своей непредъявленности они обретают особую ценность – как точка концентрации поэтического осознания, в которой поэт фиксирует не столько завершённую форму, сколько порывы перехода, предельную чувствительность к собственной внутренней трансформации.

В стихотворении «Двор», проникнутом прощально-меланхолической интонацией, выстроен образ лирического героя, погружённого в состояние утраты, изоляции и духовного онемения. Нам видится пространство предельной обыденности, где отголоски сакрального существуют не столько в искажённом, сколько в кошмарном виде:

Я на паперти храма
не буду кормить голубей
Хлебом насущным.
Как утро грубеет в окне...
Не голубеет, пытается
(Скажут: светает, рассвет...)
Слышу: осколки...окно...чья-то судьба
или тара
Винная... взвизги, гитара...
Это Высоцкий запел
в черном свитере Гамлет таганский...
Сдашь ли сегодня бутылки?
спросит дворовая муза
С пьяной ухмылкой
Сдашь ли бутылки?
Ведь надо прожить до зарплаты

Куток колодец двора.
Утро визжит как вчера
Мутно как завтра
И подол твой уж задран
поэзия, муза, сестра
Мутен колодец души
Научи меня, Господи,
я не умею молиться... [Стратановский, 1988, с. 5]

Почти обрывочное высказывание фиксирует сдвиг – отказ от ритуала, от традиционного акта милосердия, как симптом утраты сопричастности с сакральным. Звукоряд стихотворения, насыщенный фрагментарными репликами и визуальными-акустическими образами («осколки... окно... чья-то судьба», «взвизги, гитара»), создает атмосферу повседневного неблагополучия, в котором личные ориентиры подвергнуты эрозии.

Примечателен поэтический образ «дворовой музы» – фигуры одновременно бытовой и мифологизированной, в которой воплощается тот же центральный для Стратановского мотив: сращение маргинального и возвышенного. Подобно ранее рассмотренным текстам, обыденный двор становится ареной откровения, местом, где поэзия возможна «вопреки», а не «благодаря» канону.

Особого внимания заслуживает художественное решение, отражающее внутреннюю динамику произведения и достигающее кульминации в его финале. Если эпитет «мутное как завтра» лишь ненавязчиво намекает на предчувствие грядущей нестабильности и неизбежных катаклизмов, то к финалу тревога достигает апогея: читателю открывается интенсивный страх перед поглощением человеческого существования грязью и цинизмом обыденности («Мутен колодец души // Научи меня, Господи, // я не умею молиться...»). Эта интонация лишена просветленного катарсиса – напротив, она становится жестом обнаженной немоты, актом, в котором невозможность молитвы звучит громче самой молитвы.

Тем самым «Двор» фиксирует поворотный момент в «автопоэтике» Стратановского: от социальной вовлеченности к созерцательной дистанции, от сатирической иронии к попытке молитвенного высказывания. Такой переход знаменует собой ключевое метафизическое переформатирование поэтического «я» – шаг в сторону внутреннего сосредоточения, которое открывает дорогу зрелой религиозно-философской лирике. Это свидетельствует о внутреннем переломе,

связанном с переосмыслением роли поэзии в условиях изменяющейся социальной реальности.

Наиболее выразительно художественная трансформация прослеживается в стихотворении «Депрессия», где предвосхищается направление, в котором будет держаться творчество в последующие годы:

Время мое от таблетки к таблетке ползя
Тихо дичает.

И смотрит икона Ничто

В начиненного химией.

Выйду в заброшенный сад

«Здравствуй, – скажу я шатру

листьев шумящих. –

«Химия мира еще не вселилась в тебя

Древен, но мощен еще

Ствол Саваофов».

«Здравствуй, – скажу я земле. –

Мы с тобою и вправду родные,

Не отвергай же меня,

выслушай тихо меня» [Стратановский, 1988, с. 6].

Интонация этого стихотворения принципиально иная: она не маркирует бегство или отстранение, а, напротив, означает откровенный выход и обращение. Перформативное высказывание «выйду» при этом задает внутреннюю настройку на смирение и диалог. Пространство «заброшенного сада» – архетипическая проекция «потерянного рая», места до-разрушенного, в котором еще возможно восстановление связи с первоосновами бытия.

Метафора «шатра» с эпитетом «Саваофов» актуализирует ветхозаветный символический ряд, в частности – образ скинии как подвижного храма. Таким образом, поэтический субъект предстает в позиции неуверенного пророка, ищущего опоры вне разложившегося культурного порядка. Обращение к земле как к «родной» происходит в регистре доверия и влечения к очищающей телесности, противопоставленной «химии» – универсальному символу подмены, коррозии и симуляции. Этот жест наполнен покаинной просьбой о возвращении к истоку, не искаженному той или иной фильтрацией.

Отсюда видно, что авторская поэтика Стратановского переориентируется на внутреннюю антропологическую вертикаль, направленную одновременно к религиозно-философским и этнографическим исследованиям. Именно в этом ключе развивается его творчество XXI в. В сбор-

нике «Рядом с Чечней» (2002), например, поэт осмысляет опыт чеченской войны и местных мифологических структур, в которых поднимается проблема «парадоксального сознания русской интеллигенции», ее двойственного отношения к культурной близости и родству [Бобышев, 2003, с. 108; Зверева, 2020, с. 651–658]. В книге «Оживление бубна» (2009) заявлена программа откликов на мифологию коренных народов России [Стратановский, 2024, с. 5], а в сборниках «Смоковница» (2010) и «Иов и араб» (2013) реализуется уже прямое движение в сторону библейской поэтики [Орлицкая, 2012, с. 169–172], а именно от аллюзии к откровению, от символа к пророческому голосу.

Сознательная культурологическая рефлексия становится очевидной при сопоставлении двух важных стихотворений – «Обводный канал» (1969) и «И вдоль канала Обводного...» (1998). Как ни странно, они, несмотря на очевидную тематическую близость к «Обводного каналу», хронологически и текстологически остаются за пределами его публикационного корпуса. В первом стихотворении образ «канала» выступает как символ индустриального застоя, городской запущенности и экзистенциального удушья, в котором лирическое «я» буквально растворяется в урбанистической энтропии:

А там – Главрыбы и Главхлеба

Немые, пасмурные души,

А там промышленное небо

Стоит в канале

<...>

Дым заводской живет в канале,

Чуть брезжит, чуть брезжит осенний день,

И буквы вывески Главсоль

Шагают по воде [Стратановский, 1993, с. 19].

Во втором тексте, написанном почти через тридцатилетие, образ канала сохраняет свою функцию метафоры отчуждения, однако обретает новое смысловое измерение. «Канал» становится порогом между внутренней стагнацией и возможным освобождением, между повседневностью и трансцендентным устремлением:

И вдоль канала Обводного

Грохот махин болетворных

Грузовозов тоски

и сжимает, сжимает виски

Транспортное кольцо,

и в обыденном грохоте тонет

Исчезает лицо,
а душа устремляется в море [Стратановский,
2019, с. 169].

Таким образом, второй текст развивает внутреннюю траекторию: индустриальный морок сменяется возможностью метафизического выхода. «Душа», как подчеркивается в финальной строке, освобождается от индустриального кольца и направляется к пространству «моря».

Сделаем экскурс: для Стратановского, как и для ленинградского андеграунда в целом, этот топоним важен не только как поэтический образ, но и как физический атрибут субкультуры. Инициаторы издательского проекта «Обводного канала» закрепили его в названии издания и неоднократно высказывались о его истоках. В интервью сам Стратановский заявлял: «Район Обводного всегда был квинтэссенцией урбанизма, символом забытости и богооставленности и связан с моими ленинградскими стихами», тогда как Бутырин указывал на идею «обводки» как «окольного пути, минующего торжища как официоза, так и неофициальной культуры» [Самиздат, 2003, с. 435]. Примечательно, что ряд поэтов, таких как Н. А. Заболоцкий, В. Б. Кривулин и Е. А. Шварц, обращались к образу Обводного канала в своих стихотворениях, способствуя формированию современного урбанистического мифа об этом объекте [см.: Дзюмин, 2010; Саббатини, 2013, с. 287–308]. В этом смысле «Обводный канал» предстает как поэтический способ мышления и самоидентификации. Извиваясь и шевелясь, он становится границей между застоем и рывком, а также между подчинением отчаянию и его преодолением.

Заключение

Проведенный анализ стихотворных публикаций С. Г. Стратановского, появившихся в журнале «Обводный канал» в 1980-е гг., позволяет говорить о формировании его творческого архива, в котором зафиксированы важные этапы становления авторской поэтической системы. Элементы советской повседневности и религиозно-философские мотивы, ирония, гротеск, эпатаж и жанровая игра – все это свидетельствует о динамике поэтического сознания, стремящегося к постоянному соотносению со своими текстуальными матрицами. Особенно значимым оказывается идейный поворот от социальной интонации к духовным поискам, определивший вектор развития его дальнейшей творческой траектории.

Интертекст в поэтике Стратановского выступает не только как отклик на культурные коды эпохи, но и как способ концептуализации поэтического «я» – инструмент самоосмысления, реализуемый через рефлексивное цитирование, стилизацию и смысловое сближение. В этом контексте «Обводный канал» становится поэтическим медиумом, в котором утверждаются параметры авторской эстетики и выстраивается связь между разновременными пластами его творчества. Именно здесь поэтика Стратановского достигает качественно новой зрелости: разработанный в этом журнале тематико-стилевой арсенал получает дальнейшее развитие в последующих сборниках – от первого официального издания «Стихи» (1993) до книг 2000–2010-х гг., где ранний опыт тонко варьируется в новых историко-культурных условиях.

Таким образом, интертекст выступает не только как эстетическая стратегия, но и как механизм поддержания целостности и непрерывности поэтического мира, формирующегося на пересечении личной памяти, культурного кода и эпохального сдвига.

Библиографический список

1. Арьев А. Ю. О Боге и боли: поэзия Сергея Стратановского // Урал. 2017. № 1. С. 208–220.
2. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. С. 384–391.
3. Бахтин М. М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. Санкт-Петербург: Азбука, 2000. 336 с.
4. Бобышев Д. В. Червоточина нашего времени // Арион. 2003. № 1. С. 105–109.
5. Бродский И. А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. Т. 2 / вступ. статья, сост., подг. текста, примеч. Л. Лосева. Санкт-Петербург: ИГ «Лениздат», «книжная лаборатория», 2022. 672 с.
6. Бурдые П. О символической власти // Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с франц.; отв. ред. пер. Н. А. Шматко. Москва: Институт экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. С. 87–96.
7. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000. 304 с.
8. Дзюмин Д. «Я стал молчанием и сором бытия». Обводный канал – литература и мистика / Livejournal, 2010. URL: <https://dzumin.livejournal.com/123398.html?ysclid=m5pkucrbob748013404> (дата обращения: 01.01.2025)
9. Елисеев Н. Л. Клерк-соловей // История ленин-

градской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы : сборник статей / сост.: Б. И. Иванов, Б. А. Рогинский; ред. Б. И. Иванов. Санкт-Петербург : ДЕАН, 2000. С. 116–126.

10. Женетт Ж. Фигуры: В 2-х т. : Т. 2. / пер. с фр. Е. Васильевой и др. Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 469 с.

11. Зверева Т. В. «Сумерки богов» в поэтической книге Сергея Стратановского «Оживление бубна» // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 4. С. 651–658.

12. Каталог периодики Самиздата. 1956–1986 / сост.: А. Комароми, Г. М. Кузовкин. «Международный Мемориал», 2018. 167 с.

13. Колымагин Б. Ф. Религиозная поэзия андеграунда 1960–1980 годов. Москва : Виртуальная галерея, 2020. 248 с.

14. Кривулин В. Б. Сергей Стратановский: к вопросу о петербургской версии постмодерна // НЛЮ. 1996. № 19. С. 261–267.

15. Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПб, 2001. 703 с.

16. Орлицкая А. Микроистория великих событий // Октябрь. 2012. № 2. С. 169–172.

17. Памяти Кирилла Бутырина. Статьи, переписка, интервью, воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. / сост. В. Бутырина, С. Стратановский; под ред. А. Арьева, С. Стратановского. Санкт-Петербург : Юолукка, 2019. 460 с.

18. Ратке И. Р. Гвозди Стратановского // Prosōdia. 2015. № 2. С. 123–125.

19. Рогов О. О поэзии Сергея Стратановского (Очерки русской неподцензурной поэзии второй половины XX века. Статья вторая) // Волга. 1999. № 9. С. 142–152.

20. Саббатини М. «Обводный канал» в мифопоэтике Сергея Стратановского 1970-х – 1980-х годов // «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: Материалы международной конференции (Женева, 1–3 марта 2012 г.) / сост. и науч. ред.: Ж.-Ф. Жаккар, В. Фридли, Й. Херльт; ред.: П. Казарновский. Санкт-Петербург : Издательство «Росток», 2013. С. 287–308.

21. Самиздат Ленинграда. 1950-е–1980-е. Литературная энциклопедия / авт.-сост.: В. Э. Долинин, Б. И. Иванов, Б. В. Останин, Д. Я. Северюхин; под общ. ред.: Д. Я. Северюхин. Москва : НЛЮ, 2003. 624 с.

22. Стратановский С. Г. Библиейские стихи // Обводный канал. № 7. 1985. С. 36–41.

23. Стратановский С. Г. Возвращаясь к Багрицкому // Звезда. 2007. № 2. С. 191–208.

24. Стратановский С. Г. И вдоль канала Обводного... // Новая камера хранения. 2019. URL: http://newkamera.de/stratanovskij/stratanovskij_02.html (дата обращения: 12.03.2025)

25. Стратановский С. Г. Избранные стихотворения // Обводный канал. 1981. № 1. С. 26–28.

26. Стратановский С. Г. Избранные стихотворения // Обводный канал. 1985–1986. № 8. С. 19–20.

27. Стратановский С. Г. Избранные стихотворения // Обводный канал. 1987. № 11. С. 18–22.

28. Стратановский С. Г. Иов и араб. Книга стихотворений. Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 2013. 32 с.

29. Стратановский С. Г. Молотком Некрасова. Книга новых стихов. Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 2014. 68 с.

30. Стратановский С. Г. Оживление бубна. Санкт-Петербург : Jaromír Hladík press, 2024. 96 с.

31. Стратановский С. Г. Смоковница. Стихи разных лет. Санкт-Петербург : «Пушкинский фонд», 2010. 64 с.

32. Стратановский С. Г. Стихи 1988 года // Обводный канал. 1988. № 14. С. 5–6.

33. Стратановский С. Г. Стихи 1975–1989 года // Обводный канал. 1989–1993. № 16.

34. Тимонина П. А. Библиейские образы и мотивы в русской поэзии 60–80-х годов XX века. ВКР. Санкт-Петербург, 2017. 59 с.

Reference list

1. Ar'ev A. Ju. O Boge i boli: pojezija Sergeja Stratanovskogo = On God and pain: Sergei Stratanovsky's poetry // Ural. 2017. № 1. S. 208–220.

2. Bart R. Smert' avtora = Death of the author // Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika. Pojetika / per. s fr.; sost., obshh. red. i vstup. st. G. K. Kosikova. Moskva : Progress, 1989. S. 384–391.

3. Bahtin M. M. Avtor i geroj: k filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk = The author and the hero: towards philosophical bases for humanitarian sciences. Sankt-Peterburg : Azbuka, 2000. 336 s.

4. Bobyshev D. V. Chervotochina nashego vremeni = The wormhole of our time // Arion. 2003. № 1. S. 105–109.

5. Brodskij I. A. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems: v 2 t. T. 2 / vstup. stat'ja, sost., podg. teksta, primech. L. Loseva. Sankt-Peterburg : IG «Lenizdat», «knizhnaja laboratorija», 2022. 672 s.

6. Burd'e P. O simvolicheskoj vlasti = On symbolic power // Burd'e P. Sociologija social'nogo prostranstva / per. s franc.; otv. red. per. N. A. Shmatko. Moskva : Institut jeksperimental'noj sociologii; Sankt-Peterburg : Aletejja, 2007. S. 87–96.

7. Gofman I. Predstavlenie sebja drugim v povsednevnoj zhizni = The Presentation of Self in everyday Life / per. s angl. i vstup. stat'ja A. D. Kovaleva. Moskva : Kanon-Press-C, Kuchkovo pole, 2000. 304 s.

8. Dzjumin D. «Ja stal molchaniem i sorom bytija». Obvodnyj kanal – literatura i mistika = «I have become silence and the rubbish of existence». Obvodny canal – literature and mysticism / Livejournal, 2010. URL: <https://dzjumin.livejournal.com/123398.html?ysclid=m5pkucrbob748013404> (data obrashhenija: 01.01.2025)

9. Eliseev N. L. Klerk-solovej – Clerk-nightingale // Istorija leningradskoj nepodcenzurnoj literatury: 1950–1980-e gody : sbornik statej / sost.: B. I. Ivanov, B. A.

Roginskij; red. B. I. Ivanov. Sankt-Peterburg : DEAN, 2000. S. 116–126.

10. Zhenett Zh. Figury = Figures: V 2-h t. : T. 2. / per. s fr. E. Vasil'evoy i dr. Moskva : Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. 469 s.

11. Zvereva T. V. «Sumerki bogov» v pojeticheskoy knige Sergeja Stratanovskogo «Ozhivlenie bubna» = «Twilight of the Gods» in Sergei Stratanovsky's poetry book «Revival of the tambourine» // Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij. 2020. № 4. S. 651–658.

12. Katalog periodiki Samizdata. 1956–1986 = Catalog of Samizdat periodicals. 1956–1986 / sost.: A. Komaromi, G. M. Kuzovkin. «Mezhdunarodnyj Memorial», 2018. 167 s.

13. Kolymagin B. F. Religioznaja poezija andegraunda 1960–1980 godov = The underground religious poetry 1960–1980. Moskva : Virtual'naja galereja, 2020. 248 s.

14. Krivulin V. B. Sergej Stratanovskij: k voprosu o peterburgskoj versii postmoderna = Sergei Stratanovsky: towards St.-Petersburg version of postmodernism // NLO. 1996. № 19. S. 261–267.

15. Lotman Ju. M. Semiosfera = Semiosphere. Sankt-Peterburg : Iskusstvo-SPb, 2001. 703 s.

16. Orlickaja A. Mikroistorija velikih sobytij = Microhistory of great events // Oktjabr'. 2012. №2. S. 169–172.

17. Pamjati Kirilla Butyrina. Stat'i, perepiska, interv'ju, vospominanija = In memory of Kirill Butyrin. Articles, correspondence, interviews, memoirs. Izd. 2-e, ispr. i dop. / sost. V. Butyrina, S. Stratanovskij; pod red. A. Ar'eva, S. Stratanovskogo. Sankt-Peterburg : Juolukka, 2019. 460 S.

18. Ratke I. R. Gvozdi Stratanovskogo = Stratanowski's nails // Prosodia. 2015. № 2. S. 123–125.

19. Rogov O. O poezii Sergeja Stratanovskogo (Očerki russkoj nepodcenzurnoj poezii vtoroj poloviny HH veka. Stat'ja vtoraja) = On Sergei Stratanovsky's poetry (Essays on uncensored poetry in the second half of the XX century. The second article) // Volga. 1999. № 9. S. 142–152.

20. Sabbatini M. «Obvodnyj kanal» v mifopojetike Sergeja Stratanovskogo 1970-h – 1980-h godov = «Obvodny canal» in Sergei Stratanovsky's mythopoetics of 1970s–1980s // «Vtoraja kul'tura». Neoficial'naja poezija Leningrada v 1970–1980-e gody: Materialy mezhdunarodnoj konferencii (Zheneva, 1–3 marta 2012 g.) / sost. i nauch. red.: Zh.-F. Zhakkar, V. Fridli, J. Herlt; red.: P. Kazarnovskij. Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo «Rostok», 2013. S. 287–308.

21. Samizdat Leningrada. 1950-e–1980-e. Literaturnaja jenciklopedija = Samizdat in Leningrad. 1950s–1980s. Literary encyclopedia / avt.-sost.: V. Je. Dolinin, B. I. Ivanov, B. V. Ostanin, D. Ja. Severjuhin; pod obshh. red.: D. Ja. Severjuhin. Moskva : NLO, 2003. 624 s.

22. Stratanovskij S. G. Biblejskie stihi = Bible Verses // Obvodnyj kanal. № 7. 1985. S. 36–41.

23. Stratanovskij S. G. Vozvrashhajas' k Bagrickomu = Back to Bagritsky // Zvezda. 2007. № 2. S. 191–208.

24. Stratanovskij S. G. I vdol' kanala Obvodnogo... = And along the bypass canal // Novaja kamera hranenija. 2019. URL: http://newkamera.de/stratanovskij/stratanovskij_02.html (data obrashhenija: 12.03.2025)

25. Stratanovskij S. G. Izbrannye stihotvorenija = Selected poems // Obvodnyj kanal. 1981. № 1. S. 26–28.

26. Stratanovskij S. G. Izbrannye stihotvorenija = Selected poems // Obvodnyj kanal. 1985–1986. № 8. S. 19–20.

27. Stratanovskij S. G. Izbrannye stihotvorenija = Selected poems // Obvodnyj kanal. 1987. № 11. S. 18–22.

28. Stratanovskij S. G. Iov i arab. Kniga stihotvorenij = Job and the Arab. A Book of Poems. Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 2013. 32 s.

29. Stratanovskij S. G. Molotom Nekrasova. Kniga novyh stihov = With Nekrasov's hammer. A book of new poems. Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 2014. 68 s.

30. Stratanovskij S. G. Ozhivlenie bubna = Revival of the tambourine. Sankt-Peterburg : Jaromír Hladík press, 2024. 96 s.

31. Stratanovskij S. G. Smokovnica. Stihi raznyh let = Sycamine. Poems of different years. Sankt-Peterburg : «Pushkinskij fond», 2010. 64 s.

32. Stratanovskij S. G. Stihi 1988 goda = The poems of 1988 // Obvodnyj kanal. 1988. № 14. S. 5–6.

33. Stratanovskij S. G. Stihi 1975–1989 goda = The poems of 1988 // Obvodnyj kanal. 1989–1993. № 16.

34. Timonina P. A. Biblejskie obrazy i motivy v russkoj poezii 60–80-h godov XX veka = Biblical images and motifs in Russian poetry of the 60s–80s of the 20th century. VKR. Sankt-Peterburg, 2017. 59 s.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Медиакоммуникации и журналистика

Научная статья

УДК 070.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-66

EDN: CHSTOY

Возможности формирования современной медиаобразовательной среды на основе модели MediaHub

Екатерина Владимировна Валюлина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики, медиа и рекламы, Алтайский государственный университет. 656061, г. Барнаул, проспект Ленина, д. 61

serev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5313-1114>

Аннотация. В статье производится оценка необходимости развития современной медиаобразовательной среды на основе модели MediaHub. Развитие медиаграмотности и создание качественного контента стали важнейшими задачами современного образования. Особенно актуально формирование критического мышления при работе с информацией у педагогов и учащихся всех уровней. Для решения этих задач в Алтайском регионе назрела потребность в интеграции образовательных организаций в общее медиапространство. Такое объединение позволит наладить продуктивное сотрудничество между всеми участниками региональной медиасферы и обеспечит эффективное использование медиаресурсов как в обучении, так и в профессиональной деятельности. В современных реалиях кардинально пересматриваются базовые критерии оценки знаний учащихся, а также трансформируются ключевые образовательные цели. Несмотря на то, что за короткий период времени уже трижды менялись образовательные стандарты, желаемого эффекта достичь не удалось. Создание комплексной структуры обучения цифровым компетенциям, охватывающей все ступени образования, становится приоритетной задачей. Динамичное развитие информационного общества вынуждает систему образования России непрерывно видоизменяться, стремясь соответствовать новым вызовам времени. В цифровом пространстве Алтайского края появилась уникальная платформа, где профессионалы медиасферы, студенты и педагоги объединяются для воплощения творческих замыслов. Развитие региональной медиасреды получило мощный импульс благодаря MediaHub – инновационной экосистеме, которая выходит далеко за рамки обычного креативного пространства. Здесь каждый участник не просто оттачивает профессиональные компетенции, но и становится частью масштабного движения, формирующего новый имидж края в медиапространстве. Именно поэтому проведенное исследование имеет научную новизну и практическую значимость для дальнейшего анализа.

Ключевые слова: MediaHub; платформа; ВКонтакте; медиаобразование; контент; коммуникация; медиапродукт; экосистема

Для цитирования: Валюлина Е. В. Возможности формирования современной медиаобразовательной среды на основе модели MediaHub // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 66–75. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-66>. <http://elibrary.ru/CHSTOY>

Media communication and journalism

Original article

Possibilities of developing a modern media-educational environment on the basis of the MediaHub model

Ekaterina V. Valyulina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of journalism, media and advertising, Altai state university. 656061, Barnaul, Lenin avenue, 61.

serev@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5313-1114>

Abstract. The article assesses the need for developing a modern media-educational environment using the MediaHub model. The development of media literacy and the creation of high-quality content have become the most important tasks in modern education. It is especially important for teachers and students of all levels to develop critical thinking when working with information. In order to solve these problems in the Altai region, it is necessary to integrate educational organizations into the overall media space. Such an integration will help establish productive cooperation among all the participants in the regional media sphere and ensure effective use of media resources in both studying and professional activities. In today's realities, the basic criteria for assessing students' knowledge are being radically revised, and the key education goals are being transformed. Despite the fact that educational standards have already been changed three times in a short period of time, the desired effect has not been achieved. The priority now is to create an integrated framework for digital competence training at all levels of education. The information society's dynamic development makes the Russian education system change continuously in order to meet the new challenges of the time. A unique platform has appeared in the digital space of the Altai region, where media professionals, students and teachers unite to realize creative ideas. The development of the regional media environment has received a powerful boost thanks to the MediaHub, an innovative ecosystem that goes far beyond the usual creative space. Here, each participant not only hones their professional competencies, but also becomes part of a large-scale movement that forms a new image of the region in the media space. That is why this study is of scientific novelty and practical relevance for further analysis.

Key words: MediaHub; platform; VKontakte; media education; content; communication; media product; ecosystem

For citation: Valiulina E. V. Possibilities of developing a modern media-educational environment on the basis of the MediaHub model. *Verhnevolszski philological bulletin*. 2025;(2):66–75. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-66>. <https://elibrary.ru/CHSTOY>

Введение. В настоящее время технологическое развитие общества и производства, рост объема информации в целом требуют от человека постоянного освоения новых сфер деятельности и получения новых компетенций, что подчеркивает актуальность и значимость самообразования, а также умения эффективно формировать свое собственное образовательное пространство [Курзаева, Акманова, Усатый, 2023].

Российское образовательное пространство постоянно трансформируется, пытаясь адаптироваться к стремительным изменениям в информационном обществе. Однако частая смена образовательных стандартов – уже третья за последние годы – пока не приносит ожидаемых результатов. В этих условиях главным фактором становится выстраивание целостной системы обучения информационным навыкам на всех образовательных уровнях. Происходит фундаментальный пересмотр принципов оценки успеваемости учащихся, меняются базовые цели и задачи образовательно-воспитательного процесса. В современном мире диджитал-среда приобретает колоссальное значение, а медиаобразование, хотя этот термин отсутствует в официальных стандартах, становится критически важным направлением. За прошедшие десятилетия российские образовательные учреждения добились впечатляющих результатов в развитии навыков обработки информации. Тем не менее, существует серьезное противоречие: как можно эффективно организовать современный образовательный

процесс с его новыми приоритетами, если базовые стандарты все еще опираются на требования прошлого столетия? Это фундаментальное несоответствие создает множество сложностей в формулировке и реализации актуальных задач [Интеграция медиаобразования в условиях, 2020].

Актуальность. В современном мире традиционные модели взаимодействия между организациями, частными структурами и их аудиторией претерпели кардинальные изменения благодаря развитию цифровых технологий. Медиаинтеграция стала основополагающим фактором в развитии коммуникационных процессов, объединяя различные каналы и инструменты в единую систему. Этот комплексный подход позволяет учитывать многообразие культурных и экономических особенностей современной медиасреды, обеспечивая эффективное взаимодействие между частными компаниями, государственными учреждениями и медиаорганизациями. Процессы глобализации и цифровизации не только трансформировали массовые коммуникации, но и создали новую парадигму гибкой и глубокой коммуникации.

Интернет стал неотъемлемой частью современной жизни благодаря своей доступности и универсальности. Его привлекательность заключается в том, что каждый может найти здесь что-то для себя, не тратя значительных средств и не обладая специальными знаниями. Интерактивное взаимодействие, быстрый доступ к разнообраз-

ным данным и возможность самореализации делают глобальную сеть уникальным явлением современности. В цифровом пространстве пользователи могут не только потреблять контент, но и создавать его, систематизировать данные и развивать свой творческий потенциал. Демократичность интернет-среды проявляется в равных возможностях для всех участников, независимо от их социального статуса или географического положения, что способствует формированию глобального информационного общества [Кудрина, 2020].

Цель исследования – анализ возможностей формирования и развития современной медиаобразовательной среды на основе модели МедиаHub.

Степень научной проработанности проблемы исследования представлена научными исследованиями в области медиаинтеграции за последние десятилетия и свидетельствуют о высоком внимании к теоретическим и практическим аспектам использования цифровых медиа как зарубежными, так и отечественными исследователями. Однако следует отметить, что в России, в контексте создания универсальных моделей, тема медиаинтеграции недостаточно изучена, особенно с точки зрения эффективности применения моделей в различных социально-культурных условиях. В данном исследовании проведён анализ источников, сгруппированных по тематике, с подробным описанием аспектов каждой работы и выделены аспекты изменения в понимании взаимодействия аудитории с медиа-контентом, который обуславливает пересмотр подходов к процессу создания и передачи информации.

Материалы и методы исследования. Анализ и синтез, абстрагирование и конкретизация, индукция и дедукция, сравнение и аналогия, графическая интерпретация результатов.

Материалы исследования:

1. Базовые теоретические понятия.
2. Монографии.
3. Научные статьи и тезисы докладов.
4. Экспертные аналитические материалы.
5. Диссертации.
6. Информация, собранная при анализе контента социальных платформ (ВКонтакте).

Обзор литературы. В конце прошлого столетия отечественные исследователи начали активно изучать сферу медиаобразования. Среди основоположников этого направления особенно выделялся Ю. Н. Усов, чей подход существенно

отличался от традиционного. Если многие специалисты того времени, включая Л. П. Прессмана, П. Д. Генкина и Ю. И. Божкова, делали акцент на технической стороне обучения, то Усов считал приоритетным развитие творческого потенциала и художественного восприятия. Его методика базировалась на изучении профессиональных медиапроизведений для формирования аудиовизуальной грамотности. Значительный вклад в становление этой области также внес А. В. Шариков, который, как и Усов, стоял у истоков развития медиаграмотности в России 1990-х гг. [Шабельник, 2021].

В современном медиапространстве молодому поколению необходимо развивать навыки эффективной ориентации и управления информационными потребностями. Об этом говорится в работах И. В. Жилавской, где подчеркивается важность формирования медийно-информационной грамотности. Автор делает акцент на том, что взаимодействие молодежи со средствами массовой информации (далее СМИ) должно выстраиваться через призму коммуникативных процессов. При этом технологии медиаобразования следует разрабатывать с учетом общественного сознания и различных духовных аспектов, что позволит усилить связь между медиа и молодежной аудиторией [Жилавская, 2018].

И. В. Кирия акцентирует внимание на расширении культурных индустрий и неизбежности их слияния с медиаиндустриями, что способствует созданию нового типа индустрий содержания, в которых ключевым является процесс коммуникации и распространения информации. Для медиа характерно единое пространство экранного действия, которое осваивает пользователь и удовлетворяет определённые ключевые для него потребности, такие как: получение необходимой информации, усиление признания и статуса, обеспечение контакта с людьми [Кирия, 2018].

Исследуя главные особенности современной коммуникации в цифровой среде, М. В. Загидулина обращается к детальному изучению медиа-контента социальных сетей. На основе всестороннего эстетического анализа непрофессиональных видеоматериалов и аккаунтов медиа-организаций исследователь раскрывает роль цифрового наполнения как фундаментального элемента в формировании познавательной самоидентификации личности в информационную эпоху [Топчий, 2020].

В исследованиях И. В. Топчий и С. И. Симакова особое внимание уделяется проблеме влияния массмедиа на формирование медиаграмотности населения. Ученые отмечают острую потребность в комплексном анализе образовательных аспектов медиасферы. При этом они выражают обеспокоенность негативными последствиями стихийного развития медиакомпетенций под воздействием дезинформации и фейков, распространяемых в современном информационном пространстве. Исследователи детально рассматривают структурные элементы и принципы становления медиаграмотности, а также её образовательный потенциал в контексте массовых коммуникаций [Симакова, Топчий, 2017].

А. В. Прохоровым вводится концепция уровневой модели медиауниверсума, в которой образовательные процессы поддерживаются созданной медиаинфраструктурой с различными функциональными уровнями [Прохоров, 2021].

В эпоху цифровых технологий медиасфера обрела способность не просто транслировать социальную реальность, но и активно участвовать в создании культурных норм. Как показывает исследование А. Н. Гуреевой, непрерывное взаимодействие общества и медиаканалов через коммуникативные процессы позволяет последним существенно влиять на социокультурные практики, формируя новые ценностные ориентиры у аудитории [Гуреева, 2016].

К. В. Дементьева исследует феномен медиамемов, их роль и значение в целях формирования культурной идентичности. Качественный медиапродукт, запускающий в медиасреду медиамемы, с одной стороны, способен консолидировать полиэтническое общество, по мнению автора, однако, с другой стороны, может способствовать формированию отрицательно-общественных стереотипов, транслируемых СМИ [Фатеева, 2015].

В России формирование медиаобразовательной среды во многом обязано ведущим университетам страны. Флагманами в этой области выступили МГУ, ВШЭ и МПГУ, которые, учитывая особенности регионов и академические традиции, успешно внедряли медиаграмотность в образовательное пространство. Особо показателен опыт Московского педагогического государственного университета (МПГУ) – старейшего образовательного учреждения, где были разработаны эффективные программы медиаобразования. Важным катализатором этого процесса стали различные государственные инициативы и

общественные проекты, направленные на повышение грамотности граждан в медиасфере. В современную эпоху цифровизации общества одним из ключевых векторов научных исследований России выступает исследование влияния медиасреды на трансляцию знаний и культурных ценностей. МПГУ активно внедряет медиаобразовательные компоненты в систему подготовки педагогических кадров, признавая критическую важность развития медиакомпетенций. На протяжении текущего десятилетия (до 2030 г.) особый акцент в научной деятельности вуза делается на раскрытии творческого и интеллектуального потенциала личности в контексте растущей информатизации социальных процессов [Зубаркина, 2024].

Факультет журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ) превратился в основной центр изучения массмедиа благодаря деятельности выдающегося медиатеоретика Е. Л. Вартановой. Её научная школа охватывает обширный круг проблем: от информационной политики до медиаэкологии. Исследования, проводимые под её началом, помогают глубже понять механизмы работы современных СМИ и их цифровую эволюцию. Особое внимание уделяется анализу воздействия медиасферы на культурные процессы и социум. Вклад Вартановой в развитие медиаобразования и теории массовых коммуникаций трудно переоценить – её работы заложили фундамент для понимания современного медиаландшафта [Вартанова, 2019].

Развитие критического мышления и способности анализировать медиаконтент стало ключевым направлением исследований в области медиаобразования. Особую роль в становлении этого направления сыграл Таганрогский педагогический институт, где трудились выдающиеся специалисты, включая А. В. Федорова. Учебное заведение сфокусировалось на формировании у студентов глубокого понимания медиасреды и её влияния на образовательный процесс. Научная школа института внесла фундаментальный вклад в развитие теоретических основ и практических методов медиаграмотности, уделяя особое внимание развитию у учащихся навыков критического анализа информации [Федоров, 2015].

Исследования М. М. Друкер о взаимосвязи технологического прогресса и трансформации медиапространства легли в основу калининградской школы медиаобразования. Теоретические и практические наблюдения подтверждают, что

термины «социальные медиа» и «социальные сети» можно считать синонимами, поскольку их функциональные различия практически исчезли. Современные платформы объединились в единую систему создания и дистрибуции контента, стирая традиционные границы между этими понятиями [Друкер, 2022].

Е. Н. Никонова предлагает рассматривать медиаобразование через призму своей морфологической модели культуры, выявляя его бинарную природу. В рамках этой концепции можно выделить два направления: повседневное взаимодействие с медиа как элементом бытовой культуры и профессиональное обучение медийным компетенциям в контексте специализированной культурной среды. Такой подход позволяет увидеть, как медиаобразование функционирует одновременно и как часть повседневных практик, и как специальная область профессиональной подготовки [Никонова, 2019].

М. Formanek с соавторами отмечают, что современные социальные платформы открывают широкие возможности для коммуникации и обмена данными между участниками проектов, что особенно важно осознавать студентам в процессе обучения [Formanek, Wenger, Buxner, Imrey, Sonam 2017].

Однако чрезмерная вовлеченность в медиапространство может привести к серьезным проблемам со здоровьем и развитию зависимости у активных пользователей, что отражено в исследованиях Cheng C., Lau Y. C., Chan L., Luk J. W. [Cheng, Lau, Chan, Luk, 2021].

Кроме того, Marín V. I., Carpenter J. P., Tur G. выделяют, что использование социальных медиа несет потенциальные угрозы для приватности данных и профессиональных взаимоотношений, что непосредственно сказывается на образовательном пространстве [Marín, Carpenter, Tur, 2021].

В современном цифровом мире растет популярность инновационных образовательных форматов, однако их эффективность вызывает споры. Простое внедрение новых медиа в образовательное пространство без тщательного анализа может принести больше вреда, чем пользы. Исследования американских специалистов демонстрируют, что даже такой популярный метод, как геймификация, в онлайн-образовании не всегда эффективен. Успешное применение игровых элементов требует значительных временных затрат на подготовку, глубокого понимания психологии студентов и четкой связи между игровыми

механиками и образовательным контентом. Поэтому не стоит считать, что автоматическое внедрение цифровых инструментов способно улучшить качество университетского образования [An, Zhu, Bonk, Lin, 2021; Schwab, 2017].

Результаты исследования. МедиаHub – это медиакомьюнити, играющее ключевую роль в информационном взаимодействии между Алтайским государственным университетом и его студентами. Основная задача медиакомьюнити – создание позитивного образа вуза через освещение важных событий студенческой жизни и развитие медианаправления в вузе. МедиаHub функционирует как подразделение института гуманитарных наук при Алтайском госуниверситете, фокусируясь на создании современных медиапроектов. В основе работы медиакомьюнити лежат современные образовательные методики, благодаря которым участники сообщества получают возможность совершенствовать свои компетенции в области коммуникаций и формирования сетевого сообщества. Это творческое пространство открывает широкие перспективы для профессионального роста всех, кто стремится освоить актуальные медиатеchnологии.

В 2023 г. МедиаHub получил статус региональной площадки студенческого медиацентра при Министерстве науки и высшего образования России, что стало закономерным результатом его активного участия в формировании образовательно-культурного пространства региона. Эта креативная платформа выходит далеко за рамки обычного университетского проекта, создавая уникальную для региона площадку взаимодействия образовательной сферы и медиаиндустрии. Особенность проекта заключается в том, что он не ограничивается работой со студентами Алтайского университета – его двери открыты для школьников и педагогов, желающих развивать свои медианавыки. МедиаHub выступает эффективным инструментом повышения медиаграмотности, предоставляя возможности для творческого и профессионального роста всем участникам образовательного пространства.

МедиаHub открыл новые горизонты для творческого развития в университете. Благодаря современной телерадиостудии обучающиеся получили возможность практиковаться в создании контента на профессиональном оборудовании, а специальная студия подкастинга позволяет реализовывать разнообразные аудиопроекты. Появление EdTech-лаборатории существенно продвинуло интеграцию медийных технологий в обра-

зовательный процесс, сделав обучение более современным и эффективным. Особую ценность представляет видеостудия Jalinga, где создаются качественные материалы для университетских мероприятий и социальных сетей. Все эти ресурсы формируют уникальную среду, где преподаватели и учащиеся могут воплощать свои креативные идеи, используя передовые технологические решения.

В команде МедиаHub профессионалы разных направлений – от SMM-специалистов до видеооператоров, а также студенты-добровольцы, которым интересна медиасфера. За время существования проекта они создали свыше тысячи различных медиаматериалов, включая фоторепортажи и дизайнерские работы. МедиаHub – это больше, чем просто технологичная медиаплатформа. Это среда для развития, где креативные учащиеся получают возможность раскрыть свой потенциал и построить карьеру в сфере медиа.

В 2025 г. была подготовлена амбициозная инициатива под названием «Медиатрансформация». Этот инновационный проект направлен на создание единой платформы для взаимодействия медиацентров крупнейших образовательных учреждений региона. Он призван объединить усилия медиацентров ведущих образовательных учреждений Алтайского края, таких как Алтайский государственный университет, Алтайский государственный аграрный университет, Алтайский государственный технический университет имени И. И. Ползунова, Алтайский государственный медицинский университет, колледжи и техникумы на уровне региона. В проект, по плану организаторов, будут вовлечены студенческие медиацентры «SG Media», «ZOOM», «АПЭК.JPEG», «COTA», которые совместно с образовательными учреждениями позволят создать единую медиасистему региона для обмена опытом и сотрудничества в реализации проектов в медиасфере.

В Алтайском крае набирают популярность медиапроекты студентов, созданные на площадке МедиаHub. Особое внимание привлекает подкаст «В теме края», где главным гостем, например, уже выступил Виктор Томенко – губернатор региона. Этот проект не только знакомит зрителей с важными региональными событиями, но и помогает будущим медиаспециалистам погрузиться в реальную профессиональную среду. Среди других заметных инициатив – подкаст «Экспертное мнение: Женя Трофимов», который фокусируется на обсуждении современных трен-

дов образовательной и научной сферы, привлекая внимание местной аудитории.

Развивая инновационные подходы в медиасфере и постоянно совершенствуя техническое оснащение, МедиаHub стал ключевой площадкой для формирования профессионалов медиаиндустрии. Этот многофункциональный центр успешно совмещает образовательную деятельность с раскрытием творческого потенциала учащихся, выступая не просто как производственная база университета, но и как пространство для профессионального роста.

МедиаHub активно развивает партнерские отношения с профессиональными объединениями, стремясь создать устойчивые связи для взаимовыгодного сотрудничества. Благодаря этому формируется уникальная среда, где образование тесно переплетается с реальным сектором экономики. В результате создаются эффективные медиасистемы и образовательные программы, которые становятся ключевым звеном между учебными заведениями и работодателями. Такой подход позволяет готовить специалистов, чьи навыки и компетенции полностью соответствуют запросам современного рынка труда. При этом особое внимание уделяется обмену профессиональным опытом и привлечению партнеров, разделяющих общие цели и ценности. В течение прошедшего года активно развивалось медиасообщество Алтайского края, объединившее педагогов, учащихся школ и вузов – всего около 400 человек. Их совместная работа позволила определить ключевые векторы развития медиаобразования в регионе. Важным результатом стало создание комплексной стратегии по формированию медиакомпетенций у молодого поколения через вовлечение в профессиональное медиапространство.

В Сибирском федеральном округе может появиться масштабная премия «Медиадостижения», которая сейчас зарождается в Алтайском крае. Ведущие эксперты медиасферы региона войдут в состав жюри, чтобы оценивать и анализировать работы начинающих медийщиков, а также давать им ценные советы по улучшению контента. Это новая инициатива МедиаHub, стремящегося создать площадку для обмена опытом между студенческими СМИ. Конкурс поможет каждому медиацентру края продемонстрировать свои лучшие наработки и получить профессиональную оценку. Главная цель проекта – раскрыть потенциал участников, подчеркнуть индивидуальность каждого медиацентра и

способствовать росту качества создаваемых ими материалов. Такой формат взаимодействия позволит студенческим медиа обмениваться ценными практиками и развиваться.

Развитие медианавыков и профессиональный рост молодежи – ключевые приоритеты экосистемы МедиаHub. Платформа реализует множество образовательных инициатив, включая программы повышения квалификации, интерактивные медиаквизы и масштабные форумы. Особое внимание уделяется созданию креативного контента. К примеру, в честь Дня российского студенчества запускается специальный челлендж, где студенческие медиацентры при поддержке Минобрнауки России создают оригинальные видеоклипы для размещения во «ВКонтакте». Параллельно с этим организован конкурс научно-популярных подкастов, который стимулирует развитие качественного аудиоконтента и способствует продвижению науки в молодежной среде. Благодаря такому комплексному подходу МедиаHub успешно объединяет образовательные и творческие сообщества, создавая эффективное пространство для нетворкинга и профессионального развития.

Успешная интеграция местной медиасреды в общероссийское информационное пространство и повышение уровня медиаграмотности достигаются через построение прочного фундамента сотрудничества между школами, вузами и другими образовательными учреждениями края. Достижения МедиаHub наглядно демонстрируют значимость такого объединённого подхода к развитию медиапотенциала региона. Формирование современного образовательного пространства требует притока энергичных молодых специалистов, и МедиаHub успешно собирает таких целеустремленных профессионалов. Только совместные усилия академических институтов и профессиональных объединений позволят комплексно подойти к вопросам роста медиаиндустрии. Такая синергия открывает путь к решению ключевых задач развития информационной сферы, а активное участие молодых талантов способствует модернизации медийного пространства и укреплению профессионального сообщества. Главная страница медиакмьюнити представлена в социальной сети ВКонтакте (далее ВК) [МедиаHub, 2025].

Официальная страница МедиаHub в ВК отражает энергичную и творческую среду, способствующую формированию идей и креатива и привлекающую внимание со стороны медиасо-

общества. Здесь каждый креативный замысел находит поддержку, а творческая энергия молодежи трансформируется в уникальные медиапроекты. Сообщество проекта в ВК собрало более трех тысяч единомышленников. Здесь создана уникальная среда для обмена опытом в сфере современных медиа и журналистики. Активное взаимодействие участников проявляется через живые дискуссии, обсуждение университетских событий и обмен профессиональными знаниями. Страница наполнена актуальным контентом: от практических рекомендаций для работников СМИ до новостных материалов, а формат открытого диалога способствует высокой вовлеченности аудитории, что отражается в комментариях и репостах.

Команда МедиаHub регулярно обновляет свои социальные сети, где публикуется разнообразный контент для людей, увлеченных медиасферой. Студенты активно участвуют в дискуссиях по актуальным учебным и социальным вопросам через площадку ВК. Яркие фоторепортажи с мероприятий позволяют погрузиться в их уникальную атмосферу. Видеоматериалы и интервью с профессионалами медиаиндустрии регулярно появляются на странице сообщества. МедиаHub не только проводит встречи с экспертами разных направлений, но и создает площадку для обмена опытом. Участники проекта получают возможность реализовать собственные идеи, консультироваться с опытными специалистами и развивать новые инициативы. Платформа постоянно расширяется, привлекая все больше заинтересованных людей к совместной работе над медиапроектами.

В качестве образца для развивающихся медиацентров может служить динамичная деятельность МедиаHub, направленная на популяризацию медиасферы и образования в этой области. Выходя за пределы Алтайского госуниверситета, проект стал региональным центром притяжения для медиасообщества, создавая уникальную атмосферу для творческой реализации и взаимодействия участников. Профессионалы МедиаHub не только способствуют объединению студентов с экспертами и преподавателями, но и создают условия для их совместного роста, постоянно демонстрируя открытость к инновациям и готовность к расширению горизонтов проекта.

МедиаHub представляет собой уникальную образовательную площадку, где главным принципом является свобода творческого поиска и экспериментов. В этом безопасном пространстве

каждый может исследовать новые подходы, не боясь совершить ошибку. Взаимодействие профессионалов медиаиндустрии, педагогов и учащихся создает особую атмосферу, способствующую продуктивному обмену опытом и знаниями. Открытая модель обучения позволяет охватить различные медианаправления: от PR и рекламы до журналистики и медиакоммуникаций. Участники комьюнити не только развивают профессиональные компетенции в медиасфере, но и совершенствуют личностные качества, попутно определяясь со своими карьерными устремлениями.

В сотрудничестве с крупнейшими представителями медиасферы региона – СибМедиагруппой и ГТРК Алтай – студенты получают бесценные практические навыки. Образовательная программа МедиаHub включает регулярные мастер-классы от профессионалов медиаиндустрии, где участники могут перенять опыт у признанных экспертов. Будущие специалисты не только изучают теорию, но и активно применяют знания в реальных проектах: разрабатывают образовательные материалы, создают медиаконтент для вуза и запускают рекламные проекты. Тесное взаимодействие с потенциальными работодателями открывает перед студентами широкие карьерные перспективы и помогает формировать профессиональную сеть контактов еще во время обучения. Участие в медиасообществе становится для них «эффективным трамплином» в профессиональное будущее.

Для взаимодействия с целевой аудиторией проект МедиаHub располагает обширной сетью digital-платформ. Студенческие работы, актуальные новости и предстоящие события можно найти в сообществе «МедиаHub» на платформе VK. Разнообразный видеоконтент, от подкастов до образовательных лекций и эксклюзивных интервью, доступен зрителям на площадке Rutube. Помимо этого, команда проекта активно развивает свой Telegram-канал, где происходит прямая коммуникация с подписчиками и презентация новых инициатив.

Заключение. Таким образом, проект способен трансформировать культурно-образовательное пространство региона, предоставляя учащимся, педагогам и студентам широкие возможности для профессионального роста через современные цифровые технологии. Создаваемая инфраструктура не только усилит позиции Алтайского края в медиаиндустрии, но и имеет все шансы интегрироваться в общероссийское образовательное пространство в будущем.

Развитие медиаобразования и рост популярности медиатехнологий делают МедиаHub ключевой экспериментальной площадкой для создания инновационного контента. Организация активно поддерживает преподавателей, предоставляя им комплексную поддержку в создании и внедрении оригинальных медиаматериалов в образовательный процесс. Особое внимание уделяется развитию студенческого потенциала: учащиеся получают уникальную возможность не только углубить свои теоретические познания, но и воплотить собственные идеи в реальных проектах. Именно поэтому в настоящее время МедиаHub становится многофункциональным образовательным центром, где проектная журналистика служит инструментом для достижения амбициозных учебных и профессиональных задач.

МедиаHub выступает центром притяжения для всех участников медиасферы – от начинающих студентов до опытных специалистов отрасли. Развивая медиапространство Алтайского региона и усиливая его цифровое присутствие, эта площадка позволяет воплощать в жизнь самые смелые проекты. Здесь формируется целостная среда, где преподаватели, выпускники и действующие профессионалы совместно создают инновационные медиапродукты, а студенты получают бесценный практический опыт.

Библиографический список

1. Вартанова Е. Л. Теория медиа: отечественный дискурс. Москва : Фак. журн. МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2019. 224 с.
2. Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2016. № 6. С. 192–208.
3. Друкер М. М. Контент социальных медиа как фактор формирования ценностных ориентиров подростков. Воронеж, 2022. 234 с.
4. Жилавская И. В. Результаты исследования медиа-информационной грамотности молодых преподавателей педагогических университетов России – победителей всероссийского конкурса «Педагогическое начало 2018». URL: <https://mic.org.ru/phocadownload/28-zhilavskaya2.pdf> (дата обращения: 06.02.2025).
5. Зубаркина Е. С., Мискевич Ю. А. Медиаобразовательные стратегии эстетического развития личности (на примере проектов Радио Пульс МПГУ) // Наука и школа. 2024. № 1. С. 48–58.
6. Интеграция медиаобразования в условиях современной школы : сборник научных трудов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / А. В. Федоров [и др.]. Москва ; Берлин : ДиректМедиа, 2020. 211 с.

7. Кирия И. В. Эстетика иммерсивности: особенности творческой деятельности журналиста в мультимедийных и трансмедийных проектах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15, № 2. С. 276–288.

8. Кудрина Е. Л. Медиаобразование и медиаобразовательные технологии как здоровьесберегающий ресурс / Е. Л. Кудрина, К. К. Онучина, В. И. Ярных // Профессиональное образование в России и за рубежом 2020. № 4(40). С. 120–129.

9. МедиаHub. URL: <https://vk.com/МедиаHub22> (дата обращения: 09.02.2025).

10. Методика формирования гибкой медиаобразовательной среды проектной деятельности в вузе / Л. В. Курзаева, С. В. Акманова, Д. Ю. Усатый [и др.] // Мир науки. Педагогика и психология. 2023. Т. 11. № 5. С. 1–11.

11. Никонова Е. Н. Университеты стран с развивающейся экономикой. Путь к признанию // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 1 (57). С. 102–126.

12. Прохоров А. В. Уровневая модель медиауниверсума современного университета. Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2021. 244 с.

13. Симакова С. И., Топчий И. В. Роль средств массовой информации в воспитании медиакомпетентной аудитории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 4 (26). С. 226–233.

14. Топчий И. В. Медиаэстетический анализ паблика СМИ в социальных сетях // Медиаэстетический компонент современной коммуникации: коллектив. моногр. / науч. ред. М. В. Загидулина, А. К. Киклевич. Челябинск : Челябинский филиал РАНХиГС, 2020. 293 с.

15. Фатеева И. А. Актуальные проблемы медиаобразования : учебное пособие. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2015. 129 с.

16. Федоров А. В. Медиаобразование: история и теория. Москва : МОО «Информация для всех», 2015. 450 с.

17. Шабельник М. А. Особенности формирования медиаобразовательной среды в системе общего образования // Управление образованием: теория и практика. 2021. № 5(45). С. 220–226.

18. An Y., Zhu M. и др. Exploring instructors' perspectives, practices, and perceived support needs and barriers related to the gamification of MOOCs. Journal of Computing in Higher Education. 2021. № 33(1). P. 64–84.

19. Cheng C., Lau Y C. и др. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. Addictive Behavior. 2021. № 117. P. 1–8.

20. Formanek M., Wenger M. и др. Insights about large-scale online peer assessment from an analysis of an astronomy MOOC. Computers & Education. 2017. № 113. P. 243–262.

21. Marín V. I., Carpenter J. P., Tur G. Pre-service teachers' perceptions of social media data privacy poli-

cies. British Journal of Educational Technology. 2021. № 52(2). P. 519–535.

22. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. New York : Crown Business, 2017. 40 p.

Reference list

1. Vartanova E. L. Teorija media: otechestvennyj diskurs = Media theory: a national discourse. Moskva : Fak. zhurn. MGU; Izd-vo Mosk. un-ta, 2019. 224 s.

2. Gureeva A. N. Teoreticheskoe ponimanie mediatizacii v uslovijah cifrovoj sredy = Theoretical understanding of mediatization in the digital environment // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10: Zhurnalistika. 2016. № 6. S. 192–208.

3. Druker M. M. Kontent social'nyh media kak faktor formirovaniya cennostnyh orientirov podrostkov = Social media content as a factor in the formation of adolescents' value guidelines. Voronezh, 2022. 234 s.

4. Zhilavskaja I. V. Rezul'taty issledovaniya medijno-informacionnoj gramotnosti molodyh prepodavatelej pedagogicheskikh universitetov Rossii – pobeditelej vserossijskogo konkursa «Pedagogicheskoe nachalo 2018» = The results of studying the media and information literacy of young teachers at Russian pedagogical universities, the winners of the All-Russian contest «Pedagogical Beginning 2018». URL: <https://mic.org.ru/phocadownload/28-zhilavskaya2.pdf> (data obrashheniya: 06.02.2025).

5. Zubarkina E. S., Miskevich Ju. A. Mediaobrazovatel'nye strategii jesteticheskogo razvitiya lichnosti (na primere projektov Radio Pul's MPGU) = Media-educational strategies for individual aesthetic development (based on the projects of Radio Pulse MPSU) // Nauka i shkola. 2024. № 1. S. 48–58.

6. Integracija mediaobrazovaniya v uslovijah sovremennoj shkoly : sbornik nauchnyh trudov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Media education integration in the context of modern school : collected scientific papers of the I All-Russian scientific-practical conference with international participation / A. V. Fedorov [i dr.]. Moskva ; Berlin : DirektMedia, 2020. 211 s.

7. Kirija I. V. Jestetika immersivnosti: osobennosti tvorcheskoj dejatel'nosti zhurnalista v mul'timedijnyh i transmedijnyh projektah = Immersiveness aesthetics: specific journalists' creative work in multimedia and transmedia projects // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura. 2018. T. 15, № 2. S. 276–288.

8. Kudrina E. L. Mediaobrazovanie i mediaobrazovatel'nye tehnologii kak zdorov'esberegajushhij resurs = Media education and media educational technologies as a health-protecting resource / E. L. Kudrina, K. K. Onuchina, V. I. Jarnyh // Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom 2020. № 4(40). S. 120–129.

9. МедиаHub. URL: <https://vk.com/МедиаHub22> (data obrashheniya: 09.02.2025).

10. Metodika formirovaniya gibkoj mediaobrazovatel'noj sredy proektnoj dejatel'nosti v vuze = Methodology of forming a flexible media-educational environment for project work in higher education institutions /

L. V. Kurzaeva, S. V. Akmanova, D. Ju. Usatyj [i dr.] // Mir nauki. Pedagogika i psihologija. 2023. T 11. № 5. S. 1–11.

11. Nikonova E. N. Universitety stran s razvivajushhejsja jekonomikoj. Put' k priznaniyu = Universities in developing economies. The path to acceptance // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. 2019. № 1 (57). S. 102–126.

12. Prohorov A. V. Urovnevaja model' mediauniversuma sovremennogo universiteta. = Media universum level model of a modern university. Tambov : Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2021. 244 S.

13. Simakova S. I., Topchij I. V. Rol' sredstv massovoj informacii v vospitanii mediakompetentnoj auditorii = The role of mass media in educating media-competent people // Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija. 2017. № 4 (26). S. 226–233.

14. Topchij I. V. Mediajesteticheskij analiz pablika SMI v social'nyh setjah = Media aesthetic analysis of media publics in social networks // Mediajesteticheskij komponent sovremennoj kommunikacii: kolektiv. monogr. / nauch. red. M. V. Zagidulina, A. K. Kiklevich. Cheljabinsk : Cheljabinskij filial RANHiGS, 2020. 293 s.

15. Fateeva I. A. Aktual'nye problemy mediaobrazovanija = Topical problems of media education : uchebnoe posobie. Cheljabinsk : Izd-vo Cheljab. gos. un-ta, 2015. 129 s.

16. Fedorov A. V. Mediaobrazovanie: istorija i teorija = Media education: history and theory. Moskva : MOO «Informacija dlja vseh», 2015. 450 s.

17. Shabel'nik M. A. Osobennosti formirovanija mediaobrazovatel'noj sredy v sisteme obshhego obrazovanija = Specifics of forming a media-educational environment in the system of general education // Upravlenie obrazovaniem: teorija i praktika. 2021. № 5(45). S. 220–226.

18. An Y., Zhu M. i dr. Exploring instructors' perspectives, practices, and perceived support needs and barriers related to the gamification of MOOCs. Journal of Computing in Higher Education. 2021. № 33(1). R. 64–84.

19. Cheng C., Lau Y C. i dr. Prevalence of social media addiction across 32 nations: Meta-analysis with subgroup analysis of classification schemes and cultural values. Addictive BehaviorS. 2021. № 117. R. 1–8.

20. Formanek M., Wenger M. i dr. Insights about large-scale online peer assessment from an analysis of an astronomy MOOC. Computers & Education. 2017. № 113. R. 243–262.

21. Marin V. I., Carpenter J. P., Tur G. Pre-service teachers' perceptions of social media data privacy policies. British Journal of Educational Technology. 2021. № 52(2). R. 519–535.

22. Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. New York : Crown Business, 2017. 40 p.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 23.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 070

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-76

EDN: GNYHCR

Алгоритм исследовательской модели жанра: репортаж и короткий рассказ Эрнеста Хемингуэя

Юрий Леонидович Цветков

Доктор филологических наук, профессор кафедры зарубежной филологии, Ивановский государственный университет. 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

jzvetkow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5732-977X>

Аннотация. Исследование рецепции творчества известного американского писателя-антифашиста Эрнеста Хемингуэя в СССР и новой России привело к выводу о том, что его малая проза в аспекте жанровой специфики не становилась объектом научного изучения ни в нашей стране, ни за рубежом. В XXI в. в отечественном литературоведении проза Хемингуэя подвергалась серьезному анализу лишь в романном жанре. Статья представляет собой новую пошаговую методику жанрового определения репортажа (reportage) и короткого рассказа (short story) в текстах публициста и писателя Хемингуэя. В жанровых определениях репортажа и короткого рассказа выделяются ядерные (доминантные) и периферийные признаки. Для репортажа определяющими чертами является авторский «эффект присутствия» в связке с его переживаниями. Для короткого рассказа самыми значимыми доминантными категориями являются сюжет, подчиняющий все другие элементы текста, и скрытое в подтексте эмоциональное напряжение. Репортаж Хемингуэя «По поводу одной информации» (1938) и короткий рассказ «Ночь перед боем» (1939) наглядно демонстрируют выделенные ядерные признаки. Для малой прозы Хемингуэя, однако, характерным моментом является не «чистота жанра», а естественный переход из одного жанра в другой: писатель использовал репортажи как основу для рассказов или повестей, а иногда просто, поменяв заголовок, включал тот или иной репортаж в сборники рассказов. Примером органичного «слияния» репортажной основы с разветвленным сюжетом является анализ репортажа «Солдаты и генерал» (1944), который представляет собой синтез двух жанров.

Ключевые слова: американская литература; антифашистская тема; малая проза; ядерные и периферийные признаки жанра; репортаж; эффект присутствия; авторское сопереживание; короткий рассказ; сюжет; подтекст; синтез жанров Э. Хемингуэй

Для цитирования: Цветков Ю. Л. Алгоритм исследовательской модели жанра: репортаж и короткий рассказ Эрнеста Хемингуэя // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 76–86. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-76>. <https://elibrary.ru/GNYHCR>

Original article

The algorithm for studying genre models: Ernest Hemingway's reportage and short stories

Yury L. Tsvetkov

Doctor of philological sciences, professor at the department of foreign philology, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, 39, Yermak st., 39

jzvetkow@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5732-977X>

Abstract. Studying the reception of Ernest Hemingway's work in the USSR and in new Russia has led to the conclusion that his short prose has not been the object of research in terms of genre specificity either in our country or abroad. The 21st century russian literary criticism has only subjected Hemingway's novels to serious analysis. The article presents a new step-by-step methodology of the reportage and short story genre definition in the texts of the publicist and writer Hemingway. These genre definitions have nuclear (dominant) and peripheral features. The defining reportage features are the author's «effect of presence» together with his own experiences. As for the short story, the most significant dominant categories are the plot, which subordinates all other elements of the text, and the emotional tension hidden in the subtext Hemingway's report «On a piece of information» (1938) and the short story The Night Before the Fight (1939) clearly demonstrate the identified nuclear features. Hemingway's short prose, however, is characterized not by «purity of genre», but by a natural transition from one genre to another: the writer used his reports

as a basis for short stories or novels, and sometimes included this or that report in collections of short stories by simply changing the title. An example of a natural «fusion» of a reportage base with a detailed plot is the analysis of the «Soldiers and the General» report (1944), which is a synthesis of the two genres.

Key words: american literature; anti-fascist theme; small prose; nuclear and peripheral features of the genre; reportage; effect of presence; author's empathy; short story; plot; subtext; genre synthesis; E. Hemingway

For citation: Tsvetkov Yu. L. The algorithm for studying genre models: Ernest Hemingway's reportage and short stories. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):76–86. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-76>. <https://elibrary.ru/GNYHCR>

Приоритетная модель жанрового исследования

Вопрос о единой исследовательской модели жанра остается в современном литературоведении открытым. В последнее десятилетие наиболее значимым трудом в этом направлении является исследование Н. А. Туляковой «Литературная легенда: жанровые идентификаторы и формообразующие признаки» [Тулякова, 2015], завершившееся докторской диссертацией «Поэтика и эволюция жанра литературной легенды» (2024). На широком материале жанра мировой легенды впервые был разработан нетрадиционный метод жанровой атрибуции прозаического текста. Новаторство исследовательницы заключается в разработке общего индуктивного подхода и компаративного анализа, в частности. Подробно исследовав многочисленные подходы к пониманию жанра, охватывающие практически все аспекты поэтики художественного текста (тематика, проблематика, экстенсивность изображения, эмоциональный фон, личное, безличное, повествование, медитация и др.), Н. А. Тулякова остановилась на конструктивных признаках жанра, которые были выдвинуты Ю. Н. Тыняновым о стандартных и нестандартных критериях: те или иные свойства художественного текста могут оказаться для конкретного жанра ядерными (доминантой) или периферийными [Тынянов, 1977, с. 227].

Значительную трудность при этом представляет собой выделение доминантных признаков в жанровой характеристике. Понятно, что она может быть эксплицирована автором в паратексте или в тексте. Но и автор может быть неточным в формулировке жанра. В таком случае необходимо провести компаративный анализ, то есть выделить группу текстов одного автора, который бы прибегал к внетекстовому и внутритекстовому осмыслению жанра. Затем необходимо сопоставить их с группой текстов другого жанра. Такой подход дает возможность для их жанрового

разграничения, то есть для моделирования индивидуальной жанровой системы.

Малые жанры Э. Хемингуэя в отечественном литературоведении

В поставленной цели исследования жанрового своеобразия публицистической и художественной прозы классика американской литературы, лауреата Нобелевской премии 1954 г. Эрнеста Хемингуэя (1899–1961) на примере репортажа (reportage) и короткого рассказа (short-story) необходимо подчеркнуть общую размытость в определении жанров американского писателя. Этот факт не удивителен: литературная деятельность Хемингуэя была тесно связана с его публицистикой: произведения затрагивали сходные темы, обсуждали одинаковые проблемы, а многие произведения малых жанров были написаны в одно и то же время.

Пик популярности писателя в СССР пришёлся на шестидесятые годы. Он стал культовой фигурой, героем оттепели, объединившим «шестидесятников» с их овеванной романтикой личной свободой, любовью к жизни и энергичным кратким стилем письма. Честность его репортажей и художественной прозы представила читателям сильных духом героев, сражающихся с фашизмом, смертью, хандрой и стихией. Критик К. Мильчин не без основания утверждал: «Хемингуэй – наш русский великий писатель, без которого была бы почти невозможна значительная часть отечественной прозы последних шестидесяти лет» [«Наш великий ... 2025»].

Литературный критик О. Лекманов очень точно воспроизвел различное влияние произведений Хемингуэя на читателей нескольких поколений: «Как известно, шестидесятники преклонялись перед Хемингуэем – его портрет в свитере грубой вязки украшал стены многих тогдашних квартир. Следующее поколение – точно по закону маятника – принялось Хемингуэя ругать и противопоставлять ему со знаком плюс Уильяма Фолкнера и Шервуда Андерсона. А вот моему поколению повезло: для нас уже ничего не зна-

чила легенда о „старине Хэме”, но и смешной протест против его культа стал неактуальным. Поэтому мы вдумчиво и с удовольствием читали, одну за другой, лучшие книги Хемингуэя – сначала, конечно, „Прощай, оружие!” (идеальная книга для чтения в юношеском возрасте, стоящая для меня в одном ряду с „Тремя товарищами” Ремарка и „Мастером и Маргаритой” Булгакова), а затем – „За рекой, в тени деревьев”, „Фиесту”, замечательную книгу о Париже „Праздник, который всегда с тобой”, охотничьи и рыбацкие рассказы, маленький шедевр „Старик и море” и, наконец, лучший, по-моему, роман Хемингуэя „По ком звонит колокол” (из эпиграфа к которому, между прочим, Бродский узнал о существовании Джона Донна). Думаю, что все эти вещи останутся в мировой литературе навсегда». [«Наш великий ... 2025].

В начале XXI в. актуальность Хемингуэя проявилась с новой, неожиданной стороны. Интернетное пространство востребовало телеграфный стиль общения пользователей новых технологий. Директор издательства «Ad Marginem» М. Котомин убедительно констатирует злободневность прозы Хемингуэя в наше время: «Старина Хэм был непревзойденным мастером самодизайна, неустанно запечатлевающим себя и свой образ (жизни) в словах и картинках. Проза Хэмингуэя, черпавшего вдохновение в газетных колонках звезд журналистики 1920-х типа Ринга Ларднера, и сегодня кажется современной, в том смысле, что находится в одном пространстве с соцсетями (фирменная краткость фразы, которая идеально поместится хоть в телеграм, хоть в твиттер), с автофикшн-романами постлитературы и с новой волной текстов о природе, на фоне которой самоуверенность звездного любителя сафари только на первый взгляд кажется неактуальной: самоубийство рассказчика ретроспективно ставит вопрос, кто охотник, а кто дичь в этом бурном потоке жизненной силы» [«Наш великий ... 2025].

Актуальность статьи определяется рассмотрением жанровой специфики репортажей и коротких рассказов Хемингуэя на наличие между ними разграничений и «жанрового родства». Решение этой задачи может способствовать более точной классификации малых жанров. Жанровые определения репортажей и коротких рассказов американского писателя оказались непопулярной темой в литературоведении и теории журналистики. Американские литературоведы обратили внимание на то, что произведения Хемингуэя,

как публицистические, так и художественные, имеют тенденцию размывания жанровых границ. Вследствие этого многие литературоведы испытывали проблемы по поводу жанровой классификации произведений Хемингуэя, полагая, что публицистические работы перенимали черты литературных и наоборот. Так появилась необходимость писать о «синтезе жанров» в творчестве Хемингуэя.

На обе стороны творчества Хемингуэя-журналиста и Хемингуэя-писателя неоднократно указывали отечественные литературоведы. Я. Н. Засурский называл Хемингуэя не только замечательным писателем, чей вклад в американскую литературу часто недооценивали, но и выдающимся публицистом и очень серьезным аналитиком [Засурский, 1969, с. 5]. Б. Т. Грибанов, оценивая вклад Хемингуэя-писателя и Хемингуэя-журналиста, отмечал, что XX век немыслим без творчества Хемингуэя в его двух неразрывных ипостасях [Грибанов, 1983, с. 7]. Американский исследователь В. Т. Стефффорд в книге, посвященной литературе США XX в., писал о новаторском стиле Хемингуэя: «Стиль никогда не будет в Америке таким, каким он был бы без его примера ... Влияние лаконичной прозы Хемингуэя не только на англоязычных писателей, но и на писателей других стран необыкновенно значительно...» [Цит по: Штандель, 1973].

Если судить по сравнительно небольшому количеству рассуждений, посвященных малым жанрам Хемингуэя, наибольшая исследовательская активность пришлось на 70–80-е гг. прошлого столетия. Интерес к коротким рассказам Хемингуэя, а также его эссе и репортажам впоследствии заметно угас. В монографии Д. М. Урнова воссоздаются оценки советских писателей К. Федина, К. Леонова, А. Платонова, Ю. Олеши о творчестве Хэмингуэя, а также переоценка позиций критика И. Кашкина [Урнов, 1982].

У. Уайт составил сборник из 77 журналистских произведений Хемингуэя, включая репортажи, речи, эссе и др. [By-Line ..., 1967]. По мнению И. Л. Финкельштейна, составитель Уайт выполнил свою работу успешно: «Вопрос этот, впрочем, более сложен, чем представляется на первый взгляд. Соотношение между произведениями писателя и журналиста не оставалось неизменным. И не только потому, что лучшие корреспонденции Хемингуэя и в 20-е годы приближались к очерку, а очерки напоминали рассказы. Но и потому, что со временем эти формы эволюционировали: в „испанский” период очерк

писателя еще более приблизился к рассказу, рассказ стал больше напоминать очерк. Эволюция и соотношение „малых форм” хемингуэвской прозы заслуживают, должно быть, более внимательного изучения» [Финкельштейн, 1968].

Исследователь В. Л. Махлин рассматривает творчество Хемингуэя в широкой идейно-художественной перспективе и исследует своеобразие жизненной философии, эстетики и поэтики Хемингуэя в сравнении с другими писателями XX века [Махлин]. Литературовед Б. А. Гиленсон писал о том, что деятельность Хемингуэя-корреспондента и публициста была сопряжена с творчеством беллетриста: «В качестве иностранного корреспондента торонтских газет он изъездил всю послевоенную Европу, вздыбленную острейшими социальными катаклизмами. <...> Накопление огромного запаса наблюдений и впечатлений шло параллельно с расширением общественного кругозора, а отдельные эпизоды и сцены, включенные в его газетные сообщения, вошли позднее в художественно трансформированном виде в ткань рассказов и романов» [Гиленсон, 1991, с. 25].

В конце XX и начале XXI вв. Хемингуэй предстал в отечественном литературоведении как начинающий корреспондент [Погостин], создатель самобытного хронотопа [Махлин], а его крупные работы «Прощай, оружие!» и «По ком звонит колокол» [Балонова, 2002] вызвали у читателей и критиков наибольший интерес, нежели его произведения «малых жанров». По так называемым «топам лучших работ» и интернет-рейтингам произведений Хемингуэя можно сделать вывод, что спросом у читательской аудитории пользуются в основном его романы, а из «малых жанров» лишь некоторые повести, такие как «Старик и море» [Эрнест Хемингуэй...]. Этот факт вновь подчеркивает актуальность и новизну поставленной проблемы.

Малая проза Э. Хемингуэя в зарубежной критике

Американская критика 50–60-х г. только накапливала материалы о жизни и деятельности Хемингуэя. Обзор зарубежной критики, проведенный И. Л. Финкельштейном, свидетельствует о первых монографиях (Ф. Янг, К. Бейкер, М. Каули, Дж. Норт, Ч. Фентон, Ж. Астр и др.). Появляются публикации неизвестных произведений, восстанавливается истинный облик писателя на основе мемуаров сестры и брата писателя, устраняются разногласия в определении ху-

дожественного мировидения (реалист, символист, натуралист, декадент), и впервые становится самостоятельной деятельностью Хемингуэя-репортера, собрание корреспонденций которого были опубликованы в 1962 г. [Финкельштейн, 1965].

В солидных исследованиях американских литературоведов 70-х г. К. Бейкера [Baker, 1972], С. Дональдсона [Donaldson, 1977] и Э. Берджесса [Burgess, 1978] проблема жанровой дифференциации малой прозы не затрагивалась и остается по настоящее время нерешенной.

Современный дискурсный подход к жанру репортажа

Важной задачей настоящего исследования является определение ядерных и периферийных признаков жанра репортажа, то есть из жанрообразующих факторов определить доминантные. Среди содержательно-формальных признаков репортажа А. А. Тertyчный-журналист отмечает: «Задача любого репортера заключается прежде всего в том, чтобы **дать аудитории возможность увидеть описываемое событие глазами очевидца (репортера), то есть создать „эффект присутствия“**. А это становится в наибольшей мере возможным только в том случае, если журналист будет рассказывать о предметных ситуациях, событиях (и лучше всего – быстро развивающихся)». [Тertyчный, 2000]. Следующие важные факторы касаются динамики событий, эмоциональной составляющей автора и трансляции ее читателю: «Для репортера важно не только наглядно описать какое-то событие, но и описать его так, чтобы **вызвать сопереживание читателя** того, о чем идет речь в тексте. Это можно осуществить разными путями. Наиболее часто данная цель достигается двумя способами. Первый – изложение динамики события. В том случае, если отображаемое событие быстро развивается, автору остается только показать это развитие. Однако бывают события, ситуации, развитие которых протекает вяло, неопределенно, является довольно статичным. В этом случае автор может выручить „вывод на поверхность“ события его внутренней динамики или изложение динамики **авторских переживаний**, вызванных его знакомством с событием» [Тertyчный, 2000].

Современный дискурсный подход к жанру привносит к содержательно-эмоционально-адресатной характеристике репортажа новые черты. А. И. Варшавская считает, что «дискурс

следует рассматривать как вербализованный, или оязыченный опыт человека, то есть все виды его деятельности, все жизненные практики» [Варшавская, 2008, с. 275]. Отечественный философ В. В. Налимов справедливо утверждает: «... если мир человека – это семантическая капсула, тогда озвученные фонетически или графически оформленные части семантики мира и будут соответственно тем, что мы считаем дискурсом» [Налимов, 2011, с. 288]. Таким образом, можно полагать, что любой дискурс есть словесно выраженная точка зрения, которая «отражает „положение наблюдателя” (*повествователя, рассказчика, персонажа*) в изображенном мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое определяет его *кругозор* – как в отношении „объема” (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого; с другой, – выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [Поэтика ..., 2008, с. 266].

Дискурсивная практика является одним из способов общения и взаимодействия между людьми, в процессе которого происходит понимание и переосмысление определенных социальных явлений, объектов или ситуаций. И. В. Силантьев утверждает, что «дискурс является процессом непрерывного создания и репродукции смысла, который зависит от социально-исторических условий и контекста коммуникации. Важной характеристикой дискурса является его идеологическая направленность, то есть способность определенных дискурсивных практик служить в интересах определенных групп людей» [Силантьев, 2006, с. 31].

Исследователь Н. И. Клушина справедливо полагает, что «дискурсивный подход к классификации малых жанров основан на контексте использования жанра и его коммуникативной функции. Это означает, что классификация жанров при дискурсивном подходе не только учитывает их форму, но и рассматривает их в контексте тех социальных, культурных и интерпретативных условий, в которых они используются» [Клушина, 2007, с. 80]. Можно сделать вывод, что при классификации малых жанров необходимо учитывать и их формальные, и их дискурсивные характеристики, чтобы полностью понимать их функции, цели и контекст использования.

Репортаж с дискурсивной точки зрения можно классифицировать как жанр, цель которого заключается в передаче информации о происхо-

дящем событии («эффект присутствия»), которое окрашено авторскими переживаниями в реальном времени. Учитываются также периферийные признаки: личные предпочтения, цель публикации, оценка аудитории и контекст использования репортажа. Границами материала репортажа являются рамки его сюжетного развития.

Жанр короткого рассказа в контексте американской критики

Называть короткие истории (*short-stories*) рассказами принято в отечественном литературоведении [Поэтика ..., 2008, с. 330], хотя этот вопрос требует своего серьезного изучения. Поэтому будем привлекать к анализу труды исследователей по истории американской литературы. Л. В. Чернец отмечала, что жанр короткого рассказа занял довольно прочные позиции в американской литературе: «В его основе лежат традиции английского просветительского эссе Стила и Аддисона. Короткий рассказ был достаточно распространенной в Америке жанровой формой в первой половине XIX века; стремительность американской жизни в некотором роде заставила американских писателей быть краткими. Рассказы (а печатались они, главным образом, в популярных журналах, что также не могло не сказаться на развитии жанра) были именно тем средством, благодаря которому некоторые самые характерные произведения лучших американских писателей получили одобрение публики» [Чернец, 1982, с. 23].

Литературовед Ю. В. Ковалев писал об истории становления специфического жанра короткого рассказа в США в начале XIX в., подчеркивая особую роль сборника рассказов из «Книги эскизов» (1820) В. Ирвинга (1783–1859): «Рассказ сделался журнальным жанром, и почти всякий писатель пробовал свои силы как новеллист, твердо надеясь, что найдется журнал, который опубликует его сочинения. Господствовало убеждение, что нет такого плохого рассказа, для которого не нашлось бы места в Журнале. Феноменальный успех Ирвинга вскружил голову американским литераторам, особенно начинающим. Все кинулись писать рассказы, не отдавая себе отчета в том, что имеют дело с новым жанром, с новой эстетической системой. Как правило, авторы рассказов, печатавшихся в те времена, не видели существенного различия между романом и новеллой, кроме чисто количественного. Под их пером рассказ превращался в сжатый, „усеченный” роман» [Ковалев, 1984, с. 164].

В творчестве Э. По (1809–1849) определился американский жанр короткого рассказа, в котором заключался важный ядерный признак – сюжет. Исследуя его особенности, Ю. В. Ковалев уточнил: «... под сюжетом писатель понимал общую формальную структуру произведения, сцепление поступков, событий, характеров, предметов. Сюжет, как он его трактует, покоится на принципах необходимости и взаимозависимости. В нем не должно быть ничего лишнего, и все его элементы должны быть взаимосвязаны. Сюжет подобен зданию, в котором удаление одного кирпича может вызвать обвал. Несокрушимая целесообразность всех элементов сюжета достигается полным подчинением его общему замыслу. Каждый эпизод, каждое событие, каждое слово в рассказе должны служить осуществлению замысла и достижению единого эффекта. Идеалом для Эдгара По служила организация Вселенной, где, по его словам, все законы зависят друг от друга и все явления столь тесно взаимосвязаны, что не представляется возможным отделить причины от следствий. Эту взаимосвязь и взаимозависимость он называл „совершенным сюжетом Господа Бога“. Божественное совершенство, разумеется, недоступно земному творцу, и он может почитать себя удовлетворенным, если ему удастся сработать такой сюжет, из которого нельзя изъять ни одного из основных событий без разрушения целого» [Ковалев, 1984, с. 279–280].

Литературовед Н. Л. Лейдерман рассуждал о значительной роли Ш. Андерсона (1876–1941) в эволюции жанра рассказа в США. В его произведениях центр тяжести «переносился с интриги на раскрытие психологии героя, детальное исследование его эмоций. В каждом рассказе описывался небольшой, ничем не примечательный кусочек реальности, в котором, как в сжатой пружине, заключались судьбы людей, их радость и их боль. Читатель же, в меру своего читательского и человеческого опыта, был волен раскручивать эту „пружину“. Главным „элементом“ таких коротких рассказов являлась колоссальная эмоциональная напряженность, также скрытая в подтексте» [Лейдерман, 1988, с. 12].

Хемингуэй отмечал влияние на свою малую прозу рассказов Р. Кипплинга (1865–1936): «Когда я был в твоём возрасте, – писал Хемингуэй молодому автору, – я подражал Кипплингу. Я думал, что свет не производил лучшего мастера короткого рассказа (и продолжаю считать образцом несколько его коротких рассказов)» [Хемингуэй,

1983, с. 219]. Таким образом, учитывая основные этапы эволюции жанра *short-story* в американской литературе, следует выделить его доминантные признаки: сюжет, подчиняющий все другие элементы текста, и скрытое в подтексте эмоциональное напряжение.

Определение жанровой специфики репортажа Э. Хемингуэя

Проанализируем репортаж Хемингуэя о гражданской войне в Испании на предмет его жанрового соответствия, переведенный довольно своеобразно: «По поводу одной информации» («Fresh Air on an Inside Story»). Репортаж был напечатан в журнале «Кен» в 1938 г. Ситуация в репортаже незамысловата. Хемингуэй встретил некоего журналиста, который пытался представить Мадрид местом совершения террористических актов, чего на самом деле не было: журналист не выходил несколько дней из гостиничного номера и не имел никаких сведений о событиях в городе. Хемингуэй и его коллеги поставили журналиста перед фактом прямой лжи, тем более что журналист подвергал опасности женщину курьера, которая его фейковые статьи согласилась доставить за границу. Хемингуэй остановил передачу фейковой статьи в другие руки и, объединившись с коллегами-публицистами, прилюдно разоблачил лжеца.

Рассмотрим, содержит ли это произведение черты репортажа по ядерным признакам. Хемингуэй, несомненно, является очевидцем события, более того, принимает в нем активное участие. Эффект присутствия создается благодаря убедительному портрету журналиста и живому диалогу с ним: «Этот гражданин был высокого роста с водянистыми глазами и прядями светлых волос, тщательно прилизанных на лысой с приплюснутой макушкой голове» [Хемингуэй, Старый газетчик ..., 1983, с. 150]. Репортаж выполняет и другую задачу – вызвать сопереживание у читателя: Хемингуэй объясняет читателям угрозу, нависшую над журналистами из-за публикации фейковой статьи. Эффект усиливается за счет эмоциональных комментариев происходящего: «Но самое отвратительное было то, что американская журналистка, по военным законам, могла быть расстреляна за шпионаж, если бы у нее на границе нашли эту стряпню. Корреспонденция была чистой воды ложь, и он дал ее журналистке, которая, доверяя ему, взялась вывезти ее из страны» [Хемингуэй, Старый газетчик ..., 1983, с. 151].

Ядерные признаки репортажа остаются важнейшими. Другие периферийные элементы легко узнаваемы. Цель публикации – предупреждение о существовании ложной информации для читающей аудитории – республиканцев. Конфликтная ситуация заканчивается разоблачением. Линия повествования концентрируется в противопоставлении истинных друзей Испанской республики и ее скрытых врагов. Место действия – мадридская гостиница «Флорида». Характеры журналистов-республиканцев полностью раскрываются в вопросно-ответных диалогах:

«– Какие же проявления террора вы наблюдали?

– О, они есть, – сказал он, – вы не можете этого отрицать.

– Но что вы сами видели?

– У меня не было времени, но я знаю, что свирепствует террор» [Хемингуэй, Старый газетчик ..., 1983, с. 150–151].

Диалог Хемингуэя и журналиста демонстрирует контрастность их позиций: честность Хемингуэя и лицемерие автора фейковых статей. Диалоги в репортаже захватывают внимание читателя благодаря их эмоциональному напряжению:

«– Лучше дайте письмо мне, а я по пути занесу его в цензуру. Как бы у нас не вышло неприятностей из-за него.

– Каких неприятностей? Это только второй экземпляр, уже прошедший цензуру корреспонденции.

– Он вам показывал ее?

– Нет, но он так сказал.

– Никогда не доверяйте мужчинам, прилизывающим волосы на лысой голове, – сказал я» [Хемингуэй, Старый газетчик ..., 1983, с. 151–152].

Время действия репортажа охватывает сутки. Движимый желанием остановить предателя, Хемингуэй достигает своей благородной цели. Отношение к возникшей проблеме остается однозначным: презрение к продажному журналисту, разоблачение которого ввергает его в ступор и вызывает крайне сниженное сравнение автора: «Он был бледен, как непроданная камбала в 11 утра перед закрытием рыбного рынка» [Хемингуэй, Старый газетчик ..., 1983, с. 152].

Своеобразие жанра короткого рассказа Э. Хемингуэя

Рассмотрим короткий рассказ этого же испанского периода жизни Хемингуэя «Ночь перед боем» («Night before battle»), опубликованный в

журнале «Эсквайр» в 1939 г. События в рассказе происходят в той же самой гостинице «Флорида», только годом позже. Повествование начинается с подробной экспозиции – места действия, на котором находится группа кинооператоров: «Внизу, под нами, шел бой. Можно было видеть, как он катится вперед и взбирается на холмы, можно было ощутить его запах, почувствовать вкус его пыли на губах, а его звуки сливались в общий грохот словно бы сорвавшегося и несущегося с горы гигантского листа железа: то усиливающаяся, то стихающая пулеметная стрельба, сквозь которую прорывались орудийные залпы, шипучий гул снарядов, выпущенных из стволов расположенной позади нас артиллерийской батареи, потом глухое угасание их разрывов и следом – накатывающиеся облака желтой пыли» [Хемингуэй, 2021, с. 517]. Феномен боя представлен олицетворением – одушевленным существом в преломлении визуальных и акустических ощущений, которые важны для фильма с точки зрения кинооператоров. Другие ощущения – обонятельные и вкусовые – свидетельствуют о непосредственном присутствии на месте боя обобщенного рассказчика «мы».

Время действия рассказа – вечер и ночь одного дня: кинооператоры в связи с наступлением темноты уходят с места съемок чинить камеру. Теперь события подаются личной точкой зрения «я» рассказчика, воссоздающего сложившуюся ситуацию на фронте: «Теперь же, вспоминая минувший день, я понимал, что это была лишь еще одна кровавая баня вроде Соммы. Народная армия наконец перешла в наступление. Но это было наступление такого рода, которое могло окончиться лишь одним: самоуничтожением. И, сопоставляя в уме то, что я видел в течение дня и что слышал раньше, я почувствовал себя отвратительно» [Хемингуэй, 2021, с. 519]. Сложное чувство сегодняшнего военного успеха и будущего поражения характерно не только для рассказчика, но и сослуживцев (танкистов и летчиков), которых он встречает в баре.

В многочисленных диалогах в подтексте возникает один и тот же вопрос: зачем была принята сегодня непродуманная лобовая атака, унесшая множество жизней? Скорее всего, это был просчет «дурного» руководства, не отличающего тактику от стратегии. То же самое может произойти завтра. Один из приятелей рассказчика – отважный танкист Эл Вагнер предчувствует свою смерть: «Послушай, Хенк, не хочу болтать ерунды, но я думаю, что завтра меня убьют ...

Но то, что нам придется делать завтра, бессмысленно. Я даже не знаю, удастся ли мне поднять своих в бой. Как заставить их идти вперед, если они не захотят?» [Хемингуэй, 2021, с. 525]. Даже помощь интербригады не может помочь в будущем бою с фашистами. Русские инструкторы уезжают в Китай. Поэтому все разговоры о поднятии боевого духа не к месту.

Один из летчиков – Лысый Джексон с воодушевлением рассказывает о сбитом «Юнкерсе» и с писательским мастерством в деталях вспоминает свой бой. Один из сослуживцев просит Эля послать письмо в Нью-Йорк, но Эль категорично отказывается: «Но мне не придется его посылать» [Хемингуэй, 2021, с. 550]. Финальный комментарий рассказчика никак не смягчает тягостного настроения перед боем, поскольку Эль оказался прав: «Тому, кто не слишком хорошо знал его и кто не видел плацдарм, на котором ему предстояло завтра идти в наступление, могло показаться, что он очень сердит. Думаю, где-то в глубине души он и был сердит, очень сердит. Человека многое может рассердить, например, то, что ему придется умереть зря. Но с другой стороны, наверное, именно сердитое настроение лучше всего подходит для атаки» [Хемингуэй, 2021, с. 551].

В рассказе почти нет внешнего действия, но есть развитие внутреннего психологического сюжета, основанного на мрачном предчувствии гибели отважных солдат Народного ополчения. В ночь перед атакой рассказчик объективно представляет события на фронте и в диалогах с танкистом и летчиком шаг за шагом находит подтверждение своим мыслям о неминуемой смерти в бессмысленном бою. Ядерный признак сюжетного внутреннего развития подчиняет все остальные аспекты художественного произведения: временной, пространственный, образный, конфликтный, мотивный, диалогический и языковой. В отличие от репортажа важным аспектом является динамика развития внутреннего действия в ясно представленной картине мира: ход военных действий в целом, воспоминания, описание боя прошедшего и предчувствие поражения в будущем бою, психологические портреты персонажей, их просторечный и грубый солдатский язык в диалогах, раскрывающих скрытый за ничего не значащими фразами трагический исход завтрашней атаки.

Жанровый синтез репортажа и короткого рассказа Э. Хемингуэя

Другой пример в творчестве Хемингуэя – небольшое произведение «Солдаты и генерал» («The G.I. and the General»), написанный в 1944 г. для американского журнала «Колльерс». У него есть сюжет, объединяющий несколько эпизодов. Рассказчик воспроизводит место действия: «Пшеница созрела, но сейчас здесь некому ее убирать. След гусениц танка пролегал через поле к борозде, где в кустах стояли танки и оттуда была видна лесистая местность и холм, который им предстояло взять завтра» [Хемингуэй, 1983, с. 197]. Рассказчик готовится к очередному сражению, перемещается по городу, который удалось защитить от врага. Он анализирует положение, в котором оказалась армия, и делится со встречными людьми мнениями о жизни на фронте и в тылу. По пути он встречает жителей спасенного города и одного из них – французского патриота, приветствовавшего прибытие союзных войск. Затем воспроизводятся диалоги с тремя солдатами и генералом. Один из солдат ополчается на генерала, считая, что тот отсиживается далеко от фронта, а солдаты погибают и генералу нет до них дела. Другой жалуется на то, что его жена в отсутствии мужа изменяет ему. В этом тоже повинен генерал. Третий уверен, что генерал убивает его каждый день. В эту же ночь неожиданно приехал настоящий генерал, уставший и осунувшийся. Генерал понимал, что солдаты тоже выглядели изможденными, и он послал их спать, пообещав пехоте четырехдневный отдых: «Но все вышло иначе. Немцы устроили сильное контрнаступление, и сейчас, и когда я пишу эту статью, дивизия все еще находится на передовой» [Хемингуэй, 1983, с. 203].

Тема этого репортажа может быть сформулирована так: образ генерала с точки зрения солдат и напрасное ожидание отдыха. Череда эпизодов, связанных между собой, создает сюжетное развитие событий в диалогической форме. Они противопоставлены точками зрения простых солдат на жизнь генерала и истинной заботой его об уставших солдатах, хотя его обещания не играют на войне никакой роли. Изменчивость точек зрения на «кровопийцу» генерала и его беспомощность в своих обещаниях в законченном сюжетном развитии может стать основой для определения этого произведения коротким рассказом.

Хемингуэй отмечал, что граница между репортажем и рассказом незначительна [Цит. по: Погостин]. Например, лучшие корреспонденции

Хемингуэя в 20-е годы приближались к репортажу, а репортажи напоминали рассказы. Более того, писатель часто использовал репортажи как основу для рассказов или повестей, а иногда просто, поменяв заголовок, включал ту или иную статью в сборники рассказов. Опубликованная в журнале «Нью рипаблик» статья «Италия, 1927 год» («Italy, 1927») была включена в вышедший в этом же году сборник рассказов «Мужчины без женщин» («Men Without Women») под заголовком «О чем говорит тебе родина?» («Che Ti Dice La Patria?»).

В этом плане позиция Хемингуэя близка принципам его младшего современника, публициста Тома Вулфа (1930–2018), одного из самых известных американских журналистов XX в., одного из основателей «новой журналистики». Его задача заключалась в использовании любых литературных приемов в сжатом контексте. Хемингуэй по праву считается одним из пионеров «новой журналистики», практически осуществивших постепенное стирание границ между журналистикой и литературой для достижения «тотального эффекта» в смысле Э. По и оказания большего влияния на читателей. Следует подчеркнуть, что исследовательская модель жанра репортажа и короткого рассказа провела разграничительную линию между ними определением ядерных признаков жанра в компаративистском сравнении. Однако в творчестве Хемингуэя «чистота жанра» часто не выдерживается, поскольку элементы художественности рассказа могут распространяться на жанр репортажа. С точки зрения современного литературоведения метод синтеза жанров весьма продуктивен и отражает в творчестве американского писателя богатство его творческой палитры.

Библиографический список

1. Балонova М. Г. Проблема героя в позднем творчестве Э. Хемингуэя (40–50 гг.). URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/balonova-problema-geroya/index.htm> (дата обращения 18.02.2025).
2. Варшавская А. И. Языковые единицы и отношения совместности / под ред. А. В. Зеленщикова. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2008. 325 с.
3. Гиленсон Б. А. Эрнест Хемингуэй. Биография писателя. Москва : Просвещение, 1991. 192 с.
4. Грибанов Б. Т. Публицистика Эрнеста Хемингуэя // Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет... Художественная публицистика. Москва : Прогресс, 1983. С. 5–18.
5. Засурский Я. Н. Хемингуэй и журналистика // Э. Хемингуэй. Репортажи. Изд-во МГУ, 1969. URL: https://psujourn.narod.ru/lib/ham_reps.htm (дата обращения 10.02.2025).
6. Клушина Н. И. Публицистический текст в прагматическом аспекте // Язык массовой и межличностной коммуникации / под ред. Г.Я. Солганика. Москва : МГУ, Медиамир, 2007. С. 75–107.
7. Ковалев Ю. В. Эдгар Аллан По. Новеллист и поэт. Ленинград : Худож. лит., 1984. 296 с.
8. Лейдерман Н. Л. Жанровые системы литературных направлений и течений // Взаимодействие метода, стиля и жанра в современной литературе. Свердловск : Свердлов ГПИ, 1988. С. 4–17.
9. Махлин В. Л. Хемингуэй и движение времени // Вопросы литературы. № 9. 1984. URL: <https://voplit.ru/article/heminguej-i-dvizhenie-vremeni/> (дата обращения 24.02.2025).
10. Налимов В. В. Спонтанность сознания: вероятностная теория смыслов и смысловая архитекtonика личности. Москва : Парадигма: Академический проект, 2011. 399 с.
11. «Наш великий русский писатель». Литераторы, критики и книгоиздатели об Эрнесте Хемингуэе. URL: <https://gorky.media/context/nash-russkij-velikij-pisatel/> (дата обращения 20.03.2025).
12. Погостин В. М. Хемингуэй-журналист. URL: <https://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/pogostin-hemingway-zhurnalists.html> (дата обращения 27.02.2025).
13. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. Москва : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.
14. Силантьев И. В. Газета и роман: Риторика дискурсных смещений / отв. ред. Ю. В. Шатин. Москва : Языки славянской культуры, 2006. 224 с.
15. Тertyчный А. А. Жанры периодической печати. Москва : Аспект Пресс, 2000. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения: 25.02.2025).
16. Тулякова Н. А. Литературная легенда: жанровые идентификаторы и формообразующие признаки. Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2015. (2):33–44. URL: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-2-33-44> (дата обращения 15.02.2025).
17. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. Москва : Наука, 1977. 574 с.
18. Урнов Д. М. Советская критика о Хемингуэе. Литературное произведение в оценке англо-американской «новой критики». Москва : Наука, 1982. URL: <https://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/urnov-sovetskaya-kritika-o-hemingway.html> (дата обращения 12.02.2025).
19. Финкельштейн И. Л. В поисках поэтической истины (Зарубежная критика о Хемингуэе) // Вопросы литературы. № 4. 1965. URL: <https://voplit.ru/article/v-poiskah-poeticheskoy-istiny-zarubezhnaya-kritika-o-heminguee/> (дата обращения 18.03.2025).

20. Финкельштейн И. Л. Вторая профессия Эрнеста Хемингуэя (журналистика и публицистика) // Вопросы литературы № 12. 1968. URL: <https://voplit.ru/article/vtoraya-professiya/> (дата обращения 08.03.2025).
 21. Хемингуэй Э. Полное собрание рассказов: сборник / пер. с англ. Москва : Изд-во АСТ, 2021. 928 с.
 22. Хемингуэй Э. Старый газетчик пишет... Художественная публицистика / пер. с англ. Москва : Прогресс, 1983. 344 с.
 23. Чернец Л. В. Литературные жанры: проблемы типологии и поэтики. Москва : МГУ, 1982. 192 с.
 24. Штандель А. Б. К вопросу о стиле Хемингуэя («По ком звонит колокол») // Литература США / под ред. Л. Г. Андреева. Москва : МГУ, 1973. URL: <https://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/shtandel-k-voprosu-o-stile-e-hemingway-po-kom-zvonit-kolokol.html> (дата обращения 28.02.2025).
 25. Эрнест Хемингуэй: жизнь и творчество. URL: hemingway-lib.ru (дата обращения 18.02.2025).
 26. Baker C. The Writer as Artist. N. Y. : Princeton University Press, 1972. URL: <https://archive.org/details/hemingwaywriter00bake/page/n467/mode/2up> (дата обращения 23.02.2025).
 27. Burgess A. Hemingway and His World. N. Y. : Princeton University Press, 1978. URL: https://openlibrary.org/books/OL4572804M/Ernest_Hemingway_and_His_World (дата обращения 16.02.2025).
 28. By-Line: Ernest Hemingway. Selected Articles and Dispatches of Four Decades. Ed. by W. White. N. Y.: Ch. Scribner's Sons, 1967. URL: https://books.google.ru/books?id=1c9QAQAABAJ&redir_esc=y (дата обращения 14.02.2025).
 29. Donaldson S. By force of will. The life and art of E. Hemingway. N. Y., 1977. URL: https://books.google.ru/books/about/By_Force_of_Will.html?id=qcZaAAAMAAJ&redir_esc=y (дата обращения 18.02.2025).
- Reference list**
1. Balonova M. G. Problema geroja v pozdnem tvorčestve Je. Hemingueja (40–50 gg.) = The problem of the hero in E. Hemingway's late work (40–50s.). URL: <http://american-lit.niv.ru/american-lit/balonova-problema-geroya/index.htm> (дата обращения 18.02.2025).
 2. Varshavskaja A. I. Jazykovye edinicy i otnoshenie sovместnosti = Language units and compatibility relations / pod red. A. V. Zelenshhikova. Sankt-Peterburg : Izd-vo SbPGU, 2008. 325 s.
 3. Gilenson B. A. Jernest Heminguej. Biografija pisatelja = Ernest Hemingway. The writer's biography. Moskva : Prosveshhenie, 1991. 192 s.
 4. Gribanov B. T. Publicistika Jernesta Hemingueja = Ernest Hemingway's journalism // Heminguej Je. Staryj gazetchik pishet... Hudozhestvennaja publicistika. Moskva : Progress, 1983. S. 5–18.
 5. Zasurskij Ja. N. Heminguej i zhurnalistika = Hemingway and journalism // Je. Heminguej. Reportazhi. Izd-vo MGU, 1969. URL: https://psujournal.narod.ru/lib/ham_reps.htm (дата обращения 10.02.2025).
 6. Klushina N. I. Publicisticheskiĭ tekst v pragmaticheskom aspekte = Publicist text in a pragmatic aspect // Jazyk massovoĭ i mezhlіchnostnoĭ kommunikacii / pod red. G.Ja. Solganika. Moskva : MGU, Mediamir, 2007. S. 75–107.
 7. Kovalev Ju. V. Jedgar Allan Po. Novellist i poet = Edgar Allan Poe. Novelist and poet. Leningrad : Hudozh. lit., 1984. 296 s.
 8. Leĭderman N. L. Zhanrovyĭe sistemy literaturnyĭh napravlenij i techenij = Genre systems of literary styles and trends // Vzaimodejstvie metoda, stilja i zhanra v sovremennoĭ literature. Sverdlovsk : Sverdlov GPI, 1988. C. 4–17.
 9. Mahlin V. L. Heminguej i dvizhenie vremeni = Hemingway and the flow of time // Voprosy literatury. № 9. 1984. URL: <https://voplit.ru/article/heminguej-i-dvizhenie-vremeni/> (дата обращения 24.02.2025).
 10. Nalimov V. V. Spontannost' soznanija: verojatnostnaja teorija smyslov i smyslovaja arhitektonika lichnosti = The spontaneous consciousness: probabilistic semantics and the semantic architectonics of personality. Moskva : Paradigma: Akademicheskij proekt, 2011. 399 s.
 11. «Nash velikij russkij pisatel'». Literatory, kritiki i knigoizdateli ob Jerneste Hemingueje = «Our great Russian writer». Writers, critics and book publishers about Ernest Hemingway. URL: <https://gorky.media/context/nash-russkij-velikij-pisatel/> (дата обращения 20.03.2025).
 12. Pogostin V. M. Heminguej-zhurnalist = Hemingway, a journalist URL: <https://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/pogostin-hemingway-zhurnalist.html> (дата обращения 27.02.2025).
 13. Pojetika: slovar' aktual'nyĭh terminov i ponjatij = Poetics: a dictionary of current terms and concepts / gl. nauch. red. N. D. Tamarchenko. Moskva : Izd-vo Kulaginnoj; Intrada, 2008. 358 s.
 14. Silant'ev I. V. Gazeta i roman: Ritorika diskursnyĭh smeshenij = The newspaper and the novel: Discourse combinations rhetoric / otv. red. Ju. V. Shatin. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2006. 224 s.
 15. Tertychnyj A. A. Zhanry periodicheskoj pečati = Genres of periodical press. Moskva : Aspekt Press, 2000. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text2/01.htm> (дата обращения 25.02.25).
 16. Tuljakova N. A. Literaturnaja legenda: zhanrovyĭe identifikatory i formoobrazujushhie priznaki. Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija» = Literary legend: genre identifiers and form-shaping characteristics. Bulletin of the Russian State University of Humanities. Series «Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies». 2015. (2):33–44. URL: <https://doi.org/10.28995/2686-7249-2015-2-33-44> (дата обращения 15.02.2025).
 17. Tynjanov Ju. N. Pojetika. Istorija literatury. Kino = Poetics. Literary history. Cinema. Moskva : Nauka, 1977. 574 s.

18. Urnov D. M. Sovetskaja kritika o Hemingujee. Literaturnoe proizvedenie v ocenke anglo-amerikanskoj «novoj kritiki» = Soviet critics about Hemingway. Literary works as assessed by the Anglo-American «new criticism». Moskva : Nauka, 1982. URL: <https://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/urnov-sovetskaya-kritika-o-hemingway.html> (data obrashhenija 12.02.2025).
19. Finkel'shtejn I. L. V poiskah pojeticheskoi istiny (Zarubezhnaja kritika o Hemingujee) = In search of poetic truth (Foreign criticism on Hemingway) // Voprosy literatury. № 4. 1965. URL: <https://voplit.ru/article/v-poiskah-poeticheskoi-istiny-zarubezhnaya-kritika-o-heminguee/> (data obrashhenija 18.03.2025).
20. Finkel'shtejn I. L. Vtoraja professija Jernesta Hemingujeja (zhurnalistika i publicistika) = Ernest Hemingway's second profession (a journalist and a publicist) // Voprosy literatury № 12. 1968. URL: <https://voplit.ru/article/vtoraya-professiya/> (data obrashhenija 08.03.2025).
21. Hemingujej Je. Polnoe sobranie rasskazov: sbornik = The complete collection of short stories: an anthology / per. s angl. Moskva : Izd-vo AST, 2021. 928 s.
22. Hemingujej Je. Staryj gazetchik pishet... Hudozhestvennaja publicistika = An old newspaperman writes... Literary journalism / per. s angl. Moskva : Progress, 1983. 344 s.
23. Chernec L. V. Literaturnye zhanry: problemy tipologii i pojetiki = Literary genres: problems of typology and poetics. Moskva : MGU, 1982. 192 s.
24. Shtandel' A. B. K voprosu o stile Hemingujeja («Po kom zvonit kolokol») = On Hemingway's style («For Whom the Bell Tolls») // Literatura SShA / pod red. L. G. Andreeva. Moskva : MGU, 1973. URL: <https://hemingway-lib.ru/analiz-proizvedenii/shtandel-k-voprosu-o stile-e-hemingway-po-kom-zvonit-kolokol.html> (data obrashhenija 28.02.2025).
25. Jernest Hemingujej: zhizn' i tvorchestvo = Ernest Hemingway: life and work. URL: hemingway-lib.ru (data obrashhenija 18.02.2025).
26. Baker C. The Writer as Artist. N. Y. : Princeton University Press, 1972. URL: <https://archive.org/details/hemingwaywritera00bake/page/n467/mode/2up> (data obrashhenija 23.02.2025).
27. Burgess A. Hemingway and His World. N. Y. : Princeton University Press, 1978. URL: https://openlibrary.org/books/OL4572804M/Ernest_Hemingway_and_His_World (data obrashhenija 16.02.2025).
28. By-Line: Ernest Hemingway. Selected Articles and Dispatches of Four Decades. Ed. by W. White. N. Y.: Ch. Scribner's Sons, 1967. URL: https://books.google.ru/books?id=1c9QAQAAQBAJ&redir_esc=y (data obrashhenija 14.02.2025).
29. Donaldson S. By force of will. The life and art of E. Hemingway. N. Y., 1977. URL: https://books.google.ru/books/about/By_Force_of_Will.html?id=qcZaAAAAMAAJ&redir_esc=y (data obrashhenija 18.02.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 24.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 24.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Русский язык

Научная статья

УДК 811.161.11

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-87

EDN: HSPHIV

Природные объекты и их отражение в языке: о траве и листе – синтаксический и когнитивный потенциал

Надежда Михайловна Девятова

Доктор филологических наук, профессор департамента филологии, Московский городской педагогический университет. 129226, г. Москва, 2-Сельскохозяйственный проезд, д. 4
deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Аннотация. В статье рассматривается когнитивный и сравнительный потенциал таких природных объектов, как трава и листья, их разнообразные связи с человеком.

Оба природных объекта проявляют себя в синтаксисе как субъекты состояния и выражают таким образом идею существования. Смысл «существования» оформляется как глаголами *расти, пробиваться, тянуться*, так и прилагательными, передающими разные состояния «здоровья» природного объекта: *зелёная, жёлтая, пожухлая трава* и др.

Исследуются модели, в которых разные формы существительного употребляются в качестве субъекта и предиката модели. Дается анализ моделей с падежными формами *в траве, на траве, по траве*, выявляются особенности их пространственного значения, их культурно значимые признаки.

Разные падежные формы органично входят в сравнительные конструкции и чаще формируют их значение на основе центральных признаков концепта. Более богатым сравнительным потенциалом обладает существительное «*трава*». Трава привносит в сравнение идею свежести, приятного пространства, естественности развития и угасания.

Трава и листья как часть большого природного мира находятся в состоянии движения или покоя: трава и листья *шелестят, шумят, гнутся*. В этот мир оказывается включённым и человек, который погружается в пространство травы, воспринимает её всеми своими чувствами.

Концепт «*трава*» пересекается с концептом «*земля*», а вместе они формируют духовную сущность русского человека, его связь с родиной.

Ключевые слова: природный объект; состояние природного субъекта; концепт; центральные и периферийные признаки концепта; сравнительная конструкция; эталон сравнения; культурно значимые признаки

Для цитирования: Девятова Н. М. Природные объекты и их отражение в языке: о траве и листе – синтаксический и когнитивный потенциал // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 87–94. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-87>. <https://elibrary.ru/HSPHIV>

Russian language

Original article

Natural objects and their reflection in language: about grass and leaves – syntactic and cognitive potential

Nadezhda M. Devyatova

Doctor of philological sciences, professor at the department of philology, Moscow city pedagogical university. 129226, Moscow, 2-Selskokhozyaystvenny proezd, 4
deviatovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-003-1591-3649>

Abstract. This article examines a cognitive and comparative potential of such natural objects as grass and foliage, and their various links with human beings. Both natural objects manifest themselves in syntax as subjects of state, and thus express the idea of existence. The sense of «existence» is expressed both by the verbs to grow, to break through, to stretch out, and by the adjectives conveying different states of the natural object's «health»: green, yellow, withered grass, etc.

The article investigates certain models in which various noun forms are used as the subject and the predicate of the model. The author analyzes the models with the case forms 'in the grass', 'on the grass', 'across the grass', and shows the specifics of their spatial meaning and their culturally significant features.

Different case forms are organic parts of comparative constructions and more often form their meaning on the basis of the main concept features. The noun 'grass' has a richer comparative potential. Grass introduces into the comparison the idea of freshness, pleasant space, natural evolution and decline.

Grass and foliage are part of the larger natural world, in a state of motion or rest: grass and leaves rustle, make noise, bend. This world includes a human being who immerses in the space of grass and perceives it with all their senses.

The concept 'grass' overlaps with the concept 'land', forming the spiritual essence of Russian people, their connection with their homeland.

Key words: natural object; state of the natural subject; concept; central and peripheral concept features; comparative construction; standard of comparison; culturally significant features

For citation: Devyatova N. M. Natural objects and their reflection in language: about grass and leaves – syntactic and cognitive potential. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):87–94. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-87>. <https://elibrary.ru/HSPHIV>

Введение

В пространстве языка отражается весь многообразный мир – то, что окружает нас, то, что мы тонко ощущаем, – наш особенный мир и мы сами в отношении к этому миру.

Связи человека и мира многообразны, различны и их проявления в языке.

Исследование когнитивной сущности природных объектов представляет одно из антропоцентрических направлений в лингвистике. Когнитивный потенциал лингвистической единицы и его культурно значимые смыслы составляли предмет разных работ: например, [Жизнь животных в зеркальных отражениях..., 2023; Смирнова, 2023] и др.

В наших работах речь шла о синтаксическом потенциале таких объектов, как река [Девятова, 2023], цветы [Девятова, 2024], предметный мир. В настоящей статье речь пойдет о когнитивном потенциале существительного *травы*. Это «1. небольшое растение с однолетним мягким и тонким зелёным стеблем... 2. зелёный покров земли из таких растений» [Ожегов, 1991, с. 804].

Многообразие когнитивных смыслов существительного отражается в его сочетаемости, в разнообразных синтаксических моделях, в том числе сравнительных конструкциях.

Материал статьи составили как примеры из собственной картотеки, так и данные Национального корпуса русского языка [ruscorpora.ru].

Трава является частью нашего привычного естественного окружения, нашего природного

мира. В. Солоухин в очерке «Трава» отмечает особое отношение русского человека к траве: «Русский человек (надо бы сказать, народ) настолько влюблен в природу, что эта его нежность заметна даже по названиям трав» [Солоухин, 1986, с. 38]. Нежное отношение к траве проявляется не только в названиях (*травушка-муравушка*), но и в том, как проявляет себя человек по отношению к природному пространству, в ценности природной реальности как лингвокультурологического объекта: «Семантическая плотность той или иной тематической группы слов, детализация наименования, выделения смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта, будь то предмет, процесс или понятие» [Карасик, 2024, с. 184].

В настоящей статье мы будем говорить о когнитивном потенциале имен *травы* и *листья*, проявляющемся в их синтаксическом поведении, в сравнительных конструкциях, о концептуальных и поэтических смыслах, объясняемых жизнью слова в русском языке и русской культуре.

При исследовании сравнительного потенциала имени и выразительных возможностей сравнительных конструкций используются общенаучные методы: наблюдение, описание, обобщение, методика семантического и синтаксического анализа.

Основная часть

Анализ употреблений существительного *травы* выявляет значимые когнитивные смыслы, формирующие отношение человека к природе, к своей земле, к родине.

О значимости концепта *трав* в русской языковой культуре свидетельствуют богатство его употреблений – в составе фразеологизмов, сравнений (*хоть трава не расти, расти как трава*), в названиях художественных произведений и кинофильмов (русские фильмы «Трава зелена», «Трава и вода», «Трава под снегом», «Трын-трава», «Полынь – трава горькая», «Завтрак на траве»). Культурно значимые смыслы, формируемые бытованием концепта в русской культуре, органично входят в художественную речь, обогащают русскую поэзию. Концепт отражает национально-специфичное в единицах языка, жизнь слова и народа, степень освоенности объекта и его роль в обыденной жизни и языковой картине мира. С. Г. Воркачев выделяет в концепте понятийную, образную структуру, «фиксирующую когнитивные метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостную, определяемую местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка» [Воркачев, 1997, с. 115–124]. Как национально-специфический концепт трава исследуется в ряде работ, см., например, [Тарасова, Семейн, 2004]. А. В. Алексеев выделяет категорию культурной значимости слова: «Значимость лексического знака определяется не только его отношениями с другими словами, но и всеми отношениями в системе культурных знаков [Алексеев, 2014, с. 8].

Трава представляет природный «растительный» объект. Основные его синтаксические признаки выражают идею существования. Существование объекта – это вместе с тем проявление его состояния: *трава растет* (ср. *ребёнок растет*), *цветет*, *пробивается сквозь асфальт*, *трава поднялась* и др. Состояние травы изменчиво и подчиняется природному циклу. Модели со значением состояния отражают разные фазы природного объекта: *трава появляется*, *пробилась*, *она растет*, *цветёт*, *засыхает*, *пожелтела* и *пожухла*. Фазы расцвета и увядания передаются и прилагательными: *свежая трава*, *зелёная трава*, *высокая трава*, *жёлто-коричневая трава*, *увядающая трава*. Например: *Кому скажу: какой сегодня ветер, / Как зелена трава и небо сине?* (А. Тарковский); *и над маленьким холмиком, выбываясь из сил, молодая восходит трава* (А. Тарковский).

Признак объекта передаётся разными частями речи и может указывать на состояние его «здоровья»: *зеленая*, *чахлая трава*, *трава поднялась*, *густая трава*, *редящая трава*, *пересохшая*, *сухая трава*. «Зеленый» как признак травы отмечается в

качестве частотной реакции на стимул, а сама трава осознаётся как прототип зелёного цвета [Вежицкая 1996].

Локативная характеристика может называть признак актуальный: *трава торчит из снега*, *трава произрастает из могильных холмов*, *трава под окном*, *трава у дома* или вневременной *алтайские травы*.

Трава подвержена действию природных сил – ветра, дождя и т. п.: *шелестела трава*, *шумит трава* и др.

Контакты русского человека с травой достаточно многообразны. С одной стороны, трава – это объект хозяйственной деятельности человека: *кошенная / некошенная трава*. С другой стороны, это естественное, освоенное человеком пространство. Трава связана с открытыми пространствами – лугом, полем («русское поле»). Пространство травы многоцветное и «многосоставное». В этом пространстве «растворяются» все чувства человека: слуховое восприятие: *шуршала трава*, *трава пела*, *стонала*, *стрекотала*, обонятельное: *трава пахла*, зрительное: *трава блестит капельками росы*, осязательное: *трава была чуть прохладной*, *трава колет лодыжки* и др. Погруженность человека в траву дарит приятные ощущения и обычно доставляет человеку гедонистическое удовольствие, блаженство. Об особенностях восприятия природных существ см., например, [Якушевич, 2024].

Трава, как река, заливает поле, луг, и это пространство открывается человеку по-разному. Одни действия имеют хозяйственные цели: *косить траву*, *заготавливать сено* и др. Другие действия бесцельны и объясняются существованием человека в названном пространстве: *истоптанная трава*, *идти по траве*; *Они идут, приминая травы. / Они топорами облечены. / Я знаю – они, дровосеки. / Эти деревья обречены* (А. Тарковский).

Трава воспринимается и как приятный глазу эстетический объект, Человек любит полевые цветы, клевером и др., наслаждается приятными ароматами.

Оказываясь в пространстве травы, человек совершает действия на первый взгляд совершенно бесцельные: *пробежаться по траве босиком*. Такие действия могут вызывать гедонистические переживания: *мять траву*, *валяться на траве*, *упасть в траву*: *ах, как хочется в те травы упасть*. Трава воспринимается человеком как пространство освоенное, родное, контакт с которым дарует ему покой, наслаждение: *И снится нам трава у дома, зелёная, зелёная трава*. С травой у человека ассоциируется образ родной зем-

ли, образ родины. В. В. Леденёва, анализируя разные проявления концепта *земля* у М. Ю. Лермонтова, отмечает значимое содержание концепта – отражение вечного и конечного [Номинация и предикация в русском языке..., 2024]. Эти смыслы можно видеть и у травы.

С травой у человека связаны переживания детства и юности: *Я буду долго гнать велосипед. / В густых лугах его остановлю. / Нарву цветов и подарю букет / Той девушке, которую люблю* (Н. Рубцов).

Рассмотрим другие синтаксические реализации существительного *травы*. Одна из частотных синтаксических позиций – позиция локативного субъекта: *травы, на траве, в траве, по траве*.

В известной скороговорке: *На дворе травы, на траве дрова* предложения имеют разное типовое значение. В первом случае локативному субъекту приписывается предикативный признак – двор характеризуется признаком наличия травы, трава называет состояние пространственного субъекта (*На дворе растёт травы*). Во втором случае *На траве* выступает как локативный субъект, которому приписывается признак – «существование, наличие предметов в означенном пространстве».

В соответствии со значением грамматической формы *на траве* мыслится как открытое плоское пространство – пространство нахождения человека или предмета: *На траве сидели дети и шумно болели; На траве валялось тележное колесо; На траве у надломленного ствола что-то лежало*.

На траве может выступать как природный субъект состояния: *На траве появляется роса, на траве блестит травы*.

Локативная синтаксема может обозначать место действия или пространственную ориентацию: *играть на траве, вытянуться на траве, сидеть на траве, расстелить на траве, лежать на траве с книгами, сидеть на траве, обедать на траве*. Пространство травы человек воспринимает как приятное для него место, а нахождение в этом пространстве – уютное, приятное. Разные действия, производимые человеком в этом пространстве, говорят о взаимном «тяготении» человека и пространства.

В траве в приведённых примерах обозначает локативный субъект, характеризующийся своей природной жизнью: *Осклизлые грибы в сырой траве растут* (А. Тарковский). *В траве* называет внутреннее ограниченное пространство.

В траве может обозначать локативный субъект: *В траве на кладбище глухом, / С крестом без надписи, есть в городе моём / Могила тихая* (А. Тарковский).

Пространство *в траве* является пространством, объёмлющим природное, желанное, дающее приют всему живому. Например: *Весёгонск был тихой заводью, похожей на ту, какая каждый год остаётся после разлива, скромно прячется где-нибудь в траве, сонно нежится под солнышком, киснет и является желанным приютом для беззаботных лягушат* (А. Тодорский. Год с винтовкой и плугом).

Трава органично входит в русскую поэзию, эксплицируя концептуально значимые признаки и сама наполняясь поэтическими смыслами. Исследователь творчества А. Тарковского Наум Резниченко отмечает, что «именно с травы как некоего онтологического первоэлемента начинается Книга Бытия человека [Резниченко, 2014, с. 37]. Человек, как и трава, живут в соответствии с природными циклами. Каждую весну трава заново пробуждается к жизни, а осенью прекращает свою жизнь, и эти циклы перекликаются с событиями человеческой жизни. О явлении персонификации как характерной черте поэтического языка [Геймбух, 2021, с. 43].

Среди постоянных эпитетов травы отметим: *травы высокая, зелёная, сырая, шелковая, изумрудная, пахучая*.

По траве называет пространство движения человека или другого одушевленного существа и представляет директивную синтаксему [Золотова, 2006, с. 139] *птицы ходят по траве*, движение природных стихий – *капли дождя защёлкали по траве, роса рассыпается бисером по траве, золотые зайчики, бегущие по траве*.

Русская поэзия актуализует значимые смыслы синтаксем: *по траве* называет пространство, через которое пролегает значимый путь: *Я бы хотела / Уже без тела и без души / Пойти по траве к морю в полной тиши. / Я всегда собиралась пойти по траве, но надо, / Чтобы вокруг не было ни души* (М. М. Степанова. «Этой ночью душу твою возьмут от тебя...»); *Поскорей, поскорей / Выбегай из дверей / По траве босиком, / Прямо в небо пушком* (С. Я. Маршак. Радуга-дуга). Путь *по траве* соединяет здесь земное и небесное.

Пространство травы восходит к пространству небесному. *По траве босиком* связано с образом детства. *Пробежаться по траве босиком* ассоциируется с детством, с мечтой о высоком: *И по траве, нежнее плюща, / Кружась в бездумной жажде странствий / Плесну горячей песней душ / В бездонность синего пространства!; Вдыхая воздух чистый, / Я по траве росистой / Мечты мои несусь* (Ф. К. Сологуб. «Не дождь алмазный выпал...»).

Трава является частью мира привычного, включается в сюжет его жизни, трава «помечает» значимые события: *Бывало, там на Рождество / В пальто ходил я по траве / Среди лип старинных, узловатых* (С. М. Соловьев. Послание епископу Трифону: «Сказав „прости“ культурным негам...»).

Трава органично входит в пространство души человека: *Хорошо в эту лунную осень / Бродить по траве одному / И собирать на дороге колосья / В обнищавшую душу-суму* (С. Есенин «Песни, песни, о чём вы кричите?...»).

Когнитивный потенциал существительного *травы* ярко проявляется в составе сравнительных конструкций. Значимыми являются все компоненты сравнительной конструкции, где выделяются объект сравнения (то, что сравнивается), эталон, или образ сравнения (то, с чем сравнивается), компаративная константа, общий признак, объединяющий объект и эталон сравнения, показатель сравнительного отношения [Огольцева, 2019, с. 217].

Анализ сравнительных конструкций призван выявить роль центральных и периферийных признаков концепта, разнообразие объектов сравнения, привлекающих эталон *травы*, роль компаративной константы. В сравнительную конструкцию могут входить разные падежные формы. Например: *Сад исходил я года в два / И вдоль и поперек, / И что расту я, как трава, / Мне было невдомек* (А. Тарковский «Ходить меня учила мать...»).

Концепт *травы* входит в сравнение своими центральными признаками. Чаще других в качестве компаративной константы выступает глагол *расти*, передающий идею существования природного объекта. *Расту как трава* характеризует человека и реализует разные признаки: 1) существовать в соответствии со своей природной предназначенностью, естественно; 2) не получать должного воспитания. Например: *И для дочери эта близость вполне обыденна, она не чувствует тут события – просто существует в моих руках, на моей груди, как трава растёт из земли или облако парит в воздухе* (М. Эпштейн. Отцовство).

Частотны и другие глаголы, передающие идею существования: *жить просто, как трава*. В сравнении актуализован признак «без заботы и усилий человека»; *увядать, как трава* – подчиняться своей естественной природе: *Отношение к земле делит героев Есенина на тех, кто, пророс в неё, как трава, стоит «под себя коренья подбрав», кто не может от родных околиц без боли повернуть, не способен «как птица оторваться*

от земли» (Д. Московская. «О русской литературе и краеведения в эпоху культурничества и борьбы за новый быт»). Приведённый пример подтверждает мысль о глубинной связи травы и земли.

Частотны глаголы движения, передающие разные проявления состояния природного объекта: *Люди падали, как трава под косою, стелющееся как трава растение; Богомолцы полегли, как трава, поверженные ниц этим внезапным порывом* (А. Проханов. Господин Гексоген); *Во время тайфуна на Тихом океане пальмы ложатся на землю, как трава* (Л. Шварц. Дневник).

В приведённых примерах сравнение выражает положительную оценку, как и сравнение *прост, как трава*. Амбивалентным является сравнение *расти как трава*, выражающее как положительную, так и реже отрицательную оценку. Например: *Хочу я прожить без цели (как трава) или же я хочу направить свою свободу в русло, необходимое мне* (Ю. Азаров. Подозреваемый). На первый план выходит признак «существующий сам по себе, без чьих-либо усилий, не требующих затрат». Такая жизнь в глазах человека не имеет ценности.

В приведённых примерах компаративная константа называет центральные признаки концепта. Встретилось и необычное сравнение: *буду строгой, как трава*, как представляется, немотивированное.

Сравнение *как трава* встречается при объектах сравнения, называющих части тела человека. Здесь употребляются разные признаки: *кожа пересыхает, как трава; руки нежные, как трава. Копна выбеленных солнцем, взъерошенных, как трава под ногами, волос разрушает статичность позы* (Ю. Рэтхэу. Самые красивые корабли); *Разговор пришёлся на время молодой луны – Водяной выглядел юно, будто не тысячу лет ревматизм в болоте зарабатывал, волосы его блестя, как трава после дождя* (К. Краева. «Тим и Дан, или Тайна Разбитой коленки: сказочная повесть»).

Частотной в сравнительной конструкции оказывается компаративная константа *зелёный*. Эталон *как зелёная трава* входит в предметное сравнение. Например: *С узлов я кувырнулся на руки матери и уткнулся лицом в зелёный, как трава подол* (В. Н. Вещунов. Дикий селезень); *Верх был синий, как небо, а низ зелёный, как трава* (А. Раскин. Когда папа был маленьким). Сравнение актуализует признак свежести, яркости цвета, как и в следующем сравнении: *Вы, наверное, не поверите, какие у неё были глаза. Один глаз зелёный, как трава. А другой – совсем жёлтый, с ко-*

ричневыми пятнышками (И. Пивоварова. О чём думает моя голова).

Сравнение как *трава* встречается при описании состояния, чувств, способностей человека: веры, таланта и др. Например: *Но сквозь грусть-тоску, как трава, пробивалось наружу к свету, красочное удивление жизнью* (О. Павлов. Карантинские девятины, или Повесть последних дней).

Образ травы привносит признак силы, неизбежности предстоящих изменений; *Вера в пророчество прорастала в них, как трава через асфальт* (В. В. Березин «Англетер». Гостиница «Англетер»); *упрямый дух вольнолюбия десятков тысяч поющих у костров, песенный «социализм на зеленой горе» упрямо пробивался через официально утвержденную тематику конкурсов, как трава через асфальт* (А. Городницкий «И жить еще надежде»).

Сравнение как *трава* привлекаются для пояснения отвлечённых понятий: *Элементы контрициклической бюджетной политики всё-таки пробиваются в жизнь, как трава сквозь асфальт* (Первый шок от кризиса позади); *Глобализация прорастает сквозь ткань существующих обществ, как трава сквозь асфальт* (Н. Покровский. В зеркале глобализации).

Центральный признак концепта *зелёный* привлекается для представления темы творчества. В стихотворении «Главная песенка» Б. Окуджавы с травой ассоциируется созидание и творчество: *«Она (песня) ещё очень неспелая, она зелена, как трава»* [Окуджава, 2007, с 68].

В качестве компаративных констант встречаются и другие центральные признаки концепта: например, *расти*: *И однажды на рассвете две долгожданные строчки, простенькие, как трава, вдруг произросли* (А. Сурикова. Любовь со второго взгляда). Встречаются и признаки периферийные: *простой, блестеть*: *А слова были простые, как трава, но не шли на ум* (Ю. Нагибин. В дождь); *Всё сверкает поэзией, как трава от росы* (К. Г. Паустовский. Золотая роза). Взаимопроникновение мира человека и мира природы – «отождествление ментальных и физических свойств человека с природой» [Якушевич, 2021, с. 74] составляет суть поэзии, на что, например, обращает внимание и О. Ю. Казмирчук, анализируя ряд стихотворений Б. Л. Пастернака [Казмирчук, 2024].

Другие локативные формы как *на траве*, как *в траве*, как *по траве* встречаются достаточно редко. Например: *Он присел перед девочкой на корточки и потонул среди детей, как в траве* (Р. И.

Фраерман. Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви). В сравнении оказывается актуализован признак «нахождение в пространстве».

Сравнения с другими показателями сравнения достаточно редки.

Концепт *листья* имеет много общего с концептом *травы*.

Пространством *листья* является не только земля, являющаяся её последним пристанищем, но и воздух: *И в небеса / взовьётся белый дым змей / и, словно по законам волшебства, мы пролетим над тёплой землёй / в обнимку / как кленовая листва* [Окуджава. Подмосковье]. *Листва*, как *травы*, каждую осень прекращает свою жизнь и с каждой весной возрождается.

Состояние *листья* отражается в её цветовой гамме, меняющейся в зависимости от времени года: *зелёная, золотая, багряная, чахлая* и др. *листва*.

Листва, как и *травы*, шумит, шелестит от ветра и дождя, Разноцветье радует глаз и является объектом созерцания человека.

Естественное состояние *листья* – *лететь, облетать, падать на землю* (*Закружилась листва золотая / В розовой воде на пруду* (С. Есенин).

Состояние *листья* передаётся глаголами *лететь, колебаться, падать, шуметь, шелестеть, зеленеть, краснеть, лететь, осыпаться* и др.

Листва привносит в поэзию идею полёта, устремленности в небеса.

Сравнения с *листвой* достаточно редки. НКРЯ даёт единичные примеры. Такие сравнения выражают идею движения. Например: *И полетели перышки с крыши, как листва по осени* (А. Г. Асмолов. Дом с орлом); *С неё слетали, как листва по осени, тонкие тряпки одежды* (А. Григорович. Пыльная буря).

Другой значимый признак, относящийся к центральным признакам концепта *листва*, как и у *травы*, смена природных циклов. Например: *Казалось уже, что история, начавшаяся весной, осенью закончится с неизбежностью смен сезона: чувства пожухнут, как листва на деревьях* (А. Белозеров. Люди до востребования).

Заключение

Итак, анализ синтаксических реализаций концептов *травы* и *листва* позволил увидеть как их общность, выражающуюся в виде существования, так и некоторые различия. *Травы* оказываются человеку более близкой, она входит в естественное пространство его существования. *Травы*, как и *земля*, соединяет два мира – мир человека и мира природы. *Травы* дарует человеку чувство покоя,

блаженства, она погружает его в самые приятные состояния. Трава воскрешает в памяти человека образ детства и юности.

Более богатыми являются и синтаксические реализации травы, нежели листвы. Человек чувствует траву всеми своими чувствами. Отличается и сравнительный потенциал концептов. Существительное *трав* организует сравнительные конструкции как на основе центральных признаков концепта, так и периферийных. Сравнительные возможности образа листвы существенно беднее. Отдельные сравнительные конструкции создаются на основании центральных признаков концепта.

Библиографический список

1. Алексеев А. В. Культурная значимость слова как категория исторической лексикологии // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филологическое образование. 2014. № 1 (12). С. 8–14.
2. Вежбицкая А. Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. Москва, 1996. С. 231–290.
3. Воркачев С. Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 115–124.
4. Геймбух Е. Ю., Гордеева О. М. Специфика диалогов в лирике И. А. Бунина (на материале стихотворений «Листопад», «Ковсень», «Нищий») // История и современность филологических наук. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. Московский городской педагогический университет. Москва, 2021. С. 42–46.
5. Девятова Н. М. Природные объекты в пространстве русского синтаксиса: реки, моря и океаны // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4 (52). С. 94–103.
6. Девятова Н. М. Природный мир в пространстве русского синтаксиса: существительное «цветок» и его производные // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре. Коллективная монография. Москва, 2024. С. 358–365.
7. Жизнь животных в зеркальных отражениях: литература – культура – язык. Коллективная монография / отв. ред. А. И. Смирнова. Москва : Книгодел; МГПУ, 2023. 548 с.
8. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. 3-е изд. стереотип. Москва : Едиториал УРСС. 2006. 440 с.
9. Казмирчук О. Ю. Мир человека и мир природы в художественном универсуме стихотворения Б. Л. Пастернака «На пароходе» // Среда. Культура. Текст. Сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 122–128.
10. Казмирчук О. Ю. Стихотворение Б. Л. Пастернака «Март» в контексте «Живаговского» цикла // Вестник Калужского университета. Серия 2. Исследования по филологии. 2023. № 1 (7). С. 47–53.
11. Карасик В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке. Сборник материалов Международной научно-практической конференции (Международного научного форума), посвящённой 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань, 2024. С. 183–188.
12. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 23.01.2025)
13. Номинация и предикация в современном русском языке: коллективная монография / ред. кол. Т. Е. Шаповалова (отв. ред.), Н. А. Герасименко. Москва : ГУП, 2024. 204 с.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. 23-е изд. Русский язык. 1991. 917 с.
15. Огольцева Е. В. Компаративное гнездо как система грамматических модификаций образа сравнения // Вестник Нижегородского университета им. Н. М. Лобачевского. 2019. № 3. С. 217–225.
16. Резниченко Н. «От земли до высокой звезды»: Мифопоэтика Арсения Тарковского. Нежин – Киев : Издатель Н. М. Лысенко, 2014. 272 с.
17. Смирнова А. И. Природный мир в художественной литературе и культуре как предмет междисциплинарного исследования // Литературоведческие стратегии и практики XXI века. Подготовка диссертационного исследования : учебно-методическое пособие для аспирантов. Москва, 2023. С. 80–94.
18. Солоухин В. А. Трава. Москва : Современник. 1986. 53 с.
19. Тарасова И. А., Семейн Л. Ю. Трава versus grass: природа или культура как единица национальной концептосферы. Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2004. С. 294–304.
20. Якушев И. В. Лингвопроксемика и музыкальное мироощущение в образах шахматовской сирени // «Язык цветов» и цветы в языке, литературе и культуре. Смирнова А. И., Алексеев А. В., Гаврилина О. В., Матвеева И. И., Райкова И. Н. : коллективная монография. Москва : Зерцало, 2024. С. 337–385.
21. Якушев И. В. Языковая организация мифологического двоемрия в стихотворении Б. Пастернака «Ветер» // Русский язык в школе. 2021. Т. 82. № 5. С. 74–79.

Reference list

1. Alekseev A. V. Kul'turnaja znachimost' slova kak kategorija istoricheskoy leksikologii = Cultural significance of word as a category of historical lexicology // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologicheskoe obrazovanie. 2014. № 1 (12). S. 8–14.

2. Vezhbickaja A. Oboznachenie cveta i universalii zritel'nogo vosprijatija = Denoting color and visual perception universals // Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie. Moskva, 1996. S. 231–290.
3. Vorkachev S. G. Bezrazlichie kak jetnosemanticheskaja harakteristika lichnosti: opyt sopostavitel'noj paremiologii = Indifference as an ethnosemantic characteristic of personality: experience of comparative paremiology // Voprosy jazykoznanija. 1997. № 4. S. 115–124.
4. Gejmbuh E. Ju., Gordeeva O. M. Specifika dialogov v lirike I. A. Bunina (na materiale stihotvorenij «Listopad», «Kovser», «Nishhij» = Dialogue specificity in I. A. Bunin's poetry (on the poems «Leaf Fall», «Kovser», «Beggar») // Istorija i sovremennost' filologicheskikh nauk. Sbornik nauchnykh statej po materialam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskovskij gorodskoj pedagogicheskij universitet. Moskva, 2021. S. 42–46.
5. Devjatova N. M. Prirodnye ob#ekty v prostranstve russkogo sintaksisa: reki, morja i okeany = Natural objects in the space of Russian syntax: rivers, seas and oceans // Vestnik MGPU. Serija «Filologija. Teorija jazyka. Jazykovoe obrazovanie. 2023. № 4 (52). S. 94–103.
6. Devjatova N. M. Prirodnyj mir v prostranstve russkogo sintaksisa: sushhestvitel'noe «cvetok» i ego proizvodnye = The natural world in the space of Russian syntax: the noun «flower» and its derivatives // «Jazyk cvetov» i cvety v jazyke, literature i kul'ture. Kollektivnaja monografija. Moskva, 2024. S. 358–365.
7. Zhizn' zhivotnyh v zerkal'nyh otrazhenijah: literatura – kul'tura – jazyk = Animal life in mirror reflections: literature – culture – language : kollektivnaja monografija / otv. red. A. I. Smirnova. Moskva : Knigodel; MGPU, 2023. 548 s.
8. Zolotova G. A. Sintaksicheskij slovar': repertuar jelementarnykh edinic russkogo jazyka = The Syntax Dictionary: a repertoire of the Russian language elementary units. 3-e izd. stereotip. Moskva : Editorial URSS. 2006. 440 s.
9. Kazmirchuk O. Ju. Mir cheloveka i mir prirody v hudozhestvennom universume stihotvorenija B. L. Pasternaka «Na parohode» = The human world and the natural world in the artistic universe of B. L. Pasternak's poem «On a Steamboat» // Sreda. Kul'tura. Tekst. Sbornik materialov II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii. Nizhnij Novgorod, 2024. S. 122–128.
10. Kazmirchuk O. Ju. Stihotvorenie B. L. Pasternaka «Mart» v kontekste «Zhivagovskogo» cikla = B. L. Pasternak's poem «March» in the context of the «Zhivago» cycle // Vestnik Kaluzhskogo universiteta. Serija 2. Issledovaniya po filologii. 2023. № 1 (7). S. 47–53.
11. Karasik V. I. Cennostnaja kartina mira kak ob#ekt aksiologicheskoi lingvistiki = Value picture of the world as an object of axiological linguistics // Jazyki, literatury i kul'tury narodov Rossii v sovremennoj akademicheskoi nauke. Sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii (Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma), posvjashhionnoj 85-letiju sozdanija Instituta jazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan. Kazan', 2024. S. 183–188.
12. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashhenija: 23.01.2025)
13. Nominacija i predikacija v sovremennom russkom jazyke = Nomination and predication in the modern Russian language : kollektivnaja monografija / red. kol. T. E. Shapovalova (otv. red.), N. A. Gerasimenko. Moskva : GUP, 2024. 204 s.
14. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka: 70000 slov = Dictionary of the Russian language: 70000 words / pod red. N. Ju. Shvedovoj. 23-e izd. Russkij jazyk. 1991. 917 s.
15. Ogol'ceva E. V. Komparativnoe gnezdo kak sistema grammaticheskikh modifikacij obraza sravnenija = Comparative nest as a system of grammatical modifications in the image of comparison // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.M. Lobachevskogo. 2019. № 3. S. 217–225.
16. Reznichenko N. «Ot zemli do vysokoi zvezdy»: Mifopojetika Arsenija Tarkovskogo = «From the Earth to the High Star»: Arseny Tarkovsky's mythopoeitics. Nezhin – Kiev : Izdatel' N.M. Lysenko, 2014. 272 s.
17. Smirnova A. I. Prirodnyj mir v hudozhestvennoj literature i kul'ture kak predmet mezhdisciplinarnogo issledovaniya = The natural world in fiction and culture as a subject of interdisciplinary research // Literaturovedcheskie strategii i praktiki HHI veka. Podgotovka dissertacionnogo issledovaniya : uchebno-metodicheskoe posobie dlja aspirantov. Moskva, 2023. S. 80–94.
18. Solouhin V. A. Trava = Grass. Moskva : Sovremennik. 1986. 53 s.
19. Tarasova I. A., Semejn L. Ju. Trava versusgrass: priroda ili kul'tura kak edinica nacional'noj konceptosfery = Trava versus grass: nature or culture as a unit of the national conceptual sphere // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2004. S. 294–304.
20. Jakushevich I. V. Lingvoproksemika i muzykal'noe mirooshhunenie v obrazah shahmatovskoi sireni = Linguoproxemics and musical worldview in the images of Shakhmatov's lilacs // «Jazyk cvetov» i cvety v jazyke, literature i kul'ture. Smirnova A. I., Alekseev A. V., Gavrulina O. V., Matveeva I. I., Rajkova I. N. : kollektivnaja monografija. Moskva : Zercalo, 2024. S. 337–385.
21. Jakushevich I. V. Jazykovaja organizacija mifologicheskogo dvoemirija v stihotvorenii B. Pasternaka «Vet-er» = Linguistic organization of mythological duel world in B. Pasternak's poem «The Wind» // Russkij jazyk v shkole. 2021. T. 82. № 5. S. 74–79.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 21.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 21.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья
УДК 811.161.1'373.211
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-95
EDN: IBLGDQ

Меморативы в честь участников и событий военных конфликтов в системах урбанонимов Российской Федерации

Роман Викторович Разумов

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Аннотация. Цель статьи – выявление особенностей развития группы меморативов, увековечивающих память об участниках и событиях военных конфликтов. Материалом для исследования послужили названия внутригородских объектов, созданные в населенных пунктах Российской Федерации, сведения об их частотности в Центральном федеральном округе, а также данные о времени возникновения названий, извлеченные из топонимических справочников и путеводителей по различным городам страны, публикаций СМИ и интернет-ресурсов. Автор отмечает, что в Российской Федерации представлены четыре группы военных меморативов: персональные меморативы, коллективные меморативы, меморативы в честь советских вооруженных сил, отдельных родов войск и воинских подразделений и меморативы в честь событий. Наиболее распространенными являются персональные меморативы, которые созданы во многих городах нашей страны. Автор отмечает, что среди них преобладают урбанонимы, увековечивающие память о местных героях, тем самым подобные они способствуют формированию у горожан региональной идентичности. В статье приведены списки наиболее частотных названий, зафиксированные в городах Центрального федерального округа. Автор прослеживает историю данного вида урбанонимов в Российской Федерации, выделяет основные этапы его развития с дореволюционной эпохи до настоящего времени. Материалы статьи показывают, что в современной русской урбанонимии нашли отражение участники и события дореволюционных военных конфликтов, Гражданской войны, Великой Отечественной войны, Афганской войны, Чеченских войн, а также Специальной военной операции. Материалы исследования могут помочь в понимании специфики развития типа названий-посвящений.

Ключевые слова: городское онимическое пространство; топонимика; урбаноним; годоним; агороним; меморатив; военный конфликт

Для цитирования: Разумов Р. В. Меморативы в честь участников и событий военных конфликтов в системах урбанонимов Российской Федерации // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 95–104. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-95>. <https://elibrary.ru/IBLGDQ>

Original article

Commemoratives in honor of military conflict participants and events in the systems of the Russian Federation urbanonyms

Roman V. Razumov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
rvrazumov@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Abstract. The article aims to highlight the specific development of some commemoratives that honor the memory of the military conflict participants and events. The material for the study is the names of inner-city objects created in the Russian Federation towns/cities, the data on their frequency in the Central federal district, as well as the data on when the names appeared, extracted from toponymic directories and guides to various cities/towns of the country, from media publications and Internet resources. The author notes that the Russian Federation has four groups of war commemoratives: personal, collective, in honor of the soviet armed forces, certain branches of the armed forces and military units, and memorials in honor of events. The most common are personal commemoratives, which are created in

many places across the country. The author notes that the most common among them are urbanonyms commemorating local heroes, thus contributing to the formation of regional identity among the citizens. The article contains lists of the most frequent names found in the cities of the Central federal district. The author traces the history of this urbanonym type in the Russian Federation and describes the main stages of its development from the pre-revolutionary time to the present. The article shows that modern russian urbanonymy reflects the participants and events of pre-revolutionary military conflicts, the Civil War, the Great Patriotic War, the Afghan and Chechen wars, as well as the Special Military Operation. The results of the study can help to understand the specifics of how dedication naming develop.

Key words: urban onymic space; toponymy; urbanonym; hodonym; agoronym; commemorative; military conflict

For citation: Razumov R. V. Commemoratives in honor of military conflict participants and events in the systems of the Russian Federation urbanonyms. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):95–104. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-95>. <https://elibrary.ru/IBLGDQ>

Введение

На протяжении долгого периода времени создание и развитие систем урбанонимов российских городов происходило естественным путем: новые названия появлялись в повседневной речи и лишь затем фиксировались на картах и планах населенных пунктов. В правление Екатерины II произошел переход от хаотичной бессистемной застройки поселений к четкому линейному планированию их территории, закреплению улиц, проспектов, бульваров, переулков, площадей и других подобных объектов в качестве основных элементов членения пространства. Все это постепенно привело к осознанию необходимости периодического упорядочения номинативных систем городов, переходу к искусственному созданию названий, началу выработки единых принципов именования объектов. Закономерным итогом развития этого процесса стало возникновение во второй половине XIX века меморативов – мемориальных городских топонимов, под которыми понимается «имя, данное в память о человеке, событии, месте, реке, организации» [Подольская, 1988, с. 119]. Первые подобные урбанонимы появились в столице – в Санкт-Петербурге, а затем постепенно распространились и в провинциальных городах [Разумов, 2022, с. 240–242]. Окончательное закрепление меморативов в качестве важного средства увековечивания памяти о человеке и историческом событии произошло в советский период истории страны, когда разнообразные топонимы-посвящения стали составлять значительный процент новых названий.

Настоящая статья продолжает цикл наших публикаций об особенностях названий-посвящений, увековечивающих память о каком-либо известном лице или событии. В качестве материала для анализа нами взяты меморативы, созданные в честь участников и событий военных конфликтов. В процессе исследования мы

привлекли данные электронной картотеки «Урбанонимия Центральной России», составленной на основе материалов, извлеченных из различных источников: Федеральной информационной адресной системы [ФИАС] и базы почтовых индексов [Почтовые индексы России], путеводителей и историко-топонимических словарей, реестров наименований внутригородских объектов, муниципальных правовых актов о наименовании и переименовании объектов, найденных в Электронном фонде нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» [Электронный фонд]. При сборе урбанонимов для анализа нами использованы публикации средств массовой информации, содержащих данные о наименовании или переименовании объектов в различных городах Российской Федерации. При упоминании названий в тексте статьи мы используем топографический термин *улица* как наиболее универсальный для российской городской топонимии [Разумов, 2010]. Во избежание путаницы при указании места создания того или иного урбанонима приводится современное название города.

Анализ данных Научной электронной библиотеки [НЭБ] показывает, что ученые неоднократно обращались к исследованию меморативов в честь участников и событий различных военных конфликтов. Основной пласт публикаций содержит анализ названий, увековечивающих героев и события Великой Отечественной войны в каком-либо одном городе: Великом Новгороде [Орлова, 2023], Витебске [Прищепа, 2021; Прищепа, 2022], Волгограде [Буянов, 2020], Краснодаре [Муляр, 2018], Улан-Удэ [Пушкарева, 2021], Уфе [Шагапова, 2021; Шагапова, 2022] или нескольких регионах [Попов, 2020а; Попов, 2020б]. Лишь отдельные работы посвящены исследованию военных меморативов в целом, правда, они также основаны на материале лишь одного населенного пункта: Москвы [Родина,

2021a], Омска [Фесенко, 2024] и Санкт-Петербурга [Родина 2021б]. В настоящей публикации мы намерены обобщить собственные наблюдения по данному вопросу, а также найденные в интернете исследования коллег и представить состав этого типа урбанонимов, особенности его эволюции с дореволюционных времен вплоть до настоящего времени.

Основные типы урбанонимов, созданных в честь участников и событий военных конфликтов

В настоящее время в урбанонимии Российской Федерации представлены четыре разновидности урбанонимов, увековечивающих участников и события военных конфликтов: персональные меморативы, коллективные меморативы, меморативы в честь советских вооруженных сил, отдельных родов войск и воинских подразделений, меморативы в честь событий.

Основной пласт военной урбанонимии Российской Федерации составляют **персональные меморативы**, увековечивающие память о конкретном историческом лице, принимавшем участие в одном из военных конфликтов. Отличительной чертой данного типа названий является отсутствие в нем большого количества частотных онимов, одновременно представленных во многих городах нашей страны. Анализ урбанонимов, зафиксированных в Центральном федеральном округе (далее – ЦФО), показал, что лишь один оним – *улица Чапаева* – отмечен более чем в половине населенных пунктов округа, его показатель коэффициента относительной распространенности урбанонима (далее – КОРУ) [см.: Разумов, 2022, с. 274] равен 0,52. Все прочие персональные меморативы представлены менее чем в половине населенных пунктов ЦФО, их показатели значительно ниже. В первую десятку названий-посвящений в честь участников военных конфликтов вошли также следующие онимы: *улица Фрунзе* (КОРУ – 0,44), *улица Матросова / Александра Матросова* (КОРУ – 0,33), *улица Суворова* (КОРУ – 0,30), *улица Кутузова* (КОРУ – 0,26), *улица Котовского* (КОРУ – 0,22), *улица Космодемьянской / Зои Космодемьянской* (КОРУ – 0,20), *улица Щорса* (КОРУ – 0,20), *улица Гастелло* (КОРУ – 0,14), *улица Кошова / Олега Кошова* (КОРУ – 0,13). Высокая распространенность первых двух топонимов – *улица Чапаева* и *улица Фрунзе* – обусловлена тем, что они были единственными онимами рассматрива-

емого типа, которые стали активно создаваться уже в 1920-е гг.

Группа персональных меморативов в честь участников военных конфликтов отличается по особенностям своего развития от других урбанонимов-посвящений. Причинами столь низких показателей распространенности подобных названий стали несколько факторов.

Во-первых, почти все перечисленные названия стали возникать во второй половине XX века, когда русская урбанонимия стала ориентироваться на отражение региональной картины мира. Это привело к нетипичному соотношению названий, относимых к общероссийскому (федеральному) и региональному пластам. Первые урбанонимы стабильно встречаются в различных регионах нашей страны, а вторые представлены лишь в одном или двух близких по расположению регионах. Если в других типах персональных меморативов общероссийский пласт названий всегда преобладает над региональным, то среди рассматриваемых онимов мы наблюдаем иную картину. Так, среди урбанонимов, увековечивающих героев Великой Отечественной войны, к региональному пласту в Рыбинске относится 15 (62,5 %), в Ярославле – 21 (77,8 %), в Костроме – 6 (100 %), в Твери – 27 (72,9 %) топонимов. Аналогичную картину мы наблюдаем и в онимических системах других городов.

Во-вторых, во второй половине XX века изменился подход к созданию персональных меморативов: они стали присваиваться исключительно посмертно. По этой причине показатели распространенности урбанонимов, увековечивающих героев, погибших во время Великой Отечественной войны, выше, чем у названий, созданных в честь тех, кто умер после ее окончания. Так, показатель КОРУ у наиболее распространенного меморатива данного типа *улица Матросова / Александра Матросова* равен 0,33, у урбанонима *улица Космодемьянской / Зои Космодемьянской* – 0,2, *улица Гастелло / Николая Гастелло / Капитана Гастелло* – 0,14, *улица Кошова / Олега Кошова* – 0,13, *улица Чайкиной / Лизы Чайкиной* – 0,12, *улица Ватутина* – 0,12, в то время как у онима *улица Маршала Жукова* он составляет всего 0,09, онима *улица Жукова* – 0,08, онима *улица Рокоссовского* – 0,03, онима *улица Маресьева* – 0,01.

Вторую разновидность среди военных урбанонимов составили **коллективные посвящения**. Как и в подтипе персональных посвящений, мы не встречаем здесь названий, получивших широ-

кое распространение: онимы, занявшие первые места, представлены менее чем в 50 процентах населенных пунктов ЦФО. Так, меморатив *Партизанская улица* имеет показатель КОРУ 0,11, *улица Танкистов* – 0,04, *улица Красных Партизан* – 0,04, *Офицерская улица* – 0,03, *Молодогвардейская улица* – 0,03, *улица Ветеранов* – 0,02, *улица Воинов-интернационалистов* – 0,02, *улица Молодогвардейцев* – 0,02, *Солдатская улица* – 0,02.

Самый частотный урбаноним данной группы – *Партизанская улица* – создавался как в 1920–1930-е гг., так и в 1940–1980-е гг., что, как видим, никак не отразилось на его распространности в городах ЦФО. В первый период создания он увековечивал участников Гражданской войны, а во второй – Великой Отечественной войны. Установить точную мотивировку названия возможно лишь в тех городах, где известна дата создания топонима. Так, в Астрахани (1936), Барнауле (1927), Казани (1927), Кемерове (1930-е), Самаре (1920-е) Челябинске (1937) урбаноним увековечивает участников Гражданской войны, а в Великом Новгороде (1946), Липецке (1957), Москве (1962), Орле (1950), Пскове (1958), Санкт-Петербурге (1965), Томске (1960) – Великой Отечественной войны.

Третью группу названий составили **меморативы в честь советских вооруженных сил, отдельных родов войск и воинских подразделений**. В данной разновидности военных урбанонимов зафиксирован один оним, представленный более чем в половине населенных пунктов ЦФО: название *Красноармейская улица* имеет показатель КОРУ равный 0,60. В первую пятерку распространенных меморативов рассматриваемой группы вошли следующие топонимы: *Краснофлотская улица* (КОРУ – 0,11), *Красногвардейская улица* (КОРУ – 0,08), *улица Красной Армии* (КОРУ – 0,03), *улица Советской Армии* (КОРУ – 0,03), *улица Осоавиахима* (КОРУ – 0,02). Как видим, большинство частотных названий данной группы увековечивали вооруженные силы СССР в целом.

Все остальные меморативы рассматриваемой группы названий представлены значительно реже, поскольку большинство подобных топонимов встречаются лишь в одном или двух городах, так как увековечивают региональные страницы истории Великой Отечественной войны. Подобные онимы содержат наименования частей и подразделений, принимавших участие в освобождении конкретного региона или насе-

ленного пункта. Так, в городах Воронежской области представлены следующие подобные меморативы: *улица 100 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица 107 Стрелковой Дивизии* (Острогожск), *улица 121 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица 129 Стрелковой Бригады* (Острогожск), *улица 180 Стрелковой Дивизии* (Россошь), *улица 19 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица и переулок 2 Воздушной Армии* (Семилуки), *улица 206 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица 217 Стрелковой Дивизии* (Борисоглебск, Новохоперск), *улица 219 Стрелковой Идрицкой дивизии* (Лиски), *улица 232 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица 303 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица 41 Пограничного Полка* (Воронеж), *улица 45 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица 5 Танковой Армии* (Воронеж), *улица 6 Стрелковой Дивизии* (Воронеж), *улица 60 Армии* (Воронеж). Все указанные воинские соединения принимали участие в боевых действиях на территории региона во время Великой Отечественной войны.

Наконец, четвертую разновидность рассматриваемого типа названий составили **меморативы, увековечивающие события**. Как и в предыдущих группах, высокую распространенность имеет лишь один урбаноним – *улица Победы* (КОРУ – 0,46). Следует отметить, что определить его точную мотивировку возможно лишь при наличии точной даты возникновения названия, поскольку он мог увековечивать не только победу в военном конфликте, но и другие исторические события. Так, победа Революции 1917 года увековечивалась урбанонимами, созданными в течение 1920–1930-х гг. в Астрахани (1920), Ярославле (1924), Пензе (1927), Нарьян-Маре (1935), Рыбинске (1937), Челябинске (1937). Как видим, в этот период он встречался сравнительно редко. В 1940–2000-е гг. в российских городах резко возрастает частотность присвоения рассматриваемого названия, что было связано с увековечиванием победы нашего народа в Великой Отечественной войне. В указанный период топоним появился в Великих Луках (1946), Калининграде (1946), Архангельске (1948), Волгограде (1948), Самаре (1949), Иванове (1951), Кемерове (1954), Санкт-Петербурге (1954), Элисте (1956), Томске (1960), Санкт-Петербурге (1962), Владимире (1965), Краснодаре (1965), Липецке (1965), Пскове (1965), Улан-Удэ (1965), Владикавказе (1968), Твери (1970), Воронеже (1974), Братске (1975), Казани (1975), Москве (1975), Пензе (1975), Оренбурге (1976), Твери (1976), Барнауле (1981), Орле (1982), Кирове (1995), Элисте

(2005), Рязани (2006), Курске (2010). Следует отметить, что и во второй половине XX века урбанонимы *улица Победы* могли увековечивать события Революции 1917 г. Так, в Рязани в 1967 г. в честь 50-летнего юбилея октябрьского вооруженного восстания появился урбаноним *площадь Победы* [Улицы Рязани, 2018]. По этой причине мы можем лишь утверждать, что мотив увековечивания победы в Великой Отечественной войне являлся преобладающим в 1950–1980-е гг., однако могли существовать и другие причины создания подобных названий.

Все остальные меморативы, увековечивающие события, имеют меньшую распространенность: показатель КОРУ топонима *улица 9 Мая* равен 0,12, *Оборонная улица* – 0,04, *улица Освобождения* – 0,02. Другие названия данной группы представлены лишь в одном или двух населенных пунктах. Как правило, подобные урбанонимы увековечивали даты освобождения этих городов: *улица / переулок 23 Сентября* (Починок; Унеча); *улица 25 Сентября* (Клинцы; Смоленск); *улица 3 Сентября* (Липецк; Поворино); *улица / переулок / проезд 17 Сентября* (Брянск, Жуковка, Сельцо); *улица / переулок 5 Августа* (Белгород, Орел, Строитель), *бульвар 1 Салюта* (Белгород), *улица 19 Января* (Верея), *улица 20 Января* (Можайск), *улица 25 Января* (Воронеж), *улица 20 Июля* (Мценск), *улица 29 Июля* (Болхов), *переулок 27 Августа* (Севск), *улица 7 Сентября* (Брянск), *улица 9 Сентября* (Людиново), *улица 29 Сентября* (Рудня), *улица 9 Декабря* (Елец), *улица 14 Декабря* (Узловая), *улица 25 Декабря* (Ливны).

Таким образом, анализ состава четырех разновидностей меморативов, увековечивающих участников и события военных конфликтов, показывает, что большинство созданных названий не имели высокой распространенности в ЦФО, что, возможно, обусловлено ориентацией послевоенной урбанонимии на отражение региональных особенностей городов.

Хронология появления урбанонимов, созданных в честь участников и событий военных конфликтов

Первые урбанонимы, увековечивавшие участников военных конфликтов, появились в **дореволюционный период** истории Российской Федерации. Следует отметить, что в эту эпоху они не были массовыми и широко распространенными: нам удалось зафиксировать появление лишь двух названий. Первый урбаноним, со-

зданный во многих городах нашей страны, – *Скобелевская улица / проспект / площадь* (Бобруйск; Курган; Минск, 1882; Москва, 1912; Ростов-на-Дону; Санкт-Петербург, 1886 (проспект), 1915 (улица); Саратов; Харьков, 1886; Челябинск) увековечивал память о М. Д. Скобелеве. Второй – *Суворовская улица* – был представлен значительно реже (Санкт-Петербург, 1823 (площадь); Санкт-Петербург, 1900 (проспект); Тула, 1900; Курск, 1901), он был создан в память о генералиссимусе А. В. Суворове. Возможно, в российских городах до революции существовали и другие меморативы в честь военных, однако найти материалы об этом нам, к сожалению, в настоящее время не удалось.

После Революции 1917 года немногочисленные дореволюционные меморативы в честь военных практически все были ликвидированы новой властью, поскольку не соответствовали победившей идеологии: герои войн рассматривались как пособники царского режима. Показательно, что в Постановлении «Об утверждении списка памятников великим людям», принятом 30 июля 1918 года, герои военной истории России полностью отсутствуют, в нем упоминаются следующие группы персоналий: революционеры и общественные деятели, писатели и поэты, философы и ученые, художники, композиторы, артисты [Декреты, т. 3, 1964, с. 118–119]. Это предопределило отсутствие случаев создания меморативов в честь военных в первые годы советской власти.

Первыми в советскую эпоху страны стали создаваться урбанонимы в честь Рабоче-крестьянской Красной армии – основной защитницы нового строя. Пик создания меморатива *Красноармейская улица* приходится на 1920-е гг.: в этот период он был создан в Воронеже (1918), Костроме (1918), Рыбинске (1918), Самаре (1918), Тамбове (1918), Туле (1918), Екатеринбурге (1919), Торжке (1919), Барнауле (1920-е), Великом Новгороде (1920-е), Пензе (1920-е), Архангельске (1920), Краснодаре (1920), Перми (1920), Челябинске (1920), Иванове (1922), Москве (1922), Владимире (1923), Пскове (1923), Санкт-Петербурге (1923), Астрахани (1924), Оренбурге (1926), Кирове (1927), Орле (1929), Томске (1929). Уже в 1930–1940-е гг. его доля среди новых названий заметно снижается: в эти два десятилетия меморатив появился в Курске (1930-е), Махачкале (1931), Ярославле (1931), Калязине (1935), Кемерове (1938), Великом Новгороде (1945), Кемерове (1945), Рязани (1946).

Во второй половине XX века подобные топонимы возникали редко, они были созданы в Казани (1966), Туле (1973), Астрахани (1975) Орле (1983).

В начале советского периода истории страны в российских городах стали создаваться и меморативы, увековечивающие память об участниках Гражданской войны. К числу наиболее распространенных названий данного типа мы можем отнести урбанонимы *улица Чапаева*, *улица Фрунзе*, *улица Котовского*, *улица Щорса*, *улица Буденного*. Подобные меморативы активно создавались в течение 1920–1930-х гг., после чего они постепенно перестали присваиваться в городах. Так, в течение 1920-х гг. урбаноним *улица Фрунзе* появился в Костроме (1920-е), Владимире (1925), Липецке (1925), Самаре (1925), Саратове (1925), Москве (1926), Оренбурге (1926), Томске (1926), Барнауле (1927), Иванове (1927), Казани (1927), Воронеже (1928), Рязани (1928), Туле (1928), Рыбинске (1929), в 1930-е гг. — в Курске (1930), Нижнем Новгороде (1934), Екатеринбурге (1937), Астрахани (1938), Кемерове (1938), Перми (1938), Краснодаре (1939), в 1940-е гг. — в Калязине (1940). Во второй половине XX века его частотность заметно снизилась: в 1950-е гг. он был создан в Санкт-Петербурге (1955), Тамбове (1957), Архангельске (1958), Кирове (1958), Орле (1958), в 1960-е гг. — в Пскове (1964), Лениногорске (1968). Аналогичную картину мы наблюдаем и при создании в российских городах урбанонима *улица Чапаева*. В 1920-е гг. он был образован всего в трех городах: Туле (1922), Самаре (1924) и Рязани (1928), но уже в 1930–1940-е гг. его частотность заметно выросла: он появился в Костроме (1930-е), Твери (1930-е), Саратове (1930-е), Москве (1931), Самаре (1932), Рыбинске (1935), Астрахани (1936), Воронеже (1936), Екатеринбурге (1937), Иванове (1937), Ижевске (1937), Кемерове (1937), Пензе (1937), Орле (1938), Краснодаре (1939), Перми (1940), Владимире (1941), Архангельске (1948), Оренбурге (1948), Великих Луках (1949), Челябинске (1949). Во второй половине XX века новые названия практически перестают создаваться: в этот период урбанонимы появились в Барнауле (1951), Санкт-Петербурге (1952), Томске (1956), Ижевске (1958), Липецке (1958), Пскове (1958), Тамбове (1961), Элисте (1963), Рязани (1964), Торжке (1964), Кирове (1968), Астрахани (1975).

Во второй половине 1930-х гг. происходит переосмысление отношения власти к дореволюционной истории страны, стало возможным го-

ворить об исторических личностях, принесших славу русскому оружию в военных конфликтах. Все это отразилось и на городах, в которых стали создаваться урбанонимы, созданные в честь известных военачальников. Анализ состава персональных меморативов в честь военных позволил выделить пять наиболее распространенных в населенных пунктах названий: *улица Суворова*, *улица Кутузова*, *улица Нахимова*, *улица Невского / Александра Невского* и *улица Ушакова*. Активное создание подобных названий приходится на конец 1930-х — 1960-е гг., далее они становятся единичными. Так, урбаноним *улица Суворова* в 1930-е гг. был создан в Орле (1938), в 1940-е гг. — в Хабаровске (1940-е), Санкт-Петербурге (1944; в этот год произошло восстановление дореволюционного топонима), Великом Новгороде (1946), Липецке (1946), в 1950–1960-е гг. — в Воронеже (1950-е), Иванове (1950), Калуге (1950), Москве (1950), Севастополе (1950), Астрахани (1957), Торжке (1957), Барнауле (1962). Аналогичную картину мы наблюдаем и при создании других урбанонимов данного типа.

Во время Великой Отечественной войны появляются урбанонимы, увековечивающие ее героев. Вероятно, первый подобный меморатив был создан в 1943 г. в Уфе: «14 сентября 1943 года Башкирский обком ВКП(б) и Совнарком Башкирской АССР приняли совместное постановление «Об увековечении памяти Героя Советского Союза А. Матросова». В постановлении говорилось: «1. Присвоить имя Героя Советского Союза Александра Матросова средней школе № 64 г. Уфы. 2. Переименовать улицу Садовую в улицу имени Александра Матросова. 3. Присвоить Уфимскому парку культуры и отдыха имя Александра Матросова. 4. Создать детский кинотеатр в г. Уфе, присвоив ему имя А. Матросова» [Узиков, 2007, с. 166]. Сразу же после окончания войны практика создания подобных меморативов на картах советских городов распространилась по всей стране. К числу наиболее распространенных в ЦФО относятся 14 названий: *улица Матросова / Александра Матросова*, *улица Космодемьянской / Зои Космодемьянской*, *улица Гастелло*, *улица Кошова / Олега Кошова*, *улица Чайкиной / Лизы Чайкиной*, *улица Ватутина*, *улица Черняховского*, *улица Маршала Жукова / Жукова*, *улица Панфилова*, *улица Расковой / Марины Расковой*, *улица Карбышева / Дмитрия Карбышева*, *улица Толбухина*, *улица Рокоссовского*. Перечисленные меморативы начали появляться во время и сразу же после

окончания Великой Отечественной войны и продолжили активно создаваться в 1950–1980-е гг. Так, пик создания самого распространенного урбанонима данной группы *улица Матросова / Александра Матросова* приходится на конец 1940–1950-е гг.: в этот период он появился в Уфе (1943), Ижевске (1946), Орле (1948), Пскове (1949), Томске (1949), Челябинске (1949), Владимире (1950), Липецке (1950), Рыбинске (1950), Барнауле (1951), Иванове (1951), Самаре (1951), Ульяновске (1951), Санкт-Петербурге (1952), Тамбове (1955). За пределами данных десятилетий названия были созданы в Астрахани (1961), Кемерове (1961), Барнауле (1973), Ярославле (1973). Похожую картину мы наблюдаем и при увековечивании памяти о других героях Великой Отечественной войны.

Меморативы в честь участников и событий военных конфликтов, продолжили создаваться в постсоветский период истории страны, однако их характер заметно изменился. В 1990–2020-е гг. новые названия данного типа стали увековечивать память о местных героях, поэтому среди них редко встречаются онимы, повторяющиеся в нескольких городах. В указанный период продолжили создаваться урбанонимы в честь участников и событий Великой Отечественной войны, однако возникли и новые темы меморативной номинации: Афганская война, Чеченские войны, Специальная военная операция.

Увековечивание событий Афганской войны началось во второй половине 1980-х гг. в последние годы существования СССР и продолжилось в 1990–2000-е гг. Только в этой группе постсоветских урбанонимов фиксируются случаи появления в разных городах одинаковых названий. Наиболее распространенным стал меморатив *улица Воинов-интернационалистов*, который был создан в Апатитах, Бийске, Братске, Бугульме, Великом Новгороде, Губкине, Железногорске, Иванове, Йошкар-Оле, Камышине, Минеральных Водах, Можайске, Новочебоксарске, Смоленске, Стерлитамаке, Тайшете, Керчи и ряде других городов страны. Остальные названия данной группы появились лишь в одном или двух населенных пунктах страны, поскольку они увековечивали память о местных участниках событий. Материалы Интернета показывают, что в городах страны были созданы меморативы: *улица Александра Гилёва* (Тюмень, 2021), *улица Александра Курлаева* (Тюмень, 2021), *улица Александра Мокрова* (Улан-Удэ), *улица Андрея Цветкова* (Петрозаводск), *улица Батора Санжи-*

ева (с. Хоринск, 1988), *улица Виктора Кохановича* (Ставрополь, 2022), *улица Владимира Калмыкова* (Ставрополь, 2022), *улица Панкова* (Завитинск, 1987), *улица Сергея Свиридова* (Тюмень, 1922), *улица Шорникова* (Кемерово, 1985), *улица Шумакова* (Лермонтов) и др.

В 2000-е гг. на картах российских городов начинают увековечиваться герои и события двух Чеченских войн. Прежде всего в русской урбанонимии отражены события 29 февраля – 1 марта 2000-го, когда 6-я рота 104-го полка 76-й гвардейской Псковской дивизии ВДВ вступила в неравный бой с крупной группировкой боевиков, которую возглавляли Хаттаб и Шамиль Басаев. Память об этом трагическом бое увековечена в меморативах *улица 84 Псковских Десантников* (Грозный, 2008), *улица Героев 6 роты* (Рыбинск, 2019), *улица Псковских десантников* (Астрахань, 2019), *сквер Псковских Десантников* (Санкт-Петербург, 2021), *сквер Воинов-десантников 6 роты* (д. Пятчино Псковская область). Персональные названия-посвящения в честь героев Чеченских войн созданы во многих населенных пунктах страны: *улица Вадима Алевцева* (Ставрополь, 2022), *улица Геннадия Трошева* (Грозный, 2008), *улица Генерала Трошева* (Краснодар, 2009), *улица Героя России Омелькова* (Иваново, 2023), *бульвар Десантника Вадима Чугунова* (пос. Новогорелово Ленинградской области, 2020), *улица Героя России Молодова* (Челябинск, 2004), *улица Ермакова* (Брянск, 2002), *улица Михаила Немыткина* (Новосибирск, 2010), *улица Романа Ердякова* (Киров, 2008), *улица Романа Пискунова* (Балахна, 2001) и др.

События Специальной военной операции также уже нашли отражение в русской урбанонимии. Так, в Москве у зданий посольств США и Великобритании появились соответственно *площадь Донецкой Народной Республики* (2022) и *площадь Луганской Народной Республики* (2022) [Разумов, 2022, с. 168–169]. По данным интернет-ресурсов, «именем Александра Захарченко пообещали назвать улицы в Брянске, Грозном, Кызыле, Курске, Омске, Пензе, Южно-Сахалинске, Элисте, Ливнах Орловской области и Радужном в ХМАО. В городе Добрянка Пермского края именем бывшего главы ДНР назовут сквер. Улицы имени Владимира Жоги должны появиться в упомянутых Кызыле и Омске, а также во Владивостоке, Майкопе, Ростове-на-Дону (где он жил в последние годы) и, вероятно, в Невинномысске Ставропольского края» [Касс]. Активно создаются в российских городах и названия, увековечивающие память о героях СВО.

чивающие память о менее известных участниках Специальной военной операции. Так, урбаноним *улица Крынина* (2022) появился в Воронеже, *улица Героя России Поздеева* (2023) и *улица Героя России Макарова* (2023) – в Иванове, *улица Александра Фролова* (2024) – во Ржеве, *улица Гутарова* (2025) и *улица Макарова* (2025) – в Ярославле и др. Созданы на картах российских городов и коллективные меморативы, увековечивающие память об участниках Специальной военной операции: урбанонимы *улица Защитников Донбасса* созданы в Елизове, Калуге, Магадане, Петрозаводске.

Заключение

Проведенный нами анализ позволил установить, что меморативы в честь участников и событий военных конфликтов занимают значительное место в урбанонимии российских городов. Возникновение подобных названий началось в дореволюционный период истории страны и продолжилось в советскую эпоху. Данные о наименовании объектов в первые два десятилетия XXI века показывают, что развитие группы меморативов в честь участников и событий военных конфликтов, несомненно, будет продолжено. Как показывают результаты опросов общественного мнения, население городов положительно относится к созданию подобных меморативов.

Изучение специфики урбанонимов-посвящений, выявление разновидностей этого типа названий представляют несомненный интерес для ономастики и социолингвистики. Подобное исследование позволяет выявить ономастический вкус различных исторических периодов и регионов нашей страны, описать наиболее частотные модели названий.

Библиографический список

1. Буянов К. В. Отражение военных событий в урбанонимах Волгоградской области // Материалы научной сессии : в 2-х т. Т. 1. Волгоград : Волгоградский государственный университет, 2020. С. 156–161.
2. Декреты Советской власти : в 18 т. Москва : Государственное издательство политической литературы, 1957.
3. Касс А. Ребрендинг момента: как российские улицы меняют названия в ходе СВО. URL: <https://news.ru/russia/karta-atak-bpla-vsu-na-regiony-rf-na-25-marta-infografika/> (дата обращения: 12.01.2025)
4. Муляр А. В. Топонимика Краснодара как элемент героизации военного прошлого России / А. В. Муляр, Е. Ю. Немчинова, Г. Л. Сопин // Социально-гуманитарный вестник : Всероссийский сборник научных трудов. Вып. 23. Краснодар : Краснодарский центр научно-технической информации, 2018. С. 51–53.
5. Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: <http://elibrary.ru>. (дата обращения: 12.05.2021) (НЭБ).
6. Орлова Е. О. Годонимы и памятники в честь героев Великой Отечественной войны: действие / бездействие исторической памяти // Ономастика Поволжья : Материалы XXI Международной научной конференции, Рязань, 03–05 октября 2023 года. Рязань : Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, 2023. С. 190–195.
7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. Москва : Наука, 1988. 192 с.
8. Попов С. А. Меморативы ономастического пространства городов-героев, городов воинской славы и населённых пунктов воинской доблести // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020а. № 1. С. 10–23.
9. Попов С. А. Сохранение памяти о Великой Отечественной войне в ономастическом пространстве России / С. А. Попов, К. М. Герасимова // Верхневолжский филологический вестник. 2020б. № 4. С. 89–98.
10. Почтовые индексы России. URL: <http://indexr.ru/> (дата обращения: 12.05.2015)
11. Прищепа М. М. Годонимы Витебска с военно-историческим компонентом: структурный и семантический аспекты // Национальные образы мира в зеркале русского языка : Сборник статей молодых исследователей. Москва : Российский университет дружбы народов, 2021. С. 129–135.
12. Прищепа М. М. Информационное поле «историческая память» в годонимии Витебска // Русский язык без границ: Новые возможности развития диалога культур: Сборник статей. Нижний Новгород; Москва : Издательство ИП Маркин А.О., 2022. С. 314–319.
13. Пушкарева Ю. Г. Мемориальная урбанонимия города Улан-Удэ как отражение памяти о Героях Великой Отечественной войны / Ю. Г. Пушкарева, А. В. Жарникова // Филология: научные исследования. 2021. №9. С. 20–31.
14. Разумов Р. В. Географические термины в системах урбанонимов провинциальных городов // Вопросы ономастики. 2010. № 2. С. 95–100.
15. Разумов Р. В. Русская урбанонимия: Полевая организация, модели номинации, социолингвистические особенности функционирования : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 387 с.
16. Родина Н. А. Топонимы в военном социуме: московские урбанонимы в семантическом поле «война» // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира : Сборник научных трудов. Вып. 10. Москва – Северодвинск – Киров : Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2021а. С. 130–141.

17. Родина Н. А. Топонимы в военном социуме: петербургские урбанонимы в семантическом поле «война» // Актуальные проблемы лингвистики, лингводидактики и переводоведения : Материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 апреля 2021 года. Омск : Омский государственный технический университет, 2021б. С. 118–123.
18. Узиков Ю. Уфимских улиц имена. Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2007. 320 с.
19. Улицы Рязани. Рязанская топонимика в событиях и лицах. Рязань : ИП Жуков В. Ю., 2018. 272 с.
20. Федеральная информационная адресная система. URL: <http://fias.nalog.ru/> (дата обращения: 12.05.2015) (ФИАС).
21. Фесенко О. П. Война и армия в современных годонимах (на примере Омска) // Вестник филологических наук. 2024. Т. 4. № 1. С. 28–33.
22. Шагапова Г. Р. 112-я Башкирская кавалерийская дивизия и топонимы / Г. Р. Шагапова, И. С. Давлетбаев // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2022. Т. 42. №1. С. 58–63.
23. Шагапова Г. Р. История Великой Отечественной войны в урбанонимике г. Уфы / Г. Р. Шагапова, А. А. Зиннатуллин // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 38. №1. С. 88–95.
24. Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/> (дата обращения: 12.01.2022).

Reference list

1. Bujanov K. V. Otrazhenie voennyh sobytij v urbanonimakh Volgogradskoj oblasti = Reflecting military events in urbanonyms of the Volgograd region // Materialy nauchnoj sessii : v 2-h t. T. 1. Volgograd : Volgogradskij gosudarstvennyj universitet, 2020. S. 156–161.
2. Dekrety Sovetskoj vlasti : v 18 t. = Decrees of Soviet power : in 18 vols. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1957.
3. Kass A. Rebranding momenta: kak rossijskie ulicy menjajut nazvaniya v hode SVO = Rebranding of the moment: how Russian streets are changing their names during the SMO. URL: <https://news.ru/russia/karta-atak-bplavsu-na-regiony-rf-na-25-marta-infografika/> (data obrashhenija: 12.01.2025)
4. Muljar A. V. Toponimika Krasnodara kak jelement geroizacii voennogo proshlogo Rossii = Krasnodar toponymy as an element of glorifying Russia's military past / A. V. Muljar, E. Ju. Nemchinova, G. L. Sopin // Social'no-gumanitarnyj vestnik : Vserossijskij sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 23. Krasnodar : Krasnodarskij centr nauchno-tehnicheskoy informacii, 2018. S. 51–53.
5. Nauchnaja jelektronnaja biblioteka eLIBRARY.RU = Scientific electronic library eLIBRARY.RU. URL: <http://elibrary.ru.> (data obrashhenija: 12.05.2021) (NJeB).
6. Orlova E. O. Godonimy i pamjatniki v chest' geroev Velikoj Otechestvennoj vojny: dejstvie / bezdejstvie istoricheskoy pamjati = Hodonyms and monuments in honor of the Great Patriotic War heroes: action / inaction of historical memory // Onomastika Povolzh'ja : Materialy HHI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Rjazan', 03–05 oktjabrja 2023 goda. Rjazan' : Rjazanskij gosudarstvennyj universitet im. S.A. Esenina, 2023. S. 190–195.
7. Podol'skaja N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii = Dictionary of Russian onomastic terminology. Moskva : Nauka, 1988. 192 s.
8. Popov S. A. Memorativy onomasticheskogo prostranstva gorodov-geroev, gorodov voinskoj slavy i nasel'jonnyh punktov voinskoj doblesti = Commemoratives in the onomastic space of hero-cities, cities of military glory and settlements of military valor // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2020a. № 1. S. 10–23.
9. Popov S. A. Sohranenie pamjati o Velikoj Otechestvennoj vojne v onomasticheskom prostranstve Rossii = Preserving the memory of the Great Patriotic War in the Russian onomastic space / S. A. Popov, K. M. Gerasimova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2020b. № 4. S. 89–98.
10. Pochtovyje indeksy Rossii = Russian postal codes. URL: <http://indexp.ru/> (data obrashhenija: 12.05.2015)
11. Prishhepa M. M. Godonimy Vitebska s voenno-istoricheskim komponentom: strukturnyj i semanticheskij aspekty = Vitebsk hodonyms with a military-historical component: structural and semantic aspects // Nacion'al'nye obrazy mira v zerkale russkogo jazyka : Sbornik statej molodyh issledovatelej. Moskva : Rossijskij universitet družby narodov, 2021. S. 129–135.
12. Prishhepa M. M. Informacionnoe pole «istoricheskaja pamjat'» v godonimii Vitebska = «Historical memory» information field in the Vitebsk hodonyms // Russkij jazyk bez granic: Novye vozmožnosti razvitiya dialoga kul'tur: Sbornik statej. Nizhnij Novgorod; Moskva : Izdatel'stvo IP Markin A.O., 2022. S. 314–319.
13. Pushkareva Ju. G. Memorial'naja urbanonimija goroda Ulan-Udje kak otrazhenie pamjati o Gerojah Velikoj Otechestvennoj vojny = Ulan-Ude memorial urbanonymy as a reflection of the memory about the Heroes of the Great Patriotic War / Ju. G. Pushkareva, A. V. Zharnikova // Filologija: nauchnye issledovaniya. 2021. №9. S. 20–31.
14. Razumov R. V. Geograficheskie terminy v sistemah urbanonimov provincial'nyh gorodov = Geographical terms in the urbanonym systems of provincial cities // Voprosy onomastiki. 2010. № 2. S. 95–100.
15. Razumov R. V. Russkaja urbanonimija: Polevaja organizacija, modeli nominacii, sociolingvističeskie osobennosti funkcionirovanija = Russian urbanonymy: Field organization, nomination models, sociolinguistic aspects of functioning: monografija. Jaroslavl' : RIO JaG-PU, 2022. 387 s.
16. Rodina N. A. Toponimy v voennom sociume: moskovskie urbanonimy v semanticheskom pole «vojna» = Toponyms in the military society: Moscow urbanonyms in the semantic field «war» // Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovanija jazykovoj kartiny mira :

Sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 10. Moskva – Severodvinsk – Kirov : Mezhtional'nyj centr innovacionnyh tehnologij v obrazovanii, 2021a. S. 130–141.

17. Rodina N. A. Toponimy v voennom sociume: peterburgskie urbanonimy v semanticheskom pole «vojna» = Toponyms in military society: St. Petersburg urbanonyms in the semantic field «war» // Aktual'nye problemy lingvistiki, lingvodidaktiki i perevodovedenija : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 22 aprelja 2021 goda. Omsk : Omskij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2021b. S. 118–123.

18. Uzikov Ju. Ufimskih ulic imena = The names of Ufa streets. Ufa : Ufimskij poligrafkombinat, 2007. 320 s.

19. Ulicy Rjazani. Rjazanskaja toponimika v sobytjah i licah = Ryazan streets. Ryazan toponymy in events and persons. Rjazan' : IP Zhukov V. Ju., 2018. 272 s.

20. Federal'naja informacionnaja adresnaja sistema. URL: <http://fias.nalog.ru/> (data obrashhenija: 12.05.2015) (FIAS).

21. Fesenko O. P. Vojna i armija v sovremennyh gonimakh (na primere Omska) = War and army in modern hodonyms (on the example of Omsk) // Vestnik filologičeskikh nauk. 2024. T. 4. № 1. S. 28–33.

22. Shagapova G. R. 112-ja Bashkirskaia kavalerijskaia divizija i toponimy = 112th Bashkir Cavalry Division and toponyms / G. R. Shagapova, I. S. Davletbaev // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. 2022. T. 42. №1. S. 58–63.

23. Shagapova G. R. Istorija Velikoj Otechestvennoj vojny v urbanonimike g. Ufy = History of the Great Patriotic War in Ufa urbanonymy / G. R. Shagapova, A. A. Zinnatullin // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. 2021. T. 38. №1. S. 88–95.

24. Jelektronnyj fond normativno-tehničeskoj i normativno-pravovoj informacii Konsorciuma «Kodeks» = Electronic fund of normative-technical and regulatory-legal information of the «Codex» Consortium. URL: <https://docs.cntd.ru/> (data obrashhenija: 12.01.2022).

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 25.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-105

EDN: KFOLUC

Прагматический потенциал иронии как инструмента воздействия в современной коммуникации

Надежда Анатольевна Чернявская

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования и функционирования механизмов реализации иронической интенции в аспекте осуществления речевого воздействия на коммуникативного партнера. Ирония рассматривается как инструмент скрытого внедрения нового знания и эффективного воздействия на массовое или индивидуальное сознание. Прагматический потенциал иронии определяется многообразием реализуемых ею функций. В медиадискурсе ирония выполняет преимущественно оценочно-интерпретативную и обличительную функции: она используется с целью дискредитации политических противников, десакрализации власти, разоблачения социальных пороков. При этом воздействующий потенциал иронии усиливают намеренное дистанцирование от объекта речи и сближение с аудиторией. Прагматическая амбивалентность иронии проявляется в том, что она способна реализовать противоположные функции – смягчения, эвфемизации характеристик изображаемого объекта и, напротив, повышения их экспрессивности, конфликтности, доведения до абсурда. В межличностной коммуникации ирония может быть направлена как на оптимизацию, так и на дестабилизацию взаимоотношений коммуникативных партнеров. Ирония выступает инструментом коррекции точки зрения или поведения партнера, успешным способом противостояния речевой агрессии, а также действенным средством сплочения реальных и виртуальных сообществ. Исследование обнаружило, что чаще всего ироническую интенцию реализуют приемы антифразиса, стилистического контраста, гиперболизации, квазицитации, а также речевые и логические аномалии. Вместе с тем успешность формирования и распознавания иронического подтекста определяется наличием общих для автора и адресата фоновых знаний и высоким уровнем их коммуникативной компетентности. Ирония как прием репрезентации скрытого смысла является более действенным инструментом влияния на аудиторию, нежели прямая оценка, поскольку предполагает активную интерпретативную деятельность адресата и, как следствие, восприятие передаваемой информации как собственного, самостоятельно приобретенного знания. Соответственно, иронию можно рассматривать как разновидность суггестивного воздействия, позволяющего скорректировать систему установок адресата и модели его поведения.

Ключевые слова: ирония; ироническая интенция; воздействие; прагматический потенциал; функция; медиадискурс; межличностная коммуникация

Для цитирования: Чернявская Н. А. Прагматический потенциал иронии как инструмента воздействия в современной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 105–113. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-105>. <https://elibrary.ru/KFOLUC>

Original article

Pragmatic potential of irony as an impact tool in modern communication

Nadezhda A. Chernyavskaya

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34
chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

Abstract. The article focuses on the formation and functioning of mechanisms for realizing ironic intension in terms of speech impact on the communication partner. Irony is seen as a tool to covertly introduce new knowledge and

effectively influence mass or individual consciousness. The pragmatic potential of irony is determined by the variety of functions it realizes. In media discourse, irony primarily performs evaluative-interpretative and denunciatory functions: it is used to discredit political opponents, to desacralize power, and to expose social vices. At the same time, the impact potential of irony is enhanced by deliberate distancing from the object of speech and closeness to the audience. The pragmatic ambivalence of irony is manifested in the fact that it can realize opposite functions – softening, euphemizing the characteristics of the depicted object and, on the contrary, increasing their expressiveness, conflictogenity, bringing them to the point of absurdity. In interpersonal communication, irony can aim to both optimize and destabilize the relationships between communication partners. Irony acts as a tool for correcting the partner's point of view or behavior, a successful way of resisting speech aggression, as well as an effective means of uniting real and virtual communities. The study has found that most often ironic intensions are realized by the devices of antiphrasis, stylistic contrast, hyperbolization, quasi-citation, as well as speech and logical anomalies. At the same time, the success of generating and recognizing ironic subtext is determined by the background knowledge common to the author and the addressee and by a high level of their communicative competence. Irony as a method of presenting a hidden meaning is a more effective tool to influence the audience than direct judgment, because it implies active interpretive activity of the addressee and, as a consequence, perception of the transmitted information as personal, independently acquired knowledge. Consequently, irony can be considered as a kind of suggestive influence, which can adjust the addressee's system of attitudes and behavior patterns.

Key words: irony; ironic intention; impact; pragmatic potential; function; media discourse; interpersonal communication

For citation: Chernyavskaya N. A. Pragmatic potential of irony as an impact tool in modern communication. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2025;(2):105–113. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-105>. <https://elibrary.ru/KFOLUC>

Введение

Наиболее эффективной технологией речевого воздействия в современном коммуникативном пространстве является механизм скрытого внедрения нового знания. Скрытый смысл – это неявный, невербализованный смысл, который постигается адресатом сообщения не сразу, а в результате мыслительных усилий. Действенным приемом имплицитного воздействия на аудиторию является ирония, под которой понимают смысловое расхождение между тем, что говорит автор, и тем, что он на самом деле имеет в виду; логический парадокс, сопровождаемый эмоциональной оценкой.

Ирония – явление многоплановое и полифункциональное. Она может быть реализована как на уровне отдельной лексической единицы, которая в контексте приобретает значение, противоположное словарному, так и на уровне скрытого смысла развернутого высказывания.

Статус иронии в парадигме современного научного знания до сих пор не определен: ее рассматривают как стилистический прием [Абросимова, Баскакова, 2021; Дудникова, Шевченко, 2020; Кузнецова, 2021], речевой жанр или речевой акт [Дементьев, 2010; Чумак, 2021], текстовую категорию [Яковенко, 2011], концепт [Рябко, 2023], дискурсивную практику [Шилихина, 2014; Юськаева, Дубровская, 2022; Горностаева, 2024], средство манипуляции [Ермакова, 2005; Бинштейн, 2020; Фирсова 2023] и инструмент

реагирования на манипулятивные тактики [Шкицкая, 2019], метаязыковую игру [Фомичева, 2011], составляющую мировоззренческой позиции автора [Печенихина, 2008]. Вместе с тем уже не вызывает сомнений, что ирония не является лишь изобразительным средством языка. А. А. Горностаева определяет иронию как стиль речевого взаимодействия между автором и адресатом, основанный на логическом несоответствии высказанного и невысказанного и нарушающий тем самым ожидания адресата [Горностаева, 2024, с. 353]. Ироническая интенция способна пронизывать самые разные жанры и тропы – так, О. П. Ермакова пишет об иронической метафоре, метонимии, сравнении, литоте, гиперболе [Ермакова, 2014, с. 75]. По утверждению А. А. Кудрявцева, к формированию иронического эффекта причастны, главным образом, гипербола, метафора и антитеза [Кудрявцев, 2024, с. 1604].

Взросший в последние годы интерес к иронии и ее высокая продуктивность во многом обусловлены объективной невозможностью для субъекта речи прибегать к прямым оценкам и характеристикам своих оппонентов, в том числе к стилистически сниженной и инвективной лексике, в связи с юридической ответственностью за оскорбление или распространение порочащей информации: ирония позволяет адресанту реализовывать речевую стратегию «игры на понижение», балансируя на грани речевых правонару-

шений и в то же время оставаясь в рамках юридической нормы [Венгранович, 2023, с. 63].

Исследователи подчеркивают двойственный характер прагматического потенциала иронии, которая может выступать как маркером скрытой агрессии, так и способом смягчения критики. «С одной стороны, ирония – это ловушка, „речевая хитрость“, с помощью которой можно ввести в заблуждение доверчивого собеседника, с другой – способ педагогического воздействия, ведущий к обнаружению истины» [Шилихина, 2014, с. 67]. Как правило, ирония передает негативное отношение к адресату или объекту речи. Однако этот прием может выполнять и прямо противоположную функцию – способствовать созданию доброжелательной и комфортной атмосферы интеллектуального юмора. Соответственно, тональность иронического высказывания варьируется от мягкой, добродушной шутки и лукавства до обличающей сатиры, язвительности и обесценивания.

Многообразие функций, которые способна реализовать ирония, К. М. Шилихина сводит к двум основным функциям: установление асимметричных отношений между участниками коммуникации и развлечение адресата: «ирония – это всегда попытка доминирования, стремление повысить собственный коммуникативный статус» [Шилихина, 2014, с. 174]. А. А. Горностаева выделяет оценочную, эмоциональную, информативную и воздействующую функции иронии [Горностаева, 2024 с. 353]. Представляется, что спектр функциональных возможностей иронических высказываний более широк.

Цель настоящей работы – изучение формирования и функционирования механизмов реализации иронической интенции в аспекте осуществления речевого воздействия на коммуникативного партнера.

Материал и методы исследования

Источником фактического материала послужили публикации центральных и региональных печатных изданий («Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и др.), сетевых ресурсов (vk.com; dzen.ru; pikabu.ru и др.), произведения современной художественной литературы, а также спонтанная разговорная речь носителей языка (РР), зафиксированная автором. Материал собирался методом сплошной выборки. Общее количество исследуемого материала составило более двух тысяч иронических контекстов.

В работе использованы методы дискурсивного, дескриптивного, лингвопрагматического и лингвостилистического анализа.

Результаты исследования

Ирония свидетельствует об отклонении реальных характеристик изображаемого объекта от системы социальных предписаний и норм, представлений о том, каким человек или общество должны быть. Иронической оценке подвергаются ложная, не соответствующая действительности информация, социальное неблагополучие, несостоятельность человеческой личности, ее неблагоприятные поступки, мнимая деятельность, чрезмерный пафос, рекламные уловки и др. Это нестандартный, эффектный способ выражения собственной позиции, способный повлиять на адресата и изменить его поведение или точку зрения на проблемную ситуацию.

Самая простая разновидность иронии – антифразис – возникает в результате переосмысления лексического значения слова. Лексемы, изначально обладающие положительной коннотацией, приобретают в контексте противоположное значение. Часто ироническому переосмыслению подвергаются позитивнооценочные имена существительные, среди которых преобладают номинации лиц: *лидер, герой, друг, благодетель, волшебник, мастер, профессионал, специалист, звезда, эксперт*: *Да уж, это настоящий «профессионал» (РР); Еще один патриот приполз из Америки (ok.ru); Ну вам видней, вы же гений. Жаль, не признанный (dzen.ru)* и абстрактных явлений: *радость, праздник, порядок, стабильность, долг, подвиг: Толпа готова на «подвиги» и суды Линча (Ф. Радецкий)*; качественные прилагательные: *добрый, милый, славный, честный, скромный, мудрый, надежный, свежий, чистый: И еще одна «милая» деталь: общественного транспорта там нет (fototerra.ru); Скромные цены в ювелирном магазине (dzen.ru); Скрытые ишпы «мудрой политики» (С. Кожемякин); Есть режиссеры, на «классических» постановках которых детям уж точно делать нечего, если, конечно, в вашу задачу не входит эпатировать их с целью пробуждения интереса к театру (Домашний очаг)*. Реже встречаются иронически переосмысленные глагольные лексемы – *удружить, подготовиться, согласиться, подарить: Ничего себе «подготовился» (РР); Еще в магазинах любят «дарить» подарки: два пакета сока по цене трех, небольшая скидка на следующую покупку (Крестьянка)*. В подобных случаях есть

основания говорить о таком явлении, как энантосемия, то есть внутрисловная антонимия.

В более сложных случаях ироническая интенция реализуется посредством развернутого предложения или даже целого текста. Иронию порождает ложная или аномальная семантика высказывания, которая вступает в противоречие с реальностью: *В попытке отвлечь внимание общественности от нарастающих проблем во внутренней и внешней политике западные СМИ разродились очередной сенсацией космических масштабов. Британский таблоид Daily Mail сообщает: США якобы обнаружили с десятков НЛО внеземного происхождения <...> Никакие шапки-невидимки не помогут инопланетным существам уйти от пристального взора американских спецслужб (ТВЦ); Большинство гостей московской выставки в Манеже были девушками праздными, не знающими, как трагично не иметь красивого платья, когда ты так его заслуживаешь (Известия); Катя Лель вела под руку отовоеванный у судьбы трофей – сухощавого долговязого мужа в полосатых штанах. Трофей звался Игорем Кузнецовым, и было ему на вид лет тридцать. Общественность попыталась оценить его совокупный бизнес-вес, но полосатые штаны возможности для толкований не давали (Известия); Вокруг галактически-прекрасного стадиона-космодрома колосилась лебеда (З. Кобозева) – как правило, дискурсивную иронию в подобных контекстах высвечивают логические аномалии и стилистический контраст. Как отмечает А. А. Горностаева, «иронический смысл не всегда противоположен буквальному, но всегда отличен от него» [Горностаева, 2024, с. 353].*

Если лексическая ирония реализует, главным образом, оценочно-интерпретативную функцию – эксплицирует оценочную характеристику реалий окружающей действительности, то функционал дискурсивной иронии практически неограничен.

В медийном дискурсе ирония выступает эффективным инструментом критики, обличения и разоблачения негативных явлений – неприглядной социальной действительности, экономических и политических проблем, неоднозначных тенденций современной массовой культуры и искусства: *Что-то с памятью его стало, говорите? А про натравливание Украины на Россию он не забыл. Пока полицейские пытаются избавиться экс-премьера от внезапно напавшей на него амнезии, он резво пишет статью для британ-*

ского таблоида. И требует незамедлительно принять Украину в НАТО (Царьград) – о Б. Джонсоне; Посол Великобритании в Мексике решил блеснуть дипломатией и направил дуло автомата в лицо сотрудника посольства (vk.com); Даёшь больше высоток точечной застройки! Меньше зелёных зон! (e1.ru); Потрясающая по своей глубине забота о горожанах (63.ru) – о входе в автобус только через переднюю дверь; Раньше наша страна была литературоцентричной. Теперь литература – занятие совершенно маргинальное. А вы все – маргиналы (vk.com) – обращение преподавателя к студентам Литературного института; По фабрике сновало бесконечное количество филфаковских студентов, которые выполняли здесь самые непредсказуемые работы <...> В общем, университет и правда готовит теперь и писателей, и дипломатов, и манекениц, и швейцаров (Н. Щербак); Перед открытием выставки в арт-центре «Гараж» гости Романа Абрамовича были приглашены на ужин в ресторан «Баккара», ибо преждевременная встреча с современным прекрасным вполне могла отбить аппетит (Известия); Понятия о стиле у местных помещиков так и остались деревенскими. Несколько любителей прекрасного выступили в категории «фея цветов». Цветастость сарафанов они решили усилить цветочными же босоножками из клеенки. Низ и верх являл нечеловеческую гармонию и единение с природой (Известия).

При характеристике конкретных лиц ирония направлена на понижение образа – разоблачение и высмеивание бездеятельности, непрофессионализма, мнимых заслуг, неэтичности поведения: – *И что она там насоветовала в Государственном совете за все это время?! – Как наладить транспортное сообщение в мегаполисах (63.ru) – о бездействии представительницы власти; Ей скоро орден за трудовые заслуги вручат. Она же многостаночница! Посты пишет, рилсы, или как их там, снимает, по глобусу мотается, еще и благотворительностью занимается. Интересно, за деньги или по доброте душевной? Ей, может, скоро Колонный зал предоставят! (dzen.ru) – о женщине-блогере, которая именует себя писателем и ездит по городам России с выступлениями; Подали узлом завязанную стерлядь. В углублении узла гнездились мелкие грибки. Спутник госпожи Буратаевой, орудуя вилкой, как пикой, правой рукой накалывал эти*

грибы и порывисто закидывал их в полость рта, как баскетбольный мяч в корзину (Известия).

Если объектом иронического осмеяния становится представитель властных структур, то, помимо подрыва его репутации, ирония реализует функцию десакрализации власти и приобретает характер издевки: Самоотверженно закрывая своей широкой грудью амбразуры кризиса, доблестные «народные избранники» доказывают торжество отечественной экономики. Первыми в бой с кризисом идут чиновники и депутаты. И благополучно побеждают в нем, далеко оторвавшись в этом марш-броске от остального народа (И. Дмитриев). Ироническая интенция в таких контекстах, как правило, сопровождается приемами метафоризации и доведения до абсурда: А высокие умы вроде Даванкова заняты по-настоящему важным делом – придумывают рецепт шаурмы. В какой-то момент роль этого продукта оказалась настолько велика для Даванкова, что впору было открывать Министерство шаурмы и НИИ шаурмоведения, ведь именно от этого продукта зависят жизни людей (Царьград); А не выступать ли уже депутатам под фонограмму? Пришлют какую – и только рот открывай! Всякий эстрадный исполнитель подтвердит, что это намного легче и выгоднее. Надо лишь, разгорячившись, не отходить от микрофона, как случается с некоторыми артистами. И делать по возможности умный вид, что тоже, конечно, непросто и не всякому дано (АиФ); Какой он шустрый и дотошный: и на международной арене успевает, и по Самарской области шерстит, может, его к нам губернатором назначить – хороший же мужик? (63.ru) – об известном политике. Сближение с адресатом и дистанцирование от объекта речи – две взаимосвязанные функции обличительной иронии, необходимые для влияния на аудиторию и навязывания ей позиции автора высказывания.

Ироническому переосмыслению нередко подвергаются сюжетно-композиционные и языковые особенности жанров массового искусства (современных мелодрам, сериалов, любовных романов) – сценарные и речевые штампы: Вспомнив что-то грустное, героиня вдруг роняет слезу или открывает шепотом семейную тайну, умоляя «никому больше не рассказывать» (Крестьянка); Ее прическе больше всего подходил банальнейший штамп, который часто встречался в прозе у писателей-

графоманов, – «волосы водопадом стекали на ее стройные плечи» (Крестьянка); «Самолет переполнен» – это как вообще? Некоторые в проходе стояли? Или на поручнях висели? (dzen.ru); неправдоподобие и алогизмы: Герои плавно кружат под водой, довольные обществом друг друга, и постепенно опускаются все глубже. Любой фридайвер позавидовал бы их способности столько не дышать. Судя по всему, под водой они проплывают около километра (dzen.ru); Фёдора Конюхова – единственного человека, способного взойти к вершине Эвереста на одноместной вёсельной лодке, изображает обильно задрапированный волосами Фёдор Бондарчук (dzen.ru); Пока они спорят о том, надо или не надо лететь домой, они садятся в вертолет и летят прямо к самому кратеру. Конечно, там спорить гораздо удобнее (dzen.ru); Голос по рации говорит джипу, что видит на радаре мощный тепловой сигнал, который быстро приближается. Интересно, что же это за мощный тепловой сигнал на острове с извергающимся вулканом? Может, это уличный торговец, который везет на велике казанчик с горячим пловом, а они все как раз не прочь как следует подкрепиться? Видимо, герой тоже думает про торговца, поэтому он командует остановиться (dzen.ru).

Прагматическая амбивалентность иронии проявляется и в том, что она способна реализовать противоположные функции – смягчения, эвфемизации характеристик изображаемого объекта: Во дворе царствовал грузовой гараж, где водители обменивались любезностями (Н. Щербак) – и, напротив, повышения их экспрессивности, конфликтогенности, доведения до абсурда. Если содержание высказывания чрезмерно преувеличивает контраст с реальностью и откровенно противоречит здравому смыслу, то такая ирония трансформируется в гротеск, синтезируя реальное и ирреальное, комическое и трагическое, прекрасное и безобразное, высокое и сниженное. Такие образы карикатурны и нелепы, не столько смешат, сколько драматизируют и пугают: Экоактивисты – они такие, это с чужими они церемонятся и ходят вокруг с плакатами. А своих – сразу на компост (dzen.ru); Периодически показывают детство Фёдора [Конюхова]. Сначала показывают, как на дом и семью десятилетнего Фёдора с моря налетел смерч. <...> Видимо, смерч на всю

жизнь придал Фёдору такое мощное центростремительное ускорение, что того стало неумолимо тащить куда угодно подальше от дома (dzen.ru); Уж не знаю как вы, а я бы не хотел думать ещё и о том, что надо мной в любой момент может пролетать Фёдор Конюхов и у него что-то может пойти не так. И он немедленно начнет бросаться предметами с высоты девяти километров (dzen.ru).

Многообразные функции иронии приобретает в межличностной коммуникации. Ирония выступает здесь инструментом коррекции точки зрения или поведения партнера, успешным способом противостояния речевой агрессии, а также действенным средством сплочения реальных и виртуальных сообществ.

Ирония – обязательное сопровождение приема мнимого согласия с оппонентом: – *Всю жизнь, сколько я себя помню, он сочиняет эту самую ораторию. – Ну и как? Надеюсь, дело идет к концу? – Еще как идет. Он написал целую страницу* (А. Вампилов); – *У деревьев существует так называемая «застенчивость кроны». Их ветки не соприкасаются с другими деревьями. – Да-да, все деревья очень застенчивые, особенно в лесу – там застенчивость прямо-таки прёт из всех деревьев...* (vk.com); – *Даше нравится быть одной. – Видимо, поэтому она через неделю выходит замуж? (Н. Щербак); – А давай никогда не ссориться? – Никогда-никогда? Давай. Фэнтези – мой любимый жанр (т/с «Не родись красивой»).*

К иронии прибегают с целью порицания и коррекции поведения собеседника: – *Левин, а давай возьмём мяч и пойдём во двор – в футбол поиграем. Тебе же всё равно делать нечего. У тебя всего лишь пациент после наркоза очнулся (т/с «Интерны»); В речи преподавателей: – Несданный или списанный реферат угрожает науке, которую представляю я в своём лице. Поэтому науку я буду защищать (vk.com); – У меня огромная просьба, не пишите слово «машин» с двумя С. Мне, как почти масону, обидно читать такую неграмотность (vk.com); – Если вы мне ещё раз скажете, что Макаревич знал, что такое ассонанс, – застрелюсь! (vk.com).*

Иронически собеседник отвечает на глупый вопрос либо на вопрос, ответ на который очевиден: – *Это ты принес торт? – Нет, он сам появился (РР); – Кто там? – Папа Римский! (х/ф «Афоня»); Я взял полотенце, достал зубную щетку и мыло. Вытащил бритву. – Ты куда? –*

Барана резать (С. Довлатов); – А когда мы начнем разговаривать [на латыни]? – Ну тогда, когда латинский перестанет быть мертвым языком (vk.com).

Ирония – изящный способ выхода из конфликтного диалога: *Предлагаю закончить дискуссию. Боюсь быть убитым вашей неотразимой аргументацией (dzen.ru); За сим ухожу из беседы душевных друзей автора великих бестселлеров. Поникла и прониклась (dzen.ru); Я не владею таким количеством умных слов, посему ответить ничем не могу (dzen.ru); Мне такого совершенства не достичь, остаётся только завидовать (dzen.ru) – на подобные иронические реплики трудно реагировать, поскольку на вербальном уровне выражается восхищение собеседником, а негативная оценка не вербализована, вынесена в подтекст. При этом имплицитный смысловой план высказывания позволяет говорящему сохранить и транслировать аудитории независимость собственной позиции и превосходство над оппонентом.*

Ирония может служить средством психологической защиты от нападения, неудобного вопроса или обвинения, может сама быть инструментом встречного нападения: – *Вы ударили нашего сотрудника утюгом, какая же это самооборона? – Не случилось, знаете ли, веера под рукой (т/с «Ликвидация»); – Автор канала – графоманка с комплексом неполноценности и эгоцентризмом. – А где почитать ваши гениальные мемуары? (dzen.ru); – Платье откровенно колхозное. Вам бы к стилисту обратиться! – А вы эксперт? Вас в «Модном приговоре» заждались? (dzen.ru); – Ерунда какая-то. Скажите, когда смеяться. – Вы просто не догоняете. – А вы, наверное, самая умная, поэтому всех давно обогнали? (РР).*

Интересно, что ирония широко используется не только в спорной коммуникации. Часто к ней обращаются с целью оптимизации отношений: демонстрации дружелюбия, сокращения дистанции между говорящим и адресатом, создания непринужденной, доверительной атмосферы. Мягкая ирония, апеллируя к чувству юмора аудитории, располагает к себе, устраняет напряженность, расслабляет, способствует раскованности и откровенности общения. Ср. диалоги преподавателей и студентов: П.: *Кто готов героически броситься на амбразуру? С.: Я не героически, я так... П. (смеется): Ну, давайте так (vk.com); С.: Я ненавижу букву «й». П.: Ну что*

ж поделать, она, наверное, тоже не питает к вам тёплых чувств (vk.com); С.: Я не заметил себя в списке докладчиков... П.: Вы не заметили себя... Никогда больше так не делайте (vk.com).

Нередко ирония используется для присоединения к собеседнику путем мнимого избличения собственного невежества либо, напротив, нарочитого самовосхваления: С.: Мне ничего непонятно. П.: Мне тоже не всегда всё понятно, что я говорю (vk.com); – То, что вы ничего не знаете, – это хорошо на самом деле. Я тоже ничего не знаю (vk.com); – Это японский сад. Вблизи без листвы он, конечно, проигрывает. Поэтому фото с вертолета. – Я вблизи тоже сильно проигрываю, а с вертолета – ничего! (dzen.ru); Мной любоваться лучше без очков! (Н. Хозяинова); – Кто же это сказал?... Кто-то из великих, не могу вспомнить. А, это я себя процитировал! (vk.com); – Спасибо, теперь все понятно стало. – Так конечно, я же гениально объясняю! (vk.com); Бывает, говорю сама с собой, а эхо мне отвечает: «Да, да, правильно говоришь» (vk.com).

В сетевой коммуникации пользователи нередко демонстрируют поразительное единодушие в оценке сомнительных идей. Так, великолепный развернутый иронический полилог можно наблюдать в комментариях к нетривиальному рецепту приготовления мяса на камне:

Рецепт для Робинзона Крузо?

Ты только что изобрел сковороду.

Уличный камень пропитывает еду своим изысканным ароматом и силой земли.

А потом ещё неделю пропитывает воздух вокруг себя ароматом еды.

Зря смеетесь. Автор пишет, что у камня вкус интересный.

Особенно у мела в детстве.

Можно еще гудроновой крошкой посыпать...

Камень уместен, если только вопрос выживания стоит.

Надо бы предупредить читателей, что не все камни одинаково полезны.

А автор согласен?

На какие ухищрения не пойдет человек, лишь бы не мыть сковородку.

Нет дома камней, что если взять кирпич?

Аромат силикатов ещё долго будет преследовать твой организм (pikabu.ru).

Последовательное совместное выстраивание комментаторами иронического дискурса отражает стихию свободной языковой игры, стремление уйти от серьезности и официальности общения.

Единодушие аудитории формирует общность фоновых знаний коммуникантов (как прецедентных универсалий, так и накопленного опыта личных переживаний, обнаруживающих не меньшую универсальность), их готовность к динамичному, открытому полилогу, добродушный либо язвительный смех в адрес оппонента или даже общего врага, который тем самым из серьезного политического противника превращается в нелепый шарж, карикатуру. Ср. комментарии к посту о Джо Байдене:

Джо, попей валерьянки!

Валерьянка уже не поможет, тут нужно радикальное средство! Топор, например!

Хорошее средство, отлично помогает при головной боли.

От нервов и амнезии тоже.

Обух топора лечит от множества болезней!

От деменции точно (Царьград).

Очевидно, что ирония демонстрирует высокий уровень коммуникативной компетентности языковой личности, ее красноречие, остроумие, чувство юмора, способность с той или иной степенью имплицитности обозначить свою позицию без рисков ее уязвимости и возможности оспорить. По меткому утверждению В. Е. Хализева, «иронический взгляд на мир способен освободить человека от догматической узости мышления, от односторонности, нетерпимости, фанатизма», вместе с тем чрезмерная, тотальная ирония опасна, ведет к нигилизму и бесчеловечности [Хализев, 1999, с. 78].

Заключение

Таким образом, ирония – одна из форм эмоционально-экспрессивного отрицания: характеризующий объект намеренно наделяется свойствами, которыми он не обладает. Как и любое косвенное высказывание, ирония прячет истину за языковой игрой, но вместе с тем она высвечивает систему ценностных смыслов субъекта речи.

Инструментами создания иронии на лингвистическом уровне выступают употребление слова в противоположном значении, нарушение лексической сочетаемости, оксюмороны, стилистический контраст, гиперболизация, квазицитация. Однако определяющими в опознавании иронии являются контекст, особое интонирование как репрезентация авторской интенции, фоновые знания коммуникантов и их полное погружение в ситуацию – как и любой скрытый смысл, иронический подтекст не всегда очевиден, в ряде случаев однозначно идентифициро-

вать иронию затруднительно. Ср. в речи преподавателей: Вот вышли бы вы в эфир! А то я сижу тут, как диктор центрального телевидения, и читаю сообщения, которые наши корреспонденты нам присылают (vk.com) – во время онлайн-занятий преподаватель призывает студентов высказываться, а не писать в чате; Как хорошо, что я поставила много автоматов – я бы не выдержала вас слушать (vk.com); Вы все еще меня боитесь что ли? Ну я же вас перестала бояться! (vk.com); в обыденной речи: Какой насыщенный день был у ребят; У нее утром выступление, вечером награждение, на следующий день встречи. Очень востребованная женщина, ну просто очень; А как платье сидит на фигуре! Загляде- нье! – в подобных случаях распознать иронию может только погруженный в ситуацию собесед- ник, осведомленный о характере отношений между ее участниками и улавливающий сарка- стическую интонацию говорящего.

Ирония, как и другие приемы репрезентации скрытого смысла, является более действенным инструментом воздействия на адресата, нежели навязываемая ему прямая оценка, поскольку предполагает его активную интерпретативную деятельность – обнаружение и расшифровку двусмысленности и, как следствие, восприятие передаваемой информации как самостоятельно приобретенного, независимого знания. Соответ- ственно, иронию можно рассматривать как раз- новидность суггестивного воздействия, позво- ляющего скорректировать модели поведения и систему установок адресата.

Библиографический список

1. Абросимова Л. С., Баскакова Н. В. Развитие по- нятия «ирония»: от древности до современности // Актуальные проблемы филологии и лингводидакти- ки : сборник материалов Второй всероссийской кон- ференции с международным участием, Нижний Нов- город, 21–22 мая 2021 года. Нижний Новгород : Ниже- городский государственный лингвистический универ- ситет им. Н. А. Добролюбова, 2021. С. 8–13.
2. Бинштейн М. М. Функции иронии в политиче- ском дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 11(50). С. 188–95.
3. Венгранович М. А. «Такая разная ирония»: от стилистического приема – к диффамации // Современ- ный медиатекст и судебная экспертиза: междисципли- нарные связи и экспертная оценка : сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 12–13 октября 2023 года. Москва : ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. С. 62–69.
4. Горностаева А. А. Иронический смысл и мо- дальность : новый взгляд на определение дискурсив- ной иронии // Казанская наука. 2024. № 4. С. 352–354.
5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. Москва : Знак, 2010. 600 с.
6. Дудникова Л. В., Шевченко М. С. О некоторых особенностях реализации иронии в художественном тексте // Известия Южного федерального университе- та. Филологические науки. 2020. № 3. С. 38–45.
7. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.
8. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иро- нии) // Жанры речи. 2014. № 1-2 (9-10). С. 75–80.
9. Кудрявцев А. А. Ирония и ее роль в политиче- ской коммуникации (на материале британского теле- визионного сериала «Yes, Minister!») // Филологиче- ские науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. С. 1604–1610.
10. Кузнецова Е. В. Репрезентации иронии в ху- дожественном тексте // Гуманитарные исследования. 2021. № 4(80). С. 148–152.
11. Печенихина Е. А. Лексические средства вы- ражения иронии у Эсы де Кейроша // Вестник Мос- ковского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 4. С. 140–147.
12. Рябко О. П. Когнитивный статус иронии в ху- дожественном тексте // Язык и культура в эпоху инте- грации научного знания и профессионализации обра- зования. 2023. № 4-1. С. 67–72.
13. Фирсова М. А. Инвективный потенциал иро- нии в медиадискурсе // Верхневолжский филологиче- ский вестник. 2023. № 2 (33). С. 65–71.
14. Фомичева Ж. Е. От модернизма к постмодер- низму: некоторые аспекты смены литературно- художественной парадигмы // Научные ведомости Бел- городского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2011. № 12(107). С. 160–169.
15. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 1999. 397 с.
16. Чумак В. В. Систематизация определений иронии // Филологические науки в XXI веке : акту- альность, многополярность, перспективы развития. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 203–207.
17. Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 304 с.
18. Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестник Томского госу- дарственного университета. 2019. № 440. С. 45–52.
19. Юськаева Э. И., Дубровская Т. В. Прагматика иронии в коммуникации сетевых сообществ // Дина- мика языковых и культурных процессов в современ- ной России. 2022. № 7. С. 495–499.
20. Яковенко Т. И. Ирония как имплицитное со- держание онимических единиц // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 85–91.

Reference list

1. Abrosimova L. S., Baskakova N. V. Razvitie ponjatija «ironija»: ot drevnosti do sovremennosti = The evolution of the concept «irony»: from ancient to modern times // Aktual'nye problemy filologii i lingvodidaktiki: sbornik materialov Vtoroj vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Nizhnij Novgorod, 21–22 maja 2021 goda. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet im. N. A. Dobroljubova, 2021. S. 8–13.
2. Binshtejn M. M. Funkcii ironii v politicheskom diskurse (na materiale tok-shou «60 minut») = Functions of irony in political discourse (the case of the talk show «60 Minutes») // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2020. № 11(50). S. 188–95.
3. Vengranovich M. A. «Takaja raznaja ironija»: ot stilicheskogo priema – k diffamacii = «Such different irony»: from stylistic device to defamation // Sovremennyy mediatekst i sudebnaja jekspertiza: mezhdisciplinarnye svyazi i jekspertnaja ocenka: sbornik nauchnyh rabot po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 12–13 oktjabrja 2023 goda. Moskva: OOO «SOJuZKNIG», 2023. S. 62–69.
4. Gornostaeva A. A. Ironicheskij smysl i modal'nost': novyj vzgljad na opredelenie diskursivnoj ironii = Ironic sense and modality: a new look at the definition of discursive irony // Kazanskaja nauka. 2024. № 4. S. 352–354.
5. Dement'ev V. V. Teorija rechevyh zhanrov = Theory of speech genreS. Moskva: Znak, 2010. 600 s.
6. Dudnikova L. V., Shevchenko M. S. O nekotoryh osobennostjah realizacii ironii v hudozhestvennom tekste = On certain features of irony realization in the literary text // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2020. № 3. S. 38–45.
7. Ermakova O. P. Ironija i ee rol' v zhizni jazyka = Irony and its role in the life of language. Kaluga: KGPU im. K. Je. Ciolkovskogo, 2005. 204 S.
8. Ermakova O. P. Javljaetsja li ironija rechevym zhanrom? (Eshhe raz o nekotoryh osobennostjah ironii) = Is irony a speech genre? (Once again about some features of irony) // Zhanry rechi. 2014. № 1-2 (9-10). S. 75–80.
9. Kudrjavcev A. A. Ironija i ee rol' v politicheskoy kommunikacii (na materiale britanskogo televizionnogo seriala «Yes, Minister!») = Irony and its role in political communication (based on the British television series «Yes, Minister!») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. № 5. S. 1604–1610.
10. Kuznecova E. V. Reprezentacii ironii v hudozhestvennom tekste = Representations of irony in fiction text // Gumanitarnye issledovanija. 2021. № 4(80). S. 148–152.
11. Pechenihina E. A. Leksicheskie sredstva vyrazhenija ironii u Jesy de Keirosha = Lexical means of expressing irony in Esa de Queiroz's work // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 2008. № 4. S. 140–147.
12. Rjabko O. P. Kognitivnyj status ironii v hudozhestvennom tekste = The cognitive status of irony in fiction // Jazyk i kul'tura v jepohu integracii nauchnogo znanija i professionalizacii obrazovanija. 2023. № 4-1. S. 67–72.
13. Firsova M. A. Invektivnyj potencial ironii v mediadiskurse = Invective potential of irony in media discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 2 (33). S. 65–71.
14. Fomicheva Zh. E. Ot modernizma k postmodernizmu: nekotorye aspekty smeny literaturno-hudozhestvennoj paradigmy = From modernism to postmodernism: some aspects of the literary and artistic paradigm shift // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. № 12(107). S. 160–169.
15. Halizev V. E. Teorija literatury. = Theory of literature. Moskva: Vysshaja shkola, 1999. 397 S.
16. Chumak V. V. Sistematizacija opredelenij ironii = Systematizing definitions of irony // Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopoljnost', perspektivy razvitiya. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2021. S. 203–207.
17. Shilihina K. M. Semantika i pragmatika verbal'noj ironii = Semantics and pragmatics of verbal irony. Voronezh: NAUKA-JuNIPRESS, 2014. 304 S.
18. Shkickaja I. Ju. Fenomen ironii i ee funkcii v manipulativnom diskurse = The phenomenon of irony and its functions in manipulative discourse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 440. S. 45–52.
19. Jus'kaeva Je. I., Dubrovskaja T. V. Pragmatika ironii v kommunikacii setevyh soobshhestv = The pragmatics of irony in online community communication // Dinamika jazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii. 2022. № 7. S. 495–499.
20. Jakovenko T. I. Ironija kak implicitnoe sodержanie onimicheskikh edinic = Irony as implicit content of onymic units // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2011. № 3. S. 85–91.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 811.161.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-114

EDN: WKHDER

Лексический повтор как средство связи вставных конструкций с основным содержанием высказывания

Михаил Николаевич Кулаковский

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
kulmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Аннотация. В данной статье рассматриваются особенности использования лексического повтора как средства связи вставных конструкций с основным содержанием высказывания. Материалом исследования послужили произведения В. Набокова, Г. Газданова, М. Цветаевой, М. Агеева, А. Белого, Е. Замятина, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова, Б. Пильняка, Б. Садовского. В работе определяются базовые направления исследования вставных конструкций (описание функций вставных конструкций в художественном тексте, в том числе – с точки зрения актуализации коммуникативных регистров текста, анализ вставок в аспекте формирования экспрессивности текста, потенциального информативного развертывания художественного текста, проявления эпистемической функции, выявления общих тенденций при употреблении вставок в поэзии и прозе конкретного автора, грамматической связанности с основным текстом, выявления особенностей индивидуально-авторского стиля, коммуникативной роли вставок в репрезентации установок субъектов речи, стилизации художественного текста, описания их когнитивно-прагматических особенностей, а также особенностей употребления вставных конструкций в конкретных падежных словоформах). Определяются основные типы лексического повтора, связывающего вставные конструкции с основным высказыванием (повтор слова; повтор нескольких слов, не образующих словосочетания; повтор словосочетания; повтор грамматической основы предложения (с возможной модификацией); деривационный повтор). Отмечается, что особый тип взаимодействия вставки с основным предложением оформляют сквозной повтор и прием охвата (восстанавливающий лексические и грамматические связи базового контекста). Анализ конкретных примеров позволяет выявить, какую роль играет лексический повтор в рамках вставок в плане формирования общей структуры художественного текста.

Ключевые слова: вставная конструкция; лексический повтор; художественный текст; временная модификация; сквозной повтор; прием охвата; деривационный повтор; субъектно-речевой план; синтаксический параллелизм; языковая игра

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Лексический повтор как средство связи вставных конструкций с основным содержанием высказывания // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 114–124. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-114>. <https://elibrary.ru/WKHDER>

Original article

Lexical repetition as a means of linking parentheses with the main content of an utterance

Mikhail N. Kulakovsky

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
kulmn@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8826-0883>

Abstract. This article examines the specifics of using lexical repetition as a means of linking parentheses with the main content of an utterance. The research is based on the works by V. Nabokov, G. Gazdanov, M. Tsvetaeva, M. Ageyev, A. Bely, E. Zamyatin, M. Bulgakov, I. Ilf and E. Petrov, B. Pilnyak, B. Sadovsky. The paper defines the basic trends in studying parentheses (describing the functions of parentheses in fiction, with actualization of text communicative registers; analyzing parentheses in terms of text expressiveness, potential informative unfolding of literary text, manifestation of epistemic function, identification of general tendencies in using parentheses in poetry and

prose of a particular author, grammatical coherence with the main text, identifying the specifics of individual author's style, the communicative role of parentheses in presenting the views of the subjects of speech, stylization of the fiction text, description of their cognitive-pragmatic features, as well as the specific use of parentheses in particular case forms). The author defines the main types of lexical repetition linking parentheses to the main utterance (word repetition; repetition of several words that do not form collocations; repetition of collocations; repetition of the grammatical base of a sentence (with possible modifications); derivational repetition). It is noted that a special type of interaction between the parenthesis and the main sentence is formed by continuous repetition and the technique of coverage (restoring the lexical and grammatical connections of the basic context). The analysis of particular examples helps to reveal what is the role of lexical repetition within the framework of parenthesis in terms of forming the overall structure of the literary text.

Key words: parentheses; lexical repetition; literary text; temporal modification; continuous repetition; coverage technique; derivational repetition; subject-speech plan; syntactic parallelism; language game

For citation: Kulakovskiy M. N. Lexical repetition as a means of linking parentheses with the main content of an utterance. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):114–124. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-114>. <https://elibrary.ru/WKHDER>

Введение

Объектом нашего исследования являются вставные конструкции, которые традиционно рассматриваются с различных точек зрения. Например, возможными аспектами анализа являются рассмотрение основных функций вставных конструкций в художественном тексте, в том числе – с точки зрения актуализации коммуникативных регистров текста [Арязмова, 2023], формирования экспрессивности текста [Воробьева, 2023], потенциального информативного развертывания художественного текста [Кулаковский, 2024], проявления эпистемической функции, которая «реализуется в выражении степени уверенности говорящего в достоверности или недостоверности базового предложения» [Глухова, 2023, с. 121], выявления общих тенденций при употреблении вставок в поэзии и прозе конкретного автора [Кулаковский, 2022], грамматической связанности с основным текстом [Конова, 2022], выявления особенностей индивидуально-авторского стиля [Кулаковский, 2017], коммуникативной роли вставок в репрезентации установок субъектов речи [Пантелеева, 2022], их когнитивно-прагматических особенностей [Парахонько, 2024], стилизации художественного текста [Харлова, 2021], описание особенностей употребления вставных конструкций в конкретных падежных словоформах [Юлдашева, Бабаева, 2023].

Традиционно вставные конструкции рассматриваются на материале художественного текста. В частности, объектом анализа являются повести Л. Н. Толстого [Нестерова, Данилова, 2022], романы Ф. М. Достоевского [Селеменова, 2022], поэмы Н. А. Некрасова [Кулаковский, 2012], произведения Г. Газданова [Кузнецова, 2023],

лирика В. Набокова [Дмитриева, Пьянкова, 2022].

Анализируются и произведения современной литературы, например – романы Г. Яхиной [Арязмова, 2023], А. Черчесова [Бекоева, Цаликова, 2023], Е. Водолазкина (в аспекте коммуникативных регистров [Казаков, 2020], с точки зрения метаязыкового статуса вставок [Кравченко, 2022], в коммуникативном аспекте [Горбунова, Тимошук, 2024]), повести В. Крапивина [Елисеева, 2022], рассказы Д. Рубиной [Головина, 2022], Ю. Каракура [Жуйкова, 2023б], произведения Е. Колиной [Сретенская, 2023], А. Терехова [Жуйкова, 2023а], А. Ганиевой [Лекова, Атдагаева, 2023], В. Коклюшкина [Орехова, 2023], В. Пелевина [Усманова, 2024].

Лексический повтор как средство создания экспрессивности текста также привлекает внимание исследователей. Материал для исследования данного явления также характеризуется достаточным разнообразием. Это поэзия М. В. Ломоносова [Лебедев, 2024], М. Цветаевой [Галь, 2023], А. Ахматовой [Метлякова, 2023], проза А. П. Чехова [Чжэн, 2024], Ч. Айтматова [Кабатай Кызы, 2023], Б. Шлинка [Козлова, 2024], тексты татарских песен [Миннуллин, Гиниятуллина, 2024]. Рассматриваются функции повтора в текстах политического дискурса [Мощева, 2023].

Использование лексического повтора как средства связи вставных конструкций с основным контекстом

Средства связи вставных конструкций с основным содержанием высказывания в рамках художественного текста характеризуются достаточным разнообразием. Многие из них не только выполняют важную текстоорганизующую функцию, но и становятся (в некоторых случаях) зна-

чимым элементом индивидуального стиля писателя.

Одним из актуальных средств подобного взаимодействия является лексический повтор.

Наиболее последовательно в художественном тексте представлен повтор слова. При этом достаточно часто подобное взаимодействие бывает контактным: *После вахты она вдруг вновь заговорила со всеми, весело, шумно, позвала идти гулять, на лыжах; пошли за нею многие, кроме профессоров и **врача** (у **врача** уже пухли в цинге десны и ноги)* (Б. Пильняк. Заволочье) [Пильняк, 1991, с. 385].

В этом случае вставная конструкция с функциональной точки зрения представляет собой попутное замечание, а в рамках вставки наблюдается информационное расширение компонента основного предложения. Таким образом, контактное взаимодействие лексем позволяет актуализировать переход от информативной детализации (в рамках основного контекста) к информативному расширению (в рамках вставной конструкции).

В других случаях представлено максимально дистантное взаимодействие: *Об этих людях пишут газеты, их **лица** фотографируются (причем здесь **лицо**), – появляются в журналах, и, кажется, уже очень немногого недостает, чтобы люди эти стали национальной гордостью* (М. Агеев. Роман с кокаином) [Агеев, 1990, с. 146].

При этом информационное расширение вставки заканчивается детализацией, отсылающей к основному контексту. Таким образом, наблюдается своеобразное «окольцовывание» текста. А появление повторяющегося слова в конце вставной конструкции позволяет максимально нейтрализовать разрыв основного предложения, сделать переход от вставки к основной информации более логичным.

В рамках вставной конструкции может наблюдаться повтор нескольких слов основного контекста, не образующих словосочетания: *Вечный сторожевой окрик **одной** сестры **другой** (**одной** доверчивей **другой**!) – «Не верь: обманет!»* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 146].

Подобный повтор часто сопровождается синтаксическим параллелизмом, который позволяет также актуализировать переход от информативного плана основного контекста к оценочному во вставке.

Кроме того, необходимо отметить и семантическое взаимодействие повторяющихся лексем между собой (*одной – другой*).

Связь лексических единиц вставки и основного контекста может быть как однонаправленной (например, регрессивно направленная связь в предыдущем примере), так и разнонаправленной: ***Барышни**-англичанки (**барышням** вообще **он** нравился, – разыгрывал перед ними байбака, простака) звали **его*** [Грузинова] *есть мороженое* (В. Набоков. Подвиг) [Набоков, 1989, с. 243].

Вставная конструкция, находясь в интерпозиции и разбивая основное предложение на две части, взаимодействует с ними с помощью разных контактных слов (лексема *барышни* регрессивно взаимодействует с предтекстом, а лексема *он* (также, конечно, регрессивно контактируя с предыдущим предложением) формально прогрессивно взаимодействует и со второй частью данного предложения).

В рамках вставки может быть представлен повтор словосочетания: *С, I – **какая-то нить** (между ними – для меня все время **какая-то нить**; я еще не знаю, какая – но когда-нибудь я ее распутую). Я уцепился за него глазами, он – клубочком все дальше, и за ним нить* (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990, с. 99].

При этом повторяемое во вставной конструкции словосочетание становится своеобразным информативным рефреном, актуализирующим значимые детали текста (и в определенной степени – ритмически организующим высказывание).

Вставка может содержать повтор грамматической основы предложения: ***Ты** ведь **знаешь**, что с того самого вечера (**ты знаешь**, какой я думаю) между нами установились очень тяжелые отношения* (М. Агеев. Роман с кокаином) [Агеев, 1990, с. 108].

Следует отметить, что данный тип повтора незначительно представлен в художественной прозе (особенно – повтор основы двусоставного предложения), однако он представляет собой достаточно яркий и значимый для некоторых авторов стилиевой прием актуализации информации. При этом формирование с помощью данного повтора формальной связи вставки с основным контекстом (как на семантическом, так и на структурном уровне) отражает общую тенденцию более тесного их взаимодействия.

В некоторых случаях во вставке наблюдается повтор основы с ее частичной модификацией: *Сажусь. Не оглядываюсь. Открываю рояль. Га-*

нон. В полной честности проигрываю все положенные упражнения, событий не тороплю, **само придет (сама придет)?..** (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 152].

Трансформация исходного текста позволяет автору актуализировать языковую игру, добиться «остранения» стандартного языкового клише.

Изменение грамматической основы может мотивироваться и временной модификацией текста: *Заметь, что все **стулья попали** к одному человеку, чего я никак не ожидал (боялся, что **стулья попадут** в разные места)* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [Ильф, Петров, 1991, с. 192].

Единичны случаи повтора основы предложения с распространяющим компонентом: [Художник Северный:] ***Я печально улыбнулся** (он так и сказал: **я печально улыбнулся**) и ответил: моя дорогая, я не люблю артисток* (Г. Газданов. Вечер у Клэр) [Газданов, 1990, с. 76].

Подобный повтор заставляет читателя вернуться к предтексту и увидеть в нем пропущенные значимые детали.

Достаточно уникальны случаи сквозного повтора. Он наблюдается во вставках, которые находятся в интерпозиции. При сквозном повторе слово, употребленное в первой части основного предложения, повторяется во вставной конструкции, а затем – во второй части основного предложения: *Товарищи смеются: что это, мол, наш **кулик** каким орлом ходит (в трупне отца по причине непомерного носа **куликом** величали) – а он только посвистывает да улыбается: «Ладно, мол, вот женюсь на богатой, узнаете **кулика**»* (Б. Садовской. Записки актера) [Садовской, 1990, с. 149].

Такой повтор позволяет автору актуализировать сквозной образ, представленный в различных текстовых планах. Так, в представленном примере наблюдается тройная трансформация субъектно-речевого плана (поскольку каждый повтор лексемы *кулик* связан с различными речевыми планами).

В некоторых случаях наблюдается деривационный сквозной повтор, при котором повторяются слова одного словообразовательного гнезда: *Знаю: всегда так; придут – а он скроется: **производить в кабинете какое-то** дело (**какое не скажет**); **какое** – я знаю* (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990, с. 476].

Правда, в рамках данного примера можно говорить о частичном деривационном повторе (поскольку второй повтор является точным).

Следует отметить, что при сквозном повторе может наблюдаться различное взаимодействие повторяющихся лексем.

Так, в примере из Б. Садовского можно говорить о параллельной связи (1 – 2, 1 – 3), поскольку повторяющееся слово (*кулик*) во второй части основного предложения с информативной точки зрения приоритетно связано с лексемой в первой части (речь персонажа – реакция на слова *товарищей*).

В примере из А. Белого можно говорить о последовательной связи (1 – 2 – 3). При этом последовательная связь второго и третьего слова актуализируется с помощью контекстуальной антонимии (*не скажет* – *знаю*).

Характерным для некоторых авторов (например, для Б. Пильняка и А. Белого) является использование приема охвата, при котором слово или словосочетание, употребленное перед вставкой, контактно повторяется и после нее. В этом случае автор стремится сохранить информативную и интонационную целостность основного контекста, восстановить нарушенные вставкой логические и грамматические связи: *В монастыре утром, **в исполкоме** (тоже на оконцах здесь грелись балзамины), **в исполкоме** собирались – знамение времени – кожаные люди в кожаных куртках* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988, с. 46].

Повторяющийся компонент может быть достаточно распространенным, а прием охвата сочетаться со сквозным повтором: *На службе **Сергея Сергеевича**, в сберегательной кассе, **помощник, карты сдавая** (Сергей Сергеевич и его **помощник в преферанс с болваном играли**), – **помощник, карты сдавая**, сказал: – А знаешь, **Ольга** твоя **Семеновна**, того!* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988, с. 118].

При использовании приема охвата слово (или словосочетание), употребляемое перед вставкой, служит средством контактного взаимодействия с ней и нейтрализуется в рамках основного контекста (оно необходимо как повод, «зацепка» для сообщения дополнительной информации), а следующее (употребляемое после вставки), восстанавливая нарушенные связи, функционирует как полноточный (и с информативной, и с грамматической точки зрения) компонент основного предложения.

Одной из особых разновидностей лексического повтора является повтор деривационный (который предполагает повтор слов одного словообразовательного гнезда).

Наиболее последовательно на уровне словообразовательного повтора взаимодействуют входящие в одно гнездо существительные и прилагательные: *Так плохой и неумный игрок, отгородившись **пешечным** строем от страшного партнера (к слову говоря, **пешки** очень похожи на немцев в тазах), группирует своих офицеров около игрушечного короля* (М. Булгаков. Белая гвардия) [Булгаков, 1988, с. 62].

Взаимодействующие компоненты могут располагаться в различном порядке (прилагательное в основном контексте и существительное во вставке – в предыдущем примере, но обратная последовательность наблюдается в примере следующем): *Соня, увидев отца и Дарвина и заметив что-то необычное в их лицах, подумала на сотую долю **мгновения** (бывают такие **мгновенные** кошмары), что Дарвин приехал делать предложение* (В. Набоков. Подвиг) [Набоков, 1989, с. 257].

При этом необходимо отметить, что типичным является регрессивное направление производности (производящее слово обычно находится во вставной конструкции, так как информация вставки часто мотивирует информацию основного контекста).

Менее тесная связь прослеживается в том случае, когда в деривационном повторе используются лексемы словообразовательного гнезда, не связанные отношениями непосредственной производности, лексемы с разной степенью производности (например, *охотиться* – *охотничий* в следующем примере): *Над притолокой двери, в него ведущей, **охотничий** рог Иловайского (никогда не **охотился**!), которым он сзывал гостей и детей на трапезы, поражая молодежь мощью его звона: своих легких* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 142].

Особый тип взаимодействия вставной конструкции с основным контекстом возникает при синонимическом повторе. При этом точный синонимический повтор во вставке встречается достаточно редко, а наиболее характерным является взаимодействие контекстуальных синонимов: *Осторожно, чтобы не **спугнуть**, просовываю голову, за ней, как ненадежного постороннего, впускаю тело. (Самое для меня теперь дивное, что я не только ее не боялась – ее боялась **испугать**.)* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 152].

Подобное взаимодействие обычно мотивируется изменением во вставке плана восприятия (это может быть субъектно-речевой, ассоциатив-

ный план и др.) и, как следствие, новой номинацией рассматриваемого объекта: *Я открыл тяжелую, скрипучую, непрозрачную дверь – и мы в мрачном, беспорядочном **помещении** (это называлось у них «**квартира**»)* (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990, с. 219].

В некоторых случаях автор намеренно актуализирует контекстуальную синонимичность языковых единиц, подчеркивая определенный логический ход: *При первом **ходе** (= **выстреле**) под дулом двигателя оказался с десятков зазевавшихся номеров из нашего эллингa – от них ровно ничего не осталось, кроме каких-то крошек и сажки* (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990, с. 269].

Синонимический повтор может отражать ассоциативное взаимодействие лексических единиц в едином субъектно-речевом плане. В одних случаях – это субъектно-речевой план автора (повествователя): – *Марфа!.. Марфуша!.. Марфушечка! – и Егор судорожно гладит голову Марфуши дрожащими своими руками с иссохшими **длинными (дворянскими)** пальцами* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988, с. 62].

В других случаях – это субъектно-речевой план персонажа: – *Россия, революция, купцы сном хоромы накопили, и вот ты **чистый (целомудренный)** уродился, – к черту!..* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988, с. 63].

Однако взаимодействие может наблюдаться и между различными субъектно-речевыми планами: *Да и бабнёт непристойность, осклабится весь и покажет «**лалаки**» свои (это, знаю я, **десны**: так бабушка их называет), гогочет-кокочет, заперкает, выпустит лётное слово; и – сгинет дня на три* (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990, с. 506].

Характерным типом взаимодействия вставки с основным контекстом является обыгрывание омонимического взаимодействия лексем, что позволяет автору актуализировать ассоциативные связи лексических единиц и сформировать самодостаточный художественный образ: *Жаркий, жгучего бархата, костюм мальчика. Мальчик, которого так одевают, называется **паж** (и черный шнурок с змеиной головкой, которым подбирают юбку, – **паж**.)* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 124].

При этом последовательно прослеживается трансформация повествовательного плана и контактное информативное расширение.

В некоторых случаях взаимодействие омонимов (или разных значений многозначного слова)

сопровождается словообразовательной или формообразовательной модификацией: ... *Воят в трубе древотрясные ветры; и явственно слышится звук белендрасов, строчимых на швейной машинке (строчится экспромт: маскарадный костюм)* (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990, с. 540–541].

Важным для актуализации создаваемого образа является и антонимическое взаимодействие компонентов вставки и основного предложения: *Шел над полями Добрыня, метал пригоринями по ледяной, осенней небесной тверди белые звезды (падали иные из них на черную землю), лежала земля уставшая, безмолвная, — как вороненая сталь лат Добрыни...* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988, с. 159].

Чаще всего подобное взаимодействие позволяет актуализировать зрительный план восприятия (как это наблюдается в предыдущем примере). Однако характерным является и сопоставление различных планов восприятия: ... *Родители сами были гнетомые — гнел дом, сам дом со всеми в нем прежде жившими и жившими так, как нынче жить уже нельзя (а было ли когда-нибудь можно?)* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 137].

Особенно ярко такая связь проявляется в том случае, когда антонимы включаются в структурно однотипные конструкции, что позволяет создать информативную энантиосемию определенного текстового компонента.

Таким образом, антонимы не только связывают вставную конструкцию с основным предложением, но и создают или усиливают отношения контраста, служат средством создания текстовых оппозиций, актуализируют взаимодействующие в контексте противопоставленные друг другу образы и представления.

Интересными представляются и случаи паронимического взаимодействия вставки с основным предложением. Русская литература двадцатого века характеризуется «паронимическим взрывом», который наблюдается как в поэзии, так и в прозе. При этом внимание многих писателей к внутренней форме слова, его графическому и звуковому восприятию активизирует паронимическое взаимодействие вставных конструкций с основным контекстом (хотя и не формирует его как регулярное явление, характерное для художественной прозы данного периода в целом). Особенно интересны в этом отношении примеры из произведений М. Цветаевой, которая, намеренно сталкивая паронимы, доби-

вается многогранности образа, актуализирует звуковые связи лексических единиц, заставляет читателя обратить внимание на внутреннюю форму слова, сближает неродственные слова, извлекая дополнительные смыслы: *Это была первая модель велосипеда, подаренная, вернее оставленная (проще — отставленная!) нещедрым дедом доросшему до науки внуку* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 125].

Формальным и достаточно последовательно представленным средством взаимодействия вставки и основного предложения является анафорическая замена слова основной части местоимением или местоименным наречием. При этом в рамках вставки может наблюдаться и обратная трансформация (в основной части наблюдается замена местоимением, а во вставке — конкретизация): *Девушка — бежать, мать за ней, так и мчатся они по пустым полям (дочь-то по земле, а мать-то за ней — по-над землею)* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 133].

В некоторых случаях во вставке представлена замена нескольких лексем основного контекста с прямым или обратным (как это наблюдается в следующем примере) порядком замещаемых компонентов: *Лиза согласилась и, взяв Воробьянинова под руку (он казался ей удивительно милым представителем науки), направилась к выходу* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [Ильф, Петров, 1991, с. 173].

Кроме того, во вставной конструкции может быть представлен формальный лексический повтор самого местоимения: *Первая жена и все трое детей от первого брака умерли. Помню в семейном альбоме чудесные лица этих мальчиков. (Красота в этой семье цвела!)* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 126].

В других случаях местоимение может выступать в качестве средства актуализации определенной лексемы: *А. А., не дождавшись конца лечения, под предлогом дороговизны жизни (двое в одной комнате, пансион по пять франков, миллионы...), на самом же деле — из-за успехов Нади (неблагонадежного состава этих «успехов») увозит детей из морского Нерви в сырое иловатое «Спасское»* (М. Цветаева. Дом у старого Пимена) [Цветаева, 1989, с. 132].

Традиционно местоимение находится в постпозиции по отношению к замещаемому слову. Однако в некоторых случаях может наблюдаться перекрестное взаимодействие лексических единиц с формальной препозицией взаимодейству-

ющего во вставке компонента.

Бумага застрекотала и я заметил, что в нем кулке находится вдетый в него плотную еще другой кулек, из белой (она-то и застрекотала) словно бы воцеленной бумаги (М. Агеев. Роман с кокаином) [Агеев, 1990, с. 131].

В данном примере местоимение устанавливает разнонаправленную связь с основным предложением, причем ведущей с информативной точки зрения является именно вторая (регрессивно направленная) связь.

Заключение

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет говорить, что основными типами лексического повтора, связывающими вставные конструкции с основным высказыванием, являются следующие:

- повтор слова;
- повтор нескольких слов, не образующих словосочетания;
- повтор словосочетания;
- повтор грамматической основы предложения (с возможной модификацией);

Тесно связаны с лексическим повтором следующие типы взаимодействия:

- деривационный повтор;
- синонимический повтор;
- омонимический повтор;
- антонимический повтор;
- паронимический повтор;
- анафорическая замена местоимением или местоименным наречием.

Особый тип взаимодействия вставки с основным предложением оформляют:

- сквозной повтор;
- прием охвата (восстанавливающий лексические и грамматические связи базового контекста).

Библиографический список

1. Агеев М. Роман с кокаином // Роман с кокаином; Паршивый народ. Москва : Художественная литература, 1990. С. 3–186.
2. Арзамова О. В. Парантезические конструкции как средство актуализации коммуникативных регистров текста (на материале романа Г. Ш. Яхиной «Эшелон на Самарканд») // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2023. № 1(48). С. 57–61.
3. Бекоева М. Т., Цаликова М. А. Парантезные построения в тексте романа Алана Черчесова «Венок на могилу ветра» // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 3. С. 9–27.

4. Белый А. Крещеный китаец // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990. С. 461–604.

5. Булгаков М. А. Белая гвардия. // Белая гвардия; Мастер и Маргарита: Романы. Минск : Ураджай, 1988. С. 16–270.

6. Воробьева Е. Н. Парентеза как явление экспрессивного синтаксиса // Новый мир. Новый язык. Новое мышление, Москва, 03 февраля 2023 года. Москва : Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2023. С. 12–16.

7. Газданов Г. Вечер у Клэр // Вечер у Клэр: Романы и рассказы. Москва : Современник, 1990. С. 18–127.

8. Галь С. А. Лексический повтор в поэтической речи М. Цветаевой // Слово и текст: теория и практика коммуникации: сборник научно-методических трудов. Армавир : Армавирский государственный педагогический университет, 2023. С. 149–152.

9. Глухова О. П. Эпистемическая функция вставных конструкций // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 2 (45). С. 119–122.

10. Головина Т. А. Вставные конструкции в рассказе Дины Рубиной «Кошки в Иерусалиме» // Лекантовские чтения – 2022. Материалы Международной научной конференции. Москва : Московский государственный областной педагогический университет, 2022. С. 300–304.

11. Горбунова Ю. С., Тимошук А. А. Вставные конструкции в романе Е. Г. Водолазкина «Брисбен»: коммуникативный аспект // Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 103. № 2. С. 55–60.

12. Дмитриева Н. М., Пьянкова В. И. Особенности семантики синтаксических конструкций в лирике В. Набокова // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 38–42.

13. Елисеева Д. А. Семантика вставных конструкций в автобиографической повести В. П. Крапивина «Славка с улицы Герцена» // Языковая политика и вопросы гуманитарного образования. Пенза : Пензенский государственный университет, 2022. С. 292–294.

14. Жуйкова Т. С. Специфика функционирования вставных конструкций в произведениях А. Терехова // Linguistica Juvenis. 2023a. № 25. С. 66–79.

15. Жуйкова Т. С. Специфика функционирования вставных конструкций в рассказах Ю. Каракура в аспекте коммуникативных регистров // Актуальные проблемы филологии. 2023b. № 27. С. 102–119.

16. Замятин Е. И. Мы // Избранные произведения. Москва : Советская Россия, 1990. С. 15–154.

17. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев. Москва : Правда, 1991. 400 с.

18. Кабатай Кызы А. Роль лексического повтора в организации текста романа Ч. Айтматова «Когда падают горы (Вечная невеста)» // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9, № 11. С. 519–524.

19. Казаков В. П. Функции вставных конструкций в зеркале коммуникативных регистров речи (в романе Е. Г. Водолазкина «Авиатор») // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 4. Т. 17. С. 633–649.

20. Козлова Л. Н. Переводческий аспект употребления повтора-подхвата в романе Б. Шпинка «Чтец» // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2024. № 1(52). С. 103–108.

21. Кононова И. Ю. К вопросу о грамматически связанных с основным текстом вставных конструкциях (на материале очерка М. Цветаевой «История одного посвящения») // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 1 (459). Филологические науки. Вып. 127. С. 48–57.

22. Кравченко М. А. О метаязыковом статусе парентетических конструкций в художественных и публицистических произведениях Е. Водолазкина // Современный ученый. 2022. № 3. С. 41–49.

23. Кузнецова Е. В. Вставные конструкции как отражение субъективно-авторской модели повествования в романе Г. Газданова «Les chemins nocturnes» // Теоретические и практические аспекты лингвистики, методики преподавания иностранных языков, межкультурной коммуникации и литературоведения: материалы Всероссийской научно-практической конференции преподавателей, студентов, магистрантов, аспирантов, Астрахань, 22 февраля 2023 года. Астрахань: Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 2023. С. 173–180.

24. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции в поэмах Н. А. Некрасова // Ярославский педагогический вестник. 2012. Т. 1. № 2. С. 174–178.

25. Кулаковский М. Н. Вставные конструкции и индивидуально-авторский стиль // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 1. С. 53–56.

26. Кулаковский М. Н. Потенциальное информативное развертывание художественного текста в рамках вставных конструкций // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 1 (36). С. 94–101.

27. Кулаковский М. Н. Функции вставных конструкций в поэзии и прозе В. В. Набокова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1(28). С. 87–95.

28. Лебедев А. А. Дистантный лексический повтор в поэзии М.В. Ломоносова // Третьи Фортунатовские чтения в Карелии: Сборник статей международной научной конференции, Петрозаводск, 05–06 июня 2023 года. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2024. С. 62–65.

29. Лекова П. А., Атадаева М. М. Парентеза как особенность идиостиля Алисы Ганиевой // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 38. № 3. С. 87–95.

30. Метлякова Е. В. Идентичные повторы в поэзии Анны Ахматовой // Стратегии межкультурного взаимодействия в контексте мирового образовательного пространства: опыт и перспективы: Материалы X Международной научно-практической конференции, Ижевск, 21–22 ноября 2023 года. Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2023. С. 168–172.

31. Миннуллин К. М., Гиниятуллина Л. М. Роль лексического повтора в текстах татарских песен // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 10. С. 3597–3601.

32. Мощева С. В. Функциональные особенности повтора (на материале политического дискурса) // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2023. Т. 33. № 6. С. 1327–1334.

33. Набоков В. В. Подвиг // Другие берега. Москва: Книжная палата, 1989. С. 150–258.

34. Нестерова Н. А., Данилова Н. Е. Специфика функционирования вставных конструкций в повестях Л. Н. Толстого // Русский язык в контексте национальной культуры: Материалы V Международной научной конференции. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, 2022. С. 124–129.

35. Орехова Е. Н. Вставные конструкции в авторской колонке В. М. Коклюшкина // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения д-ра филол. н., профессора Войловой К. А. Москва: Постатор, 2023. С. 279–284.

36. Пантелеева Е. А. Коммуникативная роль вставных конструкций в репрезентации установок субъектов речи // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм. Сборник научных статей. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. С. 61–67.

37. Парахонько Л. В. Когнитивно-прагматические особенности вставных конструкций в художественной литературе русского языка // Lingua-Universum. 2024. № 1. С. 84–89.

38. Пильняк Б. А. Голый год // Целая жизнь. Минск: Мастацкая літаратура, 1988. С. 29–169.

39. Пильняк Б. А. Заволочье // Повести и рассказы. 1915–1929. Москва: Современник, 1991. С. 332–400.

40. Садовской Б. А. Записки актера // Лебединые клики. Москва: Советская Россия, 1990. С. 148–168.

41. Селеменова О. А. О вставных конструкциях в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Роман Ф. М. Достоевского «Бесы» в контексте духовной традиции и «большого времени» русской культуры. Материалы Всероссийской научной конференции. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2022. С. 190–195.

42. Сретенская Л. В. Анализ вставных конструкций в прозе Е. Кожиной (на материале романа «Требуется я!») // Проблемы преподавания филологических дисциплин в высшей школе. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. С. 209–215.

43. Усманова Л. А. Концептуально-прагматический статус парентезы в художественном дискурсе В.О. Пелевина // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2-1(58). С. 433–437.

44. Харлова Н. М. Вставные конструкции как средство стилизации художественного текста // *Sciences of Europe*. 2021. № 77-2 (77). С. 45–49.

45. Цветаева М. И. Дом у Старого Пимена // *Проза*. Москва : Современник, 1989. С. 122–163.

46. Чжэн Е. Лексический повтор в речи персонажей в прозе А.П. Чехова // *Современное педагогическое образование*. 2024. № 8. С. 299–304.

47. Юлдашева У. И., Бабаева М. С. Функции вставных конструкции и их употребления в падежных формах. Уфа : Научно-издательский центр «Вестник науки», 2023. С. 301–305.

Reference list

1. Ageev M. Roman s kokainom = A romance with cocaine // *Roman s kokainom; Parshivij narod*. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 3–186.

2. Arzjamova O. V. Paranteticheskie konstrukcii kak sredstvo aktualizacii kommunikativnyh registrov teksta (na materiale romana G. Sh. Jahinoj «Jeshelon na Samarkand») = Paranthetic constructions as a means of actualizing text communicative registers (the case of G. Sh. Yakhina's novel «Echelon to Samarkand») // *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*. 2023. № 1(48). S. 57–61.

3. Bekoeva M. T., Calikova M. A. Paranteznye postroenija v tekste romana Alana Charchesova «Venok na mogilu vetra» = Paranthesis constructions in the text of Alan Charchesov's novel A Wreath for the Wind's Grave // *Nauchnyj dialog*. 2023. T. 12. № 3. S. 9–27.

4. Belyj A. Kreshhenyj kitaec = A baptized Chinese man // *Serebrjanyj golub'*. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 461–604.

5. Bulgakov M. A. Belaja gvardija = The White Guard // *Belaja gvardija; Master i Margarita: Romany*. Minsk : Uradzhaj, 1988. S. 16–270.

6. Vorob'eva E. N. Parenteza kak javlenie jekspressivnogo sintaksisa = Parenthesis as a phenomenon of expressive syntax // *Novyj mir. Novyj jazyk. Novoe myshlenie*, Moskva, 03 fevralja 2023 goda. Moskva : Diplomaticeskaja akademija Ministerstva inostrannyh del Rossijskoj Federacii, 2023. S. 12–16.

7. Gazdanov G. Večer u Kljer = An Evening with Clare // *Večer u Kljer: Romany i rasskazy*. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 18–127.

8. Gal' S. A. Leksicheskiy povtor v pojeticheskoy rechi M. Cvetaevoj = Lexical repetition in M. Tsvetaeva's poetic speech // *Slovo i tekst: teorija i praktika kommunikacii: sbornik nauchno-metodicheskikh trudov*. Armavir : Armavirskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet, 2023. S. 149–152.

9. Gluhova O. P. Jepistemicheskaja funkcija vstavnyh konstrukcij = Epistemic function of parenthetical constructions // *Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023. № 2 (45). S. 119–122.

10. Golovina T. A. Vstavnye konstrukcii v rasskaze Diny Rubinoj «Koshki v Ierusalime» = Parenthetical constructions in Dina Rubina's story «Cats in Jerusalem» //

Lekantovskie chtenija – 2022. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj pedagogičeskij universitet, 2022. S. 300–304.

11. Gorbunova Ju. S., Timoshhuk A. A. Vstavnye konstrukcii v romane E. G. Vodolazkina «Brisben»: kommunikativnyj aspekt = Parenthetical constructions in E. G. Vodolazkin's novel «Brisbane»: the communicative aspect // *Gumanitarnye i social'nye nauki*. 2024. T. 103. № 2. S. 55–60.

12. Dmitrieva N. M., P'jankova V. I. Osobennosti semantiki sintaksicheskikh konstrukcij v lirike V. Nabokova = Specific semantics of syntactic constructions in V. Nabokov's poetry // *Professorskij zhurnal. Serija: Russkij jazyk i literatura*. 2022. № 2 (10). S. 38–42.

13. Eliseeva D. A. Semantika vstavnyh konstrukcij v avtobiograficheskoj povesti V. P. Krapivina «Slavka s ulicy Gercena» = Semantics of parenthetical constructions in V. P. Krapivin's autobiographical story Slavka from Gertsen Street // *Jazykovaja politika i voprosy gumanitarnogo obrazovanija*. Penza : Penzenskij gosudarstvennyj universitet, 2022. S. 292–294.

14. Zhujkova T. S. Specifika funkcionirovanija vstavnyh konstrukcij v proizvedenijah A. Terehova = Specific functioning of parenthetical constructions in A. Terekhov's works // *Linguistica Juveni*. 2023a. № 25. S. 66–79.

15. Zhujkova T. S. Specifika funkcionirovanija vstavnyh konstrukcij v rasskazah Ju. Karakura v aspekte kommunikativnyh registrov = Specificity of parenthetical constructions functioning in Y. Karakur's stories in the aspect of communicative registers // *Aktual'nye problemy filologii*. 2023b. № 27. S. 102–119.

16. Zamjatin E. I. My = We // *Izbrannye proizvedenija*. Moskva : Sovetskaja Rossiya, 1990. S. 15–154.

17. Il'f I. A., Petrov E. P. Dvenadcat' stul'ev = The Twelve Chairs. Moskva : Pravda, 1991. 400 s.

18. Kabataj Kzy A. Rol' leksicheskogo povtora v organizacii teksta romana Ch. Ajtmatova «Kogda padajut gory (Vechnaja nevesta)» = The role of lexical repetition in the structure of Ch. Aitmatov's novel When Mountains Fall (The Eternal Bride) // *Bjulleten' nauki i praktiki*. 2023. T. 9, № 11. S. 519–524.

19. Kazakov V. P. Funkcii vstavnyh konstrukcij v zerkale kommunikativnyh registrov rechi (v romane E. G. Vodolazkina «Aviator») = Functions of parenthetical constructions in the mirror of communicative speech registers (in E. G. Vodolazkin's novel The Aviator) // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*. 2020. № 4. T. 17. S. 633–649.

20. Kozlova L. N. Perevodcheskiy aspekt upotreblenija povtora-podhvata v romane B. Shlinka «Chtec» = Translation aspect of using repetition-anadiplosis in B. Schlink's novel The Reader // *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*. 2024. № 1(52). S. 103–108.

21. Kononova I. Ju. K voprosu o grammaticheski svyazannyh s osnovnym tekstem vstavnyh konstrukcijah (na materiale ocherka M. Cvetaevoj «Istorija odnogo

posvjashhenija») = On the question of parenthetic constructions grammatically linked to the main text (based on M. Tsvetaeva's essay The Story of One Dedication) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. № 1 (459). Filologicheskie nauki. Vyp. 127. S. 48–57.

22. Kravchenko M. A. O metajazykovom statuse parenteticheskikh konstrukcij v hudozhestvennyh i publicisticheskikh proizvedenijah E. Vodolazkina = On the meta-linguistic status of parenthetical constructions in E. Vodolazkin's fiction and journalistic works // Sovremennyy uchenyy. 2022. № 3. S. 41–49.

23. Kuznecova E. V. Vstavnye konstrukcii kak otrazhenie sub#ektivno-avtorskoj modeli povestvovaniya v romane G. Gazdanova «Les chemins nocturnes» = Parenthetic constructions as a reflection of subjective author model of narration in G. Gazdanov's novel «Les chemins nocturnes» // Teoreticheskie i prakticheskie aspekty lingvistiki, metodiki prepodavaniya inostrannyh jazykov, mezhkul'turnoj kommunikacii i literaturovedeniya: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii prepodavatelej, studentov, magistrantov, aspirantov, Astrahan', 22 fevralja 2023 goda. Astrahan': Astrahanskij gosudarstvennyj universitet im. V. N. Tatishheva, 2023. S. 173–180.

24. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii v poemah N. A. Nekrasova = Parenthetic constructions in N. A. Nekrasov's poems // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2012. T. 1. № 2. S. 174–178.

25. Kulakovskij M. N. Vstavnye konstrukcii i individual'no-avtorskij stil' = Parenthetic constructions and individual auteur style // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2017. № 1. S. 53–56.

26. Kulakovskij M. N. Potencial'noe informativnoe razvertyvanie hudozhestvennogo teksta v ramkah vstavnyh konstrukcij = Potential informative unfolding of a literary text within the framework of parenthetic constructions // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2024. № 1 (36). S. 94–101.

27. Kulakovskij M. N. Funkcii vstavnyh konstrukcij v poezii i proze V. V. Nabokova = The functions of parenthetic constructions in V. V. Nabokov's poetry and prose // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2022. № 1(28). S. 87–95.

28. Lebedev A. A. Distantnyj leksicheskij povtor v poezii M.V. Lomonosova // Tret'i Fortunatovskie chteniya v Karelii = Distant lexical repetition in M.V. Lomonosov's poetry // Third Fortunatov Readings in Karelia: Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Petrozavodsk, 05–06 ijunya 2023 goda. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 2024. S. 62–65.

29. Lekova P. A., Atdageeva M. M. Parenteza kak osobennost' idiostilja Alisy Ganievoj = Parenthesis as a feature of Alisa Ganieva's idiostyle // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2: Gumanitarnye nauki. 2023. T. 38. № 3. S. 87–95.

30. Metljakova E. V. Identichnye povtory v poezii Anny Ahmatovoj = Identical repetitions in Anna Akhmatova's poetry // Strategii mezhkul'turnogo vzaimodejstviya

v kontekste mirovogo obrazovatel'nogo prostranstva: opyt i perspektivy: Materialy X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Izhevsk, 21–22 nojabrja 2023 goda. Izhevsk: Udmurtskij gosudarstvennyj universitet, 2023. S. 168–172.

31. Minnullin K. M., Ginijatullina L. M. Rol' leksicheskogo povtora v tekstah tatarskikh pesen = The role of lexical repetition in Tatar song lyrics // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16. № 10. S. 3597–3601.

32. Moshheva S. V. Funkcional'nye osobennosti povtora (na materiale politicheskogo diskursa) = Functional specifics of repetition (in political discourse) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija Istoriya i filologija. 2023. T. 33. № 6. S. 1327–1334.

33. Nabokov V. V. Podvig = The feat // Drugie berega. Moskva: Knizhnaja palata, 1989. S. 150–258.

34. Nesterova N. A., Danilova N. E. Specifika funkcionirovaniya vstavnyh konstrukcij v povestjah L. N. Tolstogo = Specific functioning of parenthetic constructions in L. N. Tolstoy's novels // Russkij jazyk v kontekste nacional'noj kul'tury: Materialy V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Saransk: Nacional'nyj issledovatel'skij Mordovskij gosudarstvennyj universitet im. N.P. Ogarjova, 2022. S. 124–129.

35. Orehova E. N. Vstavnye konstrukcii v avtorskoj kolonke V. M. Kokljushkina = Parenthetic constructions in V. M. Kokljushkin's authorial column // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju so dnja rozhdenija d-ra filol. n., professora Vojlovoj K. A. Moskva: Postator, 2023. S. 279–284.

36. Panteleeva E. A. Kommunikativnaja rol' vstavnyh konstrukcij v reprezentacii ustanovok sub#ektov rechi = Communicative role of parenthetic constructions in representing the speech subjects' attitudes // Novejšaja filologija: dinamika rečevykh i tekstovykh form. Sbornik nauchnyh statej. Omsk: Omskij gosudarstvennyj universitet im. F.M. Dostoevskogo, 2022. S. 61–67.

37. Parahon'ko L. V. Kognitivno-pragmaticheskie osobennosti vstavnyh konstrukcij v hudozhestvennoj literature russkogo jazyka = Cognitive and pragmatic features of parenthetic constructions in the Russian language fiction // Lingua-Universum. 2024. № 1. S. 84–89.

38. Pil'njak B. A. Golyj god = The Naked Year // Celaja zhizn'. Minsk: Mastackaja litaratura, 1988. S. 29–169.

39. Pil'njak B. A. Zavoloch'e = Zavolochye // Povesti i rasskazy. 1915–1929. Moskva: Sovremennik, 1991. S. 332–400.

40. Sadovskoj B. A. Zapiski aktera = The actor's notes // Lebedinye kliki. Moskva: Sovetskaja Rossiya, 1990. S. 148–168.

41. Selemenova O. A. O vstavnyh konstrukcijah v romane F. M. Dostoevskogo «Besy» = On parenthetic constructions in F. M. Dostoevsky's novel Devils // Roman F. M. Dostoevskogo «Besy» v kontekste duhovnoj

tradicii i «bol'shogo vremeni» russkoj kul'tury. Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet imeni P.P. Semenova-Tjan-Shanskogo, 2022. S. 190–195.

42. Sretenskaja L. V. Analiz vstavnyh konstrukcij v proze E. Kolinoj (na materiale romana «Trebyjus' ja!») = Parenthetic constructions analysis in E. Kolina's prose (the case of the novel «I am required!») // Problemy prepodavaniya filologičeskikh disciplin v vysshej shkole. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet promyšlennyh tehnologij i dizajna, 2023. S. 209–215.

43. Usmanova L. A. Konceptual'no-pragmatičeskij status parentezy v hudozhestvennom diskurse V.O. Pelevina = Conceptual and pragmatic status of parenthesis in V.O. Pelevin's literary discourse // Kognitivnye issledovaniya jazyka. 2024. № 2-1(58). S. 433–437.

44. Harlova N. M. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo stilizacii hudozhestvennogo teksta = Parenthetic constructions as a means of stylizing a fiction text // Sciences of Europe. 2021. № 77-2 (77). S. 45–49.

45. Cvetaeva M. I. Dom u Starogo Pimena = The house at Old Pimen's // Proza. Moskva: Sovremennik, 1989. S. 122–163.

46. Chzhjen E. Leksichesij povtor v rechi personazhej v proze A.P. Chehova = Lexical repetition in the speech of characters in A.P. Chekhov's prose // Sovremennoe pedagogičeskoe obrazovanie. 2024. № 8. S. 299–304.

47. Juldasheva U. I., Babaeva M. S. Funkcii vstavnyh konstrukcij i ih upotreblenija v padezhnyh formah = Functions of parenthetic constructions and their use in case forms. Ufa: Nauchno-izdatel'skij centr «Vestnik nauki», 2023. S. 301–305.

Статья поступила в редакцию 27.03.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 27.03.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья
УДК 811.161.1.06
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-125
EDN: WOAFLB

**Лингвопрагматические особенности употребления песенных фраз В. Высоцкого
в газетно-публицистической речи (на материале песни «Утренняя гимнастика»)**

Инна Викторовна Шумкина

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

inshuu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1470-6103>

Аннотация. Данная статья посвящена интертекстуальному потенциалу песенного творчества В. Высоцкого. Материалом для исследования послужили газетно-журнальные публикации на общественно-политические темы с фрагментами песни «Утренняя гимнастика». В работе даётся социокультурная и лингвистическая характеристика цитат, рассматриваются их семантические, стилистические и структурные трансформации в журналистских текстах. Широкое распространение фрагментов песни обусловлено особой исторической и культурной значимостью текста-источника, что подтверждается материалами, в которых песенные фразы используются в качестве документа эпохи. На риторическую привлекательность песенных фраз влияют их лингвопрагматические свойства, среди которых рассмотрены: характеристичность, афористичность, императивность и разговорный характер. Выявлено, что песенные выражения в публицистической речи развивают различные социально-оценочные значения, демонстрируя амбивалентный характер оценивания. Цитаты и крылатые выражения из песни способствуют передаче многообразных стилистических оттенков публицистической речи – от высокого до сниженного, от восторженного до иронического «звучания» газетно-журнального текста. При этом сами фрагменты песни претерпевают семантико-стилистические деформации, которые выражаются в смене исходной эмоционально-экспрессивной тональности или её нейтрализации. Установлено, что смысловые и риторические возможности фраз поэта расширяются за счёт структурно-семантических трансформаций. Были выделены следующие виды трансформаций: буквализация, переосмысление, двойная актуализация, лексическая замена, расширение и усечение компонентного состава, грамматические модификации. Вариативность песенных строк в прессе способствует их фразеологизации. Материал исследования позволяет уточнить данные лексикографических работ и углубить представление об авторских песнях В. Высоцкого как источнике логозипистем и прецедентных феноменов в современной речевой практике.

Ключевые слова: цитата; крылатое выражение; интертекст; прецедентный текст; трансформация фразеологизмов; бардовская песня; Высоцкий

Для цитирования: Шумкина И. В. Лингвопрагматические особенности употребления песенных фраз В. Высоцкого в газетно-публицистической речи (на материале песни «Утренняя гимнастика») // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 125–137. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-125>. <https://elibrary.ru/WOAFLB>

Original article

**Linguopragmatic features of using V. Vysotsky's song phrases in newspaper journalism
(the case of the song «Morning exercises»)**

Inna V. Shumkina

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34
inshuu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1470-6103>

Abstract. This article examines the intertextual potential of V. Vysotsky's songwriting. The study is based on newspaper and magazine publications about social-political topics with some phrases from the song «Morning

exercises». The paper gives a sociocultural and linguistic characterization of the quotes, examines their semantic, stylistic and structural transformations in journalistic texts. The wide use of the song fragments is due to special historical and cultural significance of the source text, which is proved by the publications where song phrases are used as a document of the soviet period. The rhetorical appeal of song phrases is due to their linguopragmatic features, among which are the following: characterization, aphorism, imperativeness and colloquial character. The author demonstrates that song expressions in journalistic speech develop different social-evaluative meanings, showing the ambivalent character of evaluation. The song quotations and catchphrases help to convey a variety of stylistic shades in journalistic speech – from high to low, from enthusiastic to ironic «sound» of the newspaper and magazine text. At the same time, the song fragments themselves undergo semantic and stylistic deformations, resulting in changing the initial emotional-expressive tone or in its neutralization. The author states that the semantic and rhetorical potential of the poet's phrases is expanded due to structural-semantic transformations, and outlines the following types of transformations: literalization, reinterpretation, double actualization, lexical substitution, expansion and clipping of the structure, and grammar modifications. The variability of song lines in the press results in their phraseologization. The research helps to clarify the data of relevant lexicographic works and contributes to deeper understanding of V. Vysotsky's songs as a source of logoepestemes and precedent phenomena in modern speech.

Key words: quotation; catchphrase; intertext; precedent text; transformation of phraseological units; bard song; Vysotsky

For citation: Shumkina I. V. Linguopragmatic features of using V. Vysotsky's song phrases in newspaper journalism (the case of the song «Morning exercises»). *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(2):125–137. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-125>. <https://elibrary.ru/WOAFLLB>

Введение

В современной науке феномен В. С. Высоцкого занимает особое положение. В. С. Высоцкого называют «поэтом национального масштаба в пространстве русской литературы» [Козлова, 2022], указывая, что его произведения стали «новым фольклором» [Климакова, 2010, с. 8]. Песни В. С. Высоцкого являются беспрецедентным явлением «по степени распространения, растворения в речевой культуре масс» [Горелов, Седов, 2004, с. 198]. А. В. Прокофьева подчёркивает парадоксальность такой популярности, ведь цензура запрещала использовать строки из песен поэта в печати [Прокофьева, 2014, с. 346].

Феномен песен В. С. Высоцкого заключался в особых способах воздействия на целевую аудиторию. Л. Г. Кихней отмечает, что произведения поэта были близки людям разных взглядов и сословий, потому что в них «находили отражение зачатки многих идей и представлений, которые бродили в советском обществе», а поэт, «словно камертон, умел улавливать общее настроение времени <...> и воспроизводить механизмы коллективного сознания» [Кихней, 2024, с. 184].

Современные исследования, посвященные произведениям поэта как источнику чужого слова, ведутся в двух направлениях – литературоведческом и лингвистическом. Литературоведческие работы сконцентрированы на изучении интертекстуальных вопросов взаимодействия текстов В. С. Высоцкого и других авторов. Так, Х. Пфандль приходит к выводу, что активное обращение к поэтическому слову поэта наблюда-

ется в поэзии русского рока, в которой именно с В. С. Высоцким ведётся «интенсивный диалог» [Пфандль, 2002, с. 365]. Интертекстуальные исследования обнаруживают, что помимо поэтических текстов [Петрова, 2020; Доманский, 2022; Зыховская, 2022; Шурина, Баюшкина, 2023] произведения поэта в качестве источника аллюзий и реминисценций выступают в художественной прозе [Изотов, 2020; Киреева, Гореликова, 2023] и в драматургии [Загороднева, 2017].

Лингвистическое направление исследований связано с изучением вопросов фразеологизации фрагментов песен поэта. Афористичность песенного творчества поэта, крылатые выражения из его произведений стали предметом отдельного рассмотрения в работах Л. П. Дядечко, С. Вдовина, А. Е. Крылова С. Г. Шулежковой [Дядечко, 1998; Шулежкова, 1999; Вдовин, 2000; Крылов, 2011]. Как правило, исследователи сосредоточивали своё внимание на выявлении круга цитат из песен поэта, претендующих на статус крылатых единиц, отмечали, в каких структурных частях текста используются фрагменты песен. В работах А. Е. Крылова затрагиваются вопросы трансформации выражений поэта, выделяются разнообразные приёмы смысловых и структурных преобразований песенных строк в газетно-публицистической речи рубежа XX–XXI вв.

Масштабы проникновения творчества поэта в речевую среду нашли отражение в лексикографической практике. Так, авторитетный «Словарь крылатых выражений из области искусства. Более 1000 крылатых выражений» С. Г. Шулежко-

вой (М., 2003) включает 47 выражений из 28 песен поэта. Подобное соотношение наблюдается только у пушкинских крылатых единиц (54 фразы из 20 произведений поэта, положенных в основу опер или романсов). Современному состоянию лексикографического описания крылатых выражений В. Высоцкого посвящена статья А. В. Прокофьевой, в которой автор называет 15 лексикографических работ, содержащих крылатые выражения поэта [Прокофьева, 2014].

Отметим, что популярность и авторитетность слова поэта приводят к тому, что В. С. Высоцкому приписывают авторство чужих высказываний. Так, А. И. Кабанков выявляет в современном интернет-пространстве более двадцати текстов, приписываемых поэту. «Чужие» высказывания представляют собой морально-нравственные сентенции, которые обладают «яркой аксиологичностью и значительным миромоделирующим потенциалом» благодаря включенности в прецедентный мир Высоцкого [Кабанков, 2017, с. 81].

Среди цитируемых текстов В. С. Высоцкого на первый план выходят тексты юмористических, сатирических песен. В этом отношении показательные результаты социологического опроса, проведённого ВЦИОМом в 1999 году среди 720 жителей Москвы: они выявляют «присущее любителям Высоцкого чувство юмора и некоторое предпочтение «смешного и весёлого» Высоцкого Высоцкому драматичному и трагическому» [Седов, 1999, с. 58]. Автор первой в России докторской диссертации по авторской песне А.-И. Жебровска, в качестве ведущей причины широкой популярности поэта называет юмористичность его творчества: «Юмор ситуационный и словесный, парадоксальность сюжетных развязок, шуточные и игровые моменты – все эти приёмы повлияли на особую привлекательность песен Высоцкого для самого широкого реципиента» [Жебровска, 1994, с. 40]. Примечательно, что юмор поэта, возникший в 1960-е гг., как пишет Г. Г. Хазагеров, «на фоне всеобщей одержимости каламбурами», отличался своим интеллектуальным характером и перерастал в аналитическую сатиру [Хазагеров, 2024, с. 478].

Как показывает анализ газетно-публицистических статей, тексты некоторых юмористических песен поэта буквально были «разобраны» на цитаты. Об одной из них – песне «Диалог у телевизора» – мы писали ранее [Шумкина, 2009]. К подобным юмористическим пес-

ням поэта относится и песня «Утренняя гимнастика».

Цель данной статьи – дать социокультурную и лингвопрагматическую характеристику цитат и крылатых выражений из песни «Утренняя гимнастика», а также проанализировать варьирование перечисленных единиц в текстах СМИ.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили общественно-политические статьи с фрагментами текста песни В. Высоцкого «Утренняя гимнастика». Источниками материала явились: личное собрание журнально-газетных вырезок историка и библиографа авторской песни А. Е. Крылова, собрание ГКЦМ им. В. С. Высоцкого и новостные интернет-издания. Материал насчитывает более четырёхсот контекстов употребления песенных фраз, используемых в качестве интертекстуальных включений.

Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: синхронно-описательный метод, реализованный в приёмах наблюдения, классификации, обобщения и количественных характеристик; интерпретативный, компонентный и контекстуальный анализ цитатного комплекса и его текстового окружения для выявления особенностей функционирования фрагментов песни.

Результаты исследования

Для начала охарактеризуем состав цитат и крылатых выражений, источником которых стала песня В. С. Высоцкого «Утренняя гимнастика». Приведём полный текст песни, указывая количество встреченных контекстов с каждой фразой и выделяя полужирным шрифтом те фрагменты, которые чаще остальных подвергаются цитированию:

Вдох глубокий, руки шире, (более 20)

Не спешите – три-четыре! – (2)

Бодрость духа, грация и пластика! (более 30)

Общеукрепляющая,

Утром отрезвляющая, (3)

Если жив пока ещё, –

гимнастика! (5)

Если вы в своей квартире, – (20)

Лягте на пол – три-четыре! – (7)

Выполняйте правильно движения! (6)

Прочь влияния извне –

Привыкайте к новизне, – (8)

Вдох глубокий до изне-

можения! (5)

Очень вырос в целом мире

Гриппа вирус – три-четыре! – (7)

Ширится, растёт заболевание. (более 30)

Если хилый – сразу гроб! (более 30)

Сохранить здоровье чтоб – (10)

Применяйте, люди, об-

тирание! (4)

Если вы уже устали —

Сели-встали, сели-встали, – (2)

Не страшны вам Арктика с Антарктикой! (4)

Главный академик Иоффе (4)

Доказал: коньяк и кофе

Вам заменят спорта профи-

лактика! (2)

Разговаривать не надо —

Приседайте до упада, (6)

Да не будьте мрачными и хмурыми! (3)

Если вам совсем неймётся – (2)

Обтирайтесь чем придётся, (1)

Водными займитесь проце-

дурами! (более 30)

Не страшны дурные вести – (более 20)

Мы в ответ бежим на месте, — (3)

В выигрыше даже начинающий. (более 30)

Красота — среди бегущих (более 50)

Первых нет и отстающих, – (более 30)

Бег на месте общеприми-

ряющий! (более 30)

Как видим, более десяти фраз из данной песни активно используются в газетно-публицистической речи. Примечательно, что только половина из них находится в сильных для запоминания позициях текста: зачин, концовка, первая строфа, первые и конечные строки неначальных строф. Пять самых популярных фраз содержится в заключительном куплете. При этом довольно часто цитируются срединные строфы. Только десять строк песни употребляются редко, но при этом могут использоваться в заголовках статей без указания авторства и кавычек. Отметим, что в целом только в 15 % анализируемых нами публикаций песенные фразы встретились в закавыченном виде.

В настоящее время в словари крылатых выражений включены две фразы из рассматриваемой песни. Так, результаты лексикографического исследования А. В. Прокофьевой показывают, что выражение *Бег на месте общепримиряющий* входит в «большую восьмёрку» крылатых выражений-лидеров В. Высоцкого [Прокофьева, 2014, с. 347]. Данное выражение имеет следующие

словарные дефиниции: «Иносказательно: об имитации бурной (социальной, политической и т. д.) деятельности там, где фактически невозможно свободное проявление общественной активности, где отсутствует свобода личности и пр. (ирон.)» [Серов, 2003, с. 44] и «Этой фразой характеризуют безделье, маскируемое внешней активностью» [Шулежкова, 2003, с. 23]. В словарь С. Г. Шулежковой включена ещё одна фраза из последнего куплета: *Красота среди бегущих [Первых нет и отстающих]*. «Фраза, которой в мягкой шутильной форме пытаются выразить своё неудовольствие тем, как складываются наблюдаемые события, или передать ироническое к ним отношение» [Шулежкова, 2003, с. 146]. Фиксации в словарях каких-либо других строк песни нами не обнаружено.

Социокультурная характеристика цитат и крылатых выражений

Песня «Утренняя гимнастика» была написана В. С. Высоцким в 1968 году для комедийной постановки в Московском театре сатиры. В дальнейшем песня прочно вошла в репертуар поэта, в том числе была записана под аккомпанемент ансамбля «Мелодия» в 1973 году.

Песня написана как пародия на программу «Утренняя гимнастика», появившуюся на советском радио в 1929 году. Однако осмеяние было направлено не только на передачу, название которой вынесено в заглавие, но и на новостную повестку и медиадискурс в целом, что позволяет отнести текст В. Высоцкого к категории «песенной публицистики» [Кадочникова, 2018, с. 148].

В тексте песни нашли отражение социокультурные феномены шестидесятых годов XX века. Третий куплет песни посвящён гонконгскому гриппу: в год создания песни была третья пандемия по этому заболеванию. В песне называются «Арктика с Антарктикой»: покорение этих регионов было одним из национальных достижений в СССР, а полярники были примером для подражания. Также в песне упомянут Абрам Фёдорович Иоффе, которого называют «отцом советской физики». Отметим, что куплет про академика Иоффе не вошёл в вариант исполнения при записи на пластинку, что объясняет, почему фрагменты из этой части песни цитируются реже остальных. В песне также запечатлены и другие важные для того времени реалии – «своя квартира», «коньяк и кофе». Последний куплет песни отсылает к общей политической ситуации шестидесятых годов XX века: время гонки ядерных

вооружений в мире и при этом «стабильности», застоя внутри страны. С более подробным описанием социокультурных явлений, представленных в песне, можно ознакомиться в статье В. Кругловой [Круглова, 2024].

Описанная выше историческая и культурная значимость песни обуславливает использование её фрагментов в качестве документа эпохи. Так, начальные строки песни озаглавливают материалы о производственной гимнастике в СССР или советской радиопередаче, например, *«Вдох глубокий, руки шире...»* в статье о том, почему перестали транслировать утреннюю гимнастику по радио (Труд-7, 2002) или *Вдох глубокий, руки шире: Главархив о том, как внедряли производственную гимнастику* (www.mos.ru, 2023). Песенные фразы об академике Иоффе используются в заголовках статей, посвященных этому деятелю науки: *Главный академик. Как Папа Иоффе создал советскую физику* (aif.ru, 2015); *Главный академик: 140 лет со дня рождения отца советской физики* (nauka.tv, 2020); *Главный академик Иоффе был верующим и «не вылезал из синагоги»* (dzen.ru, 2022).

Журналисты могут апеллировать к песне, чтобы показать отношение советского общества к реалиям своего времени. Например, в следующей публикации о спорте автор цитирует В. Высоцкого как ответ на вопрос о целесообразности гимнастики в СССР, при этом, подчёркивая сатирическую тональность строк, даёт понять читателю, что к гимнастике серьёзно не относились: *Говорят, что в СССР был культ спорта. Во дворах «панелек» молодежь крутила «солнышко» на турниках, для женщин по телевизору показывали аэробику, а на фабриках и заводах делали гимнастику. Насколько полезна была последняя, как влияла на здоровье граждан и производительность труда – вопрос, конечно. Бард Владимир Высоцкий написал сатирическую песню с соответствующим названием. «Вдох глубокий, руки шире, не спешите... Три-четыре! Бодрость духа, грация и пластика! Общеукрепляющая, утром отрезвляющая, если жив пока еще, гимнастика!»* (www.dribin.by, 2019).

Как документ эпохи песня используется и в статье под заголовком *Очень вырос в целом мире...*, в которой журналист оценивает современную повестку дня, обнаруживая её схожесть с шестидесятыми годами прошлого века: *Если сравнить чисто медицинские симптоматику и последствия «грипповируса», о котором 52 года*

назад сочинил песню Владимир Высоцкий, и сегодняшнего коронавируса, то разница не слишком велика. Тогда – «если хилый – сразу в гроб! Сохранить здоровье чтоб, применяйте, люди, обтирание». Сегодня основная группа риска – это люди пожилого возраста с пониженным иммунитетом (www.solidarnost.org, 2020).

Стоит отметить, что документальность песни, скрытые смыслы, заложенные в ней, в настоящее время распознаются не всеми слушателями. Психолингвистический эксперимент, проведённый Л. В. Корновенко [Корновенко, 2014], показывает, что верно воспринимают текст песни информанты зрелого возраста, связывая свою интерпретацию со временем написания текста и с социально-экономическим положением в стране. Младшее поколение (студенты и магистранты), как правило, не понимает смысла отдельных строчек и интерпретирует текст песни, только исходя из написанного, тем самым сужая его значение.

Лингвопрагматические свойства цитат и крылатых выражений

Помимо социокультурной значимости строки из песни Высоцкого обладают лингвопрагматическими свойствами, которые влияют на риторическую привлекательность цитат и крылатых выражений для газетно-публицистической речи. К данным свойствам мы отнесли характеристичность, афористичность, императивность и разговорный характер. Далее рассмотрим каждое свойство отдельно.

Текст песни насыщен оценочной лексикой, что позволяет использовать фрагменты из неё как готовые оценочные характеристики. В газетной речи, с денотативной точки зрения, фразы из песни практически не несут никакой новой информации, но используются как характеризующее средство. Кроме того, выражения в публицистической речи развивают различные социально-оценочные значения, часто демонстрируя амбивалентный характер оценивания.

Юмористический настрой песни, ироническое звучание отдельных строк, отсылающих к экономическим и политическим вопросам в стране, переносится в журналистские материалы, формируя авторскую оценку происходящего. С помощью песенной фразы, как правило, создаётся ассоциативная ирония, выражающая интенцию автора публикации. Приведём несколько примеров такого использования. Так, в следующем контексте фраза *Бодрость духа, грация и пла-*

стика передаёт идею «имитации хорошей политической формы», внешней презентабельности при внутреннем кризисе, ср.: *Ни к чему он <пленум> не приведет, потому что перед КПРФ стоят очень серьезные проблемы, решать которые пленум просто не в состоянии. Но мы увидим подчеркнутую бодрость духа, грацию и пластику* многих региональных начальников, которые будут делать вид, что все хорошо (ria.ru, 2018).

Негативная оценка иронического характера передаётся с помощью того же выражения в модифицированном виде в следующем контексте про «нерасторопное правительство»: *Джонсон должен делать это побыстрее. Уходить то есть. Увидев фотосессию его уличной разминки, они поймут, что быстрее у Бориса просто физически не получится. По крайней мере, не сказать, что упражнения идут на пользу его политической фигуре. Да и амплитуда движений демонстрирует, скорее, их имитацию. Но тут же важно, чтобы бодрость духа, если нет ни грации, ни пластики* (radiosputnik.ru, 2021). Как видим, рассуждения журналиста про спортивную форму политика на уличной разминке перетекают в другую плоскость – в разговор про его «политическую фигуру», фраза поэта концентрирует в себе основную мысль, синтезируя спортивную и политическую тематику.

Саркастическая ирония на основе песенных строк наблюдается в материале «Чубайс: Общество в России за 25 лет не удосужилось сказать бизнесу спасибо» (eadaaily.com, 2018): *И очень все гармонично, целостно продолжает двигаться вперед ровно в соответствии с нашим классиком Владимиром Семеновичем Высоцким – не страшны дурные вести, мы в ответ бежим на месте. Все в порядке, все замечательно, все устойчиво*. Как видим, первая часть высказывания представляет собой положительное суждение, а вторая часть с фразой поэта выступает в роли сигнала иронии и противоречит первой. Парадоксальность, возникающая при сопоставлении частей высказывания, позволяет читателю понять авторскую интенцию.

Эмоционально-экспрессивная тональность источника фразы может создавать тональность текста публикации – строки из песни настраивают на определённое восприятие, служат своего рода камертоном. В публикации «Завод Toyota в Шушарах: оазис настоящего японского качества среди огромной России?» (Аватореву, 2015) журналист с удивлением и восхищением описывает,

как японская система управления действует в России. Комментируя рабочие будни, автор статьи многократно использует фразы В. Высоцкого, ср.: *«Вдох глубокий. Руки шире. Не спешите, три-четыре!»* Ровно в 7:30 утра рабочий день на заводе начинается с гимнастики: мало того, что это пробуждает *бодрость духа, развивает грацию и пластику*, так при помощи *«общеукрепляющей, утром отрезвляющей»* бригадиры следят за физическим состоянием рабочих. *Если хилый – могут и до работы не допустить. В штамповочном цехе я своими глазами видел, как после перерыва рабочие с сосредоточенными лицами деловито шествовали к прессам практически строем!* Песенные строки, передающие ироничное отношение к производственной гимнастике у русских людей, вступают в противоречие с тем, что видит журналист на заводе (с сосредоточенными лицами деловито шествовали), что создаёт эффект обманутого ожидания.

Стоит отметить, что популярность фраз из шуточной песни обусловлена общим характером газетно-публицистического дискурса конца XX – начала XXI вв., ориентированного на иронию разного рода – от комического до саркастического тонов.

Однако, в журналистских публикациях фразы часто буквализируются, теряют связь с ироническим настроением исходного текста и используются для создания положительной характеристики. При этом выражения способны передавать положительное эмоционально-оценочное отношение разной интенсивности – одобрение, похвалу, восхищение, восхваление. Это происходит в статьях, связанных с физкультурой и здоровым образом жизни, посвященных различным спортивным и медицинским нововведениям, праздникам, центрам реабилитации, массовым зарядкам на школьном, вузовском, городском уровне. Так, фраза *Красота среди бегущих* в большинстве случаев используется с положительной окраской в заголовках к материалам о различного рода забегах (более 50 контекстов в нашем материале). Приведём пример использования этой фразы в тексте: *Дистанция символическая – 3 километра. Здесь и новички, и опытные бегуны. В нарядной толпе также юристы, учителя, предприниматели, спасатели, даже артисты и общественные деятели. Загляденье! «Красота среди бегущих» – строчка из песни Высоцкого точно описывает спортивный праздник* (ont.ru, 2023). Как видим, песенное выражение совместно с

другими единицами создаёт восторженно-хвалебную тональность публикации.

Афористичность песенных выражений позволяет использовать их в заголовках к материалам разной тематики. Песенные фразы-афоризмы заключают в себе вывод-комментарий к тому, что описывает автор публикации. Так, строка **Если хилый – сразу в гроб** часто употребляется в материалах об отсутствии медицинской помощи или о её плохом качестве (более 10 контекстов). При этом, как правило, модель заголовочного комплекса состоит из двух частей, где в одной части употреблён афоризм, а в другой приведены уточняющие тему детали, например: *Подписи партий проверены: первых нет и отстающих* (www.zaks.ru, 2011), *Первых нет и отстающих* (о центре для особенных детей; takiedela.ru, 2014; как справляются с посевной разные сельские хозяйства; маяк-сысолы.рф, 2017), *Первых нет и отстающих: новый бюджет России поможет расшевелить регионы* (www.ntv.ru, 2019); *Первых нет и отстающих: кто выиграет гонку за вакциной от COVID-19?* (www.medgorodok.ru, 2020), *У «Инновации» первых нет и отстающих* (о премии; www.ng.ru, 2020), *Первых нет и отстающих: Путин потребовал увеличить доходы населения в «отсталых» регионах* (www.pravda.ru, 2021), *Первых нет и отстающих: в России введут налоговый вычет за сдачу норм ГТО* (iz.ru, 2024). Подобное в нашем материале обнаруживается и с фразой *В выигрыше даже начинающий*, которая используется в статьях про любого рода начинания или первый опыт в чём-то (от участия в лотерее до организации различного рода мероприятий для людей разных возрастов).

Императивный характер строк позволяет журналистским материалам выполнять апеллятивную функцию посредством передачи различных побудительных значений. Так, заголовок **Водными займитесь процедурами** к статьям про открытие бассейна (gb.by, 2009; ger.ru, 2001), услуги гидротерапии (www.nnov.kr.ru, 2024), оборудование для бальнеотерапии (www.sovsibir.ru, 2020), места для плавания зимой (ponedelnik.press, 2018) выглядит как призыв, приглашение посетить описываемое место. Подобное наблюдается и в заголовке **Разговаривать не надо – приседайте до упада: анапчан приглашают сдать ГТО** (bloknotanapa.ru, 2022). Функция совета реализуется посредством фраз в публикациях, посвящённых рекомендациям психологов или врачей: **Лягте на пол: три-четыре**

(об аутогенной тренировке; МК, 2003); **Выполняйте правильно движения...** (упражнения от физиотерапевта; Советский спорт, 2008), **«Применяйте, люди, обтирание...»** (советы врача-терапевта; websmi.by, 2011), **Да не будьте мрачными и хмурыми!** (о пользе смеха; novokuzneck.bezformata.com, 2019). В заголовках **Займитесь процедурами!** (Округа. Запад. М., 2002), **Водными займитесь процеДУрами** (ozersk74.press, 2024) к материалам про управляющие организации, которые не содержат жилые дома в надлежащем состоянии, фразы выступают как требование.

Разговорно-просторечные единицы и конструкции, содержащиеся в тексте песни «Утренняя гимнастика», делают её фрагменты привлекательными для цитирования в современных СМИ. Приведём примеры заголовков с использованием разных строчек из песни: **Если очень вам неймётся** (что и как можно перестраивать в своей квартире; Веч. Москва, 2003), **Если хилый – сразу в гроб: Соцсети приравняли медреформу к смертной казни** (ukraina.ru, 2017), **Разговаривать не надо – приседайте до упада** (о новых правилах проведения физической зарядки; news.profa.kz, 2020), **Если жив пока ещё – гимнастика!** (как заниматься спортом во время пандемии; scientificrussia.ru, 2020). Разговорные фразы, помогая охарактеризовать сложные общественно-политические вопросы, служат средством демократизации языка прессы.

Как мы уже отмечали, текст песни является пародией на речь диктора, физкультурного работника, что достигается за счёт употребления различных разговорных элементов, повторов (*три-четыре, сели-встали*). Так, при использовании песенных строк в общественно-политических материалах нередко сохраняется стартовая команда *три-четыре*, содержащаяся в начальных строках первых трёх строф песни, ср.: *Чтобы ребенок вместо вредных привычек тянулся к ЗОЖ, утро мамы и папы должно начинаться с известных слов Владимира Высоцкого: «Вдох глубокий, руки шире, не спешите, три-четыре!»* (amur.info, 2024); *Если ты в своей квартире – вырви провод, три-четыре!..* (о вреде бытовых приборов; КП, 1998) *«Если вы в своей квартире – лягте на пол – три-четыре!»* (о конкурсе ЗОЖ онлайн; Знамя победы, 2020); *Очень вырос в целом мире гриппа вирус - три-четыре...* (о гриппе; Тихоокеанская звезда, 2019), *Очень вырос в целом мире SARS-CoV-вирус, три-четыре!* (как изменился бизнес по-

сле эпидемии; monosle.ru, 2020) и др. Сохранение подобных элементов в принимающем тексте подчёркивает интертекстуальный характер фраз, помогает оживить в памяти ритмомелодические характеристики источника. Отметим, что привлекательными для журналистов оказываются и другие ритмические средства песни-источника. Так, в заголовках статей используется инвертированная фраза *Сохранить здоровье чтоб*, называющая материалы, посвящённые лечебно-профилактическим мероприятиям (более 10 контекстов).

Трансформации цитат и крылатых выражений

Смысловые и риторические возможности фраз поэта расширяются за счёт структурно-семантических трансформаций, среди которых нами отмечены: буквализация, переосмысление, двойная актуализация, лексическая замена, расширение и усечение компонентного состава, грамматические модификации. Обратимся к рассмотрению названных типов трансформации.

При буквализации журналисты используют в заголовках такие фрагменты песни, в составе которых есть лексемы, указывающие на объект речи или объект, задействованный в сюжете статьи. Например, нередко материалы, посвящённые перепланировке квартир, называются *Если вы в своей квартире...* (МК, 1997; За Калужской заставой, М., 2002). Ещё одним примером буквализации является заголовок *«Если хилый – сразу в гроб»* к материалу о новой тенденции в обществе – репетиции собственных похорон (МК в Омске, dzen.ru; 2024). Фраза *Ширится, растёт заболевание* часто использовалась в буквальном значении в заголовках статей центральных и региональных СМИ о распространении коронавируса, а также для описания ситуации с сезонными и вообще любыми заболеваниями (более 20 контекстов).

С буквализацией соотносится переосмысление, при котором происходит изменение значения одного из элементов цитаты на основе полисемии или омонимии. Продуктивной в этом отношении является фраза *Бодрость духа, грация и пластика* в заголовках, где обыгрывается конечная лексема, отсылающая – к банковским пластиковым картам (Профиль, 1998), услугам пластической хирургии (Культура, 2014), пластическому театру (gorod-812.ru, 2018). Переосмыслению также подвергается компонент *водные процедуры*, который теряет значение «ле-

чебное мероприятие», указывая на явления или деятельность, связанные с водой. Подобные метонимические переносы наблюдаются в заголовке *Водными займитесь процедурами* к статьям про дождливую погоду (Центр-Plus, 1996), частое мытьё автомобиля (КП, 2002), воду на улицах города, из-за которой невозможно никуда добраться (gazetaeao.ru, 2011), про фильм «Аватар: Путь воды» (baltija.eu, 2023), про спектакль, на котором зрители плакали (novvedomosti.ru, 2024), а также в материале *Прокуратура занялась водными процедурами* (Коммерсантъ, 2022) о конфликте между бассейном и студией плавания, в результате которого было возбуждено дело. На метонимических связях объекта речи и компонента фразы основываются также следующие заголовки *Вдох глубокий... Не спешите!* (о воздухоочистителе; Собеседник, 2002), *Вдох глубокий до изнеможения* (о выхлопных газах в крупных городах; vest-news.ru, 2014).

Ещё одним видом семантической трансформации является двойная актуализация цитаты, в результате чего создаётся двойной семантический план. Например, в публикации «Минск может лишиться своего самого знаменитого зала гимнастики» (sb.by, 2018) в качестве подзаголовка использована фраза *Вдох глубокий, руки шире*, которая концентрирует в себе основные идеи публикации: с одной стороны, выражение отсылает к теме гимнастики, а с другой – метафорически описывает основную проблему за счёт ассоциации с выражением «сделать глубокий вдох» в значении «остановиться» (автор публикации показывает, что знаменитый гимнастический зал уже давно не готовит хороших спортсменов).

Двойной смысл часто возникает за счёт обыгрывания слова. Например, в следующих заголовках к статьям, посвящённым известной телепередаче и премьере спектакля, компонент фразы предстаёт, с одной стороны, как собственное наименование, а с другой – как имя нарицательное: *«Бег» на месте общепримирающий* (в спектакле по пьесе М. Булгакова; Российская газ., 2003), *Не страшны дурные «ВЕСТИ»!* (программа отмечает день рождения; МК, 2006). Графическое выделение частей лексемы также обусловлено стремлением к актуализации нескольких смыслов. В заголовке *Водными займитесь процеДурами* (ozersk74.press, 2014) к статье про затопление квартир автор задействует сразу несколько смыслов: во-первых, описывает, как жильцы «занимались водными процедура-

ми», то есть устраняли последствия аварии; во-вторых, призывает ДУ (домоуправления) заняться ремонтом домов и не допускать подобных аварий, ведь жильцы сообщали о проблемах с водой заранее; в-третьих, обращается к администрации города обратить внимание на ДУ, не выполняющие своих обязательств; в-четвёртых, основываясь на ритмо-мелодическом членении песенного текста при его исполнении, обыгрывает окончание слова и даёт оценку объекту описания за счёт омонимии с разговорно-сниженной лексемой «дурак».

Среди структурных трансформаций наиболее продуктивной является замена компонентов высказывания, которая происходит на основании сходства замещающей и замещаемой лексики. Сходство может основываться на разных признаках этих единиц. Мы выделили следующие виды:

– семантическое сходство (замены на синонимы, антонимы, ключевые слова из того же источника и под.): «Если вы в своей квартире **сели** на пол...*три, четыре...*» (реклама велотренажёра; Ленингр. раб., 1988); **Срам** среди бегущих (о неудачах спортсменов; КП, 1993), **Шаг** на месте общепримирающий (о съезде кинематографистов; Моск. новости, 1994), **Шаг** на месте, **общеукрепляющий** (о домашнем спорткомплексе; Изв. М., 1995), **Вдох** глубокий, **пальцы** шире (о гимнастике для суставов; МК, 1997), **Сядьте** на пол, **три-четыре!** (в магазинах на нижних полках раскладывают самые дешёвые товары; КП, 2002), **Бег** на месте **общеукрепляющий?** (о реформах Президента; Труд, 2003), **Сила** духа, **грация** и **пластика** (интервью со спортсменкой; Веч. Москва, 2005), **Водоканальными** займитесь **процедурами?** (о вопросах ЖКХ; Кузбасс, 2012), **Очень вырос в целом мире SARS-CoV-вирус, три-четыре** (какие изменения произошли в бизнесе в связи пандемией; monocle.ru, 2020);

– словообразовательное сходство: **Бег** на месте **общеусыпляющий** (инициатива президента по внедрению спорта в массы не нашла отклика; Труд, 2002), **Бег** на месте **многообещающий?** (будет ли работать ипотека; Экономика и жизнь, 2002), **Бег по тундре общетуристический** (о беге по тундре; nord-news.ru, 2024) или **Общеукрепляющие мозгиразвивающие** грандиозные японские рисунки (головоломки; Цунами, 2003)

– грамматическое сходство (схожая частеречная принадлежность и синтаксическая функция): **Сохранить здоровье чтоб – применяйте, люди, ... аэроионизацию** (о лечении с помощью иони-

затора; Рабочая трибуна, 1994); **Если вы в своей квартире, поцелуйтесь – три-четыре...** (о телепередаче «У всех на устах»; МК, 1995), **Красота, среди бегущих первых нет и представляющих** (журналист предоставил возможность президенту прокомментировать проблему; Коммерсантъ, 2019) **Не страшны дурные вести – практикуем бег на месте!** (спортсмены переключились на онлайн-тренировки; zmnvest.ru, 2020), **Если вы в своей машине – Прислегнитесь, три-четыре! Выполняйте правильно движение...** (о камерах на дорогах; news.myseldon.com, 2023); **Ширится, растёт «полтавизация»...** (экоактивисты станции Полтавской борются против свалки; Правда, 2024)

– фонетическое сходство (в том числе омонимия): **Если вы уже упали, сели-встали!** (о ходе соревнований по боксу; sportsdaily.ru, 2008), **Бодрость духа, грация и... пластиковая бутылка** (о разминке с помощью пластиковых бутылок; 1tv.ru, 2012).

Как видно, замены осуществляются журналистами преимущественно с сохранением количества слогов и места ударного слога, что обеспечивает узнаваемость выражения.

Другими способами структурной трансформации песенных строк являются сокращение и расширение их компонентного состава. Сокращение компонентного состава высказывания приводит к смещению семантического центра или полному изменению смысла высказывания. Ярким примером изменения исходного значения в результате редукции выражения в нашем материале является вариант **Красота среди бегущих** (ср. «Красота – среди бегущих // Первых нет и отстающих»), который в газетно-публицистической речи встречается чаще исходного текста фрагмента. В редуцированном варианте фраза выражает восхищение бегущими и используется в качестве заголовка к материалам о забегах, эстафетах, марафонах и под., а при переосмыслении центрального компонента на основании метонимического переноса (красота – женщина) – в статьях про женщин, которые занимаются бегом. Приведём примеры редукции других фраз: **Если вы в своей квартире...** (см. выше), **Если хилый...** (о государственной программе развития массовой физкультуры; Ежеднев. новости. Подмоск. 2002), **Очень вырос в целом мире...** (см. выше). Частным случаем редукции является стяжение компонентов: **Очень вырос гриппа вирус** (о гриппе; Веч. Ленинград, 1989), **Вдох глубокий... Не спешите!** (см. выше).

При расширении лексического состава фразы,

как правило, наблюдается присоединение компонентов. Так, в следующих материалах используется редуцированный вариант популярной фразы, который расширяется за счёт единиц, имеющих лексико-грамматическое сходство с одним из компонентов, ср.: *Красота среди бегущих и едущих* (фотоотчёт с фестиваля; fontanka.ru, 2022) или *На проходящем в Цюрихе Евро-2014 по легкой атлетике красота не только среди бегущих, но и среди прыгающих, летающих и толкающих* (о самых ярких блондинках чемпионата; Советский спорт, 2014). В некоторых случаях при продолжении песенной строки авторы публикаций могут обыгрывать стихотворную форму источника, привнося в выражение собственную рифму или ритм, как в следующих заголовках: *Если хилый сразу в гроб? Сохранить здоровье чтоб может и по-мочь иммунизация* (об иммунизации; pouabrskinform.ru, 2017); *Если хилый сразу в гроб, сохранить здоровье чтоб – на скейтборд* (в городе не уделяют внимание инвалидам, зато построили площадку для скейтбордистов; oreltimes.ru, 2019).

Отметим также грамматические модификации песенных выражений в газетно-публицистических текстах. Грамматические преобразования связаны с изменением морфологической формы компонентов и синтаксической структуры высказывания. Чаще всего преобразованиям подвергается глагольный компонент фразы, но меняются и компоненты, выраженные другими частями речи, например: *Водными займемся процедурами* (5 контекстов), *Водными заняться процедурами* (gornovosti.ru, 2010) или *«Ширятся, растут заболевания...»* (tspu.edu.ru, 2016); *Не страшны им Арктика с Антарктикой...* (omskregion.info, 2015). К грамматическим модификациям можно отнести преобразования утвердительных форм в отрицательные и наоборот, ср.: *Если хилый – не сразу в гроб* (об открытии специальных бирж труда для инвалидов; МК, 2005), *Коль не хилый – сразу в строй* (о результатах весеннего призыва в армию; Независимая газ., 2007) или *Вдох глубокий, руки шире. **Поспешите** – три-четыре* (о спорт-комплексе; gr.by, 2011). К семантико-синтаксическим преобразованиям относится изменение предложений по цели высказывания. Наиболее распространенной трансформацией является преобразование повествовательной конструкции в вопросительную. Так, преобразование фразы в заголовках *Бег на месте много-*

обещающий? и *Бег на месте общеукрепляющий?* (см. выше) позволяет привлечь внимание читателя к авторской позиции, а также привносит элементы диалога в тексты аналитических статей, посвященных сложным экономическим и политическим вопросам.

Как показывает материал, в газетно-публицистических материалах фразы могут подвергаться сразу нескольким трансформациям. Узнаваемость в этом случае обеспечивается за счёт сохранения стихотворного размера источника. В цитатах, подвергшихся структурно-семантическим трансформациям, «размывается» значение первоисточника, часто утрачивается исходная выразительность, а это ведёт к тому, что соответствующие выражения превращаются в устойчивые единицы, или, по определению С. Г. Шулежковой, в «безымянные» фразеологизмы [Шулежкова, 2001, с. 20].

Заключение

Песни В. Высоцкого являются одним из популярных источников цитат, аллюзий и реминисценций как в художественном, так и в газетно-публицистическом дискурсе. Наиболее привлекательными являются юмористические тексты поэта, к которым относится песня «Утренняя гимнастика». Наш материал показывает, что в современной прессе цитируется любой фрагмент этой песни, при этом наблюдается фразеологизация почти половины песенных фраз, что позволяет уточнить данные лексикографических работ.

Текст песни «Утренняя гимнастика» имеет социокультурную значимость, что позволяет журналистам использовать её фрагменты в качестве документа эпохи, отражающего не только идеологические установки советской действительности, но и в целом русский национальный характер. Однако обращение журналистов к фразам в большей мере обусловлено их лингвопрагматическими свойствами, среди которых нами выделены: характеристичность, афористичность, императивность и разговорный характер. Кроме того, песенные выражения в публицистической речи развивают различные социально-оценочные значения, часто демонстрируя амбивалентный характер оценивания.

Вариативность песенных строк в прессе приводит к расширению их смысловых и риторических возможностей. Нами отмечены такие виды структурно-семантических трансформаций, как: буквализация, переосмысление, двойная актуализация, лексическая замена, расширение и усе-

чение компонентного состава, грамматические модификации. Игра со смысловыми и структурными свойствами песенных выражений способствует их фразеологизации.

Библиографический список

1. Вдовин С. «Растащили меня, но я счастлив...» // Мир Высоцкого. Вып. IV. Москва, 2000. С. 186–195.
2. Высоцкий В. Сочинения. В 2-х тт. Т. 1. / сост., подготовка текста и коммент. А. Е. Крылова. Москва, 1990.
3. Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики : учебное пособие. Москва, 1998. 402 с.
4. Доманский Ю. В. «Какие к черту волки?»: слово Высоцкого в «Охоте на овец» Бориса Белокурова (Усова) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 6-2. С. 234–244.
5. Дядечко Л. П. Словарь крылатых выражений из песен В. Высоцкого // Русский язык и литература в учебных заведениях. 1998. № 5–6. С. 42–45.
6. Жебровска А.-И. Авторская песня в восприятии критики (60–80-е годы). Москва : МГУ, 1994. 52 с.
7. Загороднева К. В. Образ волка в пьесе М. Розовского «Человек-волк» и «Красный волк» Ан. Иванова // Вестник ЮУрГГПУ. 2017. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-volka-v-piese-m-rozovskogo-chelovek-volk-i-krasnyy-volk-an-ivanova> (дата обращения: 17.02.2025)
8. Зыховская Н. Л. Ольфакторная поэтика лирики Ильи Кормильцева // Челябинский гуманитарий. 2022. №3 (60). С. 35–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/olfaktornaya-poetika-liriki-ili-kormiltseva>.
9. Изотов В. П. Роман А. Щербакова «Журналисты не отдыхают» в контексте альтернативной истории и отражения медиатехнологий // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. №4 (89). С. 91–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-a-scherbakova-zhurnalisty-ne-otdyhayut-v-kontekste-alternativnoy-istorii-i-otrazheniya-mediatehnologiy> (дата обращения: 17.02.2025)
10. Кабанков А. И. Дискурсивная эволюция прецедентного мира В. Высоцкого в новых медиа и «Чужие» тексты // Коммуникативные исследования. 2017. №3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-evolyutsiya-pretседentnogo-mira-v-vysotskogo-v-novyh-media-i-chuzhie-teksty> (дата обращения: 17.02.2025)
11. Кадочникова С. А. Пародирование журналистских текстов в авторской песне (к проблеме интертекстуальности бардовской поэзии) // Меди@льманах. 2018. №4 (87). С. 142–149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parodirovanie-zhurnalistikh-tekstov-v-avtorskoy-pesne-k-probleme-intertekstualnosti-bardovskoy-poezii> (дата обращения: 17.02.2025)
12. Киреева Ю. Н., Гореликова О. Н. Особенности функционирования песенных прецедентных высказываний в прозе В. Токаревой // Вестник Череповецкого государственного университета. 2023. №1 (112). С. 111–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-pesennyh-pretседentnyh-vyskazyvaniy-v-proze-v-tokarevoy> (дата обращения: 17.02.2025)
13. Кихней Л. Г. К литературной репутации В. Высоцкого в контексте советского дискурса // Новый филологический вестник. 2024. № 4 (71). С. 179–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-literaturnoy-reputatsii-v-vysotskogo-v-kontekste-sovetskogo-diskursa> (дата обращения: 17.02.2025)
14. Климакова Е. В. В. С. Высоцкий как культурный феномен: философский аспект // Идеи и идеалы. 2010. №3. С. 2–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-s-vysotskiy-kak-kulturnyy-fenomen-filosofskiy-aspekt> (дата обращения: 17.02.2025)
15. Козлова Н. А. Творчество В. С. Высоцкого в восприятии исследователей конца XX - начала XXI вв. // Огарёв-Online. 2022. № 9 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-s-vysotskogo-v-vospriyatii-issledovateley-konsa-xx-nachala-xxi-vv> (дата обращения: 17.02.2025)
16. Корновенко Л. В. Восприятие и интерпретация песни «Утренняя гимнастика» В. Высоцкого (материалы психолингвистического эксперимента 2013-2014 гг.) // Мовознавчий вісник. 36 наукових праць / МОН України. Вип. 19. 2014. С. 233–238.
17. Крылов А. Е. Слова – как ястребы ночные: О крылатых выражениях из авторской песни. Москва : Булат, 2011. 272 с.
18. Круглова В. «Утренняя гимнастика»: внутренняя жизнь и внешние проблемы в знаменитой песне Высоцкого // Новая литература. 2024. № 2. URL: <https://newlit.ru/~krugom-500/7463.html>
19. Петрова С. А. Интермедийные и интертекстуальные взаимодействия рок-поэзии и авторской песни (на материале творчества В.С. Высоцкого и В.Р. Цоя) // Мир науки, культуры, образования. 2020. №3 (82). С. 380–382. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/intermedialnye-i-intertekstualnye-vzaimodeystviya-rok-poezii-i-avtorskoy-pesni-na-materiale-tvorchestva-v-s-vysotskogo-i-v-r-tsoya> (дата обращения: 17.02.2025)
20. Прокофьева А. В. К истории фиксации крылатых выражений В. Высоцкого в современных словарях // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 346–349. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-fiksatsii-krylatyh-vyrazheniy-v-vysotskogo-v-sovremennyh-slovyah> (дата обращения: 17.02.2025)
21. Пфандль Х. Владимир Высоцкий и русский рок. Сборник статей [Рецензия] // Мир Высоцкого: исслед. и материалы. Москва : ГИЦМ В.С. Высоцкого,

2002. Вып. VI. С. 364–372.

22. Седов Л. А. Социологический опрос // Мир Высоцкого. Вып. III. Т. 1. Москва, 1999. С. 56–59.

23. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения Владимира Высоцкого // Мир Высоцкого: Исслед. и материалы. Вып. III. Т. 2. Москва, 1999. С. 216–226.

24. Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. Москва, 2001. 288 с.

25. Шулежкова С. Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: Более 1000 крылатых выражений. Москва: «Азбуковник», Издательство «Русские словари», 2003. 430 с.

26. Шумкина И. В. Песни Высоцкого как источник чужого слова // Владимир Высоцкий: Исследования и материалы 2007. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 213–226.

27. Щурина Ю. В., Баюшкина М. А. Прецедентные элементы в современной рок-поэзии: адаптационный потенциал (на материале песенных текстов Глеба Самойлова) // Verba. Северо-Западный лингвистический журнал. 2023. №4 (9). С. 9–24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-elementy-v-sovremennoy-rok-poezii-adaptatsionnyy-potentsial-na-materiale-pesennyh-tekstov-gleba-samoylova> (дата обращения: 17.02.2025)

28. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. / [авт.-сост. Вадим Серов]. Москва: Локид-пресс, 2004. 877 с.

Reference list

1. Vdovin S. «Rastashhili menja, no ja schastliv...» = «Spread me thin, but I'm happy...» // Mir Vysockogo. Vyp. IV. Moskva, 2000. S. 186–195.

2. Vysockij V. Sochinenija. V 2-h tt. T. 1. = WorkS. In 2 volS. V.1 / sost., podgotovka teksta i komment. A. E. Krylova. Moskva, 1990.

3. Gorelov I. N., Sedov K. F. Osnovy psiholingvisti-ki = Basic psycholinguistics : uchebnoe posobie. Moskva, 1998. 402 s.

4. Domanskij Ju. V. «Kakie k chertu volki?»: slovo Vysockogo v «Oho-te na ovec» Borisa Belokurova (Usova) = «What the hell wolves?»: a word from Vysotsky in Boris Belokurov's (Usov) «Sheep Hunting» // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2022. № 6-2. S. 234–244.

5. Djadechko L. P. Slovar' krylatyh vyrazhenij iz pesen V. Vysockogo = Dictionary of catch phrases from V. Vysotsky's songs // Russkij jazyk i literatura v uchebnyh zavedenijah. 1998. № 5–6. S. 42–45.

6. Zhebrovska A.-I. Avtorskaja pesnja v vosprijatii kritiki (60–80-e gody) = Auteur songs in the perception of critics (60–80s). Moskva: MGU, 1994. 52 s.

7. Zagorodneva K. V. Obraz volka v p'ese M. Rozovskogo «Chelovek-volk» i «Krasnyj volk» An. Ivanova = The wolf character in M. Rozovsky's play «The Wolf Man» and «Red Wolf» by An. Ivanova // Vestnik JuUrGGPU. 2017. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-volka-v-piese-m-rozovskogo-chelovek-volk-i-krasnyj-volk-an-ivanova> (data obrashhenija: 17.02.2025)

8. Zyhovskaja N. L. Ol'faktornaja pojetika liriki Il'i Kormil'ceva = Olfactory poetics of Ilya Kormiltsev's poetry // Cheljabinskij gumanitarij. 2022. №3 (60). S. 35–39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/olfaktornaya-poetika-liriki-ili-kormiltseva>.

9. Izotov V. P. Roman A. Shherbakova «Zhurnalisty ne otdyhajut» v kontekste al'ternativnoj istorii i otrazhenija mediatehnologij = A. Shcherbakov's novel «Journalists do not rest» in the context of alternative history and media technologies reflection // Uchenye zapiski OGU. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki. 2020. №4 (89). S. 91–92. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/roman-a-scherbakova-zhurnalisty-ne-otdyhayut-v-kontekste-alternativnoy-istorii-i-otrazheniya-mediatehnologiy> (data obrashhenija: 17.02.2025)

10. Kabankov A. I. Diskursivnaja jevoljucija precedentnogo mira V. Vysockogo v novyh media i «Chuzhie» teksty = Discursive evolution of V. Vysotsky's precedent world in new media and «Alien» texts // Kommunikativnye issledovaniya. 2017. №3 (13). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diskursivnaya-evolyutsiya-pretsedentnogo-mira-v-vysotskogo-v-novyh-media-i-chuzhie-teksty> (data obrashhenija: 17.02.2025)

11. Kadochnikova S. A. Parodirovanie zhurnalistskih tekstov v avtorskoj pesne (k probleme intertekstual'nosti bardovskoj poezii) = Parody of journalistic texts in the author's song (to the problem of bard poetry intertextuality) // Medi@l'manah. 2018. №4 (87). S. 142–149. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/parodirovanie-zhurnalistskih-tekstov-v-avtorskoj-pesne-k-probleme-intertekstualnosti-bardovskoj-poezii> (data obrashhenija: 17.02.2025)

12. Kireeva Ju. N., Gorelikova O. N. Osobennosti funkcionirovaniya pesennyh precedentnyh vyskazyvanij v proze V. Tokarevoj = Specific functioning of song precedent statements in V. Tokareva's prose // Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. №1 (112). S. 111–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-funktsionirovaniya-pesennyh-pretsedentnyh-vyskazyvanij-v-proze-v-tokarevoj> (data obrashhenija: 17.02.2025)

13. Kihnej L. G. K literaturnoj reputacii V. Vysockogo v kontekste sovetskogo diskursa = On V. Vysotsky's literary reputation in the context of Soviet discourse // Novyj filologicheskij vestnik. 2024. № 4 (71). S. 179–191. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-literaturnoy-reputatsii-v-vysotskogo-v-kontekste-sovetskogo-diskursa> (data obrashhenija: 17.02.2025)

14. Klimakova E. V. V. S. Vysockij kak kul'turnyj fenomen: filosofskij aspekt = Vysotsky as a cultural phenomenon: philosophical aspect // Idei i idealy. 2010. № 3. S. 2–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-s-vysotskiy-kak-kulturnyy-fenomen-filosofskiy-aspekt> (data obrashhenija: 17.02.2025)

15. Kozlova N. A. Tvorchestvo V. S. Vysockogo v vosprijatii issledovatelej konca XX – nachala XXI vv. = V. S. Vysotsky's creative work in the researchers' minds in

the late XX – early XXI centuries // Ogarjov-Online. 2022. № 9 (178). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvorchestvo-v-s-vysotskogo-v-vospriyatii-issledovateley-kontsa-xx-nachala-xxi-vv> (data obrashhenija: 17.02.2025)

16. Kornovenko L. V. Vospriyatie i interpretacija pesni «Utrennjaja gimnastika» V. Vysockogo (materialy psiholingvisticheskogo jeksperimenta 2013-2014 gg.) = Understanding and interpreting V. Vysotsky's song «Morning Exercises» (materials of the psycholinguistic experiment of 2013-2014) // Movoznavchij visnik. Zb.naukovih prac' / MON Ukraïni. Vip. 19. 2014. S. 233–238.

17. Krylov A. E. Slova – kak jastreby nochnye: O krylatyh vyrazhenijah iz avtorskoj pesni = Words are like hawks in the night: About catch phrases from the author's song. Moskva : Bulat, 2011. 272 S.

18. Kruglova V. «Utrennjaja gimnastika»: vnutrennjaja zhizn' i vneshnie problemy v znamenitoj pesne Vysockogo = «Morning Exercises»: inner life and outer problems in Vysotsky's famous song // Novaja literatura. 2024. № 2. URL: <https://newlit.ru/~krugom-500/7463.html>

19. Petrova S. A. Intermedial'nye i intertekstual'nye vzaimodejstvija rok-poezii i avtorskoj pesni (na materiale tvorcestva V.S. Vysockogo i V.R. Coja) = Intermedial and intertextual interactions of rock poetry and author's song (on the works by V.S. Vysotsky and V.R. Tsoy) // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2020. №3 (82). S. 380–382. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/intermedialnye-i-intertekstualnye-vzaimodeystviya-rok-poezii-i-avtorskoj-pesni-na-materiale-tvorcestva-v-s-vysotskogo-i-v-r-tsoya> (data obrashhenija: 17.02.2025)

20. Prokof'eva A. V. K istorii fiksacii krylatyh vyrazhenij V. Vysockogo v sovremennyh slovarjah = To the history of recording V. Vysotsky's catch phrases in modern dictionaries // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. № 3 (45). S. 346–349. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-istorii-fiksatsii-krylatyh-vyrazhenij-v-vysotskogo-v-sovremennyh-slovarjah> (data obrashhenija: 17.02.2025)

21. Pfandl' H. Vladimir Vysockij i russkij rok. Sbornik statej [Recenzija] = Vladimir Vysotsky and Russian rock. Collection of articles [Review] // Mir Vysockogo: issled. i materialy. Moskva : GKCM V.S. Vysockogo, 2002. Vyp. VI. S. 364–372.

22. Sedov L. A. Sociologicheskij opros = Sociological survey // Mir Vysockogo. Vyp. III. T. 1. Moskva, 1999. S. 56–59.

23. Shulezhkova S. G. Krylatye vyrazhenija Vladimira Vysockogo = Vladimir Vysotsky's catch phrases // Mir Vysockogo: Issled. i materialy. Vyp. III. T. 2. Moskva, 1999. S. 216–226.

24. Shulezhkova S. G. Krylatye vyrazhenija russkogo jazyka, ih istochniki i razvitie = Russian catch phrases, their origin and evolution. Moskva, 2001. 288 s.

25. Shulezhkova S. G. Slovar' krylatyh vyrazhenij iz oblasti iskusstva: Bolee 1000 krylatyh vyrazhenij = Dictionary of Popular Expressions from the arts: Over 1000 popular expressionS. Moskva : «Azbukovnik», Izdatel'stvo «Russkie slovari», 2003. 430 s.

26. Shumkina I. V. Pesni Vysockogo kak istochnik chuzhogo slova = Vysotsky's songs as a source of others' words // Vladimir Vysockij: Issledovanija i materialy 2007. Voronezh : VGPU, 2009. S. 213–226.

27. Shhurina Ju. V., Bajushkina M. A. Precedentnye jelementy v sovremennoj rok-poezii: adaptacionnyj potencial (na materiale pesennyh tekstov Gleba Samojlova) = Precedent elements in modern rock poetry: adaptation potential (on Gleb Samoylov's song lyrics) // Verba. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal. 2023. №4 (9). S. 9–24. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-elementy-v-sovremennoj-rok-poezii-adaptatsionnyy-potentsial-na-materiale-pesennyh-tekstov-gleba-samoylova> (data obrashhenija: 17.02.2025)

28. Jenciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij: bolee 4000 st. = Encyclopedic dictionary of catchwords and popular expressions: over 4000 pages / [avt.-sost. Vadim Serov]. Moskva : Lokid-press, 2004. 877 s.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 25.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 81'374

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-138

EDN: WXYOTT

Адъективная лексика как средство выражения вербальной агрессии

Мария Анатольевна Фирсова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева. 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
firsovamariaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Аннотация. В статье описан когнитивно-прагматический потенциал адъективной лексики как одного из средств выражения агрессии в русском языке. Новизна исследования состоит в систематизации и описании «агрессивного» пласта адъективной лексики, границы которого являются нестабильными. Теоретическая значимость изучения «агрессивных» адъективов заключается в необходимости дополнения типологии способов вербализации агрессии с учетом разнообразия форм и средств ее манифестации в речевой практике. Материалом исследования послужили прилагательные общим объемом 250 единиц, распределенных по пяти лексико-семантическим группам: «Внешность человека», «Общие отрицательные характеристики человека», «Умственные и психические особенности человека», «Моральные качества человека», «Характер человека». В ходе исследования использовался метод компонентного анализа, методы когнитивно-дискурсивного и лексико-семантического анализа, прием количественных подсчетов. Установлено, что эмоционально-оценочные адъективы выражают высокую степень агрессивности говорящего, указывая на его цель – унижить объект оценивания. Адресант при употреблении «агрессивных» адъективов выражает негативное намерение по отношению к адресату (или третьему лицу). С лингвопрагматических позиций данные лексемы выражают его отрицательную оценку черт или свойств объекта, приводят к манипулированию сознанием адресата. Употребление в речи «агрессивных» прилагательных заключается в негативном воздействии на адресата, искажению морально-этических основ его существования. Когнитивно-прагматический потенциал агрессивных адъективов заключается в их способности воздействовать на адресата и наносить ему морально-этический вред, который может оцениваться с точки зрения негативного влияния на нравственные категории, формирующие личность адресата. Практическая ценность полученных результатов состоит в возможности их использования в лингвистической экспертизе. Перспективы исследования видятся в изучении когнитивно-прагматического потенциала слов других лексико-грамматических разрядов.

Ключевые слова: вербальная агрессия; адъектив; негативная оценка; лексико-семантическая группа; негативное намерение; когнитивно-прагматический; эмоционально-оценочный

Для цитирования: Фирсова М. А. Адъективная лексика как средство выражения вербальной агрессии // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 138–144. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-138>. <https://elibrary.ru/WXYOTT>

Original article

Adjective vocabulary as a means of expressing verbal aggression

Maria A. Firsova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language, Astrakhan state university named after V. N. Tatishchev. 414056, Astrakhan, Tatishchev st., 20a
firsovamariaa@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3819-6586>

Abstract. The article describes the cognitive-pragmatic potential of adjective vocabulary as a means of expressing aggression in the russian language. The novelty of this study lies in systematizing and describing the «aggressive» stratum of adjective vocabulary, whose boundaries are unstable. The theoretical relevance of studying «aggressive» adjectives is in the need to supplement the typology of aggression verbalization methods given the variety of forms and means of its manifestation in speech practice. The study is based on the total of 250 adjectives divided into five lexical-semantic groups: «Human appearance», 'General negative human characteristics', 'Mental and psychological features of

a person', 'A person's moral qualities', 'A person's character'. The author uses the method of component analysis, methods of cognitive-discursive and lexical-semantic analysis, and the quantitative counting technique. Emotional-evaluative adjectives express a high degree of the speaker's aggressiveness, indicating their goal to humiliate the object of evaluation. When using «aggressive» adjectives, the addresser expresses a negative intention towards the addressee (or a third party). From linguopragmatic positions, these lexemes express negative evaluation of the object's features or qualities and lead to manipulating the addressee's mind. The use of «aggressive» adjectives in speech leads to a negative impact on the addressee, to the distortion of the moral and ethical bases of their existence. The cognitive-pragmatic potential of aggressive adjectives lies in their ability to influence the addressee and cause them moral and ethical harm, which can be assessed from the point of view of the negative impact on the moral categories that shape the addressee's personality. The practical value of the research results lies in the possibility of using them in linguistic expertise. The prospects of the research lie in studying cognitive-pragmatic potential of words from other lexical-grammatical classes.

Key words: verbal aggression; adjective; negative evaluation; lexical-semantic group; negative intention; cognitive-pragmatic; emotional-evaluative

For citation: Firsova M. A. Adjective vocabulary as a means of expressing verbal aggression. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):138–144. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-138>. <https://elibrary.ru/WXOYTT>

Введение. Вербальное выражение агрессии остается актуальным предметом исследования в современных лингвистических исследованиях [Андреева, 2014, Апресян, 2003, Вольф, 1986, Комалова, 2022, Ларионова, 2017]. Высокая степень проявления агрессивного в языке объясняется возрастающей конфликтностью информационного пространства, огрублением русской речи, дестабилизационными процессами в политической, экономической, социальной и других сферах жизни человека. Высокую степень проявления агрессивного в речи отмечают как зарубежные исследователи [Vale, Pereira, Gonçalves, Matos, 2018; Infante, Wigley, 1986], так и отечественные ученые [Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020]. Выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-либо или чему-либо не только приводит к нарушению этических норм коммуникации, но и влияет на когнитивную сферу реципиентов, дестабилизируя их, искажая их ценностные установки. «Вербальным проявлением агрессии является целый пласт лексики и фразеологии, само существование которых в языке и закреплённость в языковом сознании членов лингвокультурного сообщества свидетельствуют об агрессивных тенденциях» [Лаптева, Фирсова, 2024, с. 436].

К средствам вербальной агрессии А. П. Чудинов относит негативную оценку, выраженную в грубой форме, например, бранными, инвективными лексемами [Чудинов, 2007, с. 61]. Агрессивное речевое намерение может также эксплицитоваться с помощью словесных ярлыков и лексики, несущей ярко выраженный негативно-оценочный заряд [Биюмена, 2020, с. 176]. А. Басс отмечает, что вербальная агрессия может выражаться как через форму (ссора, крик, визг), так и через содержание словесных ответов (угроза,

проклятия, ругань) [Басс, 1971, с. 112]. Скрытое выражение агрессии, по замечанию Э. С. Денисовой, А. Д. Чардынцевой, реализуется с помощью иронии, сарказма [Денисова, Чардынцева, 2023].

Пласт лексико-семантической системы языка, формирующий лингвокогнитивную категорию агрессии, включает агрессивные номинации человека, входящие в лексико-семантические группы, номинирующие внешность, характер, умственные способности, моральные качества человека (*глиста, мордоворот, лоботряс, дармоглот* и др.), глагольные лексемы, выражающие негативное действие и отрицательно его оценивающие (*пендюрить, иллендаты, паскудничать* и др.) [Фирсова, 2023, с. 200]. Применительно к человеку данные лексемы употребляются «с намерением оскорбить или унижить адресата, а могут использоваться и без такого намерения, использоваться безадресно, для спонтанного выброса эмоций, для характеристики некоего лица для себя или партнеров по коммуникации» [Стернин, 2013, с. 35].

Цель данной статьи состоит в выявлении когнитивно-прагматического потенциала адективной лексики, с помощью которой в языке вербализуется лингвокогнитивная категория агрессии.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили данные сплошной выборки из Словаря русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой и Самого полного словаря ненормативной лексики Д. И. Квеселевича общим объемом 250 единиц. Картотеку составили прилагательные с негативной семантикой, имеющие в словарях стилистические пометы 'грубо-просторечное', 'просторечное', 'вульгарное', 'бранное', 'пренебрежительное', 'неодобрительное', 'презрительное'. Употребленные в речи, данные единицы могут потенциально наносить вред адресату, то есть являться вербализаторами агрессии.

В ходе исследования для описания содержательной стороны языковых единиц, репрезентирующих вербальную агрессию, использовался метод компонентного анализа, а с целью описания особенностей и способов вербализации агрессии – методы когнитивно-дискурсивного и лексико-семантического анализа. Кроме того, в ходе исследования нашел применение прием количественных подсчетов.

Результаты. В результате лексико-семантического анализа собранного языкового материала установлено, что «агрессивные» прилагательные образуют 5 семантических групп, ранжированных нами по количеству включенных в каждую из них единиц.

1. «Внешность человека»: *вишивый, жирнозадый, задрипанный, облезлый, плюгавый, толсторылый, худосочный, шелудивый* и др. (всего 50 единиц).

2. «Моральные качества человека»: *сволочный, стервозный, гадский, паршивый, паскудный, маляхольный, мурластый, говенный* и др. (всего 33 единицы).

3. «Умственные способности / психические особенности человека»: *бестолковый, головоунытый, дубовый, туполобый, тупоголовый, остолопый, тупорылый, рехнутый* и др. (всего 30 единиц).

4. «Характер человека»: *быковатый, гугнивый, мудяшный, муржанный, мутный, нетесанный* и др. (всего 26 единиц).

5. «Общая отрицательная характеристика»: *слепешарый, трёпанный, фитюльный, хреновый* и др. (всего 25 единиц).

С когнитивно-прагматической точки зрения отобранные прилагательные характеризуются агрессивностью, поскольку обладают однопольным негативизирующим воздействием по нанесению морально-этического и ментального вреда реципиентам.

Обсуждение результатов. 1. Наибольшим «агрессивным зарядом» обладает группа «Внешность человека». Об агрессивности семантики прилагательных обозначенной группы свидетельствует наличие в их смысловой структуре сем, указывающих на особенности внешности человека:

а) телосложение: *толстомордый, утробистый, толстомясый, глистоватый, худосочный, секельдявый* и др.; (агрессогенной эти слова делают семантический признак *вес*: выше и ниже нормы).

б) вид: *истрепанный, облезлый, плюгавый, расхлюстанный* и др.;

в) лицо: *замухрыжистый, страхолюдный, губошлепский, лупоглазый* и др.

«Внешность человека – это носитель определенной информации, благодаря которой в сознании говорящих формируются субъективный портрет и эстетическая оценка окружающих» [Яхина, 2016, с. 113]. Выражения адресантом недовольства, ненависти или отвращения при оценке внешних характеристик адресата или объекта оценки усиливает агрессивность всего фрагмента текста, приводит к искажению ценностных установок читателя. Любое отклонение от эстетической нормы, несоответствие эталону красоты отмечается реципиентом и становится стимулом, порождающим агрессивную вербальную реакцию.

Обратимся к примерам из Национального корпуса русского языка. «Особенно доставалось ей от отчаянной заводской поденщицы Марьки. У, **толсторылая!** – ругали Домнушку бабы. Раньше то в машинной торговала, а теперь на базар выехала» [Национальный корпус русского языка]. Грубо-просторечное бранное прилагательное *толсторылая* – ‘с толстым рылом’ [Квеселевич, 2003, с. 849] дает негативную оценку внешности лица, к которому окружающие испытывают презрение, вызванное завистью. Закрепление за данной лексемой агрессии обусловлено семантикой номинатива *рыло* – груб. прост. ‘лицо’ [Словарь русского языка, 1987, с. 745].

Агрессивная номинация человека по внешности может дополнять физическую агрессию: «Вот раз вытолкнули кузнеца из кабака: «Иди, чертяка **страхолюдный!**»» [Национальный корпус русского языка]. Физическое воздействие (*вытолкнули из кабака*) в данном случае сопровождается употреблением обращения *чертяка страхолюдный*, где *чертяка*, производное от *черт*, согласуется с просторечной лексемой со значением ‘страшный на вид; безобразный, уродливый’ [Квеселевич, 2003, с. 820].

Следующий пример содержит категоричную оценку говорящего, которая выражается лексемой *криворожий*, имеющей просторечный компонент *рожа* – ‘лицо’: «Тьфу мне на его любовь – вот он *криворожий*, чего стоит! – возражала Экзархатова» [Национальный корпус русского языка]. Когнитивно-прагматический потенциал агрессивных адъективов, относящихся к внешности объекта высказывания, заключается в их способности воздействовать на адресата и наносить ему морально-этический вред. О нанесении морально-этического вреда можно судить в том случае, когда адресант в речи апеллирует к нравственным категориям, формирующим личность адресата, и принижает их.

Агрессивные прилагательные могут быть репрезентированы в тактике угрозы физической

расправы над объектом. Например: «Ты думаешь своей башкой дырявой, или она у тебя совсем прохудилась? Закрой варезку, – предлагал Ганя. И никогда не открывай. Я вот те открою сейчас – шумовкой по калгану!.. черт слепощарый. Ганя бледнел. Ты мои шары не трожь! Не ты у меня свет отняла, не тебе вкаты про это» [Национальный корпус русского языка]. В контексте среди стилистически сниженных и пейоративных единиц, в том числе *черт*, встречаем сочетающееся с ним грубо-просторечное прилагательное *слепощарый* – ‘слепой’ [Квеселевич, 2003, с. 787], которое указывает на физический недостаток объекта, что, безусловно, нарушает социальную норму и интерпретируется нами как прямое оскорбление, то есть вербальная агрессия.

Пренебрежение говорящих вызывают те внешние характеристики человека, которые, с их точки зрения, оцениваются отрицательно. Стереотипные представления об образе человека, имеющие отклонения от общепринятого стандарта, подвергаются адресантами осуждению, что отражается в негативных характеристиках. Адъективы с негативной семантикой, имеющие оценку внешности человека, также реализуют функцию профанизации речи, так как содержат отрицательные интенции автора, которые способны понижать социальный статус адресата.

2. Лексико-семантическая группа «Общие отрицательные характеристики человека» включает лексемы *поганый, мерзкий, хреновый, гадкий, подлый, паршивый, гнилой* и др., которые характеризуют человека с негативной стороны, служат маркерами вербальной агрессии вследствие своей категоричной отрицательной оценки. Например: «Уронив голову на стол, Изабелла выкашливала: «Поганый тот фриц мое тело терзал... он грудь мою белую грыз и кусал и все нехорошее делал»» [Национальный корпус русского языка]. Адресант, стимулируемый плохими, тягостными воспоминаниями, называет своего обидчика *поганый* (фриц) – прост. ‘скверный, мерзкий, отвратительный’ [Квеселевич, 2003, 612]. Сочетание *поганый фриц* носит осуждающий характер также из-за этнофолизма, являющегося инокультурным маркером чуждости (*фриц* – пренебр. немец).

Далее рассмотрим грубо-просторечное прилагательное *мокрохвостый* – пренебр. ‘неопытный’ [Квеселевич, 2003, с. 436], значение которого актуализируется в следующем контексте: «Ничего, тогда запишу, – говорит Валя, размахивая блокнотом. – Ну чего ты ко мне пристала? – кричит Адамчик, пытаясь ущипнуть Валу. Запиши меня целоваться! – Да не умеешь, *мокрохвостый!* – сердито отвечает Валя и убегает, размахивая

блокнотом» [Национальный корпус русского языка]. Коммуникативная ситуация, в которой мужчина пытается доминировать над женщиной, служит для говорящей стимулом для словесного отпора, который она вербализует агрессивным прилагательным *мокрохвостый*, давая понять, что у мужчины нет шансов на продолжение общения вследствие его неопытности.

Эмоционально-оценочные адъективы выражают высокую степень агрессивности говорящего, указывая на его цель – унижить объект оценивания. Например, прилагательное *паршивый* – ‘плохой, скверный, дрянной’ [Квеселевич, 2003, с. 578] может употребляться в отношении лица как дополнительная характеристика к уже имеющейся негативной номинации:

а) *Стервец паршивый, – зашипел страшный капитан прямо над ухом. Ну-ка перестань! Покалечу ведь!..» Вано! – заорал я не своим голосом* [Национальный корпус русского языка]. В данном контексте говорящий призывает адресата к прекращению действий, употребляя агрессивное прилагательное *паршивый* в сочетании с бранной номинацией *стервец* – ‘негодяй, мерзавец, подлец’ [Квксклевич, 2003, с. 816].

б) «Но расплата оказалась неожиданной: встретившая меня на другой день мать этого мальчика закричала: „Ах ты, *жиденек паршивый!*”» [Национальный корпус русского языка]. Контекст содержит порицательное восклицание с этнофолизмом *жиденек*, которое пренебрежительно номинирует мальчика. Говорящий вербализует агрессию и по отношению к моральным качествам объекта, и по отношению к его национальности.

в) «Но Чертопханов не только не отвечал на его привет, а даже рассердился, так весь и вспыхнул вдруг: *паршивый жид* смеет сидеть на такой прекрасной лошади... какое неприличие!» [Национальный корпус русского языка]. Вербальная агрессия говорящего направлена на представителя иной национальности, который именуется как *паршивый жид*.

Лексико-семантическая группа «Общие отрицательные качества человека» включает агрессивные адъективы, употребляя которые, говорящий выражает презрение, основанное на неприятии отклоняющегося от нормы поведения или отрицательных качеств человека, вызывающих отторжение.

3. Лексико-семантическая группа «Моральные качества человека» содержит единицы, при употреблении которых адресант, направляющий вербальную агрессию на человека, стимулируется совокупностью негативных черт личности, кото-

рые в целом вызывают неприязнь, например: *конченный, охренелый, подонистый, проклятый, скотский* и т. д.

Негативные моральные качества человека являются для адресантов стимулом для вербализации агрессии. Языковой материал данной группы составляют имена прилагательные, которые характеризуют человека с обобщенных позиций. Например: *«Пепко принимался ругаться раза три. Если бы у меня были часы, – повторял он с особою убедительностью, – я показал бы ей, что нельзя ставить самовар целый час. Вот проклятая баба навязалась... Сколько она испортила крови моего сердца и сока моих нервов! Недаром сказано, что господь создал женщину в минуту гнева...»* [Национальный корпус русского языка]. В данном контексте вербальная агрессия адресанта спровоцирована медленными действиями женщины, что выражается не только в употреблении бранного восклицания с компонентом *проклятый* – ‘ненавистный, достойный проклятия’ [Квеселевич, 2003, с. 495], но и в негативном обобщении.

Совокупность негативных моральных качеств человека указывает на их несоответствие ожиданиям адресанта, служит указанием на отрицательные внутренние характеристики. Например: *«Помирился, – согласился Викторюшка и сплюнул, – а зря. И человек он х..вый, и поэт говенный. Ирка баховской ... какую-то о Шлянном переулке, где Ирка живет, сочинил»* [Национальный корпус русского языка]. Контекст содержит прилагательное *говенный* – вульг. ‘дрянной, ничтожный’ [Квеселевич, 2003, с. 137], которое указывает не только на некомпетентность характеризуемого объекта, но и его обобщенные негативные моральные качества.

4. Лексико-семантическая группа «Умственные и психические особенности человека» включает прилагательные, относящиеся к когнитивной сфере человека. Низкий интеллектуальный уровень или психические расстройства личности могут служить для языковой личности сигналом для их неприятия или осуждения и выражаться в агрессивной форме.

Языковой материал группы «Умственные и психические особенности человека» представлен двумя подгруппами, характеризующими

1) человека, не отличающегося интеллектуальными способностями: *туполобый, остолопый, безмозглый, бестолочный* и т. д.;

2) психически неуравновешенного человека: *чеканутый, шизанутый, ушибленный, рехнутый* и т. д.

Обратимся к примерам: *«Не хватало, чтобы этот ваш бугай тупорылый, – продолжал бушевать Платон, – сдал мой паспорт в милицию! Сами вы тупорылый. Вера не дала ухажера в обиду. Андрей – человек порядочный!»* [Национальный корпус русского языка]. Первое употребление грубо-просторечного прилагательного *тупорылый* – ‘туго соображающий, тупой’ [Квеселевич, 2003, с. 864] – относится к третьему лицу, но задевает чувства одного из участников диалога, который также вербализует агрессию, уже направленную на коммуникативного партнера, с помощью той же адъективной единицы.

Негативные вербальные реакции говорящих могут быть спровоцированы неожиданными действиями окружающими, например: *«Люсин бросился к телефону, едва не столкнувшись в дверях с Аглаей Степановной, которая чуть было не выронила тяжелую трехлитровую банку, до краев наполненную алым напитком. Рехнутый! – осерчала старуха»* [Национальный корпус русского языка]. *Рехнутый* – груб. прост. ‘не в своем уме, сумасшедший’ [Квеселевич, 2003, 744] – агрессивная лексема, характеризующая сумасшедшего человека. В контексте она относится к лицу, которое своим неловким движением помешал говорящей, вызвав ее негативную вербальную реакцию.

Умственные и психические особенности человека представляют собой совокупность информации, мыслительная обработка которой является для адресантов стимулом вербализации агрессии. Негативные характеристики когнитивных и психических процессов человека основываются на несоответствии ожиданиям говорящих, следовательно, подвергаются осуждению и презрению.

5. Лексико-семантическая группа «Характер человека» содержит единицы, относящиеся к негативным особенностям характера человека. Например, которые характеризуют 1) болтливость: *трепливый, хамоватый, гугнивый, ёрнический* и др.; 2) жадность: *хапужный, сквалыжный*; 3) непорядочность: *говнистый, шнырливый, тягомотный, ублюдский* и др.

Например: *«Говнистый этот твой ученик! – вспыхнул Паша. Цицерон наш лишь развел горестно руками: мол, это да, что есть, то есть, говнистость имеется!»* [Национальный корпус русского языка]. В данном контексте вульгаризм *говнистый* – ‘гадкий, мерзкий’ [Квеселевич, 2003, с. 137] характеризует третье лицо в диалоге и подчеркивает отрицательные стороны характера человека, а именно непорядочность. В ответ собеседник подтверждает наличие негативных черт характера у определяемого объекта.

Статус агрессивных могут приобрести не только адекватные номинации отрицательных черт характера, но и номинации человека странного, непохожего на других, не живущего или не поступающего так, как следует, с точки зрения говорящего. Например: *«Или ты вовсе уж тронутый сделался! Тьфу! Убегу прочь, куда глаза глядят! Надоел ты мне, хозяин малахольный и непутевый!»* [Национальный корпус русского языка]. Говорящий агрессивно настроен по отношению к коммуникативному партнеру, которого считает «другим», «иным», о чем свидетельствует употребление лексем *непутевый* – ‘беспутный’ [Словарь русского языка, 1987, с. 473], *тронутый* в знач. прил. разг. – ‘имеющий странности’ [Словарь русского языка, 1987, с. 15], *малахольный* – груб. прост. ‘с причудами, странностями’ [Словарь русского языка, 1987, с. 218]. Данные характеристики личности служат для адресанта источником раздражения и неприятия, вызывают желание прервать социальную коммуникацию.

Таким образом, при употреблении прилагательных, относящихся к лексико-семантической группе «Характер человека», адресант выражает отрицательное отношение к человеку как носителю определенных черт. Поток негативных эмоций стимулирует языковую личность к осознанной вербализации агрессии.

Выводы. В результате проведенного лексико-графического анализа выявлен корпус «агрессивных» прилагательных; языковой материал распределен по пяти лексико-семантическим группам: «Внешность человека», «Общие отрицательные характеристики человека», «Умственные и психические особенности человека», «Моральные качества человека», «Характер человека». Языковая оценочность, представленная приведенной выборкой адекватных лексем и примерами их контекстуального употребления, служит источником имплицитного компонента негативного смысла. Адресант при употреблении прилагательных с отрицательной оценкой выражает негативное намерение по отношению к адресату (или третьему лицу), вызывая у него отрицательные эмоции и/или нанося этический вред. Нанесение морально-этического вреда происходит в том случае, когда адресант в речи апеллирует к нравственным категориям, служащим основой личности адресата, и обесценивает их. Установлено, что с лингвопрагматических позиций «агрессивные» прилагательные выражают категоричную оценку объекта, приводят к манипулированию сознанием адресата. Целенаправленное нанесение вреда за счет употребления в речи «агрессивных» прилагательных приводит к негативному воздействию на

адресата, искажению его картины мира. Описанный фрагмент лексической системы русского языка отражает сложившееся в социуме представление о широкой репрезентативности адекватных лексем в выражении негативных характеристик человека.

Библиографический список

1. Андреева В. Ю. Коммуникативный саботаж в ряду смежных речевых явлений (сопоставление с конфликтом, речевой агрессией, коммуникативным давлением) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 1. С. 356.
2. Апресян В. Ю. Имплицитная агрессия в языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Тр. Междунар. конф. «Диалог 2003». Москва : Наука, 2003. С. 14–18.
3. Биюмена А. А. Лексические средства экспликации речевой агрессии в русскоязычных печатных изданиях советского периода // Русистика. 2020. Т. 18. № 2. С. 164–180.
4. Волкова С. Н. Лексико-семантические средства речевой агрессии в телевизионном дискурсе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 6–21.
5. Вольф Е. М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 98–108.
6. Денисова Э. С., Чардынцева А. Д. Жанровые формы вербальной агрессии в молодежной интернет-коммуникации // МНКО. 2023. №2 (99).
7. Квеселевич Д. И. Самый полный словарь ненормативной лексики русского языка. Москва : Астрель: АСТ. 2003. 1021 с.
8. Комалова Л. Р. Параметры типологизации агрессии, вербализованной в письменном тексте/дискурсе // Этнопсихоллингвистика. 2022. № 3. С. 7–25.
9. Лаптева М. Л., Фирсова М. А. Лингвокультурные основы вербальной агрессии в русском языке // Русистика. 2023. № 4. С. 424–439.
10. Ларионова Т. В. Речевая агрессия: от речевой практики к социокогнитивной матрице // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7-1(73). С. 117.
11. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2025)
12. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Москва : Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
13. Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Чигарькова С. В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38).
14. Стернин И. А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов. Москва, 2007. 254 с.

16. Фирсова М. А. Стилистические пометы как маркер «агрессивности» номинаций человека // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2023. № 4(16). С. 200–208.

17. Яхина Д. И. Образная оценка внешнего вида человека в сфере неофициального общения (на материале метафор и сравнений) // Проблемы речевой коммуникации. 2016. №16. С. 112–125.

18. Buss A. H. Aggression payS. The control of aggression and violence. 1971. С. 112–130.

19. Vale A., Pereira F., Gonçalves M., Matos M. Cyber-aggression in adolescence and internet parenting styles: A study with victims, perpetrators and victim-perpetrators. Children and Youth Services Review. 93. 2018. P. 88–99.

20. Infante D. A., Wigley C. J. Verbal aggressiveness: an interpersonal model and measure // Communication MonographS. 1986. № 53. P. 61–69.

Reference list

1. Andreeva V. Ju. Kommunikativnyj sabotazh v rjadu smezhnyh rechevyh javlenij (sopostavlenie s konfliktom, rechevoj agressiej, kommunikativnym davleniem) = Communicative sabotage among related speech phenomena (comparison with conflict, speech aggression, communicative pressure) // Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2014. № 1. С. 356.

2. Apresjan V. Ju. Implicitnaja agressija v jazyke = Implicit aggression in language // Komp'juternaja lingvistika i intellektual'nye tehnologii : Tr. Mezhdunar. konf. «Dialog 2003». Moskva : Nauka, 2003. С. 14–18.

3. Bijumena A. A. Leksicheskie sredstva jeksplikacii rechevoj agressii v russkojazychnyh pechatnyh izdanijah sovetskogo perioda = Lexical means of explicating speech aggression in russian-language print media of the soviet period // Rusistika. 2020. T. 18. № 2. С. 164–180.

4. Volkova S. N. Leksiko-semanticheskie sredstva rechevoj agressii v televizionnom diskurse = Lexical and semantic means of speech aggression in television discourse // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2021. № 2. С. 6–21.

5. Vol'f E. M. Ocenочноe znachenie i sootnoshenie priznakov «horosho/ploho» = Evaluative meaning and the ratio of good/bad attributes // Voprosy jazykoznanija. 1986. № 5. С. 98–108.

6. Denisova Je. S., Chardynceva A. D. Zhanrovyje formy verbal'noj agressii v molodezhnoj internet-kommunikacii = Genre forms of verbal aggression in youth Internet communication // MNKO. 2023. №2 (99).

7. Kveselevich D. I. Samyj polnyj slovar' nenormativnoj leksiki russkogo jazyka = The most complete dictionary of non-normative vocabulary of the Russian language. Moskva : Astrel': AST. 2003. 1021 s.

8. Komalova L. R. Parametry tipologizacii agressii, verbalizovannoj v pis'mennom tekste/diskurse = Parameters of aggression typology verbalized in written text/discourse // Jetnopsiholingvistika. 2022. № 3. С. 7–25.

9. Lapteva M. L., Firsova M. A. Lingvokul'turnye osnovy verbal'noj agressii v russkom jazyke = Linguocultural bases of verbal aggression in the Russian language // Rusistika. 2023. № 4. С. 424–439.

10. Larionova T. V. Rechevaja agressija: ot rechevoj praktiki k sociokognitivnoj matrice = Speech aggression: from speech practice to sociocognitive matrix // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 7-1(73). С. 117.

11. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = National corpus of the russian language. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (data obrashhenija: 15.01.2025)

12. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. = Dictionary of the Russian language: in 4 vols. / pod red. A. P. Evgen'evoj. Moskva : Rus. jaz.: Poligrafresursy, 1999.

13. Soldatova G. U., Rasskazova E. I., Chigar'kova S. V. Vidy kiberagressii: opyt podrostkov i molodezhi = Types of cyber aggression: the experiences of adolescents and young adults // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. 2020. № 2 (38).

14. Sternin I. A. Vyjavlenie priznakov unizhenija chesti, dostoinstva, umalenija delovoj reputacii i oskorblenija v lingvisticheskoj jekspertize teksta. = Identifying the signs of humiliation of honor and dignity, of damaging business reputation and insults in the text linguistic expertise. Jaroslavl', 2013.

15. Chudinov A. P. Politicheskaja lingvistika = Political linguistics : ucheb. posobie dlja studentov, aspirantov, prepodavatelej-filologov. Moskva, 2007. 254 s.

16. Firsova M. A. Stilicheskie pomety kak marker «agressivnosti» nominacij cheloveka = Stylistic notes as a marker of «aggressiveness» in nominating a person // Tul'skij nauchnyj vestnik. Serija Istorija. Jazykoznanie. 2023. № 4(16). С. 200–208.

17. Jahina D. I. Obraznaja ocenka vneshnego vida cheloveka v sfere neoficial'nogo obshhenija (na materiale metafor i sravnenij) = Figurative evaluation of human appearance in the sphere of informal communication (on the material of metaphors and comparisons) // Problemy rechevoj kommunikacii. 2016. №16. С. 112–125.

18. Buss A. H. Aggression payS. The control of aggression and violence. 1971. С. 112–130.

19. Vale A., Pereira F., Gonçalves M., Matos M. Cyber-aggression in adolescence and internet parenting styles: A study with victims, perpetrators and victim-perpetratorS. Children and Youth Services Review. 93. 2018. R. 88–99.

20. Infante D. A., Wigley C. J. Verbal aggressiveness: an interpersonal model and measure // Communication MonographS. 1986. № 53. P. 61–69.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 21.03.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Научная статья

УДК 81-11

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-145

EDN: XPOKPF

Описание переходного смягчения согласных в предисловии к грамматике А. В. Таппе

Елена Валерьевна Маркасова

Доктор филологических наук, доцент, Пекинский университет. 100089, КНР, г. Пекин, район Хайдянь, ул. Ихэюань, д. 5.

markasovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>

Аннотация. Актуальность темы определяется необходимостью заполнения лакун в истории лингвистических учений, а конкретнее – в истории формирования сравнительно-исторического метода. В начале XIX века влияние европейской лингвистической традиции на Петербургскую русистику было обусловлено как контактами между учеными, так и деятельностью иностранных учителей и гувернеров, в первую очередь немецких и французских. В Санкт-Петербурге их объединяли не только служебные, но и дружеские отношения. Истории внутрицеховых взаимоотношений дают возможность увидеть историю идей, существующих в лингвистике либо как анонимные, либо как авторские. Благодарности, которые можно найти в предисловиях к грамматикам, создаваемым в это время в России в учебных целях, позволяют установить, какие лингвистические идеи воспринимались современниками как новаторские. В этом контексте в статье рассматривается благодарность Г. Л. Лаббе-Делонду (1773–1830) в предисловии к «Русской грамматике для немцев» А. В. Таппе. Хотя сам Г. Л. Лаббе-Делонд (переводчик, учитель французского языка и латыни, сторонник «сопоставительного метода» в преподавании языков) не был автором учебников, он систематизировал сведения о переходе заднеязычных г, к, х в ж, ч, ш, з, ц, с, свистящих с, з и зубных д, т в шипящие в русском языке и сформулировал тезис о применении этих сведений для сопоставления разных языков. Таппе не описывает условия изменений звуков, но интерпретирует изучение законов перехода как путь к анализу соответствий между старославянским и русским языками.

Ключевые слова: палатализация; чередования согласных; переходное смягчение согласных; Г. Л. Лаббе-Делонд (1773–1830); Н. И. Греч; сравнительно-исторический метод; лингвоисториография

Для цитирования: Маркасова Е. В. Описание переходного смягчения согласных в предисловии к грамматике А. В. Таппе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 145–152. <https://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-145>. <https://elibrary.ru/XPOKPF>

Theoretical, applied, comparative and contrastive linguistics

Original article

Describing transitive softening of consonants in the preface to A. V. Tappe's grammar

Elena V. Markasova

Doctor of philological sciences, associate professor, Beijing university. 100089, PRC, Beijing, Haidian district, Iheyuan st., 5.

markasovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9231-1476>

Abstract. The topic of the article is relevant because of the need to fill the lacunas in the history of linguistic doctrines, and more specifically, in the history of the comparative historical method. In the early XIX century, european linguistic tradition influenced St. Petersburg's school of russian studies due to both contacts between scholars and the work of foreign teachers and tutors, primarily german and french. St. Petersburg united them not only through official, but also friendly relations. The stories about intra-trade relationships provide an insight into the history of ideas that exist in linguistics either as anonymous or as authorial. Acknowledgments that can be found in the prefaces to grammars

written at this time in Russia for educational purposes help to establish the kinds of linguistic ideas that were viewed as innovative by contemporaries. In this context, the article examines the acknowledgement to G. L. Labbé-Delond (1773–1830) in the preface to A. W. Tappe's Russian Grammar for the Germans. Although G. L. Labbé-Delond (a translator, a teacher of french and latin, a supporter of the «comparative method» in language teaching) was not the author of textbooks, he systematized the information about the transition of the post-dorsal г, к, х into ж, ч, ш, з, ц, с, sibilant с, з and dental д, т into hushing consonants in russian and proposed a thesis about using this information to compare different languages. Tappe does not describe the conditions for sound changes, but interprets studying the transition laws as a way to analyze correspondences between old slavonic and russian.

Key words: palatalization; alternation of consonants; transitive softening of consonants; G. L. Labbe-Delond; N. I. Gretschi; comparative historical method; linguistic historiography

For citation: Markasova E. V. Describing transitive softening of consonants in the preface to A. V. Tappe's grammar. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):145–152. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-145>. <https://elibrary.ru/XPOKPF>

Введение

Ранний период существования Петербургской русистики характеризуется тесными связями между российской и немецкой наукой [Клубков 2011] и влиянием французских гувернеров на традицию преподавания языков в России. [Ржеуцкий, 2011, с. 62; Каравола, 2011, с. 34]. Истории внутрицеховых взаимоотношений дают возможность увидеть историю идей, ныне существующих в лингвистике либо как анонимные, либо как авторские. Степень авторитетности ученого, чьи взгляды игнорируют или, окружая туманом статей и диссертаций, подхватывают и распространяют, обычно зависит от его включенности в определенную группу. Кроме ученых, вошедших в историю российской науки (А. Х. Востоков, Н. И. Греч, И. Ф. Калайдович), в Петербурге в это время было довольно много иностранных учителей, которые преподавали европейские языки русским, а русский язык – иностранцам. Влияние немецкой педагогической традиции на систему преподавания языков и на становление сравнительно-исторического языкознания – известный факт [Лукин, 2021, с. 86–91; Лукин, 2022; Лукин, 2023, с. 85–94; Лукин, 2023, с. 181–189; Власов, Московкин, 2022, с. 71–81].

Важную роль в этом процессе играли сообщества гувернеров и преподавателей европейских и древних языков, возникавшие при учебных заведениях. Среди таких заведений, существовавших в Санкт-Петербурге в первой четверти XIX века, выделялись Губернская гимназия и Главное немецкое училище Св. Петра. [Namens-Verzeichniss der Schüler..., 1862]. Служившие там учителя были авторами учебников русского языка, известных и за пределами России. Преподавателей объединяли не только дружеские отношения и служба, но и филологические интересы в самом широком смысле. Так, Н. И. Греч и

И. М. Борн были членами «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств» и занимались переводами. А. В. Таппе и Н. И. Греча связывала принадлежность к лагерю карамзинистов, знакомство с А. Х. Востоковым, Н. М. Карамзиным, В. А. Жуковским. Дитрих Август Вильгельм Таппе (1778–1830) стал учителем немецкого училища св. Петра в Петербурге в 1810 г., то есть через год после того, как туда в качестве старшего учителя русской словесности был принят Н. И. Греч [Хексельшнайдер 1999]. В это время директором Петришуле был магистр философии и богословия И. Вейссе (1753–1840), знаменитый педагог, которому принадлежала идея ранней специализации (он разделил предметы на общие и факультативные). В предисловии к Грамматике И. М. Борн упоминает, что написал Грамматику по совету Вейссе. С ними был хорошо знаком Г. Л. Лаббе-Делонд (1773–1830), имевший репутацию одного из лучших учителей французского языка, знатока европейской лингвистической традиции [Клюшин, Маркасова, 2022]. Знакомство Греча и Делонда датируется приблизительно 1805 годом.

Это профессиональное сообщество не было замкнутым, поскольку преподавательская деятельность требовала осмысления не только методических, но и лингвистических проблем. Ценным источником информации о том, какие вопросы обсуждались учителями в это время, являются предисловия к многочисленным учебным грамматикам. В предисловиях можно найти не только общие слова благодарности, но и вполне конкретные формулировки, – за что именно автор признателен коллеге. Эти тексты – источник информации о новых именах в истории науки [Маркасова, 2022].

Наша статья представляет собой расширенный комментарий к благодарности из предисло-

вия к «Русской грамматике для немцев» А. В. Таппе. Этот абзац, посвященный систематизации сведений о переходе заднеязычных *g, k, x* в *ж, ч, ш, з, ц, с*, свистящих *с, з* и зубных *д, т* в шипящие в русском языке, позволяет включить в историю лингвистических учений имя Г. Л. Лаббе-Делонда (1773–1830).

Методология

В исследовании используется методология К. Кернера (соединение контекстуализации с имманентным анализом), а также применяются элементы просопографической методологии и нарративной историографии.

Результаты исследования

1. Предисловие к Грамматике А. В. Таппе. Учебник русского языка, который был хорошо принят и в России, и в Германии, Таппе написал до того, как приехал в Санкт-Петербург и начал преподавать в Петришуле.

Его «Новый теоретический и практический курс русского языка для немцев» (с 1810 по 1835 г. семь переизданий) с отдельно приложенной «Первой русской грамматической хрестоматией для учителей» (также семь переизданий) <...> представляли собой учебники нового типа с ясной и легко усвояемой методикой. Книги быстро разошлись, сделав Таппе одним из первопроходцев в деле преподавания русского языка немцам. Сам он не без гордости отметил в июле 1822 г.: «Тысячи северных немцев начиная с 1810 г. обязаны этим сочинениям о русском языке своими должностями, честью и куском хлеба и несут с помощью этого языка с успехом немецкие науку, искусство, прилежание, понимание и воспитание в самые отдаленные земли» [Хексельшнайдер, 1999, с. 348].

В предисловии ко второму изданию А. В. Таппе перечисляет предшественников [Лукин, 2022, с. 84–90; Григорьева, Ершова, 2010, с. 198–204], на труды которых опирается:

Все теоретические достижения Ломоносова, Родде, Гейма, Петербургской Академии Наук в русском языке (подразумевается *Российская грамматика, сочиненная императорской Российской Академией*), а также недавние достижения Родде и Фатера в теоретических вопросах русского языка автор старался передать прилежно, бережно, по возможности кратко, простым и понятным языком, снова и снова дополняя их новыми или собственными представлениями о предмете. Но это еще не все, превосходство этого труда заключается в сохранении прежнего практического направления книги [Таппе, 1812 (пер. В. И. Бескровных)].

Н. И. Греч, составитель грамматических учебных таблиц, которыми также пользовался Таппе, пишет о его книге с большим уважением именно как об учебнике, упрощающем изучение языка «выбором и удобным расположением правил и примеров», но указывает, что этот учебник вторичен [Греч, 1827, с. 52]. Современные исследователи вслед за Н. И. Гречем отмечают, что вторичность текста компенсируется его практической направленностью [Греч, 1812, с. 339–354; Лукин, 2022, с. 87]. Хотя сам Таппе пишет, что информацию из других источников он пытался «дополнить собственными и новыми взглядами», кажется, никто не задавался вопросом, в чем же заключалась новизна этих взглядов.

В предисловии ко второму изданию (1812) Таппе характеризует переработки и исправления, отличающие второе издание от первого. Именно здесь он благодарит Г. Л. Лаббе-Делонда. Предисловие выглядит нелогично: текст начинается с описания частного момента («дружеского сообщения» Делонда), благодарности же прочим коллегам вынесены в конец и не всегда детализированы (так – без конкретики – Таппе благодарит Греча за грамматические таблицы). Таким образом, отношение автора к совету Делонда как исключительно ценному отражается на уровне композиции.

Опыт мой и других показал, что новая таблица склонений с примечаниями (стр. 49 и далее) еще более упростила и облегчила ее преподавание. *Благодаря дружескому сообщению г-на Лаббе Делонда (L'Abbe Deslondes) я могу теперь перед печатаньем этих страниц сделать следующее многозначимое замечание:* если назвать 1) Д, Т дентальными или зубными звуками; 2) З и С сиффлянтами или шипящими звуками; 3) Г, Х, К гуттуральными или горловыми звуками; 4) Ж, Ш палатальными или нёбными звуками, то *оказывается*, что все дентали, сиффлянты и горловые звуки в русском всегда переходят в палатальные и именно таким образом: 1) Г, Д, З превращаются в Ж; 2) Х и С превращаются в Ш; 3) К и Т превращаются в Ч; например, Бог – божий; вид – вижу; гроза – грожу; слух – слушаю; просить – прошу; рука – ручаюсь; шутишь – шучу. И, далее, 1) Т превращается в Щ, например, превратишь – превращаю. 2) Ц – это, собственно ТЧ; Ч – это ТШ, а Щ – это ШЧ. 3) Поскольку С переходит в Ш, то и Ц, который происходит из ТС, переходит в Ч, например, отец – отчество. 4) Поскольку Т превращается в ТШ или в Ч, то и СТ превращается в Щ, например, густ – гуще, свист – свишу. 5) Только мягкие консонанты Д, З, Г превращаются в мягкое Ж; тогда как твердые Т, С, Х, К, напротив, переходят в шипящие Ш или Ч. Такое превращение полагаемых дентантами, сиффлянтами и

глоточными в палатальные является фактом большой важности не только вообще для производных слов (стр. 240 и далее), но также и для их спряжения (стр. 162); для склонения (стр. 49 и 54); и даже находят применение для случаев нерегулярных компараций (стр. 104), и они могут, *если применить моё деление на твердые и мягкие звуки* (стр. 49), *сопоставлять со старославянскими и современными русскими чередованиями букв* (курсив автора статьи) (на что я тут хочу лишь обратить ваше внимание), даже привести к еще более красивым результатам [Тарре, 1812 (пер. В. И. Бескровных)].

Текст написан на немецком языке, но французские термины выделены курсивом, а русские буквы даны кириллицей. В современной терминологии звуки «мягкие» и «твердые» называются «звонкими» и «глухими» соответственно, а в терминологии Н. Бозе — «сильными» и «слабыми».

Возникает вопрос: каким же образом сведения о «переменяющихся» звуках и чередованиях освещались до Таппе, если он считает сообщение Делонда исключительно ценным?

2. Описания «перехода» звуков в грамматиках, упомянутых Таппе. Обратимся к перечисленным самим Таппе грамматикам русского языка, расположив их по хронологии. Это Грамматика М. В. Ломоносова (1748), Грамматика Я. Родде (1773), Грамматика И. А. Гейма (1789), «Краткое руководство к российской словесности» И. М. Борна (1808), «Начальные основания российской грамматики» П. И. Соколова (1797).

2.1. Грамматика Ломоносова (1755 (1757)). В грамматике М. В. Ломоносова описаны «изменяемые» буквы. Традиция использования характеристики «изменяемые» применительно к чередующимся (в современной терминологии) известна еще с Грамматики Мелетия Смотрицкого (1619) [Гордина, 2006, с. 197, 217]. Следовательно, никакого новаторства в использовании этого определения нет. Деление на «переменяющиеся» и «непеременяющиеся» было описано и А. Шлёцером, который не характеризовал фонетические условия изменений и (как и другие его современники) не указывал направления трансформации, но писал, что «при изменении и производстве слов оне *разнообразно* меняются *между собою*» (курсив автора статьи) и с другими *непеременяющимися*» [Шлёцер, 1875, с. 424; Шлёцер, 1904, с. 7]. Ломоносов пишет:

§ 95 Согласные буквы *г, ж, к, х, ц, ч, ш* называются *изменяемыми*, затем что в произведениях и спряжениях изменениям подвержены *Богъ, Божество, божусь; вижу, видишь, видѣнь; рука, ручной,*

ручаюсь; духъ, душу, душисть; конецъ, кончаюсь, конечной; шучу, шутишь, шутка; гашу, гасишь, угас [Ломоносов, 1952, с. 389–578, 424].

Из этой формулировки следует, что изменения букв происходят в «произведениях», то есть в производных словах, и в «спряжениях», то есть в грамматических формах. Ломоносов детализирует этот тезис, приводя пары слов, демонстрирующие изменения, в сравнительной степени прилагательных (*худъ, хуже; тугъ, туже; дорогъ, дороже; крѣпокъ, крѣпче; легокъ, легче; густъ, гуще; простъ, проще; глухъ, глуше; сухъ, суше*), при образовании «женских от мужских» (*пастухъ, пастушка*), при образовании «увеличительных прилагательных», которые «нежное знаменование имеют» (*бѣлехонекъ, бѣлешенекъ; малехонекъ, малешенекъ*) [Ломоносов, 1952, с. 472].

Далее Ломоносов, описывая «перемены» в глаголах, представляет изменения как линейную последовательность:

Жу переменяется на *заль: вяжу, вязаль; <...> Чу* переменяется в *каль: кличу, кликаль; <...> гогочу* имеет *гоготаль <...> Шу* — на *саль: пишу, писалъ <...> Брешу* имеет *брехаль; ищу, искаль; скрежещу, скрежеталь <...> На жу, чу, шу* кончащиеся переменяют своего прошедшего *аль* на *ываль* или *иваль*, например: *вяжу, вязаль, вязываль* и др. [Ломоносов, 1952, с. 493].

Гу и *ку* переменяется в *чь: берегу, беречь; стригу, стричь <...> Производные от имен, имеющих в окончании д или з, кончащиеся на ж, во втором лице переменяют ж на д или з: смердъ, смержу, смердишь; <...> слежу, слезишь; разъ, ражу, разишь. <...> Производные, кончащиеся на ч, имеющие в окончании первообразных т, переменяют ч на оное: крутъ, кручу, крутишь; золото, золочу, золотишь; шутъ, шучу, шутишь; <...> Производные глаголы от имен, имеющих в окончании с, переменяют первого лица ш на оное: ворса, воршу, ворсишь; гласъ, глашу, гласишь... [Ломоносов, 1952, с. 511–512].*

Примеры, приводимые М. В. Ломоносовым и А. В. Таппе, частично совпадают *Бог — божий; вид — вижу; рука — ручаюсь; шутишь — шучу*, но это ни о чем не говорит: воспроизводимость примеров всегда была свойственна образовательной традиции.

Формально Ломоносов и Таппе говорят об одних и тех же звуках и формах, но принципы систематизации у Ломоносова и Таппе различны. Во-первых, в предисловии Таппе *звуки классифицируются по месту и способу*

образования и ясно сказано о последовательности изменений: *г, к, х* переходят в *ж, ч, ш*, а не наоборот (*ж, ч, ш* в *г, к, х*). Ломоносов же дает общий список взаимозаменяемых букв, в состав которого входят *г, ж, к, х, ц, ч, ш*. У Ломоносова есть классификация звуков, но у него нет идеи перехода одного звука в другой, сопровождающегося сменой артикуляции. Таппе же пишет:

...из сказанного следует, что палатальное согласие существует преимущественно в русском и итальянском языках <...>. Лежат ли причины этого явления в органе речи, во влиянии климата, воздуха или питания, ещё предстоит выяснить [Тарре, 1812 (пер. В. И. Бескровных)].

Есть важное различие в принципах подачи примеров. По совету Делонда Таппе группирует изменяющиеся звуки по месту и способу образования, идет от звука, указывая на звуковые изменения при образовании компаративов, при спряжении и склонении, а также в производных словах (димиинутивах типа *кружок – кружочек*, существительных женского рода типа *пастух – пастушка*, в формах прилагательных на *-охонек / -ешенек* типа *белехонек – белешенек*). Ломоносов идет от морфологии, показывая фонетические изменения при формообразовании и словообразовании, а Таппе видит в «перемене» именно фонетический процесс. Важное отличие заключается в том, что Таппе указывает на возможность использования знаний об этих изменениях для сопоставления русского языка со старославянским. Хотя условия изменений звуков у него не описаны, важно, что знание, в какой звук может переходить исходный звук, интерпретируется Таппе как путь к анализу соответствий между старославянским и русским языками. Кроме того, он использует термин «чередование».

2.2. Грамматика Я. Родде (1778). Переводчик, писатель, лингвист Я. Родде описывает замену *д, г, к, ст, х* (именно в такой последовательности) в сравнительной степени прилагательных [Rodde, 1778, с. 55–57], далее указывает на появление в глаголах *ж* (*бежишь*), *ч* (*сечешь*), *ш* (нет примера), *жд* (*тружду*), *щ* (нет примера) и др. [Rodde, 1778, с. 82], а затем дает большой список глаголов на *-жу, -шу, -чу* (1 лицо единственное число) [Rodde, 1778, с. 83, 110]. То есть в этой грамматике систематизации сведений о смягчении, подобной описанию Таппе, нет.

2.3. Грамматика И. А. Гейма (1789). Текст демонстрирует сходство с Грамматикой Ломоносова в плане последовательности изложения правил, произвольности формулировок и идеи двунаправленности перехода одного звука в другой. Например: «*к* переходит в *ч, ж* или *ш*» [Неум, 1789, с. 34], в компаративе «*д* и *г* превращаются в *-же*»: *худ – хуже, молод – моложе, дорог – дороже*. «Прилагательные на *-ок* превращают эти слоги в *че*» (*крепок – крепче, легок – легче*, но есть и исключения: *сладок – слаще, узок – ужше, тонок – тонше, гладок – глаже, гадок – гаже, низок – ниже, глубок – глубже, широк – шире, высок – выше, близок – ближе* [Неум 1789, с. 59–60]. В настоящем времени *г* переходит в *ж, к* в *ж* (так!) – *стригу – стрижет*. Глаголы на *-жу* «переходят» в *-зал* (*вяжу – вязал, скажу – сказал, брызжу – брызгал, глажу – глодал, ржу – ржал*); *-чу* в *-кал* (*кличу – кликал, скачу – скакал, хохочу – хохотал*); *-шу* в *-хал* (*машу – махал*); на *-гу, -ку* в *-ч* (*берегу – беречь, секу – сечь*) [Неум 1789, с. 88–89, 95–96]. Далее даны списки глаголов на *-жу, -шу, -чу, -щу* [Неум, 1789, с. 103, 119]. Это рассуждение, как и примеры, соответствует Грамматике М. В. Ломоносова.

2.4. Грамматика П. И. Соколова (1788 (1797)). В «Начальных основаниях российской грамматики» П. И. Соколова эта информация также изложена в разделах, посвященных существительным (*пастух – пастушка, друг – дружок, знак – значек*) [Соколов 1797, с. 88–89, 91–92], компаративам (*чист – чище, глух – глуше*) [Соколов, 1797, с. 66–67], спряжению глаголов (*жу пременяется на зал – мажу – мазал, чу переменяют на кал (плачу – плакал), а другие на тал (шепчу – шептал)* и др.) [Соколов, 1797, с. 116, 118–119, 144–145].

§. VI. Буквы *г, ж, к, х, ц, ч, ш, щ* называются так же изменяемыми, потому что *г* на *ж, ж* на *д* или *з, к* на *ч, х* на *ш* и на *с; ц* на *т, ш*. на *с; щ* на *ст* как въ словопроизведении так и въ сраженияхъ (sic! – Е. М.) переменяются напр.: *другъ, дружество; сижу, сидишь; возжу, возишь; рука, ручный; толку, толчешь; духъ, душист; конецъ, кончаю; кручу, крутишь; гащу, гасят; чищу, чистишь* и проч. [Соколов, 1797, с. 7].

2.5. Грамматика И. М. Борна (1808). В учебнике И. М. Борна в главе «Некоторые замечания о правописании и словопроизношении» сказано:

...некоторые буквы переменяются на другие. Таким образом, например, *г* в производных словах переменяется на *ж, к* на *ч*: *Бог, божий, божество, рука,*

ручной, река, речной и пр. В славянском *к* в косвенных падежах переменяется на *ц*: *рука – руке, в руке, ск на ц, с на ш*: *искать, ишу, писать, пишу* и пр. [Борн, 1808, с. 45].

Чередования в сравнительной степени прилагательных Борн не комментирует, сводит в таблицу большое количество примеров (гаже, мо- ложе, суше, короче и проч.). С формами глаголов он поступает так же, как Ломоносов: перечисляет все возможные варианты («глаголы на *сать* имеют *шу* – писать-пишу», «глаголы на *зать* имеют *жу* – резать-режу» и т. д.) [Борн 1808, с. 57–58]. Следовательно, Грамматику Борна сближает с Грамматикой Таппе идея сопоставления фонетических изменений в разных языках: «Такое этимологическое исследование ведет к открытию общего начала и сходства одних и тех же слов в главных коренных языках» [Борн, 1808, с. 45]. С Ломоносовым Борна объединяет идея разнонаправленности замены «букв». У Таппе же выражена мысль об однонаправленности изменений, потому что он отталкивается от места образования звуков в славянских языках. Описание системы соответствий и заявление о применимости этих знаний к сопоставлению не только «коренных» языков, как у Борна, но славянских языков было шагом к открытию сравнительно-исторического метода.

3. Что нового предложил Делонд? Сама идея использования термина «звук» была новой, поскольку русские грамматики, в том числе самая близкая по времени «Академическая грамматика» 1802 г., употребляли слово «буква», подразумевая при этом как графему, так и обозначаемый ею звук. «Славянская письменность, к которой восходит русская, с самого начала создавалась сознательно как фонемографическая, то есть такая, в которой каждая буква предназначалась для записи определенного звука – фонемы. <...> Отсюда ... стойкое отождествление буквы и звука в русской грамматической традиции». [Гордина, 2006, с. 196]. М. В. Гордина отмечает, что в Грамматике Ададурова различаются «буква» и «звучание» [Гордина, 2006, с. 198].

«Неожиданным» для А. В. Таппе могло быть присоединение звука <х> к гуттуральным (у Ломоносова этот звук именовался гортанным, а <г> и <к> – поднёбными). Можно предположить, что французская терминология и описание артикуляторных характеристик звуков была заимствована Делондом у Н. Бозе или у С. Ш. Дюмарсе, так как достоверно известно, что Делонд был знаком с их трудами, о чем свидетельствуют записи в

его дневнике (автор благодарит за эти сведения независимого исследователя П. В. Ключина). Однако у этих авторов русские звуки не анализируются, а звук <h>, как и у других французских ученых, не включен в состав гуттуральных [Гордина, 2006, с. 154], в отличие от немецких описаний (например, у Аделунга [Гордина 2006, с. 168]). Следовательно, описание могло возникнуть под влиянием немецкой традиции. Аналогичных описаний в русских грамматиках мы не нашли. В Грамматике Барсова и в Грамматике Адодурова «перемены» представлены как двуправленные (как у Ломоносова).

Делонд систематизировал сведения о звуках, схожих по месту и способу образования, и о звуках, которые возникают при «смягчении», а также о «переходе» заднеязычных и зубных в шипящие / свистящие. Для современной лингвистики в описании перехода *г, к, х в ж, ш, ч*, как и в констатации факта перехода *д, т, з, с* в шипящие ничего нового нет. Это общее место учебников по старославянскому языку и исторической грамматике, как и тезис об однонаправленности замен (заднеязычные – в шипящие или свистящие, свистящие и зубные – в шипящие, но не наоборот (шипящие в заднеязычные etc). Однако Таппе использует оборот *so findet man* – «оказывается, обнаруживается, выясняется». Следовательно, для него (в 1812 г.) это новая информация, которой он придает большое значение.

Таппе пытался создать концепцию фонетических соответствий в связи с формо- и словообразованием. Эта концепция систематизации была подсказана ему Делондом. Идея заключалась в том, что надо дифференцировать изменения с *j* и собственно палатализацию, а затем соединить описание фонетических изменений с формообразованием и словообразованием разных частей речи.

Заключение

Делонд был «устным человеком», не оставившим собственных грамматических трудов, но его интеллектуальная щедрость была оценена современниками. Выражение признательности Г. Л. Лаббе-Делонду в предисловии к «Грамматике» А. В. Таппе – факт истории лингвистических учений.

Сопоставление описаний переходного смягчения звуков в грамматиках предшествующего периода с их описанием в предисловии к грамматике Таппе показывает, что именно Г. Л. Лаббе-Делонд систематизировал сведения о пере-

ходном смягчении *г, к, х, з, с, д, т* в зависимости от места образования звуков. Предложенная им система описания сохранилась и в научной традиции, и в школьной методике, и в преподавании РКИ.

Библиографический список

1. Борн И. М. Краткое руководство к русской словесности. Санкт-Петербург : Типография Ф. Дрехслера, 1808. XII. 162 с.
2. Власов С. В., Московкин Л. В. Три издания грамматики русского языка И. А. Гейма и их источники в истории педагогики // Научный результат. Педагогика и психология образования, 2022. Т. 8. № 3. С. 71–81.
3. Гордина М. В. История фонетических исследований (от античности до современных теорий). Санкт-Петербург, 2006.
4. [Греч Н. И.] Рецензия на книгу «Новая теоретическая и практическая Русская Грамматика для Нѣмцовъ», соч. Д. А. Таппе. Второе издание, исправленное и умноженное. С. Петербург и Рига. 1812 г.» // Санкт-Петербургский Вестник. 1812. Ч. I. № 3. С. 339–354.
5. Греч Н. И. Пространная русская грамматика. Т. 1. Санкт-Петербург, 1827. 387 с.
6. Григорьева Т. М., Ершова Е. О. Дитрих Август Вильгельм Таппе: миссионер русского языка и российской истории // Филология и человек. 2010. № 3. С. 198–204.
7. Каравола Ж. А. Вклад гувернеров в развитие методики преподавания языков // Французский ежегодник. 2011. С. 16–34.
8. Клубков П. А. Формирование петербургской традиции лингвистической русистики (XVIII – начало XIX в.): историко-лингвистические очерки. Санкт-Петербург, 2011. 160 с.
9. Ключин П. В., Маркасова Е. В. «Мосье L'Abbé», гражданин Российской империи // Quaestio Rossica. 2022. С. 1541–1552.
10. Ломоносов М. В. Российская грамматика // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. Москва; Ленинград, 1952. С. 389–578.
11. Лукин О. В. Русские грамматики Н. И. Греча и их немецкие источники // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 2 (21). С. 158–163.
12. Лукин О. В. Феномен А. В. Таппе и учебники русского языка для немцев // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 3 (30). С. 84–90.
13. Лукин О. В. «Русская грамматика для немцев» И. А. Гейма в истории отечественного языкознания // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 1 (32). С. 85–94.
14. Лукин О. В. Рижский переводчик, грамматист и лексикограф Я. М. Родде в культурной и лингвистической парадигме России второй половины XVIII в. // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 2 (131). С. 181–189.
15. Маркасова Е. В. Н. И. Греч и власть дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-i-grech-i-vlast-diskursa> (дата обращения: 06.04.2025).
16. Ржеуцкий В. С. Французские гувернеры в России XVIII в.: результаты международного исследовательского проекта «Французы в России» // Французский ежегодник. 2011. С. 58–80.
17. Соколов П. И. Начальные основания российских грамматики в пользу учащегося в гимназии при Академии наук юношества состава. Санкт-Петербург : Б. и., 1797.
18. Хексельшнайдер Э. Август Вильгельм Таппе – популяризатор Н. М. Карамзина // XVIII век. Сб. 21. Санкт-Петербург, 1999. С. 348.
19. Шлёцер А. В. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная / пер. В. Кеневича. Санкт-Петербург, 1875. С. 424.
20. Шлёцер А. В. Русская грамматика = Russische Sprachlere / С предисл. С. К. Булича. Санкт-Петербург, 1904. S. 7.
21. Heym Von Johann. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowischen Universität. – Moskwa : Universitäts Buchdruckerey, bei N. V. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [4] с.
22. Namens-Verzeichniss der Schüler und Schülerinnen der deutschen Hauptschule St. Petri: Alphabetisch und chronologisch Geordnet zur Saecularfeier am 1. October 1862. St. Petersburg : Gedruckt bei E. Pratz, 1862.
23. Rodde J. Russische Sprachlehre. Zweite vermehrte Auflage. Riga, 1778. С. 55–57.
24. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche. St. Petersburg, 1812.

Reference list

1. Born I. M. Kratkoe rukovodstvo k rossijskoj slovesnosti = A Brief Guide to Russian Literature. Sankt-Peterburg : Tipografija F. Drehslera, 1808. XII. 162 с.
2. Vlasov S. V., Moskovkin L. V. Tri izdanija grammatiki russkogo jazyka I. A. Gejma i ih istochniki v istorii pedagogiki = Three editions of I. A. Geim's grammar of the Russian language and their sources in the history of pedagogy // Nauchnyj rezul'tat. Pedagogika i psihologija obrazovanija, 2022. T. 8. № 3. S. 71–81.
3. Gordina M. V. Istorija foneticheskikh issledovanij (ot antichnosti do sovremennyh teorij) = History of phonetic research (from ancient times to modern theories). Sankt-Peterburg, 2006.
4. [Grach N. I.] Recenzija na knigu «Novaja teoreticheskaja i prakticheskaja Ruskaja Grammatika dlja Nѣmcovъ», soch. D. A. Tappe. Vtoroe izdanie, ispravlennoe i umnozhennoe. S. Peterburg i Riga. 1812 g.» // Sankt-Peterburgskij Vestnik. 1812. Ch. I. № 3. S. 339–354.
5. Grach N. I. Prostrannaja russkaja grammatika = Extensive Russian grammar. T. 1. Sankt-Peterburg, 1827. 387 s.

6. Grigor'eva T. M., Ershova E. O. Dietrich August Vil'gel'm Tappe: missioner russkogo jazyka i rossijskoj istorii = Dietrich August Wilhelm Tappe: missionary of the Russian language and Russian history // *Filologija i chelovek*. 2010. № 3. S. 198–204.
7. Karavola Zh. A. Vklad guvernerov v razvitie metodiki prepodavaniya jazykov = Contribution of foreign tutors to the development of language teaching methodology // *Francuzskij ezhegodnik*. 2011. S. 16–34.
8. Klubkov P. A. Formirovanie petersburgskoj tradicii lingvisticheskoy rusistiki (XVIII – nachalo XIX v.) = Forming St. Petersburg tradition of linguistic Russian studies (XVIII – early XIX c.): istoriko-lingvisticheskie ocherki. Sankt-Peterburg, 2011. 160 s.
9. Kljushin P. V., Markasova E. V. «Mos'e L'Abbé», grazhdanin Rossijskoj imperii = «Monsieur L'Abbé», a citizen of the Russian Empire // *Quaestio Rossica*. 2022. S. 1541–1552.
10. Lomonosov M. V. Rossijskaja grammatika = Russian grammar // Lomonosov M. V. Polnoe sobranie sochinenij / T. 7: Trudy po filologii 1739–1758 gg. Moskva; Leningrad, 1952. S. 389–578.
11. Lukin O. V. Russkie grammatiki N. I. Grecha i ih nemeckie istochniki = Russian grammars by N. I. Grech and their German sources // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2020. № 2 (21). S. 158–163.
12. Lukin O. V. Fenomen A. V. Tappe i uchebniki russkogo jazyka dlja nemcev = Tappe and Russian language textbooks for Germans // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2022. № 3 (30). S. 84–90.
13. Lukin O. V. «Russkaja grammatika dlja nemcev» I. A. Gejma v istorii otechestvennogo jazykoznanija = «Russian Grammar for the Germans» by I. A. Geim in the history of Russian linguistics // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2023. № 1 (32). S. 85–94.
14. Lukin O. V. Rizhskij perevodchik, grammatist i leksikograf Ja. M. Rodde v kul'turnoj i lingvisticheskij paradigme Rossii vtoroj poloviny XVIII v. = J. M. Rodde, a translator, grammarian and lexicographer from Riga, in the Russian cultural and linguistic paradigm in the second half of the XVIII century // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2023. № 2 (131). S. 181–189.
15. Markasova E. V. N. I. Grech i vlast' diskursa = N. I. Gretsche and the power of discourse // *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*. 2022. №2 (29). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/n-i-grech-i-vlast-diskursa> (data obrashhenija: 06.04.2025).
16. Rzhueckij V. S. Francuzskie guverny v Rossii XVIII v.: rezul'taty mezhdunarodnogo issledovatel'skogo proekta «Francuzy v Rossii» = French tutors in Russia in the 18th century: results of the international research project «the French in Russia» // *Francuzskij ezhegodnik*. 2011. S. 58–80.
17. Sokolov P. I. Nachal'nye osnovanija rossijskie grammatiki v pol'zu uchashhegosja v gimnazii pri Akademii nauk junoshestva sostava = Initial bases of Russian grammar in favor of the youth studying in the gymnasium at the Academy of Sciences. Sankt-Peterburg: B. i., 1797.
18. Heksel'shnajder Je. Avgust Vil'gel'm Tappe – popularizator N. M. Karamzina = August Wilhelm Tappe – popularizer of N. M. Karamzin // XVIII vek. Sb. 21. Sankt-Peterburg, 1999. S. 348.
19. Shljocer A. V. Obshhestvennaja i chastnaja zhizn' Avgusta Ljudeviga Shlecera, im samim opisannaja = Public and private life of August Ludwig Schlözer, as described by himself / per. V. Kenevicha. Sankt-Peterburg, 1875. S. 424.
20. Shljocer A. V. Russkaja grammatika = Russische Sprachlehre / S predisl. S. K. Bulicha. Sankt-Peterburg, 1904. S. 7.
21. Heym Von Johann. Russische Sprachlehre für Deutsche / Von Johann Heym, Russisch-Kayserlichem Collegien-Assessor und Professor bey der Moskowschen Universität. – Moskwa: Universitäts Buchdruckerey, bei N. V. Nowikow, 1789. XII, 248, 68, [4] S.
22. Namens-Verzeichniss der Schüler und Schülerinnen der deutschen Hauptschule St. Petri: Alphabetisch und chronologisch Geordnet zur Saecularfeier am 1. October 1862. St. Petersburg: Gedruckt bei E. Pratz, 1862.
23. Rodde J. Russische Sprachlehre. Zweite vermehrte Auflage. Riga, 1778. S. 55–57.
24. Tappe A. W. Neue theoretisch-praktische russische Sprachlehre für Deutsche. St. Petersburg, 1812.

Статья поступила в редакцию 19.03.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 19.03.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 811.1/.8

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-153

EDN: XPRBCJ

Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы pro et contra

Михаил Александрович Кравченко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики, Ростовский государственный университет путей сообщения. 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, д. 2

mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Аннотация. В работе изучается актуальная для современной лингвистики проблема соотношения понятий метатекста и модуса. В ней представлены сложившиеся в настоящий момент точки зрения по данной проблеме. В качестве доминантной выделяется точка зрения, в соответствии с которой метатекст трактуется как одна из модусных категорий. Её сторонники опираются на онтологические, функционально-семантические и формально-грамматические признаки модуса и метатекста, сближающие названные явления. Однако автор считает необходимым обосновать альтернативную позицию. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что метатекст не укладывается в объем понятия модусной категории. На это указывает целый ряд факторов. Во-первых, в статье приводятся случаи инструментальности метатекста по отношению к модусу, то есть в целом ряде контекстов метатекст проявляет себя не как отдельная модусная категория, а как специальное средство выражения модуса. Во-вторых, модус и метатекст противостоят друг другу по признаку референциальной отнесенности конструкций: первый характеризуется внешней референцией, второй – внутренней. В-третьих, конструкции метатекста выступают не только в позиции модуса, но способны заполнять пространство диктума. Возвращаясь к вопросу о сущности метатекста, автор предлагает видеть в нем реализацию интерпретативного потенциала естественного метаязыка, описывающего код в границах семиотических измерений семантики, синтактики и прагматики. Под семантикой метаязыка понимается интерпретация и описание языковых знаков (их последовательностей). Синтактика метаязыка призвана интерпретировать отношения между знаками (последовательностями знаков) в синтагматической цепи. Наконец, в прагматическом измерении метаязыка фиксируются результаты рефлексии над отношениями между коммуникантами и знаками.

Ключевые слова: модус; модусная категория; метатекст; метаязык; внутренняя референция; внешняя референция; семиотика

Для цитирования: Кравченко М. А. Трактовка метатекста как модусной категории: аргументы pro et contra // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 153–161. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-153>. <https://elibrary.ru/XPRBCJ>

Original article

Metatext as a modus category: arguments pro et contra

Mikhail A. Kravchenko

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of mass communications and applied linguistics, Rostov state transport university. 344038, Rostov-on-Don, pl. Rostovsky Strelkovy Polk Narodnogo Opolcheniya, 2

mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Abstract. This paper studies the problem of correlation between the concepts of metatext and modus, which is topical for modern linguistics. It presents the current views on this problem. The dominant viewpoint is that metatext is viewed as one of the modus categories. Its supporters rely on ontological, functional-semantic and formal-grammatical characteristics of modus and metatext, which bring these phenomena closer to each other. However, the author finds it necessary to justify an alternative position. The conducted analysis leads to the conclusion that metatext does not fit into the scope of the modus category. A number of factors indicate this. First, the article presents some cases of instrumentality of metatext in relation to modus, i.e. in a number of contexts metatext does not manifest itself as a

particular modus category, but as a special means of expressing modus. Second, modus and metatext oppose each other on the basis of referentiality of constructions: the former is characterized by external reference, the latter by internal reference. Third, metatext constructions act not only in the position of modus, but are also capable of filling the dictum space. Turning to the question of the metatext nature, the author proposes to see in it the realization of a natural meta-language interpretive potential, describing the code within the framework of semiotic dimensions of semantics, syntactics and pragmatics. The semantics of a meta-language implies interpretation and description of linguistic signs (their sequences). The syntactics of a meta-language is intended to interpret relations between signs (sequences of signs) in a syntagmatic chain. Finally, the pragmatic dimension of meta-language registers the results of reflection on the relations between communicants and signs.

Key words: modus; modus category; metatext; meta-language; internal reference; external reference; semiotics

For citation: Kravchenko M. A. Metatext as a modus category: arguments pro et contra. *Verhnevolzhski philological bulletin.* 2025;(2):153–161. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-153>. <https://elibrary.ru/XPRBCJ>

Введение

Современная лингвистика обладает статусом многопредметной теории, использующей в своих целях широкий спектр исследовательских подходов и инструментов. Однако даже в текущих условиях «лингвистического плюрализма» наблюдается концентрация познавательных усилий ученых вокруг наиболее актуальных и перспективных научных тем. К числу последних относятся проблемы описания феномена метатекста, а также установления перечня и функционально-семантических особенностей модусных категорий, реализующихся в процессе речевой деятельности.

Термин «метатекст» впервые был использован в знаменитой работе польского исследователя А. Вежбицкой «Метатекст в тексте», вышедшей в свет и переведенной на многие языки мира в 70-е годы XX века [Вежбицка, 1978]. Выделение метатекста в качестве особого лингвистического явления стало результатом системных наблюдений над гетерогенными компонентами в структуре текста. Не предложив развернутой дефиниции понятия (это в дальнейшем способствовало многообразию его трактовок и последующей многозначности), А. Вежбицка отмечала, что метатекст манифестируется внутри текста, в котором высказывания о предмете зачастую переплетаются нитями высказываний о самом высказывании. Тем самым метатекстовые нити развиваются параллельно с «основным» текстом [Вежбицка, 1978, с. 404].

Сегодня под метатекстом в лингвистике принято понимать определенное структурно-семантическое образование, ориентированное на осмысление, пояснение и описание языкового кода, используемого в процессе порождения текстов различного происхождения и назначения. Интерес к феномену метатекста сохраняется на

протяжении уже нескольких десятков лет как в отечественном [Ростова, 2000; Перфильева, 2006; Гилева, 2009; Иванников, 2017; Кузнецова, 2021; Золотухин, 2022], так и зарубежном языкознании [Jaworski, Coupland, Galasinski, 2004; Witosz, 2017; Czoska, 2018; Kačerauskas, Mickūnas, 2020].

Следует отметить, что понятие метатекста зачастую рассматривается в русле более широкой проблематики языкового (речевого) модуса. Заимствовав у средневековых схоластов понятия диктума и модуса, знаменитый французский ученый Ш. Балли создал учение о двухчастном строении высказывания. Условно его первая часть, называемая «диктумом», включает в себя денотативный контур или пропозицию высказывания; вторая – определяемая термином «модус» – фиксирует отношение говорящего к сказанному и тем самым содержит пропозициональную установку высказывания. Причем именно модус (модальность) Ш. Балли считал «душой предложения», которая «образуется ... в результате активной операции говорящего субъекта» [Балли, 1955, с. 44]. Во избежание двусмысленности и терминологической путаницы оговоримся, что в настоящей работе мы сознательно предпочитаем термин «модус» термину «модальность», основываясь на широко разделяемой среди лингвистов позиции Т. В. Шмелевой, согласно которой она трактует модус как более широкую категорию, закрепляя за модальностью значение грамматикализованной части модуса [Шмелева, 2008, с. 142–143]. Тем самым термин «модальность» востребован скорее в области грамматики, а термин «модус» задействован при изучении семантического измерения языка.

В конкретных высказываниях модусная и диктумная части, как правило, не противостоят друг другу (более того, само определение их границ иногда оказывается весьма затруднительно),

а взаимодействуют для раскрытия целостного смысла речевого отрезка. При этом основная функция модуса сводится к тому, чтобы «воплотить отношение субъекта к диктуму, придать ему необходимую эпистемическую определенность» [Рябцева, 2005, с. 484]. Последние достижения лингвистической науки позволяют утверждать, что «модус» представляет собой родовое понятие, чье содержание формируется видовыми функционально-семантическими категориями, образующими пучок пересекающихся смыслов, в центре которых находится говорящий субъект. Так, к числу модусных категорий принято относить авторизацию, персуазивность, эвиденциальность, искренность, осторожность и целый ряд иных категорий.

Смещение в последние десятилетия фокуса исследовательского внимания от «малых» с сторону «крупных» синтаксических форм способствовало формированию теоретической базы для восприятия модуса как текстовой категории. Приоритетное развитие получило изучение модусных смыслов на уровне текста [Перфильева, 2006; Гричин, 2010; Копытов, 2012]. Пространство реализации модуса и метатекста смыкается, а в некоторых случаях пересекается, ставя перед лингвистами важный вопрос о соотношении указанных феноменов. Очевидно, что модусные категории и метатекст близки по своей природе и образуют ряд гомогенных явлений. Их онтологической основой выступает действие рефлексивного механизма сознания. Они представляют собой яркий пример проявления в сообщении субъектного начала.

Актуальность исследования проблемы соотношения модуса и метатекста определяется, по нашему мнению, двумя основными факторами. Первый из них продиктован влиянием глубокой теоретической традиции антропоцентризма, в соответствии с которой приоритет в исследовании отдается материалу, демонстрирующему присутствие «человека в языке». Изучение порожаемых метаязыковой рефлексией субъектных компонентов речи (текста), безусловно, лежит в русле названной традиции. Второй фактор обусловлен сохранением полемичности в вопросе о принадлежности метатекста к ряду модусных категорий.

Цель данной работы заключается в осмыслении и описании соотношения понятий метатекста и модуса. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач, формирующих последовательность

этапов исследования: 1) обобщить точки зрения на проблему соотношения метатекста и модуса; 2) представить критическую оценку аргументно-доказательной базы установленных точек зрения; 3) обосновать авторскую позицию в отношении природы метатекста и возможности трактовки последнего в качестве модусной категории.

Методология и языковой **материал** отвечают специфике решаемых в работе задач. В исследовании используется комплекс общетеоретических и эмпирических методов, обеспечивающий точность и полноту получаемых результатов. Изучение теоретического наследия, относящегося к анализируемой проблематике, осуществлялось при помощи нарративного метода, предполагающего использование приемов осмысления, интерпретации и классификации теоретических положений, высказанных в соответствующих научных трудах. Анализ эмпирических данных производился при помощи описательного метода, оперирующего приемами наблюдения, интерпретации и типологизации. В качестве единиц анализа привлекались отрезки текста, в которых манифестировались метатекстовые структуры или близкие им по содержанию модусные категории. Данный языковой материал отбирался из тестов художественных произведений современной русской литературы (количественный состав корпуса примеров превысил 2000 единиц). В отдельных случаях нами также использовалась база данных Национального корпуса русского языка.

Проблема соотношения понятий «модус» и «метатекст»: подходы к решению

В результате проведенного анализа авторитетных лингвистических источников по исследуемой проблематике удалось установить, что в настоящий момент существует две научно обоснованные точки зрения на соотношение понятий модуса и метатекста. Доминирующей следует считать точку зрения, в которой «модус» трактуется как родовое понятие, а «метатекст» определяется как одна из многочисленных модусных категорий. Таким образом, понятия «модуса» и «метатекста» находятся в гиперогипонимических отношениях. В частности, подобная позиция высказывалась в работах Н. К. Рябцевой [Рябцева, 2005, с. 380–381], Н. П. Перфильевой [Перфильева, 2006, с. 48–50], Т. В. Шмелевой [Шмелева, 2008, с. 7], А. В. Кузнецовой [Kuznetsova, 2013, с. 1452]. Особо отметим тот факт, что Н. П. Перфильева относит метатекст к числу обязательных модусных категорий

[Перфильева, 2006, с. 50], а Т. В. Шмелева свое представление о сущности модуса характеризует как «речесцентрическое» в том смысле, что его ядро составляют так называемые метакатегории, отражающие рефлексия говорящих по поводу собственной речевой деятельности [Шмелева, 2008, с. 145].

Альтернативная позиция в рассматриваемом вопросе отличается меньшей категоричностью по поводу подчиненности и инклюзивности метатекста по отношению к модусу. Несмотря на признак эгоцентричности, конститутивный для обоих феноменов, модус и метатекст не подводят под одну категорию. Сторонники данной позиции, разделяя представленное выше мнение об онтологической близости изучаемых явлений, все же не «растворяют» метатекст в модусе. За метатекстом сохраняется статус лингвистически уникального феномена. Так, в семантической типологии модусных категорий, разработанной Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999, с. 411–440], метатекст как отдельная категория не представлен ни в одном из выделенных макротипов: перцептивный (сенсорный), ментальный (когнитивный, эпистемический), эмотивный и волитивный модусы. Е. В. Падучева предлагает разграничивать метатекстовые показатели (в частности, маркеры чужой речи) и показатели эвиденциальности или эпистемической модальности [Падучева, 2011]. Примеры эксплицитного и имплицитного разграничения понятий модуса и метатекста в лингвистических трудах можно расширить. Однако ввиду ограниченности объема статьи считаем целесообразным перейти к анализу аргументно-доказательной базы обозначенных точек зрения.

Необходимо отметить, что взгляд на метатекст как одну из модусных категорий в основном опирается на теоретические аргументы. Альтернативная точка зрения базируется скорее на эмпирическом подходе, который позволяет увидеть и оценить все разнообразие метатекстовых конструкций, далеко не всегда укладывающихся в стройную таксономию модусных категорий.

Анализ аргументно-доказательной базы подходов

Для начала рассмотрим предпосылки, способствующие определению метатекста как модусной категории. Все их разнообразие считаем возможным свести к трем базовым факторам. Первый из них назовем онтологическим. Он ос-

нован на гомогенности изучаемых явлений. Мы уже упоминали о том, что модус и метатекст являются отражением субъективного компонента в языке (тексте), который транслирует позицию продуцента. Оба феномена представляют собой результаты рефлексии над диктумом. Кроме того, модус и метатекст имеют еще один сближающий их онтологический признак. Они не обладают синтаксической самостоятельностью, вплетены в речевой континуум и манифестируются исключительно в пространстве высказывания или текста. В концепции Ш. Балли модус не замещает высказывание целиком, а является лишь его частью. Аналогичная ситуация наблюдается с выделением категории метатекста. Лингвисты признают, что метатекст «существует только в тексте и не может быть автономным: изъятый из текста, он становится непонятным, рассыпается на отдельные дискретные единицы» [Перфильева, 2006, с. 40]. Зависимость от текста выступает в качестве онтологического признака метатекста [Kuznetsova, 2013, с. 1450].

Второй фактор определяется нами как функционально-семантический. Сближение понятий модуса и метатекста происходит ввиду схожести функций, выполняемых данными явлениями. Они передают различные виды субъективной квалификации сообщаемого, формирующие содержание самого модуса: эмоциональную или истинностную оценку переданных фактов; уверенность / неуверенность продуцента в сказанном; способ получения или интерпретации представленной информации; связь излагаемого с волевыми интенциями адресанта и многие другие. Метатекст, с позиций сторонников рассматриваемой точки зрения, трактуется как своеобразный речевой модус, содержательная специфика которого представлена в виде разноаспектной оценки адресатом собственного речевого поведения.

Третий фактор обозначен нами как формально-грамматический. Он опирается на формальные показатели модусных категорий и метатекста. В большинстве случаев реализация модуса и метатекста маркируется при помощи разного рода модальных слов и частиц. В этом отношении показательной является классификация модальных слов русского языка, предложенная академиком В. В. Виноградовым в рамках концепции грамматического учения о слове [Виноградов, 1986, с. 603–607]. Из двенадцати выделенных В. В. Виноградовым разрядов модальных слов пять (первый, второй, третий, шестой и седь-

мой – в соответствии с установленным автором порядком представления разрядов) напрямую связаны с выполнением функций метаоператоров: они передают оценку речи, указывают на способ или стиль изложения, обозначают характер речевой экспрессии, а также устанавливают связи между отрезками речевой цепи. Тем самым единообразие формы выражения метатекста и модуса экстраполируется на содержание и категориальные свойства этих явлений.

Перейдем к рассмотрению аргументно-доказательной базы альтернативной точки зрения на проблему соотношения понятий модуса и метатекста, в соответствии с которой указанные явления, несмотря на их онтологическую, функционально-семантическую и формально-грамматическую близость, обладают дистинктивными признаками. Заметим, что наша собственная оценка соотношения изучаемых понятий соответствует содержательным контурам именно этой теоретической позиции.

Существенное расширение эмпирической базы анализа единиц метатекста, обусловленное в том числе увеличением объемов национальных корпусов, а также распространением в последние годы в лингвистической среде принципов дата-центризма, обеспечило возможность установления значительного количества контекстов употребления метатекстовых конструкций, выходящих за традиционные рамки модуса. В связи с этим вновь обострился вопрос о статусе метатекста среди модусных категорий. Взгляд на метатекст как на часть модуса, порождает целый ряд нестыковок и противоречий, которые подлежат специальному рассмотрению.

Во-первых, дискуссионным остается вопрос о том, наделен ли метатекст в пространстве модуса признаками объекта или инструмента. Иными словами, существуют основания считать метатекст не отдельной модусной категорией, а специальным средством выражения модуса. Действительно, конструкции ментального модуса, модуса истинностной оценки, модуса авторизации зачастую содержат метатекстовые компоненты. При этом возникает дилемма: нужно либо относить названные случаи к явлениям модусного синкретизма, либо признавать за метатекстом инструментальные функции. Выбор в пользу второго варианта оказывается практически очевиден, если обратиться к отрезкам текста, образованным на пересечении модуса иронии и метатекста. Ирония представляет собой содержательно аморфную категорию, лишенную регулярных

лексико-семантических средств выражения. Поэтому именно метатексту отводится роль актуализатора вербальной иронии (несколько по-иному данная мысль была сформулирована А. В. Кузнецовой, отмечавшей, что «ирония организует метатекст, детерминируя компоненты лингвориторического сценария текста» [Kuznetsova, 2013, с. 1450]). Проиллюстрируем высказанное положение следующими примерами: – *Что ж, давайте освежем вашего «Трубача»! – Освежим? – поправил Кокотов. – Ну, это уж как получится* (Ю. Поляков «Гипсовый трубач»); *У них забрало всегда открыто – все, что можно, они уже забрали* (В. Пелевин «S.N.U.F.F.»). В них модус иронии передается средствами языковой игры (в первом примере игра реализуется через паронимическую аттракцию в глагольной паре *освежить / освежевать*; во втором примере паронимическая аттракция «усилена» народной этимологией в паре слов *забрало / забрать*), сформированной в результате действия механизма метаязыковой рефлексии. Тем самым языковая игра является разновидностью метатекста. Установленный факт инструментальности метатекста по отношению к модусу свидетельствует, по нашему мнению, о том, что исследуемые категории лежат в разных понятийных плоскостях.

Второе противоречие относится к области референциальной отнесенности конструкций модуса и метатекста. В изучаемых явлениях содержится оценка разной действительности: в модусных категориях – внешнего мира, в метатексте – самого языкового кода. Тем самым модус нацелен на внешнюю референцию, а метатекст – на внутреннюю. С целью подтверждения тезиса обратимся к примерам. Для наглядности проанализируем те из них, в которых наблюдается потенциально тесное переплетение содержания модуса и метатекста. Таковыми мы считаем конструкции с семантикой авторизации и истинностной оценки. Начнем с первых. Авторизационный метатекст маркирует элементы кода сквозь призму дихотомии «свое / чужое». При этом в высказывании принадлежность слова (слов) может быть как определено: ... *я чувствую себя, как говорит Озеров, «витазем ледовой арены»* («Совдетство 3. Узник пятого волнореза»); так и не определено: *Но ведь знаешь, как говорят: не доходят только те письма, которых не пишут* (М. Шишкин «Письмовник»). В приведенных выше примерах метатекст апеллирует собственно к языковому коду, точнее к конкретным его элементам.

Модус авторизации, напротив, отсылает к действительности, лежащий за пределами знаков. В высказывании устанавливается авторство не на уровне слов, а на уровне смыслов, относящихся к внеязыковой действительности. Модус авторизации не буквально воспроизводит сказанное, а всего лишь передает общее содержание (даже несмотря на то, что он может вводиться с помощью метаоператоров *по словам..., по предположению..., согласно ...* и др.): *По словам Марычевой, пострадавший внезапно выскочил на проезжую часть, поэтому водитель не смог избежать столкновения* (Национальный корпус русского языка – далее «НКРЯ»); *По мнению Сергея Кирюшкина, технического директора санкт-петербургской компании «Удостоверяющий центр», лидируют «Крипто-Про» и «Верба»* (НКРЯ).

Обратная картина имеет место в конструкциях со значением истинностной оценки. В них не наблюдается «конкуренции» модуса и метатекста. Сказанное всегда интерпретируется не с позиций особенностей кода, а с позиций отношения его содержания к действительности. Внешняя референция высказывания сигнализирует о том, что в нем транслируются модусные смыслы: *Честно говоря, я не верил, что у этой истории будет какое-то продолжение* (НКРЯ); *По правде сказать, я давно уже не пишу песен* (НКРЯ). Таким образом, дифференциация конструкций модуса и метатекста может быть проведена по оси их референциальной отнесенности: внешней – для модуса, внутренней – для метатекста.

Наконец, третьим существенным препятствием в рассмотрении метатекста в качестве модусной категории выступает многообразие контекстов его употребления. Эмпирический материал свидетельствует о том, что функции метатекста не исчерпываются передачей модусных смыслов. Нередко метатекстовые конструкции обнаруживаются в пространстве диктума. Иногда целые фрагменты текста содержат не отдельные субъектные (субъективные) оценки элементов кода, а представляют собой разноаспектную интерпретацию знаков. Слова о коде, о языке образуют пропозициональную часть (диктум) следующих высказываний: *Предполагают, что слово врач происходит от слова врати – заговаривать. Такое родство подразумевает, что в процессе лечения существенную роль играло слово. Слово как таковое – что бы оно не означало. Ввиду ограниченного набора медикаментов роль слова в Средневековье была значительнее, чем сейчас*

(Е. Водолазкин «Лавр»); *Посреди сачка довлел Бодуэн. Он довлел во всех смыслах этого слова: и в правильных, и в неправильных. Ему довелось самого себя, но при этом он любил доветь над другими, и вокруг него стояли почтительной толпой студенты, аспиранты и молодые преподаватели, благоговейно внимая его довлению* (А. Варламов «Душа моя Павел»).

Считаем, что приведенные аргументы убедительно свидетельствуют в пользу преодоления одностороннего взгляда на метатекст как на одну из модусных категорий. С одной стороны, нами не ставится под сомнение тот факт, что понятия модуса и метатекста пересекаются, и в содержательном плане явления имеют много общего; с другой стороны, необходимо констатировать, что различия между ними носят весьма существенный характер. Вместе с тем отказ видеть в метатексте исключительно модусную категорию оставляет вопрос о природе данного явления открытым. Ниже мы кратко изложим собственную позицию относительно природы метатекста.

Вариативность конструкций метатекста в аспекте семиотических измерений метаязыка

Метатекст представляет собой воплощение в тексте (дискурсе) потенциала естественного языка к самоописанию и самоинтерпретации, который вслед за Р. Якобсоном принято называть его метаязыковой функцией. Язык, будучи гибкой системой, задействовав механизм внутренней референции, способен трансформироваться в метаязык. Последний стоит рассматривать не как языковую надстройку, но как сложный феномен, обладающий набором специфических функций [Кравченко, 2024а] и конститутивных характеристик (свойств) [Кравченко, 2024б]. Структурное и содержательное разнообразие метатекстовых конструкций объясняется, на наш взгляд, тем, что в них реализуется широкий спектр значений и функций, соответствующих трем семиотическим измерениям метаязыка. На первый взгляд, принимая во внимание консубстанциональность языка и метаязыка, наличие у последнего собственной семиотики, семиотики вне языка, вызывает сомнения. Однако в семиотике метаязыка мы видим не традиционную семиотику объекта, а семиотику интерпретации объекта.

Так, семантикой метаязыка мы называем интерпретацию и описание языковых знаков (их последовательностей). При этом рефлексии и интерпретации может подвергаться как форма

знака: *Очень радовала меня буква «ы», встречающаяся в названиях магазинов «Продукты», «Соки. Воды», «Сигареты» (М. Елизаров «Библиотекарь»); ...Глеб осознал, что смерть не просто прекращала прекрасную жизнь: она делала бессмысленным уже прожитое и достигнутое. Бес-смыс-лен-ным: целых три с, плюс к тому два е, два ы, два н и два м – даже такое богатое слово в конечном счете уходило в небытие (Е. Водолазкин «Брисбен»); так и его значение: ... за могилами ухаживали рыцари из фирмария – орденового приюта для стариков и увечных (А. Иванов «Тени тевтонов»); А потом узнал, что перешел в разряд «козлов» - так называли эзков, согласившихся сотрудничать с лагерным начальством (М. Елизаров «Библиотекарь»).*

Синтактика метаязыка определяется как измерение, целью которого выступает интерпретация отношений между знаками (последовательностями знаков), расположенными в синтагматической цепи. При этом в метатекстовых конструкциях фиксируются отношения между компонентами высказывания (отношения (квази)тождества, причины, следствия, вывода и многие др.): *Лиза наверняка застряла у витрин с сувенирами и побрякушками. А я хотел, чтобы она сама посидела над меню, выбрала, отвергла что-то и снова выбрала, короче – вступила в контакт с окружающим миром ... (Д. Рубина «Синдром Петрушки»); По тому, как он оглядывал наш кабинет, по его вопросам о наших делах и скептической улыбочке, я понял, что сегодня нам придется применить все наше актерское мастерство, если у него есть реальное предложение. Включить снисходительное понимание и легкое хамство. Иначе Никитос ни за что не поверит, что мы еще на плаву. Одним словом, я решил играть ва-банк (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens»).*

Наконец, прагматика метаязыка фиксирует результаты рефлексии над отношениями между коммуникантами и знаками. Содержание метатекстовых конструкций, относящихся к прагматике метаязыка, зависит от набора личностных и социокультурных факторов, которые определяют отношение говорящего к используемым знакам. В частности, метатекстовое оформление получают метапрагматические стратегии авторизации кода: *Здесь Исидор использует выражение солдата срочной службы: она его не дождалась (Е. Водолазкин «Чагин»); стратегии социокультурной локализации кода: Я хочу не просто координации, но выработки, как теперь говорят*

креатива (С. Минаев «Дневник одинокого копирайтера, или Media Sapiens»); стратегии эвфемизации / дисфемизации: Вместе с тем, уже тогда меня удручало, что язык этих книг был несколько – как бы аккуратнее выразиться? – суховат ... (Е. Водолазкин «Чагин»); Поздавяю, большая честь для выпускницы – так вот, переживать из-за такого, простите, в сущности, говна никакого здоровья не хватит (М. Степнова «Женщины Лазаря»).

Заключение

Переходя к подведению итогов, отметим, что проблематика, связанная с изучением явлений модуса и метатекста, лежит на пересечении интересов лингвистики языка и лингвистики речи, что предопределяет междисциплинарность и комплексность исследовательских подходов в данной области. Единство онтологического субстрата метатекста и модуса – рефлексивной деятельности сознания Говорящего – породило идею об их лингвистической идентичности. В научной среде сформировалась позиция, в соответствии с которой метатекст представляет собой одну из модусных категорий, то есть является разновидностью модуса. Сторонники этой точки зрения, аргументируя свою позицию, апеллируют к онтологическим, функционально-семантическим и формально-грамматическим признакам изучаемых явлений. Однако в настоящей работе было установлено, что в лингвистической науке существует альтернативный взгляд на вопрос соотношения понятий модуса и метатекста. В соответствии с ним многоаспектные проявления метатекста не укладываются в объем понятия модусной категории. На это указывают следующие факты: способность метатекста выступать в качестве средств выражения целого ряда модусных категорий (то есть факт инструментальности метатекста по отношению к модусу); различия в референциальной отнесенности (для модуса характерны контексты с внешней референцией, для метатекста – с внутренней); способность метатекста выступать в позиции диктума.

В метатексте предлагается видеть результат реализации метаязыковой функции языка, операционным центром которой является метаязыковое сознание Говорящего. Переход от внешней референции к внутренней обеспечивается трансформацией языка в метаязык. Разнообразие метатекстовых конструкций соответствует многоаспектности проявлений метаязыка, интерпрети-

рующего и описывающего единицы языкового кода в проекциях измерений семантики, синтактики и прагматики.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. I-XV, 896 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.
3. Вежбица А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. Москва : «Прогресс», 1978. С. 402–424.
4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Москва : Высшая школа, 1986. 640 с.
5. Гилева А. А. Аспекты изучения метатекста в лингвистике // Известия ВГПУ. 2009. № 10. С. 26–32.
6. Гричин С. В. О категориальной сущности авторизации // Сибирский филологический журнал. 2010. № 2. С. 175–182.
7. Золотухин Д. С. Язык-объект vs язык-инструмент: релевантность понятий метаязыка и метадискурса в лингвистических исследованиях // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 1. С. 31–37.
8. Иванников Е. Б. Языковая рефлексия: от метатекста к рефлексиву // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 1. С. 337–347.
9. Копытов О. Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск : Изд-во Хабаровского гос. института искусств и культуры, 2012. 248 с.
10. Кравченко М. А. Метаязык в зеркале его функций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024а. Т. 23. № 2. С. 172–184.
11. Кравченко М. А. Свойства естественного неспециализированного метаязыка // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2024б. № 3 (82). С. 88–98.
12. Кузнецова А. В. Семиозис метатекста в художественной коммуникации // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 2 (35). С. 278–281.
13. Падучева Е. В. Показатели чужой речи: мол и дескать // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 3. С. 13–19.
14. Перфильева Н. П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск : НГПУ, 2006. 285 с.
15. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск : Изд-во Томского ун-та, 2000. 194 с.
16. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. Москва : Academia, 2005. 640 с.
17. Шмелева Т. В. Модальность и модус // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград : БФУ им. Иммануила Канта, 2008. С. 140–151.
18. Czoska A. The Usage and Meaning of Mentioned (Wspomniany) and Described (Opisany) Metatext Markers in Polish Scientific Texts // Cognitive studies, 2018, Issue 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/329846587_The_usage_and_meaning_of_mentioned_wspomniany_and_described_opisany_metatext_markers_in_Polish_scientific_texts (дата обращения: 16.12.24)
19. Jaworski A., Coupland N., Galasinski D. Meta-language: social and ideological perspectiveS. The Hague : Walter de Gruyter, 2004. 324 p.
20. Kačerauskas T., Mickūnas A. Language, Meta-language, and Communication // In Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Numanties. Arts and Humanities in Progress. Vol 14. Springer. Cham, 2020. P. 127–157.
21. Kuznetsova A. V. Metatext Phenomenon: Mode of Irony in Reflexive-Interpretative Space // European Researcher. 2013. Vol. 50. №5-3. P. 1449–1453.
22. Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics // Forum Lingwistyczne. Forum of LinguisticS. 2017. № 4. P. 107–112.

Reference list

1. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and the human world. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. I-XV, 896 s.
2. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka = General linguistics and French language issueS. Moskva : Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. 416 s.
3. Vezhbicka A. Metatekst v tekste = Metatext in the text // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VIII. Lingvistika teksta. Moskva : «Progress», 1978. S. 402–424.
4. Vinogradov V. V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove) = The Russian language (Grammatical doctrine of the word). Moskva : Vysshaja shkola, 1986. 640 s.
5. Gileva A. A. Aspekty izuchenija metateksta v lingvistike = Linguistic aspects of metatext studying // Izvestija VGPU, 2009, №10. S. 26–32.
6. Grichin S. V. O kategorial'noj sushhnosti avtorizacii = On the categorial essence of authorization // Sibirskij filologicheskij zhurnal, 2010, № 2. S. 175–182.
7. Zolotuhin D. S. Jazyk-ob#ekt vs jazyk-instrument: relevantnost' ponjatij metajazyka i metadiskursa v lingvisticheskikh issledovanijah = Language-object vs language-instrument: relevance of the concepts meta-language and meta-discourse in linguistic research // Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki. 2022. № 1. S. 31–37.
8. Ivannikov E. B. Jazykovaja refleksija: ot metateksta k refleksivu = Linguistic reflection: from metatext to reflexivity // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2017. № 1. S. 337–347.
9. Kopytov O. N. Modus na prostranstve teksta = Modus on the space of text. Habarovsk : Izd-vo Habarovskogo gos. instituta iskusstv i kul'tury, 2012. 248 s.

10. Kravchenko M. A. Metajazyk v zerkale ego funkcij = Meta-language in the mirror of its functions // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2, Jazykoznanie. 2024a. T. 23. № 2. S. 172–184.
11. Kravchenko M. A. Svojstva estestvennogo nespecializirovannogo metajazyka = Characteristics of a natural non-specialized meta-language // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». 2024b. № 3 (82). S. 88–98.
12. Kuznecova A. V. Semiozis metateksta v hudozhestvennoj kommunikacii = Metatext semiosis in artistic communication // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2021. T. 10. № 2 (35). S. 278–281.
13. Paducheva E. V. Pokazateli chuzhoj rechi: mol i deskat' = Indicators of other people's speech: mol and deskat' // Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka. 2011. T. 70. № 3. S. 13–19.
14. Perfil'eva N. P. Metatekst v aspekte tekstovyh kategorij = Metatext in the context of textual categories. Novosibirsk : NGPU, 2006. 285 s.
15. Rostova A. N. Metatekst kak forma jeksplikacii metajazykovogo soznaniya (na materiale russkih govorov Sibiri) = Metatext as a form of explicating the meta-linguistic consciousness (based on the Russian colloquialisms of Siberia). Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 2000. 194 s.
16. Rjabceva N. K. Jazyk i estestvennyj intellekt = Language and natural intelligence. Moskva : Academia, 2005. 640 s.
17. Shmeleva T. V. Modal'nost' i modus = Modality and modus // Modal'nost' v jazyke i rechi: novye podhody k izucheniju. Kaliningrad : BFU im. Immanuila Kanta, 2008. S. 140–151.
18. Czoska A. The Usage and Meaning of Mentioned (Wspomniany) and Described (Opisany) Metatext Markers in Polish Scientific Texts // Sognitive studies, 2018, Issue 18. URL: https://www.researchgate.net/publication/329846587_The_usage_and_meaning_of_mentioned_wspomniany_and_described_opisany_metatext_markers_in_Polish_scientific_texts (data obrashhenija: 16.12.24)
19. Jaworski A., Coupland N., Galasinski D. Meta-language: social and ideological perspectiveS. The Hague : Walter de Gruyter, 2004. 324 p.
20. Kačerauskas T., Mickūnas A. Language, Meta-language, and Communication // In Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Numanties. Arts and Humanities in Progress. Vol 14. Springer. Cham, 2020. P. 127–157.
21. Kuznetsova A. V. Metatext Phenomenon: Mode of Irony in Reflexive-Interpretative Space // European Researcher. 2013. Vol. 50. №5-3. P. 1449–1453.
22. Witosz B. Metatext in the Discourse of the Theory of Text, Stylistics and Pragmalinguistics // Forum Lingwistyczne. Forum of Linguistics. 2017. № 4. P. 107–112.

Статья поступила в редакцию 23.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 23.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 81'42

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-162

EDN: XMNZXD

Прагматика культурных коннотаций в формировании художественного вымысла детективного дискурса

Анна Игоревна Дзюбенко

Кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42

aidzyubenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению прагматического потенциала культурных коннотаций в детективном дискурсе. Автор статьи трактует художественный вымысел как дискурсивный феномен, возникающий не только как результат целенаправленной речемыслительной деятельности продуцента художественного дискурса, но и как диалогическое взаимодействие автора и читателя, как итог рецептивно-интерпретативной деятельности адресата такого дискурса. На материале детективного романа А. Кристи «И, треснув, зеркало звенит» доказано, что культурные коннотации принципиально важны в процессе продуцирования эстетических знаков разноразмерной принадлежности, а также в корректной интерпретации образов, которые представляют собой результат функционирования таких культурных коннотаций. Прагматика культурных коннотаций эстетического знака реализуется в их эмоциональном воздействии на читателя, что в целом отражает противоречивую природу детективного дискурса, так как линия расследования преступления, центральная в детективном тексте, направлена на активизацию рационального начала в восприятии и декодировании компонентов текстово-дискурсивного пространства. Культурные коннотации включены и в процессы вторичной номинации – прежде всего, метафоризации и символизации, что становится возможным на основании актуализации референтного значения языковых единиц, включая эмоционально-образный и эмоционально-оценочный компоненты. На основании апелляции к фоновым знаниям адресата в детективном дискурсе реализованы прецедентные феномены (тексты, ситуации, онимы) и лингвокультурные стереотипы, способствующие формированию художественного вымысла. Установлено, что культурные коннотации эстетического знака в художественном дискурсе способны создавать устойчивые образы в сознании адресата, что, в конечном счете, способствует структурированию национальной картины мира.

Ключевые слова: культурная коннотация; художественный вымысел; прагматика; культурный код; эстетический знак; детективный дискурс; прецедентный феномен; А. Кристи

Для цитирования: Дзюбенко А. И. Прагматика культурных коннотаций в формировании художественного вымысла детективного дискурса // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 162–170. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-162>. <https://elibrary.ru/XMNZXD>

Original article

Pragmatics of cultural connotations in detective fiction discourse

Anna I. Dzyubenko

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of intercultural communication and foreign language teaching methods, institute of philology, journalism and intercultural communication, Southern federal university. 344006, Rostov-on-Don, B. Sadovaya st., 105/42

aidzyubenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Abstract. The article focuses on the pragmatic potential of cultural connotations in detective discourse. The author of the article interprets artistic fiction as a discursive phenomenon that arises not only as a result of purposeful speech-thought activity of the literary discourse producer, but also as a dialogical interaction of the writer and the reader, as a result of the receptive-interpretive activity of the discourse addressee. The material of A. Christie's detective novel «The Mirror Crack'd from Side to Side» gives the proof that cultural connotations are fundamentally important in producing

aesthetic signs of different levels, as well as in the correct interpretation of images that are the result of such cultural connotations functioning. The pragmatics of aesthetic signs cultural connotations is realized in their emotional impact on the reader, which generally reflects the contradictory nature of detective discourse, since the line of the crime investigation, central in the detective text, is aimed at activating the rational principle in understanding and decoding the components of the textual-discursive space. Cultural connotations are also included in secondary nominating – first of all, in metaphorization and symbolization, which become possible due to actualizing the referential meaning of linguistic units, including the emotional-figurative and emotional-evaluative components. On the basis of appealing to the addressee's background knowledge, detective discourse realizes precedent phenomena (texts, situations, onyms) and linguocultural stereotypes, contributing to creating fiction. It has been established that cultural connotations of the aesthetic sign in literary discourse are capable of creating stable images in the addressee's mind, which ultimately contributes to structuring the national worldview.

Key words: cultural connotation; artistic fiction; pragmatics; cultural code; aesthetic sign; detective discourse; precedent phenomenon; A. Christie

For citation: Dzyubenko A. I. Pragmatics of cultural connotations in detective fiction discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):162–170. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-162>. <https://elibrary.ru/XMHZXD>

Введение

Изучение коннотативного компонента значения является одним из перспективных направлений развития современной лингвистики. Различия коннотаций во многом обуславливают изменения семантики языковых единиц, что, в конечном счете, оказывает влияние и на сами смыслы, и на их импликации в тексте и дискурсе. Коннотации свойственны эмотивная, оценочная и экспрессивная функции; выделяют различные типы коннотаций (позитивные, негативные, нейтральные, стилистические, эмоциональные, оценочные и пр.). Эмоциональное отношение читателя к описываемому в художественном тексте формируется посредством прагматического воздействия культурных и характерологических коннотаций, а сам художественный дискурс не имеет соотносительности с категориями истинности / ложности (что является следствием фундаментального статуса художественного вымысла в этом виде дискурса [Bergman, 2022; Franzén, 2024; Stokke, 2023]). Характерологические (содержательные) коннотации рациональны по своей природе, что обуславливает их образование на основании осмысления несущественных, но при этом устойчивых признаков понятия, которые обозначает лексема. В отношении культурных коннотаций для лингвистики традиционно их соотношение с лексическим или фразеологическим уровнем языка, однако правомерна их трактовка как конститuentов семантического пространства художественного текста, участвующих в процессе эстетического семиозиса и, как следствие, в формировании художественного вымысла. По всей видимости, культурные коннотации эстетического знака создают устойчивые образы примерно так же, как и куль-

турные коннотации фразеологических единиц, участвуя, тем самым, в структурировании национальной картины мира.

Культурные коннотации эстетического знака имеют ассоциативно-образную природу, что обуславливает, в конечном счете, различные семантические оттенки переводных эквивалентов, называющих один и тот же объект в разных языках. Культурные коннотации латентны, а зачастую имплицитны, а их экспликация необходима для реализации корректной рецептивно-интерпретативной деятельности адресата эстетического высказывания. Очевидно, что выявление и описание прагматической специфики культурных коннотаций приобретает дополнительную доказательность в случае обращения к текстово-дискурсивному пространству детективной литературы, в сфере которой как восприятие эстетического знака, так и его воздействие на сознание читателя оказывается наиболее репрезентативным. Детективный дискурс обнаруживает схематизм сюжетостроения, что в определенной степени облегчает моделирование процесса формирования художественного вымысла: в детективе действие развивается на основе таких элементов содержания и формы литературного произведения, которые уже были выработаны (и, в известной степени, изжиты) мировой литературой в других, недетективных, жанрах. Эта схематизация является следствием сохранения исключительно синтактики и прагматики знака в детективном текстово-дискурсивном пространстве, в то время как его семантика в ее традиционном понимании сводится к нулю: именно детектив в наибольшей степени объективирует процесс формирования художественного вымысла ввиду отсутствия денотата эстетического знака и кон-

струирования художественной реальности как возможного мира.

Методы исследования, примененные к материалу исследования – детективному роману А. Кристи «The Mirror Crack'd from Side to Side» («И, треснув, зеркало звенит...») (1962) в оригинале [Cristie] и переводе Г. Усовой [Кристи] – составили целостный комплекс, приоритетными в котором стали метод когнитивно-прагматического анализа и филологической интерпретации, а также метод семиотического анализа, позволяющие выявить и описать прагматические особенности культурных коннотаций, реализуемых в процессе формирования и функционирования художественного вымысла.

Результаты исследования

Термин *коннотация* до настоящего времени не имеет отчетливо сформулированного определения, что обуславливается различной трактовкой природы данного феномена и тех факторов, которые участвуют в его формировании. Часть исследователей склоняется к мнению об эмотивном характере коннотации ([Апресян, 1995, с. 159; Телия, 1986, с. 25–26; Шаховский, 1994] и др.). При этом отношение субъекта речи к действительности, эмотивно-оценочное и стилистически маркированное, получает в высказывании экспрессивную окраску, что позволяет включать в состав эмоционально-оценочной коннотации экспрессивный компонент ([Телия, 1986, с. 5; Цоллер, 1996, с. 63] и др.). С другой стороны, стилистический компонент, зачастую определяемый в составе коннотации, обуславливается эмотивностью и экспрессивностью ([Телия, 1986, с. 63–64] и др.).

Авторитетными в современной лингвистике являются концепции коннотации, предложенные В. Н. Телия [Телия, 1996] и Ю. Д. Апресяном [Апресян, 1995]. В. Н. Телия трактует коннотацию как результат интерпретации образного основания языковой единицы и объективацию оценочности, эмотивности, экспрессивности в составе семемы как квазиденотативного содержания. При этом образ понимается в координатах национальной картины мира как «„ниша” <...> для кумуляции мировидения» [Телия, 1996, с. 215], что обуславливает связь образа с культурным пространством данной языковой общности, однако коннотации свойственны преимущественно переносным значениям. М. Л. Ковшова также указывает на определяющую роль образа в порождении коннотаций: «Двусторонний языко-

вой знак попадает в „фильтр” другой системы – культуры, благодаря чему сквозь языковой „материал” высвечиваются культурные смыслы, а сам языковой „материал” становится телом нового знака – знака культуры, в котором воплощены выделенные в культуре категории и смыслы...» [Ковшова, 2012, с. 147–159]. Ю. Д. Апресян подчеркивает, что коннотации «характеризуют, как правило, основные, или исходные, значения слов, а материализуются они в переносных значениях...» [Апресян, 1995, с. 163]. Представляется, что концепции Ю. Д. Апресяна и В. Н. Телия органично дополняют друг друга, позволяя осмысливать целостно процесс формирования и функционирования коннотаций в текстово-дискурсивном пространстве.

В современной лингвистике все большую популярность приобретает терминологическое сочетание *культурная коннотация*. Г. В. Токарев отмечает, что «коннотация является культурным феноменом. Она отражает сложившиеся в лингвокультурной общности представления о действительности или является эмотивно-оценочной интерпретацией образного основания номинации, отражающего культурно детерминированное объяснение фрагмента действительности. Культура для выражения своих смыслов оставивается на знаке вербальной природы: он получает новые, культурные функции, становится наряду с другими знаками культуры одним из элементов ее симболической системы» [Токарев, 2020, с. 12]. Отметим в этой связи, что культурные коннотации обладают принципиальной важностью для художественного дискурса в рамках продуцирования, рецепции и интерпретации эстетических знаков разноуровневой принадлежности.

Культурная коннотация возникает в процессе вторичной номинации, что подтверждается также ее субъективностью и несущественностью для основной семантики языковой единицы: «Самое важное, главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения к семантическим элементам главного значения прибавляют ещё и элементы контекста» [Курилович, 1962, с. 59]. Очевидно, вариативность употребления языкового знака ограничена: бесконечное количественное приращение единиц плана выражения или плана содержания невозможно ввиду снятия неоднозначности языковой единицы при ее контекстуальном употреблении. И при этом двойственная природа языкового знака как раз и является одним из определяющих факторов проду-

цирования коннотаций. Н. Д. Арутюнова указывает, что наличие у слова смысла и значения, сигнификата и денотата, сама возможность возникновения коннотаций и референции объясняются функциональной подвижностью множества словесных знаков, а способность к созданию сложной семиотической системы для коммуникативных целей заложена в самой человеческой природе [Арутюнова, 1999]. Особые семиотические акты, к которым, бесспорно, принадлежит и художественный дискурс, формируют различные измерения знака, в которых соответствие означаемых и означающих описывается посредством специального набора знаков – кода. Семиозис основывается на намерении адресанта транслировать адресату информацию через канал связи посредством выбранного им кода: «Переход от мира сигнала к миру смысла означает, что человек, являющийся источником и передатчиком информации, осуществляет идентификацию смысловозначительных признаков согласно заложенному коду» [Эко, 1998, с. 47]. Процессы вторичной номинации, которые, несомненно, свойственны художественному дискурсу, придают языковым единицам референтные коннотации, имеющие эмоционально-образный и эмоционально-оценочный компоненты. Денотат всегда соотносён с кодом, обусловленным культурой, а коннотация, в свою очередь, представляет собой совокупность культурных значений, вызываемых в памяти адресата сигнификатом. Мы согласны с У. Эко, что коннотация – это цепь интерпретантов, которые продуцируются в процессе семиозиса. Коннотации представляют собой элементы значения, которые являются следствием переживания образа или познания объекта действительности, что даёт возможность рассуждать о коннотациях мотивированных или немотивированных значений, при этом любая коннотация в своей глубинной сути является следствием интерпретации окружающей действительности сквозь призму культурной рефлексии. Коннотация воплощает культурную память, являясь объективацией связи языка и культуры.

Культурные коннотации эстетического знака в текстово-дискурсивном пространстве способны отражать «глубинные структуры национального самосознания человека» [Кобозева, 2000, с. 554], представляя собой культурный компонент семантики языкового знака. Содержательные коннотации способствуют осуществлению процесса метафоризации, включению лексических единиц в состав сравнительных конструкций. Этот вид

коннотаций формирует, в конечном счете, культурно-значимые смыслы художественного текста [Маслова, 2001, с. 56], что обеспечивается известностью информации, которую они содержат, всем представителям конкретной лингвокультуры. Коннотативные и ассоциативные семантические признаки разграничиваются на основании характеристики смыслов: коннотативные признаки имеют этнокультурный [Берестнев, 2008, с. 52–53] и узуальный [Апресян, 1995, с. 159; Иорданская, 1980, с. 193] характер, фиксируясь в языковой семантике, тогда как ассоциативные признаки формируются за счёт субъективных смыслов, имеющих социокультурный характер. Поскольку в художественном дискурсе содержательные и культурные коннотации зачастую образуют нерасторжимое единство, реализуемое на разных уровнях текстово-дискурсивного пространства, целесообразно в отношении формирования художественного вымысла рассуждать именно о культурных коннотациях, которые включены в процесс метафоризации и символизации, в том числе, и на этапе восприятия художественного дискурса, а значит, культурные коннотации характеризуются прагматической спецификой, обусловливаемой интра- и экстралингвистическими факторами.

Прагматика детективного дискурса в целом ориентирована на две линии развития действия – это линия расследования и линия преступления, которые имеют определенные точки соприкосновения [Богатырев, 2024]. Детективный дискурс направлен на реализацию воздействия на читателя, при этом все прагматические средства в нем имеют эксплицированный характер [Дидковская, 2022; Поринец, 2022]. С. М. Эйзенштейн, называя детектив наиболее действенным жанром литературы, правомерно отмечает, что «от него <детектива> нельзя оторваться. Он построен такими средствами и приемами, которые максимально приковывают человека к чтению. Детектив – самое сильнодействующее средство, самое очищенное, отточенное построение в ряде прочих литератур. Это тот жанр, где средства воздействия обнажены до предела» [Эйзенштейн, 1968, с. 102]. При этом прагматические приемы могут быть классифицированы по критерию ориентированности на рациональное / эмоциональное начала: линия преступления (его мотивы обычно – деньги, страх, месть [Моэм, 1994]) направлена на эмоциональное воздействие, линия расследования апеллирует к логике, рациональному мышлению. Рассуждая об экспликации

прагматических приемов детектива, укажем также на то, что стратегии, актуализирующие рациональное начало, должны преобладать в интерпретации событийности детективного дискурса, что не исключает и эмоциональное воздействие на читателя. Однако, как остроумно замечает Н. Н. Вольский, читательница «которая плачет над судьбой „бедных деточек“, чей папа был обнаружен в библиотеке с ножом в спине, читает этот роман не в той кодировке» [Вольский]. Поэтому детектив, конечно, условен, абстрагирован от объективной действительности в ее многообразии, что и дает возможность судить о детективном тексте не только как о вторичной моделирующей системе (каким является вообще любой художественный текст), но как о системе, ни в малейшей степени не предполагающей наличия денотата как компонента значения языкового знака, содержащего информацию о внеязыковой действительности.

Нами неслучайно был избран текст детективного романа А. Кристи «И, треснув, зеркало звенит»: в нем актуализированы дискурсивные маркеры событийности, характеризующиеся культурными коннотациями, которые, в свою очередь, оказывают прагматическое воздействие на читателя в соответствии с наличием у него определенного объема фоновых знаний [Полужкова, 2024]. Очевидно, что в формировании художественного вымысла в творчестве А. Кристи важны не только и не столько устойчивые модели детективного повествования, сколько тот культурный код, который транслируется детективным дискурсом. Создание возможно более подробного и приближенного к объективной действительности описания различных аспектов британской культуры дает возможность А. Кристи создать «двойную призму» мировидения, благодаря которой ее детективы стали классическим образцом, идеалом в рамках развития детективного жанра. Отметим также, что несмотря на целенаправленную стереотипизацию, свойственную в целом детективному жанру, автору удалось использовать не только устойчивые сюжетные схемы (которые, конечно, составляют фундамент вымысла в детективном дискурсе), но и культурные коннотации, свойственные национальным стереотипам и прецедентным феноменам британской лингвокультуры. Так, например, в следующем контексте «The drive afforded no view of the flower garden and for that Mrs Bantry was just as pleased. The flower garden and its special herbaceous border had been her own particular

delight in the far-off days when she had lived at Gossington Hall. She permitted regretful and nostalgic memories of her irises. The best iris garden of any in the country, she told herself with a fierce pride» [Cristie] / «Цветника с дорожки не было видно, и это еще больше улучшило настроение миссис Бэнтри. В те далекие дни, когда она вместе с мужем жила в Госсингтон-холле, цветник с его великолепными клумбами был предметом ее особого восхищения и гордости, и вид его теперь наверняка вызвал бы у нее ностальгические воспоминания о прекрасных ирисах, которые там росли. Лучший ирисовый сад в округе, говорила себе миссис Бэнтри с нескрываемой гордостью» [Кристи] отметим обращение А. Кристи к описанию увлечения британцев садоводством и, в частности, разведением цветов, что создает возможность также охарактеризовать сложные чувства, возникшие у миссис Бэнтри при посещении уже давно проданного Госсингтон-холла. Ее радость оттого (*Mrs Bantry was just as pleased*), что она не видит цветника и, особенно, свою гордость – ирисы (*The best iris garden of any in the country, she told herself with a fierce pride*), позволяет читателю воспринимать этого свидетеля преступления как художественный образ, созданный с известной долей психологизма, а не только как компонент традиционной схемы детективного нарратива. Безусловно, А. Кристи прибегает к такой усложненной психологической характеристике второстепенного персонажа с тем, чтобы усилить эмоциональное воздействие на читателя и, с другой стороны, повысить авторитетность мнения этого свидетеля в дальнейшем, поскольку как приверженность определенным культурным стереотипам и, как следствие, неуклонное следование принципам британской культуры, важность мельчайших деталей в соблюдении этикета (вспомним, что миссис Бэнтри польстило, что звезда кинематографа, знаменитая актриса Марина Грегг от руки написала адресованное ей приглашение в Госсингтон-холл), так и внимание миссис Бэнтри к эмоциональным оттенкам в поведении других людей делает ее наблюдения весьма точными и неоценимыми в ходе расследования убийства Хизер Бэдкок. А. Кристи, опираясь на культурные коннотации, удачно сочетает рациональное и эмоциональное в воздействии на читателя. Реализована здесь и импликация культурной коннотации в отношении нынешней хозяйки Госсингтон-холла: Марина Грегг – американка, и понятно, что американской культуре массовое увлечение разведением

ем цветов, что акцентирует в данном макроконтексте А. Кристи, вовсе не свойственно.

Прагматика культурных коннотаций реализована и в следующем фрагменте: «Laycock's excuses were always reasonable, and strongly resembled those of Captain George's in *Three Men in a Boat* for avoiding going to sea. In the captain's case the wind was always wrong, either blowing off shore or in shore, or coming from the unreliable west, or the even more treacherous east. Laycock's was the weather. Too dry – too wet – aterlogged – a nip of frost in the air. Or else something of great importance had to come first (usually to do with cabbages or brussels sprouts of which he liked to grow inordinate quantities)» [Cristie] / «Когда же выяснилось, что все сделано не так, объяснения Лейкока всегда были разумны и весьма напоминали извинения капитана Джорджа из романа Джерома К. Джерома „Трое в одной лодке“, который свое нежелание выходить в море оправдывал тем, что ветер дул с моря или с берега, был слишком слаб или чрезмерно силен. Лейкок же все валил на погоду. Она была то слишком сухой, то слишком влажной, то слишком жаркой, то слишком холодной. Всегда находилась какая-нибудь веская причина, в особенности тогда, когда Лейкоку выдавалась возможность заняться капустой, которую он обожал выращивать в неслетном количестве» [Кристи]. Для усиления степени эмоционального воздействия на читателя А. Кристи использует прецедентный текст – роман Дж. К. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки», а также прецедентный для британской культуры прецедентным оним – капитан Джордж из этого романа, сравнение с которым позволяет передать все психологические тонкости характера Лейкока, приглашаемого садовника мисс Марпл, британского чудака – национального стереотипа, обладающего многообразными культурными коннотациями. Очевидно, что это чудачество никак не участвует в развитии основного детективного сюжета, однако А. Кристи таким путем создает мистификацию достоверности художественного вымысла в детективном дискурсе, как бы приближая художественную реальность к объективной действительности, в определенной степени лишая схематичности своих героев и создавая у читателя иллюзию возможности событий, происходящих в ее детективном романе.

Той же прагматической цели служит и обращение А. Кристи к прецедентным феноменам в следующем контексте: «One had to face the fact:

St Mary Mead was not the place it had been. In a sense, of course, nothing was what it had been. You could blame the war (both the wars) or the younger generation, or women going out to work, or the atom bomb, or just the Government – but what one really meant was the simple fact that one was growing old. Miss Marple, who was a very sensible lady, knew that quite well. It was just that, in a queer way, she felt it more in St Mary Mead, because it had been her home for so long» [Cristie] / «Увы, следовало признать, Сент Мэри Мид в известном смысле был уже не тот, что прежде. Можно было обвинять в этом войну (даже обе войны), молодое поколение, эмансипацию женщин, атомную бомбу, наконец, правительство, но мисс Марпл знала истинную причину – просто она постарела. И, естественно, это особенно остро ощущалось в Сент Мэри Мид, деревушке, где она провела большую часть своей жизни» [Кристи]. Все прецедентные феномены (*the war (both the wars) or the younger generation, or women going out to work, or the atom bomb, or just the Government*), характеризующие действительность и британскую культуру 1940–1950-х годов, актуализированы в этом макроконтексте для эмоционального воздействия на читателя. Опираясь на предполагаемый определенный объем фоновых знаний читателя, автор создает один из самых трагических детективных романов в истории развития этого жанра: не только преклонный возраст мисс Марпл, но и кардинально изменившийся мир становятся причиной того, что деконструкции подвергнуты все компоненты детективного дискурса (преступник заслуживает не только сочувствия, но и сострадания, жертва преступления вызывает исключительно раздражение и возмущение, а наказание за преступления вершится вовсе не представителями закона, при этом финал романа и вовсе остается открытым – неясно, случайностью или самоубийством является смерть Марины Грегг от передозировки снотворного, или же ее муж, Джейсон Радд, содействует ее смерти, не в силах защитить жену от возмездия или от нее самой).

Закономерно обращение автора и к тем культурным коннотациям, которые являются универсальными для европейской цивилизации, – так, например, прецедентные феномены со сферой-источником «Античная мифология». Адресат детективного дискурса должен обладать необходимым объемом фоновых знаний с тем, чтобы на основании переосмысления мифа об Одиссее адекватно воспринимать диалог доктора

Хейдока и мисс Марпл: «If you can't knit, what about unravelling for a change? Penelope did.' 'I'm hardly in her position.' 'But unravelling's rather in your line, isn't it?' He <Dr. > rose to his feet. 'I must be getting along. What I'd prescribe for you is a nice juicy murder'» [Cristie] / «– Если вы уже не в состоянии вязать, то почему бы вам для разнообразия не заняться распутыванием, как это делала Пенелопа? – Ну, я вряд ли окажусь в ее положении. – Но ведь распутывание – это ваше призвание, не так ли? – Он <доктор Хейдок> поднялся. – Мне пора. Откровенно говоря, я прописал бы вам какое-нибудь хитроумное и запутанное убийство» [Кристи]. Читатель, конечно, должен знать не только о том, что жена Одиссея, Пенелопа, ожидая его с Троянской войны, сохраняла ему верность, но и помнить о посягательствах на имущество царя Итаки со стороны ее многочисленных женихов, которым Пенелопа дала слово, что выберет кого-то из них тогда, когда закончит ткать полотно, и чтобы отдалить этот момент, который заставит ее нарушить брачную клятву, тайком ночью уничтожает уже сотканное. Мисс Марпл говорит, что она вряд ли может оказаться в положении Пенелопы, имея в виду возможность выбора мужа, тогда как доктор Хейдок, пытаясь подбодрить ее, советует расследовать (распутать) (*unravelling's rather in your line*) хитроумное убийство.

Разумеется, мы не можем обойти своим вниманием и прецедентный текст, фрагмент из которого стал эпиграфом к роману «И, треснув, зеркало звенит», – балладу А. Теннисона «Волшебница Шалот» (1842). Многочисленные отсылки к этому тексту, имеющему многообразные культурные коннотации в британской культуре, представлены и в самом тексте романа. Миссис Бэнтри, внимательный свидетель, говорит о моменте, когда Марина Грегг на краткий миг потеряла самообладание (этот момент предшествовал отравлению Хизер Бэдкок), при этом она привлекает собственный читательский опыт, сформированный в координатах британской лингвокультуры (и он противопоставлен опыту современной читательской публики – *People laugh at Tennyson nowadays*): «'She had a kind of frozen look,' said Mrs Bantry, struggling with words, 'as though she'd seen something that – oh dear me, how hard it is to describe things. Do you remember the Lady of Shalott?

The mirror crack'd from side to side:

«The doom has come upon me», cried the Lady of Shalott.

Well, that's what she looked like. People laugh at Tennyson nowadays, but the Lady of Shalott always thrilled me when I was young and it still does'» [Cristie] / «– У нее был какой-то замороженный взгляд, – сказала миссис Бэнтри, пытаясь подобрать наиболее подходящие слова, – как будто она увидела что-то, что... о боже мой, как все это сложно описать! Вы помните волшебницу Шалот? «Разбилось зеркало, звеня. „Беда! Проклятье ждет меня!“ – воскликнула Шалот». Вот что выражал ее взгляд. В наши дни Теннисон представляется молодежи ужасно смешным, но волшебница Шалот всегда поражала меня – и в юности, и даже сейчас» [Кристи]. А. Кристи неслучайно задействует в этом (как и во многих других в этом романе) контексте фоновые знания читателя, которые и создают фундамент художественного вымысла. Детективный дискурс приобретает свойственный классической литературе психологизм и объективирует культуросность эстетического знака за счет метафорического переосмысления и символизации трагической судьбы актрисы Марины Грегг через прецедентные ситуации, высказывания, онимы и прецедентный текст баллады А. Теннисона: героиня детективного романа А. Кристи погибает от жестокого столкновения с реальностью вне искусства, с безразличием людей друг к другу и их безответственностью за свои поступки. Ее зеркало разбивается, и она, как и волшебница Шалот, ищет выход из собственного замкнутого мира, но находит лишь гибель.

Заключение

Художественный вымысел в детективном дискурсе формируется в результате переосмысления компонентов объективной действительности сквозь призму традиционных для данного текстово-дискурсивного пространства схем, моделей и приемов. Так, в пределах событийности детективного романа А. Кристи актуализировано концентрированное сочетание таких поступков и действий персонажей, таких жизненных ситуаций, комбинация которых может возникнуть в реальной жизни обычного человека лишь с ничтожной долей вероятности.

Культурные коннотации эстетического знака принципиально важны в осуществлении рецептивно-интерпретативной деятельности читателя. Они возникают как результат вторичной номинации, являются конституентами семантического

пространства художественного текста, участвуя в формировании художественного вымысла. Очевидно, прагматика культурных коннотаций эстетического знака заключается в их способности продуцировать устойчивые образы в сознании адресата художественного дискурса, участвуя, тем самым, и в структурировании национальной картины мира. С другой стороны, культурные коннотации включены в процессы вторичной номинации – метафоризацию и символизацию, а прагматика этого вида коннотаций активизирует фоновые знания адресата, что создает фундамент для актуализации прецедентности в формировании художественного вымысла.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и системная лексикография // Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1995. Т. 2. С. 156–177.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. Москва : Яз. рус. культуры, 1999. 895 с.
3. Берестнев Г. И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37–65.
4. Богатырев А. В. Детективы Агаты Кристи: некоторые вопросы // *Studia Humanitatis*. 2024. № 1. URL: <https://st-hum.ru/en/node/1293?ysclid=m5tm01k5r0606152929> (дата обращения: 25.01.2025)
5. Вольский Н. Н. Дело о «детективе без берегов»: «теоретические» споры о детективе и их практические результаты // *Классический детектив: поэтика жанра*. URL: <http://detective.gumer.info/text01.html#volsky> (дата обращения: 25.01.2025)
6. Дидковская В. Г. Диалог автора с читателем в современном женском детективе // *Verba. Северо-Западный лингвистический журнал*. 2022. № 3 (5). С. 7–19.
7. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Коннотация в лингвистической семантике // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1980. Bd. 6. С. 191–210.
8. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. Москва : Эдиториал УРСС, 2000. 350 с.
9. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. Москва : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 453 с.
10. Кристи А. И, треснув, зеркало звенит : роман / пер. с англ. Г. Усовой. URL: https://librebook.me/the_mirror_crack_d_from_side_to_side (дата обращения: 25.01.2025)
11. Курилович Е. Очерки по лингвистике: Сборник статей / пер. с польского, фр., англ., нем. Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. 456 с.
12. Маслова В. А. Лингвокультурология. Москва : Академия, 2001. 201 с.
13. Моэм У. С. Упадок и разрушение детектива // Моэм У. С. Собр. соч. : в 5 т. Москва : Художественная литература, 1994. Т. 5. С. 449–471.
14. Полуэктова Т. А. Англоязычный фотоэкфрастический детектив второй половины XX в. (А. Кристи, Т. Финдли): традиция и новаторство // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2024. № 24 (3). С. 309–318.
15. Поринец Ю. Ю. Литературные аллюзии в детективных романах Агаты Кристи // *Филология: научные исследования*. 2022. № 8. С. 73–86.
16. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики языковых единиц. Москва : Наука, 1986. 141 с.
17. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Шк. «Языки рус. Культуры», 1996. 284 с.
18. Токарев Г. В. Формирование квазисимволов на базе коннотаций значений вербальных единиц // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. 2020. № 3. С. 5–13.
19. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // *Научные доклады высшей школы. Филологические науки*. 1996. № 6. С. 62–71.
20. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики // *Вопросы языкознания*. 1994. № 1. С. 20–25.
21. Эйзенштейн С. Литература в кино // *Вопросы литературы*, 1968. № 1. С. 91–112.
22. Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию / пер. А. Г. Погоняйло, В.Г. Резник. Санкт-Петербург : Петрополис, 1998. 430 с.
23. Bergman K. G., Franzén N. The force of fictional discourse // *Synthese*. 2022. Vol. 200. P. 474–498.
24. Cristie A. The Mirror Crack'd from Side to Side. URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/klassicheskij-detektiv/198848-agatha-christie-the-mirror-crack-d-from-side-to-side.html> (дата обращения: 25.01.2025)
25. Franzén N. Implicating fictional truth // *Philosophical StudieS*. 2024. Vol. 181. P. 299–317.
26. Stokke A. Fictional force // *Philosophical StudieS*. 2023. Vol. 180. P. 3099–3120.

Reference list

1. Apresjan Ju. D. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija = An integral language description and system lexicography // Apresjan Ju. D. Izbrannye trudy: v 2-h t. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995. T. 2. S. 156–177.
2. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = Language and human world. 2-e izd., ispr. Moskva : Jaz. ruS. kul'tury, 1999. 895 s.
3. Berestnev G. I. K filosofii slova (lingvokulturologicheskij aspekt) = Towards a philosophy of the word (linguocultural aspect) // *Voprosy jazykoznanija*. 2008. № 1. S. 37–65.
4. Bogatyrev A. V. Detektivy Agaty Kristi: nekotorye voprosy = Agatha Christie's detectives: some issues // *Studia Humanitatis*. 2024. № 1. URL: <https://st-hum.ru/en/node/1293?ysclid=m5tm01k5r0606152929>

hum.ru/en/node/1293?ysclid=m5tm01k5r0606152929 (data obrashhenija: 25.01.2025)

5. Vol'skij N. N. Delo o «detektive bez beregov»: «teoreticheskie» spory o detektive i ih prakticheskie rezul'taty = The case of the «detective without shores»: «theoretical» detective debates and their practical outcomes // Klassicheskij detektiv: pojetika zhanra. URL: <http://detective.gumer.info/text01.html#volsky> (data obrashhenija: 25.01.2025)

6. Didkovskaja V. G. Dialog avtora s chitatelem v sovremennom zhenskom detektive = Author-reader dialog in a modern women's detective novel // Verba. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal. 2022. № 3 (5). S. 7–19.

7. Iordanskaja L. N., Mel'chuk I. A. Konnotacija v lingvisticheskoj semantike = Connotation in linguistic semantics // Wiener Slawistischer Almanach. 1980. Bd. 6. S. 191–210.

8. Kobozeva I. M. Lingvisticheskaja semantika = Linguistic semanticS. Moskva : Jeditorial URSS, 2000. 350 s.

9. Kovshova M. L. Lingvokul'turologicheskij metod vo frazeologii: kody kul'tury = Linguoculturological method in phraseology: codes of culture. Moskva : Kn. dom «LIBROKOM», 2012. 453 s.

10. Kristi A. I, tresn'uv, zerkalo zvenit = The Mirror Crack'd from Side to Side : roman / per. s angl. G. Usovoj. URL: https://librebook.me/the_mirror_crack_d_from_side_to_side (data obrashhenija: 25.01.2025)

11. Kurilovich E. Oчерки po lingvistike = Essays on linguistics : Sbornik statej / per. s pol'skogo, fr., angl., nem. Moskva : Izd-vo inostr. lit., 1962. 456 s.

12. Maslova V. A. Lingvokul'turologija = Linguoculturology. Moskva : Akademija, 2001. 201 s.

13. Mojem U. S. Upadok i razrushenie detektiva = The decline and fall of the detective // Mojem U. S. Sobr. soch. : v 5 t. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1994. T. 5. S. 449–471.

14. Polujektova T. A. Anglojazychnyj fotojekfrasticheskij detektiv vtoroj poloviny XX v. (A. Kristi, T. Findli): tradicija i novatorstvo = English-language photo-ecphrastic detectives in the second half of XX century (A. Christie, T. Findlay): tradition and innovation //

Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija Filologija. Zhurnalistika. 2024. № 24 (3). С. 309–318.

15. Porinec Ju. Ju. Literaturnye alljuzii v detektivnyh romanah Agaty Kristi = Literary allusions in Agatha Christie's detective novels // Filologija: nauchnye issledovaniya. 2022. № 8. S. 73–86.

16. Telija V.N. Konnotativnyj aspekt semantiki jazykovyh edinic = The connotative aspect of linguistic unit semantics. Moskva : Nauka, 1986. 141 s.

17. Telija V. N. Russkaja frazeologija: semantiko-pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology: semantic-pragmatic and linguoculturological aspects. Moskva : Shk. «Jazyki ruS. Kul'tury», 1996. 284 s.

18. Tokarev G. V. Formirovanie kvazisimvolov na baze konnotacij znachenij verbal'nyh edinic = Forming quasi-symbols basing on connotations of verbal unit meanings // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologija, pedagogika, psihologija. 2020. № 3. S. 5–13.

19. Coller V. N. Jekspressivnaja leksika: semantika i pragmatika = Expressive vocabulary: semantics and pragmatics // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Filologicheskie nauki. 1996. № 6. S. 62–71.

20. Shahovskij V. I. Tipy znachenij jemotivnoj leksiki = Types of emotive vocabulary meanings // Voprosy jazykoznanija. 1994. № 1. S. 20–25.

21. Jejzenshtejn S. Literatura v kino = Literature in the cinema // Voprosy literatury, 1968. № 1. S. 91–112.

22. Jeko U. Otsutstvujushhaja struktura: Vvedenie v semiologiju = Missing structure: Introduction to semiology / per. A. G. Pogonjajlo, V.G. Reznik. Sankt-Peterburg : Petropolis, 1998. 430 s.

23. Bergman K. G., Franzén N. The force of fictional discourse // Synthese. 2022. Vol. 200. P. 474–498.

24. Cristie A. The Mirror Crack'd from Side to Side. URL: <https://libcat.ru/knigi/detektivy-i-trillery/klassicheskij-detektiv/198848-agatha-christie-the-mirror-crack-d-from-side-to-side.html> (data obrashhenija: 25.01.2025)

25. Franzén N. Implicating fictional truth // Philosophical StudieS. 2024. Vol. 181. P. 299–317.

26. Stokke A. Fictional force // Philosophical StudieS. 2023. Vol. 180. P. 3099–3120.

Статья поступила в редакцию 21.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 21.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья
УДК 81'44, 81'114
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-171
EDN: XZYVDS

Онтолингвистический взгляд на перевод юридической терминологии в детском художественном анимационном фильме

Валентина Сергеевна Лукьянова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал). 143007, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, д. 3

Vlukyan0203@yandex.ru, <http://orchid.org/0000-0002-7532-8663>

Аннотация. В статье обсуждается теоретико-методологическая проблема изучения юридического перевода в системе современного переводоведения через призму онтолингвистики. Перевод юридической терминологической лексики рассматривается в контексте детской импрессивной речи средствами поликодового аудиовизуального текста на материале англоязычных художественных анимационных фильмов для детей самой младшей возрастной категории. Целью исследования является выявление подходов, необходимых для повышения адекватности перевода юридической лексики, адресованной зрителю-ребенку. Проведенный контекстуальный, стилистический и переводческий анализ показал уместность применения онтолингвистического подхода в ситуации перевода исследуемой лексики, обращенной к ребенку. Это позволяет расширить представление о переводческой парадигме в ракурсе исследования процесса освоения языковой нормы в социальном аспекте через узуальное исследование освоения языковых и речевых норм. Интеграция в контекст детского мультфильма элементов юридического дискурса на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях косвенно формирует представление об общественном порядке и некоторых юридических процедурах. Межкультурная передача такого рода лексем может представлять сложность как в силу несовпадения компонентов юридических систем в двух социокультурных пространствах, так и неодинаковое представление о готовности юных зрителей-представителей различных лингвокультур к восприятию обращенной к ним терминологии. В результате исследования выявлены следующие проблемы перевода юридической лексики: интегрирование лексики в многокомпонентный многоуровневый поток аудиовизуальной информации, учет онтолингвистических особенностей реципиента перевода, перевод культурно-маркированных единиц, передача языковой игры и эквивалентный перевод песен. Предложенный анализ некоторых лексем позволяет выявить степень семантической и прагматической значимости используемой в анализируемой сцене лексики, иллюстрируются некоторые возможные переводческие варианты с сохранением используемой терминологической лексики в тексте перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод; эквивалентность; адекватность; юридическая терминологическая лексика; онтолингвистика; детский мультфильм; импрессивная речь

Для цитирования: Лукьянова В. С. Онтолингвистический взгляд на перевод юридической терминологии в детском художественном анимационном фильме // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 171–179. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-171>. <https://elibrary.ru/XZYVDS>

Original article

Ontolinguistic view on translating legal terminology in children's feature animated film

Valentina S. Lukyanova

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of english, Moscow state institute of international relations (university), MFA RF (Odintsovo branch). 143007, Odintsovo, Novosportivnaya st., 3

Vlukyan0203@yandex.ru, <http://orchid.org/0000-0002-7532-8663>

Abstract. The article discusses theoretical and methodological issues of legal translation in the system of contemporary translation studies in terms of ontolinguistics. The translation of legal terminology is considered in the context of speech addressed to a child (or impressive speech) by means of a polycode audiovisual text based on the

material of english-language animated feature films for children from the youngest age group. The aim of the study is to identify the approaches necessary to improve the adequacy of translating legal vocabulary addressed to a child viewer.

The author has conducted contextual, stylistic and translation analyses which show the relevance of the ontolinguistic approach in translating the lexeme under investigation, addressed to a child.

This approach helps to expand the view of the translation paradigm in studying the process of mastering the social aspect of linguistic norms through the usual study of mastering linguistic and speech norms. Integrating elements of legal discourse into the context of a children's cartoon at the lexical, syntactic and stylistic levels creates an implicit idea of social order and some legal procedures. Intercultural translation of these lexemes can be difficult both due to the difference in the structure of the legal systems in the two sociocultural spaces and different ideas of how ready young viewers from different linguocultures are to understand the terminology addressed to them.

The research shows the following problems of legal terms translation: integrating the lexemes into a multicomponent multilevel stream of audiovisual information, taking into account ontolinguistic features of the translation recipient, translating culturally marked units, conveying language game, and equirhythmic song translation. The proposed analysis of some lexemes determines the degree of semantic and pragmatic significance of the lexeme used in the analyzed scene; suggests some possible translations which keep the original terminological lexeme in the text.

Key words: audiovisual translation; equivalence; adequacy; legal terminology; ontolinguistics; children's cartoon; impressive or addressed to a child speech

For citation: Lukyanova V. S. Ontolinguistic view on translating legal terminology in children's feature animated film. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):171–179. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-171>. <https://elibrary.ru/XZYVDS>

Введение

В основе предлагаемого исследования лежат три ядерных концепта: юридическая терминологическая лексика, перевод аудиовизуального текста, онтолингвистический подход в рамках изучения импрессивной речи. В настоящее время исследования англоязычной юридической лексики проводятся в ракурсе функциональной прагматики и теории дискурса [Пыж, 2005], культурологических вопросов происхождения и развития англоязычных юридических терминосистем, процессов детерминализации юридической лексики в художественном тексте [Безуглова, 2013], а также изучения влияния специальной лексики детского мультимедийного контента на освоение родного языка и формирование речи ребенка [Лукьянова, Колоскова, 2019]. Работы, посвященные рассмотрению базовых вопросов юридического перевода в рамках проблем переводных соответствий, полисемантической лексики, передачи безэквивалентной лексики, а также вопросам перевода в междисциплинарном аспекте, включая художественный, и аудиовизуальный перевод, расширяют представление о функциональной сфере юридической лексики подчеркивая ее актуальность. Многие зарубежные исследователи рассматривают проблему перевода английского юридического языка как одну из самых жизненно важных областей современной переводческой практики, предлагая переводческие решения на основании прагматических подходов переводчиков на материале английского,

французского, испанского и немецкого языков [Alcaraz, Hughes, 2002].

За последние десять лет появилось огромное количество исследований аудиовизуального перевода в зависимости от типа текста и его целевой аудитории [Valdeón, 2022], подчеркивается особое влияние аудиовизуального или мультимодального текста на формирование картины мира и языкового сознания потенциального зрителя [Putu Meira Purnama Yanti, 2022]. В глобальном масштабе индустрия производства анимационных фильмов стала частью стратегии устойчивого развития страны и рассматривается как «инструмент мягкой силы» [Fan, 2021]. Ряд психолого-педагогических исследований указывают на положительное влияние сюжетной линии мультфильмов, направленное на коррекцию потенциально девиантного поведения ребенка, формируя базу правового сознания. Отсутствие натурализации в сценах жестокости и смерти персонажей указывают на «мягкое» знакомство детей с теневой стороной жизни [Kirsh, 2012, p. 164]. На сегодняшний день высокий прагматический потенциал анимационных видеоматериалов признается педагогами не только как эффективный развлекательный, но и образовательный инструмент [Woolfitt, 2015]. Слабая терминологическая насыщенность детских анимационных фильмов приводит многих исследователей к выводу о том, что при переводе использованной в мультфильмах терминологии необязательно осуществлять подбор эквивален-

тов, свободно используя трансформации и «транскреационные правила аудиовизуального перевода» [Степанова и др., 2020], есть смысл все-таки выделять значимое «ядро» переводимых лексем, перенос которых в принимающую лингвокультуру положительно скажется на погружении потенциального зрителя в предлагаемый юридический контекст. Особое место в переводческих исследованиях уделяется роли динамической эквивалентности в аудиовизуальном переводе, понимаемой как «равенство эмоционального воздействия на зрителей» независимо от языка оригинала произведения [Бузаева, 2022]. Решение проблемы перевода юридического термина в детском кинотексте целесообразно осуществлять с обращением к системе онтолингвистики, ориентированной на исследование механизмов освоения родного языка и речи ребенком.

Формирование юридического лексикосемантического поля исследуется с учетом опоры на бессознательные механизмы, образованные посредством устных и письменных речевых образцов обращенной к ребенку речи [Черемисина, 2002, с. 75]. В работах по онтолингвистике детская речь рассматривается как уникальный объект механизма «моделирования осваиваемой действительности» [Чернявская, 2023, с. 112]. Освоение речевого поведения в рамках семантического поля «юриспруденция», «закон» и «порядок» рассматриваются через «бессознательно созданные детьми» языковые правила, описанные в трудах Л. В. Щербы [Щерба, 1974, с. 48]. Осознанные, формируемые с участием взрослого носителя языка и/или на основе собственных выводов и самостоятельно сформулированные базовые «прототипические» правила, объясняемые теорией имплицитного научения А. Ребера, активно формируются через просмотр аудиовизуальной продукции, где воздействие на адресата зрителя происходит одновременно через несколько каналов восприятия [Цейтлин, 2019]. В этой связи данное исследование нацелено на выявление возможностей онтолингвистического подхода в ракурсе проблемы перевода юридического дискурса. Теоретическая значимость работы состоит в том, что предлагаемый онтолингвистический подход к переводческому исследованию юридической лексики может быть полезен при подобного рода исследовании перевода терминологической лексики, представляя другие отраслевые сферы, такие как научную, академическую, техническую, медицинскую и др. Изученная связь между отраслевой терминологией,

аудиовизуальным переводом и онтолингвистикой способна послужить основой для дальнейших исследований в сфере переводческого и детского дискурса и связанных с ним лексических групп. Предлагаемый онтолингвистический подход может дополнить традиционный переводческий анализ, нацеленный на выявление связи и контраста детской и взрослой речи, а также на ее адекватную межкультурную передачу с минимальными коммуникативными потерями. Рассматриваемая как междисциплинарный предмет, юридическая лексика содержит в себе предпосылку к возможному расширению других сфер, которые могут так или иначе взаимодействовать с исследуемым лексиконом.

Материал и методы исследования

Материалом данного исследования послужили примеры использования юридической лексики, актуализированные в детском аудиовизуальном анимационном поликодовом тексте. Для сбора материала исследования использовался видеоряд на английском языке, транслируемый на телеканалах *JimJam*, *Nickelodeon*, *Disney Jr*, *Tiny Pop*, а также дублированный перевод на русском языке, транслируемый на телевизионных каналах «Карусель», «Детский мир», «Бибигон» и др. Выборка детских мультфильмов произведена исходя из возрастных ограничений потенциального зрителя в соответствии с данными веб-сайта *Internet Movie Database* [International Movie Database] категории 0+ согласно российской классификации фильмов, U – британской и G – американской.

Данная категория мультфильмов представлена как малометражной (до 30 минут) кинопродукцией, (мультсериалы *Ben & Holly's Little Kingdom* / «Маленькое королевство Бена и Холли» 2008–2013, *PAW Patrol* / «Щенячий патруль» 2013–2021, *Team Umizoomi* / «Команда Умизуми» 2010–2015), так и полнометражные фильмы (*WALL-E* / «ВАЛЛ-И» 2008, *Toy Story 2* / «История игрушек: Большой побег» 2010, *Lilo & Stitch* / «Лило и Стич» 2002, *Robin Hood* / «Робин Гуд» 1973, *Mulan* / «Мулан» 1998, *Lady and the Tramp* / «Леди и Бродяга» 1955, *Madagascar* / Мадагаскар 2005, *Monsters Inc.* / «Корпорация Монстров» 2001, *Cloudy with a Chance of Meatballs* / «Облачно, возможны осадки в виде фрикаделек», 2013 и другие).

В работе были использованы методы научного описания, анализа, обобщающего синтеза, классификации исследуемых лексем по возраст-

ной категории целевой аудитории, по типу и основанию употребления исследуемых языковых единиц для проведения переводческого, контекстно-семантического, типологического, культурологического, стилистико-прагматического, а также онтолингвистического анализа языкового материала в рамках актуализируемых в англоязычных детских мультфильмах понятийных юридических категорий и сфер.

Онтолингвистический подход к анализу перевода юридической лексики в мультфильмах для детей

Традиционно при переводе юридической терминологии в кинотексте с английского языка на русский принимается во внимание как ее профессиональная специфика в рамках юридической семиосферы, так и стилистические особенности кинотекста, а также задачи по культурологической адаптации под менталитет и ожидания принимающей стороны. Учитывая особенность юридического дискурса, следует отметить такие его составляющие как специально-юридические термины и общеязыковую терминологию, оказывающие влияние на выбор эквивалента в языке перевода. Количественный анализ 1500 примеров показал следующее распределение типов лексем: специально-юридические термины составили 20 %, общезначимая терминология занимает 80 % проанализированного текстового материала. При этом в большинстве случаев в тексте перевода выбор в сторону замены юридической лексики общеязыковой незначителен и составляет приблизительно 10 %, а в 90 % случаев используется эквивалентная терминология. В результате исследования переводческого анализа мультфильмов, адресованных детям самого раннего возраста, были выявлены следующие особенности:

а) Лексический компонент

Семантический анализ показал, что в полнометражном кинотексте для самых маленьких зрителей уже содержится общезначимая терминология, которую малыши могут воспринимать. Наиболее рекуррентная правовая лексика не представляет никаких сложностей для переводчика и передается либо прямым эквивалентом, либо функциональным аналогом. Например: *fair* – справедливо, *criminal* – преступник, *robber* – грабитель, *steal* – украсть, *thief* – вор, *fire* – увольнять, *you are under arrest* – ты/вы арестован(ы), *police officer / officer* – полицейский (следует отметить, что в некоторых сценах слово

officer ошибочно переводят калькой словом «офицер», что не соответствует русскоязычной культуре, где звание офицер распространяется на «лицо командного состава» начиная со звания младшего лейтенанта [Большая Российская Энциклопедия], в то время как в англоязычной культуре так часто называют обычного служащего или полицейского [Cambridge Dictionary]), *traffic warden* – инспектор дорожного движения (в дубляже часто используется формулировка «дорожный инспектор» или «инспектор»), *advisor* – советник, *patrol* – патруль, начинается знакомство с названием должностей (*mayor* – мэр), и организаций (*Kitten Catastrophe Crew* – Команда «КОТОстрофа», *Paw Patrol* – Щенячий патруль, *Rescue Rangers* – Команда спасателей).

В полнометражных работах наблюдается усложнение лексической семантики и ее структуры, так как полнометражный мультфильм ориентирован еще и на взрослую аудиторию, и маркирован как *Family* / «Для семейного просмотра», например: *tax inspector* – налоговый инспектор, *prisoner* – заключенный, *outlaw* – преступник, *law* – закон, *justice* – справедливость, *stand accused of* – обвиняться в, *illegal genetic experimentation* – незаконный генетический эксперимент, *tax* – налог, *duty* – долг, где не всегда используется прямой эквивалент. Учитывая модель мира детского мультфильма, в них не всегда оценка неправомерного действия соразмерна представлениям взрослого человека, отсюда в качестве нарушения правовых норм можно обнаружить такие формулировки как в мультфильме *Lilo & Stitch* / «Лило и Стич»: *back up sewers* – засорять канализацию, *reverse street signs* – перевешивать уличные знаки, *steal everyone's left shoe* – воровать у всех туфли. Детализация такого рода формулировок часто рассматривается переводчиком как излишняя, и данным примером он обобщает высказывание: не «украдет у каждого его левую туфлю», а «начнет воровать у всех туфли». При осуществлении перевода реплики важным этапом является оценить значимость используемой лексики в отношении потенциального зрителя-ребенка, прежде чем принимать переводческое решение.

Например, в сцене фильма *Robin Hood* / «Робин Гуд» в отношении арестованного персонажа, поступает команда:

Оригинал: *Release the prisoner!* Перевод: Освободите этого пленника!

В этой сцене персонажа только что арестовали, соответственно, слово *prisoner* в дубляже за-

менено на слово «пленник». Такая трансформация адекватна с учетом прагматической ситуации и семантически немногослойна. Однако, если сделать выбор в пользу контекстуально более близкого «задержанный» или «арестованный», то будет лучше передана коннотация юридической лексемы. При использовании прямого эквивалента «заключенный», будет более полно передана гиперболизация сообщения с целью подчеркнуть неизбежность тюремного заключения.

Наиболее рекуррентным типом лексем представлена лексика с социокультурным компонентом: *royalty* – представители королевской семьи, *scaffolds* – виселица, *counselor* – консультант, *license* – лицензия, жетон, *tax inspector* – налоговый инспектор, *pardon* – помиловать, *sovereign* – монарх, верховный правитель / правитель, полновластный, независимый и другие.

Наибольшие сложности перевода вызывают термины с яркой культурной маркировкой. Например, в мультфильме *Lady and the Tramp* / «Леди и бродяга» значимым объектом является особый жетон – *license*, распространенный в системе английского и американского права по защите животных [Dog Licences Act, 1959], что не всегда адекватно и эквивалентно отражено в переводе: в сцене где главная героиня-собачка получает «жетон» – отличительный знак того, что она благородное и не бродячее животное, это событие тут же отмечают ее соседи: *Оригинал: You have a new collar! – And a license.*

Перевод: *У тебя новый ошейник! – Да, и кулончик.*

В русскоязычной культуре «кулончик» несет лишь декоративную функцию и вторично является репрезентацией более высокого статуса, однако реферируемый в фильме объект представляет собой отличительный знак известный как «идентификационный жетон» или «адресник», указывающий на факт наличия хозяина у животного. Как правило, на этом жетоне содержится информация об имени и адресе животного. В сюжете мультфильма этот атрибут представляет собой значимую информацию о высоком статусе собаки, противопоставленном бродячим животным. Учитывая факт серьезного отношения в рамках законов защиты животных, целесообразно в переводе немного отступить от бытового и декоративного слова «кулончик» или иногда используемого более общего слова «ошейник» в пользу термина «жетон», что более полно передает коннотацию нормативного требования о заботе о домашнем животном.

б) Грамматический компонент

В силу того, что мультфильм ориентирован на ребенка, который в процессе освоения языка самостоятельно имплицитно формирует индивидуальную грамматику, которая может не совпадать с языковыми нормами, такой прием как «грамматическая инновация» [Цейтлин, 2017, с. 11–12] является очень частым и неслучайным явлением в детском мультфильме. Например, в сцене мультфильма *Cloudy with a Chance of Meatballs 2* / «Облачно, возможны осадки в виде фрикаделек 2» маскирующийся под сотрудницу кафе внезапно раскрывает свою истинную личность:

Оригинал: I'm not a barista! I'm a police-sta!
Перевод: Я вам не бариста, я – полис-та! В данном примере наблюдается морфологическая игра слов, в результате которой слово «полицейский» формируется по морфологическим правилам заимствованного из итальянского языка слова «бариста», в результате чего в английском переводе инновационное слово нарощено инновационной флексией *-ta*, а в языке перевода с целью выдерживать рифму и ритм новое слово образовано путем усечения и добавления флексии *-sta*.

Учитывая, что сюжеты мультфильмов возрастной категории 0+ отличаются наивным характером и семантической примитивностью, в контексте встречаются тезисы, по языковой сложности маркирующий дискурс взрослых зрителей, находящиеся далеко за пределами возможностями понимания ребенком:

Оригинал: Authority should derive from the consent of the governed, not from the threat of force!

Перевод: *Власть должна основываться на согласии управляемых, а не на угрозе применения силы!* (*Toy Story 2* / «История игрушек: Большой побег»). Некоторые переводчики считают, что в целях облегчить восприятие аудиовизуального текста, целесообразно прибегнуть к отказу от воспроизведения сложных реплик в тексте перевода, используя либо «нулевой перевод» [Мазирка, Хухуни, 2015, с. 66], либо осуществлять перевод в сторону лексико-синтаксического упрощения, например: *Власть должна строиться на согласии, а не на силе!*

с) Стилистический компонент

Стилистические особенности часто выстроены на основе не одного, а нескольких приемов языковой игры, представляющую собой самую большую сложность для переводчика. Например, в сцене фильма *Robin Hood* / «Робин Гуд» активно обсуждается тема преступления и наказания:

Оригинал:

*Little John: You know somethin', **Robin**. I was just wonderin', are we good guys or bad guys? ... Our **robbin'** the rich to feed the poor. **Robin Hood: Rob?** Tsk tsk tsk. That's a naughty word. We never **rob**. We just sort of **borrow** a bit from those who can afford it. Little John: Borrow? Boy, are we in **debt**.*

Перевод:

*Джон-Малыш: А знаешь, что, **Робин**? Мне вот просто интересно, мы хорошие парни или плохие? ... Мы **грабим** богатых, чтобы накормить бедных.*

*Робин Гуд: **Грабим**? Ц-ц-ц, это неприличное слово. Мы никого не **грабим**. Мы просто **берем** немного **в долг** у тех, кто может **одолжить**.*

*Джон-Малыш: Так значит, мы по уши в **долгах**.*

В этой сцене не просто актуализируется правовая лексема **rob** – грабить, **borrow** – брать что-то в долг и **debt** – долг, но еще и продемонстрирована языковая игра на основе фонетической формы имени **Robin**, его сокращенного варианта **Rob** и форм глагола **rob/robbing** – грабить. И если передача стилистических оттенков при передаче лексем **borrow** и **debt** не вызывает трудностей, передавая эвфемизм через литоту: *берем немного в долг*, а гиперболу через добавление усиливая текстовую реплику «у нас долги» в более контекстуально-адекватную «мы по уши в долгах», то с проблемой передачи каламбура *rob – to rob* справиться крайне трудно.

Анализ перевода мультфильмов показал, что перевод языковой игры и юмора представляет собой самую большую сложность: из выявленных в ходе анализа 20 примеров языковой игры с юридическим лексическим компонентом, в 4 случаях предпринята попытка стилистически адекватно передать данное языковое явление, в остальных случаях осуществлен прямой перевод без попытки проявить коннотации оригинала.

Стилистический компонент ярко выражен в виде оксюморона, когда, например, обвиняемому зачитывают его нарушения, но лишь для того, чтобы подчеркнуть важность совершенного доброго поступка, затмевающего проступок: *The Emperor of China: I've heard a great deal about you, Fa Mulan. You stole your father's armor, ran away from home, impersonated a soldier, deceived your commanding officer, dishonored the Chinese Army, destroyed my palace, and... you have saved us all.* Перевод: Я очень много слышал о тебе, Мулан. Ты украла доспехи отца. Сбежала из дома. Прикинулась солдатом. Обманула свое-

го командира. Опозорила китайскую армию. Разрушила мой дворец. И... спасла всех нас (*Mulan* / «Мулан»). В этой в целом адекватно переведенной реплике возможно было бы более формально перевести обвинение в том, что она «выдала себя за солдата», нежели использовать сниженную лексику «прикинулась солдатом».

Следует отметить, что даже если напрямую используемая юридическая лексика не несет в себе стилистического компонента, косвенно она передает атмосферу напряженности, серьезности и ответственности за последствия действий: *This creature is hereby sentenced to life in exile, a sentence that shall be henceforth served out here, on Earth. And as caretaker of the alien lifeform Stitch, this family is hereby under the protection of the United Intergalactic Federation. We'll be checking in now and then* (*Lilo & Stitch* / «Лило и Стич»).

Самые большие переводческие затруднения вызывают шутки, выстроенные по следующим принципам:

1) *Грамматические манипуляции:*

Оригинал: Listen, Friar, you're mighty preachy and you're gonna preach your neck right into a hangman's noose!

Перевод: Ну-ну! К чему такая горячность, пастырь? Прибереги свою проповедь, сегодня – не воскресенье! (Robin Hood / «Робин Гуд»)

В данной сцене наблюдаются серьезные стилистические потери, так как не передана динамика через грамматическую трансформацию слова *preach*, что здесь было бы уместнее перевести прилагательным: «Слушай, пастырь. Ты – отличный проповедник», а далее через глагольную форму перейти к метафоре: «только ты сейчас **напроповедуешь себе петлю на шею**».

2) *Семантическое противопоставление:*

В сцене, где персонажа высмеивают в песне:

Оригинал: Too late to be known as John the First, he's sure to be known as John the Worst!

Построчный прямой перевод: Слишком поздно, чтобы стать известным как Джон Первый, он наверняка станет известен как Джон Худший!

Перевод дубляжа 1: История, к чему скрывать, конечно, будет Джона звать ничтожнейшим-ничтожнейшим английским королем.

Перевод дубляжа 2: А будет всем известен он не Первый Джон, а Джон-Дурак (*Robin Hood* / «Робин Гуд»).

Исходя из того, что основная аудитория фильма – дети, для них было бы ближе сделать

перевод песни с противопоставлением характеристик Джона. С учетом того, что эта дразнилка является текстом песни, то желательно выдерживать рифму, и отказаться от грубой лексики: «А будет всем известен он не Первый Джон, а Скверный Джон». Однако, здесь можно было бы еще и передать динамику, выраженную повтором глагола *to be* и выдерживая традицию межкультурной передачи титулов правителей, например: «Не будет он Джон Первый, а будет он – Джон Скверный!»

3) *Каламбур*:

Сцена, когда король Ричард отзывается о факте того, что Робин Гуд женился на его племяннице (*Robin Hood* / «Робин Гуд»): Оригинал: *It appears that I now have an outlaw for an in-law*. Перевод 1: Теперь у меня в зятях **разбойник**.

Перевод 2: Кажется, я породнился с **разбойниками**.

Для ребенка важно осваивать лексику через игру, в данном случае обыгрывая слово *law* – «закон», лучше перенести в язык перевода, например: «Мой зять теперь **законный**, но только **вне закона**».

4) *Обыгрывание тождественности ситуации с вербальным и иконическим компонентом*.

Например, в сцене, где маленькая девочка выражает восхищение Робин Гудом:

Оригинал: *Oh, he's so handsome, just like his reward posters*. (Далее в кадре показывают плакат с объявленным в розыск Робин Гудом и надписью *Reward*).

Перевод: *О, он такой красивый, прямо как на плакатах, развешанных по всему городу!*

Поскольку такого рода плакат о розыске преступника в англоязычной культуре известен как *wanted poster* [Cambridge Dictionary], очевидно, что словосочетание *reward poster* – это термин, созданный маленьким ребенком на основе сращения общего названия предмета (плаката) и надписи на нем крупными буквами (*reward* – *вознаграждение*). Перевод удачно передает наивность ребенка и непонимание всей серьезности ситуации в отношении разыскиваемого преступника, что в языке перевода можно усилить буквальным переводом сочетания *reward posters*: «Он такой красивый! Прямо как на **плакатах с наградами**».

5) Манипуляции с причинно-следственными связями:

Оригинал:

Friar Tuck: ... You're no outlaw. Why, someday you'll be called a great hero.

Robin Hood: A hero? Do you hear that, Johnny? We've just been pardoned.

Little John: That's a gas. We ain't even been arrested yet.

Перевод:

Монах Тук: ...Ты не **преступник**. Когда-нибудь тебя назовут великим **героем**.

Робин Гуд: Героем? Ты слышал это, Джонни? Нас только что **помиловали**. Джон Малыш: Вот это да! Нас еще даже не **арестовали**.

Здесь игра основана не только на семантическом противопоставлении понятий *outlaw* – *hero*, *arrest* – *pardon*, но и на нарушении привычной последовательности действий, когда сначала все-таки идет арест, а после – помилование. В переводе данного примера удачно переданы все ключевые компоненты игры, что позволяет считать перевод адекватным.

d) *Иконический компонент*

Несмотря на малый возраст потенциального зрителя, его все равно знакомят с текстовыми сообщениями через вывески, таблички, надписи и т. д. В рамках исследования обозначенных детских мультфильмов, ни один иконический компонент не был как-либо отмечен для принимающей стороны: *caution police line do not cross* (надпись на ленте), *Life Corp Island* (вывеска), *Employees only* (надпись на автобусе). Понятно, что локализация – это процесс затратный, но для полноты погружения в атмосферу можно было бы, как вариант, озвучить надпись, например, надпись на автобусе: «Только для персонала». Подводя итоги содержания части статьи, необходимо отметить необходимость учета детского жанра при переводе юридических лексем, где временами отказ от необходимости замены термина общеупотребительным словом в пользу прямого эквивалента может быть оправдан, как и использование лексической трансформации в сторону замены термина словом с более общим значением. Самые большие сложности представляет собой перевод лексемы, задействованной в языковой игре или усиливающий прагматическую информацию посредством использованного стилистического приема. Отказ от межкультурной передачи термина, представленного через иконический компонент, представляется неубедительным и нарушающим привычные представления о переводческой парадигме.

Заключение

Проведенный структурно-семантический анализ более 1500 примеров позволяет также под-

считать процентное соотношение выявленных категорий терминологических включений. В результате анализа перевода дубляжа более 20 детских мультфильмов были выявлены следующие проблемы перевода юридических лексем:

1) взаимодействие переплетающихся аудиовизуальных потоков информации в аудиовизуальном тексте, что не всегда позволяет полно и точно передавать иконический и поэтический компонент;

2) на внутриязыковом уровне передача каламбуров осложняется несовпадением языковых и терминологических систем;

3) на экстралингвистическом уровне необходимо учитывать онтолингвистические особенности речевых способностей ребенка с целью создания текста перевода, максимально соответствующего этим особенностям.

Отметим, что в кинотексте, обращенном к ребенку, текстовая и диалогическая составляющая весьма значимы, так как именно передаваемая через сложный многокомпонентный канал информация активно участвует в формировании как пассивного, так и активного словарного запаса ребенка, формируя его представления о грамматическом строе языка. Особенно это удачно складывается через стилистические противопоставления, выраженные через нормативную речь и отклонения от нормы. Высокий прагматический потенциал детского мультфильма позволяет рассматривать аудиовизуальный текст как импрессионную или обращенную речь к ребенку-зрителю как к активному слушателю, что желательно учитывать при переводе детского кинотекста. Даже при наличии полного несовпадения терминологических правовых систем правовую лексику, оказывающую влияние на формирование картины мира, содержащую важнейшие доктрины правовой системы, желательно передать средствами языка принимающей культуры. В рамках данного исследования можно сделать вывод о возможностях расширения переводческих подходов в рамках антропоцентрической парадигмы, прагматики языка и социолингвистики.

Библиографический список

1. Безуглова О. А. Проблемы перевода английских юридических терминов в художественной литературе // Вестник ТГПИУ. 2013. № 4. С. 27–30.
2. Большая Российская Энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/ofitser-740de0> (дата обращения: 10.09.2024).
3. Бузаева, Я. А. Трансформация смыслового содержания м/ф «Девять» при переводе с английского на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 8. С. 2683–2688.
4. Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wanted_poster (дата обращения: 10.09.2024).
5. Лукьянова В. С., Колоскова О. А. Перевод экономического термина в детском англоязычном анимационном фильме как отражение формирования экономического мышления // Вопросы современной лингвистики. Серия: Лингвистика. 2019. № 2. С. 159–166.
6. Мазирка И. О., Хухуни Г. Т. К вопросу о так называемом «Нулевом переводе» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 65–70.
7. Пыж А. М. Функционально-прагматические и дискурсивные аспекты использования английской юридической терминологии. Самара, 2005. 184 с.
8. Степанова М. М., Козуляев А. В., Соснина О. С. Обучение переводу образовательных видеоматериалов как подвиду аудиовизуального перевода // Вопросы методики преподавания в вузе. 2020. Т. 9. № 33. С. 46–58.
9. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. Москва : Владос, 2017. 240 с.
10. Цейтлин С. Н. Освоение языка в свете теории имплицитного научения // Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия: материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 24–26 июня 2019 года. Иваново : ЛИСТОС, 2019. С. 3–7.
11. Черемисина М. И. Язык и его отражение в науке о языке. Новосибирск : НГУ, 2002. 252 с.
12. Чернявская Н. А. Механизмы образной концептуализации действительности в онтогенезе речевой способности ребенка // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 3 (38). С. 111–119.
13. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук. Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.
14. Alcaraz E., Hughes B. Legal Translation Explained (1st ed.). London. Routledge, 2002. 216 p.
15. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 10.09.2024).
16. Dog Licences Act 1959. URL: <https://vlex.co.uk/vid/dog-licences-act-1959-808218789> (дата обращения: 10.09.2024).
17. Fan K-K, Feng T-T. Sustainable Development Strategy of Chinese Animation Industry. Sustainability. 2021; 13(13):7235. URL: <https://doi.org/10.3390/su13137235> (дата обращения: 10.09.2024).
18. International Movie Database. URL: <https://www.imdb.com/list/ls038123103/> (дата обращения: 10.09.2024).

19. Kirsh S. J. Children, Adolescents, and Media Violence: A Critical Look at the Research. London et al. SAGE, 2012. 367 p.

20. Putu Meira Purnama Yanti, N. 2022. Multimodality in Audio Visual Translation of Children's Animated FilmS. KnE Social sciences. 7, 10. 2022. Pp. 279–287.

21. Valdeón R.A. Latest trends in audiovisual translation // Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. 2022. Vol. 30, iss. 3. P. 369–381.

22. Woolfitt Z. The effective use of video in higher education // Lectoraat Teaching, Learning and Technology. Inholland University of Applied ScienceS. Rotterdam. 2015. 49 p.

Reference list

1. Bezuglova O. A. Problemy perevoda anglijskih juridicheskikh terminov v hudozhestvennoj literature = Problems of translating English legal terms in fiction // Vestnik TGGPU. 2013. № 4. S. 27–30.

2. Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija = Big Russian Encyclopedia. URL: <https://bigenc.ru/c/ofitser-740de0> (data obrashhenija: 10.09.2024).

3. Buzaeva Ja. A. Transformacija smyslovogo sodержanija m/f «Devjat'» pri perevode s anglijskogo na russkij jazyk = Transformation of the semantic content of «Nine» when translated from English into Russian // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. T. 15. № 8. S. 2683–2688.

4. Vikipedija = Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Wanted_poster (data obrashhenija: 10.09.2024).

5. Luk'janova V. S., Koloskova O. A. Perevod jekonomicheskogo termina v detskom anglojazychnom animacionnom fil'me kak otrazhenie formirovanija jekonomicheskogo myshlenija = Translation of an economic term in a children's English-language animated movie as a reflection of forming economic mentality // Voprosy sovremennoj lingvistiki. Serija: Lingvistika. 2019. № 2. S. 159–166.

6. Mazirka I. O., Huhuni G. T. K voprosu o tak nazyvaemom «Nulevom perevode» = On the issue of the so-called «Zero translation» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2015. № 1. S. 65–70.

7. Pyzh A. M. Funkcional'no-pragmaticheskie i diskursivnye aspekty ispol'zovanija anglijskoj juridicheskoy terminologii = Functional-pragmatic and discursive aspects in the use of English legal terminology. Samara, 2005. 184 S.

8. Stepanova M. M., Kozuljaev A. V., Sosnina O. S. Obuchenie perevodu obrazovatel'nyh videomaterialov kak podvidu audiovizual'nogo perevoda = Teaching educational video translation as a subtype of audiovisual

translation // Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze. 2020. T. 9. № 33. S. 46–58.

9. Cejtin S. N. Jazyk i rebenok: Lingvistika detskoj rechi = Language and the child: The linguistics of children's speech. Moskva : VladoS, 2017. 240 s.

10. Cejtin S. N. Osvoenie jazyka v svete teorii implicitnogo nauchenija = Language acquisition in the light of implicit learning theory // Sovremennaja ontolingvistika: problemy, metody, otkrytija: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Sankt-Peterburg, 24–26 ijunja 2019 goda. Ivanovo : LISTOS, 2019. S. 3–7.

11. Cheremisina M. I. Jazyk i ego otrazhenie v nauke o jazyke = Language and its reflection in linguistics. Novosibirsk : NGU, 2002. 252 s.

12. Chernjanskaja N. A. Mehanizmy obraznoj konceptualizacii dejstvitel'nosti v ontogeneze rechevoj sposobnosti rebenka = Mechanisms of conceptualizing reality in the ontogenesis of a child's speech ability // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. 2024. № 3 (38). S. 111–119.

13. Shherba L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost' = Language system and speech activity / red. L. R. Zinder, M. I. Matusевич; Akad. nauk SSSR, Otd-nie lit. i jaz., KomiS. po istorii filol. nauk. Leningrad : Nauka. Leningr. otd-nie, 1974. 427 s.

14. Alcaraz E., Hughes B. Legal Translation Explained (1st ed.). London. Routledge, 2002. 216 p.

15. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (data obrashhenija: 10.09.2024).

16. Dog Licences Act 1959. URL: <https://vlex.co.uk/vid/dog-licences-act-1959-808218789> (data obrashhenija: 10.09.2024).

17. Fan K-K, Feng T-T. Sustainable Development Strategy of Chinese Animation Industry. Sustainability. 2021; 13(13):7235. URL: <https://doi.org/10.3390/su13137235> (data obrashhenija: 10.09.2024).

18. International Movie Database. URL: <https://www.imdb.com/list/ls038123103/> (data obrashhenija: 10.09.2024).

19. Kirsh S. J. Children, Adolescents, and Media Violence: A Critical Look at the Research. London et al. SAGE, 2012. 367 p.

20. Putu Meira Purnama Yanti, N. 2022. Multimodality in Audio Visual Translation of Children's Animated FilmS. KnE Social Sciences. 7, 10. 2022. Rr. 279–287.

21. Valdeón R.A. Latest trends in audiovisual translation // Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. 2022. Vol. 30, iss. 3. R. 369–381.

22. Woolfitt Z. The effective use of video in higher education // Lectoraat Teaching, Learning and Technology. Inholland University of Applied ScienceS. Rotterdam. 2015. 49 p.

Статья поступила в редакцию 24.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 24.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 811.134.2

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-180

EDN: MVXAVM

Лингвопрагматические особенности женского речевого поведения в футбольном комментарии

Елена Вадимовна Закирова

Ассистент кафедры романской филологии, Волгоградский государственный социально-педагогический университет. 400005, г. Волгоград, проспект им. В. И. Ленина, д. 27

milok-fomka@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4204-8266>

Аннотация. В статье анализируются особенности речевого поведения женщины-комментатора в жанре футбольного комментария. На материале испанского языка рассматриваются средства фонетического, лексического, лексико-грамматического уровней языка, используемые испанскими и латиноамериканскими футбольными женщинами-комментаторами. Актуальность рассматриваемой в статье проблематики заключается в малой изученности гендерного аспекта жанров футбольного дискурса, а именно, жанра футбольного комментария. Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые рассматриваются особенности речевого поведения испаноязычной женщины-комментатора. В результате исследования удалось выявить ряд особенностей, присущих устному нарративу футбольного комментария испаноязычных женщин-комментаторов. На фонетическом уровне отмечается использование паузации, связанной с низким темпом нарратива. Комментаторы прибегают к использованию данного приема в ожидании наиболее важных событий на футбольном поле. На лексическом уровне отмечается использование слов-эмотивов (19 % от всех выявленных в ходе анализа фактического материала лексических средств), эпитетов (8 %), метафор (16 %), оценочных прилагательных (19 %), жаргонизмов (13 %), футбольной терминологии (25 %). На лексико-грамматическом уровне языка в речи женщин-комментаторов часто используются усилительные и уменьшительно-ласкательные суффиксы. На грамматическом уровне констатируется употребление простых предложений, отражающих краткость, логичность и конкретику в стиле женского комментирования. К грамматическим особенностям речевого поведения женщин-комментаторов относится также отсутствие инверсии. Прагматический фактор речевого поведения футбольного журналиста связан с комментированием футбольных матчей с позиций знатока, аналитика или критика. Языковая личность женщины-комментатора может быть ироничной и даже саркастичной, а использование метафор раскрывает данную черту.

Ключевые слова: языковая личность; гендерное речевое поведение; футбольный комментарий, фонетический уровень языка, лексический уровень языка, грамматический уровень языка, прагматический уровень языка

Для цитирования: Закирова Е. В. Лингвопрагматические особенности женского речевого поведения в футбольном комментарии // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 180–187. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-180>. <https://elibrary.ru/MVXAVM>

Original article

Linguopragmatic characteristics of female speech behaviour in football commentary

Elena V. Zakirova

Lecturer at the department of romance philology, Volgograd state socio-pedagogical university. 400005, Volgograd, Lenin avenue, 27

milok-fomka@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4204-8266>

Abstract. The article analyses a female commentator's speech behaviour in the football commentary genre. The author considers the linguistic means at phonetic, lexical, lexical-grammatical levels of the spanish language used by spanish and latin american female football commentators. The relevance of the problems in the article lies in the lack of gender studies in the genres of football discourse, namely, the genre of football commentary. The novelty of the study lies in the fact that it is the first to examine the specific speech behaviour of a spanish-speaking female commentator.

The study reveals a number of features inherent in the oral narrative of football commentary by spanish-speaking female commentators. The author notes the use of pausing at the phonetic level, which is associated with the slow pace of the narrative. Commentators resort to using this technique in anticipation of the most important events on the football field. The lexical level is characterised by the use of emotive words (19 % of all lexical means found in the course of the analysis), epithets (8 %), metaphors (16 %), evaluative adjectives (19 %), jargon terms (13 %), and football terminology (25 %). At the lexical-grammatical level, the speech of women commentators often contains intensifying and diminutive-hypocoristic suffixes. At the grammar level, the use of simple sentences that reflect brevity, logic and precision, together with lack of inversion, is common for women's commentary style. A pragmatic factor of a football journalist's speech behaviour is related to commenting on football matches from the position of an expert, an analyst or a critic. The linguistic personality of a female commentator can be ironic and even sarcastic, which is proved by the use of metaphors.

Key words: linguistic personality; gender speech behavior; football commentary, phonetic level of language, lexical level of language, grammatical level of language, pragmatic level of language

For citation: Zakirova E. V. Linguopragmatic characteristics of female speech behaviour in football commentary. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):180–187. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-180>. <https://elibrary.ru/MVXAVM>

Введение

Футбольный комментарий, как жанр футбольного дискурса, всегда отличался преобладанием комментаторов-мужчин, что можно объяснить историческими, культурными и социальными факторами. Традиционно футбол считался мужским видом спорта, поэтому сложились глубоко укоренившиеся стереотипы о гендерных ролях в футбольном мире, которые не позволяли женщинам комментировать футбольные матчи. Однако в последние годы увеличилось количество женщин-комментаторов, чей язык и речевое поведение отличаются от мужского, что, в свою очередь, может представлять определенный интерес для соответствующего раздела лингвистики, в фокусе внимания которого находятся гендерные аспекты языка и коммуникации [Малышева, 2011].

База исследования

Спортивному и футбольному дискурсам посвящен ряд работ таких исследователей, как А. Б. Зильберт, Л. Г. Кайда, С. А. Сергеев, К. В. Снятков. Футбольный дискурс отличается наличием разнообразных жанров, среди которых можно выделить футбольный комментарий. Специфика футбольного комментария рассматривается в работах В. В. Занозина, И. М. Панкова, А. В. Перетягко, А. О. Убушиева, В. Ю. Шульд. Языковая личность в целом и речевое поведение языковой личности спортивных и футбольных комментаторов исследуется в трудах К. В. Дудки, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, Е. Г. Малышевой.

В последние десятилетия появились работы зарубежных исследователей, целью которых яв-

ляется выявление особенностей женского речевого поведения (Р. Лакофф, М. Райт, А. Редондо).

Специфика женского речевого поведения анализируется в работах испанских лингвистов. Так, А. Редондо предлагает определение «женского нарратива». По ее мнению, «женский нарратив» – это нарратив, автором которого является женщина и которая демонстрирует признаки «женственности» [Redondo, 2009, p. 34]. В работах другого испанского ученого, К. Рiera, предпринята попытка описания особенностей, которые определяют женское письмо. К ним автор относит перифразы и эвфемизмы, чтобы избежать табу и грубых высказываний [Riera, 1982]. М. Райт, в свою очередь, утверждает, что «женщины в большей степени интуитивны, нежели аналитичны, и, если женщина отличается логичностью, это означает, что она обладает мужским умом» [Wright, 1936, p. 89].

Известный американский исследователь, Р. Лакофф, изучающий женскую речь в целом, утверждает, что женская лексика характеризуется «использованием слов интенсификаторов и форм, выражающих неуверенность, таких, как „я полагаю“, „я думаю“. Женская речь характеризуется также использованием „пустых“ прилагательных, не несущих в себе особого смысла, частой постановкой вопросов» [Lakoff, 1973, p. 45].

Цель. Целью данной статьи является выявление особенностей речевого поведения женщины-комментатора футбольного матча. Акцент сделан на языковые единицы, используемые женщинами-комментаторами на различных уровнях языка. Материалом для исследования послужили 6 футбольных матчей, хронометраж которых составил 540 минут.

Методы. Методологической основой для статьи послужили следующие методы: метод целенаправленной выборки для сбора фактического материала, в качестве которого выступают футбольные матчи чемпионатов Европы и Южной Америки; метод стилистического анализа для выявления системы выразительных средств, присутствующих футбольному комментарию; метод дискурсивного анализа для интерпретации содержания футбольного комментария.

Актуальность. Актуальность нашей работы заключается в малой изученности гендерной составляющей футбольного дискурса, а также речевого поведения женщины-комментатора во время футбольного матча. Гендерный подход, заключающийся в исследовании языка и коммуникации с учетом фактора пола [Дудка, Сабурова, 2016], может предложить уникальный взгляд на мир, в котором традиционно доминируют мужчины. Хотя женщины становятся частью футбольного мира, не многим из них удается получить признание и уважение со стороны коллег-мужчин в сфере футбольной журналистики.

Результаты исследования

В ходе анализа фактического материала мы пришли к выводу, что речевое поведение женщины-комментатора отличается спецификой на различных уровнях языка.

Так, на фонетическом уровне речевое поведение женщины-комментатора характеризуется наличием паузации. Комментаторы прибегают к использованию данного приема в ожидании наиболее важных событий на футбольном поле.

Рассмотрим примеры, в которых используется паузация.

El avance de Jover ... (Продвижение Ховера в исполнении – здесь и далее перевод наш, – Е. З.), la presión de Macri ... (Давление Марси). Otra vez jugando ... (Игра возобновляется). El lateral se lo va a dejar ... a Christensen (Игрок фланга отдаст мяч ... Кристенсену). Un surdo o un diestro para dar esta pelota (Левша или правша будет бить мяч).

Чтобы паузы не казались такими длинными, женщины-комментаторы прибегают к использованию повторов имен футболистов и их действий на футбольном поле.

El joven promesa, el joven diamante (Молодой человек надежда, молодой человек бриллиант). El rápido, el muy buen rápido de Embolo (Быстрая, очень быстрая передача от Эмболо). Lejos de su rendimiento, lejos de la vara (Далеко от цели,

далеко от штанги). Lo dejaron solito, lo dejaron respirar (Его оставили одного, его оставили в покое).

На лексическом уровне отмечаем использование слов-эмотивов (19 % от всех выявленных в ходе анализа фактического материала лексических средств), эпитетов (8 %), метафор (16 %), оценочных прилагательных (19 %), жаргонизмов (13 %), футбольной терминологии (25 %).

Речь женщин-комментаторов насыщена словами-эмотивами, как, например, fenomenal (феноменальный), impresionante (впечатляющий), espectacular (эффектный), barbaro (варварский) и другими.

Рассмотрим примеры использования слов-эмотивов в комментарии.

En una actuación **fenomenal** (В феноменальном исполнении). El **hermoso** momento (Красивый момент). **Espectacular** paso, se viene entonces el tiro libre peligroso (Эффектный ход, затем наступает опасный штрафной удар). Le pega una levantada **impresionante** (Он совершает впечатляющий подъем мяча). Zurdazo **barbaro** (Необузданный удар мяча левой ногой).

В следующем примере комментатор используется эмотивное выражение **de baile** le ha pegado (он ударил как в танце), чтобы подчеркнуть фееричность и энергичность футболиста, похожую на танец.

В речи женщины-комментатора нередко используются эпитеты, например, venenoso (ядовитый), triste (грустный), caliente (накаленный) и другие.

Приведем примеры из комментариев к футбольным матчам.

En zona **venenosa** (В ядовитой зоне). Esta **caliente** la partida (Накаленный матч). Una **triste** partida que lamenta todo el futbol argentino (Грустный матч, о котором жалеет аргентинский футбол).

В речи женщины-комментатора часто фигурируют метафоры. Рассмотрим примеры использования данного стилистического приема в конкретных ситуациях.

Por ahora **atados con cuerda** Suiza (Швеция перевязана веревкой). Данная метафора выражает безвыходное положение команды Швеции.

Tendra que sacar con **latigazo** azul australiano ... (Ему нужно будет достать австралийский хлыст). Женщина-комментатор говорит о хлысте синего цвета, как и форма игроков, который должен подгонять команду.

Atelito ante **la sombra** de Embolo que lo persigue atras (Ателито перед **тенью** Эмболо, который преследует его сзади). Данный пример отражает ситуацию на футбольном поле: один из футболистов преследует другого как «тень».

Se queda con el **sueno entre los guantes**, con el sueno australiano (Мечта ускользает от Австралии **сквозь пальцы**). В приведенном примере с помощью метафоры демонстрируется плачевное положение сборной Австралии, которая теряет последний шанс своего дальнейшего участия в чемпионате.

Анализ фактического материала показывает, что женщина-комментатор прибегает к использованию метафор морского диалекта.

Рассмотрим примеры.

La brujula de este equipo se cambia de frente (**Компас** этой команды меняет курс). Команда сравнивается с кораблем, который движется по компасу к намеченной цели.

Alli esta el hombre que **timonea** Suiza (Вот он мужчина, который стоит **за штурвалом** Швеции). С помощью метафоры комментатор подчеркивает функцию капитана команды, умело управляющего действиями игроков.

Агрессивный и даже воинственный язык традиционно считался мужским, но в футбольной сфере женщина-комментатор часто апеллирует к словам, имеющим агрессивный оттенок, например, *matar* (убивать), *rematar* (добить), *disparar* (застрелить) и т. д. Это объясняется тем, что футбол подразумевает некоторую агрессию в нарративе со стороны комментатора, даже если комментатор-женщина к ней не расположена.

Проиллюстрируем сказанное выше примером.

Empieza a **asfixiar** Dianamarca (Динамарка начинает **душить**). В данном предложении употребляется глагол «душить», который имеет агрессивный оттенок.

Как отмечалось ранее, речевое поведение женщины характеризуется наличием «пустых, бессмысленных» оценочных прилагательных. К данной категории можно отнести прилагательное «lindo» (милый, красивый, приятный), которое используется с не всегда сочетающимися с ним существительными.

Рассмотрим примеры.

Se ha puesto **linda** la clasificacion (Классификация стала **милой**). В приведенном примере прилагательное «милый» и существительное «классификация» образуют, на наш взгляд, странную комбинацию слов.

В других примерах мы видим, что лексема «lindo» придает некий оттенок фемининности футбольной терминологии.

Linda diagonal para... (**Красивая** диагональ к...). Que **linda** combinacion entre Rodriguez y Vargas (Какая **милая** комбинация между Родригесом и Варгасом). Un **lindo** momento del partido (**Приятный** момент матча). **Lindo** lujito de Memo (**Красивый** финт Мемо). **Linda** pelota (**Красивая** обработка мяча).

Отметим также, что по нашим наблюдениям прилагательное «lindo» используется в речи латиноамериканскими комментаторами и является отражением данной культуры, испанские женщины-комментаторы не прибегают к употреблению в своей речи данной лексемы.

В речи женщин-комментаторов встречаются слова-жаргонизмы.

Рассмотрим примеры.

Otra vez el **peaje** (Снова проход в **зону защитников**). Жаргонизм «peaje» переводится как «дорожная пошлина» и используется комментатором для описания незавершенной атаки футболистов.

Приведем другие примеры использования жаргонизмов.

El zurdo la **cachateo** (Левша **ударил** по мячу). Женщина-комментатор использует жаргонизм, который буквально переводится как «ударить по щеке», в ситуации, когда вратарь отбивает мяч ладонью.

Lujito (финт). Лексема «lujo» означает буквально «роскошь», на футбольном жаргоне данным словом называют финт, эффектную обработку мяча.

Va **tejiendo** (Он **обрабатывает** мяч, готовит передачу). Глагол «tejer» на русский язык можно перевести лексемой «вязать». Комментатор прибегает к данному жаргонизму, чтобы показать, как футболист тщательно обрабатывает мяч.

Следующий пример иллюстрирует ситуацию использования жаргонизма «peinar» (причесать).

Vargas llega a **peinarla** (У Варгаса получается **причесать** мяч). Комментатор описывает ситуацию на поле, когда футболист касается мяча головой, не сделав сильного удара, и этим очень точно передает ощущение данного удара.

В примере ниже мы отмечаем использование глагола «picar» (жалить), который также используется как жаргонизм в футбольной сфере.

Picar la de forma fantastica (Фантастический **удар** по мячу). С помощью данной лексемы

комментатор описывает движение стопы футболиста и удар по мячу, похожий на укол жалом.

Футбольная терминология в речи женщин-комментаторов не отличается разнообразием, в большинстве своем используются одни и те же термины, например, *servir de esquina* (пасовать с углового), *salir a la contra* (выходить в контратаку), *fuera del juego* (выйти из игры).

Рассмотрим использование футбольной терминологии в контексте футбольного комментария.

Saque de mano (касание рукой), pide **tiro de esquina** (он просит угловой), **lateral** (боковой), **centro delantero** (передний центр), **las lineas de pase** mas cercanas estan siempre cubiertas (ближайшие линии для прохода всегда закрыты), **las laterales** de Paris Saint-Germain se incorporan en ataque (игроки фланга Париж Сан-Жермена подключаются к атаке), **gambeta** (дриблинг), **cabeceador** (играющий головой), **el area australiano** ha plantado ... **gano de cabeza**, a **meter zancada** (быстро бежать с захлестом ноги).

На лексико-грамматическом уровне языка в речи женщин-комментаторов часто используются усилительные суффиксы такие, как *azo/isimo*.

Перейдем к примерам.

Pelotazo en largo (длинный мяч), **cabezazo** (удар головой), **Jugadisimo** (какая игра), **1 a 0 con golazo** de... (1-0 гол...), **el pelotazo largo** va... (дальний удар), **Derechazo** (мяч правой ноги), **Otra vez sera todo un pelotazo** (опять будет крутой мяч), **Gooolol golazoooloo** (гол).

Использование уменьшительно-ласкательных суффиксов (*ita/ito*) является отличительной чертой речевого поведения женщин-комментаторов Латинской Америки, которые используют их в большой степени, в отличие от испанских комментаторов, в силу различий вариантов языка.

Рассмотрим примеры.

Cerquita Ericson en el area (Эриксон находится близко к зоне); **Jovencitos** tiene esta seleccion (У этой команды молоденькие игроки); **donde bien parado** estaba Christense (где стоял Кристенсе); **exquisito** pie derecho de Erixon (какая хорошая правая нога у Эриксона); **Relojito** suizo (Швейцарские часики).

К грамматическим особенностям речевого поведения женщин-комментаторов мы относим отсутствие инверсии, что объясняется упорядоченностью и логичностью речи, средней скоростью нарратива, вследствие чего не возникает хаотичных мыслей, которые могли бы отразиться неверным порядком слов.

Отметим также, что с помощью простых не-распространенных и простых распространенных предложений женщина-комментатор дает описание базовых вещей, прибегает к поверхностному нарративу и не углубляется в детали.

Рассмотрим примеры.

Pisantez filtra, la tiene larga (Писантес обрабатывает, дальний удар). **Va a ser saque de mano para el ecuatoriano** (У эквадорца будет рука). **Liana pierde la pelota y la recupera** (Лиана теряет мяч и возвращает его). **Es increíble el cierre de la defensa ecuatoriana** (Невероятный блок эквадорской защиты).

Женщины-комментаторы часто позиционируют себя знатоками и высказывают свое мнение о происходящем на поле.

Проиллюстрируем сказанное выше фрагментом футбольного комментария.

A Dinamarca le falta un poco de peligro, Dinamarca es muy presicible (Дании не хватает опасности, Дания очень предсказуема). **Debe encender un poco el acelrador, debe apretar y poner un par de cambios mas** (Они должны нажать на газ, надавить и добавить несколько передач). **Le falta ritmo a Dinamarca** (Дании не хватает ритма).

В речи футбольных женщин-комментаторов чаще звучит положительная оценка игры, чем отрицательная.

El le pega bien tambien, eh? (Хорошо бьет, так ведь?). **Muy buena esa apertura de izquierda con Suiza** (Хорошее открытие слева для Швейцарии). **No le viene mal tampoco a Camerun** (Не так уж и плохо для Камеруна).

В процессе анализа речевого поведения женщины-комментатора мы пришли к выводу, что в некоторых случаях она предлагает решение тех или иных сложных для футболистов ситуаций на поле с позиции тренера команды, что отражается в использовании таких выражений, как: **si you fuera entrenadora, como entrenadora** (если бы я была тренером, я на месте тренера...).

Рассмотрим примеры.

Quizas como entrenadora probaria otra opcion, **quizas dejar salir un poco mas al Barca, no se** (Может быть, как тренер я попробовала бы другой вариант, возможно, позволила бы «Барсе» продвигаться немного больше, не знаю...). **Seria una Buena opcion si fuera entrenadora** de Paris Saint-germain (Был бы хороший вариант, сели бы я была тренером Пари Сан-Жермен).

Ранее мы уже ссылались на мнение Р. Лаккоф, которая выделяет в речи женщин слова, выражающие неуверенность, такие, как: «я полагаю»

«я думаю». В футбольной же сфере, согласно нашим наблюдениям, данные речевые обороты отражают экспертность журналиста и ее желание выразить свое мнение с помощью местоимений и форм глагола первого лица.

Проиллюстрируем сказанное примерами.

Creo que no es muy vistosa (Думаю, что она не очень яркая). **Me** encanta la actitud (мне нравится ее настрой). **Creo** que tambien el transcurso de los minutos va peor para ellas (Я думаю, что по истечении времени ситуация для них становится только хуже). Para **mi** no hay penal (Как по мне, это не пенальти). С помощью глагольных форм первого лица и соответствующих местоимений женщина-комментатор подчеркивает свою точку зрения.

Кроме того, отметим такую черту языковой личности женщины-комментатора, как критичность, способность оценивать и комментировать действия игроков как с положительной, так и с отрицательной точки зрения.

Перейдем к примерам.

El futbol danes por ahora no ha llegado **ni** a la mitad de que suele mostrar (Датский футбол не дошел ни до середины уровня того, что обычно показывает). В данном высказывании женщина-комментатор негативно высказывается о команде, намекая на их низкий уровень профессионализма.

Por ahora no puede hacerse de la pelota **ni** tampoco controlar los espacios (На данный момент он не может ни завладеть мячом, ни контролировать зону). В приведенном выше комментарии прослеживается острая критика со стороны комментатора, по ее мнению, футболист не может выполнить ни одну из своих функций на поле.

В следующем примере женщина-комментатор также негативно высказывается о таком базовом умении футболиста, как владение мячом.

Ni siquiera puede hacerse del balon (Он даже не может взять мяч).

При помощи таких лексем, как **falta** (нехватка), **flojo** (слабый), **apenas** (лишь), **tampoco** (тоже нет) комментатор выражает недовольство недостаточно высоким уровнем техники.

Приведем в качестве примеров фрагменты комментариев.

Por ahora construye y no golpea, **le falta** capitalizar bien corto (На данный момент он готовит подачу и не бьет, ему не хватает короткой передачи). Hay alguna dificultad en la **falta** de compaña» (Есть некоторая сложность в отсутствии сплоченности). Es un mundial muy **flojo** de

Dinamarca (Это очень слабый чемпионат мира для Дании). No ha demostrado argumentos para generar juego, **apenas** alguna buena realizacion pero escasa (Они не показали моменты для организации игры, **лишь** хорошо выполненная подача, но ее мало). No ha sido **tampoco** un buen partido para Erikson (Это был **не такой** уж хороший матч для Эриксона).

Аналитичность женщины-комментатора проявляется в доскональном анализе действий футболистов на поле. В следующих примерах наглядно демонстрируется речевое поведение комментатора-аналитика.

Esta planteando asi el partido Suiza, se para lo mas alto que puede pero en cuanto a recuperar la pelota empieza a adelantar la ultima linea contra su arco (Таким образом, Швейцария задает тон игре, она располагается как можно выше, но при овладении мячом команда прижимается к своим воротам). En cantidad de jugadas ha estado parejo aunque es notoria la superioridad de la tenencia del equipo suizo (По количеству игр они держались на одном уровне, хотя заметно превосходство швейцарской команды по владению мячом). Quiso salir con la suya a buscar el primer palo y no salio (Он хотел добиться своего и пробить по воротам, но у него не получилось). Dinamarca llega y no concreta (Дания начинает атаки, но не завершает их). La pelota para la zurda pero muy diestro (Мяч для левши, но футболист правша).

Языковая личность женщины-комментатора может быть ироничной и даже саркастичной, а использование метафор раскрывает данную черту.

Рассмотрим примеры.

Le Arruina la fiesta Australia (Он портит вечеринку Австралии). Комментатор говорит о том, что Австралия сместила Данию с позиции в списке команд и испортила «вечеринку», то есть благоприятную позицию в таблице лидеров.

Con ese resultado arma las vajillas y se va (С таким результатом им нужно собирать чемоданы и уезжать). В данном эпизоде женщина-комментатор замечает не без сарказма, что команда показывает плохие результаты в турнире и ей в нем не место.

Заключение

В заключении отметим, что языковая личность футбольного комментатора-женщины многогранна и совмещает в себе черты критика, аналитика, знатока, в зависимости от игровой ситуации на футбольном поле журналист прибегает к иронии и сарказму.

В результате исследования удалось выявить ряд особенностей, присущих речевому поведению испаноязычных женщин-комментаторов. На фонетическом уровне отмечается использование паузации, связанной с низким темпом нарратива. На лексическом уровне женщинами комментаторами используются слова-эмотивы (19 %), эпитеты (8 %), метафоры (16 %), прилагательное «красивый» (19 %), отмечается также употребление футбольной терминологии (25 %) и футбольных жаргонизмов (13 %). На лексико-грамматическом уровне нами выявлены слова с уменьшительно-ласкательным суффиксом *ito* и слова с усилительными суффиксами *azo/isimo*. Грамматический уровень речи испаноязычных женщин-комментаторов характеризуется наличием простых предложений, отражающих краткость, логичность и конкретику в стиле женского комментирования.

Библиографический список

1. Дудка К. В. Языковая личность комментатора в дискурсе спортивного комментария / К. В. Дудка, Н. А. Сабурова // Ученые заметки ТОГУ. Т. 7. № 3–2. 2016. С. 51–54.
2. Занозина В. В. Анализ жанровой специфики футбольного комментария на материале английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. № 2. 2022. С. 474–478.
3. Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами (проблемы интертекстуальности) // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 19. Москва, 2001. С. 103–112.
4. Кайда Л. Г. Стилистические ресурсы современного спортивного репортажа. Спорт в зеркале журналистики: (о мастерстве спортивного журналиста). Москва : Мысль, 1989. С. 110–126.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 264 с.
7. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. Языковое сознание (гендерная парадигма). Москва, 2003. 255 с.
8. Малышева Е. Г. Русский спортивный дискурс. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 323 с.
9. Панкова И. М. Языковая специфика футбольного комментария / И. М. Панкова, А. О. Убушиев // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: опыт молодых исследователей: сборник научных статей. Санкт-Петербург, 2024. С. 74–77.
10. Перетягко А. В. Культура спортивного репортажа в сфере футбола на испанском языке (на примере онлайн-комментария) // Россия и Запад: диалог культур : сборник материалов XXI международной научной конференции. 2020. С. 320–333.
11. Сергеев С. А. Виды и жанры зрелищных представлений спортивного дискурса // Политическая лингвистика. № 4 (100). 2023. С. 172–183.
12. Снятков К. В. Коммуникативно-прагматические характеристики телевизионного спортивного дискурса. Вологда, 2008. 224 с.
13. Шульц В. Ю. Телевизионная спортивная журналистика: этика футбольного комментария // Академия педагогических идей. Новация. Серия: Студенческий научный вестник. № 5. 2018. С. 267–275.
14. Aurela Carranza Evolución de los estudios de Lenguaje y Género: valoración crítica en torno al método empírico y los condicionantes socioculturales. Universidad de Sevilla. 2013. P. 27–48.
15. Redondo G. Mujeres y narrativa. Otra historia de la literatura, Madrid, 2009. 296 p.
16. Robin L. Language and Woman's Place. Language in Society, Vol. 2, No. 1. 1973. P. 45–80.
17. Riera C. Literatura femenina ¿un lenguaje prestado? 1982. P. 9–12.
18. Wright Milton The Art of Conversation: and how to apply its techniqueS. 1936. 304 p.
19. Suiza vs Camerun Mundial Qatar. Audio Completo Relato Lola Del Carril. 2022. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2Fpp22UG1MjoU%3Fsi%3DOrmQuoa_VYGhaOJZ&cc_key=\(дата обращения: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2Fpp22UG1MjoU%3Fsi%3DOrmQuoa_VYGhaOJZ&cc_key=(дата%20обращения%3A%2001.07.2024))
20. PSG – FC Barcelona (UEFA Women Champions League) 1-0. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fvideoplay%3Fsi%3DQVWC0JCPV0nL36s6&cc_key=\(дата обращения: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fvideoplay%3Fsi%3DQVWC0JCPV0nL36s6&cc_key=(дата%20обращения%3A%2001.07.2024))
21. Colombia vs Ecuador en vivo. Amistoso internacional. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fvideoplay%3Fsi%3DI78Q1OaNV5LJ4tKn&cc_key=\(дата обращения: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Fvideoplay%3Fsi%3DI78Q1OaNV5LJ4tKn&cc_key=(дата%20обращения%3A%2001.07.2024))
22. Australia vs Dinamarca Mundial Qatar. Audio Completo Relato Lola Del Carril. 2022. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2FfJLtmoxTipw%3Fsi%3DIq8h6fwzY2G6PQRV&cc_key=\(дата обращения: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2FfJLtmoxTipw%3Fsi%3DIq8h6fwzY2G6PQRV&cc_key=(дата%20обращения%3A%2001.07.2024))

Reference list

1. Dudka K. V. Jazykovaja lichnost' kommentatora v diskurse sportivnogo kommentarija = A commentator's linguistic personality in the discourse of sports commentary / K. V. Dudka, N. A. Saburova // Uchenye zametki TOGU. T. 7. № 3–2. 2016. S. 51–54.
2. Zanozina V. V. Analiz zhanrovoy specifiky futbol'nogo kommentarija na materiale anglijskogo jazyka = Genre specificity analysis of football commentary in the English language // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. T. 15. № 2. 2022. S. 474–478.
3. Zil'bert A. B. Sportivnyj diskurs: točki peresečenijsa s drugimi diskursami (problemy intertekstual'nosti) = Sports discourse: points of intersection with other discourses (intertextuality problems) // Jazyk, soznanie, kommunikacija. Vyp. 19. Moskva, 2001. S. 103–112.

4. Kajda L. G. Stilisticheskie resursy sovremennogo sportivnogo reportazha. Sport v zerkale zhurnalistiki: (o masterstve sportivnogo zhurnalista) = Stylistic resources of modern sports reportage. Sport in the mirror of journalism: (on the skill of a sports journalist). Moskva : Mysl', 1989. S. 110–126.
5. Karasik V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = The linguistic circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 2002. 477 c.
6. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and the linguistic personality. Moskva : Nauka, 1987. 264 s.
7. Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. Jazykovoe soznanie (gendernaja paradigma) = Gender: linguistic aspects. Linguistic consciousness (gender paradigm). Moskva, 2003. 255 c.
8. Malysheva E. G. Russkij sportivnyj diskurs = Russian sports discourse. Omsk : Izd-vo Omskogo gos. un-ta, 2011. 323 c.
9. Pankova I. M. Jazykovaja specifika futbol'nogo kommentarija = Language specificity of soccer commentary / I. M. Pankova, A. O. Ubushiev // Aktual'nye problemy teoreticheskoy i prikladnoj lingvistiki: opyt molodyh issledovatelej: sbornik nauchnyh statej. Sankt-Peterburg, 2024. S. 74–77.
10. Peretjat'ko A. V. Kul'tura sportivnogo reportazha v sfere futbola na ispanskom jazyke (na primere onlajn-kommentarija) = The culture of football sports reportage in Spanish (online commentary) // Rossiya i Zapad: dialog kul'tur : sbornik materialov XXI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. 2020. S. 320–333.
11. Sergeev S. A. Vidy i zhanry zrelishhnyh predstavlenij sportivnogo diskursa = Types and genres of entertainment performances in sports discourse // Politicheskaja lingvistika. № 4 (100). 2023. S. 172–183.
12. Snjatkov K. V. Kommunikativno-pragmaticheskie harakteristiki televizionnogo sportivnogo diskursa = Communicative and pragmatic characteristics of television sports discourse. Vologda, 2008. 224 s.
13. Shul'c V. Ju. Televizionnaja sportivnaja zhurnalistika: jetika futbol'nogo kommentarija = Television sports journalism: the ethics of football commentary // Akademiya pedagogicheskikh idej. Novacija. Serija: Studencheskij nauchnyj vestnik. № 5. 2018. S. 267–275.
14. Aurela Carranza Evolución de los estudios de Lenguaje y Género: valoración crítica en torno al método empírico y los condicionantes socioculturales. Universidad de Sevilla. 2013. P. 27–48.
15. Redondo G. Mujeres y narrativa. Otra historia de la literatura, Madrid, 2009. 296 p.
16. Robin L. Language and Woman's Place. Language in Society, Vol. 2, No. 1. 1973. P. 45–80.
17. Riera C. Literatura femenina ¿un lenguaje prestado? 1982. P. 9–12.
18. Wright Milton The Art of Conversation: and how to apply its techniques. 1936. 304 p.
19. Suiza vs Camerun Mundial Qatar. Audio Completo Relato Lola Del Carril. 2022. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2Fpp22UG1MjoU%3Fsi%3DOrmQuoa_VYGhaOJZ&cc_key=\(data obrashhenija: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2Fpp22UG1MjoU%3Fsi%3DOrmQuoa_VYGhaOJZ&cc_key=(data+obrashhenija:01.07.2024))
20. PSG – FC Barcelona (UEFA Women Champions League) 1-0. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Flive%2FAOmwlKTSbuo%3Fsi%3DQVWC oJCPV0nL36s6&cc_key=\(data obrashhenija: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Flive%2FAOmwlKTSbuo%3Fsi%3DQVWC oJCPV0nL36s6&cc_key=(data+obrashhenija:01.07.2024))
21. Colombia vs Ecuador en vivo. Amistoso internacional. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Flive%2FH_Ox8lR8PEY%3Fsi%3Dl78QlO aNV5LJ4tKn&cc_key=\(data obrashhenija: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fwww.youtube.com%2Flive%2FH_Ox8lR8PEY%3Fsi%3Dl78QlO aNV5LJ4tKn&cc_key=(data+obrashhenija:01.07.2024))
22. Australia vs Dinamarca Mundial Qatar. Audio Completo Relato Lola Del Carril. 2022. URL: [https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2FjFLtmoxTipw%3Fsi%3DIq8h6fwzY2G6PQRV&cc_key=\(data obrashhenija: 01.07.2024\)](https://vk.com/away.php?to=https%3A%2F%2Fyoutu.be%2FjFLtmoxTipw%3Fsi%3DIq8h6fwzY2G6PQRV&cc_key=(data+obrashhenija:01.07.2024))

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 25.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Языки народов зарубежных стран (германские языки)

Научная статья

УДК 181.11-112

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-188

EDN: NSSVMK

Пропагандистский дискурс Третьего рейха и креолизация текстов нацистской прессы

Сергей Иванович Дубинин

Доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34
dubinin.si@ssau.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Аннотация. Данная статья посвящена критическому рассмотрению практик использования приемов креолизации в текстах нацистской прессы 1930-х гг. на этапе становления и утверждения тоталитарного режима в Третьем рейхе. Наряду с типошрифтами (комбинации готики, неоготики, антиквы, курсива) и паралингвистическими средствами это были разнообразные апробированные в «период борьбы» практики визуальной пропаганды, в частности плакатность в стиле «боевых листов», рисунки, карикатуры, а также приемы верстки и колористика. В качестве материала использован тандем двух старейших, разноформатных и отличавшихся своими установками центральных изданий нацистской партии в газетном и в журнальном форматах: ежедневная газета «Völkischer Beobachter (VB)» и иллюстрированный журнал-еженедельник «Illustrierter Beobachter (IB)». На основе сочетания сравнительного контент-анализа двух этих репрезентативных источников с рассмотрением сопряженных с их версификацией в 1930-е гг. дискурсивных практик, актуальной языковой ситуации и установок конкретных акторов печатных медиа (авторы, иллюстраторы, редакторы, кураторы) реконструируются ключевые пропагандистские медиастратегии в прессе Третьего рейха. Использование лексико-семантического подхода при исследовании ключевых нацистских идеологем в периодике, связанных с базовой агрессивной медийной политикой нацизма 1930-х гг., прецедентных слоганов и номинаций (названия пресс-изданий) дополняет анализ данных источников, определяемых во многих своих чертах как мультимодальные. Выявлено, что первоначальная успешность нацистской прессы в индоктринации общества Германии в 1933–1939 гг. на этапе становления и укрепления режима обеспечивалась синтезом в пропагандистской массовой печати креолизации и поликодовости текстов.

Ключевые слова: Третий рейх; пропагандистский дискурс; типошрифт; пресса; готика; антиква; визуальность; идеологемы; креолизация; поликодовость

Для цитирования: Дубинин С. И. Пропагандистский дискурс Третьего рейха и креолизация текстов нацистской прессы // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 188–199. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-188>. <https://elibrary.ru/NSSVMK>

Languages of foreign countries (germanic languages)

Original article

Propagandistic discourse of the Third reich and the creolized texts in the nazi press

Sergey I. Dubinin

Doctor of philological sciences, professor at the department of german philology, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34
dubinin.si@ssau.ru, <http://orcid.org/0000-0002-6248-9812>

Abstract. This article focuses on critical consideration of using creolization techniques in the nazi press texts of the 1930s, at the time when the totalitarian regime in the Third reich was being established. Along with typographic fonts (combinations of gothic, neo-gothic, antiqua, italics) and paralinguistic means, these techniques included a variety of visual propaganda practices tested during the «period of struggle», in particular the «battle sheet» style of posters,

drawings, cartoons, as well as layout and coloring techniques. The source material is a tandem of the two oldest central publications of the Nazi Party in newspaper and magazine formats famous for their attitudes: the daily newspaper «Völkischer Beobachter (VB)» and the illustrated weekly magazine «Illustrierter Beobachter (IB)». By combining a comparative content analysis of these two representative sources with examination of the discursive practices associated with their versioning in the 1930s, the current linguistic situation and the attitudes of particular print media actors (authors, illustrators, editors, curators), key propaganda media strategies in the press of the Third Reich are reconstructed. The use of lexical-semantic approach in studying the key Nazi ideologemes in periodicals related to the Nazi basic aggressive media policy in the 1930s, the use of precedent slogans and nominations (names of press publications) complements the analysis of these sources, which are defined as multimodal. The author concludes that the initial success of the Nazi press in indoctrination of German society in 1933–1939 at the stage of establishing and strengthening the regime was ensured by the synthesis of creolization and polycode texts in the propagandistic mass press.

Key words: The Third Reich; propagandistic discourse; typographic fonts; the press; gothic; antiqua; visuality; ideologemes; creolization; polycode text

For citation: Dubinin S. I. Propagandistic discourse of the Third Reich and the creolized texts in the Nazi press. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):188–199. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-188>. <https://elibrary.ru/NSSVMK>

Введение

Креолизация как процесс создания и функционирования текстов, комбинирующих взаимодополняемые вербальные (текстовые) и невербальные (визуальные) элементы, стала объектом многоаспектного изучения. Состоящий из единиц различных знаковых систем креолизованный текст, его комплексный «образ» – основное средство речевого воздействия и создания коммуникативного «напряжения / ожидания» во многих дискурсах. Решающим результирующим фактором являются параметры вербальной / невербальной составляющих текстов, специфика, объем их сочетания. Вербально представленная информация влияет на сознание реципиента рациональным путём, а использование, например, паралингвистических средств переводит восприятие на уровень подсознания, изначально вызывая «доверие». Визуальный образ в тексте, его косвенная трансляция повышают восприятие, а креолизованный текст реализует один из способов манипуляции сознанием его реципиента [Креолизованные тексты, 2017, с. 5].

В истории немецкого языка анализ текстовой креолизации нередко проецируются на языковую ситуацию в Германии периода господства тоталитарного нацистского режима [Дубинин, 2024, с. 133]. Исследователи подчеркивают близость «языка национал-социализма» к рекламе, эклектику агрессивной стилистической прагматики в стратегии «одурманивания» массового сознания с использованием средств креолизации текстов [von Polenz, 1978, s. 164]. Принципами тотальной нацистской пропаганды, проникавшей благодаря опоре на мощные визуально-эмоциональные по-

сылы во все сферы жизни, были простота, эмоциональность, размах, концентрация, доступность и повторяемость ее контента.

Агрессивная визуальность и креолизация, взаимодействие текстов и изображений при передаче смыслов как ключевые элементы коммуникации изначально присущи «дискурсам воздействия» и медиа Третьего рейха. Семиотика изображения помогала пропагандистам-идеологам усилить эмоциональное давление на аудиторию, «адаптируя» сообщаемое для разных социумов. Креолизация текстов нацистской прессы делала их доступными, запоминающимися, эффективными в передаче «нужной» информации. Пропагандистское упрощение пресс-контента для массового потребления имело целью манипуляцию общественным мнением, а креолизация стала идеологическим маркером дизайна медиатекстов: это ассоциируемые с нацистской субкультурой/идеологией шрифты, изображения, цвета.

Важное место в нацистской пропаганде и в индоктринации общества заняла графика. Это отразилось в заострении «графического спора: фрактура против антиквы», в объявлении фрактуры (готики) «народным письмом», позиционирование ее в образовательной системе и печати Третьего рейха [Дубинин, 2004, с. 135]. Языковая политика как воплощение политического дискурса национал-социалистов не обрела с их приходом к власти в 1933 г. оригинальности как программа «языкового изменения», имея форсировано эклектичный, провокативный и ситуативно «экзотический» характер. «Противостояние» готики и антиквы обозначилось еще в политике «онемечивания» в Германской империи на

рубеже XX века, но изначально графический дизайн печати содействовал лишь нацистской стратегии «национал-пуризма» [von Polenz, 1998, s. 162; Филичева, 1992, с. 164].

В дальнейшем нацисты использовали типографику как инструмент визуальной коммуникации при формировании «идеологических посланий». Шрифты выполняли в дискурсе пропаганды Третьего рейха эстетико-идеологическую функцию, служа средством формирования образа власти, подчеркивая «германский дух», внедряя в массовое сознание нацистскую символику. Готика противопоставлялась «космополитичным» антиквенным шрифтам как элемент тоталитарного дизайна: ее монументальность и модификации должны были отражать связь с «германским прошлым» и милитаристскую эстетику. Это, например, созданный в 1934 г. массивный неоготический гротескный шрифт Tannenberg маркировал дискурс агитации, контрастные цвета (красный, чёрный, белый) усиливали воздействие. Комбинация готики и современных шрифтов без засечек (гротески) подчёркивала связь традиции и «прогресса» режима [Дубинин, 2024, с. 139].

Целью данного исследования является критический анализ стратегий и потенциала креолизации центральной нацистской прессы на примере крупнейших периодических изданий Национал-социалистской немецкой рабочей партии (НСНРП) (мы используем сокращение (аббревиатуру) перевода названия Национал-социалистской немецкой рабочей партии (Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei / NSDAP) как НСНРП вместо принятой транслитерации немецкой аббревиатуры НСДАП, обозначение «социалистский», а не «социалистический» в отношении немецкого нацизма). 1933–1939 гг., (становление нацистской диктатуры и тоталитарного режима). Наглядно сравнение графического аппарата и средств креолизации нацистской прессы, употребления готики/неоготики в заголовках, титулах, названиях, слоганах, лидах (аннотации, «шапки» статей и новостей и др.), рубрикаторах и текстовой части центральной печати (газеты, журналы) Третьего рейха. Важен также учет идеологического контекста, связанных с дискурсом нацистской печати идеологем.

Материал исследования – центральные издания 1930-х гг.: газета «Völkischer Beobachter» и журнал «Illustrierter Beobachter» как репрезен-

танты пропагандистского и квазиинформационного дискурсов прессы нацизма.

Методы исследования в опоре на лингвокультурный комментарий сочетали контент-анализ, рассмотрение дискурсивных практик в печатных медиа и лексико-семантический подход.

Институциональность дискурса нацистской прессы

Дискурс нацистской прессы относится к институциональному статусно-ориентированному типу с ярко выраженной акциональностью [Миры дискурса, 2015, с. 9]. Роль периодики в политике и пропаганде нацисты изначально считали ведущей, поэтому структуры, функционал, акторы, информационная база СМИ подчинялись аппарату НСНРП и становящегося нацистского государства. Для контроля над печатными медиа и усиления их манипулятивного потенциала использовались как апробированные ресурсы «периода борьбы», так и новые сценарии [Braun, 2004].

С 1933 г. печатная (техническая) практика и профессиональная деятельность журналистов и редакторов подверглись «Gleichschaltung» («унификация, приобщение, вовлечение»). Идеологему ввело в лексический узус нацизма рейхсминистерство юстиции, заимствовав композит из терминосферы релейной электротехники с исходным значением «состыковывать» [VNS, 2007, s. 277]. Вовлечение в нацистское управление проецировалось на идеологию, политику, пропаганду в медиа для создания самоконтролируемого и лояльного к режиму, обезличенного общества, следующего указаниям правящей НСНРП. Прессу как носительницу «новых общественных задач» подвергли централизации, иерархизации и партийно-государственному контролю.

Сверхконтроль прессы осуществлялся через профессиональные объединения. Имперский профсоюз прессы был подчинен возглавляемому Йозефом Геббельсом (шеф отдела пропаганды НСНРП, дублирующего эту деятельность) рейхсминистерству народного просвещения и пропаганды и его координационно-цензурному отделу, преобразованному в службу внутригосударственной прессы [ENS, 1997]. Одноименный отдел возник в созданной Геббельсом профорганизация творческих работников (Имперская палата культуры). Ее президентами были курировавшие «унификацию» печати рейхслайтеры: изначально Макс Аманн, директор центрального партиздательства «Franz-Eher-Verlag», затем его

заместитель Отто Дитрих, куратор по вопросам информации и связи с общественностью, шеф имперской пресс-службы, пресс-секретарь НСНП, Гитлера и правительства. Аналогичный пост в ведомстве Геббельса занял обергруппенфюрер и глава пресс-службы СА Вильгельм Вайс, шеф «Ассоциации немецкой прессы».

Разветвленный надзор воплотился в создание отделов прессы и пропаганды в дочерних организациях НСНП, структуры и контрольно-исполнительная система которых подчинялись ее директивам. Установился сценарий ежедневных пресс-конференций / релизов при министерстве Геббельса – главного инструмента однопартийного влияния. Практика «*Tagessparole*» («клозунг дня») предъявила требования к стилю текстов и заголовков, тематике передовиц, запрещая упоминать некоторые факты и определив концепцию подачи информации.

Вместо *Journalist*, *Chefredakteur* были узаконены обозначения *Schriftleiter*, *Hauptschriftleiter* с требованием их арийского происхождения: «новые редакторы» вышли из подчинения издательств как государственные исполнители. Триумвират – имперские палаты прессы и культуры и министерство Геббельса как главная фигура политруководства контролировал прессу через «списки» редакторов. Переподготовку кадров обеспечила подведомственная Геббельсу «школа прессы». Журналистов обязали состоять в НСНП, утвердив ротацию издательско-редакторского корпуса, протекционизм для «старых бойцов» [VNS, 2007, s. 26].

Монополизация информационной базы Третьего рейха превратила прессу в инструктирующую силу. По инициативе Дитриха возник орган внутренней пресс-службы НСНП (RPS / Reichspresstellen) – цензор, дававший информационные установки редакциям партийной печати. Захватив информ-пространство печатных медиа, нацистская пресса прекратила сотрудничество с гражданскими информ-агентствами в ориентации на «RPS», курировавшей ранее издания и пресс-службы парторганизаций. Прекратили существование независимые информ-агентства, замененные подчиненным Геббельсу и отчасти Дитриху «DNB / Deutsches Nachrichtenbüro». Контроль прессы осуществляло и подразделение высшего административно-управленческого учреждения партаппарата – штаб зампреда НСНП рейхслайтера, рейхсминистра без портфеля Рудольфа Гесса, обеспечивая единое информ-пространство.

Массированное партийно-государственное строительство укрепило перекрестный надзор нацистской печати. Некоторые рейхслайтеры как высшие функционеры-руководители управлений и формирований НСНП, контролируя прямо или косвенно прессу, иногда были рейхсминистрами и (со-)редакторами медиа. Посредником между прессой и ведомством Геббельса был начальник новостного отдела. Центральная, местная партийная и околопартийная пресса выстроились в иерархии подобно пирамиде НСНП по территориальному принципу.

В идеологическом воздействии на прессу Третьего рейха особое место занял рейхслайтер Альфред Розенберг, влиятельнейший идеолог-теоретик и пропагандист НСНП, автор ключевых понятий нацизма. Он был уполномоченным по контролю НСНП за духовно-мировоззренческим воспитанием (*Beauftragter des Führers für die Überwachung der gesamten geistigen und weltanschaulichen Schulung/Erziehung*), создав ведомство с пресс-отделом и акцентируя работу по воспитанию нацистской элиты.

Ключевая фигура управления прессой Аманн – президент Имперской палаты печати, председатель Немецкого союза издателей газет и его команда аккумулировали финансово-управленческий ресурс. Журналисты и издатели обязывались вступать в выдававшую лицензии палату печати. В 1935 г. нацисты издавали 138 газет и 205 региональных приложений тиражом 4 млн. экземпляров (более 20 % общенемецких тиражей) [Штыркина, 2011, с. 43]. Партийные печатные СМИ юридически принадлежали центральному издательству «*Eher-Verlag*» Аманна, основателя «империи партпрессы», на которую приходилось 80 % тиражей периодики. Собственностью выпускавшего около 40 единиц крупной периодики холдинга в 1937 г. были 54% газет.

Технически львиную долю печати партийной периодики осуществляло книготорговое мега-издательство «*Buchgewerbehaus M. Müller & Sohn*», с которой через «*Eher Verlag*» пресса НСНП сотрудничала в 1920-е гг. Его глава Адольф Мюллер был дружен с Гитлером, монопольно печатая массовыми тиражами его «*Mein Kampf*». Благодаря нацистским заказам это предприятие стало спонсировавшим НСНП типографским концерном.

Превращение прессы в стратегии «созидательной пропаганды» в объект политики «унификации» усилило позиции как ее ядра партизаний, составлявших до 1933 г. менее 3 % тира-

жей газет. «Kampfpresse» (боевая пресса) НСНПП 1920-х – начала 1930-х гг., служившая целям пропаганды, внутрипартийного информирования и подготовки членов, обналичилась как государственная. Этот переход курировал Дитрих, используя параллельно акциям Геббельса установочные пресс-конференции. Партокруга (Gaue) повысили статус как государственно-административные единицы, а гауляйтеры усилили влияние в пропаганде и медиа. Почти повсеместные окружные газеты (Gau-Zeitungen) (40 в 1938 г.), интегрируясь в окружных издательствах, объявляли себя новостными госизданиями (Staatsanzeiger).

Мониторизация прессы приобрела в 1930-е гг. разнообразные формы. Организовывались «Недели прессы» с участием членов СА, СС и дочерних организаций НСНПП. Почтовое министерство обязали рекламировать и распространять национал-социалистскую прессу, его работников читать эти издания, а циркуляр МВД проецировал это требование на всех госчиновников. Практика по устранению «скандальной прессы» означала чистку «недостойных» издательств, вылившихся в их огосударствление, запреты на профессию и контроль содержания печати.

Маркетинг нацистской периодики наполнялся наряду с контрольными и пропагандистскими мероприятиями различными пиар-сценариями: «Недели национал-социалистической прессы», регулярные рекламные акции для широких масс. Интерактивные практики типа чтения газет вслух на собраниях СА и СС превратило тексты прессы в перформанс. В конце 1936 г. было объявлено о завершении «унификации» медиа и о создании «gleichgeschaltete Presse». Цитаделью прессы НСНПП стал знаменитый «газетный квартал» столицы (Berliner Zeitungsviertel) [Штыркина, 2011, с. 47].

Нацистская пресса: контент – визуальность – прецедентность

Благодаря прессе нацисты семиотически «присвоили» ментальное пространство Германии, пропагандистски укрепив идеологическую гегемонию через систему значимых ценностей / объектов «культурного ландшафта» в воздействии на массовое сознание [Хлопов, 2021, с. 112]. С завершением «этапа борьбы» содержание, оформление, текстовая фактура нацистской прессы упорядочились, отвечая задачам влияния в стратегии нацизации общества и стабилизации режима. Газеты и журналы Третьего рейха до-

полняли друг друга, обеспечивая целевое оперативно-повседневное «информирование» широких масс, глубокое идеологическое давление на разные слои / группы населения через свою аналитику, особые нарративы, фальсификацию информации, детализацию нужных сведений.

Ассоциативное единство контента нацистской прессы формировалось с целью тотального пропагандистского влияния на читателей. Текстовой и визуальный элементы креализации активно и изобретательно использовались в дискурсе печатных медиа. Прессу отличало применением традиционных средств первичной (технической) креолизации текста: графика, шрифты, кегль, колористика, интервалы, разметка, издательский размер листа (октав, альбомный, книжный, малый форматы), гибридизация (элементы рекламы, указатели и др.). Возник стандарт визуализации контрастного оформления печати в стиле плаката: броский заголовок (чаще в символике черно-красной гаммы), варьирование шрифта с доминированием готики (фрактуры), крупное экспрессивное выделение (обжирнение, петит, разрядка).

Особую роль в печатных нацистских медиа играл заголовочный комплекс как монолитный «рекламный блок». Пресса НСНПП титульно маркировалась визуальным нацистским кодом – изображением партийного орла со свастикой, бывшим до 1936 года национальным гербом Третьего рейха до смены конфигурации на правый поворот головы государственного геральдического орла Hoheitszeichen («знак власти»). Символ ассоциировался с Hoheitsträger der NSDAP («носители властных прав от НСНПП») – субъектами государственно-партийного лидерства: вождь партии, гауляйтеры, партруководители [VNS, 2007, s. 313]. Эти паратекстуальные символы включалось в дизайн нацистских газет для быстрой идентификации.

Массивные заголовочные комплексы партпрессы с неграфическими элементами (орлы, венки, гирлянды, военная атрибутика, колонны, рамки) ассоциировались со штандартами подразделений НСНПП. На титулах изображали «Кровавое знамя» (Blutfahne), символ путча 1923 г., культовый атрибут власти и «движения», ритуально закрепившийся за СС [VNS, 2007, s. 113]. Используясь на парадах, партсъездах и церемониях «освящения флагов» организаций (Fahnenweihe), оно было прототипом государственного флага, штандартов организаций НСНПП, перекочевав в заголовки их прессы.

Вербальный контекст нацистской символики в прессе доминантно выражался различными лозунгами согласно экстремистской традиции «движения» [Ворошилова, 2016, с. 150]. Утвердились «витринные» средства массовой визуализации и маркетинга партпрессы (Ständer, Außen-austellungen, Schau- / Zeitungsfenster, Kioske) и пресс-плакаты как анонсы выпусков. Подобно учебной печати используемая в подготовке пропагандистов и кадровиков НСНРП пресса оформлялась подшивками (Sammelmappen).

В нацистской периодике 1933–1939 гг., не смотря на «монотонность» содержания, оформление согласно лабильной «политике шрифтов» не было однотипным: текст и графика сливались в единый пропагандистский нарратив. Стандарты печати изменились: размер шрифта значительно увеличился, тексты «новой прессы» стали разнороднее, использовались цвета – в основном красный («партийный») и черный. В. Клемперер саркастически замечал, что «газетчики Третьего рейха <...> все более щедро употребляли все более жирные заголовки и все чаще отбрасывая артикль перед выпячиваемыми существительными» [Клемперер, 1998, с. 128].

Выпячивание в визуальной пропаганде фрактуры, превращение ее в нарочитый «графический маркер» нацизма играло регулирующую роль, влияя на восприятие текстов прессы. Но это нарушало баланс принципов, визуальнорекламный эффект и потенциал типографики, которая позиционирует использование нескольких шрифтов, графический дизайн для создания понятного восприятия, транслирования различных текстов и оптимизацию чтения. Эффект разнообразия шрифтов в печати учитывался акторами нацистского издательского дискурса. Наряду с фрактурой с 1933–1934 гг. в оформлении прессы стала популярной псевдоготика, особенно в заголовках газет (Zeitungskopf) и рубриках как стилизованный, «улучшенный» вариант традиционной фрактуры [Дубинин, 2024, с. 134]. Индоктринальное однообразие содержания печати коррелировало с лабильной векторной политикой типошрифтов: доля фрактуры в печати в 1930-е гг. не превысила 50–60 %, преобладая в прессе. Готика/неоготика использовались показательно, выделяясь петитом в сегментах текста (заголовков, рубриков, слоган) в стиле плакатов НСНРП 1920-х гг.

Отражала ли типографика нацистской прессы идеологический дискурс, или была дизайнерским приемом, эстетизацией визуальных предпочте-

ний лидеров режима и акторов медиа-дискурса? Особого визуального (художественного) национал-социалистического стиля предметного формообразования не существовало. Эту «форму» определяла функция, в частности актуально-политическая, привнося «нацистскую стилистику». Типографика как проекция этой «стилистики» в СМИ была арт-практикой в контексте нацизации, воплотив в идеологии НСНРП симбиоз консервативных идей и установок на «обновление» [VNS, 2007, s. 361].

Приближенная к плакатной печати типографика нацистской прессы не была лишь средством текстового выделения. Графические особенности текстотипов в дискурсах Третьего рейха, отразив установки нацистов на «правильную графику», поиск «графического бренда» воплотили идеологические стратегии единого выразительного шрифтового оформления [Вульф, 2003, с. 216–218]. Как элемент креолизации текстов это сочеталось с и ненормированным использованием традиционных графо-стилистических средств печати (параграфика): курсив, знаки препинания, факультативные кавычки, тире, инициалы, капитализация и др. [Клемперер, 1998, с. 17].

Продвижение печатной готики вписывалось в антисемитскую политику режима, реализуемую в «этнических чистках» владельцев прессы, сотрудников редакций, авторов, оформителей. В качестве акта антисемитской стигматизации Геббельс в 1937 г. запретил «еврейским издательствам» использовать фрактуру в печати: антиква стала косвенным маркером «неарийскости» их продукции [Харькова, 2008, с. 72–73].

Шрифтовой дизайн нацистской прессы разнообразился и рукописной готикой, разнообразностью «национального шрифта» Sütterlin-Schrift (шрифт Зюттерлина), ставшим с 1935 г. нормативным почерком в школе. Этот формат курсива использовался визуально в 1930-е гг. в уличных надписях, рекламе, на обложках книг, открытках, в нацистских плакатах и прессе [Дубинин, 2024, с. 131]. В радикальных нацистских изданиях встречались также и неграфические символы – руны [Клемперер, 1998, с. 178].

Важную роль играла приверженность нацистов формату «Kampfblätter», таблоидов и малоформатной прессы. Эту продукцию отличала особая креолизация: обилие броских иллюстраций, фотографий, рисунков, визуальный нарратив (шаржи, карикатуры, комиксы). Часто эти «неправильные» по форме элементы доминировали над текстом по отводимой площади листа.

Семиотически это ассоциировалось с «Kampfzeit» («период борьбы») 1918–1933 гг., позиционированием нацизма как «Bewegung» (движение), героизацией прецедентных имен/образов. С 1933 г. стратегией стало продолжение «Zeit der Kämpfer / Einsatzbereitschaft» («время борцов/боеготовность»), оформления «Kampfsgemeinschaft» («боевое сообщество») и «kämpferisch» («боевитый») – свойства национал-социалиста в проекции и на читателей как приверженцев нацизма [VNS, 2007, s. 346].

В ранних партийных «боевых листках» упрощенный, клишированный журналистский стиль тяготел не к информативности, а к агитационной эмоциональности. В газетах НСНПП «военная, спортивная и деловая стилевые тенденции сливались, придавая речи четкую лаконичность» [Клемперер, 1998, с. 128]. Количество слов на страницу снизилось, переключая долгое вдумчивое чтение на быстрое. «Боевые листки» отличал малый объем статей (1000 символов), позволяя ознакомиться с ними за короткое время в технике «неглубокого чтения». «Боевитость» и имманентная агитативность содержательно отразились в насыщении партпрессы цитатами, повторами лозунгов / слоганов «периода борьбы», закреплявшимися на титульнике и насыщавшим передовицы. Текстовые и сопутствующие им визуальные элементы нарочито повторялись в пресс-изданиях, создавая ощущение единства и монолитности идеологии НСНПП.

Названия и подзаголовки прессы как маркеры их контента, имея в нацистской практике символическое значение, указывали на традицию, характер, круг читателей (также потенциальных), чаще не выделяясь в оформлении от общего дизайна. Они отличались от заголовков первой полосы рисунком, размером шрифта, могли быть наборным в оформлении дизайнерски векторной графикой. Названия печатных нацистских медиа, заголовки / подзаголовки статей кодировали ключевые идеологемы и были рассчитаны на эмоциональный отклик, содержа яркие, мотивирующие, иногда агрессивно-устрашающие формулировки.

Верстка прессы – компоновка и оформление материалов, постраничное размещение текста, заголовков, изображений, рекламы с целью сделать их удобными для чтения, визуально привлекательными, «информативными» также подверглась «оптимизации». При доминировании первых полос, передовиц и тематического принципа усилилась роль заголовков, идеологическая

иерархизация информации, насыщение прессы прецедентными текстами, комбинацией цитат лидеров режима.

Ключевой в визуальном контенте нацистской печати была пропагандистская функция изображительных компонентов. Карикатуры, комиксы, иллюстрации (в первую очередь антисемитские и политические), фотоматериалы и подписи усиливали манипулятивный эффект через серийность и многокадровость. Как средство полной креолизации текстов использовались инкорпорированные элементы других семиотических систем. Весомый иконический компонент закрепил в прессе Третьего Рейха ментальную медиаэкспансию нацизма через тотальную символику.

Главное издание НСНПП «Völkischer Beobachter»

В обширном нацистском партийном пресс-ландшафте Третьего рейха 1933–1939 гг. функционировало около 20 крупных, разноформатных и многотиражных изданий, в основном газет. Это пресса, часто возникавшая в 1920-е гг., функционировала как центральная, представляя сегменты иерархии властвующей НСНПП: партруководство (в 1938 г. 22 высших функционера), службы, подразделения, управления, формирования, союзы, дочерние организации, гауляйтерство. Агрессивно динамичный функционал партпрессы многократно дублировался тотальным перекрестным контролем и идеологическим влиянием, характерными для нацистской партократии.

Старейшее (с 1920 г.) и ведущее издание НСНПП, с 1933 г. правительственный орган ежедневная газета «Völkischer Beobachter (VB)» (Народный обозреватель) была политическим флагманом нацистской госпропаганды. Это центральное издание – главный репрезентант политико-идеологического и культурного «ландшафта» нацизма [Хлопов, 2021, с. 103].

В связи с общепринятым переводом уточним ее название, которое в исследованиях встречается и как «Народный наблюдатель». Многозначное прилагательное «völkisch» «народный, национальный (в шовинистском понимании)» имело в лексическом узусе нацизма значение «национальный как расово, этнически идентичный» [DWDS]. Оно утвердилось как атрибутивная этно-националистическая идеологема в выражениях/слоганах типа völkische Weltanschauung; völkisches Zeitalter; völkischer Staat и др. Слово образовано в конце XIX в. от *das Volk* (народ) как эквивалентное *deutsch* в качестве эмфатической этно-пуристической «альтернативы» *national*,

негативно оценивавшегося политрадикалами [VNS, 2007, S. 642, 645].

Идеологема ассоциировалась с названием движения радикально-этнического национализма в Германии рубежа XX в. «Völkische Bewegung», под значительным влиянием которого формировался национал-социализм. Некоторые лидеры НСНРП вышли из его структур или были связаны с его группировками (А. Розенберг, Р. Гесс и др.). Многие приверженцы движения с его роспуском пополнили в конце 1920-х гг. ряды нацистской партии. Не случайно появление этого названия газеты в период нахождения ее в собственности существовавшего в рамках «Völkische Bewegung» политико-оккультного «Общества Туле» (1918–1920 гг.). С переходом «VB» к НСНРП в 1920 г. появилось как ее доопределение «тавтологичное» «deutschvölkisch».

Хотя нередкое в названиях немецкоязычной прессы XX в. «Beobachter» представлено в нейтральном значении, а формальным предшественником «VB» был «Münchener Beobachter» (1887–1918 гг.), семантика атрибута в словосочетании «völkischer Beobachter» актуализировала по ассоциации значение определяемого существительного как «военный (боевой) наблюдатель» [DWDS]. Название «VB» позиционировалось в ряду нацистских милитарных идеологем и номинаций (ср. единицы с Kampf-, или Deutsche Arbeitsfront, Alte Garde, Arbeitseinsatz, Ezeugungsschlacht, Volkssturm, politischer Soldat и др.) [VNS, 2007, s. 711–717].

В позиционировании «VB» нацисты, отталкиваясь от прямого значения названия газеты, придавали ей образ «народной», формирующей у читателя представления, которое приравнивало ее к «трибуне», консультанту, источнику необходимой для решения жизненно важных вопросов информации. Как квази-средство коллективного общения «VB» генерировал массовые настроения, одновременно селективно информируя о них. Его декларируемая «народность» способствовала определению общественных позиций и изменению массового сознания [Тырыгин, 2010, с. 198].

Автором и недолго издателем «VB» числился Гитлер. Газета выходила в «Eher Verlag» массовыми тиражами в Мюнхене (головной офис) и Берлине. С 1933 г. появились региональные тиражи (Nord- / Süddeutsche Ausgabe), а с 1938 г. издание в Вене. Ежедневник имел спецвыпуски, которые иногда распространялись бесплатно. «VB» содержал пресс-стенды (Aushang), что превращало его в элемент городской среды, усилив публичное воздействие. Газету были обязаны выпи-

сывать органы власти и члены НСНРП. В этом ведущем ежедневнике рейха публиковались официальные сообщения, госведомства, бюджетные предприятия размещали публикуемую информацию. Распространителями газеты и агитаторами подписки были штурмовики СА, СС-маны и волонтеры («VB-Aktivisten»).

Главным редактором в рассматриваемый период был упомянутый Розенберг. «VB» был в центре внимания нацисткой верхушки и контролирующих структур, хотя Розенберг уклонялся от коммерческих требований Аманна в сенсационности, отстаивая «содержательность». В 1938 г. редактором стал его заместитель, упомянутый Вайс. Он хотел улучшить инфо-контент газеты, инициировав ее распространение за рубежом, чему препятствовал Аманн [Dresler, 2019, s. 200]. «VB» стал самой многотиражной партийной и общенемецкой газетой: в 1939 г. ок. 900.000 экз., а к съездам НСНРП тираж достигал 1 млн. экз. [Тырыгин, 2010, с. 179].

«VB» как флагман и инкубатор нацистской прессы, визуализируясь с 1921 г. как таблоид, имел подзаголовок: «Kampfblatt der nationalsozialistischen Bewegung Großdeutschlands» (Боевой листок национал-социалистического движения Великой Германии). Это подчеркивало верность формату партийной печати и экспансионистским амбициям нацизма. Идеологема «Großdeutschland», восходя к националистической концепции 1850-х гг. «великогерманского решения» как объединения немецкоязычных народов в едином государстве — Германии, тематизировалась в требованиях программы НСНРП. Она использовалась на выборах и в масштабных стратегиях: «присоединение» Австрии, сегрегация/депортация евреев, захват «жизненного пространства» и др. [VdNS, 2007, s. 287].

Вскоре заголовочный комплекс «VB» приобрел более массивный формат. Над нацистским геральдическим символом (ранее лишь свастика) появился набранный готическим курсивом старый популистский предвыборный парлосунг «Freiheit und Brot!» (Свободы и хлеба!). «Свобода» подразумевала освобождение от социально-экономических проблем и угнетения Версальским договором, «хлеб» символизировал обещанные нацистами стабильность экономики и достаток. Лозунг был тематизирован в «Horst-Wessel-Lied» (песня Хорста Весселя), появившимся в 1929 г. марше СА, ставшим официальным гимном НСНРП и идеологемой как «unsterbliches Kampflied der Bewegung, erster und einziger Choral» (бессмертная боевая песня движения, первый и единственный хорал) [VNS, 2007, s. 314]. Использо-

зуюсь в официальных акциях, песня де-факто была вторым национальным гимном вместе с «Deutschlandlied» (Песнь Германии). С 1933 г. этот прецедентный лозунг звучал и в нацистских «боевых песнях» (Kampflieder), в частности в припеве марша (Fahnenlied) гитлерюгенд как «молодого резерва партии».

Парадоксально, что отойдя от традиции, «рупор партии» к 1933 г. сменил на заголовочной панели и колоннитуле шрифт названия. Вместо крупной плакатной фразатуры в названии (формат инициалей) и в части выходных данных появилась антиква. Вероятно, что это было сделано, чтобы отличаться от других партизданий, или напоминать шрифт членского значка НСНРП. По другой версии, название «VB» изначально печаталось неоготикой – «сжатой фразатурой Бернгарда», популярной в оформлении плакатов и рекламы. Ее автор – иллюстратор, графический дизайнер-шрифтовик, плакатист-новатор Люциан (Люсьен) Бернгард (псевдоним Эмиля Кана) внёс большой вклад в визуализацию милитаристской пропаганды в Первую мировую войну. Но после эмиграции в 1932 г. в США и дистанцирования от нацистского режима его объявили «чуждым евреем», что обусловило запрет и замену шрифта в «VB» [Игнатова, 2007, с. 75].

Заголовочный комплекс «VB» в комбинации вариантов шрифтов напоминал формат рекламного блока, что отличало так называемую «утреннюю прессу». Текстовые блоки печатались традиционной фразатурой, реже отмечены неоготика, вкрапления форматов антиквы (подписи, рубрикаторы, заголовки, подзаголовки). Важные событийные заголовки, которые чаще размещались на ширину текстовых колонок («шапки»), выделялись красным цветом. «VB» публиковал фрагменты примитивной нацистской беллетристики. Современники отмечали, что близкий к разговорному стиль газеты «въедался в плоть и кровь масс через отдельные словечки, обороты речи, конструкции предложений, вдалбливаемые в толпу миллионными повторениями и поглощаемые ею механически и бессознательно» [Клемперер, 1998, с. 44].

Верстка имевшего объем 6–10 страниц «VB» при формате А 2 (44.5×54 см.) выполнялась в 6 колонок калейдоскопично, с акцентом на креолизацию текста и значительное число сегментов, характерное для крупноформатной центральной прессы. Воскресные выпуски имели спортивное приложение и вклады (Beiblatt). Отдельно выходили двухстраничные спецвыпуски, посвященные важным темам и постановлениям. В этой самой журналистки «качественной» нацистской газете

возросло использование рисунков, фотографий, карикатур, карт, инфографики, рекламно-информационных вставок. Но редакция «VB» ориентировалась не на продажу рекламных мест, а на акцентирование крупных национальных компаний и акций в стратегии создания передового имиджа Третьего рейха [Хлопов, 2021, с. 111]. Анонсировались другие нацистские медиа, в частности радио (NS-Funk), маркируя единство информационного поля режима.

На страницах обильно креолизованного «VB» помещались разнообразные фотоматериалы. Их автором часто был личный фотограф и друг Гитлера Генрих Гофман (помета «Presse Hoffmann»). Он имел собственное издательство, был депутатом рейхстага, получив звание профессора и весомые должности в управлении искусством Третьего рейха.

Значимую роль играли пропагандистские рисунки и карикатуры с антисемитским уклоном или на политических противников. Их автор Ганс Швайцер, друг и давний соратник Геббельса, работал в структурах НСНРП и нацистских изданиях. Этот известный в Третьем рейхе художник-график, плакатист, убежденный сторонник нацизма пользовался псевдонимом-мифонимом *Mjölnir* (боевой, сакральный молот-сокрушитель германского бога-громовержца Тора) в духе идеологии «арийско-германской расы». Метафорическая этимология слова (др. сканд. **mjǫll* «сияние, молния, молниеносец») ассоциируется с квази-языческим нацистским культом, отраженным в «молниеподобном» руническом логотипе СС.

Плакаты Швайцера были популярны на шествиях СА. Этот автор известных нацистских постеров, почтовых знаков, геральдики Третьего рейха был номинирован Гитлером «Zeichner der Bewegung» (рисовальщик движения), получил звание профессора искусствоведения и обер-фюрера СС, заняв ряд постов в культурно-политической сфере режима, в частности председателя Имперского комитета иллюстраторов прессы [ENS, 1997]. Рисунки и карикатуры инициативного арт-пропагандиста НСНРП при их грубоватой простоте отличали динамизм, разнообразие персонажей, широта тематики, экспрессионистичность. Швайцер создал медийные стереотипы «нордического героя» и «штурмовика СА». Рисунки обрамлялись готическим шрифтом подписями и слоганами, которые сочинял он сам.

В рекламе «VB», обозначенного как «Die Zeitung des Führers», «Deine Zeitung», «Die Zeitung des großdeutschen Reichs», для привлечения массового читателя фразатура/неоготика сочетались с антиквой, уступая ей как маркеру объявлений.

Для маркетинга и верстки характерно размещение рекламы, анонсов, спортивных («Turn- und Sportbeobachter», «Schach-Beobachter»), биржевых новостей, обзоров событий на последних страницах и в «подвале».

С 1926 г. «VB» имел еженедельное приложение журнал «Illustrierter Beobachter (IB)» (Иллюстрированный наблюдатель), редактируемое с 1932 г. нацистским литератором-публицистом Дитрихом Лодером. Публиковались его тематические спецвыпуски, распространяемые за рубежом. По формату «IB» уступал «VB», оформляясь в удобной для чтения версии (размер менее А 3: 27,5×37 см.), приближаясь к стандарту новостных изданий. Журнал имел вариативный и больший чем «материнское издание» объем: 16–24 стр., а тематические спецвыпуски – около 60 стр.

На титуле «IB» как популяризируемого, рассчитанного на потребителей «журналов с картинками» издания, о чем сигнализирует большая доля разнообразной рекламы, которая могла занимать целую страницу/ разворот, с 1933 г. исчез лозунг «VB». Примечательно, что название «IB» изначально печаталось антиквой, а уменьшенная нацистская эмблема была смещена в левое поле на фоне крупной заставки. Рельефные инициалы – логотип журнала и характерная для товарных знаков виньетка с рукописной антиквой напоминали товарный рекламный блок.

Заметную роль в креолизации журнала, называемого в рекламе «Bilderzeitung», поскольку он имел размер более журнального с уменьшенной текстовой частью, играли крупные фотографии и коллажи, врезы, создавая в сочетании панорамных и фронтальных снимков смысловое «притяжение» для читателя. Лицом издания были крупноформатные пропагандистские фоторепортажи, иногда во всю площадь листа/разворота за авторством упомянутого Гофмана, одного из создателей «IB», где он имел больше простора чем в «VB». Его умелые фото-манипуляции (редактура, подборы фигур в нацистской униформе, коллажи, постановочные динамичные снимки митингов и парадов) аккумулировали визуальный эффект, усиливая информационно-пропагандистские сообщения.

Отметим рисунки (иногда рекламные) и карикатуры. «IB» размещал рисунки, юмористические комиксы, карикатуры (с антисемитскими и политическими уничижительными мотивами) известного иллюстратора Эммериха Хубера. Он работал по заказам Геббельса, «VB» и нацистских изданий. Его карикатуры, соединяя визуальную гиперболу с вербальным порицанием «персонажа», формировали готовность читателя к насилию.

Политические и пропагандистские тексты, ретроспективы партсъездов, героизируемые нацистские и милитаристские образы в крупном формате умело иллюстрировал в «IB» и другой известный и почитаемый в Третьем рейхе художник-график, плакатист Эмиль Эбер (псевдоним «Elk», англ. лось) (1892–1941). На страницах «IB» он именовался «unser Sonderzeichner». Этот активист фрайкоров, ветеран нацистского движения и СА, получивший от приобретшего его картины для интерьера рейхсканцелярии Гитлера звание профессора, сотрудничал с «VB» и другими нацистскими изданиями.

Верстку «IB» отличали нетипичная для сбалансированного контента и формата большинства журналов аляповатая пестрота, контрасты, свобода макетирования в несколько колонок. Типографический дизайн был разнообразнее и декоративнее чем в «VB». Тексты «IB» различных жанров, более характерные для популярной прессы, были в основном малоформатные (политические, информативные, полемические, познавательные, реже поэтические, юмористические). Они и колонтитул, подписи с комментариями чаще выполнены фрактурой/псевдоготикой [Dussel, 2019, s. 118]. Слоганы, рубрики, микротексты, названия статей иногда даны антиквой, зюгтерлином.

«Картинный» и пестрый в оформлении «IB» как дочернее издание не снижал идеологического и политического потенциала, заложенного текстовым форматом «VB». Этот образец визуальной нацистской пропаганды высоко ценили лидеры режима при формировании общественного мнения.

Заключение

Нацистскую прессу 1930-х гг. и ее тексты можно считать мультимодальными, сочетающими для усиления пропагандистского воздействия разные семиотические «режимы» (вербальный, визуальный, пространственный). «Нужные» смыслы создавались взаимодействием знаковых систем (тексты, изображения, верстка, символы), обеспечивая быстрое узнавание идеологического посыла. Пространственное транслирование прессконтента (коллективное чтение, стенды, цитатное плакатирование) усиливало эффект тотальности. Работая на дезинформацию, эмоциональную манипуляцию, агитацию партпрессы в сочетании поликодовости (включение разных семиотических кодов: вербального, визуального, аудиального) и креолизации (взаимодействие вербального / невербального компонентов, создающее единый смысл, который не передавался полно лишь одним из них) была эффективным синергетическим

средством в пропагандистском дискурсе тоталитарного режима 1930-х гг.

Тандем «VB» и «IB» – двух главных массмедийных продуктов НСНПП, контент которых закладывался в «период борьбы», их поликодовые тексты, обеспечивал действенный пропагандистский потенциал печатной нацистской периодики, обналичиваясь в комбинации «шрифтовой политики» и идеологической визуализации режима. Поликодовые тексты были здесь не просто умелым техническим «приемом разнообразия», но частью семиотической системы: типошрифты и прецедентные изображения работали на индоктринацию. Оба издания сокращали свое текстовое пространство для усиления пропагандистского потенциала через визуальность, учитывая через маркетинговые стратегии настроения, потребности своей широкой аудитории.

Форматы визуализации обеспечили пропагандистскую успешность нацистской прессы в краткосрочной стратегии 1930-х гг., но в долгосрочной перспективе (начало нацистской военной агрессии, эскалация геноцида, кризис доверия к тоталитаризму) они не гарантировали её эффективность, гибкость, что способствовало росту недоверия, «читательской усталости», скепсиса, отмечаемых современниками [Клемперер, 1998, с. 10].

Библиографический список

1. Ворошилова М. Б. Вербальное контекстуальное окружение нацистской символики в современном экстремистском дискурсе // Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск : МГТУ, 2016. № 3(53). С. 150–157.
2. Вульф Н. В. Немецкая орфография и нацистская идеология // Acta linguistica Petropolitana: труды Института лингвистических исследований РАН. Санкт Петербург : Наука, 2003. Т. 1(1). С. 205–218.
3. Дубинин С. И. «Противоборство шрифтов: готика vs антиква» в языковой политике Третьего рейха // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология, 2024. Т. 30(3). С. 128–141.
4. Игнатова Е. М. Шрифт и идеология: о готическом шрифте в Третьем рейхе // Вестник МГЛУ. Серия: Лингвистика. Вып. 541(2). Москва : МГЛУ, 2007. С. 72–76.
5. Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Москва : Прогресс-Традиция, 1998. 381 с.
6. Креолизованные тексты в различных видах дискурса / под ред. М. А. Кулинич. Самара : СГСПУ, 2017. 158 с.
7. Миры дискурса / под ред. Н. К. Даниловой. Самара : Самарский университет, 2015. 240 с.
8. Тырыгин А. А. На службе фюрера, партии и государства. К истории возникновения и развития главного печатного издания НСДАП // Вестник РГТУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология, 2010. № 18(61). С. 187–198.
9. Филичева Н. И. Немецкий литературный язык. Москва : Высшая школа, 1992. 176 с.
10. Харькова О. В. Шрифт как инструмент воздействия на массовое сознание в прессе Третьего рейха // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология, 2008. № 1. С. 71–78.
11. Хлопов Д. С. Концепция культурного ландшафта Германии в структуре нацистской пропаганды (по материалам газеты «Völkischer Beobachter» 1933–1939 гг.) // Петербургский исторический журнал, 2021. № 3. С. 103–115.
12. Штыркина О. В. Особенности содержания и оформления печатных изданий в 1920-1930 гг. в Германии (на примере газеты «Фёлькишер беобахтер») // Меди@льманах, 2011. № 1. С. 41–48.
13. Энциклопедия Третьего рейха (ЭТР) / под ред. С. Воропаева. Москва : Локид-Миф, 1996. URL: https://encyclopedia_3go_reich.academic.ru/ (дата обращения 12.02.2025)
14. Braun Chr. A. Presselenkung im Dritten Reich, 2004. URL: <https://www.zukunft-braucht-erinnerung.de/presselenkung-im-dritten-reich/> (дата обращения 12.02.2025)
15. Dresler A. Geschichte des «Völkischen Beobachters» und des Zentralverlages der NSDAP «Franz Eher Nachf». Zwickau, 2023. 224 s.
16. Dussel K. Bilder als Botschaft. Bildstrukturen deutscher Illustrierter 1905 bis 1945 im Spannungsfeld von Politik, Wirtschaft und Publikum. Köln : Herbert von Halem Verlag, 2019, 552 s.
17. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения 12.02.2025)
18. Enzyklopädie des Nationalsozialismus (ENS) / Hrsg. von W. Benz, H. Graml und H. Weiß. 3. Aufl. München : DTB-Verlag, 1997. 900 s.
19. Illustrierter Beobachter (1933–1934, 1936) URL: <https://archive.org/details/illustrierter-beobachter-adolf-hitler-sondernummer/Illustrierter%20Beobachter%20-%20Adolf%20Hitler%20-%20Sondernummer/mode/2up?view=theater>; Illustrierter Beobachter Sonderausgabe Des " I. B." Reichsparteitag 1934 : Franz Eher Nachfolger GmbH, München: Free Download, Borrow, and Streaming:Internet Archive; <https://archive.org/details/illustrierter-beobachter-adolf-hitler-sondernummer/Illustrierter%20Beobachter%20Sonderheft%20Antikomintern/> (дата обращения 12.02.2025)
20. von Polenz P. Geschichte der deutschen Sprache. 9. Aufl. Berlin – New York : W. de Gruyter, 1978. 226 s.
21. VNS – Vokabular des Nationalsozialismus / Hrsg. von C. Schmitz-Berning. 2. Aufl. Berlin – New York : W. de Gruyter, 2007. 717 s.
22. Völkischer Beobachter (1933, 1935, 1937–1938) URL: <https://archive.org/details/VoelkischerBeobachterAusgabeVom31.Januar19338S.ScanFraktur>; <http://lamoth.info/index.php?p=digitallibrary/digitalcontent&id=7294>; <http://lamoth.info/?p=digitallibrary/digitalcontent&id=7323> ; <https://archive.org/> de-

tails/VoelkischerBeobachterWienerAusgabeVom11.April1938 (дата обращения 12.02.2025)

Reference list

1. Voroshilova M. B. Verbal'noe kontekstual'noe okru-zhenie nacistskoj simboliki v sovremennom jekstrem-istskom diskurse = Verbal contextualization of Nazi sym-bols in contemporary extremist discourse // Problemy isto-rii, filologii, kul'tury. Magnitogorsk : MGTU, 2016. № 3(53). S. 150–157.

2. Vul'ff N. V. Nemeckaja orfografija i nacistkaja ide-ologija = German orthography and Nazi ideology // Acta linguistica Petropolitana: trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. Sankt Peterburg : Nauka, 2003. T. 1(1). S. 205–218.

3. Dubinin S. I. «Protivoborstvo shriftov: gotika vs an-tikva» v jazykovoj politike Tret'ego rejha = «Confrontation of fonts: gothic vs antique» in the language policy of the Third Reich // Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija, 2024. T. 30(3). S. 128–141.

4. Ignatova E. M. Shrift i ideologija: o goticheskom shrifte v Tret'em rejhe = Font and ideology: on Gothic font in the Third Reich // Vestnik MGLU. Serija: Lingvistika. Vyp. 541(2). Moskva : MGLU, 2007. S. 72–76.

5. Klempere V. LTI. Jazyk Tret'ego rejha. Zapisnaja knizhka filologa = The Language of the Third Reich. A philologist's notebook. Moskva : Progress-Tradicija, 1998. 381 s.

6. Kreolizovannye teksty v razlichnyh vidah diskursa = Creolized texts in various kinds of discourse / pod red. M. A. Kulinich. Samara : SGSPU, 2017. 158 s.

7. Miry diskursa = Worlds of discourse / pod red. N. K. Danilovoj. Samara : Samarckij universitet, 2015. 240 s.

8. Tyrygin A. A. Na sluzhbe fjurera, partii i gosudarstva. K istorii vozniknovenija i razvitija glavnogo pechatnogo izdanija NSDAP = In the service of the führer, the party and the state. On the history of the origin and evolution of the main print publication of the NSDAP // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija, 2010. № 18(61). S. 187–198.

9. Filicheva N. I. Nemeckij literaturnyj jazyk = German literary language. Moskva : Vysshaja shkola, 1992. 176 s.

10. Har'kova O. V. Shrift kak instrument vozdeystvija na massovoe soznanie v presse Tret'ego rejha = Font as an instrument of affecting mass consciousness in the press of the Third Reich // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija, 2008. № 1. S. 71–78.

11. Hlopov D. S. Konceptcija kul'turnogo landshafta Germanii v strukture nacistskoj propagandy (po materialam gazety «Völkischer Beobachter» 1933–1939 gg.) = The concept of the German cultural landscape in the Nazi prop-aganda structure (the case of the newspaper «Völkischer Beobachter» 1933–1939) // Peterburgskij istoricheskij zhurnal, 2021. № 3. S. 103–115.

12. Shtyrkina O. V. Osobennosti sodержanija i oform-lenija pechatnyh izdanij v 1920-1930 gg. v Germanii (na primere gazety «Fjolkisher beobahter») = Specifics of the content and design of printed publications in 1920-1930 in Germany (the example of the newspaper «Völkischer Beo-bachter») // Medi@l'manah, 2011. № 1. S. 41–48.

13. Jenciklopedija Tret'ego rejha (JeTR) = Encyclope-dia of the Third Reich (ETR) / pod red. S. Voropaeva. Moskva : Lokid-Mif, 1996. URL: https://encyclopedia_3go_reicha.academic.ru/ (data obrashhenija 12.02.2025)

14. Braun Chr. A. Presselenkung im Dritten Reich, 2004. URL: <https://www.zukunft-braucht-erinnerung.de/presselenkung-im-dritten-reich/> (data obrashhenija 12.02.2025)

15. Dresler A. Geschichte des «Völkischen Beo-bachters» und des Zentralverlages der NSDAP «Franz Eher Nachf». Zwickau, 2023. 224 s.

16. Dussel K. Bilder als Botschaft. Bildstrukturen deutscher Illustrierter 1905 bis 1945 im Spannungsfeld von Politik, Wirtschaft und Publikum. Köln : Herbert von Ha-lem Verlag, 2019, 552 s.

17. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. URL: <https://www.dwds.de/> (data obrashhenija 12.02.2025)

18. Enzyklopädie des Nationalsozialismus (ENS) / Hrsg. von W. Benz, H. Graml und H. Weiß. 3. Aufl. Mün-chen : DTB-Verlag, 1997. 900 s.

19. Illustrierter Beobachter (1933–1934, 1936) URL: https://archive.org/details/illustrierter-beobachter-adolf-hitler-sondernummer/Illustrierter%20Beobachter%20-%20Adolf%20Hitler%20-%20Sondernummer/mode/2up?view=theater;_illustrierter%20Beobachter%20Sonderausgabe%20Des%20I.%20B.%20Reichsparteitag%201934%20Franz%20Eher%20Nachfolger%20GmbH%20München%20Free%20Download%20Borrow%20and%20Streaming%20Internet%20Archive%20https://archive.org/details/illustrierter-beobachter-adolf-hitler-sondernummer/Illustrierter%20Beobachter%20Sonderheft%20Antikomintern/ (data obrashhenija 12.02.2025)

20. von Polenz P. Geschichte der deutschen Sprache. 9. Aufl. Berlin – New York : W. de Gruyter, 1978. 226 s.

21. VNS – Vokabular des Nationalsozialismus / Hrsg. von C. Schmitz-Berning. 2. Aufl. Berlin – New York : W. de Gruyter, 2007. 717 s.

22. Völkischer Beobachter (1933, 1935, 1937–1938) URL: <https://archive.org/details/VoelkischerBeobachterAusgabeVom31.Januar19338S.ScanFraktur;http://lamoth.info/index.php?p=digitallibrary/digitalcontent&id=7294;http://lamoth.info/?p=digitallibrary/digitalcontent&id=7323;https://archive.org/details/VoelkischerBeobachterWienerAusgabeVom11.April1938> (data obrashhenija 12.02.2025)

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 81'23

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-200

EDN: OESOYI

Этноязыковые характеристики фразеологии чавакано в истории и современности

Диана Михайловна Миронова

Доктор филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Юго-Западный государственный университет. 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

mir-lina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1450-515X>

Аннотация. Статья написана в русле контактной лингвистики, относительно молодого и развивающегося направления лингвистической науки. Будучи нелинейным, естественным, генетически многофакторным феноменом, гибридные языковые образования сегодня осмыслены как привлекательный и актуальный для изучения объект языкознания. В качестве объекта нашего исследования избраны фразеологические единицы креольского языка чавакано, сложившегося на территории Филиппин в период XVI–XIX веков на фоне и под влиянием перехода страны в испанское управление. В современной языковой ситуации, среди других контактных языков на испанской основе, чавакано характеризуется наибольшей витальностью, но вместе с тем носит миноритарный статус и представлен в лингвистических описаниях, особенно отечественных, не столь значительно, фрагментарно. В частности, с антропоцентрических позиций и при учёте достижений контактной лингвистики не получил должного освещения фразеологический фонд данного языка.

Цель нашей работы – проанализировать фразеологизмы языка чавакано с точки зрения их этноязыковых характеристик. Специальное внимание в статье уделено свойствам строения и культурной составляющей семантики этих единиц. На основе сопоставительного и структурного методов выделены группы фразеологизмов по составу и структуре, которые в той или иной мере воплощают в себе черты языковой конвергенции. Социокультурная сторона объекта рассмотрена в опоре на теорию идентификации и локализации культурологической компоненты в речезыковых фактах. На уровне значений и внутренней формы фразеологизмов выявлены вербализованные в них типы культурных компонент. В рамках последних очерчен круг концептов, соотносимых с реалиями прошлого и настоящего страны, востребованными в сообществе носителей чавакано на уровне материальной или духовной культуры. Намечены перспективы дальнейшей разработки вопроса с привлечением аппарата лингвокогнитологии и социолингвистики.

Ключевые слова: гибридный язык на романской основе; контактная лингвистика; креольский язык; лингвокультурология; фразеология; язык чавакано; языковой контакт

«Работа выполнена в рамках реализации программы развития ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» проекта «Приоритет 2030»

Для цитирования: Миронова Д. М. Этноязыковые характеристики фразеологии чавакано в истории и современности // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 200–212. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-200>. <https://elibrary.ru/OESOYI>

Original article

Ethno-linguistic characteristics of chavacano phraseology in history and today

Diana M. Mironova

Doctor of philological sciences, assistant professor, department of theoretical and applied linguistics, South-West state university. 305040, Kursk, 50 Let Oktyabrya st., 94

mir-lina@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1450-515X>

Abstract. The article is written in the light of contact linguistics, a relatively young and developing branch of linguistic science. Being a nonlinear, natural, and genetically multifactorial phenomenon, a hybrid language is now understood as an attractive and relevant object of linguistics.

The object of our study is the phraseological units of the chavacano creole language, which developed in the Philippines in the XVI–XIX centuries against the background and under the influence of the country's transition to spanish governance. In the modern linguistic situation, among other spanish-based contact languages, chavacano is characterized by the greatest vitality, but at the same time it has a minority status and is represented insignificantly, in linguistic descriptions, especially national ones. In particular, the phraseology of this language has not been adequately covered from anthropocentric viewpoints and taking into account contact linguistics achievements.

The aim of this work is to analyze the phraseological units of the chavacano language in terms of their ethno-linguistic characteristics. The article pays special attention to the structure and cultural components in the semantics of these units. Using the comparative and structural methods, the author divides phraseological units according to their composition and structure, which to a certain extent express the features of linguistic convergence.

The sociocultural side of the object is considered basing on the theory of the cultural component identification and localization in speech-language facts. The types of cultural components are revealed at the level of phraseological meanings and the inner form. Within the framework of the cultural components, the author outlines a range of concepts that relate to the realities of the country's past and present, which are important for the community of chavacano speakers at the level of material or spiritual culture.

In conclusion the paper suggests some possible prospects for further development of the issue with the help of linguistic cognitology and sociolinguistics.

Key words: romance-based hybrid language; contact linguistics; creole language; cultural linguistics; phraseology; the chavacano language; language contact

The work is done within the framework of the development program «South-West State University» in the project The Priority 2030

For citation: Mironova D. M. Ethno-linguistic characteristics of chavacano phraseology in history and today. *Verhnevzhski philological bulletin*. 2025;(2):200–212. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-200>. <https://elibrary.ru/OESOIY>

Введение

Постижение системы языка в её связях с многомерной средой представляет характерную черту современной лингвистики. Открывая всё новые грани языковой антропоцентричности, оно по праву остаётся востребованным при объяснительном и комплексном подходе к объекту науки о языке. Интерес лингвистов к социокультурным, историческим и когнитивным феноменам, влияющим на те или иные стороны языковой системы, содействовал переосмыслению на почве «внешней лингвистики» широкого множества рече-языковых фактов. В совокупности они охватывают строение, функции, развитие, проявления целостности языковой системы, рассмотренные в масштабе общей или частной лингвистики. Вместе с тем, как это бывает в научном процессе, не все стороны и разновидности изучаемого объекта получают равнообъемное освещение с позиции актуальной лингвистической парадигмы. Так, недостаточно изученными в этом ключе можно считать языковые контакты и их последствие – контактные идиомы, среди которых сегодня известны интересующие нас креольские языки, сложившиеся на романской основе. Относительная немногочисленность в мировом масштабе, бесписьменный характер и неофициальный статус большинства контактных идио-

мов, а также преимущественно устная форма бытования делают языковые образования подобного рода менее доступными для исследователя. Это сочетается со сравнительно небольшим (менее чем вековым) опытом научного описания, адекватного всей многофакторности и системной нелинейности их становления и функционирования.

Как самостоятельная отрасль языкознания контактная лингвистика зарождается в XX столетии в связи с устойчивым развитием типологии и компаративистики и, в частности, в контексте построения классификаций языков мира. Во второй половине прошлого века определённым стимулом её формирования послужила, кроме того, антропоцентрическая «повестка дня» с её вниманием к вопросам межкультурной коммуникации: условиям её возникновения и реализации, видам интеракций, их вербальным и невербальным последствиям [Вайнрайх 1953; Ильяшенко, 1970; Bal 1977; Асфандияров, 1980; Еремина, 1980; Ярцева, 1986; Дьячков, 1987; Lehistе, 1988; Ngara, 1993]. Насчитывается менее века со времени выхода основательных трудов по контактной лингвистике (см., к примеру, труды Щерба, 1936, Вайнрайх, 1953, Ильяшенко, 1970, Дьячков, 1987, Багана, Хапилина 2010) и около полутора веков с момента рождения отдельных, но эвристичных для неё научных идей

(например, в сочинении Г. Асколи «*Studii orientali e linguistici*», 1854 г., в монографии Г. Пауля «*Prinzipien der Sprachgeschichte*», 1880 г., или «*Slawo-Deutsches und Slawo-Italienisches*» Г. Шухардта, 1884 г.). Как следствие, представители «контактного» направления отмечают ряд «издержек его роста», отмечая пока ещё «зыбкий» понятийный аппарат, отсутствие чёткой методологии анализа и методики описания контактных феноменов, а также слаженной, общепринятой теории во взглядах на природу языковой конвергенции [Ильяшенко, 1970; Багана, 2010]. Кроме этого, ведутся дискуссии относительно центральных задач в исследованиях территориального взаимодействия языков.

В современном романском языкознании наличествует несколько десятков обстоятельных работ, посвящённых языковой ситуации в полилингвальных ареалах. Свидетельства лингвистов, а также репозиторий электронной библиотеки e-library [Дьячков, 1987, с. 11–12; Креольские языки] приводят к заключению о том, что наиболее изучены в структурном и социолингвистическом отношении креольские языки с достаточным количеством носителей, проживающих главным образом в бывших колониальных странах Африки, Океании, Центральной Америки, Карибского бассейна и бассейна Индийского океана. Такие языки складывались, как правило, на базе английского, французского и португальского языков. Доля этих языков составляет около 20 % от общего числа креольских языков в мире – около 50 [Дьячков, 1987]. Установлено, что в своём функционировании некоторые из них вышли за пределы обиходно-бытовой сферы и стали официальными. На материале этих и некоторых других гибридных языков выработаны и обоснованы сущностные принципы, регулирующие формирование контактных идиомов с участием интра- и экстралингвистических характеристик.

Анализ литературы по проблеме позволяет заключить, что эти принципы дополняют друг друга и в ряде трудов зачастую оказываются созвучными, что повышает уровень их верификации. Так, *во внутриязыковом плане* для территориального взаимодействия языков, как считается, характерны эксплицитность грамматических техник и, следовательно, аналитизм формообразования; обязательное наличие языка-основы; доминирование языка-источника в структурном и фонетическом аспектах; развитие нового идиома из «диссипативных структур с новой самоупорядоченностью» [Карлова, 2008, с. 64];

усложнение структуры языка-креола в сторону агглютинации; заимствование одним языком элементов чужого языка «только если это отвечает тенденциям развития первого и функционально для него благоприятно» [Ильяшенко, 1970, с. 49]. Постулируется также невозможность вывести для всех креолов единый языковой тип, поскольку взаимодействующие в каждом ареале взаимодействующие языковые системы, как правило, весьма различны. При этом факты показывают, что вероятность креолизации больше при контакте разноструктурных языков [Вайнрайх, 1979, с. 23]. В целом же креольский язык обычно представляет собой итог нативизации пиджина, которая является следствием расширения его функций и сфер его использования [Дьячков, 1987, с. 9].

В плане экстралингвистическом в доступных нам работах более или менее единообразно очерчены исторические, политические, экономические и культурные факторы межъязыкового взаимодействия, релевантные и в контексте нашей работы. На современном этапе развития языкознания к ним причисляются следующие: *историко-географический фактор* (рассмотрение отношений языков «аборигенов и завоевателей, проживающих на одной или соседних территориях» [Ильяшенко, 1970, с. 15–16]), *социальный фактор* (предпосылки языковых контактов и их глубины коренятся в социально-экономических условиях жизни языковых сообществ, таких как размер языкового коллектива, его стратификация, социальное доминирование носителей языка-источника над носителями языков-субстратов, степень спаянности, от которой зависит уровень гибридации), *политический фактор* (контакты возникают вследствие расширения границ государства, порабощения одних народов другими), *культурный фактор* (уровень грамотности населения, отсутствие языка-посредника, устойчивость и более высокий социальный статус языка, обладающего социальным престижем и связанного со сферой богослужения), *психологический фактор* (взаимодействие языковых систем и отдельных инноваций базируется на психологической дистанции языковых коллективов и имеет когнитивную основу, вовлекая в этот процесс различные участки языковых картин мира, языковой и коммуникативной компетенций у говорящих) [Ильяшенко, 1970, с. 17; Вайнрайх, 1979, с. 28, 44; Дьячков, 1987, с. 10].

Важнейшим методологическим ориентиром контактной лингвистики считается утверждение о необходимости анализа гибридных языков в единстве внешних и внутренних факторов (их отдельных аспектов) и в определённых хронологических рамках [Ильяшенко, 1970, с. 42]. При этом представляется очевидным, что языковую интерференцию в ситуации контакта можно изучать на различных структурных уровнях: от фонетики до синтаксиса, в языке и речи, устной или письменной, в синхронии и диахронии [Ильяшенко, 1970, с. 49–54; Вайнрайх, 1979, с. 26, 38; Карлова, 2008, с. 64].

В ряду языковых сущностей фразеология гибридного языка даёт исследователю весьма богатый материал, который комплексно и рельефно воплощает в себе итоги совместного влияния разнопорядковых факторов, значимых для «кристаллизации» и дальнейшего развития контактного идиома. Такому положению вещей способствует сама природа фразеологических единиц (ФЕ), обладающих статусом прагматически яркой составляющей лексико-фразеологической системы: они «не только обозначают и называют предметы объективной действительности и понятия о них, но одновременно являются специальным языковым средством, предназначенным для выражения многообразных эмоциональных и оценочных отношений говорящего к тому, что происходит в его внутреннем мире или вне его» [Эмирова, 2020, с. 49]. Исследователи выделяют экспрессивный, апеллятивный, фатический и эстетический компоненты прагматического смысла ФЕ [Эмирова, 2020, с. 71], который тесно связывает их с культурой данного языкового сообщества. В эту же линию вписывается сопряжённость с культурой не только коннотативного (субъективного), но и дескриптивного (более объективного) содержания значения фразеологизмов, отсылающего к реальным признакам денотативной ситуации. Неслучайно в лингвистических работах эти единицы метафорически именуются «зеркалом...идентификации национального самосознания» [Телия, 1996, с. 9], «языком культуры», естественной семиотикой миропонимания [Амосова, 1963].

Такого рода сущностная связь ФЕ с культурой языкового сообщества прослеживается, на наш взгляд, во всех её ключевых антропометрических составляющих: *цивилизационной* (результаты хозяйственной деятельности), *модусной* (способы когнитивного освоения мира) и *социально-психологической* (ценностные характеристики

менталитета, внутренние, внешние качества и состояния участников социума). Две последние включают в себя социальные ценности, символы, эталоны и стереотипы, установки и приоритеты обиходно-бытовой картины мира (о видах культурной компоненты в языке см. исследование [Иванова, 2005]). Ср. также высказывание В. Н. Телии о том, что во фразеологическом корпусе отражаются «*все типы отношений субъекта к...фрагментам*» картины мира (курсив автора статьи) [Телия, 1996, с. 9]. Таким образом, важнейшее место в концептуальной основе и семантической структуре ФЕ как единицы вторичной номинации (характеризации) занимает интерпретационный аспект передаваемого содержания.

Результаты интерпретации объективного или субъективного концептуального содержания ФЕ-идиом в категориях культуры закрепляется и транслируется последующим поколениям благодаря внутренней форме, которая, с учётом значимости её прагматической функции, выступает как «обязательный элемент ономазиологической структуры фразеологических единиц» [Эмирова, 2020, с. 123]. Образное основание как средство воплощения культурно-национальной специфики опосредует концептуализацию социальной действительности, осуществляемую на более высоком уровне абстракции. С участием когнитивных механизмов аналогии (в случае метафоры) или смены фокуса внимания (в случае метонимии) оно отсылает пользователя языком к более конкретному, образному, представлению некоторой типичной реалии и в истории языка во многом предопределяет развитие значения ФЕ, его функционирование, а также задаёт тон стилистической окраске значения.

Высокий прагматический потенциал фразеологизмов в сочетании с наличием у многих из них «культурноносной» внутренней формы обосновывают необходимость и эффективность исследования этих единиц с позиций антропоцентрической парадигмы. Данный подход тем более актуален для гибридных языковых образований, фразеология которых почти не находилась в поле научного внимания.

Таков, в частности, составляющий объект нашего интереса креольский язык чавакано, сложившийся на территории Филиппин в испанский колониальный период (середина XVI в. – конец XIX в.). Исходной точкой его становления исторически послужило усиление торговых и социально-политических связей с метрополией в лице Новой (латиноамериканской) и пиренейской Ис-

пани. Вполне закономерно этот процесс сопровождался регулярными экспедициями миссионеров с целью обращения в католичество местного населения, приверженцев ислама и язычества. Так, в 1565 г. на о. Себу возникает первое укрепленное испанское поселение [Филиппины], а в 1635 г. для борьбы с набегами мусульман на месте г. Замбоанга (юго-западная оконечность Филиппин) была основана крепость Сан-Хосе, положившая начало географическому центру формирования чавакано. Как следствие, имело место активное социокультурное взаимодействие с полиэтническим автохтонным населением, в котором преобладали представители австронезийской языковой семьи Юго-Восточной Азии, в частности, такие этнические общности, как тагалы, висайя, илокано [Золотухин, 2009, с. 74]. В качестве языка-источника безусловно выступал испанский язык того времени, языками же субстратами (в терминологии М. В. Дьячкова [Дьячков, 1987, с. 8]) преимущественно являлись себуанский (островная группа Висайи) и тагальский (островная группа Лусон), относящиеся к уже упомянутой австронезийской семье языков [Чавакано; Fernandez, 2007]. Типологически данные языки относятся к агглютинативным языкам, в синтаксисе главенствует порядок VSO, а словоизменение достигается с помощью системы аффиксов и частиц [Австронезийские языки]. Вследствие того что языковая политика испанских колонизаторов не предусматривала кардинального вмешательства в судьбы местных языков, не предполагала их искоренения, этноязыковая ассимиляция в данном регионе шла естественным образом, а в наши дни упомянутые местные языки соотносятся с испанским и чавакано, скорее, по принципу адстрата.

Название филиппинского идиома «чавакано» / «чабакано» восходит к испанской лексеме *chabacano* / *chavacano* – ‘плохого качества, низкопробный’ (позже – ‘вульгарный; пошлый’), впервые зафиксированной в художественной литературе в XVI веке применительно к фруктам плохого качества. По другой версии, слово вошло в обиход из воровского жаргона испанского языка латинской Америки [Chavacano]. Использование этой номинации с отрицательной оценкой отражало общее отношение испанских иммигрантов к просторечной и упрощенной форме языка, которую развивали аборигены, а также метисы в прибрежном районе форта, по сравнению с образцовой, литературной, формой испанского.

В настоящее время термин «чавакано» в широком смысле объединяет все существующие и когда-либо существовавшие гибридные языки на испанской основе; в узком его значении имеется в виду наиболее устойчивый и распространенный на Филиппинах креолизированный язык города Замбоанга, который, подчёркивая языковой ландшафт, иногда называют главным латинским городом Азии. Чавакано имеет письменность на латинской основе, используется в СМИ и характеризуется более или менее стабильной передачей из поколения в поколения [Álvarez-Piñer, 2018; Chavacano de Zamboanga]. Согласно статистическим данным, среди ~ 175 языков и диалектов [Фролова, 2013] им владеют около 600 тысяч жителей, тогда как в целом по стране насчитывается около 900 тысяч пользователей этим языком (для сравнения: испанским языком на многонациональной территории современных Филиппин более или менее активно пользуется около 3 миллионов человек, государственным английским – около миллиона, на государственном тагальском, своего рода филиппинском лингва-франка, говорят около 50 миллионов) [Филиппинские языки; Cebuano language]. Язык чавакано дифференцирован на официальный и неофициальный варианты, которые, в плане своего состава, выделяются по доминированию в них испанской либо иноязычной лексики, заимствованной, главным образом, из тагальского и себуанского – второго после тагальского по численности говорящих (около 16 млн. человек). Несмотря на наличие официального варианта, население по-прежнему использует чавакано преимущественно в обиходно-бытовом общении.

Материал и его источники

Исходя из сказанного выше мы определили объектом исследования корпус ФЕ, принадлежащих языку чавакано на современной ступени его развития. Материал в количестве 40 единиц был извлечён из словаря G. De Castro «Chavacano de Zamboanga: Idiomatic Expressions and Chavacano-English Dictionary» (2019 г.) с охватом его основного содержания и зоны электронных комментариев к словарю на платформе ResearchGate. Словарь был создан на основе записей устной обиходной речи. Перевод словарных дефиниций с английского языка на русский был осуществлён нами. Кроме того, мы обращались к словарю на платформе Glosbe [Glosbe] для уточнения семантики отобранных единиц на основе иллюстраций их употребления. Ценность

двух последних источников определялась чрезвычайно малой традицией лексикографирования идиоматики чавакано. С учётом специфики полученного материала дальнейший анализ выстраивался в сочетании системно-структурного и антропоцентрического подходов к строению, значению и этимологии фразеологизмов.

Из числа научных методов в качестве ведущих применялись лингвокультурологический анализ и сопоставительный метод. Первый из них использовался при исследовании семантической репрезентации культурных компонент на уровне фразеологии. Вторым был ориентирован на выявление характеристик каждого из контактных языков, «отобранных» в ходе исторического развития и закрепившихся в форме или содержании «гибридных» фразеологизмов. Сопутствующую роль для нас играли такие общенаучные и специальные методы, как дескриптивный, полевой, аксиоматический, а также дефиниционный и концептуальный виды лингвистического анализа.

Результаты исследования

На первом этапе в поле внимания находились характеристики лексического состава и грамматической структуры этих единиц, сложившиеся за счёт комплексного влияния тех внутри- и внеязыковых факторов, которые сопровождали взаимодействие испанского языка с местными идиомами. В заданном аспекте строения отметим следующие группы ФЕ:

1. Заимствованные из языка-источника, то есть из испанского языка метрополии (~40 %). Сопоставление нашей выборки с единицами испанской фразеологии [Левинтова, 1985; Платонова, Шерстнев 2013; Мультигран] показало, что такие единицы могли входить в местный обиход как уже сложившиеся ФЕ, в ином случае фразеологизация свободных синтаксических единиц протекала на колониальной почве. В данной группе, на наш взгляд, допустимо рассматривать большинство фразеологизмов чавакано, к примеру, *busca cen* (от исп. *centavo*) – ‘искать работу’, *busca la vida* – ‘зарабатывать на жизнь’, *caliente boca* – ‘тот, кто пророчит что-либо плохое’, *cuchara malabao* – ‘сплетник’, *grande tai* – ‘влиятельный, богатый человек’, *marca palabra* – ‘обещать’, *hirvi sangre* – ‘злой; вызывающий злость’, *larga palabra* – ‘обещание; проклятие; что-то плохое’, *lava mano* – ‘снимать с себя ответственность’, *moñeca de pogon* (от исп. *fogón*) – ‘уродливый’, *muerto de risas* – ‘тот, кто сильно

смеётся или экстремально счастлив’, *no hay chance* – ‘не приносит пользы’, *siembra caña* – ‘о том, кто затаил обиду или негодование’, *suda frio* – ‘быть нервным, напряжённым, обеспокоенным’, *tu cuidao* – ‘твоя забота’.

Отдельно отметим фразеологизмы *Duele na orejas* – ‘нервный, раздражённый’, *muerto de (na) risas* – ‘тот, кто сильно смеётся или экстремально счастлив’, *na lata* – ‘неудачник’ с предлогом *na* португальского происхождения, объяснение которого допустимо искать в наличии активных торговых связей Португалии с Латинской Америкой и Китаем, а начиная с 16 века – её колониальной политике в Макао, издавна имевшем коммерческие контакты с филиппинской Манилой.

2. Следующими по репрезентативности выступают ФЕ, содержащие в себе, наряду с испанскими и, реже, английскими, тагальскими или себуанскими лексическими элементами (~13 %). К данному классу правомерно, на наш взгляд, отнести фразеологизмы *ma eche* – ‘неискренний, неоднозначный’ (тагал. *ma* – частица, восходящая к префиксу с семантикой непреднамеренности, неконтролируемости действия [Paraluman S. Aspillera, 2007, с. 93]), *nineteen ninety calawang* – ‘очень старый’ (тагал. *calawang* – ‘ржавчина’), *piti(k) pies* – ‘о человеке, который стремится создать конфликт или причинить неприятность’ (тагал., себуа. *pitik* – ‘курица, цыплёнок’), *queda blanco el uwak* – ‘о невозможности чего-л.’ (тагал., себуа. *uwak* – ‘ворона’), *ta mira* – ‘Я считаю, оцениваю что- или кого-л.’ (*ta* – тагальская частица в начале главной клаузы с последующим придаточным изъяснительным [Bolinao Dictionary, 2025]).

Около 8 % ФЕ фиксируют в своём составе местные прецедентные имена, которые ассоциируются у говорящих со значимыми для их сообщества реалиями. Под реалиями в нашем исследовании мы подразумеваем исторические события, места, личности, известные носителям чавакано и получившие вербализацию. В данном ряду находятся фразеологизмы *Diutay se* – ‘очень большой’ (от себуа. *Diutay* – название небольшого острова в регионе Висайи + исп. «se» < «ese» с опущенной предикативной частицей *ay* между сказуемым и подлежащим согласно правилам тагальской грамматики [Крус, 1966, с. 87]), *Claro ya el Basilan* – ‘выражение уверенности в скорой победе’ (тагал. *Basilan* – название одного из ближайших островов архипелага Сулу, в 17 км от о. Минданао), *tampa si quien* – ‘мнить себя

кем-то, часто – кем-то важным’ (от тагал. *Tampa* < америнд. *Tampa* – большой город штата Флорида, а также название американской больницы, где оказывали эффективную кардиологическую помощь [What is the Meaning of Tampa in Tagalog?]).

3. Своего рода «полярный случай» по сравнению с группой 2 представляют фразеологизмы, в которых испанский лексический состав был оформлен не по правилам испанской грамматики, а под влиянием австронезийских, по всей видимости, тагальских, грамматических и словообразовательных моделей. В нашей выборке такие примеры составили ~15 %. Укажем среди них такие, как *arroz arroz* – ‘очень серьёзный’, *bola-bola* – ‘о чём-либо ложном, сомнительном’ (от исп. *bulo* – ‘ложные слухи, фейк’), *de alla alla* – ‘о том, кто живёт очень далеко’, оформленные с регулярным для тагальского языка способом интенсификации содержания [Jia Wan, 2016]. К этой же группе примыкают *cuchara malabao* – ‘сплетник’ (ср. латиноамер. исп. *malabar* – плутовство [Большой испанско-русский словарь]) и *grueso cara* – ‘бесстыдный, лишённый стыда’ с нарушением согласования, отсутствующим в «языковой технике» субстрата, *poco se/ ese* – ‘огромный; многочисленный’, где наличествует не только энантиосемия адъектива *poco*, но и нетипичный для испанского порядок слов; *talli pa el luz* – ‘о том, кто настаивает, что говорит правду’ (где перед нами чав. *talli* – ‘near’ [Gefillloyd De Castro, 2019] + *pa* – тагальская энклитичная частица при глаголах, одно из значений которой – ‘продолжение, незавершённость действия, ещё’ [Крус, 1966, с. 65]; кроме того, нарушено родовое согласование существительного *luz* с артиклем, поскольку такая техника не знакома субстратным австронезийским языкам).

4. На периферии рассматриваемого корпуса находятся устойчивые, в том числе однословные, единицы, ~7,5 % из которых содержит прецедентные имена, актуальные в сообществе носителей чавакано. Они схожи с ФЕ по воспроизводимости, высокой стереотипизации и культурной значимости. Употребление этих единиц актуализирует некий культурнозначимый характерный признак уникального денотата [Беспалова, 2021, с. 30]. В качестве частных иллюстраций выделяются *Arya* – ‘прогнать кого-то.’ (от санскр. *arya* – ‘ариец; благородный человек, следующий буддистскому пути’), *bulao* – ‘сойти с ума’ (по названию автономного мусульманского района о. Минданао, где доминирует мусульманское

население, потомки арабских торговцев и проповедников, на фоне 90 % филиппинских христиан сегодня) [Discover Bulao in Philippines]. Ср. также (*Na*) *Merloquet* – ‘очень далеко’ (по имени живописных водопадов Мерлокет в 78 км от г. Замбоанга, путь к которым требует времени и физических усилий) [Водопады Мерлокет на Минданао 2025].

Единично (~2 %) в источниках представлены ФЕ с австронезийским лексическим составом: *utuk bulinao* – ‘ограниченное, узкое мышление; человек, им обладающий’ (от себуа. *utuk* – ‘мозг’ и тагал. *bulinao* – ‘вид мелких сероватых рыбок с круглым телом и длинной челюстью – анчоусов или бычков – размером от 1 до 2 дюймов’ [Bolinao Dictionary]).

Подвергаясь фонетической интерференции, а также дальнейшему упрощению в условиях неформальной коммуникации, некоторые романские лексемы закрепились в ненормативной огласовке, как она представлена в устной речи. Так, письменное отражение обрела апокопа в формах инфинитива и существительных: *marca* (< *marcar*), *lava* (*lavar*), *cen* (< *centavo*);

синкопа интервокальной фонемы /d/: *malabao* (< *malabado*), *cuidao* (*cuidado*); переход /f/ > /p/ ввиду отсутствия /f/ в тагальском и себуано: *pogon* (< *fogón*), редукция гласных, которая подкрепляется отсутствием фонологического статуса у различий между [i], [e], как и между [u], [o] [Крус, 1966, с. 18]: *bola* (< *bulo*), *moñeca* (< *muñeca*), *hirvi* (< *hierve*).

На втором этапе анализа мы обратились к тем культурно-языковым взаимодействиям конвергентного сообщества, итоги которых нашли выражение на уровне фразеологического значения и внутренней формы интересующих нас единиц. Здесь запечатлелся специфический для данного идиома итог межкультурной коммуникации, которая сопутствовала образованию нового лингвокультурного сообщества. Так, было установлено, что словарное значение ФЕ соотносится с социально-психологическим и модусным компонентами культуросферы. Вполне закономерна высокая доля номинаций, характеризующих социальное поведение, свойства и состояния лиц (социально-психологический компонент лингвокультуры), если иметь в виду антропоцентричность человеческой когниции и, как следствие, обслуживающей её системы естественного языка. ФЕ этой категории составляют ~55 % выборки: *arya* – ‘прогнать кого-то’, *lava mano* – ‘снимать с себя ответственность’, *Claro ya el*

Basilan – ‘выражение уверенности в скорой победе’, *cuchara malabao* – ‘сплетник’, *Duele na orejas* – ‘нервный, раздражённый’, *grande tai* – ‘о влиятельном, богатом человеке’, *grueso cara* – ‘бесстыдный’, *Hirvi sangre* – ‘злой’, *larga palabra* – ‘обещание; проклятие’, *marca palabra* – ‘обещать’, *muerto de (na) risas* – ‘тот, кто сильно смеётся или экстремально счастлив’, *na lata* – ‘неудачник’, *piti(k) pies* – ‘о человеке, который стремится создать конфликт или причинить неприятность’, *siembra caña* – ‘о том, кто затаил обиду или негодование’, *suda frio* – ‘быть нервным, напряжённым, обеспокоенным’, *talli pa el luz* – ‘о том, кто настаивает, что говорит правду’, *tampa si quien* – ‘мнить себя кем-то, часто – кем-то важным’, *todo bagon* – ‘глупый’, *utuk bulinao* – ‘человек, обладающий ограниченным мышлением’ и некоторые другие.

Значительную манифестацию в языке чавакано (около 45 %) также получает модусный компонент, поскольку в целом он охватывает широкую область аспектов окружающего мира и жизнедеятельности, находящихся в фокусе интерпретации с точки зрения языкового сознания носителя чавакано. Это могут быть аспекты трудовой и интеллектуальной деятельности (*busca cen* – ‘искать работу’, *busca la vida* – ‘зарабатывать на жизнь’; *bulao* – ‘сойти с ума’, *ta mira* – ‘Я думаю’), пространственной квалификации и причинно-следственных связей (*De alla alla* – ‘о том, кто живёт очень далеко’, *Diutay se* – ‘очень большой’, *ma eche* – ‘не напрямую’, *Merloquet* – ‘очень далеко’; *caliente boca* – ‘тот, кто пророчит что-либо плохое’), рациональной оценки (*No hay chance* – ‘не приносит пользы’, *por pecho* – ‘всерьёз’, *queda blanco el uwak* – ‘о невозможности чего-л.’).

В качестве presupposiciones, лежащих в основе внутренней формы образных ФЕ, служат как общечеловеческие, так и специфические для Филиппин коллективные знания носителей чавакано. Эти элементы картины мира (в порядке убывания репрезентативности) соотносятся с представлениями о физических ощущениях, о внешнем виде человека и частей его тела (*Duele na orejas*, *hirvi sangre*, *Muerto de (na) risas*, *Talli pa el luz*; *grueso cara*, *utuk bulinao*, *moñeca de pogon* – ~29 %), с фактами местной географией и пространственной ориентацией (*Claro ya el Basilan*, *Diutay se*, *Merloquet*; *de alla alla*, *ma eche* – ~16 %), с актуальными сферами трудовой деятельности (*Arroz arroz*, *busca cen*, *siembra caña* – ~13 %), с интеллектуальной (~7 %) и ре-

чевой активностью (~10 %) субъекта (*No hay chance*; *caliente boca*, *larga palabra*, *marca palabra*), характеристиками бытового уклада (*Cuchara malabao*, *lava mano* – ~7 %) и представителей фауны (*Piti(k) pies*, *todo bagon* (от чав. *bagon*, *mag. bahgoong* – ‘паста из креветок’, очень популярный соус в Юго-Восточной Азии [Gefilloyd De Castro, 2019; What is Bagoong Alamang (Filipino Shrimp Paste)?, 2023]), *Queda blanco el uwak*, *utuk bulinao* – ~8 %), а также реалиями конфессионального пути государства (*Arya*, *bulao* – ~5 %).

Единичны в обследованном корпусе примеры фразообразования, где отправной точкой в картине мира служат сведения о физических явлениях (*Nineteen ninety calawang*) и о способах восприятия действительности (*Ta mira*). Концепты перечисленных реалий носят статус прототипических структур знания: *Por pecho* – ‘принимать всерьёз’, где метонимически представлен символический архетип мировой культуры «сердце – средоточие человеческих переживаний», *grande tai* – ‘о влиятельном, богатом человеке’, где наличествует социальный прототип обеспеченного жителя Южного Китая, *moñeca de pogon* – ‘уродливый’, где перед нами прототип чумазого человека, замаравшегося у костра или топки, или *Nineteen ninety calawang* – ‘старый’ с упоминанием ржавчины как прототипа ветхости).

В ряде случаев отмеченные концепты содержат в себе идиозмические стереотипы, которые также создают предпосылки для обращения к ним как мотивирующему основанию ФЕ. Скажем, социокультурные стереотипы религиозного характера находим во фразеологизмах *arya* – ‘прогнать кого-то’ (источник – бывшее отношение к буддизму на фоне приоритетного католицизма), *bulao* – ‘сойти с ума’ (источник – имевшее место отношение к одноимённому району о. Минданао, где до колонизации активно складывалось мусульманское население, отделившееся от христиан).

В процессе фразообразования все эти реалии, чувственно воспринимаемые в своём большинстве, играли роль когнитивной опоры (сферы-источника) для метонимической или метафорической, зачастую оценочной, интерпретации явлений общественного уклада Филиппин, а также личностных характеристик членов социума. В ходе культурологической интерпретации при сравнении актуальных фразеологических значений с их мотивировкой налицо ассоциативные переходы, возникающие за счёт этой интерпре-

тации и «скрепляющие» в одной ФЕ культурные компоненты разного типа, разной этнической принадлежности: **модусный** (мотивирующая основа), **социально-психологический** (современное фразеологическое значение): *cuchara malabao* – ‘сплетник’, *grueso cara* – ‘лишённый стыда’, *larga palabra* – ‘обещание; проклятие’, *tu cuidao* – ‘меня не касается’, *utuk bulinao* – ‘ограниченное, узкое мышление; человек, им обладающий’; **цивилизационный, модусный**: *arroz arroz* – ‘серьёзный’, *busca cen* – ‘искать работу’, а также менее частотный ассоциативный переход **от цивилизационной к социально-психологической компоненте**: *Claro ya el Basilan* – ‘выражение уверенности в скорой победе’; *todo bagon* – ‘глупый’.

В целом же фигуральный план ФЕ вовлекает в своё действие все три составляющих лингвокультуры с преобладанием модусной (~48 % единиц), связанной с умственным освоением окружающего мира, получением и передачей информации о нём. Цивилизационная компонента в этой роли занимает второе место (~28 %). Социально-психологический уровень культуры создаёт наиболее абстрактное образное основание и поэтому манифестирован в ономастической структуре гораздо реже (~2 % выборки), не вызывая при этом ассоциаций с другими культурными составляющими, к примеру, *Evos ya* – ‘Ты уже!’ (межд. в ситуации, когда кто-то повторяет за другим).

С точки зрения постижения этнокультурной специфики, вербализованной во фразеологическом фонде языка чавакано, особый интерес представляют компоненты внутренней формы, соотносимые с объектами, значимыми для местной истории и географии (*Claro ya el Basilan, diutay se, Merloquet, bulao*), с психологически яркими реалиями из сфер экономического уклада (*Arroz arroz, siembra caña, grande tai, tampa si quien*) и конфессиональных отношений филиппинского народа (*Arya*).

Заключение

Результаты анализа, проведённого на текущем этапе исследования, дают возможность сделать несколько выводов.

1. В настоящее время креольский язык чавакано располагает по меньшей мере несколькими десятками фразеологизмов, которые фиксируются в употреблении и небольшом количестве лексикографических источников, доступных широкому пользователю.

2. Ядро фразеологического корпуса этого языка с точки зрения происхождения составляют, как и во многих других языках, фразеологические единства, характеризующие значимую для говорящих денотативную ситуацию образно и целостно. Периферийное положение занимают прецедентные имена, хорошо известные местному лингвокультурному сообществу, регулярно используемые, однако не являющиеся сверхсловными единицами.

3. Состав и структура материала отражает в себе переплетение свойств строения языковых систем, взаимодействующих на территории филиппинского ареала, а также элементов внешнего контекста их бытования. Это ещё раз подтверждает заявленную в методологии контактной лингвистики необходимость исследовать итог языковой конвергенции в единстве внутренних и внешних факторов существования естественного языка.

4. Учитывая более чем трёхвековое подчинение испанской короне, доминирующее положение занимают ФЕ с испанским лексическим составом, который, однако, может соседствовать с вкраплениями из автохтонных языков (тагальский и себуано), может частично подвергаться интерференционным изменениям звукового облика или оформляться грамматически по законам языка-субстрата. Преобладание этой группы единиц вполне отвечает универсалии контактной лингвистики, признающей язык-источник главным «поставщиком» лексики при конвергенции языков.

5. Содержание основной массы ФЕ восходит к оценочно-образному сопоставлению характеризующих объектов с уже известным и носителям чавакано фрагментами опыта освоения окружающей действительности. Наибольший интерпретирующий потенциал демонстрируют пресуппозиции, связанные с представлениями о физических признаках человека, о реалиях географического порядка и хозяйственном укладе Филиппин (27, 20 и 15 % соответственно). В своей совокупности эти опорные элементы картины мира соотносятся со всеми тремя аспектами культуросферы: модусным, цивилизационным и социально-психологическим.

6. За счёт устойчивых и воспроизводимых ассоциаций обозначаемого со стереотипами / прототипическими представлениями, лежащими внутри данных аспектов культуры, создаются межконцептуальные переходы, соединяющие фразеологическое значение с исходной внутренней формой

ФЕ (семантикой исходных сочетаний). Наличие валидной мотивировки позволяет, как подчёркивала А. М. Эмирова, «оперативно и с минимальной затратой усилий назвать какую-либо реалию и одновременно выразить свое отношение к ней» [Эмирова, 2020, с. 124–125]. Тем самым обеспечивается оптимальное решение актуальных для фразеологизма прагматических задач: речевое воздействие (апеллятивный компонент значения) в сочетании в самовыражении говорящего при употреблении фразеологизма (экспрессивный компонент значения ФЕ).

7. В свою очередь, фразеологическая абстракция внутренней формы направлена в сторону характеристики социально-психологических и когнитивных феноменов, включённых в жизнедеятельность филиппинского народа (социально-психологический и модусный компоненты культуры). При этом количественно выделяются средства оценочной характеристики лиц по умственным и поведенческим качествам (~ 55 %); при этом, в соответствии с законом социального предостережения (ссылка), номинации зачастую подлежат феномены, отрицательно оцениваемые социумом, так что и сама оценка носит отрицательный характер.

Перспективы дальнейшей работы в данном направлении видятся автору в уточнении психологически реального прагматического потенциала ФЕ на основе экспериментов с участием пользователей чавакано. В русле языковой ситуации, в которой английский и тагальский языки охватывают всё больше носителей и сфер коммуникации на Филиппинах, определённую научную ценность представляет социолингвистический анализ употребления фразеологии гибридного языка. Кроме того, интересным и необходимым для углубления сведений о природе фразеологизмов, рождённых в ситуации языкового контакта, предстаёт последовательное использование достижений когнитивной лингвистики. Полагаем, что это позволит более точно очертить круг форматов знания и видов концептуализации / категоризации, «след» которых запечатлелся в истории и бытовании идиоматики чавакано. Такой подход поможет выстроить картину соотношения объективного и субъективного знания в семантике ФЕ конкретного этноязыкового сообщества, что, по мысли В. Н. Телии, представляет неотложную задачу фразеологии в эпоху антропоцентризма [Телия, 1996, с. 56].

Библиографический список

1. Австронезийские языки // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1799050?ysclid=m78xo4hrs977625942> (дата обращения: 05.02.2025).
2. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1963. 207 с.
3. Асфандияров И. У. К вопросу об общих методах исследования двух разнотипных контактирующих языков // Вопросы языкознания. 1980. № 1. С. 49–58.
4. Багана Ж. Контактная лингвистика: взаимодействие языков и билингвизм / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. Москва: Флинта: Наука, 2010. 123 с.
5. Беспалова Е. А. Фразеологизмы мифологического происхождения с компонентом – прецедентным именем: особенности строения и употребления (на примере газетных текстов) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 69. С. 29–46.
6. Большой испанско-русский словарь. URL: https://gufo.me/dict/esru_full (дата обращения: 05.02.2025).
7. Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
8. В каких странах говорят на испанском // Всё об Испании. URL: <https://spainmag.ru/v-kakix-stranax-govoryat-na-ispanskom/> (дата обращения: 01.02.2025).
9. Водопады Мерлокет на Минданао // Openarium.ru – справочник туриста. 2025. URL: <https://openarium.ru/poi/49864229/> (дата обращения: 15.02.2025).
10. Дьячков М. В. Креольские языки. Москва: Наука, 1987. 108 с.
11. Еремина К. Н. К проблеме языковых контактов: Европеизмы в современном персидском языке. Москва: Наука, 1980. 70 с.
12. Золотухин И. Н. Филиппинский архипелаг в зеркале этнической ситуации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2009. № 3(10). С. 71–85.
13. Иванова С. В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц. Москва: РГБ, 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-aspekt-issledovaniya-yazykovykh-edinits?ysclid=m78wzl6gu467149079> (дата обращения: 01.02.2025).
14. Ильяшенко Т. П. Языковые контакты: на материале славяно-молдавских отношений. Москва: Наука, 1970. 208 с.
15. Карлова Е. А. Особенности формирования франко-креолей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2007. № 20(49). С. 63–65.
16. Креольские языки. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (дата обращения: 25.01.2025).

17. Крус М. Тагальский язык / М. Крус, Л. И. Шкарбан. Москва : Наука, 1966. 101 с.
18. Левинтова Э. И. Испанско-русский фразеологический словарь / Э. И. Левинтова, Е. М. Вольф, Н. А. Мовшович, И. А. Будницкая. Москва : Рус. яз., 1985. 1076 с.
19. Мультитран: испанско-русский. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=5&l2=2> (дата обращения: 07.02.2025)
20. Платонова Е. Е., Шерстнев А. Н. Современный испанско-русский. Русско-испанский словарь / Е. Е. Платонова, А. Н. Шерстнев. Москва : АСТ, 2013. 863 с.
21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. Москва : Языки русской культуры, 1996. 284 с.
22. Филиппинские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/216/filippinskie-yazyki.htm> (дата обращения: 29.01.2025)
23. Филиппины // Советская историческая энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/ФИЛИППИНЫ?ysclid=m77dud8vsi15232380 (дата обращения: 03.02.2025)
24. Фролова Е. Г. История изучения филиппинских языков и языковой ситуации на Филиппинах // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. Вып. № 3. С. 168–178.
25. Чавакано // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4679184?ysclid=m6ti7sf1943787076> (дата обращения: 18.01.2025).
26. Щерба Л. В. О понятии смешения языков. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (дата обращения: 20.01.2025).
27. Эмирова М. А. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении : монография. Симферополь : Научный мир, 2020. 228 с.
28. Ярцева В. Н. Языковые контакты в условиях близких и далеких культур // Литература, язык, культура. Москва : Наука, 1986. С. 147–151.
29. Bolinao Dictionary, 2013. URL: <https://www.webonary.org/bolinao/g7d03a1ea-c994-4452-a486-bf81051059b3/> (дата обращения: 18.02.2025).
30. Carlos Madrid Álvarez-Piñer. El idioma chavacano de Filipinas ante los retos del siglo XXI / Idiomas de base Española // Centro Virtual Cervantes. 2018. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iecibe/08_madrid.htm (дата обращения: 29.01.2025).
31. Cebuano language / MustGo Travel. URL: <https://www.mustgo.com/worldlanguages/cebuano/> (дата обращения: 23.01.2025)
32. Chavacano // Diccionario Etimológico Castellano en Línea. URL: <https://etimologias.dechile.net/?chavacano> (дата обращения: 22.01.2025).
33. Chavacano de Zamboanga: Early History (1635–1718) // www.zamboanga.com. URL: https://www.zamboanga.com/html/history_Chavacano_de_Zamboanga.htm (дата обращения: 22.01.2025).
34. Discover Bulao in Philippines // Bulao Destination Guide. URL: <https://trip-suggest.com/philippines/autonomous-region-in-muslim-mindanao/bulao> (дата обращения: 12.02.2025).
35. Fernandez Mauro. La partícula «con» en chavacano, el español de Filipinas y el «Taglish» // Actes du XXVe Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes. Coruña : Maria Iliescu, Heidi Siller-Runggaldier, Paul Danler. 2007. P. 305–313.
36. Gefilloyd De Castro. Chavacano de Zamboanga: Idiomatic Expressions and Chavacano-English Dictionary. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/335600550_Chavacano_de_Zamboanga_Idiomatic_Expressions_and_Chavacano-English_Dictionary (дата обращения: 15.01.2025).
37. Glosbe. URL: <https://ru.glosbe.com/> (дата обращения: 04.02.2025).
38. Jia Wan. Reduplication in Tagalog verbs // Tagalog RED. 2016. URL: <https://soologua.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/03/reduplication-in-tagalog-verbs.pdf> (дата обращения: 10.02.2025).
39. Lehiste I. Lectures on language contact. Cambridge : MIT press, 1988. 119 p.
40. Ngara E. L'influence des langues et la culture: observations sur l'impact de l'anglais sur le shona // Diogene. 1993. № 161. P. 31–39.
41. Paraluman S. Aspillera. Basic Tagalog for Foreigners and Non-Tagalogs / Aspillera Paraluman S. Rutland, Vt. : Tuttle Publishing, 2007. 244 p.
42. What is Bagoong Alamang (Filipino Shrimp Paste)? 2023. URL: <https://iankewks.com/bagoong-alamang-filipino-shrimp-paste/> (дата обращения: 18.02.2025).
43. What is the Meaning of Tampa in Tagalog? // Dutch to English Translation Services – DutchTrans. URL: <https://www.dutchtrans.co.uk/what-is-the-meaning-of-tampa-in-tagalog/> (дата обращения: 10.02.2025).

Reference list

1. Avstronezijskie jazyki = Austronesian languages // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/1799050?ysclid=m78xo4hrs977625942> (дата обращения: 05.02.2025).
2. Amosova N. N. Osnovy anglijskoj frazeologii = Basic English phraseology. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1963. 207 S.
3. Asfandijarov I. U. K voprosu ob obshhih metodah issledovaniya dvuh raznosistemnykh kontaktirujushhih jazykov = Towards general research methods for two differently-systemic contacting languages // Voprosy jazykoznanija. 1980. № 1. S. 49–58.
4. Bagana Zh. Kontaktnaja lingvistika : vzaimodejstvie jazykov i bilingvizm = Contact linguistics : language

interaction and bilingualism / Zh. Bagana, E. V. Hapilina. Moskva : Flinta : Nauka, 2010. 123 s.

5. Bepalova E. A. Frazеologizmy mifologicheskogo proishozhdenija s komponentom – precedentnym imenem: osobennosti stroenija i upotreblenija (na primere gazetnyh tekstov) = Phraseological expressions of mythological origin with a component - precedent name: specifics of structure and usage (on newspaper texts) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. 2021. № 69. S. 29–46.

6. Bol'shoj ispansko-russkij slovar' = Big Spanish-Russian dictionary. URL: https://gufo.me/dict/esru_full (data obrashhenija: 05.02.2025).

7. Vajnrakh U. Jazykovye kontakty = Language contactS. Kiev : Vishha shkola, 1979. 263 s.

8. V kakih stranah govoryat na ispanskom = Which countries speak Spanish // Vsjo ob Ispanii. URL: <https://spainmag.ru/v-kakix-stranax-govoryat-na-ispanskom/> (data obrashhenija: 01.02.2025).

9. Vodopady Merloket na Mindanao = Merloquet Falls in Mindanao // Openarium.ru – spravochnik turista. 2025. URL: <https://openarium.ru/poi/49864229/> (data obrashhenija: 15.02.2025).

10. D'jachkov M. V. Kreol'skie jazyki = Creole languageS. Moskva : Nauka, 1987. 108 s.

11. Eremina K. N. K probleme jazykovyh kontaktov: Evropeizmy v sovremennom persidskom jazyke = Towards the linguistic contact problem: Europeanisms in the modern Persian language. Moskva : Nauka, 1980. 70 s.

12. Zolotuhin I. N. Filippinskij arhipelag v zerkale jetnicheskoy situacii = The Philippine archipelago in the mirror of the ethnic situation // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2009. № 3(10). S. 71–85.

13. Ivanova S. V. Lingvokulturologicheskij aspekt issledovaniya jazykovyh edinic = Linguoculturological aspect in studying linguistic unitS. Moskva : RGB, 2005. URL: <https://www.dissercat.com/content/lingvokulturologicheskii-aspekt-issledovaniya-yazykovykh-edinits?ysclid=m78wzl6gu467149079> (data obrashhenija: 01.02.2025).

14. Il'jashenko T. P. Jazykovye kontakty: na materiale slavjano-moldavskih otnoshenij = Language contacts: based on Slavic-Moldavian relationS. Moskva : Nauka, 1970. 208 s.

15. Karlova E. A. Osobennosti formirovanija franko-kreolej = Specificities of forming franco-creoles // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2007. № 20(49). S. 63–65.

16. Kreol'skie jazyki = Creol languageS. URL: https://www.elibrary.ru/query_results.asp (data obrashhenija: 25.01.2025).

17. Krus M. Tagal'skij jazyk = The Tagalog language / M. Krus, L. I. Shkarban. Moskva : Nauka, 1966. 101 s.

18. Levintova Je. I. Ispansko-russkij frazeologicheskij slovar' = Spanish-Russian phraseological dictionary / Je.

I. Levintova, E. M. Vol'f, N. A. Movshovich, I. A. Budnickaja. Moskva : RuS. jaz., 1985. 1076 s.

19. Mul'titran: ispansko-russkij = Multitran: Spanish-Russian. URL: <https://www.multitran.com/m.exe?l1=5&l2=2> (data obrashhenija: 07.02.2025)

20. Platonova E. E., Sherstnev A. N. Sovremennij ispansko-russkij. Russko-ispanskij slovar' = Modern Spanish-Russian. Russian-Spanish dictionary / E. E. Platonova, A. N. Sherstnev. Moskva : AST, 2013. 863 s.

21. Telija V. N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokulturologicheskij aspekt = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspectS. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 284 S.

22. Filippinskie jazyki = Philippine languages // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedia/articles/216/filippinskie-yazyki.htm> (data obrashhenija: 29.01.2025)

23. Filippiny = The Philippines // Sovetskaja istoricheskaja jenciklopedija. URL: https://gufo.me/dict/history_encyclopedia/FILIPPINY?ysclid=m77dud8vsi15232380 (data obrashhenija: 03.02.2025)

24. Frolova E. G. Istorija izuchenija filippinskih jazykov i jazykovoj situacii na Filipinah = History of studying Philippine languages and the linguistic situation in the Philippines // Vostok. Afro-aziatskie obshhestva: istorija i sovremennost'. 2013. Vyp. № 3. C. 168–178.

25. Chavakano = Chavacano // Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija. URL: <https://old.bigenc.ru/linguistics/text/4679184?ysclid=m6ti7sf1943787076> (data obrashhenija: 18.01.2025).

26. Shherba L. V. O ponjatii smeshenija jazykov. = On the concept of language mixing. URL: <https://ruthenia.ru/apr/textes/sherba/sherba8.htm> (data obrashhenija: 20.01.2025).

27. Jemirova M. A. Russkaja frazeologija v kommunikativno-pragmaticheskom osveshhenii = Russian phraseology in communicative-pragmatic light : monografija. Simferopol' : Nauchnyj mir, 2020. 228 s.

28. Jarceva V. N. Jazykovye kontakty v uslovijah blizkih i dalekih kul'tur = Language contacts in close and distant cultures // Literatura, jazyk, kul'tura. Moskva : Nauka, 1986. S. 147–151.

29. Bolinao Dictionary, 2013. URL: <https://www.webonary.org/bolinao/g7d03a1ea-c994-4452-a486-bf81051059b3/> (data obrashhenija: 18.02.2025).

30. Carlos Madrid Álvarez-Piñer. El idioma chabacano de Filipinas ante los retos del siglo XXI / Idiomas de base Española // Centro Virtual CervanteS. 2018. URL: https://cvc.cervantes.es/lengua/iecipe/08_madrid.htm (data obrashhenija: 29.01.2025).

31. Cebuano language / MustGo Travel. URL: <https://www.mustgo.com/worldlanguages/cebuano/> (data obrashhenija: 23.01.2025)

32. Chavacano // Diccionario Etimológico Castellano en Línea. URL: <https://etimologias.dechile.net/?chabacano> (data obrashhenija: 22.01.2025).
33. Chavacano de Zamboanga: Early History (1635–1718) // www.zamboanga.com. URL: https://www.zamboanga.com/html/history_Chavacano_de_Zamboanga.htm (data obrashhenija: 22.01.2025).
34. Discover Bulao in Philippines // Bulao Destination Guide. URL: <https://trip-suggest.com/philippines/autonomous-region-in-muslim-mindanao/bulao> (data obrashhenija: 12.02.2025).
35. Fernandez Mauro. La partícula «con» en chabacano, el español de Filipinas y el «Taglish» // Actes du XXVe Congrès International de Linguistique et Philologie Romanes. Coruña: Maria Iliescu, Heidi Siller-Runggaldier, Paul Danler. 2007. P. 305–313.
36. Gefilloyd De Castro. Chavacano de Zamboanga: Idiomatic Expressions and Chavacano-English Dictionary. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/335600550_Chavacano_de_Zamboanga_Idiomatic_Expressions_and_Chavacano-English_Dictionary (data obrashhenija: 15.01.2025).
37. Glosbe. URL: <https://ru.glosbe.com/> (data obrashhenija: 04.02.2025).
38. Jia Wan. Reduplication in Tagalog verbs // Tagalog RED. 2016. URL: <https://soologua.wordpress.com/wp-content/uploads/2016/03/reduplication-in-tagalog-verbs.pdf> (data obrashhenija: 10.02.2025).
39. Lehiste I. Lectures on language contact. Cambridge: MIT press, 1988. 119 p.
40. Ngara E. L'influence des langues et la culture: observations sur l'impact de l'anglais sur le shona // Diogene. 1993. № 161. P. 31–39.
41. Paraluman S. Aspillera. Basic Tagalog for Foreigners and Non-Tagalogs / Aspillera Paraluman S. Rutland, Vt.: Tuttle Publishing, 2007. 244 p.
42. What is Bagoong Alamang (Filipino Shrimp Paste)? 2023. URL: <https://iankewks.com/bagoong-alamang-filipino-shrimp-paste/> (data obrashhenija: 18.02.2025).
43. What is the Meaning of Tampa in Tagalog? // Dutch to English Translation Services – DutchTrans. URL: <https://www.dutchtrans.co.uk/what-is-the-meaning-of-tampa-in-tagalog/> (data obrashhenija: 10.02.2025).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 12.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 12.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Языки народов зарубежных стран (романские языки)

Научная статья

УДК 811.133.1

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-213

EDN: PETLFV

Семантическая и структурная характеристика эпонимов во французском гастрономическом дискурсе

Анна Владимировна Солнцева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и романской филологии, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

av.solntseva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1219-9160>

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию семантики и структурно-грамматической характеристики французских терминов-эпонимов в гастрономическом дискурсе. Имена собственные являются неисчерпаемым резервом для терминов и номенклатурных слов, так как с их помощью достигается конкретизация и уточнение более общих понятий и положений. Возросший интерес к терминологии и вторичной номинации способствовал появлению в конце 80-х годов XX века новой научной дисциплины – терминологической ономастики. Эпонимами в сфере кулинарии являются малоизученными по сравнению с аналогичными единицами в составе медицинской, юридической, технической терминологии, они до настоящего времени не становились предметом самостоятельного исследования.

Целью исследования являлось описание принципов классификации эпонимов, относящихся к кулинарным традициям и современной французской кухне. В качестве задач были определены анализ состава эпонимической лексики, определение характерных признаков эпонимов по их происхождению, составу, морфологическому и синтаксическому оформлению. Предложены два типа классификаций эпонимов-кулинарных: с точки зрения семантики и с точки зрения структуры. В плане семантики эпонимы могут быть классифицированы по следующим критериям: 1) по предметной категории вторичного денотата (названия ингредиентов, блюд, напитков, способов приготовления, утвари и другие элементы гастрономического дискурса); 2) по ономастическому разряду имен собственных, входящих в состав эпонимов (антропонимы, топонимы, ойконимы, хоронимы, годонимы, оронимы, инсулонимы). С точки зрения структурно-грамматических признаков, гастрономические эпонимы могут быть классифицированы по следующим параметрам: 1) по характеру знаковой функции; 2) по морфологической структуре эпонима.

Характеристики эпонимов в рамках предлагаемой классификации могут оказывать влияние на их функционирование в текстах и на способы их перевода.

Ключевые слова: эпоним; термин-эпоним; имя собственное; антропоним; топоним; кулинарный дискурс; терминологическая ономастика; морфологическая структура

Для цитирования: Солнцева А. В. Семантическая и структурная характеристика эпонимов во французском гастрономическом дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 213–222. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-213>. <https://elibrary.ru/PETLFV>

Languages of foreign countries (romance languages)

Original article

Semantic and structural characteristics of eponyms in french gastronomic discourse

Anna V. Solntseva

Candidate of philological sciences, associate professor, department of germanic and romance philology, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24

av.solntseva@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0003-1219-9160>

Abstract. The article focuses on semantics and structural characteristics of french eponymic terms in gastronomic discourse. Proper names are an inexhaustible source for terms and nomenclature words, as they are used to concretize and clarify more general concepts and statements. The increased interest in terminology and secondary nomination led to the emergence of a new scientific discipline – terminological onomastics – in the late 80s of the XX century. Eponyms in the sphere of culinary are not studied enough in comparison with similar units in the medical, legal, technical terminology and they have not been the subject of special research so far.

The aim of the study is to describe the principles of classifying eponyms related to culinary traditions and modern french cuisine. The tasks are to analyze the structure of eponymic vocabulary, to determine the characteristics of eponyms in terms of their origin, composition, morphological and syntactic form. The author proposes two classification types of eponyms in culinary: in terms of semantics and in terms of structure.

In terms of semantics, eponyms can be classified according to the following criteria: 1) by the subject category of secondary denotation (names of ingredients, dishes, drinks, cooking methods, utensils and other elements of gastronomic discourse); 2) by onomastic category of proper names within the eponyms (anthroponyms, toponyms, oikonoms, choronyms, hodonyms, oronyms, insulonyms). From the point of view of structural-grammatical features, gastronomic eponyms can be classified according to the following parameters: 1) the nature of the sign function; 2) the morphological structure of the eponym.

The characteristics of eponyms within the proposed classification may influence their functioning in texts and the ways of their translation.

Key words: eponym; eponymic term; proper name; anthroponym; toponym; culinary discourse; terminological onomastics; morphological structure

For citation: Solntseva A. V. Semantic and structural characteristics of eponyms in french gastronomic discourse. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):213–222. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-213>. <https://elibrary.ru/PETLFV>

Введение

Термин *эпоним* происходит от греческого слова ἐπώνυμος, что в переводе на русский язык обозначает «давший имя».

Традиция присваивать чему-либо имя собственное возникла в глубокой древности (Венера, Гелий, Атлас, Зефир, Август). По мнению А. В. Суперанской [Суперанская, 2007], «имена собственные являются неисчерпаемым резервом для терминов и номенклатурных слов, так как с их помощью достигается конкретизация и уточнение более общих понятий и положений». В лингвистике за счет своего рода терминологической метонимии обозначение «эпоним» закрепилось не только за именами собственными, лежащими в основе единицы-эпонима, но и за самими такими единицами. Следовательно, появилась возможность говорить о терминах-эпонимах, причем без них немыслима практически ни одна из сторон жизни общества, например: география (Сейшельские острова, г. Вашингтон), физика (вольт), химия (химический элемент менделевий), анатомия (гайморова пазуха), спорт (альпинизм), медицина (болезнь Альцгеймера), литература (тартюф = лицемер, ханжа), изобразительное искусство (силуэт), музыка (саксофон), кулинария (пралине, оливье, бефстроганов), мода (галифе), биология (магнолия) и многие другие.

Актуальность и новизна исследования

«Возросший интерес к терминологии и именам собственным – компонентам терминов способствовал появлению в конце 80-х годов XX века новой научной дисциплины терминологической ономастики» [Васильева, 1997]. Данная дисциплина исследует происхождение, структуру, функции имен собственных, включенных в профессиональную коммуникацию.

Проблемы эпонимизации рассматриваются в работах многих лингвистов: И. В. Арнольд [2017], Г. С. Доржиева [2017], Д. И. Ермолович [2005], Е. М. Какзанова [2011], А. М. Клестер [2006], Р. А. Комарова [1986], Е. В. Кузнецова [2003], В. М. Лейчик [2011], Н. В. Новинская [2013], Г. В. Овчинникова [2008], С. В. Рыжова [2013], А. В. Суперанская [2007], А. Г. Ходакова [2012], Т. Н. Шарапова [2013], С. Faivre [2012]. Однако вопрос об эпонимах в сфере кулинарии является малоизученным по сравнению с эпонимами в медицинской [Солнцев, 2010], юридической [Иконникова, 2014], технической терминологии [Какзанова, 2011], они не становились до настоящего времени предметом самостоятельного исследования. «Понятие «высокая кухня» (haute cuisine, grande cuisine) является визитной карточкой культуры Франции и одной из первых ассоциаций, характеризующих страну в представлении иностранцев» [Загряжская, 2015,

с. 53]. В последнее время создается новое научное историко-культурное направление «гастро-софия» [Павловская, 2016, с. 86]. Будучи актуальным направлением исследований, изучение гастрономического дискурса, безусловно, требует и анализа такого культурологически нагруженного его элемента, как эпонимы.

Методы исследования

Исследование выполнено на материале научно-популярной литературы, статей в иллюстрированных журналах, текстов путеводителей, а также справочного издания «Grand Larousse gastronomique» [2007]. Применялись методы сплошной выборки, наблюдения и сравнения. Проводилось сопоставление различных типов текстов на предмет насыщенности терминами-эпонимами, а также разнообразия номенклатуры терминов-эпонимов в пределах одного текста (издания).

Классификация эпонимов-гастрономов

Проведенное исследование показало, что эпонимы в современном французском гастрономическом дискурсе могут быть **классифицированы** с точки зрения семантики и семантики.

Исходя из семантики эпонимы делятся по следующим критериям:

1) по предметной категории вторичного денотата (названия ингредиентов, блюд, напитков, способов приготовления, утвари);

2) по ономастическому разряду имен собственных, входящих в состав эпонимов (антропонимы, топонимы: ойконимы, хоронимы, годонимы, оронимы, инсулонимы);

В соответствии с **структурно-грамматическими признаками** гастрономические эпонимы могут быть распределены по следующим параметрам:

1) по морфологической структуре эпонима;

2) по характеру знаковой функции.

Разберем указанные характеристики более подробно.

Предметная категория вторичного денотата.

Кулинаронимы, выступающие в качестве вторичных наименований, могут относиться к различным предметным категориям:

а) наименования ингредиентов (*chou de Bruxelles* / *брюссельская капуста*);

б) названия блюд:

– названия супов (*bouillabaisse de Marseille* / *марсельский буйабес*, *gaspacho espagnol* / *испанское гаспачо*, *gaspacho portugais* / *португальское гаспачо*);

– названия горячих блюд (*bœuf stroganoff* / *бефстроганов*, *canard laqué de Pékin* / *утка по-пекински*);

– названия перекусов (*un hamburger* / *гамбургер*, *sandwich* / *сэндвич*, *carpaccio* / *карпаччо-блюдо из тонко нарезанных кусочков сырой говядины вырезки, приправленной соусом на основе оливкового масла и лимона*);

– названия гарниров (*macédoine* / *овощная смесь*);

– названия салатов (*salade russe* / *салат оливье*, *salade niçoise* / *нисуаз*);

– названия десертов (*glace plombières* / *пломбир*, *crème chantilly* / *крем шантильи*, *Paris-Brest* / *пирожное Пари-Брест*, *Saint-Honoré* / *пирожное Сент-Оноре*);

в) названия соусов (*sauce allemande* / *соус по-немецки*, *sauce béchamel* / *соус бешамель*, *sauce bolognaise* / *соус болоньезе*, *sauce hollandaise* / *голландский соус*, *moutarde de Dijon* / *дижонская горчица*);

г) названия сыров (*brie* / *сыр бри*, *camembert* / *камембер*);

д) названия напитков (*bourgogne* / *бургундское вино*, *bordeaux* / *бордо*, *champagne* / *шампанское*, *cointreau* / *ликёр Куантро*, *cognac* / *коньяк*, *curaçao* / *ликёр кюрасао*, *café turc* / *кофе по-турецки*, *le thé earl Grey* / *чай эрл Грей*);

е) названия действий-способов приготовления (*pasteuriser* / *пастеризовать*);

ж) названия способов подачи блюд (*service à la russe* / *русская сервировка*, *service à la française* / *французская сервировка*).

Интересно, что в разных языках используются разные средства наименования одних и тех же плодов, рыб, птиц. Так, например, русское название апельсин – эпоним, заимствовано из нидерландского языка: *appelsien* (буквально – «яблоко из Китая»). Во французском языке подобное название *pomme de Chine* вытеснено словом *orange*.

В русском языке овсяная крупа именуется по названию бренда, который, в свою очередь, назван в честь мифологического героя Геркулеса, тогда как во французском языке такой традиции нет. Гречиху во Франции традиционно называли «арабским / сарацинским зерном» (в Италии и самой Греции – турецким, в Эстонии – татарским). «Гречневой» крупу стали называть славяне северного ареала, поскольку к ним она попала из Византии (по другой версии, эту культуру первоначально возделывали преимущественно греческие монахи при монастырях).

Ономастический разряд имен собственных.

входящих в состав эпонимов.

Эпонимы гастрономического дискурса могут быть образованы от различных имен собственных, в том числе антропонимов (*clémentine* / *клементин*), топонимов (*bordeaux* / *бордо*), астрономов (*gâteau soleil* / *торт Солнце*), названий фирм (*thermos* / *термос*).

Так, например, среди антропонимов, от которых образованы эпонимы во французском языке, могут присутствовать:

– персонажи литературных произведений:

la poire Belle-Hélène (*груша Прекрасная Элен*).

– имена любителей тех или иных блюд и напитков:

La pizza Margherita (*пицца Маргарита*) – названа в честь королевы Италии Маргариты.

– имена и фамилии людей, которые изобрели блюдо или напиток либо вырастили плод:

Cointreau (*куантро*). Ликер назван в честь Э. Куантро, который в 1875 году создал рецепт апельсинового ликёра. Десять лет спустя он оформил патент на название и форму бутылки, по которой ликёр легко узнаваем и сегодня.

Sandwich (*сэндвич*). Джон Монтегю, граф Сэндвич, возглавлял адмиралтейство Британии, финансировал три кругосветные экспедиции Джеймса Кука. Граф прославил свое имя кулинарным изобретением: во время игры в бридж Джон Монтегю утолял голод хлебом с ростбифом, и, чтобы не пачкать руки, а также чтобы было удобнее держать бутерброд, граф в 1762 году приказал повару класть мясо между двумя ломтиками хлеба. С тех пор такие закрытые бутерброды получили название «сэндвич».

Clémentine (*клементин* – *гибрид мандарина и апельсина*). Такие фрукты выведены в 1902 году французским миссионером и селекционером Клеманом Родье в Алжире.

Granny Smith (*яблоки Гренни Смит*). Названы в честь австралийки Марии Смит, которая в 1868 г. скрестила привезённую из Франции яблоню-дичку с местной австралийской яблоней.

Les œufs Bénédicte / *œufs bénédictine* в Квебеке (*яйца по-бенедиктински*). Блюдо названо по имени брокера Лемюэля Бенедикта, который в отеле Уолдорф-Астория в 1894 году заказал «то-сты с маслом, варёными яйцами, беконом и голландским соусом». Оскар Чирки, метрдотель ресторана, был настолько впечатлён таким блюдом, что включил его в меню ресторана.

Salade César (*салат «Цезарь»*). Многие ошибочно связывают салат «Цезарь» с личностью Гая Юлия Цезаря. На самом деле своим появлением и названием салат обязан тезке легендарно-

го древнеримского императора – итальянцу Цезарю Кардини. После Первой мировой войны он перебрался из Италии в Мексику, где открыл свое кафе «У Цезаря». Однажды хозяин подал салат, который приготовил из того, что оставалось на кухне: так и получился знаменитый «Цезарь». В первоначальный рецепт салата, куда входили яйца всмятку, оливковое масло, листья салата, хлеб, кисло-сладкий соус, пармезан и чеснок, добавилось только куриное филе и фирменный соус.

Sauce béchamel (*бешамель*, густой соус из сливок, изобретен Бешамелем, французским маркизом, гофмейстером короля Людовика XIV).

– имена, используемые на основе метафорического переноса:

Le carpaccio (*карпаччо*) – блюдо из тонко нарезанных ломтиков сырой говяжьей вырезки было названо в честь художника эпохи Ренессанса Витторе Карпаччо, чьи картины славятся обилием красных и бордовых оттенков.

В данном случае можно говорить об антропоморфной метафоре, подразумевающей перенос по схожести с характеристикой, описанием или действием человека [Нуждина, Борисова, 2024].

– имена известных людей, в честь которых названы блюда:

La pavlova (*десерт Павлова*, приготовленный на базе безе, с кремом и свежими ягодами) назван в честь балерины Анны Павловой из-за схожести с балетной пачкой.

La sauce béchamel (соус бешамель, на основе сливочного соуса) создан королевским поваром Франсуа де ля Варенном, основателем высокой кухни в Версале, и посвящен Луи де Бешамелю, маркизу де Нуатель, гофмейстеру при дворе Людовика XIV.

Le bœuf Stroganov ou bœuf Stroganoff (*беф-строганов*) – получил название в честь графа Александра Григорьевича Строганова.

La charlotte (*шарлотка*) названа в честь королевы Шарлотты, жены короля Великобритании Георга III.

La pêche Melba (*персик Мельба* из половинок персика, мороженого и малинового пюре) был придуман известным шеф-поваром Полем Эскофье и назван в честь оперной дивы Нелли Мельбы.

Brillat-Savarin *Сыр Брилья-Саварен*, или *Брилья-Саварен* – назван в честь известного французского писателя и кулинара Жана Антельма Брилья-Саварена.

Le gâteau de Battenberg – баттенбергский кекс, который готовится из коржей двух цветов. Коржи разрезаются и скрепляются абрикосовым

джемом между собой так, чтобы на срезе получилась шахматная клетка розового и жёлтого цвета. Существует версия, что кекс получил своё название в честь бракосочетания в 1884 году внучки королевы Великобритании Виктории принцессы Виктории Гессенской (сестры императрицы Александры Фёдоровны) с принцем Людвигом Баттенбергом. Каждая шахматная клетка якобы символизировала четырёх Баттенбергов: Людвига, Александра, Генриха и Франца Иосифа.

– имена владельцев ресторанов:

La tarte Tatin (Тарт Татен, вид открытого яблочного пирога) был придуман в гостинице сестёр Стефани и Каролины Татен в Ламотт-Беврон около 1880-х годов,

La salade Cobb (салат Кобб) – появился в 1930-х годах в голливудском ресторане Brown Derby и был назван по имени владельца этого заведения, Роберта Говарда Кобба.

Les nachos (начос) – в маленькой мексиканской деревушке владелец ресторана по имени Начос придумал простой рецепт из тортильи, тертого сыра и халапеньо. Сейчас это слово уже не ассоциируется с именем и стало собирательным названием для блюд из тортильи.

– названия торговых марок, например, «Thermos».

Для образования гастрономических терминов также используются топонимы, в частности:

– названия городов (ойконимы), например, *camembert, bordeaux, cognac, Paris-Brest, le poulet à la Kiev, salade niçoise, sauce bolognaise, chou de Bruxelles, champignons de Paris, Bugnes Lyonnaises, Moutarde de Dijon*;

– названия стран, области, района (хоронимы), например, *crêpes à la russe, café turc, soupe russe, champagne*;

– названия улиц (годонимы), например, десерт *Saint – Honoré*;

– названия гор (оронимы), например, *Ararat* (армянский бренди);

– названия островов (инсулонимы), например, ликёр *Curaçao* – ароматный ликёр, вырабатываемый из винного спирта с добавлением высушенной апельсиновой корки, мускатного ореха, гвоздики и корицы. Родина этого напитка — остров Кюрасао, входивший в состав голландских островов Вест-Индии (в Карибском море). Еще один пример инсулонима – *sardine* (сардина, название рыбы предположительно происходит от острова Сардиния).

Смысловая связь между исходным топонимом и термином-эпонимом может быть различной.

Во-первых, эпоним может включать географическое название мест, где изобретено блюдо, начато выращивание растения, например:

Le chou de Bruxelles (брюссельская капуста) была выведена из листовой капусты овощеводами в Бельгии, откуда проникла во Францию, Германию и Голландию. Карл Линней впервые научно описал капусту и назвал её брюссельской в честь бельгийских огородников из Брюсселя.

La sauce bolognaise. Родиной соуса болоньезе является итальянский город Болонья.

Названия французских сыров: *Camembert* (камембер), *Roquefort* (рокфор), *Brie* (Бри) и других – образованы от названий городов, поселков, провинций. Так, считается, что первый камембер был изготовлен в 1791 году нормандской крестьянкой Мари Арель (фр. *Marie Harel*). Согласно легенде, Мари Арель во время Великой французской революции спасла от смерти в деревушке Камембер скрывавшегося от преследования монаха, который в благодарность открыл ей известный лишь ему секрет приготовления этого сыра. Сыр *gouda* назван в честь голландского города Гауда.

Во-вторых, название может быть дано в честь какого-либо события.

Например, пирожное *Paris-Brest* изобретено в честь велосипедной гонки Париж-Брест. Парижский шеф-повар Дюран изобрел корону в форме велосипедного колеса, затем увенчал ее сливочным кремом и посыпал миндальными хлопьями и сахарной пудрой.

В-третьих, эпонимы могут быть образованы от географических названий на основе метафорического переноса.

Так, *la pizza hawaïenne* (гавайская пицца) не имеет никакого отношения к гавайской кухне: считается, что она была изобретена в Канаде в 1960-е годы, а ее название происходит от марки консервированных ананасов, первоначально использовавшихся для ее приготовления.

Sauce allemande («немецкий соус» или аллеманд) не имеет отношения к Германии – название этого светлого соуса противопоставляется темному испанскому соусу.

Macédoine – смешанный салат, овощная смесь. Согласно некоторым источникам, с разной долей обоснованности слово *macedoine* с середины XVIII века использовалось для обозначения смешанных салатов по аналогии с этническим разнообразием Македонской империи Александра Великого или Османской Македонии XIX века.

В-четвертых, в эпонимах может отражаться

адрес ресторанов или кафе, где впервые были приготовлены блюда.

Так, пирожное *le saint-honoré* было создано парижским кондитером Огюстом Жюльеном в кондитерской Chiboust в 1840. Оно получило название от парижской улицы Сент-Оноре, где располагалась кондитерская. В то же время название воздавало дань уважения святому Гонорию (Оноре) – покровителю пекарей.

Топонимы чаще всего передаются в переводе с помощью транслитерации / транскрипции (*Brest* → *Брест*), однако при этом необходимо учитывать уже сложившуюся переводческую традицию передачи отдельных наименований на другой язык (*Paris* → *Париж*) [Солнцев, 2015].

Исходя из морфологической структуры могут быть выделены следующие виды эпонимических терминов:

1) *простые* (непроизводные), образованные безаффиксным способом от имени собственного путем метонимического переноса (*sandwich* / *сэндвич*, *cognac* / *коньяк*, *calvados* / *кальвадос*, *champagne* / *шампанское*, *bordeaux* / *бордо*, *camembert* / *камамбер*, *charlotte* / *шарлотка*). В результате перехода слов из разряда имен собственных в имена нарицательные происходит изменение их значений, в результате чего может измениться написание (так, например, вместо прописной буквы используется строчная), появляется существенный морфологический признак – возможность употребления его во множественном числе, что лишает его главного семантико-грамматического признака – единичности.

2) *терминологические словосочетания*, содержащие в своем составе имя нарицательное и имя собственное; при этом категориальный признак выражается апеллятивным элементом словосочетания (*bœuf* / *говядина*, *salade* / *салат*, *tarte* / *пирог*, *gâteau* / *торт* и т. д.), а дифференциальные признаки – именем собственным.

Во французском языке существуют следующие разновидности сложных терминов:

а) *субстантивно-субстантивные беспредложные* (**SS**):

tarte Tatin / *пирог Татен*, *crêpe Suzette* / *блины Сюзетт*, *boeuf stroganoff* / *бефстроганов*;

б) *субъективно-адъективные* (**SA**):

bœuf bourguignon / *говядина по-бургундски*, *crêpes normandes* / *блины по-нормандски*, *fougasse provençale* / *прованский хлеб «Фугасс»*, *laitue romaine* / *салат ромэн*, *pain auvernat* / *хлеб по-овернски*, *pain breton* / *хлеб по-бретонски*, *quiche lorraine* / *киш лорен*, *salade russe* / *салат*

Оливье, *salade niçoise* / *нисуаз*, *sauce bolognaise* / *соус болоньезе* ;

в) *субстантивно-субстантивные с предлогом à la ..., de* (**S à la S** / **S de S**):

– *anguille à la provençale* (*угорь по-провански*), *asperges à la polonaise* (*спаржа по-польски*), *aubergines farcies à l'italienne* (*фаршированные баклажаны по-итальянски*), *champignons à l'anglaise* (*грибы по-английски*), *crêpes à la russe* (*блины по-русски*), *entrecôte à la bordelaise* (*антрекот по-бордосски*), *sandre à la Saumuroise* (*судак по-сомюрски*), *sole à la Normande* (*морской язык по-нормандски*), *thé à la française* (*чай по-французски*) [Николаева, 2023];

– *bleu d'Auvergne* (*сыр Блэ д'Овернь*), *bleu de Bresse* (*сыр Бресс Блэ*), *raclette de Savoie* (*сыр раklet по-савойски*), *champignons de Paris* (*грибы по-парижски*);

3) *аффиксальные производные*, термины-эпонимы, образованные от имен собственных морфологическим способом:

– *pasteurisation* (*пастеризация*), *pasteuriser* < *Louis Pasteur* (*Луи Пастер*), *clémentine* (*мандарин клемантин*) < *Clément* (*Клемент*) (**SΛ**).

Исследование показало, что в современном французском языке аффиксальные эпонимные термины не являются продуктивными.

По характеру знаковой функции эпонимы делятся на единицы, в которых наименование остается индивидуализирующим (*sandwich* / *сэндвич*, *chou de Bruxelles* / *брюссельская капуста*), и единицы, в составе которых оно переходит в разряд классифицирующих знаков (*tarte Sacher* / *торт Захер*, *gâteau Reine Élisabeth* / *торт «Королева Елизавета»*, *gâteau de Battenberg* / *баттенбергский кекс*). В первом случае принято говорить о полной эпонимизации, во втором – о частичной эпонимизации.

Терминологическая лексика (наряду с заимствованной) является незаменимым средством точной и лаконичной передачи информации в научных текстах, предназначенных для узкого круга специалистов [Левченко, Маруева, 2023]. Важно отметить, что традиционно наиболее предпочтительны в качестве терминов структуры первого типа (простые термины), однако терминологический характер приобрели и словосочетания типа *choux de Bruxelles*, *laitue romaine*, *jambon de Parme*. Самые распространенные из них многократно встречаются в неспециализированной литературе (например, путеводителях), однако наиболее насыщенными подобными единицами следует признать специальные издания.

Способы перевода

В рамках исследования было также проведено сопоставление французских эпонимов гастрономического дискурса и их переводов на русский язык, что позволило выделить следующие виды переводов:

I. В ряде случаев французский и русский язык могут применять сходные ономастические единицы (так называемая равнокатегориальная лексикосемантическая эквивалентность [Краснова, Сорокина, 2018]), например:

sandwich (сэндвич), *quiche lorraine* (киш лорэн), *clémentine* (клементин); *chou de Bruxelles* (брюссельская капуста); *jambon de Parme* (пармская ветчина); *pizza Marguerite* (пицца Маргарита); *carpaccio* (карпаччо); *crème chantilly* (крем шантйи / шантильи); *gouda* (гауда), *roquefort* (сыр рокфор); *pasteurisation* (пастеризация).

Предпочтение в пользу транскрипции или транслитерации язык перевода делает с учетом распространенности термина, а также степени расхождения фонетических и графических систем исходного языка и языка перевода [Солнцев, 2015: 207-208]. Поскольку кулинаронимы глубоко включены в культурный контекст, а некоторые из них занимают в нем ключевые позиции, при переводе следует принимать во внимание различия стилистических и аксиологических систем, а также сложившиеся в данном языке традиции перевода названий «чужих» реалий [Анисимов, 2018: 207].

II. В обоих языках имеются эквивалентные эпонимы, но их грамматическая структура различна:

bœuf stroganoff (бефстроганов); *champagne* (шампанское); *café turc / café à la turque, café grec / café oriental* (кофе по-турецки, кофе по-восточному).

III. Встречаются такие случаи, когда оба языка для наименования одного и того же понятия прибегают к эпонимам, но к разным, например:

sarrasin (греча), *salade russe* (салат оливье),

IV. Один язык использует эпоним, другой нет:

orange и *апельсин* (заимствовано из нидерландского языка *appelsien*; буквально — «яблоко из Китая»);

flocons d'avoine и *овсяные хлопья «Геркулес»*;

soupe russe и *борщ*;

mille-feuille и *торт Наполеон*.

Встречаются и случаи так называемой «народной этимологии», например, перец *Чили* – на самом деле происходит не от названия страны, а от ацтекского *чили* красный, название *корейка* не связано с названием страны Корея, а является адаптацией французского слова *carpé*.

Фразеологические единицы

Отдельно следует рассмотреть устойчивые сочетания, включающие гастрономические эпонимы, однако не относящиеся к области кулинарии.

Так, широко употребляются во французском языке следующие единицы:

– *indice Big Mac* – калька с англ. *Big Mac index* (индекс Бик-Мака неофициальный способ определения паритета покупательной способности);

– *madeleine de Proust* («мадленка Пруста» – маленькое печенье в форме морской ракушки, которое благодаря французскому писателю Марселю Прусту и его произведению «По направлению к Свану» превратилось в литературную метафору и стало обозначать психологическое явление; оно означает «вкус детства» и любую вещь, которая возвращает к воспоминаниям о счастливых моментах прошлой жизни): в одной из сцен романа главный герой окунает печенье в чай – и на сотни страниц переносится в детство в Комбре, с которым у него навечно ассоциируется вкус этого печенья;

– *homme-sandwich* – человек-реклама;

– *(structure) sandwich* – слоистая структура;

– *verre sandwich* – слоёное стекло;

– *être pris en sandwich* – быть зажатым (между двумя людьми или предметами).

Подобные явления известны и других языках. Так, в русском языке крылатое выражение *демянова уха* означает ситуацию, когда кому-то предлагают что-то очень навязчиво, чрезмерно и против воли, в английском языке существуют метафоры *champagne problem* (*проблема богатых*), способ минимизировать налог *Dutch sandwich* (дословно двойной ирландский виски с голландским сэндвичем – популярная в США схема оптимизации налоговых обязательств посредством использования двух ирландских и одной голландской компаний. Ирландские компании выступают в роли «хлеба», а между ними находится «сыр» или «колбаса»), в немецком языке – выражение *wie die Sardinen in der Büchse* («как сардины в банке», как сельди в бочке) [Скитина, Шабанова, 2019]. Употребление подобных компаративных конструкций обусловлено тем, что человек обычно использует в качестве сравнений те предметы, с которыми сталкивается в повседневной жизни [Бхатти, Ковш, Харитонов, 2021; Солнцева, 2019; Тарасова, Скитина, 2018].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд выводов относительно структуры, функционирования и перевода терминов-эпонимов, существующих в гастрономическом дискурсе.

Эпонимы – кулинаронимы представляют боль-

шой интерес с точки зрения лингвистики и лингвокультурологии. Их изучение предполагает классификацию, которая может быть основываться как на семантических, так и на структурных критериях. В ходе проведенного исследования нами были выявлены основные способы перевода терминов-эпонимов, которые во многом зависят от культурологических факторов, определяющих наличие эпонимического или неэпонимического эквивалента в языке перевода. Специфический слой эпонимов представляют собой единицы, формально имеющие отношение к отдельным продуктам питания или блюдам, но на деле за счет своего фразеологического характера функционирующие за пределами гастрономического дискурса.

Библиографический список

1. Анисимов В. Е. Особенности перевода франкоязычных кинозаголовков: прагматический аспект // Гуманитарные технологии в современном мире. Материалы VI Международной научно-практической конференции. 2018. С. 206–208.
2. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка : учебное пособие. Москва : Издательство «ФЛИНТА», 2017. 376 с.
3. Бхатти Н. В., Ковш Е. В., Харитоновна Е. Ю. Культурологические особенности фразеологических компаративов в индоевропейских языках (на материале английского, немецкого, русского языков и урду) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 3 (87). С. 760–772.
4. Васильева Н. В. Терминологическая ономастика: рецензия на книгу // Терминоведение. 1997. № 1-3. С. 185–188.
5. Доржиева Г. С. Эпонимизация как один из способов вторичной номинации: лингвокультурологический аспект // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 83–92.
6. Ермолович Д. И. Основания переводоведческой ономастики. Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2005. 48 с.
7. Загряжская Т. Ю. Коды французской кухни в контексте нарративных текстов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 2. С. 51–76.
8. Иконникова В. А. Возникновение и развитие культурного компонента в англоязычной юридической терминологии: на материале терминосистем Англии, Шотландии и США. Москва, 2014. 48 с.
9. Какзанова Е. М. Лингвокогнитивные и культурологические особенности научного дискурса: на материале математических и медицинских терминов-эпонимов. Москва, 2011. 46 с.
10. Клэстер А. М. Пути формирования и функционирование терминологии инженерной психологии в немецком языке. Омск, 2006. 162 с.
11. Ковш Е. В., Савченко Е. П. К вопросу об исследовании национальных языковых картин мира // Вильгельм фон Гумбольдт и его наследие: классика и современность. Сборник статей по материалам Всероссийской заочной научно-практической конференции / под редакцией Г. Т. Хухуни. 2017. С. 91–95.
12. Комарова Р. А. Семантическое преобразование антропонимов как способ вторичной номинации // Вопросы романо-германского языкознания. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1986. Выпуск 8. С. 24–29.
13. Краснова И. А., Сорокина О. О. Практическое применение модели измерения языковой аналогичности в учебном процессе // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2018. № 3. С. 124–129.
14. Кузнецова Е. В. Эпонимизация международной ботанической номенклатуры // Романо-германская филология. Саратов, 2003. Выпуск 3. С. 132–140.
15. Левченко М. Н., Маруева Н. А. Компрессивная функция терминологической и заимствованной лексики в научных текстах (на материале немецкого языка) // Актуальные вопросы современной лингвистики. Материалы X региональной научно-практической конференции (с международным участием) / отв. редактор М. Н. Левченко. Москва, 2023. С. 90–94.
16. Лейчик В. М. Обсуждение проблем эпонимии в современной науке // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. 2011. С. 134–142.
17. Николаева Э. А. Voulez-vous du thé à la russe ou à la française? // Сборник научных трудов ежегодного научного форума «Современные культурно-социальные вызовы и трансформация идентичности». Материалы первого ежегодного научного форума. Якутск, 2023. С. 167–170.
18. Новинская Н. В. Термины-эпонимы в языке науки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2013. № 4. С. 34–38.
19. Нуждина О. Ю., Борисова К. А. Метафорические модели в юридической терминологии // Актуальные вопросы современной лингвистики. Материалы XI международной научно-практической конференции, посвящённой Году педагога и наставника в РФ. Москва, 2024. С. 104–107.
20. Овчинникова Г. В. Эпонимы в вокабуляре моды в современном французском языке // Актуальные проблемы истории и теории романских языков. Москва : МГОУ, 2008. С. 292–298.
21. Павловская А. В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы. Часть 2 // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 85–101.
22. Рыжова С. В. Роль деонимизации в процессе обогащения лексического состава языка. // Филологические науки. № 6. 2013. С. 199–202.
23. Скитина Н. А., Шабанова В. П. Лингвокогнитивный аспект исследования пословиц с компонентом-ихтионимом в русском, английском и немецком языках // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 131–143.
24. Солнцев Е. М. Общие и частные проблемы перевода медицинских текстов // Вестник Московского

государственного лингвистического университета. 2010. № 588. С. 131–141.

25. Солнцев Е. М. Транскрипция и транслитерация в контексте русско-французского межкультурного диалога // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 12 (723). С. 205–212.

26. Солнцева А. В. Фразеологические единицы, содержащие названия продуктов питания, в канадском варианте французского языка // Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира. Материалы IV Международного научно-практического симпозиума. 2019. С. 374–376.

27. Сорокина Ю. С. Вариативность фразеологических единиц, обозначающих понятие «агрессия», в английской, русской и испанской языковых картинах мира // Актуальные проблемы теории и практики межкультурной коммуникации. Выпуск 7. Москва : Московский государственный областной университет, 2012. С. 22–27.

28. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.

29. Таганова Т. А. Традиции питания в современном англоязычном мире: неологизмы и их лексикографическое описание // Еда и культура. По материалам I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Центр по изучению взаимодействия культур. 2015. С. 306–311.

30. Тарасова О. Д., Скитина Н. А. Пословицы с зоонимным компонентом в свете лингвоэкологического подхода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 10-1 (88). С. 162–169.

31. Ходакова А. Г. Термины и номены // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. № 4 (1). С. 411–416.

32. Шарапова Т. Н. Особенности эпонимных терминов в немецкой терминологии бионики // Lingua Mobilis. 2013. № 1 (40). С. 159–165.

33. Faivre C. Onomastique de l'art culinaire en France. Thèse de doctorat en sciences du langage. Université Paris Ouest Nanterre La defense, 2012. 470 p.

34. Grand Larousse Gastronomique. Paris : Larousse, 2007. 990 p.

Reference list

1. Anisimov V. E. Osobennosti perevoda frankojazychnyh kinozagolovkov: pragmaticheskij aspekt = Specifics of translating French-language film titles: a pragmatic aspect / Gumanitarnye tehnologii v sovremennom mire. Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 206–208.

2. Arnold I. V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka = Lexicology of the modern English language : uchebnoe posobie. Moskva : Izdatel'stvo «FLINTA», 2017. 376 s.

3. Bhatti N. V., Kovsh E. V., Haritonova E. Ju. Kul'turologicheskie osobennosti frazeologicheskikh komparativov v indoevropskikh jazykah (na materiale anglijskogo, nemeckogo, russkogo jazykov i urdu) = Culturological peculiarities of phraseological comparatives in Indo-European languages (English, German, Russian and Urdu) // Vestnik

Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2021. T. 23. № 3 (87). S. 760–772.

4. Vasil'eva N. V. Terminologicheskaja onomastika: recenzija na knigu = Terminological onomastics: the book review // Terminovedenie. 1997. № 1-3. S. 185–188.

5. Dorzhieva G. S. Jeponimizacija kak odin iz sposobov vtorichnoj nominacii: lingvokul'turologicheskij aspekt = Eponymisation as a way of secondary nomination: a linguocultural aspect // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2017. № 2. S. 83–92.

6. Ermolovich D. I. Osnovaniya perevodovedcheskoj onomastiki = The basis for translation onomastics. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj lingvisticheskij universitet, 2005. 48 s.

7. Zagrzazkina T. Ju. Kody francuzskoj kuhni v kontekste narrativnyh tekstov = French cuisine codes in the context of narrative texts // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2015. № 2. S. 51–76.

8. Ikonnikova V. A. Vozniknovenie i razvitie kul'turnogo komponenta v anglojazychnoj juridicheskoy terminologii: na materiale terminosistem Anglii, Shotlandii i SSHa = The origin and evolution of the cultural component in English-language legal terminology: on the terminological systems of England, Scotland and the USA. Moskva, 2014. 48 s.

9. Kakzanova E. M. Lingvokognitivnye i kul'turologicheskie osobennosti nauchnogo diskursa: na materiale matematicheskikh i medicinskih terminov-jeponimov = Linguistic-cognitive and culturological features of scientific discourse: on the material of mathematical and medical eponyms. Moskva, 2011. 46 s.

10. Kljoster A. M. Puti formirovanija i funkcionirovanie terminologii inzhenernoj psihologii v nemeckom jazyke = Ways of formation and functioning of engineering psychology terms in the German language. Omsk, 2006. 162 s.

11. Kovsh E. V., Savchenko E. P. K voprosu ob issledovanii nacional'nyh jazykovykh kartin mira = On studying national linguistic world views // Vil'gel'm fon Gumbol'dt i ego nasledie: klassika i sovremennost'. Sbornik statej po materialam Vserossijskoj zaochnoj nauchno-prakticheskoy konferencii / pod redakciej G. T. Huhuni. 2017. S. 91–95.

12. Komarova R. A. Semanticheskoe preobrazovanie antroponimov kak sposob vtorichnoj nominacii = Semantic transformation of anthroponyms as a way of secondary nomination // Voprosy romano-germanskogo jazykoznanija. Saratov : Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1986. Vypusk 8. S. 24–29.

13. Krasnova I. A., Sorokina O. O. Prakticheskoe primenenie modeli izmerenija jazykovoj analogichnosti v uchebno-m processe = Practical application of the linguistic analogy measuring model in the teaching-learning process // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2018. № 3. S. 124–129.

14. Kuznecova E. V. Jeponimizacija mezhdunarodnoj botanicheskoy nomenklatury = Eponymization of international botanical nomenclature // Romano-germanskaja filologija. Saratov, 2003. Vypusk 3. S. 132–140.

15. Levchenko M. N., Marueva N. A. Kompresivnaja funkcija terminologicheskoy i zaimstvovannoj leksiki v nauchnyh tekstah (na materiale nemeckogo jazyka) = Com-

pressive function of terminological and borrowed lexicon in scientific texts in the German language // Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki. Materialy X regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) / otv. redaktor M. N. Levchenko. Moskva, 2023. S. 90–94.

16. Lejchik V. M. Obsuzhdenie problem jeponimii v sovremennoj nauke = Discussing eponymy problems in modern science // Jazyk i pravo: aktual'nye problemy vzaimodejstvija. 2011. S. 134–142.

17. Nikolaeva Je. A. Voulez-vous du thé à la russe ou à la française? // Sbornik nauchnyh trudov ezhegodnogo nauchnogo foruma «Sovremennye kul'turno-social'nye vyzovy i transformacija identichnosti». Materialy pervogo ezhegodnogo nauchnogo foruma. Jakutsk, 2023. S. 167–170.

18. Novinskaja N. V. Terminy-jeponimy v jazyke nauki = Eponymic terms in the language of science // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2013. № 4. S. 34–38.

19. Nuzhdina O. Ju., Borisova K. A. Metaforicheskie modeli v juridicheskoy terminologii = Metaphorical models in legal terminology // Aktual'nye voprosy sovremennoj lingvistiki. Materialy XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvjashhionnoj Godu pedagoga i nastavnika v RF. Moskva, 2024. S. 104–107.

20. Ovchinnikova G. V. Jeponimy v vokabuljare mody v sovremenном francuzskom jazyke = Eponyms in modern French fashion vocabulary // Aktual'nye problemy istorii i teorii romanskih jazykov. Moskva : MGOU, 2008. S. 292–298.

21. Pavlovskaja A. V. Gastrosofija: nauka o ede. K postanovke problemy. Chast' 2 = Gastrosophy: the science of food. Toward stating the problem. Part 2 // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 19. Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2016. № 1. S. 85–101.

22. Ryzhova S. V. Rol' deonimizacii v processe obogashhenija leksicheskogo sostava jazyka = The role of deonymization in enriching the lexical structure of a language // Filologicheskie nauki. № 6. 2013. S. 199–202.

23. Skitina N. A., Shabanova V. P. Lingvokognitivnyj aspekt issledovanija poslovic s komponentom-ichtionimom v ruskom, anglijskom i nemeckom jazykah = Linguistic-cognitive aspect in studying proverbs with the ichthyonym component in the Russian, English and German languages // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2019. № 4. S. 131–143.

24. Solncev E. M. Obshhie i chastnye problemy perevoda medicinskih tekstov = General and specific problems of translating medical texts // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2010. № 588. S. 131–141.

25. Solncev E. M. Transkripcija i transliteracija v kontekste rusko-francuzskogo mezh#jazykovogo dialoga = Transcription and transliteration in the context of Russian-French interlingual dialogue // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2015. № 12 (723). S. 205–212.

26. Solnceva A. V. Frazеologicheskie edinicy, soderzhashhie nazvanija produktov pitaniya, v kanadskom variante francuzskogo jazyka = Phraseological units containing foods names in the Canadian variant of French // Tradicionnaja kul'tura v sovremenном mire. Istorija edy i tradicii pitaniya narodov mira. Materialy IV Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma. 2019. S. 374–376.

27. Sorokina Ju. S. Variativnost' frazeologicheskikh edinic, oboznachajushhих ponjatie «agressija», v anglijskoj, ruskoj i ispankoj jazykovykh kartinah mira = Variability of phraseological units referring to the concept of «aggression» in the english, russian and spanish linguistic world views // Aktual'nye problemy teorii i praktiki mezhkul'turnoj komunikacii. Vypusk 7. Moskva : Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2012. S. 22–27.

28. Superanskaja A. V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo = General theory of proper names. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2007. 368 s.

29. Taganova T. A. Tradicii pitaniya v sovremenном anglojazыchnom mire: neologizmy i ih leksikograficheskoe opisanie = Eating habits in the modern English-speaking world: neologisms and their lexicographic description // Eda i kul'tura. Po materialam I Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo simpoziuma «Tradicionnaja kul'tura v sovremenном mire. Istorija edy i tradicii pitaniya narodov mira». Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova, Centr po izucheniju vzaimodejstvija kul'tur. 2015. S. 306–311.

30. Tarasova O. D., Skitina N. A. Poslovicy s zo-onimnym komponentom v svete lingvojeologicheskogo podhoda = Proverbs with zoonymic component in the light of linguistic-ecological approach // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 10-1 (88). S. 162–169.

31. Hodakova A. G. Terminy i nomeny = Terms and nomens // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. Nizhnij Novgorod, 2012. № 4 (1). S. 411–416.

32. Sharapova T. N. Osobennosti jeponimnyh terminov v nemeckoj terminologii bioniki = Features of eponymic terms in German bionics terminology // Lingua Mobilis. 2013. № 1 (40). S. 159–165.

33. Faivre C. Onomastique de l'art culinaire en France. Thèse de doctorat en sciences du langage. Université Paris Ouest Nanterre La defense, 2012. 470 p.

34. Grand Larousse Gastronomique. Paris : Larousse, 2007. 990 p.

Статья поступила в редакцию 26.03.2025; одобрена после рецензирования 14.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 26.03.2025; approved after reviewing 14.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья
УДК 8; 811.133.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-223
EDN: QPWUSH

Структурно-семантические особенности французских фразеологизмов со значением интеллектуальной деятельности

Светлана Борисовна Барушкова^{1✉}, Светлана Игоревна Соловьева²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

²Кандидат педагогических наук, доцент кафедры романских языков, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. 150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

¹svetlana.barushkova@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2488-4977>

²madam.sv-solovieva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8467-152X>

Аннотация. Самым ярким культурно значимым компонентом языка, способным выразить особенности, склад ума и менталитет его носителей, является фразеология. Именно в этой отрасли языкознания особенно ярко отражено национальное своеобразие языка. В данной научной статье представлено исследование, целью которого выступил анализ французских фразеологизмов, характеризующих интеллект человека, его жизнедеятельность, психические и физические особенности, гендерную принадлежность.

Достижение этой цели потребовало решения следующих задач: 1) выявление актуальности исследования; 2) анализ исследований, посвященных французским фразеологизмам, характеризующим интеллект человека; 3) выявление групп фразеологизмов, характеризующих интеллект человека через такие составляющие, как психические и физические особенности и гендерная принадлежность. Представлен краткий обзор гендерной специфики фразеологических единиц, обозначающих женский интеллект, так как именно эта семантическая группа достаточно ярко иллюстрирует стереотипы гендерности. Материал статьи включает анализ единиц с компонентами-наименованиями лиц женского пола и единиц, в составе которых имеется компонент, характеризующий внешний облик женщины.

На примере конкретных фразеологизмов авторами было доказано, что фразеологический фонд современного французского языка содержит большое количество фразеологизмов, репрезентирующих интеллект человека. Все отобранные примеры могут быть отнесены к одной из вышеперечисленных составляющих. При этом в каждой группе примеров имеются фразеологизмы, характеризующие интеллект человека как с положительной, так и с отрицательной стороны.

Ключевые слова: интеллект; французский язык; фразеологизм; ум; глупость; возраст; женщина; обыденное сознание; особенности; человек

Для цитирования: Барушкова С. Б., Соловьева С. И. Структурно-семантические особенности французских фразеологизмов со значением интеллектуальной деятельности // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 223–232. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-223>. <https://elibrary.ru/QPWUSH>

Original article

Structural and semantic features of french phraseological units referring to intellectual activity

Svetlana B. Barushkova^{1✉}, Svetlana I. Solovieva²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

²Candidate of pedagogical sciences, associate professor at the department of romance languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150066, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

¹svetlana.barushkova@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-2488-4977>

²madam.sv-solovieva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8467-152X>

Abstract. Phraseology is the most vivid culturally significant language component capable of expressing the peculiarities, mindset and mentality of native speakers. It is this branch of linguistics that expresses the national specificity of the language most explicitly. This research is aimed at the analysis of french phraseological units characterizing human intellect, life, mental and physical features, gender identity.

To achieve this goal the following tasks had to be solved: 1) identifying the relevance of the study; 2) analyzing the studies on french phraseological units referring to human intelligence; 3) identifying phraseological groups that characterize human intellect through such components as mental and physical features and gender identity. The article provides a brief overview of gender specificity of phraseological units denoting female intellect, since this semantic group illustrates gender stereotypes quite clearly. The authors analyze the units containing female persons' nominations and the units with a component characterizing a woman's appearance.

Using the example of particular phraseological units, the authors prove that the phraseology of the modern French language contains a large number of phraseological units representing human intellect. All the selected examples can be attributed to one of the above-mentioned components. At the same time, each group of examples contains phraseological units characterizing human intellect both positively and negatively.

Key words: intellect; the french language; phraseology; mind; stupidity; age; woman; common sense; specific features; person

For citation: Barushkova S. B., Solovieva S. I. Structural and semantic features of french phraseological units referring to intellectual activity. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):223–232. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-223>. <https://elibrary.ru/QPWUSH>

Введение

Актуальность исследования заявленной темы обусловлена тем, что понятие интеллекта, характеризующееся М. А. Холодной «сложностью и многоликостью» [Холодная, 2002, с. 239], обладает логическим соотношением с разнообразными факторами, находящимися в прямой взаимосвязи с жизнью и различными видами деятельности человека. При этом имеет место детерминация данного понятия физическими и психологическими характеристиками и особенностями человека.

Понятие интеллекта объективируется в рамках речемыслительной деятельности человека, что приводит к воплощению данного понятия в лексемах языка, обладающих структурными различиями. Однако анализ многочисленного фактического материала даёт возможность говорить о том, что в рамках каждого отдельно взятого языка имеется собственное национальное видение соотношения уровня интеллекта и различных качеств человека. В дополнение к этому необходимо отметить, что в разных языках имеются собственные взгляды на взаимосвязь интеллектуального развития человека с его социальным статусом, профессиональными достижениями и др. [Агон, 2000, р. 160]. Соответственно, можно говорить о том, что именно наличие в языке семантических связей между интеллектом и понятиями, в рамках которых человек предстаёт как субъект разумной деятельности [Червоный, 1995, с. 11], даёт возможность воссоздания

этой составляющей этнического создания носителей каждой отдельно взятой лингвокультуры.

Материал и методы исследования

Материалом для настоящего исследования послужили работы таких лингвистов, как: Р. Gaxotte [Gaxotte, 2023], Рецкер [Рецкер, 2023], [Кумлева, 2011], а также словарь «Dictionnaire Littré». В качестве методов используется сопоставительный анализ и обобщение полученных данных.

Особенности функционирования фразеологических единиц французского языка, характеризующих интеллект человека

Представления соотнесённости интеллекта человека с теми элементами действительности, которые его окружают, наиболее наглядно отражаются во фразеологизмах, присущих отдельно взятой лингвокультуре, так как, как было отмечено А. Г. Назаряном, «фразеология представляет собой такую отрасль языкознания, в которой наиболее ярко отражается национальное своеобразие отдельно взятого языка» [Назарян, 2000, с. 40].

Сфера интеллектуальной деятельности – это та область деятельности человека, в рамках которой имеют место отчетливые и яркие стереотипные представления об особенностях интеллекта отдельно взятого человека или группы людей. Однако необходимо отметить тот факт, что исследования, в которых поднимаются вопросы, касающиеся анализа фразеологизмов, характеризующих интеллектуальную деятельность, достаточно немногочисленны, при этом в таких рабо-

тах анализируются, в основном, фразеологизмы русского, английского и немецкого языков [Леонтьева, 2008, с. 19].

Материл, который был накоплен научным сообществом к настоящему времени, отличается разрозненностью и демонстрирует, главным образом, анализ репрезентации концептов «ум» и «глупость» фразеологическими средствами различных языков, а также выявление разновидностей метафор, посредством которых имеет место характеристика сильных, слабых или патологических интеллектуальных способностей [Скоробогатова, Суралева, 2014, с. 145].

Соответственно, представляется целесообразным проанализировать особенности функционирования фразеологических единиц французского языка, характеризующих интеллект человека. Выбор фразеологического фонда французского языка в качестве предмета анализа обусловлен тем, что фразеологизмы – это единицы языка, которым присущи такие характеристики, как долговременность присутствия в языке, а также высокая информационная нагруженность с точки зрения историко-культурного и социокультурного планов.

Необходимо обратить внимание на то, что во французском языке имеется значительное количество фразеологизмов, характеризующих интеллектуальную несостоятельность человека. С точки зрения И. А. Волошкиной, «столь значительное количество фразеологических единиц, описывающих интеллектуальные способности человека, представляет собой прямое доказательство того, что интеллект для представителей французской линвокультуры является важной составляющей с точки зрения характеристики психического развития человека» [Волошкина, 2009, с. 20]. Данная идея подтверждается и исследованиями французского психолога К. Рапая, который характеризует французов следующим образом: «Французы – люди думающие. Они полностью уверены в том, что ответы на наиболее важные вопросы может дать разум человека» [Рапай, 2008, с. 140]. Именно по этой причине низкий интеллект человека является объектом шуток. С точки зрения Н. А. Волоковой, «семантика такого речевого жанра, как высмеивание, может быть названа совокупностью комической и оценочной составляющих» [Волкова, 2005, с. 18]. Подобного типа сплав отразился, к примеру, в следующих французских фразеологизмах: *bête comme un hareng saur* [Dictionnaire Littré] – «глупый, как копченая селедка»; *con comme un*

cornichon dans son bocal [Dictionnaire Littré] – «глупый, как корнишон в банке»; *dégourdi comme un manche à balai* [Dictionnaire Littré] – «смышлелый, как ручка веника»; *bête comme un bouton de bottine* [Dictionnaire Littré] – «глупый, как кнопка на ботинке»; *con à bêcher de la flotte* [Dictionnaire Littré] – «глупый до такой степени, что способен копать воду» и т. д.

Необходимо отметить, что в качестве эталона высочайших интеллектуальных способностей для французов выступают представители Французской академии, которая была основана в 1634 году кардиналом Ришелье: *les quarante immortels* (*illustres*) – сорок бессмертных (прославленных) [Gaxotte, 2023]. Существует также фразеологизм *le quarante et unième fauteuil* (буквально: сорок первое кресло) – «умный человек, заслуживающий быть членом Французской академии». У этого фразеологизма достаточно прозрачная гендерная направленность. В данном случае имеется в виду, что в силу складывающегося на протяжении столетий (как минимум, до XIX века) мнения, мудрость, образование и просвещение – это удел исключительно мужской части населения, едва ли не право мужчин, которое дано им свыше. Интересно отметить, что даже на публичную церемонию приёма новых членов академии женщинам вход был воспрещен до 1703 года.

Результаты исследования

Существуют исследования, в которых доказывается, что в рамках компонентно-компаративного анализа фразеологизмов французского языка, характеризующих интеллектуальный уровень человека, имеется ряд семантических отношений, на которых базируется внутренняя форма фразеологизма, а именно:

- гендерная принадлежность – уровень интеллектуального развития;
- физические и психологические качества человека – уровень его интеллектуального развития [Червоный, 2024, с. 198].

Соответственно, представляется целесообразным проанализировать особенности функционирования вышеприведенных семантических связей во внутренней форме фразеологизмов французского языка, характеризующих интеллект человека.

1. Гендерная принадлежность с точки зрения её взаимосвязи с уровнем интеллекта. Гендерный аспект с точки зрения отражения интеллекта человека в ряде лексем языка представляет собой весьма распространенное явление. На протяже-

нии очень длительного времени исследователи в области философии, психологии и иных отраслей научного знания, равно как и обычные люди, задавались вопросом о том, отличается ли ум мужчин и женщин, и если отличается, то в какую сторону. Такие темы, как женская логика, взаимоотношения между красотой и умом, женщина и наука и т. д. до сих пор анализируются как в серьёзных научных исследованиях, так и в разговорах обывателей [Bachmann, 2022, p. 427].

Гендерная составляющая интеллектуальной деятельности отразилась также и во французских фразеологизмах. Женщина – носитель знаний и субъект интеллектуальной деятельности обладает как положительной, так и отрицательной аксиологией в силу того, что люди, вне зависимости от гендерной принадлежности, имеют различные характеристики интеллекта.

Необходимо отметить, что субстантив *femme*, будучи употребленным в несвободных сочетаниях в качестве ядерного компонента, обладает неизменно негативной оценкой интеллектуальных способностей женщины.

Во фразеологизмах французского языка, в которых речь идёт об интеллекте женщины, можно выделить ряд семантических соотношений, основными из которых можно назвать следующие:

- интеллект женщины – её внешность;
- интеллект женщины – её род занятий (вид деятельности);
- интеллект женщины – притворство, хитрость.

Вышесказанное представляется целесообразным проиллюстрировать на примерах конкретных фразеологизмов.

Femme au bain-marie [Рецкер, 2023, с. 466] – «глупая красавица». Этот фразеологизм представляет собой суждение о том, что женская красота равняется низким интеллектуальным способностям: красота – глупость – и род занятий (*au bain-marie* – с пароваркой).

Женщина, которая стремится выглядеть интеллектуалкой, не являясь при этом ею, во французском языке обозначают посредством фразеологизма *une femme bel esprit* [Рецкер, 2023, с. 414] – «умничающая женщина». Этот фразеологизм может быть назван ярким примером беспредложного аппозитивного словосочетания. «*Esprit*» будучи безартиклевым и беспредложным субстантивом в функции адъектива, который усиливается прилагательным *bel*, представляет собой аксиологический детерминатив.

Проявления гендерного аспекта можно отметить также у французских фразеологических единиц, частью которых являются субстантивы *maître* и *maitresse*.

Будучи ядерными лексемами французских фразеологизмов, лексемы «*maître*» и «*maitresse*» имеют сему «превосходство» (власть относительно других людей) в своей семантической структуре. Использование существительного «*femme*» в функции определения «*maitresse*» придает фразеологизму положительную окраску. Так, к примеру, фразеологизм *maitresse femme* [Рецкер, 2023, с. 642] – «умная женщина», является доказательством того факта, что у женщины вовсе не отрицается наличие ума.

Прямо противоположным смыслом обладают фразеологизмы с лексической единицей «*maître*», которая полностью подобна субстантиву женского рода «*maitresse*», например: *maitre sot* [Рецкер, 2023, с. 642] – «глупец, дурак, олух». Негативная оценка определяемому придаётся посредством семантики определяющего *sot* – глупый. Сочетание сем «превосходство» и «глупость» придаёт иронический оттенок данному фразеологизму, что ведёт к усилению отрицательной оценки, которая выносится субъекту интеллектуальной деятельности.

Представленный в следующем примере фразеологизм *un maitre aliboron* [Рецкер, 2023, с. 642] – «самонадеянный глупец», имеет значение «интеллектуальный портрет человека» и его корни восходят к понятию «педантичный и не очень умный аптекарь или лекарь», которое впервые встречается в произведениях известного французского баснописца Лафонтена.

В современном французском языке *un maitre aliboron* ассоциируется с ослом, который с точки зрения представителей европейской культуры не обладает большим умом.

2. Физические и психологические качества человека – уровень его интеллектуального развития.

Среди фразеологизмов французского языка есть фразеологизмы, в которых отрицательная оценка интеллектуального развития человека выражается посредством его физических недостатков (*infirm* – калека). Пример такого фразеологизма: *infirm des méninges* [Рецкер, 2023, с. 572] – «калека на голову (на мозги)», то есть круглый дурак. Этот фразеологизм представляет собой пример отражения в языке тесной референтной связи и соотношения физического и психологического в человеке.

Возраст человека представляет собой одну из наиболее важных его характеристик. В психофизиологическом словаре дано следующее определение возраста: «продолжительность периода от момента рождения до настоящего либо любого иного момента времени» [Безруких, Фабер, 2006].

Возраст характеризуется определенными периодами. Так, в человеческом сознании логически дифференцированы, а в языковом плане оформлены такие возрастные периоды, как младенческий возраст, ранний возраст, возраст юности, средний и зрелый возраст, пожилой, преклонный и престарелый возраст [Альмуханова, 2007]. Соответственно, можно говорить о том, что возраст человека представляет собой весьма распространенный предмет анализа обыденного языкового сознания, в особенности принимая во внимание отношения «интеллектуальные способности человека – его прожитые годы» [Богданов, Дорогокупля, Еремеев, Мичковский, 2019]. Логично, что данная тема не могла не отразиться во французских фразеологизмах. Далее будет рассмотрен ряд отношений интеллектуальных способностей человека с его возрастом.

1. Младенческий возраст – ум и интеллект человека.

Такие фразеологизмы, как *enfant prodige* – «вундеркинд»; *enfant gaté de la nature* [Рецкер, 2023, с. 396] – «богато одаренный человек, баловень природы», – представляют собой положительную характеристику интеллектуального уровня субъекта. В современном французском языке наивысшая оценка интеллектуального развития юного одаренного человека передается лексемами, обладающими такими коннотациями, как «чудо», «феномен» и т. д. Так, к примеру, в фразеологизме *enfant gaté de la nature* несмотря на то, что определение *gaté de la nature* (испорченный природой) обладает определенной отрицательной семантикой, имеет место выражение наивысшей положительной оценки, посредством которой подчеркивается норма интеллектуального развития ребенка, превосходящая все мыслимые пределы.

Несмотря на это, необходимо обратить внимание на тот факт, что образ ребенка далеко не всегда обладает положительной или снисходительной окраской, выражающей интеллектуальный и / или моральный облик субъекта [Leech, 2019, p. 155].

2. Зрелый возраст человека – его знания и опыт.

Знания, которые человек накапливал на протяжении всей жизни и которые являются результатом его жизненного опыта, ассоциируются с периодом зрелости. Так, к примеру, французский фразеологизм *un homme de bon conseil* [Рецкер, 2023, с. 260], который образуется посредством использования субстантива широкой семантики *homme* и определения *de bon conseil* на русский язык переводится как «человек, умудренный опытом» или «разумный человек». Принимая во внимание внутреннюю форму фразеологизма, можно предположить, что представители французской лингвокультуры под опытным и знающим человеком понимают такого, который может дать необходимый совет.

Вышеизложенное даёт возможность прийти к выводу о том, что на уровне обыденного сознания французов возраст никак не коррелирует с уровнем интеллектуального развития человека.

3. Род занятий (профессия) человека и его взаимосвязь с уровнем интеллекта. Опыт и знания, полученные на протяжении жизни и отразившиеся в обыденном сознании народов, говорят о том, что профессиональные достижения имеют тесную взаимосвязь с интеллектуальными способностями людей. Кроме того, интеллект представляет собой один из основных составляющих с точки зрения формирования социальной иерархии [Le Guern, 2023, p. 130]. Этот постулат подтверждается наличием во французском языке ряда фразеологизмов, в которых на основе культурного кода можно выявить национальные обычаи и традиции французов.

Так, посредством фразеологических единиц выражается оценка качества уровня образования и профессионального развития человека, при этом указание на конкретный род занятий во фразеологизме может как содержаться, так и не содержаться. Так, к примеру, неопределенность или, вернее, обобщённость рода занятий человека может быть передана посредством следующего фразеологизма: *Homme du métier* [Рецкер, 2023, с. 682] – знаток своего дела.

Данный фразеологизм обладает положительной окраской. В качестве его денотата можно назвать субъекта, чья профессиональная квалификация оценивается высоко. В связи с тем, что субстантив *homme* обладает нейтральной семантикой, в качестве оценочного компонента интеллекта в данном случае выступает предложно-именный оборот *du métier* [Rey, 2022, p. 88].

У вышеприведенного фразеологизма имеется антоним, который имеет следующий вид: *Homme sans lettres* [Рецкер, 2023, с. 609] – «необразованный, неграмотный человек». Аксиология, как и во фразеологизме, приведённом выше, передается предположно-именным оборотом (в этом случае – *sans lettres*), что является подтверждением определенной языковой закономерности, характерной для французского языка (относящегося к аналитическому типу) в рамках реализации денотативной функции фразеологических сочетаний [Expressions insolites et inédites].

4. Для образной характеристики человека, его физических и психологических качеств в большинстве языков мира широко используются названия животных. При помощи подобных фразеологизмов высмеиваются глупость, упрямство, лицемерие, дурные привычки, невоспитанность и другие моральные и интеллектуальные изъяны человека, вызывающие осуждение. Конечно, образы животных могут использоваться и с положительной экспрессией, но это наблюдается гораздо реже.

Любопытное замечание сделала З. Е. Фомина: «Человек продукт живой природы, составная часть живого мира, который ищет параллели в живом мире, мире себе подобных, в мире фауны...» [Фомина, 1998].

Зоонимы становятся своеобразным олицетворением, символами моральных и интеллектуальных качеств человека, то есть «помимо реального значения содержат нечто специфическое, дополнительное, смутное, не вполне известное, спрятанное от нас» [Фомина, 1998].

Во французском языке разработана целая система метафорических значений названий животных. Например, *une vache* – (букв. корова) «дурной, неразумный человек» употребляется как общее в отношении мужчин и женщин. Но за некоторыми зоонимами закрепляются значения, дифференцированные по половому признаку: *un dindon* – (букв. индюк) «глупый человек», *une poule* – (букв. курица) «глупая, бестолковая женщина». Птицы символизируют глупость и легкомыслие: *une linotte* – (букв. коноплянка) «бестолковый человек».

В различных языках глупость ассоциируется с сельскохозяйственными животными, содержащимися человеком для получения продуктов питания, а также для выполнения рабочих функций. Их образ жизни состоит лишь в том, чтобы спать, есть, нагуливать жир, перевозить тяжести, обрабатывать землю. Данные действия не харак-

теризуют этих представителей животного мира как достаточно развитых существ. Таким образом, фразеологизмы в состав которых входят лексемы, обозначающие данных представителей животного мира, приобретают значения «глупый».

Во французских фразеологизмах, обозначающих глупость чаще всего, используются названия следующих животных: *un âne* – «осёл», *un bœuf* – «бык», *une dinde* – «индюшка», *une oie* – «гусь», *une aigle* – «орёл». Например: *une grande dinde* – «большая дура»; *un âne bâti* – «дурак набитый»; *mener un âne à Mecque, vous n'en ramenez jamais qu'un âne* – «дурака учить, что мёртвого лечить; дурак дураком останется»; *l'âne frotte âne* – «дурак дурака хвалит»; *une âne gratte l'autre* – «дурак дурака хвалит»; *les ânes parlent letin* – «дурак любит напыщенные речи»; *être lourd comme un bœuf* – «быть тугодумом»; *une dinde* – «дуреха, тетеря»; *une oie blanche* – «наивная дурочка»; *passer pour une oie blanche* – «прослыть дурочкой»; *la cervelle d'oiseau* – «куриные мозги»; *être comme une poule qui a trouvé un couteau* – «глупая курица»; *un serin* – «простофиля, доверчивый дурачок»; *ce n'est pas un aigle* – «он звезд с неба не хватает»; *ignorant (или bête или sot) comme une sape* – «глуп как пробка»; *la tête de veau* – (букв. голова теленка) – «болван»; *être le dindon de la farce* – (букв. фарш индейки) – «остаться в дураках, быть в глупом положении» [Кумлева, 2011].

При характеристике людей с умственными отклонениями наиболее типичными являются образы животных, наводящих страх, вызывающих неприятные ассоциации. Например: *avoir un safar dans la tête* (букв. иметь таракана в голове) – «быть ненормальным, быть не в своем уме»; *avoir une araignée dans la tête* (букв. иметь паука в голове) – «быть не в себе, быть тронутым, быть чудаковатым»; *avoir un rat (или des rats) dans la tête* (букв. иметь крысу (крыс) в голове) – «быть с причудами, с приветом».

Очень часто во французских фразеологизмах используется слово-компонент «*bête*», обладающее, как положительной, так и отрицательной характеристикой интеллекта. Например: *avoir oublié d'être bête* – «быть очень сообразительным, умным»; *bête à concours* – «умеющий блеснуть своими знаниями человек»; *une grosse bête* – «дуралей, дурачок»; *bête comme un dindon* – «глупый как индюк»; *bête comme un rhinoceros* – «глупый как носорог»; *bête comme oie qui se laisse plumer sans crier* – «глуп как гусь, который да-

ёт ошипать себя без крика»; *bête comme une grenouille* – «глупый как лягушка»; *bête comme un hareng saur* – «глупый как селёдка»; *bête comme une oie* – «глупый как пробка» [Короткова, 2022].

5. Одной из универсальных лексических групп фразеологии являются соматизмы – слова-компоненты, обозначающие части человеческого тела. Этой группой представлены фразеологизмы, связанные с важными органами физической, пищеварительной, умственной деятельности человека [Гак, 1988, с. 159].

Все соматизмы французского языка, по мнению Г. Г. Соколовой, делятся на четыре тематические подгруппы с общим значением: голова (*la tête*), тело (*le corps*), верхние конечности (*les membres supérieurs*), нижние конечности (*les membres inférieurs*) [Соколова, 1987, с. 33].

Лексико-семантическая группа соматизмов насчитывает во французском языке более 100 лексем, наиболее продуктивными из которых, по мнению А. Г. Назаряна, являются: *la main* – «кисть руки», *la tête* – «голова», *l'œil* – «глаз», *le cœur* – «сердце», *le pied* – «нога, ступня», *le nez* – «нос», *l'oreille* – «ухо», *la bouche* – «рот», *la dent* – «зуб», *le bras* – «рука от плеча до кисти», *la peau* – «кожа», *le doigt* – «палец», *le dos* – «спина», *la langue* – «язык», *la jambe* – «нога», *le corps* – «тело», *la queue* – «хвост», *le bec* – «клюв», *le ventre* – «живот», *le cul* – «зад, задница», *la patte* – «лапа», *la gueule* – «морда, физиономия, пасть», *le front* – «лоб», *le cheveu* – «волос», *le poil* – «шерсть», *la figure* – «лицо», *l'épaule* – «плечо», *l'aile* – «крыло», *le visage* – «лицо», *la lèvre* – «губа», *la face* – «лицо», *le talon* – «пятка», *la gorge* – «горло», *le cou* – «шея», *la barbe* – «борода», *les cornes* – «рога», *les ongles* – «ногти», *le coude* – «локоть», *le pouce* – «большой палец руки», *le poing* – «кисть руки, кулак», *le genou* – «колени», *le gosier* – «глотка, горло», *le menton* – «подбородок», *la côte* – «ребро», *la fesse* – «ягодица», *la cheville* – «лодыжка», *la joue* – «щека», *la mâchoire* – «челюсть», *la griffe* – «коготь», *la cuisse* – «бедро», *le poignet* – «запястье», *la paupière* – «веко», *le sourcil* – «бровь», *le cil* – «ресница», *la poitrine* – «грудь», *le crâne* – «череп», *la narine* – «ноздры» [Назарян, 1968, с. 252].

Носители языка используют слова, обозначающие органы и части тела, для описания самых разных сфер деятельности. Во фразеологических единицах компонент «*cœur*» может выражать такие качества, как: дружелюбие и жестокость, храбрость и трусость, щедрость, разум и легко-

мыслие, честность. Фразеологические словосочетания с соматизмами «*la main / le bras*» являются наиболее распространенной категорией во французском языке. Существуют следующие характеристики этих соматизмов: самообладание, усердие, удача, честность и нечестность, жадность, лень, враждебность, глупость [Короткова, 2022, с. 316–317]. Вот несколько примеров с использованием соматизмов со значением интеллектуальной деятельности: *avoir innocents les mains pleines* – «дуракам везёт»; *avoir de l'esprit jusqu'au bout des ongles* – «быть чертовски умным»; *bête comme ses pieds* – «глупый как пробка; набитый дурак» [Кумлева, 2011].

Однако, больше всего среди соматизмов, указывающих на уровень интеллектуального развития человека, используется компонент-соматизм «*la tête*». *La tête* означает «сосредоточие мыслей, ума, суждений, представлений, памяти» и «выражение лица, по которому можно прочесть выражение чувств и состояние ума», а также характеризует человека как «носителя каких-либо идей, взглядов, способностей», что в значительной степени обуславливает лексико-семантический потенциал этого слова как опорного компонента соматизмов.

Соматизмы с компонентом голова – *la tête* входят в следующие лексико-семантические группы: характер, физическое состояние, чувство-состояние, чувство-отношение, умственная деятельность, портрет, действия и поступки человека, социальное положение. При этом многочисленными во французском языке являются соматизмы, передающие умственную деятельность человека. Например: *avoir la tête dure* – «быть тугодумом»; *avoir toute sa tête* – «быть в здравом уме и твердой памяти»; *avoir une tête bien ordonnée* – «иметь здравый, методичный ум»; *en avoir dans la tête* – «быть умным, способным»; *avoir la tête bien meublée* – «иметь большие познания»; *avoir la tête sur les épaules* – «иметь голову на плечах»; *c'est une tête* – «это голова» (об умном человеке); *une tête dure* – (букв. твердая голова) «тупой, малоразвитый человек, тупица, дырявая голова»; *tête légère* – (букв. легкая голова) – «легкомысленный человек»; *une forte tête* – (букв. сильная голова) – «человек с головой, умница»; *une grosse tête* – «дурья башка»; *une petite tête* – «глупышка, пустая голова, недалёкий человек»; *une tête carrée* – (букв. квадратная голова) «тупица»; *une tête fêlée* – «чокнутый»; *une bonne tête* – «хорошая голова, разумный, серьезный человек»; *une tête vagabondée* – (букв. блуждающая

голова) «непутевая голова»; *une tête fêlée* – (букв. треснутая голова) «ненормальный человек»; *la tête mal timbrée* – (букв. голова с плохо наклеенной маркой) «ненормальный человек»; *la tête de bois* – (букв. голова из дерева) – «тупой человек»; *la tête de linotte* – (букв. голова коноплянки) «бестолковый, безрассудный человек»; *la tête de girouette* – (букв. голова флюгера) «бестолковый, безрассудный человек»; *avoir une chienne de tête* – (букв. иметь собачью голову) «ветер в голове»; *un homme de tête* – «человек с головой, умный, рассудительный человек»; *une tête éventée* – (букв. ветренная голова, голова, продуваемая ветром) «бестолковый, безрассудный человек»; *d'avoir de la tête* – «иметь голову на плечах»; *avoir de la tête bien ordonnée* – «иметь здоровый, методичный ум»; *tête posée* или *rassise* – «разумный человек»; *tête écervelée* – «безрассудный человек»; *c'est une tête* – «это человек с головой, это человек!»; *en avoir dans la tête* – «быть умным»; *avoir (conserver, garder) toute sa tête* – «быть в здравом уме, сохранить светлую голову, быть в здравом уме и твердой памяти» [Кумлева, 2011].

Смежные с соматизмом «*tête*» (голова), зачастую используются лексемы «*cervelle*» (мозг) и «*esprit*» (ум, рассудок): *la cervelle creuse* – (букв. впалый мозг) «безмозглый человек»; *l'esprit creux* – (букв. пустая голова) – бессодержательный человек; *l'esprit éclairé* – «светлый, просвещенный ум, светлая голова»; *avoir du plomb dans la cervelle* – (букв. иметь свинец в мозге) «быть благоразумным» [Короткова, 2022].

Французское слово «*la tête*» чаще указывает на переднюю часть головы (лицо), и нередко оказывается синонимом слов «*visage*» или «*mine*». Например: *avoir bonne mine* – «иметь глупый, дурацкий вид» [Кумлева, 2011].

Лексемы, обозначающие продукты питания, придают фразеологизмам французского языка с компонентом «*tête*» отрицательную характеристику и связаны с такой чертой характера, как низкий интеллект. Например, *tête du lard* – (букв. голова свиного сала) – «дурья башка», *tête dandoulle* – (букв. голова колбасы) – «балда, остолоп»; *tête d'oiseau* – «человек недалёкого ума»; *une tête d'artichaut* – (букв. голова артишока) – «дурья башка, олух». Но есть и исключение *tête d'œuf* – «интеллектуал, мудрец, умный, эрудит» [Кумлева, 2011].

Также, можно встретить фразеологизмы, говорящие о глупом человеке и без слова-компонента «*tête*». Например: *une andouille* –

(букв. колбаса из свиных кишок) – «дурак», «простофиля»; *une croûte* – (букв. корка) – «дубина», «остолоп»; *quel œuf!* – (букв. какое яйцо) – ну и болван!; *une tarte* – (букв. торт) – «глуповатый», «придурковатый»; *une roire* (букв. груша) – «глупец»; *être roire* – «остаться в дураках»; *vieux poix* – (букв. старый орех) – «дурень»; *la tête de chou* – «дурья башка, кочан»; *ne rien avoir dans le chou* – «быть чрезвычайно глупым»; *bête comme chou* – «глуп как пробка»; *pomme à l'eau* (букв. яблоко в воде) – «круглый дурак»; *l'autre pomme* (букв. другое яблоко) – «этот придурок»; *bonne pomme* – (букв. хорошее яблоко) «простофиля»; *la patate* (букв. картошка) – «дурак, олух»; *un cœur d'artichaut* – (букв. сердце артишока) «пустоголовый человек» [Кумлева, 2011].

Заключение

Подводя итог тому, что было изложено выше, можно сделать ряд выводов относительно особенностей фразеологических единиц французского языка, характеризующих интеллект человека, а именно:

1. во французском языке имеется множество фразеологизмов, которые характеризуют интеллект человека. Среди таких фразеологизмов можно выделить следующие группы: половая принадлежность, физические и психологические качества человека;

2. относительно фразеологизмов с гендерной принадлежностью необходимо отметить, что во фразеологизмах с лексемой *femme* имеет место отрицательная оценка интеллектуального уровня женщин. Если же рассматривать лексему *femme* в качестве определителя, то необходимо обратить внимание на положительную характеристику женщины с высоким уровнем интеллекта;

3. что касается фразеологизмов, репрезентирующих уровень интеллектуального развития человека с его физическими и психологическими качествами, то таких примеров было найдено девяносто один, при этом двадцать два из них оценивают интеллектуальный уровень человека положительно, а сорок девять – отрицательно.

Подводя общий итог исследованию, можно отметить, что фразеологические единицы, характеризующие интеллектуальное развитие человека во французском языке, дают возможность более глубокого знакомства с французской лингвокультурой и особенностями французского менталитета.

Библиографический список

1. Альмуханова А. Б. Большая психологическая энциклопедия. Москва : Эксмо, 2007. 542 с.
2. Безруких М. М., Фарбер Д. А. Психофизиология. Словарь. Серия: Психологический лексикон. Энциклопедический словарь. Москва : ПЕР СЭ, 2006. 128 с.
3. Богданов И. А., Дорогокупля В. Н. и др. Энциклопедия читателя. Екатеринбург : ИД «Сократ», 2019. 5782 с.
3. Волкова Н. А. Высмеивание и аргументирование: Проблема взаимодействия речевых жанров. Тверь, 2005. 18 с.
4. Волошкина И. А. Фразеосемантическое поле «Характер человека» (на материале французского языка). Воронеж, 2009. 22 с.
5. Гак В. Г. Фразеология, образность и культура: о новейших фразеологических словарях русского языка // Советская лексикография. Москва : Просвещение, 1988. С. 159–169.
6. Короткова М. А. Роль фразеологизмов с компонентом-соматизмом в современном французском языке. // Молодой ученый. 2022. № 49 (444). С. 316–317. URL: <https://moluch.ru/archive/444/97382/> (дата обращения: 16.03.2025).
7. Кумлева Т. Н. Самая современная фразеология французского языка: справочник. Москва : Астрель: АСТ, 2011. 415 с.
8. Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира: монография. Екатеринбург : Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 280 с.
9. Назарян А. Г. Почему так говорят по-французски. Происхождение и толкование идиоматических выражений. Москва : Наука, 1968. 352 с.
10. Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. Москва : Высшая школа, 2000. 318 с.
11. Рапай К. Культурный код: как мы живем, что покупаем и почему. Москва : Альпина Бизнес Букс, 2008. 168 с.
12. Рецкер Я. И. Французско-русский фразеологический словарь. Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 2023. 1112 с.
13. Скоробогатова Т. И., Суралева О. Ю. Смеховой потенциал абсурдных и парадоксальных французских фразеологизмов, характеризующих интеллектуальную несостоятельность. Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 144–149.
14. Соколова Г. Г. Фразеобразование во французском языке : учебное пособие для вузов. Москва : Высшая школа, 1987. 144 с.
15. Фомина З. Е. Слова с метафорической оценкой в эмотивном лексиконе французского и русского языков // Актуальные проблемы сопоставительного изучения германских, романских и славянских языков: Тез. докл. науч. конф. Воронеж : Изд-во Воронеж, 1998. С. 116–117.
16. Холодная М. А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Санкт-Петербург : Питер, 2002. 272 с.
17. Червоный А. М. Выражение интеллектуального уровня субъекта французскими и английскими фразеологизмами // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2024. № 2 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 197–201.
18. Червоный А. М. Формы устранения семантического субъекта во французском предложении. Москва : МПГУ им. В. И. Ленина, 1995. 17 с.
19. Aron T. Objet du texte et le texte-objet. Paris : Seuil, 2000. 273 p.
20. Bachmarm Ch. Analyse de la conversation. Pratiques. 2022. № 17. P. 421–440.
21. Dictionnaire Littré. URL: <http://www.littre.org/definition/aliboron> (дата обращения: 25.01.2023).
22. Expressions insolites et inédites. Bollog, La Satire humoristique. URL: <http://www.nikibar.com/citations/expressions.html> (дата обращения 25.01.2023).
23. Gaxotte P. L'Académie française. Paris : Librairie des Champs-Élysées, 2023. 283 p.
24. Le Guern M. Sémantique de la métaphore et de la métonymie. Paris : Edition Gallimard, 2023. 235 p.
25. Leech G. N. The Principles of Pragmatics. London : Longman, 2019. 285 p.
26. Rey A. Le lexique: images et modèles du dictionnaire à la lexicologie. Paris : Edition Gallimard, 2022. 150 p.

Reference list

1. Al'muhanova A. B. Bol'shaja psihologicheskaja jenciklopedija = Big psychological encyclopedia. Moskva : Jeksmo, 2007. 542 S.
2. Bezrukih M. M., Farber D. A. Psihofiziologija. Slovar'. Cerija: Psihologicheskij leksikon. Jenciklopedicheskij slovar' = Psychophysiology. Dictionary. Series: Psychological Lexicon. Encyclopedic dictionary. Moskva : PER SJe, 2006. 128 s.
3. Bogdanov I. A., Dorogokuplja V. N. i dr. Jenciklopedija chitatelja = The Reader's Encyclopedia. Ekaterinburg : ID «Sokrat», 2019. 5782 S.
3. Volkova N. A. Vysmeivanie i argumentirovanie: Problema vzaimodejstvija rechevyh zhanrov = Mockery and argumentation: The problem of speech genres interaction. Tver', 2005. 18 s.
4. Voloshkina I. A. Frazeeosemanticheskoe pole «Harakter cheloveka» (na materiale francuzskogo jazyka) = Phraseosemantic field «Human Character» (on the material from the French language). Voronezh, 2009. 22 s.
5. Gak V. G. Frazeeologija, obraznost' i kul'tura: o novejsih frazeologicheskikh slovarjah russkogo jazyka = Phraseology, imagery and culture: on the latest phraseological dictionaries of the Russian language // Sovetskaja leksikografija. Moskva : Prosveshhenie, 1988. S. 159–169.
6. Korotkova M. A. Rol' frazeologizmov s komponentom-somatizmom v sovremennom francuzskom jazyke =

The role of phraseology with a somatic component in the modern French language // Molodoj uchenyj. 2022. № 49 (444). S. 316–317. URL: <https://moluch.ru/archive/444/97382/> (data obrashhenija: 16.03.2025).

7. Kumleva T. N. Samaja sovremennaja frazeologija francuzskogo jazyka = The most up-to-date phraseology of the French language : spravochnik. Moskva : Astrel': AST, 2011. 415 s.

8. Leont'eva T. V. Intellect cheloveka v russkoj jazykovoj kartine mira = Human intelligence in the Russian linguistic worldview : monografija. Ekaterinburg : Izd-vo GOU VPO «Ros. gos. prof.-ped. un-t», 2008. 280 s.

9. Nazarjan A. G. Pochemu tak govoryat po-francuzski. Proishozhdenie i tolkovanie idiomaticheskikh vyrazhenij = Why do they speak French like that. Origin and interpretation of idiomatic expressions. Moskva : Nauka, 1968. 352 s.

10. Nazarjan A. G. Frazeologija sovremennogo francuzskogo jazyka = Phraseology of the modern french language. Moskva : Vysshaja shkola, 2000. 318 s.

11. Rapaj K. Kul'turnyj kod: kak my zhivem, chto pokupaem i pochemu = Cultural code: how we live, what we buy and why. Moskva : Al'pina Biznes Buks, 2008. 168 s.

12. Recker Ja. I. Francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar' = French-russian phraseological dictionary. Moskva : Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 2023. 1112 s.

13. Skorobogatova T. I., Suraleva O. Ju. Smehovoj potencial absurдных i paradoksal'nyh francuzskih frazeologizmov, harakterizujushhih intellektual'nuju nesostojatel'nost' = Laughter potential of absurd and paradoxical french phraseological units characterizing intellectual failure // Nauchnaja mysl' Kavkaza. 2014. № 3. S. 144–149.

14. Sokolova G. G. Frazoobrazovanie vo francuzskom jazyke = Phrase formation in the french language : uchebnoe posobie dlja vuzov. Moskva : Vysshaja shkola, 1987. 144 s.

15. Fomina Z. E. Slova s metaforicheskoj ocenкой v jemotivnom leksikone francuzskogo i russkogo jazykov =

Words with metaphorical evaluation in the french and russian emotive lexicon // Aktual'nye problemy sopostavitel'nogo izuchenija germanskikh, romanskikh i slavyanskikh jazykov: Tez. dokl. nauch. konf. Voronezh : Izd-vo Voronezh, 1998. S. 116–117.

16. Holodnaja M. A. Psihologija intellekta: paradoksy issledovaniya = The psychology of intelligence: paradoxes of research. Izd-e 2-e, pererab. i dop. Sankt-Peterburg : Piter, 2002. 272 s.

17. Chervonyj A. M. Vyrazhenie intellektual'nogo urovnja sub#ekta francuzskimi i anglijskimi frazeologizmami = Expressing the subject's intellectual level by french and english phraseological units // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov : Gramota, 2024. № 2 (32): v 2-h ch. Ch. I. C. 197–201.

18. Chervonyj A. M. Formy ustraneniya semanticheskogo sub#ekta vo francuzskom predlozhenii = Forms of semantic subject elimination in the french sentence. Moskva : MPGU im. V. I. Lenina, 1995. 17 s.

19. Aron T. Objet du texte et le texte-objet. Paris : Seuil, 2000. 273 p.

20. Bachmarm Ch. Analyse de la conversation. Pratiques. 2022. № 17. R. 421–440.

21. Dictionnaire Littré. URL: <http://www.littre.org/definition/aliboron> (data obrashhenija: 25.01.2023).

22. Expressions insolites et inédites. Bollog, La Satire humoristique. URL: <http://www.nikibar.com/citations/expressions.html> (data obrashhenija 25.01.2023).

23. Gaxotte P. L'Académie française. Paris : Librairie des Champs-Élysées, 2023. 283 p.

24. Le Guern M. Sémantique de la métaphore et de la métonymie. Paris : Edition Gallimard, 2023. 235 p.

25. Leech G. N. The Principles of Pragmatics. London : Longman, 2019. 285 p.

26. Rey A. Le lexique: images et modèles du dictionnaire à la lexicologie. Paris : Edition Gallimard, 2022. 150 p.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 25.03.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 81–25

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-233

EDN: SMANXF

Влияние игрового контента на формирование онлайн-идентичности: социолингвистический аспект

Андрей Романович Баранов

Аспирант кафедры романо-германской филологии, Государственный университет просвещения. 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

king11.11.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5607-375X>

Аннотация. В данной статье подробно рассматривается влияние игрового контента на формирование онлайн-идентичности с точки зрения социолингвистики. В частности, особое внимание уделено анализу лингвистических практик стримеров и блогеров, а также роли языка в создании и поддержании их онлайн-идентичности. Кроме того, в работе представлены такие аспекты изучения языка стримеров и блогеров, как стратегии демонстрации экспертности, юмора и дружелюбия. Следует отметить, что особое внимание уделяется гендерным различиям в языке и взаимодействию с разными культурными контекстами. Помимо этого, исследуется роль контент-мейкеров в формировании комьюнити и общее влияние игрового контента на формирование идентичности подростков. Исследование основано на анализе видеоблогов и стримов на французском языке, а также чатов и комментариев к ним. В результате проведенного анализа выявлены особенности использования игрового жаргона, различных лингвистических маркеров и стратегий коммуникации, которые оказывают влияние на формирование уникальной онлайн-персоны. Результаты проведенного исследования могут быть применены в таких областях, как образование, маркетинг и разработка игр. Более того, понимание процессов формирования онлайн-идентичности может быть полезным для психологов и специалистов по цифровой безопасности, которые занимаются вопросами цифровой самооценки и безопасного поведения в сети. Таким образом, результаты исследования могут быть использованы для разработки программ по цифровой грамотности, направленных на повышение осведомленности подростков о возможных рисках и преимуществах формирования их идентичности в онлайн-среде. В заключение исследование может способствовать лучшему пониманию цифровых взаимодействий, что, в свою очередь, поможет формулировать более эффективные стратегии коммуникации в виртуальной среде.

Ключевые слова: онлайн-идентичность; игровой контент; стриминг; социолингвистика; гендерные различия; межкультурная коммуникация; лингвистические стратегии

Для цитирования: Баранов А. Р. Влияние игрового контента на формирование онлайн-идентичности: социолингвистический аспект // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 233–240. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-233>. <https://elibrary.ru/SMANXF>

Original article

The influence of game content on forming online identity: sociolinguistic aspect

Andrei R. Baranov

Postgraduate student at the department of romance-germanic philology, State university of education. 141014, Mytishchi, Vera Voloshina st., 24

king11.11.99@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-5607-375X>

Abstract. This article elaborates on the influence of game content on shaping online identity from a sociolinguistic perspective. In particular, special attention is paid to analyzing streamers' and bloggers' linguistic practices as well as the role of language in creating and maintaining their online identity. Moreover, the paper presents such aspects of studying the language of streamers and bloggers as strategies for demonstrating expertise, humor, and amiability. It should be noted that particular attention is paid to gender differences in language and interaction with different cultural contextS. In addition, the author examines the role of content makers in building community and the overall impact of game content on adolescents' identity. The study is based on the analysis of video blogs and streams in french, as well as of chats and their

comments. The analysis reveals the specific use of game jargon, various linguistic markers and communication strategies that influence the creation of a unique online persona. The results of the research can be applied to such fields as education, marketing, and game designing. Furthermore, understanding the processes of online identity formation can be useful for psychologists and digital security specialists who are concerned with issues of digital self-esteem and safe online behavior. Thus, the results of the study can be used to develop digital literacy programs aimed at raising adolescents' awareness of the possible risks and benefits of forming their on-line identity. In conclusion, the study can promote a better understanding of digital interactions, which in turn can help work out more effective communication strategies in virtual space.

Key words: online identity; gaming content; streaming; sociolinguistics; gender differences; cross-cultural communication; linguistic strategies

For citation: Baranov A. R. The influence of game content on forming online identity: sociolinguistic aspect. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):233–240. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-233>. <https://elibrary.ru/SMANXF>

Введение

В эпоху цифровых технологий и социальных медиа, постоянного роста активности стриминговых платформ, таких как Twitch и Youtube, формирование онлайн-идентичности становится важным аспектом самопрезентации личности [Flores, 2020]. Прямые трансляции или стримы – популярное в наши дни средство развлечения, при котором люди собираются вместе, чтобы посмотреть один и тот же контент в одно и то же время. Такая синхронизация по времени и коллективный характер данной активности часто приводят к чему-то большему, чем просто просмотр видео, – к коллективному опыту, создаваемому спонтанным взаимодействием зрителей в одном пространстве прямой трансляции [Hamilton, 2014]. Особое значение в этом процессе имеет игровой контент, который не только служит развлечением, но и становится платформой для самовыражения и коммуникации. Стримеры и блогеры, создающие контент на основе видеоигр, формируют уникальные лингвистические практики, которые отражают их онлайн-идентичность и влияют на восприятие аудиторий.

Актуальность данного исследования обусловлена растущей популярностью стриминговых платформ и необходимостью понимания механизмов формирования онлайн-идентичности в контексте игрового контента. Социолингвистический подход позволяет раскрыть взаимосвязь между языковыми практиками и социальными аспектами онлайн-коммуникации.

Цель исследования – выявить и проанализировать влияние игрового контента на формирование онлайн-идентичности франкоязычных стримеров и блогеров с точки зрения социолингвистики.

Теоретические основы исследования

Теоретической базой исследования послужили работы в области социолингвистики, теории идентичности и исследований новых медиа. Концепция онлайн-идентичности рассматривается в контексте теории социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера [Androutsopoulos, 2013], а также теории самокатегоризации Дж. Тернера.

Социолингвистический подход к анализу онлайн-коммуникации опирается на работы Д. Кристала [Androutsopoulos, 2013], Н. Барон и С. Херринг, которые исследовали особенности языка интернета и компьютерно-опосредованной коммуникации. В контексте игрового контента и стриминга особую значимость приобретают исследования Т. Тейлор [Flores, 2020] и М. Консалво [Consalvo, 2007], посвященные культуре геймеров и стримеров.

Методология исследования

Исследование проводилось на материале франкоязычных видеоблогов и стримов, ориентированных на игровой контент, что позволило проанализировать специфику языковых практик в данной цифровой среде. Выбор французского языка для анализа обусловлен его значительной ролью в международном игровом сообществе, где французские стримеры и видеоблогеры занимают заметное место, особенно в Европейском и канадском игровых сегментах. Кроме того, данный выбор объясняется относительно малой изученностью франкоязычного контента в контексте стриминга, по сравнению с англоязычным контентом, который получил значительно большее внимание в академических исследованиях. В связи с этим франкоязычная среда предоставляет уникальную возможность для расширения существующих знаний о социолингвистических ас-

пектах стриминга и видеоблогов, что делает данный материал особенно перспективным для анализа.

Методы исследования включают:

1. Контент-анализ видеоматериалов (50 стримов и 100 видеоблогов).
2. Дискурс-анализ речи стримеров и блогеров.
3. Социолингвистический анализ языковых практик.
4. Сравнительный анализ гендерных различий в языке стримеров.

Влияние выбора игры на лингвистические практики

Выбор игры оказывает существенное влияние на лингвистические практики стримеров и блогеров. Различные жанры игр предполагают использование специфической терминологии и жаргона, что формирует уникальный лексикон стримера.

Например, стримеры, играющие в стратегические игры, часто используют военную терминологию и экономические термины. Фраза «Je vais rusher la base ennemie avec mes unités d'élite» (Я собираюсь атаковать вражескую базу своими элитными юнитами) демонстрирует смешение игрового жаргона и военной лексики.

В то же время, стримеры, специализирующиеся на ролевых играх, склонны использовать более образный язык и эмоциональные выражения. «Cette quête est vraiment épique, les gars! On va vivre une aventure incroyable!» (Этот квест действительно эпический, ребята! Мы собираемся пережить невероятное приключение!) – пример эмоционально окрашенной речи, характерной для RPG-стримеров [Богачева, 2017].

Роль языка в создании и поддержании онлайн-идентичности

Язык играет ключевую роль в создании и поддержании онлайн-идентичности стримера [Lemmes, 2023]. Через речевые практики стримеры не только передают информацию об игре, но и выражают свою личность, ценности и отношение к аудитории.

Использование определенных лингвистических маркеров помогает стримерам создавать уникальный образ. Например, частое использование междометий и эмоциональных восклицаний может создавать образ энергичного и эмоционального стримера: «Waouh! C'est incroyable, les amis!» (Вау! Это невероятно, друзья!).

Некоторые стримеры создают собственные catchphrases (коронные фразы), которые становятся их визитной карточкой и укрепляют связь с аудиторией. Например, фраза «On se retrouve pour une nouvelle aventure gaming!» (Встречаемся для нового игрового приключения!) может стать узнаваемым приветствием стримера [Androutsopoulos, 2013].

Лингвистические стратегии демонстрации экспертности, юмора и дружелюбия

Стримеры и блогеры используют различные лингвистические стратегии для демонстрации своей экспертности, создания юмористического эффекта и поддержания дружелюбной атмосферы.

Демонстрация экспертности часто достигается через использование специализированной терминологии и детальных объяснений игровых механик. Например: «Pour optimiser votre build, il faut équilibrer les stats de DPS et de survie» (Чтобы оптимизировать ваш билд, нужно сбалансировать характеристики урона в секунду и выживаемости).

Юмор часто реализуется через языковую игру и каламбуры, связанные с игровым контекстом. «Je suis tellement nul que même mes potions de soin me font mal!» (Я настолько плох, что даже мои лечебные зелья причиняют мне вред!) – пример самоиронии, часто используемой стримерами.

Дружелюбие выражается через использование инклюзивного языка и обращений к аудитории. «On est tous ensemble dans cette aventure, les amis!» (Мы все вместе в этом приключении, друзья!) – пример создания атмосферы общности [Gee, 2003].

Гендерные различия в языке стримеров и блогеров

Анализ языковых практик стримеров и блогеров выявил некоторые характерные гендерные различия в использовании языка. В частности, женщины-стримеры чаще используют эмоционально окрашенную лексику и выражения, связанные с межличностными отношениями. Например: «Je suis tellement heureuse de partager ce moment avec vous!» (Я так счастлива разделить этот момент с вами!).

Мужчины-стримеры, напротив, зачастую склонны к использованию соревновательной риторики и технических терминов. Фраза вроде «On va les écraser avec notre stratégie imparable!» (Мы сокрушим их нашей непобедимой стратегией!) – яркий пример агрессивной соревнователь-

ной риторики, характерной для игр с высоким уровнем конкуренции. Такая лексика более выражена в лексиконе мужчин-стримеров и подчеркивает соревновательный аспект игры.

Однако важно отметить, что эти различия не абсолютны и не являются жестко закрепленными и во многом зависят от индивидуального стиля конкретного стримера и жанра игры [Богачева, 2017, с. 29]. Таким образом речевые практики стримеров остаются гибкими и адаптируются под требования контекста и ожидания аудитории.

Взаимодействие с разными культурными контекстами

Стримеры, играющие в международные игры и взаимодействующие с разнородной и мультикультурной аудиторией, сталкиваются с необходимостью гибкой адаптации своего языка к различным культурным контекстам. Этот процесс требует не только лингвистической осведомленности, но и культурной чувствительности, поскольку использование определенных выражений или терминов может восприниматься по-разному в разных языковых сообществах. Стримеры вынуждены учитывать многообразие культурных норм и особенностей своей аудитории, что может отражаться в выборе языка общения, стиле речи, использовании юмора и даже в темах, которые они обсуждают во время трансляций. Более того, эта адаптация является важным фактором для поддержания доверительных и продуктивных отношений с аудиторией, способствуя укреплению их международного влияния и расширению границ межкультурной коммуникации.

Часто это выражается в использовании англицизмов и интернациональных игровых терминов. Например, фраза «Je vais faire un quick score pour headshot ce camper» (Я сделаю быстрое прицеливание, чтобы сделать хедшот этому кемперу) демонстрирует смешение французского языка и английских игровых терминов.

Некоторые стримеры намеренно используют многоязычные приветствия и фразы для создания инклюзивной атмосферы: «Bonjour à tous! Hello everyone! ¡Hola a todos!» – пример многоязычного приветствия.

Влияние игрового контента на формирование идентичности подростков

Исследования показывают, что игровой контент оказывает значительное влияние на формирование идентичности подростков. Согласно работе И. Н. Шемякиной, у 34 % играющих под-

ростков между Я-реальным и Я-виртуальным по показателям социальной идентичности, рефлексивной (персональной) идентичности и физической идентичности различий не выявлено [Богачева, 2017].

Это может свидетельствовать о размытости границ между виртуальным и реальным миром и полной идентификации себя с персонажем онлайн-игры. Важно отметить, что именно эти подростки начали играть в онлайн-игры с дошкольного возраста, играют в несколько игр одновременно и проводят более двух часов в день за онлайн-игрой.

У 66 % играющих подростков имеются статистически значимые различия между Я-реальным и Я-виртуальным. Например, реальная социальная дистантная идентичность («я в жизни» – человек) преобладает над виртуальной деятельной идентичностью («я в игре» – игрок).

Роль стримера в формировании сообщества

Стримеры играют важную роль в формировании и поддержании игровых сообществ, становясь ключевыми фигурами в цифровом пространстве. Их деятельность не ограничивается лишь трансляцией игрового процесса: они создают уникальную атмосферу, которая привлекает и удерживает зрителей. Стримеры становятся центром внимания для своей аудитории, предлагая не только демонстрацию игры, но и активное общение, которое часто оказывается важнее самого геймплея. Как отметил известный стример Ludwig, «я стримлю, потому что мне нравится делиться игровым опытом с моей аудиторией. Это позволяет мне добавить некую новизну к самим играм и их геймплею, а самое главное – добавить свои комментарии». Эти комментарии и личная подача создают неповторимую интерактивную среду, в которой зрители не просто наблюдают за игрой, а становятся частью виртуального сообщества, объединенного общими интересами. Стримеры, таким образом, не только развивают игровой контент, но и формируют лояльные сообщества, где создается чувство принадлежности и взаимодействия.

Стримеры часто выходят за рамки чисто игрового контента, обсуждая актуальные события, рассказывая о своей жизни и создавая интертекстуальные связи между игрой и популярной культурой [Sheng, 2020, с. 4]. Это делает просмотр стрима более привлекательным, чем самостоятельная игра для многих зрителей.

Лингвистические особенности блогосферы

Исследования показывают, что язык блогосферы имеет свои уникальные характеристики. Блогеры используют платформы для выражения собственного мнения или предлагают своим читателям ознакомиться с их личным опытом, что results в субъективности при употреблении лексических, фонетических и других единиц речи [Flores, 2020].

В блогосфере наблюдаются гендерные различия в использовании языка. Женщины-блогеры чаще используют эмоционально окрашенную лексику и выражения, связанные с межличностными отношениями, в то время как мужчины-блогеры склонны к более напористому тону и использованию технических терминов [Leith, 2021].

Примеры из франкоязычного игрового сообщества демонстрируют универсальную тенденцию к смешению национальных языковых традиций с англоязычными заимствованиями и формированию собственных уникальных выражений. Это подтверждает гипотезу о том, что онлайн-игры способствуют развитию «транслингвальных» форм общения, в которых стираются жёсткие границы между разными лингвистическими системами [Herring, 1996, с. 55].

Профессионализация стриминга

Стриминг постепенно превращается в полноценную профессию [Taylor, 2018, с. 9]. Стримеры не только ведут трансляции, но и развивают свои блоги в социальных сетях, создают разнообразный дополнительный контент, включая видео, подкасты, посты в социальных сетях, создание мерча и т. д. Более того, они активно участвуют в рекламных кампаниях, продвигая продукты или услуги своих спонсоров, а также принимают участие в масштабных спонсорских проектах, что позволяет им расширять аудиторию и увеличивать монетизацию своей деятельности. Таким образом, стримеры становятся не просто медийными фигурами, но полноценными предпринимателями, использующими цифровые платформы как многоцелевые инструменты для развития собственного бренда и взаимодействия с аудиторией.

Для успешного стриминга требуются определенные навыки, среди которых выделяются:

1. Коммуникабельность: стример должен постоянно общаться с аудиторией, даже если она молчит.

2. Уверенность в себе: стример может столкнуться с негативными комментариями и должен уметь справляться с ними.

3. Широкий кругозор: стримеру важно быть в курсе событий и уметь поддерживать разговор на различные темы [Crystal, 2006, с. 306].

Проведенное нами исследование показывает, что игровой контент сильно влияет на онлайн-идентичность стримеров и других видеоблогеров. Лингвистические практики игровых стримов и блогов в видеоконтенте отражают не только специфику игрового жанра, с помощью которой стример находит способы самовыражения, но и его личностные характеристики, ценности, мировоззрение и систему отношений с аудиторией. Выбор игры предполагает базовый лексикон и жаргон, а индивидуальные лингвистические стратегии выстраивают связь и помогают стримеру создать уникальный образ. Таким образом, гендерные различия языка стримеров по обоим переменным не абсолютны и в значительной степени зависят от характера игры и личностных особенностей стримеров [Riddick, 2022]. В контакте же с международной аудиторией формируется и реализуется особый гибридный язык, который сочетает элементы родного языка, английские термины и специфические для игрового жаргона выражения.

Социокультурное значение стриминга

Хотелось бы подчеркнуть, что стриминг как феномен имеет важное социокультурное значение, которое выходит за рамки чисто развлекательной функции. Он также несет в себе более значимые функции и значения:

1. Развитие новых форм социальных связей: стриминговые платформы создают виртуальные сообщества, которые объединяют людей с общими интересами и языковыми практиками [Gros, 2017].

2. Масштабное влияние на массовое сознание: популярные стримеры становятся лидерами мнений, они влияют на развитие многих сфер культуры: от игровой индустрии и моды, до музыки и кино.

3. В результате демократизации медиа каждый может стать создателем контента, что меняет устоявшуюся модель медиаконтента.

4. Благодаря стримингу и игровому контенту, у людей появляется новый способ самовыражения. Они находят новые способы выражения своей идентичности и творческого потенциала.

5. Стриминг способствует развитию межкультурной коммуникации, которая вносит огромный вклад в глобальный культурный обмен, позволяя людям из разных стран общаться в реальном времени.

6. Также, необходимо помнить, доказанную пользу видеоигр как таковых: они повышают вовлеченность и развивают навыки решения проблем [Gee, 2003].

7. Более того, особенности языка, используемого на Twitch.tv, влияют на общий язык сообщества игроков за пределами трансляции [Jędrzej, 2015, с. 5].

Практическое применение результата исследования

Результаты проведенного исследования могут найти практическое применение в самых разнообразных областях, таких как образование, социальная психология, лингвистические технологии, маркетинг и разработка игр с учетом языковых особенностей потенциальной аудитории. В частности, они могут быть использованы для оптимизации образовательных программ, улучшения методов взаимодействия с цифровой аудиторией, а также для разработки более эффективных стратегий цифровой идентичности и самопрезентации в социальных сетях:

1. Образование: понимание лингвистических практик стримеров может быть использовано для разработки новых методов обучения языкам, особенно в контексте неформального образования и геймификации.

2. Маркетинг: знание особенностей языка стримеров и их аудитории может помочь в разработке более эффективных рекламных кампаний, ориентированных на геймеров и молодежь.

3. Разработка игр: учет лингвистических особенностей стриминга может помочь в создании игр, более адаптированных для стриминга и взаимодействия с аудиторией.

4. Социальная работа: понимание роли онлайн-идентичности в жизни современных подростков может быть полезно для разработки программ поддержки и профилактики интернет-зависимости.

5. Лингвистические технологии: результаты исследования могут быть использованы для улучшения систем автоматического распознавания речи и генерации текста, особенно в контексте игрового контента.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что влияние игрового контента на формирование онлайн-идентичности является многогранным и сложным феноменом. Лингвистические практики стримеров и блогеров не только отражают специфику игрового жанра, но и становятся инструментом создания уникальной онлайн-персоны, способом взаимодействия с аудиторией и средством формирования сообщества.

Выявленные гендерные различия в языке стримеров, особенности взаимодействия с разными культурными контекстами, а также роль стриминга в формировании идентичности подростков подчеркивают необходимость дальнейшего междисциплинарного изучения этого феномена.

Стриминг и создание игрового контента выходят за рамки простого развлечения, становясь значимым социокультурным явлением, влияющим на языковые нормы, формы социального взаимодействия и культурные практики в цифровую эпоху.

Дальнейшие исследования в этой области могут не только углубить наше понимание процессов формирования онлайн-идентичности, но и предоставить ценные инсайты для развития образовательных технологий, маркетинговых стратегий и социальных программ, направленных на молодежную аудиторию.

В итоге изучение влияния игрового контента на формирование онлайн-идентичности позволяет нам лучше понять, как цифровые технологии трансформируют наше восприятие себя и окружающего мира, открывая новые горизонты для самовыражения и социального взаимодействия в виртуальном пространстве.

Перспективы дальнейшего исследования

Перспективными в данной области изучения являются вопросы влияния игрового контента и цифровых платформ на изменение повседневной речи. Важным аспектом является тот факт, что уже сейчас термины, такие как «пинг», «лагает», «забаговано», используются за пределами игровых сообществ, влияя на язык в реальной жизни. Эти изменения заслуживают внимания как социологов, так и специалистов по культурным исследованиям, поскольку речь идет о формировании новой интернет-идентичности [Kim, 2022]. Еще одно актуальное направление – это влияние стриминга на языковые нормы и речевую практику. Стримеры с миллионами подписчиков, та-

кие как xQc, Pokimane, Ishowspeed, Kai Cenat или Valkyrae, ежедневно оказывают влияние на языковую культуру своей аудитории [Tréhondart, 2023]. Этот процесс заслуживает пристального внимания, поскольку он напрямую связан с изменением языковых привычек и норм, в частности среди молодого поколения. Возникает вопрос о том, каким именно образом этот процесс меняет и влияет на повседневные языковые привычки и нормы среди молодежи. Особенно интересным будет исследование того, как глобальные стримеры адаптируют свою речь для международных аудиторий и что это значит для межкультурной коммуникации.

Кроме того, перспективным направлением для дальнейшего изучения является исследование взаимосвязи между тональностью и структурой речи стримеров и эмоциональной вовлеченностью их зрителей. Вопрос о том, как определенные речевые стратегии влияют на восприятие контента и его потенциальную успешность среди аудитории, также требует дополнительного анализа.

Библиографический список

1. Богачева Н. В. Войкунский А. Е. Компьютерные игры и креативность: позитивные аспекты и негативные тенденции // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 4. С. 29–40.
2. Herring S. C. Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1996. 326 p.
3. Androutsopoulos J. Online communities and language variation: The case of Greek in YouTube // Language@Internet. 2013. Vol. 10. URL: <https://www.languageatinternet.org/articles/2013/androutsopoulos> (дата обращения 12.02.2025)
4. Consalvo M. Cheating: Gaining Advantage in Videogames. Cambridge : MIT Press, 2007. 232 p.
5. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 304 p.
6. Flores C. & Hammer J. Audience and Streamer Participation at Scale on Twitch. 2020. 3 p.
7. Gee J. P. What Video Games Have to Teach Us About Learning and Literacy. New York : Palgrave Macmillan, 2003. 256 p.
8. Gros D., Wanner B. World of Streaming. Motivation and Gratification on Twitch. 2017. 27 p.
9. Hamilton W. A., Garretson O., Kerne A. «Streaming on Twitch: Fostering Participatory Communities of Play within Live Mixed Media». In Proceedings of the 32nd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems. New York : United States, 2014. 7 p.
10. Jędrzej O. A Linguistic Study of Language Variety Used on Twitch.Tv: Descriptive and Corpus-Based Approaches. Redefining Community in Intercultural Context. International conference RCIC'15. Brasov, 2015. 5 p.
11. Kim J., Wohn D. & Cha, Meeyoung. Understanding and identifying the use of emotes in toxic chat on Twitch. Online Social Networks and Media. 2022. 27 p.
12. Leith A., Gheen E. Twitch in the Time of Quarantine: The Role of Engagement in Needs Fulfillment. Psychology of Popular Media. 2021. 34 p.
13. Lemmes M. «I'm so Pogged I've Got Pog-Juice Seeping out of My Eyes!». The Affective and Communal Language of Emoji on Twitch and Discord. 2023. 6 p.
14. Poirier-Poulin S. Watch Me Play: Twitch and the Rise of Game Live Streaming [book review]. New Media & Society. 2020. 2 p.
15. Riddick S., Shivener R. Affective Spamming on Twitch: Rhetorics of an Emote-Only Audience in a Presidential Inauguration Livestream. Computers and Composition. 2022. 64 p.
16. Sheng J., Kairam S. From Virtual Strangers to IRL Friends: Relationship Development in Livestreaming Communities on Twitch. Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2020. 4 p.
17. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. 1986. Vol. 2. P. 7–24.
18. Taylor T. L. Watch Me Play: Twitch and the Rise of Game Live Streaming. Princeton : Princeton University Press, 2018. 328 p.
19. Tréhondart N. Le monde du livre à la conquête de Twitch : choix énonciatifs et stratégies d'acteurs. 2023. 15 c.
20. Wulf T., Schneider F., Beckert S. Watching Players: An Exploration of Media Enjoyment on Twitch. Games and Culture. 2020. 3 p.

Reference list

1. Bogacheva N. V., Vojkunskij A. E. Komp'yuternye igry i kreativnost': pozitivnye aspekty i negativnye tendencii = Computer games and creativity: positive aspects and negative trends // Sovremennaja zarubezhnaja psihologija. 2017. Tom 6. № 4. S. 29–40.
2. Herring S. C. Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspectives. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1996. 326 p.
3. Androutsopoulos J. Online communities and language variation: The case of Greek in YouTube // Language@Internet. 2013. Vol. 10. URL: <https://www.languageatinternet.org/articles/2013/androutsopoulos> (data obrashhenija 12.02.2025)
4. Consalvo M. Cheating: Gaining Advantage in Videogames. Cambridge : MIT Press, 2007. 232 p.
5. Crystal D. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press, 2006. 304 p.
6. Flores C. & Hammer J. Audience and Streamer Participation at Scale on Twitch. 2020. 3 p.
7. Gee J. P. What Video Games Have to Teach Us About Learning and Literacy. New York : Palgrave Macmillan, 2003. 256 p.
8. Gros D., Wanner B. World of Streaming. Motivation and Gratification on Twitch. 2017. 27 p.

9. Hamilton W. A., Garretson O., Kerne A. «Streaming on Twitch: Fostering Participatory Communities of Play within Live Mixed Media». In Proceedings of the 32nd Annual ACM Conference on Human Factors in Computing Systems. New York : Unites States, 2014. 7 p.
10. Jędrzej O. A Linguistic Study of Language Variety Used on Twitch.Tv: Descriptive and Corpus-Based Approaches. Redefining Community in Intercultural Context. International conference RCIC'15. Brasov, 2015. 5 p.
11. Kim J., Wohn D. & Cha, Meeyoung. Understanding and identifying the use of emotes in toxic chat on Twitch. Online Social Networks and Media. 2022. 27 p.
12. Leith A., Gheen E. Twitch in the Time of Quarantine: The Role of Engagement in Needs Fulfillment. Psychology of Popular Media. 2021. 34 p.
13. Lemmes M. «I'm so Pogged I've Got Pog-Juice Seeping out of My Eyes!»). The Affective and Communal Language of Emoji on Twitch and Discord. 2023. 6 p.
14. Poirier-Poulin S. Watch Me Play: Twitch and the Rise of Game Live Streaming [book review]. New Media & Society. 2020. 2 p.
15. Riddick S., Shivener R. Affective Spamming on Twitch: Rhetorics of an Emote-Only Audience in a Presidential Inauguration Livestream. Computers and Composition. 2022. 64 p.
16. Sheng J., Kairam S. From Virtual Strangers to IRL Friends: Relationship Development in Livestreaming Communities on Twitch. Proceedings of the ACM on Human-Computer Interaction. 2020. 4 p.
17. Tajfel H., Turner J. C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Psychology of Intergroup Relations. 1986. Vol. 2. P. 7–24.
18. Taylor T. L. Watch Me Play: Twitch and the Rise of Game Live Streaming. Princeton : Princeton University Press, 2018. 328 p.
19. Tréhondart N. Le monde du livre à la conquête de Twitch : choix énonciatifs et stratégies d'acteurS. 2023. 15 c.
20. Wulf T., Schneider F., Beckert S. Watching Players: An Exploration of Media Enjoyment on Twitch. Games and Culture. 2020. 3 p.

Статья поступила в редакцию 18.03.2025; одобрена после рецензирования 15.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 18.03.2025; approved after reviewing 15.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА (КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ)

Научная статья

УДК 008:1–027.21, 008(091)

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-241

EDN: SMXYQJ

Проблематика рецепции в кинокритике периода оттепели: Н. М. Зоркая

Николай Андреевич Хренов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры, Государственный институт искусствознания. 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5

nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Аннотация. Статья посвящена развитию осмысления опыта отечественной кинокритики в ситуации «оттепели». Теоретико-методологическим основанием статьи является синтез историко-культурного, культурно-философского и эстетического подходов, принципов истории кинокритики. Актуализируется проблема существенного сдвига в советской культуре, при котором безличные идеологические догмы уступали место индивидуальной позиции творцов, а в сознании массовой аудитории доминировала консервативная точка зрения, ставшая барьером для утверждения авторских фильмов. Указано, что разрешению ситуации способствовало появление посредника – прогрессивной кинокритики, сконцентрировавшей критиков из среды шестидесятников. Особое внимание уделено опыту кинокритика – просветителя и подвижника Н. М. Зоркой. Доказано, что Н. М. Зоркая отличалась парадоксальной позицией и уникальной методологией, открывшими потенциал глубинного анализа массового искусства как сферы бытия архетипических формул позитивного массового вкуса. В статье обосновано, что открытия Н. М. Зоркой потребовали выхода за пределы существующего киноведения и искусствознания, обращения к методам смежных гуманитарных наук, прежде всего, социологии и семиотики. Зафиксировано, что обращение к социологическому и семиотическому дискурсам определило особенности кинокритики Н. М. Зоркой, специфику ее деятельности, используемые ею методы и открытия. Определено, что Н. М. Зоркая в своих исследованиях опиралась также на методы «формальной» школы литературоведения. Проакцентировано, что для истории отечественной гуманитарной науки труды Н. М. Зоркой и ее коллег – кинокритиков-шестидесятников представляют значительный интерес, а потому требуют всестороннего изучения.

Ключевые слова: кинокритика; оттепель; рецептивная эстетика; социология кино; «авторское» кино, «формальная» школа в литературоведении; массовая культура; археология массового вкуса; архетипы; структурный анализ жанра; Н. Зоркая

Для цитирования: Хренов Н. А. Проблематика рецепции в кинокритике периода оттепели: Н. М. Зоркая // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 241–250. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-241>. <https://elibrary.ru/SMXYQJ>

THEORY AND HISTORY OF CULTURE AND THE ARTS (CULTUROLOGY, ART HISTORY)

Original article

Reception problematics in film criticism of the thaw period: N. M. Zorkaya

Nikolai A. Khrenov

Doctor of philosophical sciences, professor, chief researcher at the department of media and mass arts, the sector of entertainment culture, State institute of art studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5.

nihrenov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

Abstract. The article focuses on understanding the experience of russian film criticism in the context of the «thaw». The theoretical and methodological basis for the article is the synthesis of historical, cultural, philosophical and aesthetic approaches, and the principles of the film criticism history. The author actualizes the issue of a significant shift in Soviet culture, in which impersonal ideological dogmas gave way to the personal position of artists, and the consciousness of mass audiences was dominated by conservative viewpoints, which prevented the approval of auteur films. It is pointed out that the situation was resolved by the emergence of an intermediary – progressive film criticism, which brought together a number of critics from the Sixties. Special attention is paid to the work of N. M. Zorkaya, a film critic, an educator and an activist. N. M. Zorkaya was distinguished by her paradoxical position and unique methodology, which showed the potential for in-depth analysis of mass art as a sphere of archetypal formulas of positive mass taste. The article proves that N. M. Zorkaya's discoveries required transcending the limits of existing film studies and art history, turning to the methods of related humanities, mainly sociology and semiotics turning to sociological and semiotic discourses determined the specifics of N. M. Zorkaya's work in film criticism, and the methods and discoveries she used. The author points out that N. M. Zorkaya also used the methods of the «formal» school of literary studies in her research. It is emphasized that the works of N. M. Zorkaya and her colleagues, the film critics of the sixties, are of considerable interest for the history of Russian humanitarian science, and therefore require comprehensive analyses.

Key words: film criticism; thaw; receptive aesthetics; film sociology; «auteur» cinema, «formal» school in literary studies; mass culture; archaeology of mass taste; archetypes; genre structural analysis; N. Zorkaya

For citation: Khrenov N. A. Reception problematics in film criticism of the thaw period: N. M. Zorkaya. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):241–250. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-241>. <https://elibrary.ru/SMXYQJ>

Введение

Продолжая знакомить читателя с исследованиями и публикациями кинокритика Н. М. Зоркой [Хренов, 2024], автор данной статьи считает необходимым начать с характеристики ситуации, возникшей в нашей стране с середины 50-х годов прошлого века, когда одной из острых проблем становится проблематика так называемой «массовой культуры». С одной стороны, гипноз этой заперщенной в советской России «культуры» с присутствием ей развлекательным потенциалом для массового зрителя был велик, а с другой, она его не могла не пугать, поскольку он привык относиться к искусству, используя усвоенные им как представителем традиционной культуры сказочно-фольклорные стереотипы. Длительное время этот вопрос в печати не обсуждался, но от этого он не стал менее острым. С наступлением оттепели настало время обсуждения и этой проблематики.

Результаты исследования

В 60–70-е годы стало ясно, что назрела необходимость в советской России понять то, что на Западе называли «массовой культурой». В 60–70-е годы в прессе уже возникали дискуссии о массовой культуре. Хотя в печати это понятие, как мы уже отметили, заменяли словом «массовое искусство». Между тем, во всем мире этот вопрос давно обсуждался. Он обсуждался с начала 30-х годов, о чем свидетельствовали, например, работы Х. Ортеги-и-Гассета, Т. Адорно и в особенности американских философов и социологов. В СССР это понятие не употреблялось, словно советские люди не существовали, как все народы, в массовом, то есть индустриальном обществе. Да, существовали в утопическом обществе, не допуская развития капитализма и нормы которого контролировались идеологией. Кроме того, барьером для использования понятия «массовая куль-

тура» оказывалась и революционная идентичность советского человека, предполагавшая идеализацию и романтизацию массы. Между тем, в зарубежных исследованиях масса как объект исследования представляла, в том числе, и в негативной ауре. Так вопрос о массовом успехе и массовом вкусе требовал демифологизации, возникшей как следствие утопии и идеологии. Поэтому осмысление объективных процессов, связанных с рецепцией, затрагивал куда более серьезные вопросы. Но, как казалось, без негативной характеристики массы и массовости не обойтись. Но только в этой третируемой искусствоведами, выступающими адвокатами «авторского» кино, массовости Зоркая обнаружила нечто необычное, можно сказать, парадоксальное. Более того, позитивное. По тем временам это было настоящим открытием. Да и по этим временам тоже.

Чтобы прийти к окончательным выводам о массовых вкусах, Н. М. Зоркой пришлось заняться настоящей их археологией. Она начала изучать фольклор, лубок, бульварные жанры в литературе, а также все так называемые низкие жанры. Н. М. Зоркая – инициатор создания ежегодного сборника «Культурологические записки» и его ответственный редактор. Сборник издавался Отделом социологии художественной жизни ГИИ. В последний период своей деятельности Н. М. Зоркая уже покинула Сектор художественных проблем СМК, все больше погружаясь в проблематику социологии искусства и функционирования художественной культуры. В восьмой выпуск этого сборника она, например, включила стенограмму дискуссии «Добро и зло массовой культуры» [Добро и зло..., 2003]. Эта дискуссия была организована теоретическим клубом «Свободное слово» при Институте философии РАН и Отделом социологии художественной жизни ГИИ. Такая дискуссия для этого времени показательна.

В одном из выступлений в этой дискуссии говорилось следующее: «Я полагаю, – говорит выступающий, – что разноречивость в оценках массовой культуры иногда возникает из-за того, что это явление трактуется слишком абстрактно, не исторически. Правильнее было бы рассматривать массовую культуру не только как явление текущего дня, но как явление исторически обусловленное, развивающееся, приобретающее различные национальные формы. В связи с этим представляется очень важным проследить основные вехи развития массовой культуры в России от возникновения до нынешних времен. Можно также попытаться выделить определенные стадии осмысления названного процесса в истории отечественной

общественной мысли» [Добро и зло..., 2003, с. 220]. Справедливая мысль, но только ведь к этому времени Зоркая как раз в этом направлении многое уже сделала. Она это сделала благодаря тому, что была еще и историком, знала факты, могла выявить в становлении кино разные его фазы, причем как в самом кино, так и в истории его рецепции.

Заметим, она была участницей этой дискуссии. Именно она и сделала на ней один из основных докладов. В нем она в методологической отсталости обвиняет уже не киноведов и искусствоведов, а самих социологов, а еще и уже появившихся и активно о себе заявляющих культурологов. А социологи утопали в колоссальном массиве анкет, будучи бессильными сделать выводы, которые интуитивно угадывала Н. М. Зоркая. «Беда, что приходится повторять элементарные истины – говорит она на этой дискуссии – казалось бы, общеизвестные. Но, к сожалению, тянется шлейф чудовищной социологической и культурологической отсталости в теории массовой культуры, что свойственно было советской поре и ныне сохраняется и в наших бытовых суждениях, оценках и увы! в публицистике и даже в специальных проблемных исследованиях. Если на Западе, начиная с Ортеги-и-Гассета, Теодора Адорно, Вальтера Бенямина, Нортропа Фрая была разработана глубокая, с огромным количеством фактов, с высоким философским уровнем теория массовой культуры, то у нас царили утопические представления о советском читателе, зрителе, напоминающем того гомункулуса – «нового человека социализма», который виделся творцом Октябрьской революции преимущественно в рабочем, в пролетарии («могилищик буржуазии» в проектах и мечтаниях наделялся и антибуржуазным, здоровым вкусом) [Зоркая, 1976, с. 272].

Массовая культура как проблема: от полного отторжения со стороны критики к открытию ее позитивных особенностей

Вернемся к парадоксу, что связан с открытиями и прозрениями Н. М. Зоркой, продолжающей заниматься археологией массового вкуса. Так, имея в виду извлеченный из бульварной литературы и повторяющийся в кино сюжет «обольщения», Н. М. Зоркая констатирует, что происходит удивительная вещь. То, в чем обвиняли раннее дореволюционное кино, существует, но еще всего, а, может быть, самого главного не определяет. В нем присутствуют ранние слои культуры, сформировавшиеся еще в древности и к декадансу, а также упадочному искусству они не имеют отно-

шения. Она пишет: «На самой нижней этой ступеньке сюжет словно бы очищается от бульварщины, от „проблем пола“, от муты и наволочи декаданса, от арцибашевщины, от 10-х годов. Конечно, в историческом облики своего времени, разумеется, в антураже и стиле эпохи, его породившей, при всем своем декларативном морализаторстве он все же возвращается к каким-то далеким народным истокам, к национальной традиции» [Зоркая, 1976, с. 298]. Можно утверждать, что это не просто парадокс, а настоящее открытие ученого. Такое открытие способны оценить только культурологи. Ведь Н. М. Зоркая, по сути дела, открывает в кино то, что сегодня называют «традиционными ценностями», представляя их порой весьма поверхностно.

Это открытие Зоркой делается в направлении концепции К. Юнга. Оказывается, углубление в традиции, получающие выражение, например, в лубке, позволяют понять не только массовый вкус, но и ментальность целого народа. Углубленное прочтение раннего кино позволило киноведо опровергнуть многие бытовавшие при советской власти критические оценки в его адрес. Несмотря ни на что, Н. М. Зоркая доказывала: «Русский кинематограф 10-х годов при всех декадентских туманах и маревах, заволакивающих экран, при всем пышном и эстетическом узоре в модном стиле „либерти“, при всех маниях, безумиях, „поэмах смерти“ и прочей „поэзии упадка“ формируется как искусство морализаторское, проповедующее добродетель, честность, порядочность, скромность, верность» [Зоркая, 1976, с. 142]. Вот это и есть, еще раз подчеркнем, те традиционные ценности, о которых сегодня много говорят. Это все тот же массовый вкус, который так ненавидели критики. Но оппонентов среди критиков у Зоркой по этому поводу не было. Она убеждала.

Выпуская книгу «На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов», Н. М. Зоркая поражала в ней своими парадоксальными выводами. Во-первых, она отвергла приговор, данный тому блестящему периоду в истории нашей культуры, который сегодня назван «Серебряным веком» и который был осужден М. Горьким с трибуны Первого съезда советских писателей. Осмысля бульварные пласты литературы и вообще, искусство начала XX века, она смело погружалась в мир декаданса, обнаруживая в том, что, казалось, заслуживало со стороны эстетиков и критиков лишь проклятий, золотую жилу в кинематографических сюжетах, а вместе с этим древние этические и не только этические, но и эстетические архетипы русской культуры, а это,

конечно, поразительное прочтение и, можно сказать, открытие пытливого и смелого исследователя. Без понимания активности этих архетипов разобраться в массовых вкусах невозможно. Так в книге «На рубеже столетий...» она пишет: «Уже наш материал, связанный с рождением массовых искусств в России на рубеже двух последних веков, настойчиво требует постановки ряда вопросов. И прежде всего о древней традиции повторности, о стереотипах в сюжетосложении, которым наверняка должны соответствовать определенные культурные архетипы восприятия, некие извечные потребности читателя и зрителя» [Зоркая, 1976, с. 227]. Это уже не абстрактный философский и социологический треп о массовой культуре, который водопадом прольется с 60-х годов, а выверенные и доказанные факты, взрывающие утопию о реципиенте. Это и есть реальность.

Н. М. Зоркая как основатель научного направления, с помощью которого изучается массовая рецепция кино

Что же помогло Н. М. Зоркой предпринять столь глубокое истолкование раннего русского кино и сделать столь удивительные открытия? Казалось бы, ведь это ранее кино незадолго до выхода книги Зоркой «У истоков массового искусства...» описал и проанализировал в своей книге С. С. Гинзбург. Да, он проделал это как киновед и историк. Зоркая же в своей книге выходила уже в пространство культурологического рассмотрения проблемы. Она понимает, что структура культуры состоит из слоев разного исторического происхождения, и отношения между ними оказываются динамичными. Но такое рассмотрение культуры тоже было характерно для русской «формальной» школы, хотя формалисты рассматривали этот вопрос на материале исключительно литературы, не претендуя на большее. Н. М. Зоркой удалось сделать открытие еще и потому, что она была в этом вопросе не только социологом, но и историком. У Н. М. Зоркой история кино представляла, в том числе, и историей рецепции. Вообще, видимо, это две параллельно развивающиеся и не всегда совпадающие во времени истории. В свое время Н. Рубакин отмечал, что читательская масса отстает от ритмов развития самой литературы на столетие [Рубакин, 1895, с. 7]. Так, в XIX веке русский читатель еще демонстрировал рецептивные установки XVIII века. А социологи 60–70-х годов прошлого столетия наращивали горы получаемой с помощью анкетных данных статистики и к такого рода обобщениям не были готовы. Так что разносторонние интересы Н. М. Зор-

кой в данном случае ее открытию помогали. Это была интуитивно ощущаемая исследователем необходимость в комплексном исследовании кино и в использовании междисциплинарного подхода. Социологические факты требовали именно исторического истолкования, хотя взаимоотношения двух наук – социологии и исторической науки, как уже отмечалось, не столь просты. Об этом, например, размышлял один из лидеров американской социологии Р. Мертон [Мертон, 2006].

От наблюдений над рецепцией кино к выявлению особенностей медиа

Интересы и открытия Н. М. Зоркой объясняются также революцией в средствах коммуникации, а точнее, как сегодня выражаются, в медиа, что развертывалась с середины прошлого века. Она происходила под воздействием возникновения и распространения телевидения, которое продемонстрировало в технической воспроизводимости художественных шедевров безграничные возможности и далеко продвинула процессы демократизации искусства. Вторжение в художественную жизнь второй половины XX века ТВ потребовало пересмотра некоторых представлений о кино как предмете изучения. Так, например, возникла проблема взаимоотношений между оригиналом и копией. Новая техника воспроизведения имела не только количественный, но и качественный смысл. Так, на долгие годы в среде теоретиков становится популярной книга В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [Беньямин, 1996]. Этой проблематике Н. М. Зоркая посвящает свою книгу «Уникальное и тиражированное. Средства массовой информации и репродуцированное искусство» (1981). Необходимость в разработке новой проблематики приводит к тому, что Зоркая работает в новом научном коллективе – секторе, изучающем художественные проблемы средств массовой коммуникации. Но для Зоркой это все та же проблема, которой она занималась и раньше, публикуя работы о кино. В поле ее внимания все та же массовая культура как существенный и даже пугающий признак демократизации искусства.

То, что Зоркая занялась телевидением, тоже демонстрирует ее потребность в расширению предмета изучения. Расширение проблематики за счет ТВ не было отходом от киноведения. Хотя в организационном плане она вроде бы изменила кино, как она когда-то изменила театру, отказавшись переходить во вновь возникший научно-исследовательский институт киноискусства, куда ее приглашали. Ведь начавшаяся с появлением кино коммуникативная революция подводила к тому, что кино вовсе не является лишь видом ис-

кусства, а ведь киноведы и искусствоведы это все еще продолжали доказывать уже несколько десятилетий. Следовательно, искусствоведческого подхода к кино явно недостаточно. Оно тоже, как и ТВ, является средством массовой коммуникации. Это обстоятельство обязывало заново вернуться к истокам кино, поэтому Н. М. Зоркая проявляет такой интерес к раннему кино. Вышедшая в 1997 книга Ю. Цивьяна «Историческая рецепция кино» явно появилась под воздействием не только теории Ю. Лотмана, но и работ Н. Зоркой [Цивьян, 1991].

Например, в начале XXI века возникает колоссальная потребность в сериалах. Этому вопросу Н. М. Зоркая также придает значительное внимание. Вспоминается ее доклад на конференции 1976 года в Таллине. Она в нем говорила о принципе серийности [Зоркая, 1976, с. 21]. Н. М. Зоркая прослеживала этот принцип с начала появления кино. Но ее интересовала предшествующая форма серийности, то есть литературная форма, которая помогала понять принцип серийности и в его кинематографическом, и в его телевизионном варианте. Этот принцип первоначально возникает в устной и печатной литературе, а потом переключивается в кино. Давление массовой публики проявляется уже в том, что на экране появляется сквозной персонаж, переходящий из сюжета в сюжет, из романа в роман, из фильма в фильм. Такой тип персонажа, найденный в раннем кино, Зоркая позднее найдет и в современной литературе, и в современном кино. Это Эраст Фандорин в романах Б. Акунина, о котором она писала [Зоркая, 2005]. Она не могла этого не зафиксировать, поскольку прослеживает в истории искусства преемственность и постоянный возврат к некогда существовавшим, но забытым формам. Из этой логики ранняя фаза в истории кино, да и вообще, в истории кино не выпадает.

Но почему все же такой заметный регресс? И это после таких открытий в литературе XIX века и художественного авангарда начала XX века. В XX веке реципиент становится не только пассивным потребителем искусства, как его иногда изображают, а тоже творцом, что вытекает из открытий Н. М. Зоркой. Например, творцом фольклора. На этот раз городского фольклора, каким считается кинематограф.

Исследование мелодрамы по методу Владимира Проппа

Попытаемся поразмышлять на тему – что значат работы Н. М. Зоркой, если их сегодня рассматривать в исторической перспективе, с точки зрения научной парадигмы, что утверждается в гуманитарных науках лишь на рубеже XX–XXI

веков. К сегодняшнему дню социологическая волна схлынула. Да и осмыслять ее следует в контексте активизации этических ценностей в ситуации распада и утопической идеологии и ослабления имперского комплекса. Мода на эту науку прошла, но она продолжает существовать. Понятно, что, восполняя пробелы в науке о кино, социология реципиента еще не стала в становлении методологии изучения кино последней парадигмой. Сегодня рассмотрение социологической парадигмы может включаться в так называемый культурологический поворот, а он уже был реальностью на рубеже XIX–XX веков. В этом универсальном культурологическом повороте много парадигм, а социологическая парадигма лишь одна из них.

Существует точка зрения, согласно которой гуманитарные науки, в том числе, искусствознание, десятилетиями находились под воздействием лингвистической парадигмы [Бахман-Медик, 2017]. Этот вектор был задан в самом начале прошлого столетия итальянским философом и эстетиком Бенедетто Кроче [Кроче, 1920]. Русская «формальная» школа и последователь этой школы, а именно, структурализм – тому свидетельство. Лингвистическая парадигма активно влияла на становление и понимание киноязыка и, в особенности, на понимание кино как знаковой системы, чем увлекался Ю. М. Лотман. Она была прогрессивной, ибо разводила искусствознание с эстетикой и стимулировала становление теории кино как самостоятельной субдисциплины искусствознания. Н. М. Зоркая исследовала кино и с этой точки зрения. То, что она прикоснулась сначала к социологии, а затем к семиотике свидетельствует о ее четкой позиции в науке. Можно сказать и о приверженности позитивизму, а он в середине прошлого века в науке активизировался, и активизация социологии об этом свидетельствовала. Ведь Зоркая постоянно настаивала на необходимости в понимании реципиента принципа объективности и научности. В гуманитарных науках этот принцип часто размыт, а точные и естественные науки демонстрируют образцы строгой научности.

Ориентируясь на позитивистскую методологию В. Проппа, Н. М. Зоркая блистательно проделала структурный анализ мелодраматических сюжетов в раннем русском кино [Зоркая, 1976, с. 183]. Ничего подобного до нее в киноведении не было сделано, да и теперь этим мало кто занимается. Очень важно здесь осознавать, что, начиная с формалистов, а затем и структуралистов, теория кино активизируется. Эта субдисциплина впервые возникает, отделяя искусствознание от эстетики, что и должно было произойти, поскольку

предмет эстетики шире предмета искусствознания, если иметь в виду онтологическое направление. В искусствознании, как и в социологии, тоже нуждались в чем-то таком, что в социологии называли теорией среднего ряда, а это и есть теория кино как субдисциплина.

Вклад семиотической и вообще лингвистической парадигмы, а семиотика возникла как продолжение идей о коммуникации, в кино значителен. Но сегодня мы тоже можем констатировать, что как прошла мода на социологию, так она проходит и на семиотику. Об этом доказательно высказывался М. Ямпольский, взяв курс на опять-таки раннее кино как предмет философского, а, точнее, феноменологического исследования [Ямпольский, 1992]. Что же дальше? Когда-то на рубеже 60–70-х годов в среде социологов имели место бурные дискуссии о необходимости разрабатывать так называемую социологическую теорию среднего ряда. Если из этого исходить, то можно полагать, что есть теория первого (или низшего) ряда (а под ним следует понимать осмысление полученной в ходе проведения анкетных опросов статистики), но также предполагается наличие теории среднего ряда (а она до сих пор так и не была разработана). Вместе с этим должна также быть и теория верхнего ряда как еще один уровень интерпретации кино. Представляется, что такой теорией верхнего ряда и оказывается культурологическая интерпретация кинематографа. Пришла пора ориентации киноведения на культурологию. Вне этой теории не может иметь места и социология среднего ряда. В этой перспективе становятся очевидными уязвимые стороны последней и уже прошедшей, то есть социологической волны в гуманитарной и социальной науках.

В этой уже схлынувшей волне социологической интерпретации кино можно фиксировать, как минимум, два таких уязвимых места. Эта волна, несмотря на ее достижения, все-таки оказалась односторонней. Если теория среднего ряда, а это, видимо, и есть теория кино как субдисциплина, возможна, то она должна быть не только социологией реципиента, но и социологией творца, автора. Социология кино как следствие последней волны в социологии, по сути, была сведена исключительно к реципиенту. Видимо, эта истина была выстрадана столетием радикальной демократизации художественной культуры, а именно, XX веком. Тем более, что еще при появлении предшествующей волны в социологии, возникшей в 20-е годы XX века, отмечалось повышение активности реципиента, ставшего массовым. Кино, а затем и ТВ демонстрировали позднее последующее увеличение численности реципиентов искусства.

Появление кино в этом смысле явилось настоящей революцией. В силу этого в художественной культуре создалась исключительная ситуация. В XX веке реципиента и творца больше невозможно было понять без их взаимосвязи и взаимозависимости. Ведь и известная мифологема «смерть автора» может восприниматься оборотной стороной рождения, то есть усиления активности в художественном процессе реципиента как второго творца. Реципиент в роли творца; во всяком случае, в роли сотворца. К этому выводу придут и постструктуралисты, например, У. Эко. Зоркая эту трансформацию убедительно показывает на примере метаморфозы в восприятии многочисленных репродукций картины И. Крамского «Неизвестная» в массовом сознании, а также и в восприятии «Джоконды» Леонардо, показанной на выставке в музее изобразительных искусств имени А. Пушкина [Зоркая, 1981, с. 154].

Получается, что и художественный образ, в конечном счете, создается не только самим художником, скажем, режиссером, но и реципиентом. Марксистское искусствознание отстывает: рецепция произведения здесь истолковывается исключительно в соответствии с тем, что в произведение было вложено самим автором, как будто этот автор до конца осознавал то, что он в свое произведение вкладывал. Возникающий в массовом сознании образ, запечатленный в художественном шедевре, трансформируется, видоизменяется помимо воли автора. Часто он может предстать просто другим. Ведь массовое сознание иррационально. Но это и есть свидетельство того, что реципиент тоже предстает творцом. В еще большей степени, чем это было на предшествующих этапах истории искусства и истории его рецепции.

Как показала Н. М. Зоркая в книге «У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов», такие метаморфозы не всегда можно оценивать негативно. Это следует принимать как данность, как реальность. Что же касается неразработанности вопроса о социологии творца, то вообще-то эта идея в конце 60-х годов высказывалась. На необходимость социологического исследования творца указывал философ Ю. Н. Давыдов, который в эти годы руководил в Институте истории искусств сектором эстетики. Он один из тех советских философов, которые разрабатывали теоретические вопросы социологии искусства. Об этом свидетельствовала вышедшая в 1968 году его книга «Искусство как социологический феномен».

Проблема рецепции с точки зрения реципиента, но и с точки зрения автора

Если вопрос о рецепции рассматривать не только в социологическом, но и в культурологическом аспекте, то есть в соответствии с актуальной сегодня научной парадигмой, то здесь, видимо, следует говорить о вторжении в художественный процесс внеиндивидуального фактора, что некоторых искусствоведов от культурологии может оттолкнуть [Хренов, 2022, с. 114]. Это, конечно, становится проблемой, нуждающейся в обсуждении. Такое недопонимание между искусствоведами и культурологами объясняется тем, что для искусствоведа в его интерпретации искусства на первый план выходит личность (почему, собственно, на ранних фазах становления истории искусства как субдисциплины подобные исследования типа исследования Д. Вазари назывались как «жизнеописания художников»). Искусствоведческий подход меняется, совершенствуется и углубляется, но биографический подход совершенно не исключается. Тем не менее, даже в искусствознании, если иметь, например, в виду концепцию Г. Вельфлина, тоже существует внеиндивидуальный фактор, позволяющий искусствознание на его позднем этапе становления называть, в соответствии с применяемой Т. Куном терминологией, «нормальной наукой». Почему, собственно, формула Г. Вельфлина «история искусства без имен» по-прежнему остается актуальной, хотя это не вельфлиновская, а гегелевская формула, иллюстрирующая историю Духа, а не выдающиеся имена художников.

Тем, не менее, история искусства все же больше ориентирована на выражение не внеиндивидуального, а именно индивидуального фактора, личного и авторского начала. Когда Б. Эйхенбаум объяснял, как следует понимать предмет литературы и как его понимают формалисты, он тоже, вслед за Г. Вельфлиным, представляющим немецкий вариант формализма, констатировал в литературе внеиндивидуальный фактор. «Центральной проблемой истории литературы является для нас, — пишет он, — проблема эволюции вне личности — изучение литературы как своеобразного социального явления» [Эйхенбаум, 2007, с. 383]. Но внеиндивидуальный фактор, без которого не существует ни история литературы, ни история искусства вообще, в еще большей степени значим при культурологическом изучении искусства.

Что касается науки о культуре, то предметом здесь является все же культура как тоже внеиндивидуальная, общезначимая субстанция. Этот вопрос обсуждает американский антрополог и культуролог Альфред Кребер, пытаясь пересмотреть категоричность в понимании культуры как безлич-

ной системы О. Шпенглером. А. Кребер в исследовании искусства и творца вводит понятие модели как посредника между личностью творца и культурой, пытаясь проследить действие этой модели на разных фазах истории культуры [Кребер, 2004]. Возникающие в истории культуры модели способствуют выдвижению и самовыражению того или иного типа личности художника, дотоле, на предшествующей фазе такой возможности не имевшего. Или, наоборот, востребованность в нем исключают. Здесь действует именно культурологический детерминизм.

Конечно, культура – главный и определяющий предмет науки о культуре. Своей целью он имеет заинтересованность в таком подходе прежде всего науки о культуре. Являясь индикатором культуры, тот или иной тип художника дает информацию скорее о состоянии культуры, нежели о художественном процессе, но ведь это тоже необходимая информация. Поэтому А. Кребер заключает: «Мы, человеческие существа, являемся в наших свершениях продуктами культуры в гораздо большей степени, чем принято считать» [Кребер, 2004, с. 782]. Такой культурологический детерминизм художественного творчества не следует абсолютизировать, но он необходим. Да и классики, например, Руссо или Кант, его бы, по всей видимости, не разделяли, исходя в самовыражении гения прежде всего из фактора природы, а не культуры. Да и искусство в некоторых своих проявлениях оказывается по отношению к культуре уж очень нигилистическим. Например, художественный авангард, вторжение которого в искусство происходит где-то на рубеже XIX–XX веков, свидетельствует об активном разрушении установок культуры. Это очень убедительно аргументируется А. Якимовичем в его книге «Эпоха сокрушительных творений» [Якимович, 2009].

А кроме того, в нашей стране, как уже отмечалось, становление науки о культуре разворачивается в двух направлениях – позитивистском, с одной стороны, и, можно сказать, в филологическом и герменевтическом, с другой стороны. Второе направление у нас представляют, например, Ю. Лотман, С. Аверинцев, Вяч. Вс. Иванов. Сам этот раскол отечественной науки о культуре на два направления свидетельствует о влиянии не только культурологии на искусствоведение, но и искусствоведения на культурологию. Русскую культуру не назовешь самой персонологической, но пока статус личностного, индивидуального в ней продолжает культивироваться. Об этом свидетельствует «авторский» кинематограф, который кинокритика считает образцом. Эта установка вселяет надежду. Хотя не исключено, что здесь может дей-

ствовать и компенсаторный фактор: чего мало в самой жизни, то восполняется искусством.

Социология без социологии власти: в каком политическом контексте следует рассматривать рецепцию?

Следующее уязвимое место в отшумевшей моде на социологию искусства связано с непроясненностью, а вообще, следовало бы сказать, невозможностью осмыслить с помощью социологии процессы художественной жизни, если отсутствует научно выверенное представление о типе государственности, в контексте которой разворачивался контакт реципиента и творца, происходит функционирование искусства и художественная коммуникация. Представление об искусстве как социальном институте, а это и есть смысл социологического анализа, предполагает и знание о типе государства, о соотношении этого государства и этого общества, государства и культуры, культуры и личности, знания о существующих субкультурах. Практически ни об одной из этих проблем говорить было нельзя. Без этого говорить о функциях искусства в этом государстве было невозможно. Речь идет о таком типе государства, который называется империей. Империей нового типа, возникшей на развалинах старой империи со всеми вытекающими отсюда последствиями, а главное установками. Хотя большевики ведь и сами бы удивились, если бы им сказали, что они вместо свободного государства возвели новую империю. Но объективно получалось так. Распад этой новой, уже большевистской империи разворачивался в 80-е годы, хотя признаки его начавшегося распада были уже в период оттепели [Зоркая, 1999]. Они свидетельствовали о том, что существуют не только внешние, но и внутренние факторы такого распада.

Подобно выводам английского историка Э. Гиббона, пришедшего к выводу в своей истории римской империи о том, что причиной ее распада были именно внутренние причины [Гиббон, 2008, с. 624], в новой советской империи сработали именно такие внутренние факторы. Однако как утверждают современные исследователи в начале XXI века, эти внутренние факторы функционирования новой империи все еще не до конца познаны даже теперь. Так, С. Никольский пишет: «Споры о советском в его ужасах, в благих делах и причудах все еще не утихли и, по-видимому, не утихнут еще продолжительное время. В том числе, и прежде всего потому, что его возникновение, развитие и укоренение в обществе до сих пор не только не изжито, но и осмыслено лишь отчасти – локусами и в отдельные временные отрезки... И особого желания осознать не видно» [Никольский, 2023, с. 3]. Следовательно, чтобы сделать адекватные реаль-

ному положению дел в советской империи выводы о массовости и о ситуации в художественной жизни в России XX века, необходимо об этих факторах иметь представление. Таким выводам должна предшествовать характеристика того периода в новой империи, что имела место в России XX века. Без этого обстоятельства данные, полученные с помощью конкретно – социологических исследований, конечно же, полными быть не могут.

Заключение

Таким образом, предприняв изучение текстов Н. М. Зоркой, публикуемых в виде книг, статей, докладов и выступлений на дискуссиях, автор статьи продемонстрировал, какой серьезной проблемой на рубеже 50–60-х годов в советской России оказалась проблема рецепции. 50–60-е годы прошлого века – это следующий период в обострении проблемы рецепции, что связано с активностью массового реципиента в художественной жизни. На этот раз, как показывает автор, осознание этой проблематики потребовало обращения к науке. Ощутив запущенность вопроса, объясняемую идеологическими установками, кинокритики периода «оттепели» приходят к выводу об актуализации просветительских традиций в отечественной культуре. Ее представители доказывают, что реципиент должен быть активным звеном кинематографического процесса, не манипулируемым объектом, а субъектом. Но к этой его новой роли следует его еще подготовить. Однако, как показано в статье, на пути к воспитанию и образованию массового реципиента оказалось препятствие в виде массовой культуры. По отношению к этой культуре кинокритика разделилась на две группы: просветительскую и консервативную. Особенностью оттепельного периода явилось то, что просветительское направление в кинокритике оказалось в центре дискуссий, развернувшихся в художественной жизни. Установки «новых просветителей» в советском кино побеждали и позитивно влияли на реципиентов и на рецепцию кино, в частности, на «авторское» кино, на «новую волну» в кинематографе. Одновременно автор показывает, что открытия в области рецепции были связаны также и с обнаружением в массовой культуре сохраняющихся древних архетипов, что в немалой степени определяет и рецепцию кино. Достижению успехов просветительской критики явилась обращенность к разным гуманитарным и социальным наукам, в частности, к социологии, семиотике, психологии, рецептивной эстетике. Все эти аспекты истории кинокритики автор показывает на примере критической и исследовательской деятельности одного из самых известных кинокритиков периода оттепели Н. М. Зоркой.

Библиографический список

1. Бахман-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. Москва : Новое литературное обозрение. 2017. 504 с.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. Москва : «Медиум». Немецкий культурный центр имени Гете, 1996. 240 с.
3. Гиббон Э. Закат и падение Римской империи. В 7 т. Т. 4. Москва : Терра – Книжный клуб, 2008. 624 с.
4. Добро и зло массовой культуры. Стенограмма заседаний клуба «Свободное слово» Института философии РАН совместно с Отделом социологии художественной жизни ГИИ (5 марта 2003 года) // Культурологические записки. Выпуск 8. «Российский масскульт» – 2000 и новые технологии. Москва : Государственный институт искусствознания. 2003. 283 с.
5. Зоркая Н. М. На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900–1910 годов. Москва : Наука, 1976. 304 с.
6. Зоркая Н. М. Уникальное и тиражированное. Средства массовой информации и репродуцированное искусство. Москва : Искусство. 1981. 167 с.
7. Зоркая Н. М. Феномен Эраста Фандорина. «Маскульт» для интеллектуалов и эстетов // Массовая культура на рубеже веков. Москва–Санкт-Петербург, 2005. 264 с.
8. Зоркая Н. М. Чары многосерийности: О связи проблемы многосерийного телефильма с кардинальными вопросами эстетики и поэтики телевидения // Многосерийный телефильм. Москва : Искусство, 1976. С. 21–36.
9. Зоркая Н. М. На фоне пейзажа после битвы. Заметки о постсоветской художественной интеллигенции // Художественная жизнь России от 1970-х к 1990-м. Культурологические записки. Выпуск 6. Москва : ГИИ, 1999. С. 270–295.
10. Кребер А. Избранное: Природа культуры. Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 1008 с.
11. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. Москва : Издание М. и С. Сабашниковых, 1920. 160 с.
12. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. Москва : ООО «Издательство АСТ», 2006. 873 с.
13. Никольский С. А. Советское. Идея и практика. Москва: [б.и.], Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2023. 392 с.
14. Рубакин Н. Этюды о русской читающей публике. Санкт-Петербург, 1895. С. 7.
15. Хренов Н. А. Искусствознание как гуманитарная наука в эпоху становления культурологии: итоги, проблемы, перспективы // Культурное наследие – от прошлого к будущему. Москва–Санкт-Петербург : Институт наследия, 2022. 390 с.
16. Хренов Н. А. Критик как наставник: из опыта отечественной кинокритики // Верхневолжский филологический вестник. Научный журнал. 2024. № 2. Ярославль : РИО ЯГПУ. С. 253–262.
17. Цивьян Ю. Историческая рецепция кино. Кинематограф в России. 1896–1930 // Латвийская академия

наук. Институт языка и литературы. Рига : Издательство «Зинатне», 1991. 492 с.

18. Эйхенбаум Б. М. Теория «формального метода» // Эстетика и теория искусства XX века. Хрестоматия / ответств. редакторы: Н. А. Хренов, А. С. Мигунов. Москва : Прогресс-Традиция, 2007. С. 383–416.

19. Якимович А. К. Эпоха сокрушительных творений. Из истории искусства и мысли XX века. Москва : Галарт, 2009. 256 с.

20. Ямпольский М. Б. Видимый мир. Очерки ранней кинофеноменологии. Москва : Научно-исследовательский институт киноискусства, 1992. 216 с.

Reference list

1. Bahman-Medik D. Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukah o kul'ture = Cultural turns. New landmarks in cultural sciences. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. 504 s.

2. Ben'jamin V. Proizvedenie iskusstva v jepohu ego tehnikeskoj vosproizvodimosti. Izbrannye jesse = The work of art in the age of its technical reproducibility. Selected essays. Moskva : «Medium». Nemeckij kul'turnyj centr imeni Gete, 1996. 240 S.

3. Gibbon Je. Zakat i padenie Rimskoj imperii = The decline and fall of the Roman Empire. V 7 t. T. 4. Moskva : Terra – Knizhnyj klub, 2008. 624 s.

4. Dobro i zlo massovoj kul'tury. Stenogramma zasedanij kluba «Svobodnoe slovo» Instituta filosofii RAN sovmestno s Otdelom sociologii hudozhestvennoj zhizni GII (5 marta 2003 goda) = Good and evil of mass culture. Transcript of the meetings at the «Free Word» club, Institute of Philosophy RAS in cooperation with the Department of Sociology of Artistic Life, State Institute of Philosophy (March 5, 2003) // Kul'turologicheskie zapiski. Vypusk 8. «Rossijskij masskul't» – 2000 i novye tehnologii. Moskva : Gosudarstvennyj institut iskusstvovedenija. 2003. 283 s.

5. Zorkaja N. M. Na rubezhe stoletij. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900–1910 godov = At the turn of the century. The origins of mass art in Russia 1900–1910. Moskva : Nauka, 1976. 304 s.

6. Zorkaja N. M. Unikal'noe i tirazhirovannoe. Sredstva massovoj informacii i reproducirovannoe iskusstvo = The unique and the replicated. Mass media and reproduced arts. Moskva : Iskusstvo. 1981. 167 s.

7. Zorkaja N. M. Fenomen Jerasta Fandorina. «Masskul't» dlja intellektualov i jestetov = The Phenomenon of Erast Fandorin. «Masscul't» for intellectuals and aesthetes // Massovaja kul'tura na rubezhe vekov. Moskva–Sankt-Peterburg, 2005. 264 s.

8. Zorkaja N. M. Chary mnogoserijnosti: O svjazi problemy mnogoserijnogo telefil'ma s kardinal'nymi voprosami jestetiki i pojetiki televidenija = The charms of multiseriess: On the relationship of multiseriess television with cardinal

questions of TV aesthetics and poetics // Mnogoserijnnyj telefil'm. Moskva : Iskusstvo, 1976. S. 21–36.

9. Zorkaja N. M. Na fone pejzazha posle bitvy. Zametki o postsovetsoj hudozhestvennoj intelligencii = Against the background of the landscape after the battle. Notes on post-Soviet artistic intelligentsia // Hudozhestvennaja zhizn' Rossii ot 1970-h k 1990-m. Kul'turologicheskie zapiski. Vypusk 6. Moskva : GII, 1999. S. 270–295.

10. Kreber A. Izbrannoe: Priroda kul'tury = Selected: The nature of culture. Moskva : Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN), 2004. 1008 S.

11. Kroche B. Jestetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshhaja lingvistika = Aesthetics as the science of expression and as general linguistics. Moskva : Izdanie M. i S. Sabashnikovyh, 1920. 160 s.

12. Merton R. Social'naja teorija i social'naja struktura = Social theory and social structure. Moskva : OOO «Izdatel'stvo ACT», 2006. 873 s.

13. Nikol'skij S. A. Sovetskoe. Ideja i praktika = The Soviet. The idea and practice. Moskva: [b.i.], Sankt-Peterburg : Centr gumanitarnyh iniciativ, 2023. 392 s.

14. Rubakin N. Jetjudy o russkoj chitajushhej publike = Sketches of the Russian reading audience. Sankt-Peterburg, 1895. S. 7.

15. Hrenov N. A. Iskusstvovedenie kak gumanitarnaja nauka v jepohu stanovlenija kul'turologii: itogi, problemy, perspektivy = Art studies as a humanitarian science at the time of cultural studies formation: results, problems, perspectives // Kul'turnoe nasledie – ot proshlogo k budushhemu. Moskva–Sankt-Peterburg : Institut nasledija, 2022. 390 s.

16. Hrenov N. A. Kritik kak nastavnik: iz opyta otechestvennoj kinokritiki = The critic as a mentor: lessons of Russian film criticism // Verhnevolskij filologicheskij vestnik. Nauchnyj zhurnal. 2024. № 2. Jaroslavl' : RIO JaG-PU. S. 253–262.

17. Civ'jan Ju. Istoricheskaja recepcija kino. Kinematograf v Rossii. 1896–1930 = Historical reception of the cinema. Cinematography in Russia. 1896–1930 // Latvijskaja akademija nauk. Institut jazyka i literatury. Riga : Izdatel'stvo «Zinatne», 1991. 492 S.

18. Ejhenbaum B. M. Teorija «formal'nogo metoda» = The theory of «the formal method» // Jestetika i teorija iskusstva HH veka. Hrestomatija / otvetstv. redaktory: N. A. Hrenov, A. S. Migunov. Moskva : Progress-Tradicija, 2007. S. 383–416.

19. Jakimovich A. K. Jepoha sokrushitel'nyh tvorenij. Iz istorii iskusstva i mysli HH veka = The age of earth-shattering creations. From the history of the arts and thought of the XXth century. Moskva : Galart, 2009. 256 s.

20. Jampol'skij M. B. Vidimyj mir. Oчерки rannej kinofenomenologii = The visible world. Essays on early film phenomenology. Moskva : Nauchno-issledovatel'skij institut kinoiskusstva, 1992. 216 s.

Статья поступила в редакцию 22.03.2025; одобрена после рецензирования 13.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 22.03.2025; approved after reviewing 13.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья
УДК 008; 81-139
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-251
EDN: SWMTQL

**Природно-ландшафтный культурный код народов Центральной Азии:
единство и вариативность фольклора и традиций**

Радик Ирикович Батыршин

Кандидат филологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 101000, г. Москва, Потаповский переулок, д. 16, стр. 10
batyrshin_ri@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0001-8859-8366](https://orcid.org/0000-0001-8859-8366)

Аннотация. Статья посвящена исследованию природно-ландшафтного культурного кода народов Центральной Азии стран СНГ на материале этнических традиций, обычаев и фольклора. Основными исследовательскими задачами является изучение специфики природно-ландшафтного кода культуры как культурологического феномена, а также изучение общности культурного кода у этносов Центральной Азии, являющейся обоснованием единства тюркской культуры. В результате проведенного исследования была представлена типология способов актуализации сакральных культурных смыслов, закодированных в природно-ландшафтном культурном коде народов Центральной Азии. Анализ мифологии и народного эпоса, а также ритуалов, культов и обрядов позволил обнаружить общность культурной семантики анализируемых символов культуры. В исследовании была также отмечена специфика этнической ментальности, являющейся частью природно-ландшафтного кода культуры и национально-этнической картины мира в целом. Автор указывает на сложившуюся на протяжении веков тенденцию тюркской ментальности к вертикально ориентированному мышлению, которое основывается на древних представлениях о вертикальной иерархии ареала жителей степей. «Верхнее» и «нижнее» расположение бытования народа по отношению к степному ландшафту объясняется народными поверьями тюркских этносов, связанных с представлениями о духах природы, обитающих ниже жилища людей, в ущельях и водоемах, и выше – в горах или на холмистой местности. Автором было доказано симбиотическое свойство природно-ландшафтного кода культуры, которое заключается в сращении культурных смыслов и артефактов, ритуалов и народного эпоса, связанных с природой, которые существуют в симбиотическом единстве в ментальном пространстве этноса.

Ключевые слова: мифология; тотемное животное; анималистическая символика; верование; традиция; обычай; этническая ментальность; культурная семантика; эпическое произведение

Для цитирования: Батыршин Р. И. Природно-ландшафтный культурный код народов Центральной Азии: единство и вариативность фольклора и традиций // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 251–260. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-251>. <https://elibrary.ru/SWMTQL>

Original article

**Natural landscape cultural code of Central Asian peoples: unity and variation
of folklore and traditions**

Radik I. Batyrshin

Candidate of philological sciences, professor, National research university «Higher school of economics». 101000, Moscow, Potapovsky pereulok, 16, bld. 10
batyrshin_ri@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0001-8859-8366](https://orcid.org/0000-0001-8859-8366)

Abstract. The article examines the natural landscape cultural code of the peoples in Central Asia and the CIS countries on the basis of ethnic traditions, customs and folklore. The main research objectives are to study the specificity of the natural landscape culture code as a culturological phenomenon, as well as to study the common cultural code features of the Central Asian ethnoses, which justifies the Turkic cultures unity. The research presents a typology of ways to actualize the sacred cultural meanings encoded in the natural landscape cultural code of the Turkic peoples in Central Asia. The analysis of mythology, folk epos, rituals, cults and ceremonies shows the common cultural semantics of the cultural symbols under study. The study also outlines the specificity of ethnic mentality, which is part of the natural landscape

cultural code and the national ethnic picture of the world as a whole. The author points to the centuries-long tendency of the Turkic mentality to vertically oriented thinking, which is based on ancient ideas about the vertical hierarchy of the steppe dwellers' areal. «Upper» and «lower» people's existence in relation to the steppe landscape are explained by Turkic ethnoses' folk beliefs related to the notions of nature spirits living below people's dwellings, in gorges and reservoirs, and above – in mountains or on hilly terrain. The author proves the symbiotic character of the natural landscape cultural code, which means the fusion of cultural meanings and artifacts, rituals and folk epos related to nature, which exist in symbiotic unity in the ethnic mental space.

Key words: mythology; totemic animal; animalistic symbolism; belief; tradition; custom; ethnic mentality; cultural semantics; epic work

For citation: Batyrshin R. I. Natural landscape cultural code of Central Asian peoples: unity and variation of folklore and traditions. *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):251–260. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-251>. <https://elibrary.ru/SWMTQL>

Введение

Природно-ландшафтный код этнической культуры – это сложная и многогранная система взаимосвязей между человеком и окружающей средой, закодированная в языке, фольклоре, традициях, ритуалах, мифологии и повседневной жизни народа. Природно-ландшафтный культурный код не просто отражает картину окружающей среды в ментальных репрезентациях социума, он активно участвует в её формировании, становясь фундаментом мировоззрения, определяя ценностные ориентации, социальную структуру и даже политические модели общества. Глубокое понимание этого кода позволяет не только проникнуть в суть национальной идентичности, но и раскрыть эволюцию культуры, адаптационные механизмы к изменениям ландшафта и климата, а также проследить взаимоотношения человека и природы на протяжении столетий, что становится как никогда актуальным в современных научных исследованиях культуры.

Безусловный приоритет в исследовании природно-ландшафтного кода культуры отдается изучению этнокультурных паремий, представленных пословицами и поговорками, предоставляющими уникальный доступ к культурному коду нации, поскольку, будучи краткими, емкими и образными высказываниями, они содержат в себе концентрированный опыт поколений, отражая не только ценностные суждения и моральные нормы, но и глубокие архетипы, связанные с природным окружением. Паремии являются своеобразными «капсулами времени» [Yablon, 2019], сохраняющими информацию о традиционных занятиях, социальной организации, религиозных верованиях и представлениях о мире, неразрывно связанных с ландшафтом. В дополнение к этому анализ паремий позволяет выявить, какие природные объекты имеют особое

значение для данной культуры, какие функции они выполняли, какие образы и символы с ними связаны, и как эти образы менялись со временем.

Однако выявление специфики природно-ландшафтного культурного кода на уровне исключительно паремиологического исследования является далеко не полным, исчерпывающим способом глубокого научного анализа этнической культуры. Исследование природно-ландшафтного культурного кода также включает в себя изучение *топонимики* (наименований географических объектов), *ритуалов* (обрядов, связанных с природными циклами), *мифологии* (мифов и легенд, связанных с природой), *традиционной медицины* (методов использования лекарственных растений), *искусства* (изобразительного искусства, музыки, литературы и пр.). Все эти источники информации взаимно дополняют друг друга, позволяя создать более полную и многомерную картину взаимоотношений между этносом и его природной средой.

В дополнение к этому, в фольклоре, традициях и обычаях этноса природно-ландшафтный культурный код раскрывается уже с другой стороны: с точки зрения не менее яркого и репрезентативного отражения этнической культуры в народном творчестве [Гуревич, 2024, с. 94]. Именно этому отдельному аспекту культурологического знания посвящено исследование, результаты которого представлены в данной научной публикации.

Основной исследовательской целью данной статьи является изучение природно-ландшафтного культурного кода народов Центральной Азии стран СНГ на материале этнических традиций, обычаев и фольклора, имеющих общие культурные корни и доказывающих культурное единство данных народов, позволяющее заявлять о существовании единой тюркской культуры.

Исследовательскими задачами данного научного анализа стали, соответственно: 1) изучение традиций, обычаев и фольклора стран СНГ ЦА, обнаруживающих общие культурные корни в репрезентации природно-ландшафтного культурного кода; 2) анализ примеров репрезентации природно-ландшафтного культурного кода в традициях, обычаях и фольклоре данных этносов; 3) поиск доказательств культурного единства и общности культурных корней этносов стран СНГ ЦА.

Методы исследования

В исследовании природно-ландшафтного культурного кода тюркских народов Центральной Азии использовался комплекс культурологических и гуманитарных методов, соответствующих заявленной научной специальности.

Культурологический подход позволил рассматривать природно-ландшафтный код как элемент системы ценностей, символов и смыслов, формирующих этническую идентичность. Применялись методы сравнительно-культурного анализа, структурно-семиотический и феноменологический подходы, что обеспечило выявление общих и уникальных черт в репрезентации природно-ландшафтного кода в традициях, обычаях и фольклоре тюркских народов.

Онтологический метод был использован для анализа природно-ландшафтного кода через призму универсальных категорий человеческого бытия (пространство, время, природа, человек), которые лежат в основе формирования этнического мировоззрения и мироощущения.

Герменевтический метод обеспечил интерпретацию народных представлений о природе, раскрытых в культурном контексте национально-специфических смыслов, а также выявление способов переосмысления этих смыслов в процессе исторического развития.

Аксиологический метод позволил выявить ценностные модели и иерархии, связанные с природно-ландшафтным кодом, а также проанализировать, какие природные объекты и явления приобретают особое значение в системе этнических ценностей.

Историко-культурный метод применялся для анализа трансформаций природно-ландшафтного кода на разных этапах исторического развития, а также для выявления тенденций в формировании и изменении культурных кодов в условиях межкультурных контактов и культурных границ.

Паремнологический анализ (анализ пословиц и поговорок) использовался для выявления концентрированных форм выражения культурного кода, отражающих архетипические представления о природе и ландшафте.

Анализ мифологии и ритуалов позволил проследить, как природно-ландшафтный код проявляется в мифах, легендах, обрядах и верованиях, а также выявить специфику сакрализации природных объектов.

Топонимический анализ применялся для изучения значимых географических названий, связанных с мифологическими и культурными смыслами.

Комплексное применение указанных методов обеспечило многомерное рассмотрение природно-ландшафтного культурного кода тюркских народов Центральной Азии, позволило выявить его структуру, функции и динамику в традициях, обычаях и фольклоре.

Природно-ландшафтный код в эпических произведениях тюркских народов

Культурное единство народов Центральной Азии, входящих в состав СНГ, а именно, казахского, киргизского, туркменского и узбекского народов – это самый сложный и многогранный феномен, сформировавшийся за тысячелетия тесного взаимодействия и взаимопроникновения различных этнических групп, начиная с самых ранних периодов миграций и освоения региона. Это не просто результат соседства, а плод длительного процесса культурного обмена, который происходил на разных уровнях – от повседневной жизни до высших проявлений искусства и философии.

Фольклорные произведения – сказки, легенды, былины, эпосы, – демонстрируют поразительное сходство тем и сюжетов у тюркских народов Центрально-Азиатского региона. Эпические произведения, такие как «Алпамыш», «Идегей», «Кузы-Курпач и Баян-Сылу», «Кур углы» представлены в национальных версиях казахов, узбеков, киргизов и туркмен, демонстрируя общие сюжетные мотивы героических путешествий, борьбы со злом и преодоления трудностей. «Книга моего деда Коркута» («Кетаб и дедем Коркут») – памятник огузского книжного эпоса, отражающий систему образов и мифологических констант, общих для многих тюркских народов Средней Азии и Казахстана [Бартольд, 2019].

Исследования древнетюркской мифологии показывают, что мифологические и эпические

сюжеты, выявленные в письменных источниках VI–VII веков, стали основой для формирования единой эпической традиции тюркских народов, что подтверждает генетическую связь и схожесть фольклорных мотивов [Давлетшина, 2021].

В статье о возникновении и развитии мифологии тюркских народов Центральной Азии отмечается, что общность мифологических воззрений и сюжетов у тюркских и ираноязычных народов региона возникла в результате многовекового культурного взаимодействия, что породило единые эпические образы и мотивы, такие как Семург, аждар, пери, Ахриман и другие [Шамусаров, Атаханова, 2020].

Сравнительный анализ сказок и преданий бухарских арабов и тюркских народов подтверждает наличие значительного культурного обмена и общих сюжетных структур в фольклоре региона [Шамусаров, 2009].

Обобщенно говоря, как эпические произведения, так и мифологические и легендарные сюжеты, а также пословицы и сказания разных народов Центральной Азии демонстрируют поразительное сходство тем и сюжетов, что подтверждается как классическими памятниками фольклора, так и современными исследованиями. Мотивы путешествий героев, борьбы со злом, преодоления трудностей, посвященные достижению богатства, любви или власти, широко распространены в устном народном творчестве казахов, узбеков, киргизов и туркмен. Они отражают не только общие исторические корни, схожие условия жизни в засушливом климате, кочевого и оседлого образа существования, но и глубокое взаимодействие с природой, которое нашло своё отражение в мифах и легендах, объясняющих происхождение горных хребтов, рек, животных и природных явлений.

В этих историях часто присутствуют образы тотемных животных, мифические существа, олицетворяющие силы природы, что свидетельствует о древних шаманских традициях, оставивших свой след в культуре региона.

Одним из распространенных тотемных животных, особенно у казахских племен, был конь. Конь был не просто основной тягловой силой и вьючным и гужевым транспортом у казахского народа, он считался символом свободы, воплощением силы и признаком высокого социального статуса представителей данного народа. В народных преданиях коню приписывалось тотемное значение – способность защищать племя от нашествия врагов и приносить удачу в жизни

кочевых племен Центральной Азии [Кудерина, 2024]. В повседневной культуре кочевых племен практиковалось жертвоприношение, и лучших коней приносили в жертву богам. Черепа и копыта животного подвешивали к поясу во время военного похода, поскольку считалось, что эти предметы принесут счастье и сэберегут обладателя тотема от гибели. Доказательством использования данного тотема племенами Центральной Азии служат сохранившиеся наскальные рисунки копыта коня, называемого казахами «тулпар тас» (камень скакуна). «Тулпар тас» можно встретить на кирпичной кладке мавзолеев Центрального Казахстана, мавзолея Келин-там и на других сохранившихся с древних времен постройках [Ахинжанов, 1995].

В узбекской традиционной культуре конь также занимает центральное место: его наделяют божественной силой и способностью говорить и летать, что отражено в многочисленных эпических произведениях народа. По узбекскому поверью, дыхание лошади приумножает благосостояние семьи и излечивает от болезней, поэтому коновязь у узбекских юрт была всегда направлена в сторону жилища. Конь в узбекских народных преданиях обладал способностью отпугивать злых духов и был неизменным спутником святых людей [Аширов, 2023, с. 50–51].

По народным поверьям киргизов, конь также считался священным животным и наделялся тотемными свойствами оберега, приносящего здоровье, богатство и удачу [Жанисов, Артыкбаев, Есен, 2021]. Конь выполнял особую ритуальную роль в жизни киргизского народа: в погребальном обряде он сопровождал усопшего в потусторонний мир. Значительное место в киргизском эпосе отведено коню черной масти: как и в узбекских эпических произведениях конь наделен способностью летать и разговаривать с людьми [Осмонова, 2017, с. 44].

В туркменской культуре конь издревле считался священным животным и так же, как и в других тюркских культурах, коню приписывались тотемные свойства оберега от различного рода несчастий: набега врагов, болезней и пр. Помимо этого, в культе коня в туркменской культуре присутствовала система табу, что отражалось непосредственно в обряде погребения животного. Табуированным было также употребление в пищу мяса жеребцов. Забота о теле и костях тотема в народных поверьях была связана с идеей реинкарнации душ людей в теле животного. Возможно, по этой причине коня в турк-

менской культуре воспринимали как друга и члена семьи [Анищенко, 2016].

Наряду с конем, в народном эпосе тюркских культур присутствуют и другие тотемные животные и птицы: волк, бык, олень, лебедь и пр. Всем им в той или иной мере приписывались свойства оберега, приносящего счастье и благополучие в семью и охраняющего от всяческих напастей. Животные служили олицетворением силы и власти и выступали символами могущества нации.

То, что здесь очень важно отметить, – это специфика анималистической символики тюркских народов: общность семантики природно-ландшафтного культурного кода указывает на единство этнических корней, и несмотря на незначительные различия в их интерпретации, анималистические символы и тотемы служат ключом к общему культурному коду тюркской культуры.

Отдельного внимания заслуживает мифология в устном народном творчестве казахов, узбеков, киргизов и туркмен. Например, в казахском фольклоре, а именно, в народных преданиях, объясняются названия природных мест, что также является природно-ландшафтным культурным кодом [Муксулова, 2024]. Символика добрых и злых духов тесно переплетена с природой, и, по своей сути, идея духов и сверхъестественных сил зиждется на идее олицетворения природных сил. Лес, горы, реки и моря предстают в мифологических сюжетах как живые организмы, которые взаимодействуют с человеком: покровительствуют ему или наказывают за бездумность или беспечность своего существования. Мифологические образы Матери Умай Ана (женского божества, покровительницы всех матерей и их несовершеннолетних детей), Кобланды-батыра (главного героя национального движения казахского народа) и других героев народного эпоса олицетворяют силу и могущество казахского народа в мифологическом мужском и женском воплощениях.

Следует отметить, что в анализе фольклора народов Центральной Азии народный эпос рассматривается неразрывно с его мифологией. Причиной тому является тот факт, что героический эпос в устном народном творчестве каждого народа представляет собой древнейшую форму словесного искусства, которая берет свое начало непосредственно из мифологии [Панкин, 2008].

Идея покровительства сил природы над слабым незащищенным человеком пронизывает мифологические сюжеты всех тюркских народов. В частности, у узбеков одной из мифических составляющих является волшебная сила, которой наделяются артефакты или природные предметы, такие как меч, зеркало, кольцо, горящий камень или гребень, которые помогают героям преодолевать препятствия и спастись от злых сил: драконов, ведьм и других мифологических существ [Аширов, 2016]. Интересно отметить, что артефакты в мифологических сюжетах выбраны не случайно, они по своим физическим характеристикам напоминают элементы природного ландшафта. Так, в сказаниях, брошенный героем камень превращается в неприступную гору, полотенце – в широкую реку, гребень – в частый, непролазный лес, и т. д.

Природно-ландшафтный культурный код объективируется и в киргизской мифологии: мифы и легенды киргизского фольклора неразрывно связаны с древними представлениями этноса о мире, о живой и неживой природе, о происхождении названий созвездий, населенных пунктов, племен и народностей, местностей и пр., которые так или иначе связаны с мифическими персонажами и тотемными животными [Мифы и легенды Кыргызстана, 2025].

В туркменской мифологии силы природы и ее представители – птицы, животные, а также вымышленные существа, живущие в лесах, горах и водоемах – могут выступать как помощниками, так и злыми силами, с которыми человек вступает в борьбу за свое существование.

Интересно отметить, что у казахов, киргизов, туркмен и узбеков есть общий герой народного эпоса – Алдар-Косе – вымышленный фольклорный персонаж, который обманывает жадных богачей, глупцов и лентяев, помогает бедным и честным людям, вступает в единоборство со злыми духами – шайтанами [Сулейменов, 2021].

Общность мифологического эпоса тюркских народов проявляется также на уровне отрицательных мифических персонажей. Практически в каждой из этих культур есть мифические драконы – Аждарху – которые умеют превращаться в человека, похищают принцесс и отбирают у людей сокровища. Общим в тюркской мифологии является дух Пари, который также способен к перевоплощению в человека или животное. Шимурын – дух степей, сбивающий путников с дороги и пр. [Некоторые существа среднеазиатских мифологий, 2022].

Как мы можем судить по анализу мифических сюжетов и их персонажей в тюркской культуре, мифологический эпос народов отражает основы нравственных убеждений этносов, воплощенных в сверхъестественных существах, героях и богах, которые высвечиваются в четко обозначенных оппозициях нравственных идеалов добра и зла.

Природно-ландшафтный код в верованиях, традициях и обычаях тюркских народов

В научном анализе кодов тюркской культуры природно-ландшафтный код занимает особое место, поскольку у этих народов Природа имеет священный статус. Локальные географические объекты, которые так или иначе влияют на человека и отмечены постройкой культовых сооружений, считаются сакральными и почитаются в народной традиции как «священные места», предназначенные для проведения культовых обрядов [Мельникова, 2012].

В описании ландшафтных объектов присутствует широкий спектр символических кодов, таких, как числовой, цветовой, предметный, солярный, орнитологический, природный и другие символы [Павлинская, 2018], которые можно представить как типологические характеристики природно-ландшафтного культурного кода. Символические коды привносят в структуру природно-ландшафтного культурного кода глубокий сакральный смысл и метафорическую образность в его репрезентации.

Сакральные смыслы в тюркской культуре имеют свою особую иерархическую организацию: в архаичных верованиях народов Центральной Азии степь была местом обитания простых смертных, а все то, что находилось ниже или выше этого уровня – ущелья или горы, а также водоемы – считалось местом обитания «хозяев». «Хозяевами» представлялись некие «реальные силы», с которыми взаимодействовали люди и которые, в свою очередь, подчинялись божеству Земли и Великому Духу Неба Тэнгри [Безертинов, 2006, с. 21; Султанова, Хазбулатов, 2015, с. 367]. По утверждению исследователей, у всех элементов естественного природного ландшафта Великой Степи – рек, оврагов, ущелий, сопков и родников – были свои «хозяева», от которых зависело, по представлениям народов, их хозяйственное благополучие. По своей сути, люди «делили обитаемый мир» с его «хозяевами».

Киргизы, как и большинство других тюркских народов, также разделяли культ природы в своих верованиях и ритуалах. Скотоводы и

земледельцы поклонялись богам Земли и Воды, устраивая два раза в год, в начале зимы и весны, *тулее* – пиршество в честь этих богов. Киргизы варили в котлах мясо заколотых жертвенных животных и, поедая его, читали молитву божествам земли-воды Джер Суу [Абрамзон, 1990].

Следует отметить, что доисламские религиозные представления существовали в культурах народов в симбиотическом единстве: верований – культов – ритуалов. Так, например, культ богини Умай – матери-природы, о которой говорилось ранее, – сопровождался особым ритуалом: в юртах тюрков подвешивали сшитую из синей ткани куклу, символизирующую эту богиню, покровительницу матерей и детей, олицетворявшую природу земли и оберегающую людей и домашних животных от болезней [Доисламские верования древних тюрков, 2020].

Поклонение родине и природе у древних тюрков было связано с культом божества «Удук Йир-Суб» («Святая Земля-Вода»), которое почитали одновременно с реками, озерами, горами и другими элементами природы [Давлетшин, Зеленева, 2015].

Анализ многочисленных источников, посвященных изучению культов, обрядов и верований тюркских народов, показывает их неразрывную связь с природой и наличие сакрального смысла, который выражается через этно-специфический природно-ландшафтный культурный код. Эти культурные практики и представления отражают устойчивые модели восприятия и интерпретации природной среды, формирующие уникальную систему символов и смыслов, характерную для каждого этноса. Таким образом, природно-ландшафтный культурный код выступает как ключевой элемент в структуре традиционной культуры тюркских народов, обеспечивая связь между человеком, природой и мирозданием.

Стоит отдельно отметить, что элементы природы с ее закодированными природно-ландшафтными сакральными смыслами отражены в топонимах таких, как, например, горы Джалангач-Таш («голый камень»), Атагъа («лесистая речная долина»), Ат-Жайлоо («конское пастбище») и, в частности, в фитопонимах: Ак-Зол («белая скала»), гора Ак-Таш («белый камень») и др. [Мусуков, Улаков, Махиева, 2021], что указывает как на общность природно-ландшафтного кода тюркских культур, так и на симбиотичность его репрезентации в ритуалах, верованиях, обрядах и наименованиях природных мест обитания данных этносов.

Результаты исследования

Несмотря на тот факт, что природно-ландшафтный код культуры уже получил свое формальное определение в науке и был включен в типологию кодов культуры наряду с предметным, соматическим, гастрономическим и др. кодами культуры [БФСРЯ, 2024; Гудков, Ковшова, 2007, с. 97], глубокого научного исследования данного культурологического феномена пока не проводилось. В настоящей статье была предпринята попытка дать понимание природно-ландшафтного кода культуры как культурологического феномена с описанием специфики его объективации в культурах этносов.

Исследование, представленное в данной публикации, базируется на обширных научных наблюдениях и направлено на систематизацию способов выражения сакральных культурных смыслов, связанных с природно-ландшафтным культурным кодом тюркских народов Центральной Азии. Анализ конкретных примеров реализации этого культурного кода позволил разработать типологию форм и механизмов его актуализации в традиционных практиках и верованиях, а именно: 1) в языковых единицах, таких как паремии (которым посвящена отдельная публикация автора); в фольклоре (в сказках, былинах, легендах и народных эпосах); 3) в традициях, ритуалах и обрядах; 4) в мифологии и 5) в повседневной жизни народа, в которой природно-ландшафтному культурному коду отводится ключевая роль в наименовании географических названий местности.

В процессе исследования было обнаружено, что в природно-ландшафтном культурном коде заложены специфические элементы этнической ментальности, и если, по утверждению Г. Д. Гачева, русская ментальность в природно-ландшафтном коде структурирует «национальный образ пространства» как «равнинное мышление» [Гачев, 2008], то, по аналогии, мы можем предположить, что тюркская ментальность имеет тенденцию к вертикально ориентированному мышлению. Народные поверья, в которых реальным пространством жизни людей является степь, указывают на органичное сосуществование, некий симбиоз, человека с «хозяевами», обитающими ниже жилища людей, в ущельях и водоемах, и выше – в горах или на холмистой местности. Вертикальное расположение ареала человека в ментальных представлениях тюрков не отрицается ими, оно лишь уточняется: верхнее и ниж-

нее расположение бытования народа по отношению к степному ландшафту осуществляется человеком опосредованно, за счет взаимодействия с силами природы и с «хозяевами».

Анализ исследовательских материалов, посвященных тюркской культуре, показывает, что природно-ландшафтный культурный код – это не просто вкрапления элементов природы и ландшафта в наименования местности или в эпические произведения этноса, это именно код, расшифровка которого необходима для полного понимания культурной семантики элементов культуры. Если мы говорим о Матери-Земле, то у каждого народа существует своя культурная символика, свои особые образы, которые связаны с тотемами, ритуалами, специфическими оберегами, то есть целым арсеналом культурных смыслов и артефактов, которые существуют в симбиотическом единстве в ментальном пространстве этноса, в его национальной картине мира. Эта картина мира уникальна, как уникален и этнический природно-ландшафтный культурный код.

Заключение

Изучение природно-ландшафтного культурного кода народов Центральной Азии стран СНГ на материале этнических традиций, обычаев и фольклора дает нам понять, что образ природы у тюркских народов является значимой частью национальной картины мира данных народов.

Общность культурных корней, в свою очередь, доказывается совпадением культурной семантики природно-ландшафтных символов с самых ранних времен существования тюркских культур, которые попали в зону доступного научного обозрения исследователей культуры.

Символ природы не просто присутствует в повседневной жизни тюркских народов, он является доминантным элементом в обрядах, традициях и в народном эпосе этнической культуры.

Безусловно, установление точных культурно-этнических соответствий в наименованиях (топонимике), этимологии слов, в обрядовых действиях этносов и пр. – это задача других направлений гуманитарного знания, таких, как лингвистика, история, антропология и т. д. В задачи данного культурологического исследования входил анализ культурных феноменов, объединенных единой функцией репрезентации природно-ландшафтного культурного кода и обнаружение в них общей культурной семантики. Исследование подтвердило как наличие общих культурных

корней, так и совпадение культурных смыслов в природно-ландшафтном коде тюркских культур.

В рамках дальнейших научных исследований данный подход посредством природно-ландшафтного культурного кода видится достаточно перспективным инструментом научного анализа культурных феноменов других этнических культур.

Библиографический список

1. Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи // Авт. вступ. ст. С. Т. Табышалиев. Кыргызстан, 1990. 480 с.
2. Анищенко А. Ю. Методическая разработка «Традиции народов Туркмении. Туркменский конь» // Мультиурок (07.05.2016). URL: <https://multiurok.ru/files/mietodichieskaia-razrabotka-traditsii-narodov-turkmenii-turkmienskii-kon.html> (дата обращения 01.12.24).
3. Ахинжанов С. М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы, 1995. 296 с.
4. Аширов А. А. Культ коня в повседневной и обрядовой жизни узбеков // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2023. № 6 (134). С. 49–53.
5. Аширов А. А. Мотивы мира в узбекских народных эпических сказаниях // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. 2016. № 4 (04). С. 13–18.
6. Бартольд В. В. Тюрки. 12 лекций по истории тюркских народов Средней Азии. Москва: Изд-во Юрайт, 2019. 154 с. URL: <https://urait.ru/book/tyurki-12-lekciy-po-istorii-tyurkskih-narodov-sredney-azii-444792> (дата обращения 13.05.25).
7. Безертинов Р. Н. Древнетюркское мировоззрение «Тэнгрианство». Казань: РИЦ «Школа», 2006. 164 с.
8. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Словари XXI века / ред. В. Н. Телия. Москва: АСТ-Пресс Школа, Грамота, 2024. 764 с.
9. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. Москва: Алгоритм, Эксмо, 2008. 544 с.
10. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. Москва: Гнозис, 2007. 288 с.
11. Гуревич Л. С. Семиотика лингвокультурной идентичности личности // Лингвистика и лингводидактика в свете современных научных парадигм: Сб. науч. трудов. Вып. 7 / отв. ред. А. В. Федорук. Иркутск: Аспринт, 2024. С. 90–95.
12. Давлетшина Л. Х. Древнетюркская мифология и фольклорная традиция татар: истоки и полисемантизм образов // Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2021. № 5. С. 43–54.
13. Давлетшин Г. М., Зеленева Ю. А. Представления о родине и родной земле у тюрко-татар // Вестник КазГУКИ. 2015. № 4 (ч.2). С. 40–44.
14. Доисламские верования древних тюрков. URL: <https://dzen.ru/a/X37Pzt7mZUOYYCJS> (дата обращения: 10.01.2025).
15. Жанисов А. Т., Артыкбаев Ж. О., Есен С. Г. Роль и значение коневодства в формировании традиционной культуры казахов Сарыарки // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 9. С. 9–13.
16. Кудерина А. Н. Тотемизм и его истоки в современном Казахстане // BilimAll. URL: <https://bilim-all.kz/article/22740-Totemizm-i-ego-istoki-v-sovremennom-Kazahstane> (дата обращения 05.01.2025).
17. Мельникова Е. Е. Природные сакральные объекты как основа формирования и развития сакрального туризма // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 6 (37). С. 421–429.
18. Мифы и легенды Кыргызстана // Oriental Express. Caucasus and Asia. URL: <https://www.orexca.com/rus/kyrgyzstan/legends.htm> (дата обращения 06.01.2025).
19. Муксулова А. Казахские мифы и легенды. URL: <https://www.zakon.kz/sovety/6420520-kazakhskie-mify-i-legendy.html> (дата обращения 06.01.2025).
20. Мусуков Б. А., Улаков М. З., Махиева Л. Х. Лексико-семантические и синтагматические особенности тюркских географических названий и апеллятивных лексем // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. Серия: Филологические науки. 2021. № 4 (102). С. 80–89.
21. Некоторые существа среднеазиатских мифологий. URL: <https://dzen.ru/a/YfQ-MGLoZ1qWpkgR> (дата обращения 10.01.2025).
22. Осмонова Н. И. Ритуально-символическая природа традиционных празднеств кыргызов // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 43–49.
23. Павлинская Л. Р. Особенности ландшафта в эпосе и обрядовых текстах тюрков Сибири конца XIX – начала XX в. // Кунсткамера. 2018. № 2. С. 97–103.
24. Панкин С. Ф. История и теория религий. Шпаргалки. Москва: Изд-во «Эксмо», 2008. 32 с.
25. Сулейменов А. Общность культурных ценностей тюркских народов // Qazaqstan tarihy. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32529> (дата обращения 09.01.2025).
26. Султанова М. Е., Хазбулатов А. Р. Сакральные природные места в тюркской физиофилософии: культурологическая концептуализация // Вестник Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. 2015. № 5 (108). С. 366–370.
27. Шамусаров Ш., Атаханова Д. Возникновение и развитие мифологии тюркских народов центральной Азии // Восточный факел. 2020. № 1(1). С. 3–13.
28. Шамусаров Ш. Фольклорные связи тюркских народов Центральной Азии и среднеазиатских арабов // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. 2009. № 1. С. 63–75.

29. Yablon N. Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule. Chicago (USA): University of Chicago Press, 2019. 384 p. URL: <https://nickyablon.com/books/remembrance-of-things-present-the-invention-of-the-time-capsule/> (accessed 09.11.2024).

Reference list

1. Abramzon S. M. Kirgizy i ih jetnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi = The Kyrgyz and their ethnogenetic and historical-cultural ties // Avt. vstup. st. S. T. Tabyshev. Kyrgyzstan, 1990. 480 s.
2. Anishchenko A. Ju. Metodicheskaja razrabotka «Tradicii narodov Turkmenii. Turkmenskij kon'» // Mul'tiurok (07.05.2016). URL: <https://multiurok.ru/files/mietodichieskaia-razrabotka-traditsii-narodov-turkmenii-turkmienskii-kon.html> (data obrashhenija 01.12.24).
3. Ahinzhanov S. M. Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana = The Kypchaks in the history of medieval Kazakhstan. Almaty, 1995. 296 s.
4. Ashirov A. A. Kul't konja v povsednevnoj i obrjadovoj zhizni uzbekov = The cult of the horse in everyday and ritual life of the Uzbeks // Izvestija AltGU. Istoricheskie nauki i arheologija. 2023. № 6 (134). S. 49–53.
5. Ashirov A. A. Motivy mira v uzbekskih narodnyh jepicheskikh skazanijah = Motifs of peace in Uzbek folk epic tales // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova: Serija Jepsovedenie. 2016. № 4 (04). S. 13–18.
6. Bartol'd V. V. Tjurki. 12 lekcij po istorii tjurkskih narodov Srednej Azii. = Türks. 12 lectures on the history of Turkic peoples of Central Asia. Moskva : Izd-vo Jurajt, 2019. 154 s. URL: <https://urait.ru/book/tyurki-12-lekcij-po-istorii-tyurkskih-narodov-sredney-azii-444792> (data obrashhenija 13.05.25).
7. Bezertinov R. N. Drevnetjurkskoe mirovozzrenie «Tjengrianstvo» = Ancient Turkic worldview «Tengrianism». Kazan' : RIC «Shkola», 2006. 164 S.
8. BFSRJa – Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskij kommentarij. Slovari HHI veka = Big phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Usage. Culturological commentary. Dictionaries of the XXI century / red. V. N. Telija. Moskva : AST-Press Shkola, Gramota, 2024. 764 s.
9. Gachev G. D. Mental'nosti narodov mira = Mentality of the world's peoples. Moskva : Algoritm, Jeksno, 2008. 544 s.
10. Gudkov D. B., Kovshova M. L. Telesnyj kod russkoj kul'tury: materialy k slovarju = The Corporeal code in russian culture: materials for the dictionary. Moskva : Gnozis, 2007. 288 s.
11. Gurevich L. S. Semiotika lingvokul'turnoj identichnosti lichnosti = Semiotics of linguistic and cultural identity of an individual // Lingvistika i lingvodidaktika v svete sovremennyh nauchnyh paradig: Sb. nauch. trudov. Vyp. 7 / otv. red. A. V. Fedorjuk. Irkutsk : Asprint, 2024. S. 90–95.
12. Davletshina L. H. Drevnetjurkskaja mifologija i fol'klornaja tradicija tatar: istoki i polisemantizm obrazov = Ancient Turkic mythology and the Tatars' folklore tradition: origins and polysemanticism of images // Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. 2021. № 5. S. 43–54.
13. Davletshin G. M., Zelenev Ju. A. Predstavlenija o rodine i rodnoj zemle u tjurko-tatar = Turkic-Tatar views of homeland and native land // Vestnik KazGU. 2015. № 4 (ch.2). S. 40–44.
14. Doislamskie verovanija drevnih tjurkov = Pre-Islamic beliefs of the ancient Turks. URL: <https://dzen.ru/a/X37Pzt7mZUOYYCJS> (data obrashhenija: 10.01.2025).
15. Zhanisov A. T., Artykbaev Zh. O., Esen S. G. Rol' i znachenie konevodstva v formirovanii tradicionnoj kul'tury kazahov Saryarki = Horse breeding role and significance in shaping the traditional culture of Saryarka Kazakhs // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. 2021. № 9. S. 9–13.
16. Kuderina A. N. Totemizizm i ego istoki v sovremennom Kazakhstane = Totemism and its origins in modern Kazakhstan // BilimAll. URL: <https://bilim-all.kz/article/22740-Totemizizm-i-ego-istoki-v-sovremennom-Kazakhstane> (data obrashhenija 05.01.2025).
17. Mel'nikova E. E. Prirodnye sakral'nye ob'ekty kak osnova formirovanija i razvitiya sakral'nogo turizma = Natural sacral objects as a basis for the formation and development of sacral tourism // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2012. № 6 (37). S. 421–429.
18. Mify i legendy Kyrgyzstana = Myths and legends of Kyrgyzstan // Oriental Express. Caucasus and Asia. URL: <https://www.orexca.com/rus/kyrgyzstan/legends.htm> (data obrashhenija 06.01.2025).
19. Muksulova A. Kazahskie mify i legendy = Kazakh myths and legends. URL: <https://www.zakon.kz/sovety/6420520-kazahskie-mify-i-legendy.html> (data obrashhenija 06.01.2025).
20. Musukov B. A., Ulakov M. Z., Mahieva L. H. Leksiko-semanticheskie i sintagmaticheskie osobennosti tjurkskih geograficheskikh nazvanij i apelljativnyh leksem = Lexical-semantic and syntagmatic features of Turkic geographical names and appellative lexemes // Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN. Serija: Filologicheskie nauki. 2021. № 4 (102). S. 80–89.
21. Nekotorye sushhestva sredneazijskikh mifologij = Some creatures of Central Asian mythologies. URL: <https://dzen.ru/a/YfQ-MGLoZ1qWpkgR> (data obrashhenija 10.01.2025).
22. Osmonova N. I. Ritual'no-simvolicheskaja priroda tradicionnyh prazdnestv kyrgyzov = Ritual and symbolic nature of traditional Kyrgyz festivals // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2017. № 1. S. 43–49.
23. Pavlinskaja L. R. Osobennosti landshafta v jepose i obrjadovyh tekstah tjurkov Sibiri konca XIX – nachala XX v. = Landscape features in Siberian Turkic

epic and ritual texts of the late XIX - early XX century. // *Kunstkamera*. 2018. № 2. S. 97–103.

24. Pankin S. F. *Istorija i teorija religij. Shpargalki = History and theory of religions. Crib notes*. Moskva : Izd-vo «Jeksmo», 2008. 32 s.

25. Sulejmenov A. *Obshhnost' kul'turnyh cennostej tjurkskih narodov = Common cultural values of Turkic peoples* // *Qazaqstan tarihy*. URL: <https://e-history.kz/ru/news/show/32529> (data obrashhenija 09.01.2025).

26. Sultanova M. E., Hazbulatov A. R. *Sakral'nye prirodnye mesta v tjurkskoj fiziofilosofii: kul'turologicheskaja konceptualizacija = Sacral natural places in Turkic physiophilosophy: culturological conceptualization* // *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L. N. Gumileva*. 2015. № 5 (108). S. 366–370.

27. Shamusarov Sh., Atahanova D. *Vozniknovenie i razvitie mifologii tjurkskih narodov central'noj Azii = Origins and evolution of Turkic peoples' mythology in Central Asia* // *Vostochnyj fakel*. 2020. № 1(1). S. 3–13.

28. Shamusarov Sh. *Fol'klornye svjazi tjurkskih narodov Central'noj Azii i sredneaziatskih arabov = Folklore links of Turkic peoples of Central Asia and Central Asian Arabs* // *Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: Istorija i sovremennost'*. 2009. № 1. S. 63–75.

29. Yablon N. *Remembrance of Things Present: The Invention of the Time Capsule*. Chicago (USA): University of Chicago Press, 2019. 384 p. URL: <https://nickyablon.com/books/remembrance-of-things-present-the-invention-of-the-time-capsule/> (accessed 09.11.2024).

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 17.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 17.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-261

EDN: TJIRKR

Лингвокультурный образ Москвы в восприятии китайской языковой личности (на материале сайтов ресторанов)

Лэн Цзяжуй

Аспирант института русского языка, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы. 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

1042957966@qq.com, <https://orcid.org/0009-0009-3915-3710>

Аннотация. В представленной статье исследуются лингвистические механизмы и стратегии создания уникального образа российской столицы в сфере ресторанного бизнеса. Автор анализирует корпус текстов, включающий описания ресторанов, меню и рекламные материалы, с целью выявления языковых средств, участвующих в конструировании гибридного, транскультурного имиджа мегаполиса. Исследование опирается на теоретический фундамент лингвокультурологии, лингвомаркетинга и теории языковой личности, рассматривая особенности восприятия и интерпретации городского пространства носителями китайской лингвокультуры. В ходе анализа выделяются и систематизируются различные категории языковых средств: лексические единицы с функцией культурного маркирования (этнонимы, ксенонимы, прецедентные имена), эмоционально-оценочная лексика, метафоры и образные сравнения, синтаксические конструкции с персуазивно-апеллятивной функцией, а также языковые средства пространственного моделирования. Особое внимание уделяется способам интеграции элементов китайской лингвокультуры в московский городской текст, что позволяет проследить механизмы культурной адаптации и взаимопроникновения традиций. Автор показывает, что рекламная коммуникация китайских ресторанов апеллирует к двойственной идентичности современного горожанина, сочетающей стремление к аутентичному гастрономическому опыту с открытостью глобальным трендам. Анализ выявляет отчетливую интегративную интенцию дискурса – установку на культурный диалог и взаимообогащение кулинарных традиций Востока и Запада. Исследование демонстрирует, как языковые механизмы способствуют символическому освоению инокультурной среды и наделению ее позитивными личностными смыслами в контексте современного мегаполиса. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории межкультурной коммуникации и могут найти практическое применение в сфере лингвомаркетинга, брендинга территорий и развития гастрономического туризма.

Ключевые слова: языковые средства; лингвомаркетинг; образ Москвы; китайские рестораны; лингвокультурология; гастрономический дискурс; межкультурная коммуникация; лингвомаркетинг

Для цитирования: Лэн Цзяжуй Лингвокультурный образ Москвы в восприятии китайской языковой личности (на материале сайтов ресторанов) // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 261–271. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-261>. <https://elibrary.ru/TJIRKR>

Original article

Linguocultural image of Moscow in the perception of chinese linguistic personality (the case of restaurant websites)

Leng Jiazhui

Postgraduate student, Institute of the russian language, Patrice Lumumba peoples' friendship university of Russia. 117198, Moscow, Miklukho-Maklay st., 6

1042957966@qq.com, <https://orcid.org/0009-0009-3915-3710>

Abstract. The article examines the linguistic mechanisms and strategies used by chinese restaurants in Moscow to create a unique image of the russian capital. The author analyzes the corpus of texts, including descriptions of restaurants, menus and promotional materials, in order to identify the linguistic means involved in shaping a hybrid, transcultural image of the metropolis. The study is based on the theory of linguistic culturology, linguistic marketing, as well as the theory of linguistic personality, and examines the specifics of understanding and interpreting urban space by the speakers

of the chinese language. In the course of the analysis, various categories of linguistic means are identified and systematized: lexical units with the function of cultural labeling (ethnonyms, xenonyms, precedent names), emotional-evaluative vocabulary, metaphors and figurative comparisons, syntactic constructions with a persuasive-appellative function, as well as linguistic means of spatial modeling. Special attention is paid to the ways of integrating chinese linguocultural elements into the Moscow urban text, which can help trace the mechanisms of cultural adaptation and interpenetration of traditions. The author shows that the advertising communication of chinese restaurants appeals to the dual identity of the modern city dweller, combining the desire for authentic gastronomic experience with openness to global trends. The analysis shows a clear integrative intension of the discourse – the focus on cultural dialog and mutual enrichment of Eastern and Western culinary traditions. The results of the study contribute to the development of the intercultural communication theory and can be applied in the field of linguistic marketing, territory branding and gastronomic tourism promotion.

Key words: linguistic means; image of Moscow; chinese restaurants; linguistic culturology; gastronomic discourse; cross-cultural communication; linguistic marketing

For citation: Leng Jiazhu Linguocultural image of Moscow in the perception of chinese linguistic personality (the case of restaurant websites). *Verhnevolzhski philological bulletin*. 2025;(2):261–271. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-261>. <https://elibrary.ru/TJIRKR>

Введение

Личность как понятие многогранное и комплексное, являясь «историческим продуктом, который формируется в результате взаимодействия общественного и индивидуального начала» [Чжан, 2024, с. 254], включает в себя не только психологические, социальные, культурные и биологические характеристики, но и особенно языкового проявления, что позволяет обозначить понятие языковой личности. Языковая личность формируется под влиянием языковой среды, в которой она развивается, и отражает специфику лингвокультурного фона [Богданова, 2017]. В этом контексте китайская и российская языковые личности значительно различаются, поскольку принадлежат к разным культурно-лингвистическим пластам и лингво-аксиологическим системам. Как отмечается в научной литературе, данное различие проявляется на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, грамматическом и стилистическом, а также в способах концептуализации и категоризации действительности.

Реклама как форма коммуникации активно эксплуатирует языковые средства и приемы для достижения прагматического эффекта и воздействия на целевую аудиторию, она, как подчеркивает Д. С. Скарнев, «функционируя в средствах массовой информации, вступает в межкультурный и кросскультурный диалог» [Скарнев, 2013 с. 3016]. В лингвокультурологическом аспекте

рекламный дискурс, ориентированный на разные языковые личности, может приводить к различному перлокутивному эффекту и интерпретации рекламного сообщения реципиентами. Сфера ресторанного бизнеса и гастрономии не является исключением и также прибегает к лингвомаркетинговым стратегиям с учетом культурных особенностей целевой аудитории. В XXI веке, характеризующемся интенсивными межкультурными контактами и взаимопроникновением традиций, национальные кухни получают широкое распространение далеко за пределами своего изначального ареала. Ярким примером служит популярность паназиатских, в частности китайских ресторанов, не только по России в целом, но и отдельно в Москве – мегаполисе, олицетворяющем симбиоз различных культур и традиций [Жучкова, 2024]. Отметим, что китайская кухня отличается собственной спецификой техник приготовления, особенностями сервировки и разнообразием продуктов в сравнении с другими национальными кухнями (табл. 1) [Перепелкина, 2011]. Кроме того, в самой китайской кухне принято также выделять множество национально-кулинарных подвидов, связанных со стилевыми особенностями из разных регионов – Аньхой, Кантонская, Фуцзянь, Хунань, Цзянсу, Шаньдун, Сычуань и Чжэцзян, каждый из которых имеет собственную кулинарную традицию [Лавриенко, 2021, с. 91].

Таблица 1

Сравнительные характеристики китайской кухни с другими национальными кухнями

Параметры	Китайская	Французская	Итальянская	Японская
Основные используемые продукты	Рис, соя, свинина, морепродукты	Пшеница, говядина, сыры	Пшеница, оливковое масло, томаты, сыры	Рис, рыба, водоросли, соя
Техники приготовления	Стир-фрай, варка на пару, тушение	Тушение, запекание, соусы	Варка пасты, запекание	Сырые продукты, варка
Особенности сервировки	Все блюда одновременно	Строгая очередность подачи	Первые и вторые блюда	Множество маленьких порций
Основные вкусовые профили	Сладкий, кислый, острый, соленый, умами	Сливочный, пряный	Травяной, томатный, сырный	Умами, солёный

С одной стороны, китайские рестораны в российской столице ориентированы преимущественно на местную публику, что обусловлено рыночными факторами и экономической целесообразностью. С другой стороны, сохраняя аутентичность и культурную идентичность, данные заведения притягивают и китайских посетителей, находящихся в инокультурном окружении. Более того, китайские рестораны в Москве формируют определенный образ города в восприятии китайской языковой личности, насыщая его специфическим колоритом и создавая уникальное лингвокультурное пространство с собственной гастрономической стратегией [Рахманова, 2017]. Национальная гастрономическая культура таким образом выступает как фактор формирования позитивного образа страны в целом, и столицы в частности [Павловская, 2018]. Именно языковые средства, используемые в рекламе и презентации китайских ресторанов, играют ключевую роль в конструировании образа Москвы для китайской аудитории. Цель данной статьи заключается в выявлении, систематизации и анализе языковых единиц и приемов, задействованных в создании образа российской столицы на материале сайтов китайских ресторанов. Исследование данного вопроса позволит углубить понимание механизмов кросс-культурной коммуникации, особенностей межъязыкового взаимодействия и роли лингвистических факторов в формировании имиджа города для иноязычной аудитории.

Методы исследования

В современной науке проблема языковой личности рассматривается как целостный феномен, в котором интегрированы результаты междисциплинарных лингвистических исследований – психолингвистических, лингводидактических и лингвокультурологических [Гурулева, 2019]. Согласно концепции Ю. Н. Караулова,

структура языковой личности состоит из трех уровней: вербально-семантического, лингвокогнитивного и мотивационно-прагматического. Лингвокогнитивный, или тезаурусный, уровень представляется наиболее значимым для проявления языковой личности как субъекта языка, поскольку он отражает модель мира индивида [Караулов, 1987]. Китайская языковая личность, будучи этнической языковой личностью, обладает специфическими речевыми способностями и характеристиками, детерминированными особенностями китайской культуры [Гурулева, 2019]. Своеобразие когнитивного сознания носителей китайской культуры, опосредованное ее убеждениями и ценностями, обуславливает специфику их коммуникативного сознания и поведения [Елизарова, 2001]. Иначе говоря, по замечанию Д. А. Долженко, «культура народа определяет систему ценностей как общества в целом, так и его носителей – отдельных личностей» [Долженко, 2023, с. 4]. Характерной чертой китайского миропонимания выступает превалирование конкретно-образного, интуитивного типа мышления над абстрактно-логическим [Спешнев, 2012]. Китайский язык с его иероглифической письменностью способствует развитию ассоциативности, символизма, холистичности мышления и речи [Гурулева, 2019; Иноземцева, 2023]. Конкретность мышления обуславливает преобладание в коммуникации примеров, образов, аналогий над теоретическими аргументами. Н. А. Спешнев указывает, что из-за специфики иероглифической письменности «при непосредственном познании иероглифов китаец анализирует прежде всего структуру и картинку иероглифа, а не его звучание или значение». Поэтому в своих рассуждениях китайские реципиенты стремятся больше опираться на отдельные примеры и факты [Спешнев, 2012, с. 101]. В качестве примера можно привести типичный для китайского дис-

курса прием рассуждения, который Спешнев называет «принципом аналогии» (лэйби): «сначала интуитивно „почувствовать” истину, а затем с помощью различных сравнений и образов, предпочтительно из истории Китая, усилить воздействие этой истины» [Спешнев, 2012, с. 106]. Указанные особенности китайского языкового сознания неизбежно проецируются и на восприятие рекламы как особой формы коммуникации. Апелляция к традиционным культурным ценностям, использование прецедентных феноменов, насыщенность фразеологизмами, метафорами, аллюзиями – все эти языковые средства активно задействуются в китайской рекламе для достижения персуазивного эффекта [Корнилов, 2005].

Что касается сферы ресторанного бизнеса и гастрономической рекламы, то здесь языковые средства играют особую роль в создании привлекательного образа заведения для китайской аудитории. Использование культурно-специфических концептов (например, 福 fú – «счастье», 养生 yǎngshēng – «возвращение жизни»), включение в рекламный текст элементов классической поэзии, афоризмов, отсылок к прецедентным феноменам китайской культуры – все эти приемы позволяют апеллировать к культурной идентичности потребителя, вызывать ощущение близости и доверия [Гурулева, 2017]. При этом важно соблюдать принцип умеренности, иначе есть риск вызвать отторжение у китайской аудитории, поскольку китайская национальная личность, как отмечается, ориентирована, прежде всего, «на культуру и сдержанные ценности конфуцианства, особые нравственные традиции» [Сунь, Чжан, 2024, с. 323].

В сфере ресторанного бизнеса и гастрономии лингвистический инструментарий рекламы приобретает особую значимость, поскольку он призван не только информировать, но и создавать привлекательный для китайской аудитории образ заведения, блюда, кулинарной традиции. При этом реклама китайских ресторанов в Москве, ориентированная одновременно и на российских, и на китайских посетителей, должна учитывать лингвокультурную специфику обеих целевых групп. Аккумулируя в себе китайский культурный колорит, реклама китайских ресторанов в российской столице апеллирует к сознанию китайской языковой личности. Так, в рекламных текстах китайских ресторанов Москвы часто фигурируют названия традиционных китайских блюд (например, 北京烤鸭 běijīng kǎoyā «утка

по-пекински», 麻婆豆腐 mápó dòufu «тофу ма по» и т. д.), отсылки к знаковым достопримечательностям Китая (Великая китайская стена, императорские дворцы), элементы классической китайской поэзии [Ли, 2023]. Использование подобных вербальных и визуальных символов способствует узнаваемости бренда и повышает доверие китайских клиентов.

В рамках настоящего исследования были отобраны 20 гастрономических заведений, имеющих официальный сайт и аккаунты в социальных сетях. Для достижения целей исследования была сформирована репрезентативная выборка, включающая наиболее популярные и посещаемые рестораны различных ценовых сегментов и локаций. Критериями отбора послужил ряд параметров: активное присутствие в интернет-пространстве, высокий рейтинг на профильных платформах (TripAdvisor, Яндекс.Карты). Методологическая база исследования восходит к фундаментальным принципам лингвокультурологии и дискурс-анализа, позволяющим рассматривать языковые единицы в непосредственной связи с экстралингвистическим контекстом их функционирования и когнитивными установками коммуникантов. В рамках лингвокультурологического подхода особое внимание уделяется изучению культурно-специфических концептов, прецедентных феноменов, идиом и других языковых единиц, апеллирующих к ценностным ориентирам и фоновым знаниям носителей китайской лингвокультуры. Дискурсивный анализ, в свою очередь, предполагает исследование прагматических функций языковых средств, их роли в процессе конструирования социальной реальности и трансляции определенной идеологической перспективы. Материалом для анализа послужили тексты с официальных сайтов ресторанов, а также публикации в социальных сетях (ВКонтакте). Всего было проанализировано более 200 текстовых фрагментов различного объема и жанровой принадлежности (описания ресторанов, меню, рекламные посты, отзывы клиентов и т. д.).

Результаты исследования

Анализ названий китайских ресторанов Москвы позволяет выделить несколько групп, связанных с моделированием образа города средствами нейминга, который, как подчеркивается в научной литературе, является одним из действенных средств продвижения в маркетинге [Корчагина, 2019]. Языковые средства создания образа Москвы активно используются уже на

уровне брендинга заведений, что свидетельствует о значимости локального контекста для позиционирования восточной кухни. Ниже представ-

лена классификация названий в соответствии с доминирующим способом апелляции к московскому городскому пространству (табл. 2).

Таблица 2

Группы названий китайских ресторанов Москвы

Группа	Примеры названий	Доля в общем количестве
1. Названия, связанные непосредственно с образом Москвы	Китай-город, Депо Москва, китайские новости, красный чай, китайская кухня, ОК	10 %
2. Названия, имплицитно соотносящиеся с реалиями и языком московской аудитории	Недалекий Восток, Место встречи, Китайская грамота, Китайские новости, Китайская забегаловка, Дружба	30 %
3. Названия, апеллирующие к аутентичной китайской традиции без привязки к Москве	Харбин, ХуанХэ, Hong Kong, Чан Чан, Чжун Го, Mandarin Combustible, Старый Сычуань	35 %
4. Названия, отсылающие к панasiatской или европейской кухне	Zodiac, Ramen Ten, Mr. Lee, Tsunami Sushi and Cocktails, Peking Duck	25 %

Как видно из таблицы, большинство названий явным образом не связаны с образом Москвы и апеллируют к аутентичной китайской традиции (35 %) и феномену панasiatской кухни (25 %), что в целом характерно для нейминга национальных гастрономических заведений. После них наиболее распространенными являются названия второй группы (30 %), которые соотносятся с московским контекстом имплицитно, через знакомые аудитории культурные коды и речевые формулы. Обыгрывание идиомы «Восток» («Недалекий Восток»), советского устойчивого выражения «место встречи изменить нельзя» (ресторан «Место встречи»), метафоры грамотности в отношении китайского языка и культуры позволяет построить незнакомую традицию в привычную систему ассоциаций. Примечательно, что и жаргонизм «забегаловка» также работает на одомашнивание китайской кухни, ее дискурсивную адаптацию к запросам местной публики. Название же «Дружба» можно рассматривать как с позиций апелляции к исторической памяти и идее интернационального братства народов, так и к общечеловеческим ценностям, одинаково характерным как для российской, так и для китайской аудитории – местом сосредоточения таких ценностей в рекламном дискурсе и выступает Москва.

Обращает на себя внимание и активное использование топонимов и урбанонимов, эксплицитно маркирующих пространство Москвы и его знаковые локусы. Так, само название ресторана «Китай-город», отсылающее к одноименному историческому району столицы, выстраивает прямые ассоциативные связи между китайской и московской культурами. Более того, лексическое совмещение двух этнически окрашенных топо-

нимов в рамках одной номинативной единицы создает эффект слияния и взаимопроникновения двух миров, что задает концептуальную рамку восприятия ресторана как «культурного посредника». На территории Китай-города располагаются несколько ресторанов китайской кухни – Старый Сычуань, Mandarin Combustible, которые в маркетинговых целях используют особенности своего местоположения в московском городском ландшафте («Ресторан китайской кухни Mandarin Combustible располагается в Центральном административном округе Москвы, на территории исторического района с символическим названием Китай-город»). Сходную функцию выполняет прием интертекстуальности, основанный на включении в рекламные тексты прецедентных топонимов центральных районов Москвы. Характерные контексты употребления находим в публикациях ресторана «Китайские новости»: «Парк Горького», «Воробьевы горы», «Сад Эрмитаж» и т. д. Показательно, что данные урбанонимы используются не только для обозначения зоны доставки блюд, но и в более широком культурном контексте – как маркеры статусных мест проведения досуга, отдыха на природе, приобщения к ключевым историко-архитектурным достопримечательностям.

Культурно-специфический характер носят также метафорические модели, представляющие ресторан как место, перемещающее в иную культурную среду. Примечательна в этом отношении цитата из описания ресторана «Недалекий Восток»: «Переступив порог ресторана, вы перенесетесь в оазис, где каждый элемент интерьера, аромат блюд, оттенки вкуса и звуки погрузят вас в волшебную, сказочную атмосферу истинного восточного комфорта и шика». Развернутая ори-

ентационная метафора в сочетании с лексическими интенсификаторами сенсорного восприятия («аромат», «оттенки», «звуки») апеллирует к сюжету путешествия в волшебную страну и актуализирует семантику пересечения границы между мирами. При этом Москва имплицитно противопоставляется экзотическому пространству ресторана как будничная реальность, от которой можно спрятаться в «комфортном оазисе».

Вместе с тем, в анализируемых текстах присутствует и иная пространственная модель, акцентирующая не контраст, а взаимодействие и синтез культур. Она находит воплощение в вербальных маркерах интегрированности китайского ресторана в ткань города, его причастности к повседневной жизни москвичей. Красноречивый пример находим в самопрезентации ресторана «Место встречи»: «Аутентичный вкус Вьетнама в самом сердце Москвы!». Пространственная метафора «сердце Москвы» прочитывается и в прямом смысле (центральное расположение), и в переносном (эмоциональная привязанность, искренность отношений). Тем самым ресторан позиционируется не просто как гастрономическая достопримечательность, но как неотъемлемая часть социокультурного ландшафта Москвы. Аналогичный речевой прием использует и заведение «Китайская грамота»: «В самом сердце Москвы вас ждёт «Китайская Грамота» — уникальное место, где Восток встречается с Западом». В более широком контексте приведенный пример иллюстрирует важную особенность дискурса китайских ресторанов — активное использование лексики с семантикой единения, синтеза, гармонизации межкультурных различий. Регулярно воспроизводимые лексические комбинации — «сочетание традиционной восточной кухни с европейским уровнем сервиса», «объединение культур Востока и Запада», «Азия в центре Москвы» и т.п. работают на снятие оппозиции «свой-чужой» и утверждают идею продуктивного взаимообогащения национальных традиций. Москва предстает в этой перспективе не только как физическое пространство, но и как символическое поле межкультурного диалога.

Помимо собственно топонимической лексики, значимую роль в конструировании образа Москвы играют языковые единицы с этнокультурной семантикой — безэквивалентные слова, ксенонимы, номинации элементов материальной и духовной культуры Китая. Культуронимы «фонарики счастья», «красный дракон», «маотай»,

«дим-самы» в контексте описания ресторана выступают своеобразными маркерами аутентичности, сигналами принадлежности к китайской традиции. Апелляция к прецедентным образам и текстам позволяет оперативно активировать соответствующий паттерн в сознании носителя лингвокультуры и вызвать желаемый ассоциативный отклик.

Вместе с тем, повествовательная канва многих проанализированных текстов выстраивается по модели кулинарного путешествия, объединяющего гастрономические традиции разных азиатских стран. Характерный пример находим в анонсе ресторана «Депо Москва»: «Отправляйтесь в кулинарное путешествие через Китай, Тайвань, Таиланд и Вьетнам для знакомства с многообразием вкусов и особенностей кухни этих стран». Посредством использования глагольных конструкций с семантикой движения, маршрута, целенаправленного действия создается образ активного, любознательного гостя, первооткрывателя новых гастрономических горизонтов. Важно подчеркнуть, что этнокультурно маркированная лексика и фразеология используется в текстах китайских ресторанов не только в денотативной, но и в образно-выразительной функции. Культурно-специфические языковые единицы нередко выступают в роли эпитетов и метафорических определений, подчеркивающих исключительность ресторана на фоне гастрономического ландшафта Москвы. Так, ресторан «Китайская грамота. Бар и Еда» в одном из рекламных текстов именуется не иначе как «волшебство Китая в сердце Москвы». Проецирование ключевых концептов китайской лингвокультуры на реалии московской жизни создает неповторимый колорит, культурную ауру заведения.

В ходе анализа нами также были выявлены многочисленные примеры употребления лексики, содержащей языковые средства с различной функциональной спецификой: 1) функция культурного маркирования; 2) функция эмоционального воздействия; 3) персуазивно-апеллятивная функция; 4) функция пространственного моделирования. Для систематизации и наглядного представления результатов анализа мы предлагаем сгруппировать выявленные языковые средства в соответствии с их семантическими и прагматическими функциями.

1. Языковые средства с функцией культурного маркирования (табл. 3)

Таблица 3

Языковые средства с функцией культурного маркирования

Категория	Примеры	Комментарий
Этнонимы и культуронимы	«Китай» («Китай-город», «Китайские новости», «Китайская грамота»), «Поднебесная» («Китайские новости»)	Эксплицитное указание на национально-культурную принадлежность ресторана, его связь с аутентичной традицией. Использование этнонимов в названии подчеркивает специализацию заведения.
Ксенонимы	«дим-сам», «том-ям» («Китайские новости»), «рамен» («Ramen Ten»), «фо бо» («Место встречи»), «маотай», «вагаси-кулич» («Zodiac»)	Заимствования из восточных языков, обозначающие экзотические блюда и ингредиенты, создают эффект погружения в иную культуру.
Прецедентные имена и образы	«красный дракон», «китайские фонарики» («Китайские новости»), «Конфуций», «Шелковый путь»	Апелляция к хрестоматийным, общеизвестным феноменам китайской культуры способствует узнаваемости и запоминаемости рекламного образа. Придает дополнительный культурный шарм заведению.
Топонимы	«Харбин», «Шанхай» («Ресторан Харбин»), «Пекин», «Чжан Сяньчэн» («Китайская грамота»), «Peking Duck»),	Использование названий регионов и городов Китая указывает на локальные кулинарные традиции, которые представлены в меню.

Языковые средства данной группы направлены на культурное позиционирование ресторана, его идентификацию в качестве проводника и транслятора китайских гастрономических традиций. Активируя устойчивые ассоциативные комплексы в сознании носителей лингвокультуры, они обеспечивают узнаваемость и привлекательность рекламного сообщения для целевой ауди-

тории. При этом совмещение единиц, отсылающих к разным этно-кухням (Китая, Тайваня, Таиланда, Вьетнама), работает на создание обобщенного образа паназиатской гастрономической культуры, органично вписанной в пространство Москвы.

2. Языковые средства с функцией эмоционального воздействия (табл. 4)

Таблица 4

Языковые средства с функцией эмоционального воздействия

Категория	Примеры	Комментарий
Эмоционально-оценочная лексика	«волшебный», «правильно приготовленная еда» («Недальний Восток»), «роскошный», «потрясающий» («Hong Kong»), «вкуснейшие» («ХуанХэ»), «исключительное качество и неповторимый стиль» («Zodiac»)	Экспрессивные определения и интенсификаторы работают на создание притягательного, исключительного образа ресторана. Акцентируют уникальность вкусовых впечатлений, высокое качество блюд и обслуживания.
Метафоры и образные сравнения	«кусочек Азии в центре Москвы», «империя, построенная на любви профессионалов к своему делу» («Китайская грамота»), «оазис восточного комфорта» («Недальний Восток»), «остров безмятежности в бурлящем мегаполисе», поиск фо-бо «сложнее, чем рубина в Африке» («Место встречи»)	Фигуры речи акцентируют необычность, запоминающийся характер гастрономического опыта, обещанного рестораном. Создают романтический и притягательный образ заведения, отсылают к культурной экзотике и путешествиям.
Синтаксические средства выразительности	Риторические вопросы и восклицания («Ведь вы уже гуляете по весенней Москве?», Mandarin Combustible), синтаксический параллелизм и анафора («То у одного бульон не тот, то в другом специи вообще не те!», «Место встречи»)	Экспрессивный синтаксис усиливает выразительность и персуазивный эффект рекламного текста, делает его более динамичным и диалогичным. Параллелизм и анафора создают эффект настойчивого утверждения.

Использование выразительных средств языка способствует эмоциональной вовлеченности реципиента, побуждает его разделить ценностное отношение и восторг, транслируемый рекламным посланием. «Одомашнивание» московского пространства за счет проекции на него позитивно окрашенных образов и сравнений из китайской лингвокультуры моделирует благоприятную перцептивную рамку, мотивирующую аудито-

рию к посещению ресторана. Образ Москвы при этом прирастает новыми коннотациями и обертонами, связанными с идеей праздника, чувственного наслаждения, радости открытий.

3. Языковые средства с персуазивно-апеллятивной функцией (табл. 5)

Таблица 5

Языковые средства с персуазивно-апеллятивной функцией

Категория	Примеры	Комментарий
Императивные конструкции	«попробуйте» («Zodiac»), «окупитесь» («Недальний Восток»), «почувствуйте» («Mandarin Combustible»), «забронируйте» («Китайские новости»), «отправляйтесь в путешествие» («Депо Москва»), «следуйте за красным драконом», «сохраните пост» («Китайские новости»)	Глагольные формы повелительного наклонения эксплицитно выражают побуждение к действию, моделируют программу поведения посетителя ресторана. Призывают к активным шагам: посещению, заказу, погружению в атмосферу.
Инклюзивные местоимения и обращения	«мы» («Ramen Ten», «Китайская грамота. Бар и еда», «Китайские новости», «Mandarin»), «вы» («Недальний Восток», «Китайские новости», «Mandarin»), «Привет, друзья!» («Ramen Ten»)	Использование форм личного обращения сокращает коммуникативную дистанцию, устанавливает более доверительный контакт с аудиторией, формирует дружескую тональность общения.
Коммуникативные тактики солидаризации	«Между нами и жителями Китая есть много общего!» («Китайские новости»), «вы уже гуляете по весенней Москве?», «Мы так же наслаждаемся этими мгновениями», «мы с радостью станем для вас тем местом» («Mandarin Combustible»)	Риторические приемы единения с адресатом, апелляции к общности интересов и ценностей повышают суггестивный потенциал рекламного дискурса. Создают впечатление близости, вовлеченности адресанта в жизнь целевой аудитории.
Экспликация выгоды для потребителя	«сделайте Ваш пикник идеальным» («Китайские новости»), «зарядят вас дополнительной энергией», «где вы проведете свои уютные мгновения» («Mandarin Combustible»), «что еще нужно для приятного вечера в Москве?» («Китайская грамота»)	Фокусировка на позитивных изменениях, которые привносит ресторан в жизнь клиента. Акцент на комфорте, приятных впечатлениях, дополнительных бонусах и улучшениях.

Императивные и апеллятивные языковые средства ориентированы на поведенческие реакции аудитории, на стимулирование практических действий в offline и online пространствах. Симулируя диалогический модус общения, они создают ощущение персонализированного обращения к каждому потенциальному гостю, увлека-

ют его в со-проживание и со-творчество гастрономического нарратива. Москва здесь выступает не статичной, а динамичной коммуникативной средой, побуждающей к активному взаимодействию и синтезу культур.

4. Языковые средства с функцией пространственного моделирования (табл. 6)

Таблица 6

Языковые средства с функцией пространственного моделирования

Категория	Примеры	Комментарий
Топонимы и урбанонимы	«Китай-город» («Старый Сычуань»), «Сад Эрмитаж», «Серебряный бор», «Краснопресненский парк» («Китайские новости»), «Хамовники» («Tsunami»), «Новый Арбат», «Покровка» («Ramen Ten»), «Маросейка» («Место встречи»), «Сретенка» («Китайская грамота. Бар и еда»),	Номинации знаковых городских локаций придают китайскому ресторану аутентичный московский колорит, встраивают его в систему культурных координат. С одной стороны, топонимы используются непосредственно в описаниях местоположения заведения, с другой – в контексте рекомендаций по досугу и отдыху в городе.
Лексика с семантикой трансграничности	«кулинарное путешествие» («Депо Москва»), «портал в другую страну» («Недальний Восток»), «перекресток культур», «телепорт в поднебесную» («Китайские новости»), «Восток встречается с Западом» («Китайская грамота. Бар и еда»)	Обозначения, акцентирующие идею культурного трансфера, символического перемещения в пространстве, работают на преодоление оппозиции «свой-чужой». Представляют ресторан как место встречи разных культур, синтеза традиций. Метафоры со значением мгновенного переноса («портал», «телепорт») придают образу заведения черты волшебства, чуда.
Синтагматические комбинации этнонимов	«русский интерьер и китайская кухня», «традиции Пекина на московский лад», «Английский паб и вкуснейшая китайская кухня» («Китайская грамота. Бар и еда»), «азиатский минимализм» в интерьере («Zodiac»)	Совмещение в рамках номинативной группы слов с разной этнокультурной маркировкой выражает идею взаимопроникновения и диалога культур. Нейтрализует потенциальные противоречия, подчеркивает идею гармоничного сочетания, дополнения одного другим.
Пространственные метафоры	«сердце Москвы» («Китайская грамота. Бар и еда»), «Место встречи»), «улучки Москвы», «центр Москвы» («Mandarin Combustible»), «Китайские новости», «Hong Kong»), «весен-	«Одомашнивание» образа Москвы через уменьшительно-ласкательные формы («улучки»), эпитеты с положительными коннотациями («весенняя»). Центральное расположение как знак престижа и популярности. Персонификация города,

Категория	Примеры	Комментарий
	няя Москва» («Mandarin Combustible»)	наделение его антропоморфными чертами («входит в рабочий режим», «завладела») оживляет образ, придает ему динамику и энергию.

Пространственные языковые маркеры играют особую роль в конструировании гибридного, поликультурного образа Москвы. Совмещая семиотические коды разных лингвокультур, они переопределяют символические границы между «восточным» и «западным», «экзотическим» и «привычным». В результате ресторан предстает одновременно как «кусочек Китая» и как неотъемлемая часть московского городского пространства, что, безусловно, оказывает благотворное влияние как на развитие гастрономического туризма [Цун, 2024], так и международного диалога в области культуры.

Заключение

Подытоживая, следует подчеркнуть, что китайские рестораны Москвы в своих текстах апеллируют к двойственной, амбивалентной идентичности современного горожанина. С одной стороны, всячески подчеркивается культурная самобытность, аутентичность гастрономического предложения, его укорененность в многовековых кулинарных традициях Китая. С другой стороны, последовательно проводится мысль об органичной включенности ресторана в динамичную жизнь мегаполиса, его открытости новым трендам и влияниям. Московская идентичность выступает здесь не антитезой, а необходимым условием для трансляции культурных ценностей Востока. Использование всего спектра описанных языковых средств – от безэквивалентной лексики до синтаксических фигур выразительности – позволяет китайским ресторанам эффективно конструировать транскультурный образ Москвы, отвечающий запросам и ожиданиям современной аудитории. При этом нельзя не отметить выраженную интегративную интенцию дискурса – установку на культурный диалог, взаимообогащение традиций, преодоление стереотипов и условных границ. Рассмотренный анализ представляет интерес не только в контексте изучения гастрономического дискурса, но и в более широкой перспективе исследований городского пространства и межкультурной коммуникации. Опыт китайских ресторанов Москвы показывает, как языковые механизмы могут способствовать символическому «освоению» и присвоению инोकультурной среды, наделению ее позитивными личностными смыслами. Полученные результаты

могут найти применение в областях брендинга территорий, социолингвистического проектирования, урбанистики и др.

Библиографический список

1. Богданова Е. А. Языковая личность, как центральная категория антропоцентрической парадигмы лингвистического знания // Национальная Ассоциация Ученых. 2017. № 6(33). С. 56–57.
2. Гурулева Т. Л. Речевой портрет этнической языковой личности (сопоставительная характеристика китайской, русской и английской языковых личностей) // Культура и цивилизация. 2017. № 1. С. 196–205.
3. Гурулева Т. Л. Китайская языковая личность. Характеристика речевого портрета и его сопоставительный анализ : монография. 2-е изд., эл. Москва : Издательский дом ВКН, 2019.
4. Долженко Д. А. Китайская языковая личность. Компаративный анализ речевого портрета представителей китайской и русской культур // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиакоммуникации. 2023. № 1(94). С. 4–9.
5. Елизарова Г. В. Формирование межкультурной компетенции студентов в процессе обучения иноязычному общению. Санкт-Петербург, 2001. 371 с.
6. Жучкова Ю. А. Паназиатская кухня в России // Научные записки академии. 2024. Т. 15, № 2. С. 33–36.
7. Иноземцева С. Д. Речевая характеристика китайской языковой личности // Молодежь XXI века: образование, наука, инновации : Материалы XI Всероссийской студенческой научно-практической конференции с международным участием. В 4-х частях, Новосибирск, 07–09 декабря 2022 года / под ред. Е. С. Жуновой. Часть 4. Новосибирск : НГПУ, 2023. С. 198–199.
8. Ильясова Р. Р. Тематический и праздничный гастрономический туризм как фактор продвижения традиционной культуры Китая / Р. Р. Ильясова, О. А. Масалова // Казанский вестник молодых учёных. 2022. Т. 6, № 5. С. 45–54.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Москва : Наука, 1987. 263 с.
10. Китайская, японская, тайская кухни : рецепты, советы, интересная информация / авт.-сост. Н. А. Перепёлкина. Москва : Эксмо, 2011.
11. Корнилов О. А. Жемчужины китайской фразеологии. Москва : ЧеРо, 2005. 336 с.
12. Корчагина Е. П. Нейминг как процесс формирования рекламного дискурса на примере наименований объектов гостиничного бизнеса // Актуальные проблемы языкознания. 2019. Т. 1. С. 23–29.
13. Лавриненко Д. А. Национальная кухня Китая / Д. А. Лавриненко // Ежегодный сборник статей преподавателей

давателей иностранных языков / Всероссийская академия внешней торговли Минэкономразвития России. Выпуск № 3. Москва : Всероссийская академия внешней торговли, 2021. С. 87–94.

14. Ли Ж. Языковые особенности русской и китайской рекламы ресторанов // Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте : тезисы докладов VII Международной научно-практической конференции кафедры русского языка для иностранных учащихся Уральского федерального университета, Екатеринбург, 17 ноября 2022 года. Екатеринбург : Издательский дом «Ажур», 2023. С. 39–40.

15. Махмуд Ага М. Специфика рекламы в Интернете // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. Москва : Изд-во РУДН, 2017. С. 224–229.

16. Павловская А. В. Национальная гастрономическая культура как фактор формирования позитивного образа страны // Язык, культура и «мягкая сила» : Сборник научных трудов, Гуанчжоу, Китай, 11–14 ноября 2017 года. Гуанчжоу, Китай: [б.и.], 2018. С. 105–113.

17. Рахманов А. Б. Глобальное кулинарное пространство и гастрономические стратегии городов России // ЭКО. 2017. № 3(513). С. 91–103.

18. Спешнев Н. А. Китайцы: особенности национальной психологии. Санкт-Петербург : КАРО, 2012. 336 с.

19. Сунь С. Лингвокультурологический анализ доминант китайской национальной личности / С. Сунь, Ч. Чжан // Язык и культура в аспекте проблем языкового образования современной России : Материалы Международного форума, посвящённого Году педагога и наставника и 200-летию со дня рождения К.Д. Ушинского. В 3-х частях, Воронеж, 01–02 декабря 2023 года. Воронеж : ВГПУ, 2024. С. 320–324.

20. Скарнев Д. С. Языковые средства создания образа в рекламном дискурсе и кросскультурный фактор // Фундаментальные исследования. 2013. № 10–13. С. 3016–3021.

21. Цун С. Сравнение русской и китайской кулинарных культур // Большая студенческая конференция : сборник статей X Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 ноября 2024 года. Пенза : Наука и Просвещение, 2024. С. 134–138.

22. Чжан Ц. Языковая личность как субъект российско-китайской межкультурной коммуникации // Студенческие чтения: сборник статей научных и научно-практических конференций, круглых столов, научных семинаров в течение 2023/2024 учебного года, Чита, 10 октября 2024 года. Чита : ЗГУ, 2024. С. 253–256.

Reference list

1. Bogdanova E. A. Jazykovaja lichnost', kak central'naja kategorija antropocentricheskoj paradigmy lingvisticheskogo znaniya = Linguistic personality as a core category of linguistic knowledge anthropocentric

paradigm // Nacional'naja Associacija Uchenyh. 2017. № 6(33). S. 56–57.

2. Guruleva T. L. Rechevoj portret jetnicheskoj jazykovoj lichnosti (sopostavitel'naja harakteristika kitajskoj, russkoj i anglijskoj jazykovyh lichnostej) = A speech portrait of ethnic linguistic personality (comparative characterization of Chinese, Russian and English linguistic personalities) // Kul'tura i civilizacija. 2017. № 1. S. 196–205.

3. Guruleva T. L. Kitajskaja jazykovaja lichnost'. Harakteristika rechevogo portreta i ego sopostavitel'nyj analiz = Chinese linguistic personality. Characterization of speech portrait and its comparative analysis : monografija. 2-e izd., jel. Moskva : Izdatel'skij dom VKN, 2019.

4. Dolzhenko D. A. Kitajskaja jazykovaja lichnost'. Komparativnyj analiz rechevogo portreta predstavitelej kitajskoj i russkoj kul'tur = Chinese linguistic personality. Comparative analysis of the speech portraits in Chinese and Russian cultures // Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija 3. Filologicheskie nauki. Mediakommunikacii. 2023. № 1(94). S. 4–9.

5. Elizarova G. V. Formirovanie mezhkul'turnoj kompetencii studentov v processe obucheniya inozazychnomu obshheniju = Forming students' intercultural competence in teaching foreign language communication. Sankt-Peterburg, 2001. 371 c.

6. Zhuchkova Ju. A. Panaziatskaja kuhnja v Rossii = Pan-Asian cuisine in Russia // Nauchnye zapiski akademii. 2024. T. 15, № 2. S. 33–36.

7. Inozemceva S. D. Rechevaja harakteristika kitajskoj jazykovoj lichnosti = Speech characterization of Chinese linguistic personality // Molodezh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovacii : Materialy XI Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. V 4-h chastjah, Novosibirsk, 07–09 dekabrja 2022 goda / pod red. E. S. Zhunevoj. Chast' 4. Novosibirsk : NGPU, 2023. S. 198–199.

8. Il'jasova R. R. Tematicheskij i prazdnichnyj gastronomicheskij turizm kak faktor prodvizhenija tradicionnoj kul'tury Kitaja = Thematic and festive gastronomic tourism as a factor in promoting traditional Chinese culture / R. R. Il'jasova, O. A. Masalova // Kazanskij vestnik molodyh uchjonyh. 2022. T. 6, № 5. S. 45–54.

9. Karaulov Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and a linguistic personality. Moskva : Nauka, 1987. 263 s.

10. Kitajskaja, japonskaja, tajskaja kuhni : recepty, sovery, interesnaja informacija = Chinese, Japanese and Thai cuisines : recipes, tips, interesting information / avt.-sost. N. A. Perepjolkina. Moskva : Jeksmo, 2011.

11. Kornilov O. A. Zhemchuzhiny kitajskoj frazeologii = Pearls of Chinese phraseology. Moskva : CheRo, 2005. 336 s.

12. Korchagina E. P. Nejming kak process formirovaniya reklamnogo diskursa na primere naimenovanij ob#ektov gostinichnogo biznesa = Naming as a process of advertising

discourse formation in the case of hotel names // Aktual'nye problemy jazykoznanija. 2019. T. 1. S. 23–29.

13. Lavrinenko D. A. Nacional'naja kuhnja Kitaja = Chinese national cuisine // Ezhegodnyj sbornik statej prepodavatelej inostrannyh jazykov / Vserossijskaja akademija vneshnej trgovli Minjekonomrazvitija Rossii. Vypusk № 3. Moskva : Vserossijskaja akademija vneshnej trgovli, 2021. S. 87–94.

14. Li Zh. Jazykovye osobennosti russkoj i kitajskoj reklamy restoranov = Linguistic features of Russian and Chinese restaurant advertising // Russkij jazyk i lingvokul'tura v sopostavitel'nom aspekte : tezisy dokladov VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii kafedry russkogo jazyka dlja inostrannyh uchashihjsja Ural'skogo federal'nogo universiteta, Ekaterinburg, 17 nojabrja 2022 goda. Ekaterinburg : Izdatel'skij dom «Azhur», 2023. S. 39–40.

15. Mahmud Aga M. Specifika reklamy v internete = Advertising specifics in the Internet // Sredstva massovoj kommunikacii v mnogopoljarnom mire: problemy i perspektivy. Moskva : Izd-vo RUDN, 2017. S. 224–229.

16. Pavlovskaja A. V. Nacional'naja gastronomicheskaja kul'tura kak faktor formirovanija pozitivnogo obraza strany = National gastronomic culture as a factor in forming a positive image of the country // Jazyk, kul'tura i «mjagkaja sila» : Sbornik nauchnyh trudov, Guanchzhou, Kitaj, 11–14 nojabrja 2017 goda. Guanchzhou, Kitaj: [b.i.], 2018. S. 105–113.

17. Rahmanov A. B. Global'noe kulinarnoe prostranstvo i gastronomicheskie strategii gorodov Rossii = Global culinary space and gastronomic strategies of Russian cities // JeKO. 2017. № 3(513). S. 91–103.

18. Speshnev N. A. Kitajcy: osobennosti nacional'noj psihologii = The Chinese: specific features of national psychology. Sankt-Peterburg : KARO, 2012. 336 s.

19. Sun' S. Lingvokul'turologicheskij analiz dominant kitajskoj nacional'noj lichnosti = Linguoculturological analysis of Chinese national personality dominants / S. Sun', Ch. Chzhan // Jazyk i kul'tura v aspekte problem jazykovogo obrazovanija sovremennoj Rossii : Materialy Mezhdunarodnogo foruma, posvjashhjonno Godu pedagoga i nastavnika i 200-letiju so dnja rozhdenija K.D. Ushinskogo. V 3-h chastjah, Voronezh, 01–02 dekabrja 2023 goda. Voronezh : VGPU, 2024. S. 320–324.

20. Sknarev D. S. Jazykovye sredstva sozdanija obraza v reklamnom diskurse i krosskul'turnyj faktor = Linguistic means of image making in advertising discourse and cross-cultural factors // Fundamental'nye issledovanija. 2013. № 10–13. S. 3016–3021.

21. Cun S. Sravnenie russkoj i kitajskoj kulinarnyh kul'tur = Comparing Russian and Chinese culinary cultures // Bol'shaja studencheskaja konferencija : sbornik statej X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Penza, 05 nojabrja 2024 goda. Penza : Nauka i Prosveshhenie, 2024. S. 134–138.

22. Chzhan C. Jazykovaja lichnost' kak sub#ekt rossijsko-kitajskoj mezhkul'turnoj kommunikacii = Linguistic personality as a subject of Russian-Chinese cross-cultural communication // Studencheskie chtenija: sbornik statej nauchnyh i nauchno-prakticheskikh konferencij, kruglyh stolov, nauchnyh seminarov v techenie 2023/2024 uchebnogo goda, Chita, 10 oktjabrja 2024 goda. Chita : ZGU, 2024. S. 253–256.

Статья поступила в редакцию 25.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 25.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Воронина

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 34 п. л., 29,51 уч.-изд. л. Формат 60*90/8.

Печать ризографическая. Заказ № 77. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 17.07.2025

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150066, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:

150066, г. Ярославль, Которосльская наб., 44

Тел.: (4852) 32-98-69